

КРАЙ ВЕТРОВ
ШИРОМАНС

Handwritten signature

Это история огненной чародейки Никс и ее наставника, мага льда Рейнхарда Даблкнота. Клише не ждите: в академии Никс долго не проучится, дерзкой и ехидной ее не назвать, а вот смелой и умной — можно. История получилась тоже не самая обыкновенная. Во-первых, тут у нас альтернативная современность: мир не наш, пускай и похож, есть магия, оригинальные сверхъестественные существа, своя религия (и не одна), свои законы...

История начинается неспешно, но уже вскоре случается то, чего никто из героев не ожидал. Отправившись по поручению знакомого некроманта проверить, как там поживает его домашний питомец, Никс случайно... а вот все, что можно написать дальше — один огромный спойлер.

Под мягкой подошвой потрепанных босоножек шуршал розоватый щебень. На платформе у пригородной станции было подозрительнолюдно, и все равно Никс никого знакомого не заметила. Вокруг толпились только приезжие с чемоданами, спешащие вернуться домой, в свои большие серые города.

Рановато они. Осень пришла — календарная, но настоящую еще ждать и ждать. Первый день ее от летнего совершенно неотличим: солнце печет все так же, стремясь оставить на память сгоревшие носы и плечи, море, скованное объятиями ближайших песчаных мысов, шепчет ласково и призывно. Оно еще теплое, от него незачем уезжать. По сути, вообще ничего не изменилось.

Кроме некоторых обстоятельств.

И если б не они... В такой яркий, безоблачный день лучше бы бездельничать до самого вечера, а потом, когда воздух немного остынет, спуститься к морю...

Никс обреченно вздохнула. Деваться ей некуда. Надо ехать.

Жарко.

Электричка уже прилично запаздывает.

Никс огляделась в поисках если не свободной лавочки, то хотя бы какой-нибудь тени. Каменный парапет сбоку от билетных касс оказался затенен и никем не занят. Никс прошла и села прямо на камень, уложив сумку на колени, достала из кармана плеер и стала выбирать песню под настроение.

Все не то.

Разве, может, вот это... энергично, воодушевляюще, но с горчинкой. Правдиво и достоверно. Песня подходит ситуации как нельзя лучше, ведь предстоящее путешествие поровну обыденно и судьбоносно.

Пока Никс выбирала нужную мелодию, на парапет рядом с ней забрались какие-то дети и стали шуметь. Никс взглянула на них искоса: двое мальчишек лет десяти. Песня подобралась к проигрышу, и Никола расслышала, о чем они так воодушевленно галдят. Мальчишки спорили и гадали, можно ли по имени отличить колдуна. Один настаивал, что можно, а другой вообще во все это не верил, но, если бы верил, то — вот чисто теоретически! — конечно, знал бы, что нельзя.

Никс усмехнулась.

Тут уже верь не верь, да хоть кол на голове теши: ей предстоит сегодня первый день в академии — нет, не магии и волшебства — в академии искусств. Колдунов, волшебниц и прочих ненормальных слишком мало, чтобы организовывать целую академию, да и незачем держать всех как пчел в банке — мало ли... А вот пристроить их к существующему учебному заведению — это можно, это практично и целесообразно. Так, по крайней мере, считают те, кто это все решает.

Ощущение, будто ты знаешь что-то такое, чего не знают другие — упоительно. Пока тебе лет четырнадцать. Потом ты начинаешь понимать, что смысла в этой "тайне" нет никакого. Никс снова поглядела на мальчишек поверх плеча. Она уже не слышала, о чем они разговаривают — музыка мешала — но предполагала, что все о том же. Дети махали руками, глаза их светились неподдельным интересом. Как бы они отреагировали, если бы увидели, как в руках у Николы Рэбел, самого настоящего огненного элементалиста, рождается и

расцветает живое пламя, ярко-рыжий сгусток концентрированного волшебства?

Ахнули бы. Или испугались. Или решили бы, что это фокус. Не дай бог, начались бы визг и паника. Нет, оно, конечно, того не стоит. Да и колдовать что-то со спецэффектами посреди яркого солнечного дня и в толпе народу, причем без всякой на то надобности, Никс самой казалось странным.

На горизонте, наконец, вырисовалась черная точка, стремительно увеличивающаяся в размерах, и заждавшиеся пассажиры засуетились, подбираясь к краю платформы.

Никс спрыгнула с парапета, взлетела по крошащимся бетонным ступеням и успела как раз к открытию дверей. Людской поток хлынул внутрь раскаленного солнцем стального змея. В утробе его оказалось немного прохладнее, чем снаружи, но все равно душно. Гладкие сидения, сработанные из длинных деревянных брусьев оттенка жженого сахара, будто бы потели лаком. Никс заняла место у окна в середине вагона и села ровно. Хотелось, конечно, сжаться в комок, обнять себя за колени и так как будто бы спрятаться — но она сама понимала, что это никак не поможет и точно не защитит от стремительно приближающейся новой жизни. Как там все будет? Какие попадутся люди? Хотелось бы с кем-нибудь подружиться, но выйдет ли... Неясная тревога, опасения неизвестно чего заставляли теревить значки на сумочном ремне и терзать злополучный плеер, никак не желающий выдавать что-либо подходящее. Настолько ли, в самом деле, неясны эти ее опасения? Может, она просто не хочет себе признаваться, чего на самом деле боится?

Есть такие дела, которые ты, конечно, должен сделать сам. Но есть и такие, что лучше бы кто-то помог. Вот, например, если к стоматологу надо, или... или в смутно знакомый город на первое занятие в неизвестном месте среди совершенно чужих людей. Ее опекун — Эль-Марко Кападастер — отец, конечно, никакой. Друг-то хороший, а вот отец... Но, если уж справедливо рассуждать — ну как бы он смог ей помочь в первый день обучения? Да никак. Ну, разве что, подбодрил бы словом перед занятиями и забрал бы после. Заказали бы потом чего-нибудь жутко вкусного, жирного и бесполезного, отпраздновали бы. Даже зная, что праздновать особо нечего. Подумаешь, первый день. Все же как-то справляются с этими первыми днями, тем более, что беспокоиться не о чем, экзамены пройдены, хоть и удаленно, с документами все путем.

Но Эль-Марко уже далеко. Ему можно попробовать позвонить, хотя и не хочется его отвлекать. Ругаться он не будет, наоборот — скажет что-то хорошее, передаст привет от тех, кто там рядом окажется, и еще пошутит что-нибудь несуразное про юных юношей. Как пить дать. А может и трубку не взять или оказаться вне зоны доступа. Это будет значить, что он снова в какой-то дыре, где связь не ловит — можно начинать волноваться.

Никс казалось, что после зубодробительных неприятностей, в которые их втянул прошлой весной друг Эль-Марко, некромант Камориль Гар-Йер, должно как-то все спокойнее пойти, без скачков, без происшествий. Но как бы не так. Кроме прочего, тяжелого и безнадежного, о чем даже и думать не хочется, проблем подкинула Лунь. Это странное крылатое существо, похожее чем-то на гигантскую черно-синюю моль, ближе к осени забеспокоилось, стало плохо есть и в целом странно себя вести. Эль-Марко, понаблюдав за Лунью некоторое время, решил, что "девочке" одиноко. Так и сказал: "Ей не хватает самца". "Жуть какая", — подумалось Никс тогда. Через несколько дней Эль-Марко Кападастер зашнуровал массивные походные ботинки, проверил крепления на рюкзаке и, сменив привычный свой цилиндр на бейсболку, был таков. За день до этого Никс пришли результаты вступительных экзаменов, и оказалось, что ее определили в группу "Б", и первого

числа ей следует явиться в филиал академии к девяти утра.

Эль-Марко, ее опекун, тоже был магом. Целителем, если уточнять. Талантливым настолько, что плохо верится, но при всей своей внешней сдержанности и предусмотрительности авантюры он обожал. А путешествие к руинам секретной научной лаборатории, разрушенной более тридцати лет назад на исходе Войны Причин, ничем иным, кроме "авантюры", не назовешь. Разумеется, отправился он туда не один, а прихватив двух своих приятелей, которых тоже уговаривать долго не пришлось. Так что, Эль-Марко сейчас где-то южнее, в глубине материка, изучает горный ландшафт в компании Камориль Тар-Йер и Мйара Вирамайна, ищет приключений себе на голову и, наверное, счастлив.

Хотя, когда Никс звонила ему последний раз, он сказал, что расположение точек слияния за тридцать лет поменялось и теперь не совсем соответствует имеющейся у них в распоряжении карте. С военными объектами все оказалось тоже не так-то просто, и развалин той лаборатории, из которой, предположительно, взялась Лунь, им отыскать пока не удалось. Поэтому они сейчас наобум ездят по деревням и собирают байки о войне, да пытаются, может, как-то ненароком вызнать, не держит ли кто в хлеве какую-нибудь особенную "корову". А Лунь Красавка, поскуливая от недостатка личной жизни, живет у Камориль Тар-Йер на чердаке, и Никс нужно будет на этой неделе туда навеститься и проверить, все ли в порядке, исправно ли Кристина (домработница Камориль) кормит Лунь и как там вообще дела у животного. Камориль тогда так и сказал, мол, ты ж с ней поиграй, она же скучать будет, наверное.

"А я как будто скучать не буду, — подумала Никс, прокручивая в голове тот диалог. — А меня кто кормить будет? Хорошо быть котом. В следующей жизни обязательно..."

— Девушка, проезд оплачиваем, — прервала ход размышлений Николы кондуктор. Никс протянула мятую бумажку, которую до этого сжимала в кулаке, и приняла обратно медную сдачу и билет.

Три пятерки, три единицы. Вот она, удачливость утопленника во всей красе: цифры хорошие, да не съест.

Никс сложила билетик пополам и сунула в карман зеленого джинсового комбинезона. В конце вагона материализовался мужичок с баяном и затянул что-то смутной веселости о простых, понятных и близких народу вещах. Никс уставилась в окно, заглушив навязчивую самодеятельность наушниками, в которых ритмично бился, ревел и негодовал нелегкий рок. Не под настроение, к сожалению, а который погромче.

Никс уткнулась носом в узорчатую решетку лифта, что возник, словно из ниоткуда, за очередным поворотом. Казалось, что в старинном здании лифтов быть не должно, все-таки это не торгово-развлекательный центр, да и этажа всего три. А тут на тебе — лифт. Узор из кованого металла изображал птиц с женскими головами (или женщин с птичьими телами?) и выражения на лицах у них были то ли чересчур блаженные, то ли просто недоуменные.

Вообще-то, изначально Никола искала лестницу. Но старинная академия, вывернув коридоры причудливо и неприветливо, заставила Никс здорово поплутать. Закрытые переходы, темные тупики, альтернативные какие-то схемы пожарной эвакуации — как тут вообще предполагалось разбираться новичкам? Или она пропустила жирную красную стрелку при входе?

Ну, ладно уж, лифт так лифт. Рассудив, что делать нечего, Никс вдавила металлическую кнопку вызова.

Чудо старинной инженерии ожило. Снизу, из непроглядной тьмы подвального этажа, неторопливо вынырнула лифтовая кабинка, шумно лязгая скрытыми механическими внутренностями. Она плыла вальяжно и медленно, как предмет, которому спешить совершенно некуда, и этот процесс завораживал. Настолько, что Никола даже забыла на пару секунд о том, что волноваться поздно: пора спешить.

— Все еще желаешь прокатиться? — послышался голос из-за плеча. Никс вздрогнула и обернулась.

— Здравствуй, — произнес Тиха. — Давно не виделись.

— П-привет...

Держа в руках перемотанную скотчем картонную коробку, перед Никс стоял молодой человек приметной наружности и сдержанно улыбался.

Встреча была неожиданной.

Никс не видела Тиху с середины лета, если не с самой весны. Что правда, за лето Тихомир Одиш практически не изменился. Взгляд — с прищуром, волосы — точно такие же, растрепанные и зачем-то выкрашенные в светлую зелень, а еще вот, пожалуй, добавились ко всему красные металлические серьги, которых в ушах слишком много, и довольно заметный загар. Сине-серый тонкий пуловер, застиранный и блеклый, остался на месте, надетый будто бы в противовес всему остальному странному и крайне приметному эпатажу. Широкие джинсы, черные кеды. Коробка в руках. Стоит, смотрит. И как ему с таким рукавом не жарко?

— Ну так что? — переспросил Тиха. — Не страшно на этой рухляди кататься?

— Да вот теперь не уверена... насчет лифта. Я так, попробовать. Вообще не думала, что тут он есть.

Никс тотчас смутилась уже оттого, что зачем-то стала оправдываться.

— Заходи, не бойся, я сто раз так делал, — ответил Тиха, когда металлические створки разошлись в стороны, сложившись гармошками. — Заодно поможешь мне, кнопку нажмешь! А то у меня руки заняты.

Никс зашла внутрь кабинки и, дождавшись Тихомира, послушно нажала на кнопку третьего этажа. Створки закрылись с ужасающим лязгом, с силой стукнувшись друг об друга.

Никс глянула на Тиху снизу вверх, а он улыбнулся ей, тоже скосив взгляд.

— Ты чего здесь? — спросил. — Учишься?

— Первый день, — ответила Никс. — А ты?

— А я занести книжки, которые Ари в прошлом году домой утащил и в библиотеку не сдал. Тяжкая обязанность старшего брата.

— А сам он что? — спросила Никс, слегка растерявшись.

Тиха улыбнулся шире:

— А ты не знаешь?

— Нет.

Что-то внутри лифтового механизма гулко стукнуло. Когда шум отзвенел, Тиха произнес:

— Парень к успеху идет. Ему сейчас не до этого, я даже не знаю, в каком он нынче городе... посчастливилось ему заменять гитариста в активно гастролирующей группе, забыл как называется. Что-то на "М"...

— Посчастливилось... — пробормотала Никс, уставившись на грязный линолеумный пол. Вздрогнула, глянула на Тиху: — А как же "Негорюй"?

— А куда она денется? — Тиха, не отпуская коробку, пожал плечами.

Лифт притормозил и распахнул створки. Тиха вышел первым, подозрительно ловко перекинул коробку на одну руку, а другой сначала остановил Никс, положив ладонь ей на плечо и заглянув в глаза, а потом нажал на кнопку с цифрой "4", и вынырнул, пока его не прихлопнуло узорчатыми дверьми.

— Это что вообще было сейчас? — успела возмутиться Никс, когда лифт подозрительно резво рванулся вверх. Она еще успела разглядеть через гнутые чугунные прутья, как Тиха смотрит ей вслед и весело подмигивает, улыбаясь, но тут кабинку тряхнуло, так что ей пришлось ухватиться за деревянные перила, идущие вдоль стен. Свет на мгновение померк, но тут же включился, лифт сбавил скорость и чинно выплыл на следующий этаж.

Створки распахнулись. Никс, осторожно оглядываясь, вышла.

Она уже осознала, что это только снаружи кажется, что этажей в доме три, но, выходит, вместе с тем, подвальным, откуда вынырнул лифт, их насчитывается пять. А может, и шесть, — кто знает, сколько там уровней снизу? Количеству кнопок в лифте верить нельзя. Четвертый этаж, получается, прячется от входящих за архитектурными изысками первых трех и за высокими, все еще зелеными деревьями, которые окружают филиал академии плотной шумной стеной. А если снаружи смотреть, то и не видно почти ничего. Немудрено, что внутри какие-то аномалии, тупики и внезапно возникающие из-за поворота лифты: здание, вероятно, несколько раз перестроенное. Оно все такое из ряда вон и этого не скрывает. Этим оно, наверное, даже гордится — все же последние двадцать лет его занимает факультет изящных искусств. Не целиком вмещается, но занимает.

Никс поправила соскользнувший с плеча сумочный ремень и двинулась вперед по коридору, высматривая нужный ей номер аудитории. Под ногами скрипел старый паркет. Наличие четвертого этажа, кстати, вполне объясняло странный номер искомого кабинета.

А вот тот факт, что как-то вокруг и нет никого, первое время Николу не смущал. Но потом начал.

Внутренне похолодев, она отыскала в сумке телефон и глянула на часы.

— Ну, красота.

Итак, занятие началось пятнадцать минут назад. Что это значит? Это значит перформанс типа "эффектное появление" — то есть форменный, полноразмерный крах. Все будут на нее пялиться. А может... может, ну его?.. сбежать? Так, стоп, стоп, нет.

Расчет, вроде бы точный, подвел. Но отступать нельзя.

Никс, остановившись у высокой двойной двери с искомым номером, вдохнула, выдохнула, прислушалась. Из глубин аудитории раздавалось приглушенное "бу-бу-бу", слегка потраченное эхом. Никс, решившись и внутренне сжавшись, тихонько приоткрыла дверь и вошла, на всякий случай изобразив на лице виноватую улыбку.

Дверь, конечно, скрипнула.

Все, конечно, тут же уставились на нее.

Впрочем, взглядов было не так уж много. Небольшая, светлая аудитория, спроектированная классическим амфитеатром, была почти пустой: студентов в ней оказалось не более десяти человек, расселись они подальше друг от друга, распределившись по рядам равномерно. Внизу, меж пыльных солнечных столбов, замер пожилой седовласый мужчина в костюме-тройке землистых оттенков.

— Извините, — пробормотала Никс, чувствуя испепеляющий стыд из-за изучающих взглядов, направленных на нее и, одновременно, облегчение от того, что лектор оказался ей

знаком. Чудом, не иначе. — Можно... войти?

Абеляр Никитович — самый настоящий чтец, опровергающий, правда, собою все, что об этой магической гильдии обычно рассказывают, — обвел аудиторию рукой:

— Проходите-проходите, Никола Константиновна, но впредь постарайтесь не опаздывать.

Никс наконец преодолела ступор. Уши горели огнем, — в переносном смысле, и она трижды мысленно поблагодарила чтеца, который начал вещать снова, не дожидаясь, пока она проберется между рядами и усядется на свободное место. Остальные студенты обратили свои взоры обратно на лектора.

Никс шмыгнула за ближайший ряд, а потом еще пододвинулась поближе к окнам, устроившись в итоге в теплом солнечном пятне. Выдохнула, успокоилась, расположилась так, чтобы солнце не било в глаза и тоже прислушалась к тому, что говорит чтец.

Вот только сконцентрироваться на его речи оказалось не так-то просто. Слова его тут же принялись куда-то уплывать, путаться друг с другом и, невесомые, мягкие, почти потеряли смысл. Никс сама не заметила, как стала рассматривать макушки отвернувшихся к лектору ребят. Неужели они все?..

Да ну. Ну да! Все семеро... Все семеро, наверняка — элементалисты! Никола выросла вдали от областного центра и из-за этого коллег по "цеху" почти не знала. Поселок Змеиная Коса был небольшим, коренного населения в нем насчитывалось человек восемьсот. В школе, в которой она училась, никого из "проклятых" не было вообще. Ну, может, и прятался там какой-нибудь латентный поглощающий — ну так и не определил его никто. Может, он и останется до конца дней своих ненайденным... а тут в одной аудитории целых семеро магов-элементалистов! У остальных гильдий свои порядки, свои ресурсы и правила, так что можно наверняка сказать: четыре девчонки и трое парней — свои, они наверняка пережили то же, что и Никс, и от этой мысли становилось и радостно, и тревожно одновременно, азарт и предвкушение проявились вставшими дыбом волосами на затылке и руках. А может быть кто-то из них, как и она — тоже маг огня? Пускай и не рыжий — но тоже "огонек"? Вот это было бы да, с этим человеком надо точно подружиться!

Никс рассматривала макушки впереди сидящих будущих коллег теперь уже со всей сосредоточенностью, пытаясь по каким-то косвенным деталям разгадать, что они за люди. Вот единственная на всю аудиторию "парочка" — то есть двое рядом расположились. У обеих короткие стрижки, одна — ежиком, другая — что-то рваное подлиннее. Шейки тонкие, загорелые, футболки разноцветные, на изящных запястьях кожаные браслеты, поблескивающие фурнитурным серебром. Сестры, что ли? Внизу, ближе всего к лектору, сидит паренек — ушастый, крепкий, сутулый, замер как истукан, и только иногда плечи разминает. Выше, на одинаковом расстоянии друг от друга и по разные стороны от прохода, снова девчонки — длинноволосая брюнетка и длинноволосая русая. У брюнетки пышные локоны немного выются. В ушах у нее тяжелые медные серьги, на ней светлая блузка и, кажется, корсаж. У русской девушки косы спускаются по спине до самой талии, извиваясь романтическими волнами и поблескивая расплавленным золотом в контурном свете. Кожа у нее светлая, ручки слегка полноваты, кофточка виднеется голубая, а из-под короткого рукава спадает на плечо белая маечная бретелька.

Еще ближе, почти перед Никс, сидит некто неопределяемого навскидку пола, но при тщательном рассмотрении можно все-таки догадаться, что это парень. По тому, хотя бы, что девушки обычно стараются мыть космы чаще, а уши — тщательней. А потом обладатель

покрасневших локтей и сальных волос глянул в окно справа, как будто бы уловив звук, никому, кроме него, не слышимый, и мальчишку в нем окончательно выдал подвижный и острый кадык.

Поворачиваться вправо и напрямик рассматривать соседа по своему ряду Никс пока что не решилась. Она лишь боковым зрением смутно его видела, и, судя по силуэту, сосед был крупным, угловатым, даже староватым каким-то, взрослым. Чувство было такое, будто он совсем даже не первокурсник и вообще по ошибке сюда попал.

Но это нормально. Проклятие входит в свои права у каждого по-разному, кого-то может и в сорок стукнуть, хотя обычно, конечно, способности проявляются в самом раннем детстве.

Семеро юных магов внимали речи Абеяра Никитовича, и Никс, удовлетворив немного свое любопытство, попыталась последовать их примеру. Солнечное пятно, в котором она пригелась, как раз уползло, стало не так жарко, и рассыпавшееся было внимание удалось собрать.

Абеяра Никитович говорил что-то о множественном аллелизме. Никс почти ничего не поняла, кроме того, что это как-то связано с распределением магических дарований среди людей. Когда Абеяра заговорил о деталях расшифровки генома человека, Никс не поняла ничего вообще.

Ей только подумалось, что без бороды, наверное, чтец смотрелся бы моложе и, возможно, был бы даже капельку похож на того своего странного родственника, которого вылечил Эль-Марко. Очевидно, события прошлой весны закончились для Абеяра Никитовича вполне неплохо — иначе бы он здесь лекции не читал. Значит, ничего ему поглощающие не сделали.

Ну, или сделали, но, видимо, это было что-то не слишком страшное.

Никс все еще немного злилась на него за тот фокус, что он провернул с ее головой. С другой стороны, это им тогда помогло, но ведь... вдруг вспоминать что-то, чего никогда не знал — шизофрения какая-то, в бытовом понимании этого слова. И да, после этого Никс стала стараться вести себя умней и предусмотрительней, но все равно ей было немного обидно.

Нельзя позволять другим магам касаться тебя, магам любого профиля, так или иначе. Это правило очень простое, но его сложно осознать, пока не напорешься, пока растешь среди тех, кому можно доверять и кто ни разу тебе не вредил.

Теперь этот запрет ей понятен.

Никс потянулась и, наконец, вслушалась.

Слова чтеца полностью превозмогли умиротворяющее тепло, раскрошили его, стукнулись хрустальными ледышками и зазвенели:

— Я рассказываю вам это далеко не в последний раз, потому как сам знаю, с первого, скажем так, прочтения трудно уразуметь степень ответственности, которая ложится на плечи мага-элементалиста. Тем из вас, кому родственники поведали о событиях тридцатилетней давности, мне не надо напоминать об основной обязанности элементалиста. Тем же, кто вырос в неполной семье или у кого не было возможности обучаться основам ремесла, нужно раз и навсегда понять, осознать и принять тот факт, что, кроме своей жизни, вы так же обязаны беречь жизни людей, вас окружающих, — не только от себя, но и от потенциальной угрозы иноземного вторжения. Так что, дорогие мои "проклятые", отныне вы — курсанты. В случае мобилизации, да не допустит Потерянный новой войны, вы

отправитесь напрямиком на фронт. В случае успешного завершения программы обучения вам будет присвоено офицерское звание.

Абеляр Никитович оперся о кафедру и сложил руки на груди:

— Слушаю ваши вопросы.

В аудитории воцарилась тишина.

Никс подумалось, что, должно быть, не одна она такая и остальные тоже не особо вникали. Однако же, пока новоиспеченные "курсанты" молчали, парень, что сидел на одном ряду с Никс, но ближе к стене без окон, поднялся и заговорил, низко, немного тоскливо, как будто бы произносимые им слова доставляют ему неприятную боль вроде зубной.

— Я вот одного не понимаю, — начал он, — мы, выходит, военнообязанные. Все. Причем постоянно, начиная с шестнадцати лет. Но вот скажите мне, пожалуйста, какой от меня лично может быть прок, если вдруг — война?

На него уже смотрели все, не только Абеляр Никитович. Чтец не торопился пареньку что-то отвечать, а паренек не садился, стоял, как будто бы хочет сказать что-то еще.

— Я же ничем практически от нормального человека не отличаюсь, — на самом деле продолжил парень. Слова стали даваться ему с еще большим трудом. — Какой из меня повелитель камня, если эти самые камни меня не слушаются почти? Дрожат слегка, и все. Дед рассказывал... а, ладно. Почему я, с моим слабым проклятием, обязан иметь дело с армией?

— То есть вы думаете, что, если б не ваш магический дар, вам удалось бы отслужить год и забыть? — уточнил Абеляр.

— Возможно, — неуверенно откликнулся "повелитель камня".

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Абеляр Никитович. — Претензии ваши к нынешней системе образования мне понятны, хоть я и не элементалист. Полагаю, опыт ваших коллег, уже прошедших обучение, вас не удовлетворит. Вам сейчас досадно, что, в отличие от людей, у вас нет выбора, как такового. Да, это неприятно, понимаю. Но я, кроме этого, понимаю кое-что еще и хотел бы это до вас донести.

Абеляр Никитович снова начал расхаживать по пяточку, освещенному косыми солнечными лучами, поглаживая бороду в задумчивости. Неужели у него нет готового ответа на такой вопрос? Никс немного не верилось. Она снова посмотрела на соседа справа, — тот сжал челюсти так, что под тонкой кожей заходили желваки. У него, кстати, оказался на удивление правильный, скульптурный профиль, но злость его очень портила, так, что он как-то разом стал вызывать неприязнь.

— Ваша молодость случилась в толерантный век. Но толерантность — это не всегда хорошо и не всегда оправданно, тем более, толерантность показная и настолько двуличная, — продолжил наконец Абеляр Никитович. — В моей молодости все было немного иначе. "Проклятые" не были "проклятыми". Наоборот. Магический дар вызывал зависть и восхищение. О нем не умалчивали. Инаковость эту не скрывали. Да, многие забывались и, как это свойственно человеку, использовали силу во зло, добивались этой силой власти и власть далее использовали как силу. Чем, прямо скажем, и заслужили дурную славу. Ныне мы отличаемся от людей в меньшей степени. Но — прошу, помните, — отличаемся. Коренным образом. На самом базовом уровне, как я вам рассказывал в начале вводной лекции. Я прошу вас запомнить это, но молчать об этом, просто знать и понимать, но никогда не использовать как аргумент: вы все — другие, вы — сильнее, вы — любимцы

судьбы, которая дала вам путь и предназначение — четкое, ясное, благородное. Поверьте, многие мечтают об этом, разрываемые изнутри муками выбора, ни к чему особенно не способные. Шанс, что из вас, в отличие от них, выйдет прок — намного больше. Вы примете свою природу, если еще не приняли, и примете свой путь, рано или поздно. Я очень надеюсь, что по окончании обучения вы будете гордиться собой и сутью своей не без оснований, даже если сейчас вам кажется, что вы ни на что не способны. Исключительные чародеи очень часто получались из элементалистов. И я, что уж там, в душе надеюсь, что когда-нибудь наше ремесло вернет себе былую славу, и в этом будет и ваша заслуга тоже.

Абеляр Никитович замолк. В наступившей тишине паренек, спровоцировавший чтеца на только что отзвучавшую речь, тихо пробормотал себе под нос что-то неразборчивое и слегка ворчливое. Никс нахмурилась, прислушиваясь: там было что-то про расизм? Но причем тут он?.. Не переспрашивать же... Впрочем, аргументов Абеяра она тоже до конца не поняла, но ей показалось, что студент и лектор говорили все же о разном.

— Еще вопросы? — чтец окинул взглядом аудиторию. Подождал. Вопросов не было. — Вот и славно. Итак, подходите, берите распечатки, и вперед, в медкабинет, вас там уже заждались. После можете быть свободны.

Никс выбралась со своего ряда и стала спускаться вниз. Коллеги-элементалисты уже окружили кафедру, разбирая бумаги. Продвигаясь обратно на выход, они скользили по Никс взглядами как-то совсем равнодушно. Успели, наверное, насмотреться, пока она заходила, опаздывая.

Когда Никс спустилась, на столешнице лежал последний экземпляр — несколько альбомных листов, скрепленных степлером. И ее, эту последнюю распечатку, Никс схватила одновременно с другой девушкой, той самой, с русыми волнистыми волосами до пояса.

— Наверное, кто-то из ваших коллег-курсантов взял две, — произнес Абеляр Никитович.

Длинноволосая девушка в голубой кофточке неуверенно отпустила листок.

— Давай после медкабинета тебе мою скопируем, — предложила ей Никс.

Та кивнула.

— Ну, тогда я себе ее пока возьму, — Никс опустила распечатку в сумку. Потом обернулась к чтецу: — Очень неожиданно было вас увидеть! Я и не знала, что вы у нас будете преподавать...

— Еще и кое-какие экзамены принимать, — улыбнулся в ответ Абеляр Никитович. — Ну а я, сама понимаешь, удивился не слишком. Я ждал нашей новой встречи. Ты, кажется, с весны немного подросла.

— Есть чуть-чуть, — кивнула Никола, и уголки ее губ сами собой поползли вверх, хоть ей и не хотелось прям так уж чтецу улыбаться.

— Ну, бегите, у меня сейчас совещание, — сказал Абеляр Никитович. — Потом еще обязательно пообщаемся, расскажешь мне, чем закончилась история с тем мальчиком и твоими старшими друзьями.

— Обязательно! — согласилась Никс.

Она направилась к выходу. Обнаружила, что давешняя русоволосая девушка ждет ее возле двери.

— Ты знаешь, где именно нужный нам кабинет? — спросила Никс.

— Нет.

Голос у новой знакомой оказался нежный и певучий.

— Ну, значит, придется самим искать, — вздохнула Никола Рэбел. Она к тому моменту уже оценила специфику здешней логистики. Собственно, именно из-за этой специфики она и опоздала на вводную лекцию.

Плутали недолго, но вдохновенно. Язык, общеизвестно способный на чудеса, в итоге привел их к медкабинету. Пока курсантки разыскивали нужное помещение, Никс успела еще раз поразиться разнообразию внутренней отделки здания и заодно узнать у длинноволосой веснушчатой барышни ее имя и даже направленность ее волшебства. Оказалось, что зовут стеснительную особу Аликой Лелим, и на выбор можно называть ее или полным именем, или сокращать до Лели, но лучше все-таки до Али. Алику слушалась пресная вода, озерная, речная, аквариумная, талая, дождевая и минеральная даже. Когда Никс об этом узнала, сначала машинально отодвинулась от нее подальше, памятуя о том, что, как и всякий человек, сама состоит по большей части из воды. Но потом Никс подумалось, что убить можно и чайной ложкой при большом желании. Она расслабилась, и, недолго думая, предложила Алике дружить. Та улыбнулась сдержанно, взмахнула янтарными ресницами и кивнула, соглашаясь.

Искать столовую Никс отправилась уже без Алики — та, получив свою копию распечаток в небольшой типографии на первом этаже, сослалась на срочные дела и мигом потерялась, ускользнув, словно золотая рыбка. Никс немного жалела, что не успела с ней толком пообщаться, поговорить вдумчиво, как ей этого хотелось. Ей вообще не терпелось узнать своих однокурсников получше, и — это казалось ей основным, — нужно было наладить с ними отношения, ведь вместе учиться еще долго, и однокильдийцам, кроме прочего, лучше бы друг друга держаться по очевидным причинам.

Но, видимо, не все сразу. Времени еще порядком, учиться не переучиться. Никс решила, что все будет хорошо, и то, что взгляды юных элементаристов были безучастны — это ничего, это пройдет, это из-за жары, а может, и показалось просто.

Поводив носом по плану эвакуации при пожаре, Никс разобрала, вроде бы, как найти столовую. Поплутала по первому этажу, сходила на второй, снова вернулась на первый и, наконец, оказалась в относительно просторном помещении, уставленном столиками с клеенчатыми скатертями и пластмассовыми белыми стульями. Народу в столовой было немного, а булочек и прочей выпечки — как раз.

Сосиска в тесте (извечный спутник студента) и сладкий бледный чай пришлось очень кстати, и Никс, жуя, развернула распечатку с планом занятий и дополнительной информацией. Как-то до этого все недосуг было: то поиск медкабинета, а там уколы, заборы крови и питье мерзкого проявляющего зелья, то поиски копировального центра, то попытки разговорить молчаливую Алику...

И вот белые листы, испещренные текстом и разлинованные парой таблиц, предстали пред ясным взором Николы Рэбел, и краткий их анализ заставил ее поперхнуться чаем.

Откашлявшись, она перечитала первую страницу повторно и внимательнее изучила таблицу, пару раз проведя пальцем от своего имени к имени куратора для точности. Да не может такого быть!

Но ее догадку подтвердили остальные семь листочков: на них были собраны расписания на первый месяц для каждого из ее коллег-курсантов, и все они оказались разными.

Прямо ничего сказано, конечно, не было. То ли забыли, то ли думали, что и так всем все понятно. Но Никс все равно стала ругать себя за то, что успела понадеяться на многое, сразу

ни в чем не разобравшись. Выходило, что совместных занятий у элементаристов не запланировано. Каждый будет учиться на выбранном заранее факультете, факультеты, соответственно, базируются в разных корпусах, корпуса разбросаны по городу, общежития — тоже. Совместные лекции типа той, которую провел наверху Абеляр Никитович, — скорее исключение, чем правило. Никс подумалось, что такая политика гильдии вполне резонна. Хватит и того, что им, элементаристам, сверху наказано поступать в совершенно определенное высшее учебное заведение, без каких-либо вариантов. Логично, что, если бы гильдией диктовались еще и факультеты, юные элементаристы совсем взбунтовались бы. Да и специальности у всех тоже разные, что, опять-таки, закономерно. Но печально-то как!

Почему ей казалось, что они все будут учиться вместе? Как можно было подумать, что все семеро "коллег" поступали на ту же специальность, что и она?

Никс припечатала ладонь ко лбу.

Тяжко вздохнув, вернулась к изучению листка.

Каждому из учащихся был назначен "куратор" — очевидно, человек, который будет заниматься с ними дополнительно, по гильдейской специальности. Напротив имен кураторов красовались интригующие телефонные номера, отпечатанные почему-то только наполовину (первая половина каждого номера представляла собой таинственные прочерки). В сноске значилось, что каждому курсанту следует ожидать звонка с указанного номера.

— Что за дела? — пробормотала Никс себе под нос, нервно теребя листок. — Типа чтобы мы сами, первыми, им не звонили?.. Элемент внезапности чтоб был?

Она тут же решила спросить у Абеяра Никитовича при следующей встрече, к чему вся эта секретность.

Снова заглянула в таблицу. Значит, ее куратора зовут Р. Майерс. Иностранец, что ли? Мужчина или женщина? Опять непонятки какие-то.

Никс вчиталась в имена остальных курсантов и их кураторов. Ага, кое у кого гильдейскую специальность ведет один и тот же человек. Значит ли это, что и силы их магические тождественны? У двух учащихся одинаковая фамилия и разные имена — может, это те брюнетистые подружки, которые загорелые и коротко стриженные, и они на самом деле сестры? Сиен и Циан Роу. Кураторы у них, однако, разные. Значит, оставшиеся четыре имени — те три парня и длинноволосая брюнетка в ярусной юбке с корсажем, что еще раз встретила Никс у медкабинета. Как же ее медсестра назвала-то? Еще неразборчиво как-то... Так, Кирилл и Дмитрий — точно парни, а вот Лекс и Дэй — под вопросом. Интуиция подсказывала Никс, что, скорее всего, та элементаристка — это Дэй Орта, а не Алекс Чарски, хотя, конечно, кто ее знает. Имена все звучали довольно вычурно, как на подбор, и сама Никола в этот перечень вписывалась только так.

Недопитый чай остыл, и Никс привычно подогрела его ладошкой прямо через пластик стаканчика. Отхлебнула. И в этот же миг почувствовала на себе взгляд.

Пока она вчитывалась в программку обучения, в столовой стало относительнолюдно. Взгляд, тяжелый и прямой, принадлежал угловатой взлохмаченной девице в рваной джинсе, что сидела напротив Никс за одним из столов, в окружении других девушек, хохочущих и громко переговаривающихся. Всего их было человек пять, но та, что смотрела на Николу, как иные смотрят на кусок ароматного, хорошо прожаренного мяса, определенно выделялась ростом и подозрительным каким-то спокойствием.

"Ой, нетушки, — подумала Никс, отводя взгляд. — Только не надо мне говорить, что все будет настолько плохо".

Она лихорадочно раздумывала, как поступить. Что-то подсказывало ей, что оставаться в столовой больше нельзя и что она не просто так привлекла внимание растрепанной крупной девицы. Но вот какую ошибку она допустила, Никс понять не могла. Вроде бы, с нарядом все в порядке: не слишком вызывающе, закрыто, удобно... На лице тоже ничего особенного нет. По крайней мере минут десять назад, когда Никс проходила мимо зеркал в коридоре, все с ее лицом было в порядке.

Но и удирать, поджав хвост, тоже как-то несолидно и даже чревато. Что ж делать? Чего эта девка так на нее уставилась? Остается вариант, что Никс ей кого-то напомнила, или девушка, например, попросту не любит рыжих. Да мало ли что. В голову к ней не залезешь.

Никс допила чай, поставила стаканчик на стол, сунула распечатки в сумку, а телефон в карман. Поднялась.

В плечо ей прилетела скомканная салфетка с чем-то потяжелее, завернутым внутрь, а за ней и совершенно ожидаемый хоровой смех.

Никс обернулась резко, даже и не думая сдерживать гнев, чувствуя, как краска заливает лицо.

— Кто это сделал? — спросила она громко и грозно. — Что за детский сад? Это академия искусств или где?

Девица в рваной джинсе поднялась со своего сидения и сделала два шага по направлению к Никс — вразвалочку, с мерзенькой улыбкой на лице. Она возвышалась над Николой на добрых полторы головы.

— Тебе стоит подумать, мелкая, что сделала ты, — произнесла немного нараспев девушка, и подружки ее согласно заулюлюкали.

Никс, глядя на нее снизу вверх, отступать не думала. За жизнь свою она видела и не такое. Ей не было страшно, но было чуть-чуть обидно, а еще она начала стремительно осознавать, что все ее планы насчет того, как бы так половчее социализироваться в новом коллективе и покомфортнее устроиться на новом месте идут чернодырым под хвост.

— Запомни, мелкая, и новеньким из ваших передай: им лучше бы засунуть свою оригинальность поглубже в себя, сверху или снизу — это уж кто как любит, — проворковала девушка, нависая над Никс ожившей скалой, — иначе будет плохо. Можешь мне поверить.

Никола наконец опомнилась. Девушка стояла на расстоянии вытянутой руки от нее, и Никс руку вытянула:

— Отойди.

Та осталась стоять.

Никс знала, что так делать нельзя, но ничего другого в голову не пришло. Гнев свой она почти никогда не сдерживала, но всегда его контролировала. Нормального человека в подобной ситуации деморализовало бы уже то, что "жертва" касается его мягкой раскрытой ладонью, ведь не должна бы. Как это так вообще?

А вот высокая девица даже не вздрогнула. Она продолжала буравить Николу взглядом, и Никс, все еще не боясь ее, занервничала и, не опуская руки, призвала магию.

Запахло паленым.

Девица даже не дрогнула, когда черная ткань ее футболки превратилась в пепел. Никс почувствовала под ладонью живую человеческую кожу, а потом...

Все произошло очень быстро.

— Ай, что творишь-то! — воскликнула агрессивно настроенная барышня, секунду назад пытавшаяся просверлить в Никс дырку взглядом, пошатнувшись и чуть не упав на Никс.

Никола отпустила руку, подумав, что джинсовой деваче наконец-то стало достаточно горячо (хотя должно было еще до того, как вспыхнула и превратилась в пепел ткань). Но барышня вскрикнула и пошатнулась не поэтому. Это кто-то толкнул ее сзади, причем, достаточно сильно. В следующий миг этот же человек, воспользовавшись неразберихой, сорвал у Николы с плеча сумку и пулей выбежал из столовой.

Никс, не сообразив сразу ринуться следом, пару секунд шокированно смотрела вслед воришке: тучная фигура, розовый спортивный костюм и блондинистые хвостики, и все это удаляется по коридору с невообразимой скоростью. Опомившись, Никс мельком глянула на высокую девицу — та скалилась, как шакал, — и бросилась следом за воров.

Куда она побежала? Влево? Первый коридор кончился, Никс чуть не врезалась в каких-то зазевавшихся девчат. Краем глаза она заметила розовый цвет слева и ринулась туда, за три секунды преодолев коридор. Снова развилка, куда теперь? Опять налево? Выжимая из себя максимум скорости, Никс побежала вперед. На следующем повороте она уперлась в стенку, чтобы отдышаться.

Ладно. На какой развилке она упустила ту, с хвостиками? Она явно знает здание лучше. Надо было сразу кричать "лови вора!", но Никс понадеялась на себя, а никто больше не обратил внимания на забавляющихся спринтом студенток.

И где теперь искать воровку?

Никс все еще не могла отдышаться и понять, как девчонка подобной комплекции может бегать настолько быстро и что теперь вообще делать.

— Гребаное невезение, — Никс стукнула кулаком по колену, — чтоб ему!

В этом коридоре людей не было — никто ее не услышал. Отчаяние, черное, словно деготь, начало было снова заполнять голову, как тогда, в середине лета, но Никола смогла взять себя в руки и задавить волну на подходе.

Спокойно.

Не конец света.

Все будет хорошо, подумаешь — девица из поглощающих в столовой, подумаешь — украли сумку с распечатками и тетрадями. Телефон-то с собой.

А ключи — в сумке.

И студенческий билет... и деньги...

И все это в первый же день!

Нет, что, правда что ли? Это все на самом деле?

Никс отлипла от стенки и попыталась понять, в какой части здания находится. Поняла, что этот коридор — боковой, рядом с черным ходом.

Может, вор ушел туда?

Уже не бегом, а шагом она добралась до не приметной двойной двери, оказавшейся незапертой. Дверь вывела ее на раздолбанное крыльцо, за которым стелилась прочь потрескавшаяся асфальтовая дорожка, окруженная высокими лиственными деревьями. Вела дорожка, кажется, в парк при филиале. На крыльце стояли какие-то парни и курили.

— Тут девчонка такая полненькая, с двумя хвостиками не пробежала? — спросила у них Никс. — Блондинка...

Студенты ответили отрицательно.

Никс тяжело вздохнула.

Да, воровка была похожа на резвого поросенка. Слишком резвого. Слишком похожа. Но ведь не носятся такие со скоростью раненого кабанчика! А вот поди ж ты.

Никс вернулась внутрь, твердо намерившись нанести визит Абеяру Никитовичу. Ну а куда ей еще идти при таких делах?

Пока она искала памятный скрипучий лифт, в голове заново прокручивались последние пятнадцать минут. Итак, в столовой на нее наехала барышня из поглощающих. Иначе объяснить тот факт, что на ее тощем животе от соприкосновения с магией Никс не возникло уродливых волдырей, невозможно. Поглощающая. Отлично. Так вот они какие. Маги, название которых стало именем нарицательным. Чернодырые, чьим прозвищем ругаются и оскорбляют. Стало быть, они прячутся среди обычных людей, одеты как попало и спокойно себе существуют...

До этой встречи Никс представляла себе поглощающих лишь по рассказам опекуна и его друзей. В этих рассказах все чернодырые были или военными, или из специальных силовых отрядов, ходили в строгой черной форме и всегда вооруженные до зубов, суровые и беспощадные и, в основном, мужчины. Поэтому к встрече с девушкой-поглощающим, да еще и в столовой, Никс была не готова.

Нет, Эль-Марко, конечно, говорил что-то про то, что в городе все иначе и в людных местах колдовать надо осторожно, и Ари предупреждал, мол, не светись, не демонстрируй, но ведь...

Никола, уже поднимаясь в лифте обратно на четвертый этаж, наконец-то поняла, что она сделала не так. Точнее, что сделала вообще.

Она подогрела чай.

Для нее это было совершенно естественным действием. Она сотворила свою привычную, безопасную, невинную магию автоматически, практически бездумно. Остыл — согрела. Все просто. Что тут такого?

И девица в джинсе это почувяла. Почувяла, как охотничий пес. И затеяла свою дурную игру... решила, стало быть, пострадать. Устрашить. Показать, кто здесь хозяин. А может, ворюшка тоже на ее совести? Что, если это такой хитро разработанный план?

Никс сжала кулаки. А потом расслабилась и разжала. Створки лифта разошлись и она вышла.

Подойдя к окну, она стала смотреть на то, как по внутреннему дворику академии ходят люди. Хаотично на первый взгляд. Да и на второй.

Если та деваха — поглощающий, то тут все-таки что-то не так. Или у джинсовой дылды крайне наметанный глаз, или у нее с собой и постоянно включен какой-то гильдейский приборчик. А имеет ли она на него разрешение, если так? Ведь иначе заметить волшебство она не могла. Никс колдовала без каких-либо спецэффектов. Такое тонкое, незначительное воздействие визуально не засечешь. Его можно только почувствовать, и то, если ты сам — элементалист, причем желательно — огненный. Тогда да, тогда чужое колдовство аукнется в тебе, будь уверен.

Или этой девке попросту повезло.

Поглощающие, по крайней мере как рассказывал Никс Эль-Марко, чужого колдовства сами по себе не чувят. Они его только поглощают. Мог ли он ошибаться? Вполне. Может, он имел в виду что они "не понимают" волшебства? "Не различают"? Никс никак не могла вспомнить, что именно Эль-Марко говорил о чернодырых.

Даже если Эль-Марко прав — может, у джинсовой дылды в компании еще один "огонек"? Кто-то со старших курсов? Перебежчик, примкнувший к врагу?

Никс поспешила одернуть себя и мысленно не забегать слишком далеко вперед.

Неизвестно, как тут и что, и всех ли элементаристов та поглощающая ненавидит. Может, ей просто Никс не понравилась, сама по себе. Может, она действительно не любит рыжих. Хотя, нет. Чернодырая сказала передать "своим" что-то там... чтобы не высывались? Или не зазнавались... а, чтобы спрятали свою оригинальность.

Вот же.

Эль-Марко учил ее, что такое поведение, в принципе, в природе людской. Ну, искать друг в друге отличия и по отличиям этим судить и разделять. Ну хорошо, в природе так в природе. А делать-то что теперь?

Никс подошла к дверям аудитории, где утром была лекция. Дернула. Закрыто.

— Кто бы сомневался, — вздохнула Никс.

Что же делать... куда же теперь идти?

Никс вынула из кармана телефон, чтобы посмотреть, какие есть варианты. Может, позвонить Эль-Марко? И что она ему скажет? "Представляешь, у меня в первый же день обучения украли сумку с деньгами, ключами и распечатками, а еще на меня наехала дылда-поглощающая и мне теперь как-то неловко идти снова в столовую. И вообще".

Никс представила, как Эль-Марко забеспокоится. Забеспокоится, расстроится... Удушающий стыд нахлынул разом, да так, что даже жарко стало. Как вообще можно было в такое вляпаться? В первый же день? Чего стоило не отвечать этой дылде? Не пытаться ее напугать, в конце-то концов? И как Эль-Марко сможет ей помочь? Да никак. Приедет, вернется? Ну нет. Этого ей и самой не нужно.

Марик скажет, наверное, звонить кому-нибудь из его друзей, Мари ведь в городе тоже нет. Ох как стыдно-то будет... Ну, хорошо. Пусть так. Никс решила оставить этот вариант напоследок.

Бездумно двигаясь по четвертому этажу, Никс случайно нашла лестницу на третий.

— Ну вот, когда не надо, так пожалуйста, — проговорила она вслух.

Спустилась. Уперлась носом в дверь с надписью "деканат".

Кроме надписи на двери висело еще несколько листков с разнообразной информацией. В частности, именно из этих листков Никс узнала, что деканат осуществляет прием студентов... ага, вот уже пять минут как не осуществляет и возобновит только через два часа.

Никс цыкнула языком. Чтобы не упускать возможности, все-таки подергала дверь за ручку. Деканат оказался закрыт.

— Да гори оно все огнем, — зло пробормотала Никс.

Она была еще далека от того, чтобы сдать. Должны быть еще какие-то варианты, должны. Какие?

Она вернулась к лестнице и благополучно спустилась на два пролета вниз, поплутала по первому этажу и добралась до парадного входа.

Вахтера на месте не было. Никс, опершись на стойку, стала ждать.

Минуты тянулись, мимо нее в обе стороны проходили студенты, пост вахтера по-прежнему пустовал.

Хорошо, сумки нет. Денег нет, звонить некому. Кроме Мари. С Мари можно договориться, чтобы она не рассказывала о произошедшем Эль-Марко... Да ну, все равно расскажет. Да и какая разница — друзья Мари или друзья Эль-Марко ей будут помогать? Значит, нельзя. Воровка, будь она неладна, из прихвостней джинсовой дылды. Значит, нужно будет взять ее за жабры — спускать с рук такое нельзя, будут травить, как пить дать. Паниковать рано, сумку наверняка можно будет вернуть, только надо сначала навести

справки об этой девице. Завтра уже нужно быть на занятиях. А сейчас остается только одно... идти в полицию.

Никс проверила, сколько она уже ждет. Вышло, что двадцать минут. Можно было бы еще подождать, но терпеть бездействие не было никаких сил. Никс, отчаявшись дожидаться хотя бы вахтера, вышла из академии через парадные двери.

Над городом стали собираться тучи — тяжелые, грозовые. Усилился ветер. Вот она — первая примета осени. Дождь пройдет, и море немного остынет. Но это потом.

Сейчас горячие потоки воздуха несутся меж старых, выбеленных солнцем домов, путаются в водосточных трубах, задирают юбки, гнут тонкие флажки на набережной, хлопают безмятежно раскрытыми форточками.

Никс побывала в ближайшем отделении полиции. Написала заявление — практически под диктовку. Работники полиции были все как на подбор молоды и веселы, они как будто бы радовались ей, словно она им скуку пришла разгонять, причем успешно, и Никс показалось, что толку от этого ее заявления никакого не будет.

"Полная девушка в розовом спортивном костюме? — спрашивал ее молоденький участковый, едва сдерживая улыбку. — С хвостиками?"

Никс чувствовала себя побитым щенком. Глупым побитым щенком. Она было подумала, что, может, не стоило ходить в полицию. Но что уж теперь. Не отзывать же заявление... Пускай хотя бы попробуют что-нибудь сделать.

Она шла по городу, который стремительно мрачнел, сунув руки в карманы комбинезона, и в голове ее перекачивались, словно холодные, темно-зеленые волны, мысли о бытии.

Она думала о прошлой весне, о том беззаботном времени, когда ей казалось, что перед "смертью" вполне можно надыхаться, и даже нужно. Змеиная Коса, несмотря на летнюю суматоху, осенью, зимой и весной место весьма уединенное, тихое, свободное. Там было хорошо. Особенно последние полгода, когда у нее появилось собственное средство передвижения. Эль-Марко не поскупился и подарил ей то, чего, на самом-то деле, за деньги не купишь. Хоть это нечто и выглядело как новенький девичий байк, послушный и даже красивый. "Легкий мотоцикл — легкое управление", — говорил продавец.

Не врал.

Сама Никс была легкой и хрупкой, но при этом достаточно сильной. Мотоцикл оказался таким же. Скорость, — поняла тогда Никола Рэбел, — это не наркотик, это анестетик. Хотя грань, конечно же, тонка.

Потом, на исходе весны, в Змеиную Косу забрели Камориль Тар-Йер и Мйар Вирамайна, прихватив с собой Ромку и приведя на хвосте какую-то несусветную мерзость, от которой пришлось улепетывать на маяк. Тогда-то все и завертелось. Никс первое время даже весело было: мальчишка оказался интересным и смышленным не по годам, Эль-Марко был рядом и оттого было не страшно. Потом Эль-Марко, Мйара и Камориль похитила банда вампиров. А Никс-то о них книжки читала. Романтические. Совестно теперь думать об этом даже... а ведь книжки эти ей раньше нравились. И вот тогда-то и случилось то, что перекроило ее бытие раз и навсегда. Именно в тот памятный день Ромка произнес свое судьбоносное "пускай тебе везет, как проклятой!".

Тогда Никс не обратила особого внимания на то, что он сказал. Больше ее взволновала интонация, и это зря, конечно. Нужно было прислушаться к тому, что именно он произнес, понять это сразу. Но кто ж знал.

С тех пор все стало происходить... как-то не так. Перемена была едва ощутимой, практически необъяснимой. Было ощущение, что до этого Никс жила сама по себе. Да, не просто, не без обид и бед... Но после того, как Ромка — на минуточку, судьбоплет, самый сильный из ныне живущих пророков, как он сам о себе сказал — произнес это свое "везет, как проклятой", стало казаться, будто бы эта самая "судьба" обратила на Никс свой взор. Да, ей стало везти. Необоснованно, бессмысленно, бессистемно. Неудачи тоже посыпались как из ведра.

Причем неудачи эти и везения были настолько разных уровней, что вскоре ей стало попросту страшно выходить из дому. Смеха ради она изредка проверяла состояние своей удачливости с помощью игральных кубиков. И те оказались чудесным мериллом, и даже помогли ей доказать Эль-Марко, что она не выдумывает.

Когда Никс кидала кости, выпадал либо максимум, либо минимум. Без какой-нибудь видимой закономерности относительно очередности.

Эль-Марко сразу предупредил ее, чтобы не смела подаваться в игорный бизнес и пытаться счастья в казино.

Никс тогда нервно рассмеялась — она о таком даже не думала. Тогда еще прошло слишком мало времени, чтобы установить все закономерности, и Никс казалось, что вот-вот ей не повезет смертельно. Тревога нарастала. Никс забросила мотоцикл: она боялась, что как-нибудь удача подведет ее по-крупному. Она опасалась и многого другого: кирпича с неба, пьяного грабителя с ножом, которого она не заметит, если тот подойдет сзади, неудачного падения с лестницы.

К Ромке она, конечно же, ходила. Когда поняла, что с ней происходит и отчего, сразу же пошла, вместе с Эль-Марко.

Да вот только Ромки дома не оказалось, матери его — тоже, и даже сестры не удалось сыскать. Мальчишка пропал, как не было. По их старому адресу проживали другие люди. Они подтвердили, что выкупили квартиру у светловолосой женщины, но где она теперь сказать не могли.

Мари гадала на эту тему раз пятнадцать: пророчества не получались, как будто магия утыкается в стену, как будто что-то гораздо более могущественное запретило колдунье вероятностей вмешиваться.

Никс поняла одно: надо искать судьбоплета, будь он неладен. А был ли он вообще? Или показалось им всем?

Был, — Никола не могла позволить себе сомнения. Если бы она усомнилась, то точно сошла бы с ума рано или поздно. Ромка был. Он оставил след, запомнился навсегда. Все испортил. Одним, почитай, словом...

"Пускай, — говорит, — тебе везет, как проклятой. Всю жизнь".

Никс подняла голову к небу, почувствовав, как на нос приземлилась дождинка.

— Так-так-так, ну нет же, нет. Только не так. Только не реветь. Никакого ревеня под дождем. Никакого.

С неба, уже полностью затянутого серой клубящейся пеленой, стали срываться тяжелые капли. Пока что они падали редко, на большом расстоянии друг от друга, но вскоре обещал начаться самый настоящий ливень.

Никс огляделась по сторонам и обнаружила себя в незнакомом районе на незнакомой улице.

Город, конечно, не настолько велик, чтобы запросто в нем потеряться. Но ей удалось.

Хоть по архитектуре и ясно, что это практически самый центр, но где она находится именно, Никола не знала.

Ну вот, не хватало еще и этого.

Никс, обхватив себя руками, пошла, куда глаза глядят. Мимо спешили люди, стремясь укрыться от раздражающегося ненастья под навесами и козырьками подъездов. Другие деловито раскрывали зонты — разноцветные, с красивыми узорами, полупрозрачные.

Никс не боялась замерзнуть и не боялась простыть.

Такова была ее природа, и этого проклятая ее судьба никак не могла отнять.

Она оказалась совсем одна в едва знакомом ей городе. Сейчас бы взять, спрятаться, например, в трамвайной остановке, да позвонить Эль-Марко, рассказать ему обо всем. Обвинить его в том, что уехал как раз тогда, когда ей нужна его поддержка. В том, что он променял ее на какую-то там Лунь, на дурацкие, никому не нужные поиски того, что, вероятно, и найти невозможно.

Нет, так нельзя. Сама виновата, что сумку украли, сама. Надо было следить. В следующий раз... ох, если выдастся следующий раз, Никс покажет им, что такое настоящий элементалист огня, этим зазнавшимся идиоткам, посмевающим...

У нее в груди как-то все свернулось, сошлось, сжалось. Бессильная ярость помножилась на застарелую боль. Все сама. Всегда — сама. С самого раннего детства вездесущая эта самостоятельность, свобода, блин, которая на самом деле — одиночество, и грань, опять-таки, очень тонка, но как же хочется порою, чтобы был кто-то еще, тот, на кого можно было бы положиться всегда. Не нужно многого. Она сама на многое способна, и это не бравада, это правда. Нужно всего чуть-чуть.

Но этого не будет никогда, и "проклятие" — ни при чем, и Ромка со своим "везет, как проклятой!" — ни при чем, и никто ни при чем, никто не виноват, что все именно так, но от этого ничуть не лучше.

И от осознания этого Никс все-таки разревелась.

А потом расхохоталась, вспомнив парочку цитат, гуляющих по сети — ну, тех, про дождь, девушек и слезы.

И про борщ, в котором можно спрятать свеклу, про землю, в которой можно спрятать труп, и про карман, в котором можно спрятать телефон.

А потом ее снова накрыло, и она понимала, что это — истерика, но уже ничего не могла с собой поделать.

Может, оно и к лучшему, на самом-то деле, ведь должно же было однажды накрыть. И раз уж это случилось сейчас, и Эль-Марко не видит, да и никто из знакомых не видит, и погода — самое то... Раз уж все так сложилось, то почему бы и нет.

Я иду через старый город, и он мне уже — как родной. Да, это точно: дома и подворотни я люблю сильнее, чем тех, кто их населяет. Из-за зарешеченного окна на меня внимательно смотрит сморщенное старушечье лицо, и дождь ей — не помеха. Она видит меня отлично, как и я ее. Глаза у старухи полупрозрачные, злые. Она смотрит, но пока что молчит. Может, в этот раз пронесет, и бабка так и не заорет свое извечное...

— Демон! Мерзкий колдун! Что ж вас всех не повывели, трупоедов! А ну попадись мне!..

Не пронесло. Орет она на удивление связно и осмысленно. Я ее даже в чем-то понимаю. Простить не могу: нечего прощать. Я не трупоед. Не некромант, причем ни разу, хотя, возможно, моя внешность наводит именно на такие мысли. Ну, что уж тут сделаешь. Так мы помечены, и умеющий видеть да остережется. Можно, конечно, пытаться природу свою обмануть — но я не стану. Это — мой выбор, мое наказание и мое благословление. Моя, стало быть, данность.

Голос старухи истаял за шепотом падающих капель.

Я шел неспешно, прогулочным шагом, и под толстую подошву ложились желтые листья (откуда бы им взяться в самом начале осени?), рассыпанные кем-то пуговицы, крупа, гравий, рыбацкая сеть, жженая резина.

Старый город неопрятен. Пожалуй, в этой неопрятности и кроется частично его очарование, понимание которого доступно не каждому. Старый город захламленностью своей наряден. Такая вот у него попытка выразить себя. Он цепляет мусор, бельевые веревки и нищих, как увешиваются металлическими серьгами и кольцами тяготеющие к символизму девчонки и пацаны, решившие так вот безыскусно выразить свой протест.

Мне это не близко. Кольца, браслеты, серьги — все это мне мешает, колется, трет, давит, заставляет чувствовать себя не в своей тарелке еще более, чем обычно. Как будто мне мало того, что есть. Я могу стерпеть только одну блеклую серебряную серьгу-кольцо, но она дорога мне как память, и в моем уме служит чем-то вроде амулета или талисмана, означающего замкнутый круг судьбы и последнюю защиту, пускай эфемерную, кое-чего сугубо личного.

Когда я покину старый город то, конечно, выберусь в город новый. Людей там неизмеримо больше. Многим из них плевать на то, как я выгляжу, но что-то подсказывает мне: всегда найдутся те, кому я не по нутру. Здесь, в реальности, там, в сети... В отличие от старухи, они промолчат, но от этого никуда не денутся. Зная это, я будто бы специально не бреюсь под ноль, не прячусь в черный, не меняю привычек. Казалось бы, детство давно прошло, зачем пытаться выделиться? Но что делать, если ты сам по себе отличаешься? Если ты заметен всегда, в любом обществе, словно торчащий из стены гвоздь? Я много думал об этом. И на данный момент я решил, что, если это нельзя исправить, надо это усугубить.

Так что — пускай смотрят. Пусть запоминают. Пускай страдают, не понимают, ненавидят, жалеют... или что там они чувствуют, глядя на меня... восхищение? Вряд ли. Я точно знаю, что мой человек — только один из ста. И да, это, вероятно, будет именно оно — восхищение. Но девяносто девять не понимающих, презирающих, порицающих никуда не

денутся. Эта шипастая многоголовая гидра готова разорвать меня каждую секунду моего бытия. Всегда и всюду они следят за мной, смотрят на меня и судят меня. Их приговор не подлежит обжалованию: я — виновен.

Так, стоп, нет. Это бред. Не могут девяносто девять из ста быть врагами. Меня опять клинит. Это нелогично. Абсурд.

Кажется, у меня снова период обостряющейся паранойи. Опять душа не на месте. В такие моменты почти любая мысль, пришедшая в голову, только усиливает раздражение и тоску, распаляет печали, словно костер. Надо придти в себя.

Кстати о кострах. У меня сегодня красный зонт, и купол его широк. Нас с ним видно издалека. Может быть, когда-нибудь, если я постарею и когда мои планы осуществляются, меня настигнет пророчество одного из моих врачей, утверждавшего, что рано или поздно я перестану быть личностью демонстративной, успокоюсь, закутаюсь в кокон и буду увлекать людей богатым внутренним миром, а не ярким фасадом. Буду смотреть вглубь, а не поверху. Избавлюсь от ощущения нетаковости, как должен был лет в шестнадцать, но почему-то не смог. Забуду чувствовать свое одиночество среди толпы, и вообще, резко исправлюсь и стану каким положено.

Жаль, слава не лечит — в ней только пустой обман. За два года работы мы почти не продвинулись, мы все еще клубные крысы, хорошие клубные крысы, собирающие порядком людей — но на радио нас не берут, сеть порою кажется мертвой, черной дырой, чарты и голосования не работают. Будто бы мы достигли своего потолка, и не ясно, чем его можно пробить. Да, знаю, с творчеством типа нашего всегда не просто. Да, кому-то, бывает, везет, но, очевидно, не нам. Может, недостаточно мы хороши. Может, честно старания маловато, и нужен к тому же особый талант или особо талантливый продюсер. Но я не ною, нет. Мир несправедлив. Да, собственно, не очень-то и хотелось.

А еще... а еще мне, что уж там таить, холодно. Очень холодно. Вот тут я ною, да, и без зазрения совести, потому что мне действительно холодно. В снег, в дождь, сейчас, жарким полднем на берегу залива, ясным вечером, туманным утром... мне всегда холодно, и мне даже кажется, что не просто всегда. Навсегда.

Согреться я попросту не могу. Не получается. Если бы все было по правилам, я должен был бы по своему желанию брать чье-либо тепло в достаточном количестве и, коль уж потребуется, оставлять по себе безжизненную ледышку. И злорадно хохотать при этом, конечно же.

Но мир несправедлив. Будь это все завязано на обыкновенную, нормальную термодинамику — было бы много проще. Но нет. Это — магия. Такая вот мерзкая, вездесущая, постоянная, врожденная, изнутри съедающая сила, от которой не сбежать, хоть тресни, хоть куда езжай, хоть что пей.

Иногда мне кажется, правда, что я почти нащупал то единственное, что может прекратить мои страдания раз и навсегда, избавить меня от непрекращающегося озноба. Но каждый раз понимание и ощущение избавления ускользают от меня.

Пожалуй, стоит все-таки отметить, что здесь, в этом городе, мне лучше, чем было там. Я переехал сюда пять лет назад. Место, где ночи куда длинней и большую часть года за окнами свищет вьюга, осталось позади, и теперь я живу здесь — в городе у теплого ласкового моря, в городе, где властвуют настойчивые влажные ветра, где самые мрачные подворотни в густой темноте своей цветасты, где нельзя шагу ступить, чтобы не наткнуться на психа, говорящего кота или недобитого мага произвольной специализации. Им здесь будто бы медом намазано.

И этот город определенно нравится мне.

Я же — круглый сирота. Я глуп. Я ничего не умею.

Я — восходящая звезда, застрывшая на горизонте в момент, когда время свилось петлей. Я привлекателен. От моего голоса у юных дев мурашки по коже... Вот только денег у них от этого не прибавляется.

Я — элементалист льда, и я не представляю, чем тут гордиться.

Я перспективен, талантлив и нищ. Я под прицелом. Тысячеглавая гидра еще не обретенной славы не греет меня, она лишь намеревается меня прикончить, как только я коснусь ее, отвернусь и расслаблюсь. Я одинок, я кричу в пустоту их черных сердец и в ответ не слышу эха. Тишина. Открытые рты. Широко распахнутые глаза. Бесмысленные, безумные улыбки. Бесцельная пустая любовь-вымогательство. Стоять на краю страшно. До дрожи. До оторопи. Просто-напросто мороз по коже.

Хотя спасение, кажется, в падении. Да, именно так.

Но все это — за гранью бисерного моста.

А бабка-то правильно на меня орала...

И снова — стоп. Хватит. Пускай во всем будут виноваты так не вовремя умершие наушники, прослужившие, впрочем, вполне прилично для такой дешевки. Если б не они — я бы не слышал крика озлобленной бабки, и, может быть, забыл бы на время о том, кто я есть.

Стекла очков в водяной пыли.

Точно.

Глаза бы мои этого всего не видели.

Я снял очки и сунул их в чехол, а чехол — в карман.

Завернул за угол, постепенно выбираясь из тенет старого города в центр.

Дорога, ведущая к городской площади, начнется за следующим поворотом, а прямо сейчас предстоит пройти небольшой скверик, совершенно пустынный в такую погоду. По крайней мере, обычно в нем мало народу: лавочек нет, киосков — тоже, одни клумбы да акации, и даже на роликах не покатаешься — плиты положены криво-косо. Но сегодня тут что-то подозрительно людно. Смазанными тенями на фоне серого промокшего камня маячат трое, и что-то их расположение относительно основной пешеходной зоны мне не нравится.

Глубоко в душе я уже знал, к чему они тут и зачем, и говорить им смысла, в общем-то, не было никакого.

Я плохо вижу на таком расстоянии без очков, но это явно не крашенные — маркировки нет; не дворовое задиристое дурачье — форма не та.

Итак, неприметно одетые мужчины неопределенного возраста, настроенные не слишком-то дружелюбно, в дождливый полдень, в парке, встречают задумавшегося о жизни меня и... что бы это могло значить?

Думают, я постесняюсь колдовать в центре города? Или не понимают, на кого навалились?

Из окон ближайших домов нас не рассмотреть — деревья, да и далеко. Камера тут одна имеется, но она направлена на подножье памятника в тридцати метрах ниже по дороге.

А парни-то смельчаки.

Пока я оценивал ситуацию, троица успела разойтись в стороны, явно намереваясь окружить меня.

— Ничего личного, — произнес тот, что посередине, мелкий, но коренастый.

— То есть так просто я не пройду, да? — безнадежно поинтересовался я, оглядываясь.

Ответом меня не удостоили. Я обернулся в другую сторону, туда, откуда послышалось шарканье подошвы по асфальту.

Они начали медленно сжимать кольцо.

— Пойдем-ка с нами, — предложил-приказал самый низкорослый из "хулиганов".

— Нет уж, давайте здесь.

— Значит, не хочешь по-хорошему? — обрадовался он.

А вот и формальный повод, стало быть. Классика.

Вот только... зачем им я? Кому я там снова жизнь испортил излишним острословием? Может, давешняя бабка их наняла на последнюю пенсию? Или какая-нибудь почитательница талантов, из особо рьяных? Решила, что доставаться кому-то еще я не должен, и пора бы товарный вид мне подпортить, — почему нет.

Предположения завихрились в голове, предательски отвлекая от настоящего.

Я сложил широкий алый зонт, встряхнул.

Троица все еще медлила.

Мужик, топтавшийся справа от меня, был крупным. Скуластый, лысый, тонкогубый, он явно намеревался поскорее уже свершить задуманное и промедление тяготило его, как будто бы решительность могла протухнуть. Он сверлил меня взглядом, будто бы нарочно распалая внутри себя нужную для преступления злость. Я косил на него правым глазом, стараясь не упускать надолго из виду всех троих, по возможности.

— Придется по-плохому, — наставительно и слегка восторженно проговорил мелкий, тем самым прерывая затянувшуюся паузу.

Крепыш справа двинулся одновременно с тем, что слева.

Он подошел, схватился пятерней за зонт, вырвал его у меня из рук и швырнул прочь. Пока я недоуменно провожал взглядом зонт, упавший в густую траву, мужчина рывком приблизился и схватил меня за ворот куртки двумя руками и хорошенько встряхнул, не прекращая наступать.

— И дальше что? — осклабился я.

От мужика несло недавней выпивкой и потом. Ему было слегка за тридцать, и клеймо неудачника проступало на его лице преждевременными морщинами.

Деятельного мужчину поддержали одобрительными криками приятели, вот только конкретных слов я не разобрал. Вдохнув по-звериному, мужик сплюнул в бок и, толкнув, отшвырнул меня на мокрые плиты, так, что я, не удержав равновесия, таки приземлился на колени и ладони, хорошенько вляпавшись боком в грязь.

— Это не он, — просипел мужик, — этот какой-то дрыщ.

К громиле подскочил тот, что поменьше, и принялся пытаться развернуть его обратно ко мне, крича:

— Да этот, этот, кому говорю! Альбиносов много, что ли?

— Сам с сопляком возись, — уперся громилла.

Я не смог сдержать мерзкого хихиканья.

Сел на мокрый асфальт и рассмеялся уже в голос, потирая лоб. Мужики обернулись.

Капли дождя повсюду, словно осколки стекла. Это смертельно. Но эта песня ведь не о смерти, правда?

— Чего ржешь? — осведомился средних размеров смельчак, самый молодой из троицы, тот, что пока молчал.

— Хороший сегодня день, — произнес я, поднимаясь и закатывая рукава. Перекинул

потяжелевшие волосы за плечо, размял шею. — Чего вы вообще ко мне докопались, а? Что я вам сделал?

— Да говорю же, личного — ничего, — объяснил самый низкий.

Их подвела невнимательность, а меня — то, что в случае опасности мой мозг командует "наступай!", и никакого тебе "беги". Я мог бы попытаться удрать, но мне даже мысли подобной в голову не пришло. Я не могу контролировать себя в такой ситуации. Почти не могу.

Я не думаю о смерти и последствиях, о лице, которым зарабатываю на жизнь и о долгах, которые мне еще нужно выплатить, я забываю о боли, что придет потом и о совести, которой у меня, поговаривают, нет.

Молчаливый мужик, тот, что среднего роста, ушастый и краснолицый, устал от болтовни и решил сообразить удушающий захват. Не успев ничего сделать, он получил по лицу. Кулаки у меня относительно небольшие, кость узкая, а оттого поверхность приложения силы маленькая, и эффект от удара, как показывает практика, получается мощный. Ушастый схватился за щеку, а верзила, увидев, что "сопляк" таки нанес компании кое-какой урон, сменил милость на гнев и, подбежав, зарядил правой в образовавшуюся на моем месте пустоту. Пока я уворачивался, самый мелкий успел схватить меня за волосы и дернуть. Потом он долго прыгал, тряс ладонями, "обожженными" внезапным холодом, но это его проблемы. Нужно было двигаться, и я, пригнувшись, с разбега всем имеющимся весом навалился на верзилу, пытаюсь сбить его с ног, одновременно применяя нехитрое колдовство к воде, пропитавшей его толстовку, делая из нее дубовую смирительную рубаху, ледяную на ощупь. Мужик заорал.

Не знал? Не был готов? Впервые сталкивается с таким примитивным волшебством?.. Или я переборщил с температурой? Нет, это не страх, это ярость.

Мужик, обезумевший от гнева, неспособный двигать руками, набросился на меня, словно бык, головой вперед, будто ему есть чем бодать. Мне снова удалось увернуться и здоровяк промазал, поскользнулся на грязи и, не имея возможности балансировать, хлопнулся рожей в траву. К тому моменту уже подоспел ушастый и оттаял болтливый, и они вдвоем принялись за меня.

— Вали его! — крикнул кто-то из них.

Я какое-то время держался, но вскоре пропустил увесистый удар под дых и тут же согнулся пополам, а потом поймал сапог прямоком в челюсть и отлетел назад. Боль, заглушенная адреналином, была похожа скорее на блеклое воспоминание о боли, а вот рот тут же наполнился соленой кровью.

Мне показалось на миг, что я эту боль заслужил.

— А ну, дай его сюда! — сипло ревел здоровяк, поднимаясь и беря разгон. Я, будто бы защищаясь, подставил руки, и в миг, когда верзила собрался отбить мне армейскими ботинками почки и даже почти в этом преуспел, сумев нанести удар, я поймал его за ногу и перестал сдерживаться.

Вспышка. Хрупкая ткань разлетается на осколки. Под пальцами дубеет, превращаясь в ледышку, плоть.

Я отпустил. Мужик зашатался: у него подкосились коленки. Он рухнул, шокированный внезапной болью, набок, заскулил истошно, а через миг, очухавшись, заорал на весь старый город о том, что ему оторвало ноги.

Двое других, не понимая, что происходит, замерли. Я, с трудом приподнявшись,

выплюнул на мокрые плиты кровь из разбитой десны, и от каждой капли, упавшей вниз, расплзлась ледяная узорчатая змея, белая, стремительная, словно стрела или щупальце, желающее остановить неприятеля, направляясь прямо к замершим в нерешительности "хулиганам".

— Ну? — спросил я, вытирая рукой подбородок. — Кто рискнет здоровьем? Оно вам надо?

Адреналин спал. Внутри стала пульсировать боль, намекая на треснувшее ребро, но это вряд ли. Скорее всего, нет. Я прочней. Убьет меня не это, я точно знаю.

Мужики пятились по окружности. Верзила драл окровавленными ногтями грубую ткань штанов, будучи все еще не в себе, и царапал задубевшую, почерневшую кожу.

— Своего заберите, что ли, — фыркнул я уже тише, — ему в больницу надо. Обморожение у него. Ну?!

Позорно оставив поскуливающего своего на растерзание мне, двое его приятелей предпочли ретироваться. Ушастый еще пламенные знамена на себе рисовал.

Да что это за идиотизм был вообще?..

Здоровяк стонал уже тише — снова поскуливал, глядя на меня, и продолжал царапать ногу. Мести боится, что ли? Свои-то бросили, делай теперь с ним, что хочешь...

Мне вдруг стало жалко мужика. Потом перестало — когда я поднялся и, скривившись, ощутил всю прелесть нанесенных мне телесных повреждений.

Я сделал пару шагов и привалился плечом к стволу большой акации.

Сегодня однозначно нужно выпить вечером.

И чего покрепче.

Давно у нас не было такого, чтобы прямо вот так. И отоспаться. Да...

Я разыскал взглядом зонт.

Снова посмотрел на скорчившегося на земле здоровяка.

Морщась, проковылял к зонту, подобрал. Боль отступала нехотя, грозя вернуться, как только я совершу движение чуть более резкое, чем следует. Я подошел к мужику, присел рядом, кривясь:

— Ну что? Бросили тебя?

Он проныл в ответ что-то неразборчивое.

— В травмпункт... пойдём или где? Ноги твои с тобой. Слышишь? Шок пройдет сейчас. С тобой твои ноги, на месте. Не до кости, не бойся. В травмпункте скажешь, что жидкий азот, понял?..

Мужик заныл снова и закивал утвердительно.

Понимает.

Я помог ему встать и, отдуваясь, потащил свою хромающую "жертву" вниз по улице.

Что ж, придется поменять маршрут и навестить другой продуктовый магазин вместо запланированного.

— Это тебе еще мало досталось, — сообщил я здоровяку по пути. — И зачем вы на меня напали?.. Я ж нищ и никому не нужен.

— Заплатили, — простонал мужик сквозь зубы.

— Много?

Он промолчал.

— Кто заплатил?

— Не знаю, — выдохнул мужик, и я ему поверил.

— Анонимно, что ли?

Ответом мне было шипение сквозь зубы и пара кивков.

— За что заплатили именно? — продолжил допытываться я.

— Припугнуть, пару ребер сломать, грех на душу не брать.

— Убивать, значит, не просили?

— Так это не так делается и не столько стоит, — с неожиданной теплотой в голосе признался здоровяк. — Нам сказали, мол, осторожно, а ты ж — ну... и кто ж знал, что ты из этих.

— А по мне не видно, что ли?

— Да мало ли молодежь выпендривается... Знали бы — вообще б не трогали.

— М-да. Ну, ты, вообще, завязывай с этим "легким" заработком, ага. Вот напорешься на некроманта... мясо давно ел?.. — и разорвет тебя изнутри курица-зомби, мало не покажется. Не шучу.

— Да вас же мало осталось, — прохрипел мужик.

— Нормально нас, — ответил я. — Тебе хватит.

Когда ты реवेशь белугой, сидя на бордюре, размазываешь по лицу слезы, сопли и дождевые капли, прохожие обычно дают тебе вволю погоревать, не приставая и даже особенно не разглядывая. Мало ли, какая там беда приключилась у человека. Что ж теперь, и пореветь нельзя? Улица — место общественное, хочешь — ходи, хочешь — реви, только не воруй и никого не убивай.

И вообще, на исходе лета, в городе у моря, когда теплый проливной дождь припечатывает пыль к горячему асфальту, плакать о своей судьбе — одно удовольствие. Извращенное, конечно. Не слишком достойное. Но если тебе еще и везет, как проклятой — то практически неизбежное.

И когда Никс почти уже затихла и съежилась комочком, а в голове у нее зазвенела болезненная легкость и отчаянная пустота, — предвестники внутреннего спокойствия, в котором, как известно, можно найти истинно верное решение для парочки экзистенциальных вопросов, к ней так никто и не подошел.

Ответов на вопросы тоже не отыскалось за неимением точно сформулированных вопросов.

Никс, шмыгнув носом, сунула руку в карман и, нащупав там несколько смятых банкнот и мелочь, встала с бордюра и все-таки пошла прятаться под деревом, чтобы пересчитать деньги, их не намочив.

Оказалось, что хватит на пирожок. И даже на кофе. На проезд электричкой до Змеиной Косы не хватит, а на пирожок — вполне.

Еще хватит на то, чтобы добраться к дому некроманта. Там, конечно, пилить до старого водохранилища, потом по лесу... У него там точно есть еда, а деньги?.. Без спросу брать деньги как-то не очень. Надо звонить. Звонить не хочется — Камориль точно расскажет все Эль-Марко.

Задумчиво оглянувшись вокруг, Никс заметила через дорогу гастроном, на вид — не маленький, и направилась напрямик туда, вляпавшись по дороге в пару дождевых ручьев по щиколотки.

Продавщицы смотрели на Николу неодобрительно, деньги приняли брезгливо, но булку с творогом продали и кофе в пластиковом стакане сообразили.

Никс вышла под козырек над входом в магазин и, вздохнув, укусила булку.

Булка была вкусной. Жизнь показалась чуть менее безрадостной, чем полчаса назад, и появилось даже ощущение, что можно со всем разобраться.

Из-за угла кто-то вышел. Никс не стала сразу оборачиваться, услышала только, как дождь с характерным звуком колотит в тугий барабан зонта. А когда обернулась, то увидела сначала сам ярко-красный зонт, а потом сразу же распознала в хозяине зонтика еще одного своего старого знакомца.

Не заходя под спасающий от дождя козырек, глядя молча и притом как-то неизъяснимо выразительно, перед Никс стоял Рин Даблкнот — юноша на вид лет двадцати с хвостиком, высокий, поджарый, одетый, словно шут и оттого приметный, как рекламная вывеска, с лицом, выражающим убийственное высокомерие почти всегда. В этот раз высокомерия было чуть меньше, чем обычно, а еще он был изрядно помят: щека залеплена пластырем, две царапины на виске, замазанные зеленкой, на одежде — блеклые грязевые потеки. Упал, что ли, неудачно как-то?.. Светлые волосы, отливающие синевой — крашенные наверняка, — были завязаны в хвост и плотно стянуты вместо обычной небрежности. На стеклах очков в металлической оправе серебрились мелкие дождевые капельки, а по левой линзе струилась тонкая трещина.

Ему бы сказать "привет!" или еще чего, да и Никс не стоило бы молчать. Но она молчала, потому что совсем не знала, что говорить, и к тому же жевала булку.

Еще в первую их встречу (если это, конечно, можно назвать встречей) Никола Рэбел решила для себя не иметь с этим человеком никаких дел. Решение это было подспудным, и, как ей тогда казалось, единственно верным. Потом события беспокойной прошлой весны закружили ее, увлекли, потащили за собой. Неприятности оборачивались приключениями, приключения превращались в драму, а потом она научилась как-то в этой драме жить. И с тех самых пор — целое длинное, беспокойное, в мгновение ока прошедшее лето, — Никс не видела ни тщетно искомого ею Ромку Заболотницкого, ни Ари и Тиху Одишей, ни Рина Даблкнота.

И вот, после всего, что выпало на ее долю в этот ненастный день, в неизвестном районе незнакомого города ей встречается он — и что это, если не очередная насмешка судьбы?

Никс хорошо уже знала, чем грозят ей подобного рода вещи. Встреча эта, похожая на внеплановое везение, почти наверняка может в любой миг обернуться бедой.

Никс смотрела на человека, держащего красный зонт, достаточно большой, чтобы укрыть их обоих, снизу вверх и, уже дожевывая булку, по-прежнему не говорила ни слова.

— Ждешь кого-то? — спросил Рин, перехватывая зонт в другую руку.

Никс внутренне напряглась. Ей не хотелось никак оправдываться, а отвечать правду было долго. Да и вряд ли ему интересна правда.

Поэтому она ответила вопросом на вопрос:

— А похоже?

Рин недоуменно вскинул брови, нахмурился, потом улыбнулся мягко:

— Ну, как будто бы. Вообще, я подумал, может, у тебя случилось что.

Улыбка эта показалась Никс снисходительной и насмешливой, — всего лишь на секунду, но мгновения этого хватило, чтобы внутри неприятно завозилась, вроде бы схлынувшая уже тоска. Никс разрывалась между тем, чтобы накричать на белобрысого

надменного шута, и тем, чтобы снова разреветься. Вот уж не вовремя он со своей наигранной добротой и жалостью! Да и сам хорош! Помятый, словно рваная тряпка, и вздумал насмехаться!

— Тебе-то какое дело, случилось или нет? — зло спросила Никс.

К ее удивлению, злость что-то внутри переключила, словно тумблер какой-то, так, что ей даже стало немного лучше. Веселей, что ли. Совсем чуть-чуть. Хотя и стыдно немного.

— Никакого, ты права. Не буду более мешать, — ответил Рин, складывая зонт. Отряхнув капли, он прошел мимо Никс внутрь магазина.

Она снова осталась одна.

Дождь и не думал прекращаться, а кофе заканчивался.

Никс подставила пустой стаканчик под струю дождевой воды, стекающую с края навеса. Стаканчик наполнился. Никс воду вылила.

Редкие прохожие не обращали на нее внимания.

В мокрой одежде было неуютно, а сушиться привычным магическим способом не хотелось, особенно после всех этих событий в академии.

Рин Даблкнот, значит.

А ведь кто-то был бы счастлив встретить его просто так. Хотя бы встретить. Но Никс не принадлежала к поклонникам "Негорюй", даже понимая, в принципе, что в них находят. Вот если бы они были хотя бы из столицы, ну, или пели на другом языке... тогда, возможно, она бы позволила себе увлечься их творчеством. А так...

Но. Рин ни с кем из ее окружения близко не общается. Ведет себя адекватно, не то что она. Может, попросить его занять денег до Змеиной Косы?

Идея была, конечно, глупая. К тому же, не стоило огрызаться на единственного знакомого человека, встретившегося так вовремя, но... что же теперь делать.

Из магазина вышла степенная пара, мужчина открыл зонт, провел спутницу к припаркованной невдалеке машине, они погрузились и уехали.

Никс все еще взвешивала за и против, уже уразумев, что "за" перевешивают и начав параллельно придумывать, что сказать и как бы подвести разговор к вопросу о займе.

Прошло еще десять минут и Рин наконец вышел из магазина, теперь — с увесистым пакетом в руке. Еды накупил, наверное. Открывая зонт, он осведомился у замершей в ступоре Никс:

— Ну что, как успехи?

— Успехи, — повторила она эхом. — Да какие же тут успехи?..

Рин вышел под дождь и капли весело застучали по алому куполу зонта.

— Я блуждал по магазину двадцать минут, — обернувшись, Рин улыбнулся, на этот раз очевидно глумливо, — и за это время порядочная девушка должна была уже к тебе явиться, что уж говорить о порядочном парне. Так что, может, ну его?

Никс молча смотрела на него. Моргнула. Неужели...

— Что ты предлагаешь? — спросила она.

Рин пожал плечами.

— Пойдем ко мне, там подождешь. Можешь позвонить своим приятелям и сказать адрес, тут недалеко.

Он смотрел на нее выжидающе, спокойный и внимательный.

Никс колебалась. Выходило, что она ему врет. Нет никаких приятелей. Есть только неприятности, глупые и жалкие.

Что ж. Сам напросился.

— У меня, в общем, сумку украли в столовой, — сообщила Никс сквозь зубы. — Сегодня. А мне... в общем... завтра уже в академию, а в городе нет никого, только Тиха, разве что, а номера его тоже нет, и денег нет, и...

— Какая ты, однако, везучая, — заметил Рин.

— Издеваешься? — голос Никс угрожающе зарокотал.

— Ничуть, — Рин коротко улыбнулся. — Когда я буду издеваться, поверь, сомнений у тебя не возникнет. Ну так что?

Никс молчала.

Рин, не дождавшись ответа, вздохнул, перехватил зонт в левую руку и двинулся прочь. Дождь постепенно скрадывал его силуэт, и даже яркая одежда не спасала.

Никс, опомнившись, бросилась следом. Холодные капли скользнули за шиворот, брызги полетели из-под ног во все стороны.

Занырнув под большой красный зонт, Никс, слегка запыхавшись, выдала:

— Осознала. Да. Чай. Чай — это то, что мне нужно. Я иду с тобой. А где ты живешь?..

Под зонтом стук капель звучал глухо.

— Тут недалеко. В старом городе, — ответил Рин.

— В старом городе? — Никола ахнула. — Но ведь там... опасно!

— Ага, наркоманы, падшие женщины, тупые ублюдки, желающие размяться за твой счет...

— А разве нет?

— Ну а где их нет?

— А ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?

— А ты?

Никс закусила губу, чтобы ничего резкого не ответить. Ей хотелось спросить, не "тупые" ли "ублюдки" стали причиной трещины на Риновых очках и прочей его потрепанности, но Никс не решилась. Шли некоторое время молча, минули книжный магазин, старый закрытый театр и свернули с проспекта на узкую затененную улицу, поднимающуюся вверх под небольшим уклоном. Проезжая часть была вся заставлена припаркованными так и этак машинами, так что пришлось их то и дело огибать и всячески лавировать между ними.

На следующем повороте Рин спросил будто бы между делом:

— А кто тебя научил к незнакомым парням в гости ходить?

— Я не боюсь мужчин, — гордо призналась Никс.

— Вот как.

— Не то что б это было правильно, но уж как есть. К тому же, ты не знакомый, — добавила она. — Тебя все знают.

Рин ничего на это не ответил — свернул неожиданно куда-то вправо. Никс пришлось поспешить. Переулок, по которому они шли теперь, оказался куда более узким. Он устремлялся вверх так круто, что кое-где даже попадались плоские каменные ступеньки. По мощенке ручейками стекала теплая вода, смывая с насквозь промокших тряпичных босоножек остатки налипшей грязи.

— Тут осторожней иди, — посоветовал Рин, — начинается стекло.

И правда: когда они свернули на очередную улочку, обнаружилось, что вся она устлана стеклянными изразцами — разноцветными, гладкими и шероховатыми, матовыми,

щербленными, ромбовидными, квадратными и округлыми, похожими на прозрачную морскую гальку. Умытая дождем, разноцветная мощенка блестела, и каждое отдельное стеклышко казалось вмурованным в землю драгоценным камнем.

Никс засмотрелась на игру цветов и чуть было не нагнулась на практически ровном месте, но ловко удержала равновесие, даже ни за что не зацепившись.

Совсем скоро, преодолев пару крутых лестниц, они пришли. Дом — красный, кирпичный, с крышей, покрытой фигурной жезью, был двухэтажным, в маленьком дворике подле него росли орехи и шелковица, невысокий забор оплетала пышная ежевика. Рин передал Никс красный зонт, а сам, разыскав в кармане ключ, коленом придавил металлическую калитку. Завозился, разбираясь с замком.

Никс, приняв тяжелый, на самом-то деле, зонт, стала оглядываться: с трех сторон — похожие обветшалые дома, а дорога идет дальше, куда-то на юг. Слева от дороги — крыши тех домов, что ниже по уступу, а справа — земляной холм, покрытый выжженной травой, на нем — железобетонный столб линии электропередачи, и провода свили себе гнездо у него на самом верху. Подобные опоры можно было разглядеть и дальше, но они, в конце концов, терялись из виду за холмом.

— А что там? — спросила Никс, указывая на дорогу.

— Обрыв, старая водонапорная башня, довоенные развалины, — ответил Рин, открывая дверь во двор. — Заходи.

Дворик был небольшой, усаженный розовыми кустами. К входу в дом вела лестница без перил, сложенная из охристого гладкого камня. Замок на входной двери дался Рину легче, и вот Никс, следуя за ним, ступила опасно в густой синеватый полумрак, пахнущий сыростью и, почему-то, мятой.

— Проходи, обувь здесь снимай, сейчас тапки дам, — заговорил Рин, поставив пакет с едой на пол и разобравшись со своими ботинками и курткой. Голос его звучал неожиданно тепло, так, что Никс даже удивилась. Да что не так с этим парнем?

Он и правда выдал ей темно-фиолетовые пушистые тапочки.

Потом он какое-то время гипнотизировал свое отражение в старом пыльном зеркале сбоку от двери, щурясь без очков и трогая правую щеку, а когда обернулся, сказал:

— Пойдем на второй этаж, я там живу.

— Снимаешь? — спросила Никс.

— Ага.

— А хозяйка где?

— Сейчас нету.

— Ладно.

Никола, оглядываясь по сторонам, прошлепала вслед за Рином по длинному коридору к металлической винтовой лестнице. Когда они поднимались, лестница приглушенно гудела. Вывела она их в узенький, темный коридорчик с единственным мутным окошком в торце. С обеих сторон коридора было по две двери.

— Здесь — уборная, совмещенная, снизу никто не ходит, но быть надо настороже: щеколда заедает, можешь себя нечаянно запереть, — стал рассказывать Рин. — Тут — кладовка, в ней ничего интересного. А здесь вот я живу, а в той комнате — сплю. За свои деньги местечка лучше не найти, да и зачем? Вон, смотри, какой вид из окна.

Вид из окна Николу, выросшую в раздольной Змеиной Косе, где со всех четырех сторон можно разглядеть горизонт, не впечатлил. Но вот внутреннее убранство съемной этой

обители показалось ей неожиданным и, более того, странным. Даже, пожалуй, не столько странным, сколько непонятным.

В комнате царил бардак. Он властвовал здесь безраздельно, кое-как отступая лишь в районе окна и створок платяного шкафа. Помещение было набито разномастным барахлом под завязку. Цветастые склянки, прокопченные бока трех высоких кальянов, подсвечники, чайники, чьи-то гипсовые бюсты, часы, сувенирные тарелки, настольные лампы и прочая приметная, разноцветная, металлически-блестящая мелочь оккупировала практически все свободное пространство комнаты. Стройные ряды деревянных полок, занимающие стены от пола и до потолка, тоже не пустовали, ощетинившись пестрыми корешками разноформатных книг.

Так, развернуться среди всех этих вещей, ничего не задев, представилось Николе задачей практически невыполнимой. Лишь приглядевшись чуть-чуть получше, она поняла, что пыли, в общем-то, на цацках и статуэтках не так уж и много, вещи, на самом-то деле, все не такие уж старые и не совсем убитые. Некоторые увиденные здесь шгуки ей, по правде говоря, в жизни еще не попадались, и она даже не смогла бы их как-то назвать — просто слов для такого не знала.

На большое, удобное на вид кожаное кресло с широкими подлокотниками был наброшен лоскутный плед. Кресло располагалось возле окна, там же, рядом, был заваленный бумагами и книгами стол, на котором, в окружении пяти грязных кружек, стоял раскрытый, но выключенный ноутбук.

— Ты клептоман, что ли? — спросила Никс у Рина, который как раз рылся в шкафу.

Он аж отвлекся от своего занятия.

— Что? — спросил, поправляя съехавшие на нос очки.

— Ты, что ли, клептоман, спрашиваю? — повторила Никс. — Откуда все эти вещи?

— А, мне слышалось, "некромант", — ответил Рин, снова отворачиваясь к вороху кое-как сунутой в шкаф одежды. — Это называется "патологическое накопительство", но нет, это не оно. Это мне поклонники дарят и друзья... Ну и кое-что — не мое, надо бы отдать, а многое от прошлых жильцов осталось, не выбрасывать же, вдруг понадобится?.. Но, ты права, надо бы разобраться с этим всем...

Он наконец нашел, что искал. Развернул, осмотрел, понюхал зачем-то и продемонстрировал Никс широкую ярко-желтую футболку, которая и ему самому, наверное, была бы велика. Спросил:

— Пойдет?

— Кому?

— Тебе. Тебе же надо переодеться в сухое.

Никс автоматически приняла футболку из его рук, не понимая, что вообще такое творится.

— Да я б сама высушилась... Я просто... Точнее...

Она вспомнила давешнюю джинсовую девку, ее грубый и глупый запрет на волшебство, и злость снова заклокотала внутри.

— Не рассчитай и пол мне прожжешь, он деревянный, — сказал Рин. — В таком эмоциональном состоянии тебе только колдовать, ага.

То, как Рин с ней говорил, (а говорил он по-доброму и вел себя, пожалуй, даже чересчур заботливо) никак не вязалось с его образом и тем, что она о нем знала и успела подумать.

— Л-ладно, — проговорила Никс нерешительно.

— Переодевайся, потом спускайся вниз, на кухню, я чая сделаю. Или, если хочешь, можешь вот в сеть выйти — паролей не стоит, но минут через двадцать все равно спускайся, надо же перекусить.

— Х-хорошо, — ответила совсем огорошенная Никс.

Рин вышел и плотно прикрыл дверь за собой.

Никс, поглядев по сторонам, начала было стягивать с себя промокшую футболку, но остановилась. Поддавшись сиюминутному любопытству, она заглянула в соседнюю комнату — в ту, где Рин, по его словам, спал.

Спальня оказалась чуть меньше, но такая же захламленная. Там было чуть светлее, а на стенах, вместо полок, висели афиши и плакаты в рамочках.

Никс не поверила своим глазам. Она несколько раз моргнула на всякий случай. Нет, все так и есть. Ошибки быть не может. Это, кажется, именно он, и, скорее всего, не зря кажется.

Никс даже ближе подошла, все еще себе не веря.

С большого, немного выцветшего плаката в темных тонах на нее смотрел мужчина неопределенного возраста с бледной до синевы кожей и волосами черными, как вороново крыло. Глаза его, хищные и щедро подведенные тушью, тлели потальным золотом, а одет он был, словно порядочная работница древнейшей профессии. Волосы, правда, покороче, да и начес... Но, не смотря на кое-какие отличия, не узнать в нем Камориль Тар-Йер было практически невозможно.

Во дела. Рин — фанат Камориль? Никс улыбнулась, а потом и рассмеялась негромко. Так вот чего он такой добрый, — подумалось ей. Вот оно что. Ну, хорошо, раз так. Раз так — то и ничего страшного.

Она стянула мокрую майку через голову, повесила на батарею. Быстро накинула огромную желтую футболку — плотную, хлопковую, теплую. Футболка оказалась такой большой, что закрыла ноги чуть ли не до колен. Поэтому Никс и комбинезон сняла и тоже на батарею повесила. В сеть не пошла — что там искать сейчас? — а стала спускаться вниз.

Дом оказался, все-таки, не маленький. Относительно верхнего, нижний этаж, скудно освещенный, был по ощущениям еще и каким-то холодным. Никс прошлась по коридору и завернула в кухню, где вовсю уже творилось обыкновенное бытовое волшебство: Рин в фартуке чего-то строгал ножичком. Свитер он закатал по локти, и на белых его руках Никс увидела темные синяки, но спрашивать о них снова не решилась. Вместо этого осведомилась:

— Помочь?

— Не, — ответил Рин, — садись. Вон твой чай. Сахар клади.

Покончив с нарезкой овощей, он обернулся и поставил на стол две пузатые полупрозрачные тарелки с лапшой, залитой бульоном. В обе положил по половинке яйца, по ломтику мяса и присыпал сверху ароматной свежей зеленью.

— Прошу!

Никс сглотнула слюну и послушно взялась за ложку. На мягком табурете она сидела, по привычке, вместе с ногами и надеялась, что никого это не смутит.

Рин уселся напротив, тоже на табуретку, и стал есть незаметно извлеченными откуда-то палочками.

— Вкусно, — похвалила Никс.

— Не отвлекайся, — посоветовал Рин. — Остынет.

По прошествии нескольких минут упоительного поглощения пищи Никс поняла, что слегка объелась, но жалеть об этом не стала. Чай, который, казалось, уже в нее не влезет, тем не менее отлично пошел.

— Ну, а теперь рассказывай, как ты докатилась до жизни такой, — предложил Рин.

Никс дула на чай, хотя он в этом и не нуждался. Чаинки плавали внутри стеклянной кружки весело и бессистемно.

— Ну, в общем... — начала она, — сначала меня угораздило родиться в этом мире мной, — помолчала. — А потом... если коротко...

И она рассказала о событиях этого дня, и забежала немного назад, и попробовала представить, что будет потом, и от этого настроение ее снова сделалось отнюдь не радужным. Рин слушал внимательно, не перебивал, только зачем-то раз за разом включал электрический чайник заново подогреваться, да подливал себе в чашку кипятка по чуть-чуть.

— Ясенько, — протянул он, когда Никс закончила свой сбивчивый рассказ. — Барышню ту я знаю. Обоих знаю, если уточнять. Высокую, как ты говоришь, "джинсовую", зовут Кей, настоящее имя — Катерина Берса. Она не так проста. Темная лошадка с неясными целями и странными методами. У нее недетских размеров связи то ли в руководстве академии, то ли в самой гильдии, кабы не родители какие-нибудь. Ее отмажут, даже если она съест первокурсника на обед при всем честном народе.

— Поглощающая — дочь кого-то из руководства академии? — недоверчиво переспросила Никс. — Конечно, что такого-то, но я как-то не думала, что... ох... в голове не укладывается!

— Ничего такого, действительно, не было бы, и барышня бы не тусила который год в стенах твоего филиала, если бы она и в правду была истинной поглощающей, — довольно разъяснил Рин так, что Никс в итоге еще больше запуталась.

— А кто же она тогда? Я ее... я ж ей по животу... прям рукой вот. Там или верещать и убегать, или наблюдать за бурным расцветом волдырей! Может, она бесчувственная какая-нибудь?

— Или андроид-пришелец? — Рин улыбнулся.

Никс глянула на него с прищуром:

— Так что она за феномен такой?

Рин оперся локтями на стол и отхлебнул только что разбавленного кипятком чая, уже практически бесцветного.

— Ну, не томи! — взмолилась Никс.

— Она элементарист, — ответил Рин, поставив кружку на темную столешницу, — насколько я понимаю. Так называемый нулевой элементарист, фальшивый поглощающий. Она — твоя и моя "сестра", если это можно так назвать, но она ничего не может. И этого "ничего" достаточно, чтобы обидеться на судьбу.

Никс удивленно молчала, переваривая.

— Такое... возможно? — наконец проговорила она.

— Вполне, — ответил Рин. — Поглощающие — они, на самом деле, разные. Бывают — абсолютные, бывают специализированные, а бывают — как наша Берса, фальшивые, заточенные под огоньков или таких, как я. Им закрыты пути в родную гильдию, ибо они — магические импотенты, и у них нет никаких шансов пробраться к настоящим поглощающим. А приметная юница в розовом, кстати, — Анита Совестьная, и тут все тоже не столь ужасно, как тебе могло подуматься, а еще хуже, но это не суть.

— Ты знаешь, зачем она это сделала? — настороженно спросила Никс. — Зачем она украла мою сумку? Из-за того, что ей на меня указала эта Кей?

— Как знать, — уклончиво ответил Рин. Отхлебнул еще чаю и заел его конфеткой из вазочки. Молчал, жевал, косил на Никс серым глазом, похожим на грязную морскую ледышку. Прожевав, продолжил, как будто бы сжалившись: — Чего-то они от тебя хотят, эти две красавицы. Скорее всего, завтра — или когда ты там должна снова быть в академии? — тебе предстоит с ними разговор. Ты, кстати, кому, кроме меня, успела на произошедшее пожаловаться?

— Никому, — грустно ответила Никс. — Только в полицию ходила, заявление написала.

— Занятно, — протянул Рин. — Бери конфету.

— Не хочу.

— Зря.

Он поднялся и пошел к раковине, мыть тарелки и свою чашку. Никс чай еще не допила и кружку держала в ладонях. Печально вздохнув, она произнесла наконец то, что давно намеревалась, но все духу не хватало:

— А ты... а ты можешь мне денег занять на проезд немного?..

Рин снова ничего не ответил и даже на нее не посмотрел. Никс стало несколько неудобно. Она уже было пожалела, что вообще спросила. Покончив с посудой, Рин все-таки соизволил обернуться, сложил руки на груди, сдул упавшую на лицо прядку и ответил:

— Нет.

И загадочно замолчал.

— Вот... как, — смущенно проговорила Никс, сжимаясь калачиком. — Но... эм... почему?..

— У меня есть идея, как помочь тебе лучше, — ответил Рин и улыбнулся. Улыбка получилась слегка пугающая, бледная и кривоватая, но при том довольно искренняя, как будто бы.

Никс вспомнила, как на вопрос его "кто научил ее ходить в гости к парням" ответила, что мужчин не боится. Тут же пожалела о своем ответе. Пожалев, сразу же себя одернула и смирила мелкую дрожь, начавшую было распространяться по телу откуда-то из коленок.

— И... как же? — спросила она, заставив себя глядеть ему прямо в глаза.

— Скоро начнет темнеть, — сказал Рин, вешая кухонное полотенце на плечо и оглядываясь на окно. — У тебя — ни денег, ни документов, ни телефона, ни умения использовать наиболее грамотно твой славный магический дар.

Никс смолчала о том, что у нее, кроме всего прочего, еще и удача проклятой — ни к чему Рину знать об этом, ни к чему.

— Что ты вообще намереваешься дальше делать? — спросил он.

— Ну, — протянула Никс. — Я думаю... я думаю добраться домой, в Змеиную Косу... там у меня под половицей ключи от гаража спрятаны. В гараже, теоретически, можно спать. С утра вернусь в город, отучусь, а там, может, как-то яснее станет насчет сумки, или в деканат схожу, или к Абеяру Никитовичу, раз уж имя воровки мне теперь известно. Вот такой примерно план.

— Никуда не годится, — заявил Рин.

У Никс даже волосы на затылке дыбом встали, так ее возмутил его ответ. И это ж она еще про идею пролезть домой в форточку не рассказала!

— Ну, тогда лучше что-нибудь предложи! — выпалила Никс.

— Отлично. Сейчас пойдем на набережную, заработаем тебе денег на карманные расходы, чтобы хватило хотя бы на недельку, — начал Рин.

— Что? На набережную? Заработаем?

— Не волнуйся, ничего криминального. Сегодня переночуешь у меня, а завтра я сведу тебя с барышней, вместе с которой сам снимал комнату, пока учился. Слышал, она себе никого в соседи пока не нашла, и, полагаю, приютить тебя на первое время согласится. Квартира, кстати, недалеко от академии, — считай, большое везение, можно будет с утра подольше поспать! И это все позволит тебе относительно спокойно заниматься поисками пропавшей сумки и разбирательствами с милашками Анитой и Катериной.

— Это все звучит как бред умалишенного, но, кажется, может сработать, — ответила Никс.

— Отчего же как бред?

Но Никс ему не ответила. Хотела сказать, что опекун учил ее быть самостоятельной и, по возможности, самой разбираться со своими бедами и не полагаться на помощь других. Доучился, кстати сказать, но это ладно. Хотела даже предупредить, что раз они общаются сейчас, то ему стоит опасаться: утопленническая ее удача имела свойство перекидываться на тех, кто рядом, как бы задевая их своим контрастным краешком.

Но Никс ничего этого ему не сказала, зато запоздало поблагодарила за вкусный и сытный обед, на что Рин небрежно ответил "пустое" и пошел наверх.

Никс старалась Рину не мешать. Он сказал ей, что на набережную они пойдут чуть позже, а до тех пор ему надо сделать кое-какие дела. Он устроился на своем кожаном кресле, спустив ноутбук со стола на колени и, кажется, полностью абстрагировавшись от реальности. Никс, оказавшись предоставленной сама себе, отправилась изучать чужой дом, раз хозяев нет и делать больше нечего.

Надолго дома не хватило, да и особо интересного в нем ничего не нашлось. Никс немного поразглядывала город из окошка на первом этаже. Там, за невымытым стеклом, стремительно расходились тучи, как будто бы они куда-то спешат и им просто необходимо сообразить осенний ливень где-нибудь еще. Покатые разноцветные крыши старого города влажно поблескивали в лучах стремящегося к горизонту солнца. Никс сумела разглядеть даже клочок моря вдаль — маленький, яркий, пронзительно-голубой.

Потом она изучила прискорбно скудную хозяйскую библиотеку, заметила сборник фантастических рассказов и, потянув за корешок, выудила и принялась читать, присев рядом с диваном прямо на пол. В книжке гигантские боевые роботы бороздили просторы космоса, инопланетные захватчики проявляли чудеса хитрости и изворотливости, галактику спасали юные девочки исключительно силой любви, а если не спасали, то умирали на руках у прекрасных юношей, сами по себе прекрасные ничуть не менее.

Никс захлопнула томик, не осилив до конца четвертый рассказ. Уставившись в стенку напротив, она вспоминала прошлую весну. Вспоминала, как в сад, тяготеющий к запущенности, что возле дома черного, словно уголь, ворвались твари, мерзкие, будто прогнивший холодец, как... да очень мерзкие, чего уж там, зачем эпитеты, и так не ясно, что ли? И твари эти были смертоносны и практически непобедимы, но их сильней и смертоносней были ее друзья. А потом... а что потом? Потом — самое худшее и самое странное, зачем-то настоящее, зачем-то вправдашнее и реальное, и если всему остальному,

вроде как, есть объяснение, то этому никто объяснения так и не дал.

При зажатой струне она смогла сколдовать прямой белый луч, настолько мощный, что тварь, собравшаяся из забредших в сад Камориль других тварей и выглядящая непобедимой, будто бы "переела" энергии, вспучилась и взорвалась. Это не было простым профильным волшебством и не было ступенью мифа. Никс показалось тогда, что у нее в груди расцвел огненный цветок — но откуда он взялся? Огонь-то понятно, это дар. Конечно, редкий, немного страшный дар, проклятие, одним словом. Но огненный цветок — что это? И если это — тоже частица силы Духа Огня, как у Камориль и Мйара, то откуда она у нее? Она веде Мертварь пальцем не трогала, просто потому, что ее самой тогда еще на свете не было. Эль-Марко предполагал, что, может, сила ей передалась через отца — но что же это выходит...

В тот день Никс впервые почувствовала, насколько с ней все не так. И к Ромке и его "проклятию" это отношения не имело. Это было в ней будто бы изначально, и все эти годы спало, сокрытое, тайное, страшное, неизмеримое. Чужое. Никому не понять, что она испытала, когда огненный цветок расцвел.

С того дня такого не повторялось. Что и немудрено, в общем-то, ведь подобных ситуаций больше не было, да и струн Эль-Марко с тех пор никому не зажимал.

И если от собственной врожденной магии огня даже на душе становилось теплей, то солнечный цветок... его жар был очень странным, и Никс решила, что не хочет испытывать такое снова. Как-то это... слишком.

И ни с кем же об этом не поговорить...

Она обернулась на шум: в дверях показался Рин Даблкнот, одетый чуть сдержанней, чем днем. Через плечо его был перекинут ремень от гитарного чехла, который висел за спиной. Левый глаз припух и посинел — совсем чуть-чуть. Никс снова задалась вопросом, что ж с ним такое случилось?.. И снова не решилась спросить.

— Пойдем, — позвал Рин. — Переодеваться обратно будешь?

— Да не высохло ж еще, наверное, — ответила Никс, начав потихоньку догадываться о том, что он задумал. — Так пойду. Лето же еще.

— Лето уже день как кончилось, — отвечал Рин, пока Никс застегивала босоножки, все еще чуть влажные. — Вот, возьми. Можешь надеть пока.

Он вручил Николе широкополую зеленую шляпу из плотного фетра, украшенную рябым пером, длинным и острым.

Никс взяла ее в руки, погодя надевать. Но потом все-таки примерила и подошла к зеркалу. Шляпа оказалась ей великовата и тут же сползла на нос. Никс сдвинула ее на макушку. Вместе с явно большой ей желтой футболкой такой экстравагантный головной убор смотрелся странно, а в целом вид получился слегка босяцкий. К тому же, свободный покроя скрыл контуры тела, и Никс сама бы сейчас больше четырнадцати себе не дала.

Она скорчила своему отражению рожицу и отвернулась. Кашу маслом не испортишь, а нескладную веснушчатую девицу вроде нее не изуродуешь дурным нарядом, так что фиг с ним. Зато не жарко и не мокро.

— Пойдем-пойдем, — поторопил ее Рин.

Уже скоро они снова шли по одной из запутанных улочек старого города. Мощенка была по-прежнему скользкой после дневного ливня, но зато на крышах и подоконниках показались коты, голуби и воробьи.

— Тут до моря минут так этак полчаса идти, да? — предположила Никс. — А то и час?

— Мы пойдем коротким путем, — ответил Рин, — срежем через заброшенную

воинскую часть.

И в самом деле, на одном из переулков, вместо того чтобы пройти по нему и выйти на более широкую улицу, Рин свернул направо и перемахнул через полуразрушенный бетонный забор. Никс легко последовала за ним, порадовавшись, что он не стал ей помогать. Обычно все эти помощники только мешают, приходится следить, чтобы и их отказом не обидеть, и не навернуться, а в итоге получается попросту неудобно.

Преодолев забор, они попали в неширокую лесополосу, а из нее выбрались на потрескавшийся, неровный асфальт заброшенного плаца. Вдалеке виднелись полуразобранные ангары, исписанные граффити.

— А сторожей тут нет? — оглядываясь, спросила Никс.

— Сколько хожу — ни разу не встречал, — ответил Рин. — Да и что тут сторожить?

Плац был усыпан каменной крошкой, колкость которой не сглаживала тонкая подошва летней обуви. Никс устала уже смотреть под ноги, пытаясь на щебень этот не наступить, но плац наконец-то кончился. Солнце к тому времени успело склониться еще ближе к горизонту и теперь висело над черепичными крышами, задевая их рыжим краем, отражаясь в острых антеннах и высвечивая чистой медью электрические провода.

Рин вывел Никс с плаца через покосившиеся зеленые ворота и направился по проселочной дороге вниз. Через несколько минут и несколько крутых лестниц, спрятавшихся между домами, они вдруг снова оказались в городе, но уже не в старом, а в обыкновенном. Чем ближе они подходили к набережной, тем красивей и нарядней становились дома, ярче — реклама, громче — музыка из уличных кафе. Моргнули и зажглись фонари, знаменуя наступление ночи и освещая празднично шатающуюся близ набережной толпу.

— Смотри не потеряйся, — наставительно произнес Рин, и Никс послышалась в его голосе какая-то добрая ирония.

— Да уж куда я денусь, — проворчала она, успешно поспевая следом.

Рин целеустремленно шагал вперед. Никс казалось, что толпа как будто бы расступается перед ним. По крайней мере, ему не приходилось никого обходить и никуда сворачивать: он шел прямо и не сказать, чтобы как-то совсем уж выделялся, все же на набережной все одеты как чучела, но все равно создавалось ощущение, будто ему уступают дорогу — то ли нарочно пятятся, то ли неосознанно сторонятся.

Они, наконец, выбрались на самую набережную. Вот уж кто-кто, а здешние отдыхающие и думать не думали о том, что уже, вроде бы как, осень. Городские пляжи были уже закрыты и зарешечены, но в темном море все равно тут и там кто-то плескался, а камни у ближайшего открытого окончания набережной красовались множеством расстеленных полотенец и подстилок. Тут же сидели люди и, прячась от ярких огней, употребляли, курили и фотографировались на фоне моря со вспышками. Сама набережная пестрела огнями. Множество сувенирных лавок не спешило закрываться. Разнообразные кафе, ресторанчики и шашлычные намеревались, кажется, работать до самого утра. Кто-то продавал шарики с гелием, сладкую вату, вареную кукурузу, кто-то рисовал за деньги угольные портреты, подсвечивая листы светодиодными фонарями, кто-то раздавал флаеры, визитки и пробники.

Летом здесь, и даже в Змеиной Косе, что ни вечер, то ярмарка, карнавал и народные гуляния, и коренные жители к такому, в общем-то, привыкли. Вот и Никс не особо смущала толпа: она умела легко и быстро абстрагироваться от огромных человеческих масс, празднично шатающихся окрест, так, что начинала воспринимать их как подвижные кусты или деревья,

не более.

А Рин все шел куда-то, рассекая толпу, и почему-то казалось, что время застыло, и набережная бесконечна, и он никогда никуда не придет.

Но он все-таки остановился, осмотрелся по сторонам и сказал:

— Вот тут и начнем.

— А мне что делать? — спросила Никс, тоже оглядываясь.

— Изображай активность и пританцовывай, если стесняешься приставать к людям с шапкой, или приставай с шапкой, если стесняешься изображать активность и танцевать.

— Поняла, выполняю, — с готовностью заявила Никс, снимая шляпу с головы и зажимая ее в ладошках, еще не уверенная, что именно она будет делать.

Рин тем временем оперся на высокий парапет так, что море оказалось у него за спиной. Расчехлил гитару — черную, блестящую, с тонким грифом, — перекинул через голову ремень, стал настраивать. При этом он еще как-то странно посматривал по сторонам, но Никс этому значения пока что не придавала.

Настроив инструмент, Рин потянулся и распустил волосы. Добыл из кармана медиатор и...

И вот в этот момент мир качнулся и перевернулся в первый раз, уже готовый завертеться над головой, словно сумасшедший, словно взбесившаяся центрифуга, как искусная танцовщица, как дурацкий детский калейдоскоп. Никс вспомнила это ощущение. Точно такое же чувство заполнило ее тогда, весной, в том тесном, темном фрик-клубе, куда ее затащил болтливый Ари, где девушки, позабыв и себя, и приличия, прыгали и кричали, визжали и улюлюкали, любили и ненавидели. Тогда она прочувствовала пустоту, крошечную черную пустоту, зияющую, горькую, высверленную где-то глубоко внутри чем-то, похожим на студеной зимний ветер, на глубинные течения северных морей. Эта пустота была ее, она была сосудом,местилищем еще нераспустившегося огненного цветка, и в той толпе пустота эта срезонировала с гулом экзальтированного зала, с хрипами гитар, с голосом молодого элементалиста льда. Ах, если бы тогда она позволила себе услышать его! Услышать на самом деле, пустить в себя и пропустить через себя этот голос, чистый, как горный воздух, сильный, как майский шторм и теплый, нет, горячий, словно настоящее, живое пламя. Этот голос был огненной птицей, пальцы, скользящие по узкому грифу, были белыми трепещущими мотыльками, и все это вместе было белым халцедоновым клинком, испарывающим ночь, словно солнечный луч, пронизывающий толщу морской волны.

Никс заслушалась настолько, что перестала разбирать слова, и засмотрелась так, что, кажется, запомнила этот миг навсегда: море — черное, волосы — белые, пальцы — тонкие, звезды — яркие, и все это такое настоящее, что кажется, будто бы об резкость этого момента можно пораниться до крови.

Ночь хлестнула ветром по разгоряченным щекам, отрезвила солеными брызгами, долетевшими с берега. Никс вздрогнула, опомнилась, выдохнула, разжала пальцы. Она заметила, что рядом уже собрался кое-какой народ, образуя вокруг продолжающего играть и петь Рина живое кольцо.

Кто-то фотографировал его со вспышкой, кто-то снимал видео, другие просто смотрели, кто-то хлопал в такт. Никс поняла вдруг, что совершенно бесполезна: она не сделала ничего из того, что наказал ей Рин, она просто напросто выпала из реальности.

А песня, от которой ночной воздух стал сладок как мед, заканчивалась, и Никс успела разобрать и понять лишь ее окончание:

...блестящее небо сорвется в бег
И нас переменит напрочь.
И будет сказка о волшебстве,
Рассказываемая на ночь.
И будет мир — как окно на юг,
Как волны у самых ног,
И прикосновение нежных рук
Сомкнется в стальной замок.

— Посодействуйте вольному художнику не ради денег, а исключительно пропитания для, — почти без слышимого перехода объявил Рин о том, как его можно отблагодарить. И посмотрел выразительно не на кого-то еще, а на Никс, и взгляд этот словно булавкой уколол. Никс вздрогнула и тут же осознала, зачем она тут нужна. Изобразив на лице улыбку, она стала обходить круг людей, неся перед собой перевернутую шляпу.

Руки, руки, лица, лица, голоса, звук настраиваемых струн из-за спины, фонари скачут и кружатся, свет мерцает, раскладывается на радужные круги, бликует в пьяных и молодых глазах, щурится, лучится. В шляпу летит металлическая мелочь, скомканые чеки, фантики от конфет и мороженого и мелкие бумажные деньги. Откуда-то из-за спин людей в первом ряду приходит широкая узорчатая купюра, явно иностранная.

Звонит аккорд, причудливо вьется перебор, ладонь ритмично ударяет по гладкому черному корпусу, и из луженой глотки начинает проистекать дистиллированный аудиальный яд, сладкий, как твои первые стихи про любовь и смерть, терпкий, как они же, прочитанные через десять лет, и начисто сводящий с ума — но это его свойство никому бы и в голову не пришло сравнивать с чем-либо еще.

Эта попытка длилась еще всего лишь две песни, ни одну из которых Никс, к счастью или к сожалению, не запомнила.

А потом сквозь собравшуюся толпу прорвались дюжие ребята в темно-синей форме без шевронов и вежливо, но убедительно попросили юношу прекращать незарегистрированное в инстанциях безобразие и вообще освободить территорию санатория, мол, этот кусок набережной — частная собственность.

Рин не стал с ними спорить и даже попробовать уладить дело как-то иначе — просто снял с плеча гитару, зачехлил и с улыбочкой откланялся оставшимся в надежде послушать еще.

— Вы прослушали три песни с грядущего альбома группы "Негорюй" в акустическом исполнении, ищите нас в сети, приходите на концерты, следите за новостями. Огонек, пойдем, — и он, ухватив Никс под локоть, поволок ее вдоль по набережной.

А набережная не зря казалась Николе бесконечной. Ну, как бесконечной... В этот теплый вечер, венчающий собой слишком уж долгий день, Никс воочию сумела убедиться, насколько эта набережная длинна.

— Итого у нас... ага, и даже десять условных единиц кто-то бросил! Отлично. Если не возражаешь, немного я все-таки изыму — куплю винца.

— Да пожалуйста, — ответила Никс слегка безучастно. Она сидела на холодном бетонном пандусе и тупо смотрела прямо перед собой, не понимая, где находится и что вообще происходит.

— Устала? — спросил Рин.

— Я-то? — она глянула на него снизу вверх, — Я... да что я... как я... Как я вообще... Это... слушай, это другой мир какой-то, ты взял и заработал, так просто, и эти люди... слушай, у тебя же этот... как его... талант у тебя, ч-что ли?

Рин улыбнулся криво, правым краешком рта.

— Держи деньги, я в магазин. Гитару сторожи.

— Хорошо.

И он ушел. Никс, покачав головой, принялась пересчитывать финансы и поняла, что Рин не обманул: на неделю скромного питания вполне хватит, а то и на полторы, и даже на проезд еще останется, и тетрадку с ручкой купить на занятия.

Она прижала зеленую шляпу с мелочью и мятыми бумажками к себе и уставилась в ночь, на набережную, только что пройденную ими от начала и до конца, а потом от конца к началу, на черные горы вдаль, на мерцающие, расплывающиеся огни домов. Набережная к полуночи почти опустела, хоть раньше и казалось, что этому не бывать.

С моря тянуло свежестью. Никс холода не чувствовала, хоть и дрожала чуть-чуть от усталости и напряжения в мышцах.

Она старалась не думать. По возможности не думать пока об этой странной второй половине дня, потому что ей казалось, что стоит только начать — и все. Что-то произойдет, тумблер переключится и пути назад может и не быть.

Спокойствие. Никаких мыслей, никаких поисков мотиваций и всего такого прочего. И говорить надо бы поменьше, да. Принимаем все как есть, как дождь, как снег, как рассвет.

Вскоре вернулся Рин и Никс поглядела на него затравленным зверьком.

— Ты чего? — спросил он. — Вино будешь?

— А мне... — Никола запнулась. Прочистила горло, продолжила нерешительно: — Мне можно?

— А ты что, еще не пила никогда спиртного? — недоверчиво покосился на нее Рин. Запрокинул бутылку, сделал большой глоток. Красная струйка потекла у него между щекой и подбородком, и он вытер ее запястьем.

— Пила.

— И как? Аллергии нет?

— Нет.

— Сразу убивает?

— Нет.

— Не хочешь, как днем конфеты?

— Да я все еще шокирована немного. От дня прошедшего, от этого твоего способа денег заработать... Слушай, — она поглядела на него прямо, — а ты, что ли, именно так и зарабатываешь? Или как?

Рин улыбнулся, на этот раз нормально.

— Я, кроме прочего, тексты перевожу. В свободное время, — ответил он. — И пишу иногда рекламные всякие. Очень, знаешь ли, интеллектуально обогащает и кругозор расширяет. А это... Это так, крайний случай. Часто злоупотреблять не стоит — приемся, да и охрана бдит.

— Вот как.

Она помолчала. Рин в это время сделал еще один глоток.

— Спасибо тебе, — произнесла Никс, чуть повременив. — Правда.

— Ай, — отмахнулся Рин. — Сочтемся. Лучше на, выпей, — он протянул ей бутылку. — За компанию и единственное мое сольное выступление в этом году. Не бойся, у меня нет коварного плана напоить тебя и воспользоваться каким-нибудь тривиальным образом.

— А ты умеешь, я смотрю, расположить к себе девушку, — хохотнула Никс, все-таки принимая из его рук бутылку.

— И пробудить сарказм, — Рин хмыкнул.

Никс сидела, он стоял напротив, обхватив себя руками, будто бы ему холодно.

— Слушай, ты знаешь, что... — медленно проговорил Рин, и в голосе его смутно читалась такая странная неуверенность, что в нее и не верилось почти. — Ты, пожалуйста, что бы ни случилось... Я понимаю, что о таком странно просить, но все-таки. Ты нормально ко мне относишься. Я просто человек. Не думай чего-то сверху, пожалуйста. И... и хуже тоже не думай.

Никс даже оторвалась от изучения винной этикетки. Подняла взгляд на Рина. Попыталась понять, шутит он или нет. И разве ж она как-то по-особенному с ним себя вела? Да и разве есть ему, с чем сравнивать? С фанатками своими он ее попутал, что ли? Но вместо того чтобы эти вопросы задавать, Никс ответила, как умела, искренне:

— Да я и не думала... как бы.

Ветер перекинул несколько прядей Рину на лицо, и он, достав из кармана черный шнурок, завязал волосы в хвост.

— Тебе холодно? — спросила Никс, решив, что после такого его заявления имеет право на чуть более личные вопросы.

— Немного, — Рин кивнул. Вздохнув, поторопил: — Ты пей давай, пей. Первый курс — он сложный самый, это тебе всякий скажет. А тебе уже завтра предстоит начало трапезы, фигурально выражаясь.

— Это ты про печально известный гранит науки? — предположила Никс, все-таки сделав первый небольшой глоток. Вино оказалось сладким и густым.

— Так точно. Посему, я считаю, стоит расслабиться перед забегом. Снять, так сказать, стресс.

Никс отхлебнула еще и посмотрела на него с прищуром: причинно-следственные связи он, что ли, как-то по-своему понимает, по-особенному? Ежу ведь понятно, что... а, Потерянный с ним. Вино вкусное, с одной бутылки им особо не нахлебаться, а значит, и правда, отчего бы тогда и нет?..

— Пошли на ту сторону мыса, — вдруг предложил Рин.

Никс повернулась немного вбок и окинула взглядом черную громаду скалы, частично застроенную невысокими домиками. Она знала откуда-то, что давным-давно на месте этой скалы стояла самая настоящая гора и была выше своего ныне существующего остова намного, но с десятков столетий назад основная каменная масса ушла под воду. Так и образовался высокий хмурый утес между двух заливов. Заметный издалека, он выдавался в небо острым треугольным клином, словно гигантская голова неизвестной каменной птицы, и волны подтачивали его потихоньку, да все никак не могли одолеть.

— А что там, по ту сторону? — спросила Никс.

— Еще один способ добраться домой, — ответил Рин весело. — И пещера с летучими мышами.

— Ну, раз пеще-ера, — протянула Никс, поднимаясь с пандуса, — тогда что уж тут. Тогда пойдем.

Никс взяла шляпу и бутылку с вином, Рин подхватил гитару, и они двинулись по слабо освещенной набережной в ночь, что еще темней.

Говор засыпающего города остался позади, утонув в шумном морском шепоте, мерном, завораживающем.

Асфальтовое покрытие вскоре уступило место щебневой насыпи, которая, в свою очередь, уткнулась в большие черные валуны, сложившиеся пологой лестницей. Исполинские каменные ступени гребнем огибали высокую скалу слева. Из-под крутого каменного бока вынырнула полная луна, доселе прятая там от взгляда, и на обтесанные камни легли две длинные сине-фиолетовые тени.

Через несколько минут показалась и обещанная Рином пещера. Окруженная расколотыми булыжниками, конусовидными, как будто бы острыми на сколах, она походила на черный зев мифического морского чудовища. Слева, внизу, было море, а справа — скала, и пути в обход пещеры не наблюдалось, разве что, вплавь... Прежде чем ступить под каменные своды, Никс попыталась вызвать огонь, и даже руку приподняла, чтобы щелкнуть пальцами и...

— Никакого огня, — сказал Рин, едва заметив ее жест. — Так пройдем.

— Но ведь... там темно!

Он повернулся к ней вполборота, глянул искоса и произнес со вздохом:

— Руку давай.

— Тебе, м... магу?..

Ей самой не верилось, что она это произнесла.

— Да забей, мы уже плечами пару раз соприкоснулись, да и за локоть я тебя таскал — поздно ты спохватилась.

— Ты, что ли, видишь в темноте?

— Просто поверь мне.

Никс, слегка поколебавшись, подчинилась и протянула руку ладонью вверх. Рин взял ее за запястье, и легкое прикосновение его совершенно неожиданно оказалось горячим, словно по коже разлился плавленый свечной воск. Никс даже охнула, но потом как-то очень быстро привыкла к такой температуре. И все же, пока они пробирались через нутро пещеры, где света не было совсем, где от ядерного запаха слезились глаза, а сверху доносилось пугающее шелестение, тысячекратно отраженное от стен, Никс не выдержала и спросила тревожным полусшепотом:

— Ладно, побитый... Но у тебя температура, что ли? И ты вот это больной пошел на набережную петь?

— Все под контролем, — ответил Рин тихо и спокойно, — обо мне не волнуйся. Ступай осторожнее.

К пущему своему удивлению Николе удалось даже ни разу на него не налететь за весь проделанный в темноте путь. А потом они вышли наружу и перед ними раскинулся во всей своей торжественной полуночной красоте залив: черный берег, усыпанный, словно бисером, светочаи мягко мерцающих окон, изрезанный тонкими пирсами, и море глубокого синего цвета, с разлившимися по волнам отражениями набережных огней, посеребренное отблесками низко висящей круглой луны.

— Пойдем вниз, — позвал Рин, — там дорожка.

Они стали спускаться по огромным расколотым валунам к подножию скалы, туда, где волны широкими черными языками перекатывают мелкую гальку и обглоданные морем

разноцветные стеклышки.

У самого подножья каменной лестницы обнаружился пяточок темного мелкого песка, плотного и вязкого. Никс вдруг осознала, что хочет потрогать воду руками. Она же все еще теплая! Там, на набережной, прикасаться к морю не хотелось вовсе: сказывалось пренебрежение коренного жителя приморского города к общественным пляжам. А здесь, вдалеке от частных домов и, собственно, главной набережной, вдруг захотелось.

— Рин, я пойду!.. — сказала Никс, мельком обернувшись. Встрепенулась: — Вот, вино держи! Я только ноги сполоснуть!

— Сначала вышей еще, — предложил Рин. — Потом иди. Только плавать не вздумай!

— Знал бы Эль-Марко, что я творю, — посетовала Никс, делая хороший глоток терпковатой сладости, пахнувший в нос виноградом и, почему-то, солью, — он бы меня четвертовал! Цирковыми конями!

— Марко? — переспросил Рин. — Насколько я помню, он вроде б не слишком строгий у тебя?

— Он периодически строгий, — ответила Никс, передавая Рину бутылку. — Ну, я пошла!

— Рисковая ты вообще, — цыкнул Рин, устраиваясь на пологом камне. Оперся локтем на зачехленный гитарный бок, а на локоть голову положил, и принялся смотреть, как Никс снимает босоножки без помощи рук и, то и дело норовя упасть, ступает в морские объятия, вздрагивает и чему-то смеется.

А ее обдувал ветер, отбрасывая волосы за спину. Тыкался в лицо, как ласковый кот, раздувал огромную желтую футболку парусом. Никс щурилась, закрывая глаза от брызг руками. Пахло недавним дождем и водорослями, было шумно и мокро, свежо и одновременно тепло.

— А ведь хорошо! — заявила она сама себе, забираясь на темный гладкий камень, которого с берега было не видно. — Совсем-совсем!

Волны накатывали одна за другой, омывая ей ноги выше колен и обвивая вокруг них потяжелевший от воды нижний край футболки.

Ночное море совсем ее не пугало. Она откуда-то знала, что нет там никаких чудовищ. Вот вообще нет. Они есть, конечно, и это — минус, но уж точно не в море. Жалко было, что люминесцировать мельчайшие жители прибрежных вод уже перестали. Все-таки плавать, пронзая темную воду светящейся стрелой, — занятие совершенно не магическое, но поистине волшебное.

Никс провела по воде руками.

— Мо-орько, — протянула ласково.

Наблюдая море каждый день из окна, купалась и плавала она в нем непростительно редко и чем взрослее становилась, тем реже. С этим надо было что-то делать, и потому ранней осенью Никс начинала ходить на море чаще, чем летом, потом обычно простывала и валялась, простуженная, положенную неделю, зато, накупавшись влать напоследок. За эту неделю как раз успевала прийти настоящая осень, принося с собой затяжные дожди, взбалтывая и остужая море, и так из года в год.

Вот и сейчас Никс не хотелось отпускать большую воду на целую зиму, но чудилось, что мгновение практически бесконечно, и обязательно нужно запомнить его таким.

А потом она все же вернулась на берег, хоть и с неохотой, и понятно стало, что пора уходить. С края футболки капало, а ноги до щиколоток покрывал песок. Никс, взяв

босоножки в левую руку, так босиком и пошла, благо, земля, как и асфальт, все еще хранила тепло. Рин где-то потерял вино. Гитару он, конечно же, не забыл, и шел рядом молча, сунув руки в карманы, и не проронил ни слова за весь путь от берега до самого дома на холме.

Никс, в общем-то, тоже ничего у него не спрашивала и ничего не рассказывала. Она все еще ощущала окружающий мир невероятно резко, рассматривала с интересом первооткрывателя фарфоровые пробки на электрических опорах, блестящие шероховатые камни, осенние цветы на газонах, мелькающую среди кровель кокетливую луну, похожую на срез зеленого яблока, и сами очертания карнизов и крыш — причудливые, резкие, угловатые, украшенные завитками антенн и мачтами флюгеров.

А когда они зашли в дом и оказались в комнате с плакатами в тонких рамках, у Рина под кроватью нашлось еще вино. Безымянные для Никс кумиры взирали со стен на то, как Рин садится прямо на пол и откупоривает пузатую темно-зеленую бутылку. Он не стал настаивать на том, чтобы Никола составляла ему компанию. Сам сделал первый глоток, а потом и второй, и третий.

Никс засмотрелась на старый плакат с Камориль. Сама она не знала, почему некромант решил бросить это все и славу свою отринуть... Казалось бы, чего еще можно хотеть? Никс подумалось, что ей этого попросту не понять, так как опыта собственного у нее нет, и для толпы звать ее — никак. Но вот Рин. Он еще не так знаменит, но он движется к этому... И у него есть все шансы чего-то добиться, судя даже по сегодняшнему внезапному выступлению на набережной. Наверное, ему проще понять некроманта.

— И как тебе Камориль вживую? — спросила Никс.

Рин какое-то время смотрел то на нее, то на плакат, как будто бы этот вопрос заставил его крепко задуматься.

— Это было... слишком внезапно, — произнес он серьезно. — Я и не думал, что когда-либо... Мечты, как всегда, исполнились не так и не вовремя.

— Все было настолько плохо? — нахмурилась Никс. Почему-то она ожидала не такого ответа.

Рин еще немного помолчал. А потом слова полились из него, как кровь из раны — густые, бархатные, полные истовой тоски, неправильной любви, яркой и болезненной истомы, складываясь в странную и глупую, по сути, историю, которую, как показалось тогда Никс, он еще никому не рассказывал и вряд ли кому-то еще расскажет.

— Я же мелким тогда был, — говорил Рин Даблкнот, водя тонким пальцем по влажному бутылочному горлышку. — Совсем малым, хотя мне-то казалось, что я — ого-го, взрослый почти, и ведаю, что творю. Я его много раз видел, вечером крутили по музыкальному каналу их выступления, но я почти без звука смотрел, так как учитель спал. А потом ко мне попала кассета — знаешь, такие штуки прямоугольные?..

Никс хохотнула и забрала у него бутылку, парируя:

— Нет, конечно, я всегда думала, что кассеты — это вон те черные, круглые, на шляпные поля похожие!

— Вот ты ерничаешь, а кое-кто из наших поклонников, гораздо старше тебя, кстати, в сети такое пишет!.. Кто эти люди, где мои вещи? — думаю я всякий раз.

— Так что там дальше? — напомнила Никс, попробовав вина и возвращая Рину бутылку. — Попала кассета и?..

— И я ее прослушал. Спервого раза не зашло — я ничего не понял. Более того. Мне совершенно отчетливо не понравилось. Но так как альтернативой этой записи были лишь

классические пластинки, я попробовал еще. И раз этак на шестой меня, что называется, проняло. В итоге какое-то время после того, как я насмотрелся их концертов без звука и прослушал их же на кассете, в голове моей оба эти явления оставались никак не связанными. Я теперь не помню точно, но мне кажется, что я тогда считал его... гкхм, женщиной. Нет, меня не смущали узкие бедра и плечи широкие, — я видел яркую одежду, длинные волосы... все блестело, вспышки, молнии на фоне, цепи, полуголые девицы на подтанцовке, в общем, на меня-мальчишку все это произвело совершенно неизгладимое впечатление. Ну, а потом прошло время, и я сложил два плюс два. Клип их нашел, что ли... не помню уже, в каких-то архивах рылся и случайно нашел. И все встало на свои места. Потом я нашел еще информацию и еще, нашел полудохлую фанатскую страницу, написал на почту тамошним администраторам, списались, разговорились, они предоставили мне видео из каких-то невероятно глубоких закровов... Меня трясло как осиновый лист, когда я нажимал на "воспроизвести", а потом у меня было две недели депрессии, а потом я справился сам с собой и принял все, как есть. Знаешь, такая любовь она же... она же должна пройти стадию отрицания, пережить равную себе по силе ненависть. А с теми ребятами из фан-клуба мы потом долго обменивались трогательными газетными вырезками... У меня все еще целый альбом с ними есть, валяется где-то в той комнате, и с фотографиями его старыми.

Никс приложила ладонь ко лбу, одновременно сдувая упавшую на глаза челку. Глянула из-под ладони на Рина: он делал очередной глоток, и щеки у него были румяные, взгляд — ясный, а вот руки... руки, покрытые царапинами и темными пятнами синяков, слегка подрагивали. Ей захотелось его обнять. Желание было сильным и похожим на теплую, неудержимую волну. Но Никс сдержала этот порыв и ничем своего желания не выдала. Потянулась за вином, отобрала его у Рина и незаметно спрятала себе за спину.

— Ну, а что было потом? — спросила участливо.

Рин улыбнулся, как человек, который рассказывает любимую свою историю в который уже раз, и сказал:

— А потом я встретил его...

Сказав это, Рин Даблкнот сник.

— И что? — спросила Никс. — Ты разочаровался?

Рин помешкал. Глядя перед собой в пустоту, а на самом деле в не столь отдаленное прошлое, он стал отвечать, очевидно подбирая слова с большим трудом:

— Н-нет. Точно нет. Я сначала не поверил своим глазам. В первый раз это было в том фрик-клубе, где мы и с тобой впервые увиделись. Он тогда подошел к нам и сказал... Ох, не помню что, забыл совсем! Он выглядел не так, как тогда, когда выступал, и, прямо скажем, даже для простого выхода в свет амплуа он выбрал так себе. Да-да, мне потом рассказали, в чем было дело, но я уже успел прилично так удивиться и повести себя соответственно. Стоял, молчал, не знал, что делать. Я же думал, он мертвый... Смерть. Давняя, глупая, красивая. Гроб, инкрустированный серебром, синие розы вокруг, черная вуаль, фиолетоватые губы, чуть приоткрытые... Все помнят то видео и те фотографии, и все, конечно же, надеялись, что это неправда, но... Это, знаешь, двойственное такое ощущение: ты вроде бы желаешь, чтобы что-то произошло, но умом понимаешь, что лучше бы — нет.

— Понимаю, — поддакнула Никола со смешком.

— Ну и, собственно... Я узнал его, — продолжил Рин. — Даже несмотря на изменения, несмотря на потрепанный вид. Удивился, что время, кажется, забыло о нем, подумал даже, а не призрак ли это? А буквально через пару дней я увидел его снова. Он был в нормальной,

чистой и целой одежде — щеголь, пижон, галантный и очевиднейший сердцеед. Мы уже готовы были выступать, когда он вошел в зал "Реморы". Я сказал тогда Ари, что мне обязательно нужен еще час. Ари ответил, что позволит мне лишь половину. Взамен я попросил его сыграть пока мою любимую из раннего творчества... той группы. Он знал, что я имею в виду. Все сложилось, все завертелось.

Глаза Рина горели. И Никс знала откуда-то, что и сам он сейчас горит тем самым пламенем, что оставляет по себе лишь только серый пепел. Она раздумывала, а не остановить ли ей исповедь Рина Даблкнота, и кто она такая, чтобы это все знать, и не слишком ли тяжелой будет ноша этого знания, но не смогла. Ей хотелось услышать окончание истории. А еще ей нравилось на него смотреть, да. И что-то поделать с этим она не могла совсем.

— В общем, я был тогда на взводе. Я забыл обо всем остальном, я видел воплотившуюся в реальность недостижимую мою детскую мечту. Мне было странно, что никто, кроме меня, этого, как будто бы, не замечает. А он был на расстоянии в пять шагов — сидел за стойкой, о чем-то толковал с барменом. И я подсел. В тот миг на меня взглянуло божество, если ты понимаешь, о чем я, и выжгло на изнанке души моей клеймо. Мне тогда заранее стало жарко — обычно мне тепло только в некоторых случаях, сугубо определенных, — и я расстегнул верхнюю пуговицу сюртука, — говоря это, Рин оттянул и так свободный ворот тонкого черного свитера, обнажая бледную шею. Продолжил, на Никс не глядя, но полностью утопая в своем воспоминании: — И он тогда заглянул мне в глаза, и что-то мы даже говорили, не помню, что, и он пошел за мной, но раньше, чем мы пришли в нужное место, он прижал меня к стене и...

— Так, стоп, а вот это уже лишнее! — Никс протестующе замахала руками. — Я и так знаю, что Камориль — извращенец, избавь меня, пожалуйста, от подробностей! Так, погоди-ка, — Никс снова глянула на Рина с прищуром: — Ты, что ли, гей?

— Я? — он, кажется, искренне удивился. Не столько правомерности вопроса, сколько самой его сути. Замотал головой: — Нет, конечно!

— Ну а что ты тогда мне рассказываешь такое?

Никс уперла руки в боки, а Рин отвел взгляд, потупившись. Никс сменила гнев на милость, но остатки вина все же отодвинула подальше под кровать.

— Ладно, забей. Тебе, пожалуй, спать пора, и мне тоже. Странный ты, Рин Даблкнот. Куда страннее, чем показался мне сначала.

Рин резко встал и заявил искусственно бодрим голосом:

— Судя по звуку, ванная набралась. Я пошел. Ложись на кровать. Можешь запереться изнутри на щеколду, если боишься.

Никс ничего ему не ответила, только лоб недоуменно наморщила и моргнула пару раз.

Рин Даблкнот на секунду задержался у двери, будто хочет сказать что-то еще, но ничего в итоге не сказал и вышел, не оборачиваясь.

Никс проснулась без будильника от ощущения падения в бездну на ровном, казалось бы, месте. Она села на кровати, потирая правый глаз запястьем, и обозрела светлую комнату, увешанную плакатами и старыми афишами.

Ага. Точно. Жилище Рина Даблкнота, странноватого и, как будто бы, альтруистичного элементариста льда, оказавшегося чокнутым фанатом не менее чокнутого некроманта.

Телефон, еще перед сном вынутый из кармана комбинезона и спрятанный под подушку, садиться пока не собирался, и с его помощью Никола диагностировала ровно восемь часов утра. Встала, быстро оделась, сунула телефон в карман, отодвинула дверную щеколду и вышла в заставленную разнообразным хламом комнату с креслом, столом и ноутбуком. Ей отчего-то казалось, что Рина она обнаружит прямо здесь, заснувшего в кресле, например, или уже бодрствующего и глубоко залипшего в сети. Но его не было.

Никс, потирая все еще чешущийся глаз, выбралась в узкий полутемный коридорчик и, щелкнув выключателем, спокойно вошла в совмещенный санузел, только для того, чтобы пулей оттуда вылететь, покраснев до самых кончиков ушей.

Вернула свет, как было.

А потом, наскоро восстановив в памяти картинку увиденного, поняла, что что-то тут не так, совсем не так, ну просто крайне неправильно. Сглотнув, она снова аккуратно приоткрыла дверь.

Ванну наполнял лед, сначала показавшийся Никс пеной. Ровный, белый, сплошной. Из льда торчали худые коленки и, собственно, все остальное, что у человека выше грудины. Рин лежал в замерзшей воде, бледный и будто бы неживой, запрокинув назад голову. Синеватыми пальцами, покрытыми инеем, словно сахарной пудрой, он держался за края ванной, темные и проржавленные во многих местах. Не двигался. Казалось даже, что и не дышал.

У Никс запершило в горле. Ей самой тут же стало, как будто бы, холодно. Она, поджав пальцы на голых ногах, растерянно оглянулась, заметила себя, по бледности не уступающую Рину, в заиндевевшем зеркале, а потом зажмурилась и попыталась усилием воли успокоиться.

Так. Что бы сделал взрослый умный человек на ее месте? Что-что: завизжал бы, как сирена, и вызвал бы скорую! Или полицию... Или и скорую, и полицию, и соседей, конечно же!

Никс вспомнила внезапно, кто она такая, вспомнила, кто он такой, и чем они вообще отличаются от нормальных людей. Пускай ей не доводилось раньше иметь дела с подобным, но ведь бывало всякое... Не мог элементарист льда замерзнуть насмерть в собственной ванной!

Не мог.

Никс подошла ближе, помялась немного и все же прикоснулась дрожащей рукой к покрытому мелкими кристалликами инея плечу.

Рин вздрогнул, отдергивая руку. Кристаллики посыпались вниз, отскакивая от сплошной поверхности льда.

— Ох, — низко протянул Рин Даблкнот, промаргиваясь и садясь в ванной, — заснул!

Тонкий белый лед треснул.

Никсхватило только на то, чтобы воскликнуть со смесью удивления, радости и оторопи:

— Живой! — она круто развернулась. — Я пошла.

Никсвыскочила из ванной комнаты и плотно закрыла за собой дверь, привалившись к ней спиной.

Из-за двери донесся треск ломающегося льда, плеск воды и шлепки мокрых пяток по плитке.

— Огонек, ты там? — глухо позвал Рин.

Никс какое-то время не отвечала, все еще пребывая в шоке.

— Здесь, — ответила сдавленно.

— Дай мне минут десять... и я освобожу тебе ванную комнату.

— Было бы хорошо.

— Что?

— Было бы просто замечательно, говорю! — повторила Никс громче и, все еще нервно моргая, отправилась вниз, отпаивать себя чаем, что ли.

Чай немного помог. В холодильнике отыскался лимон и помог тоже. Никс залила кипятком второй треугольный пакетик, для Рина, и теперь большая прозрачная чашка стояла на противоположной стороне стола, на керамической подставке, а вода в ней постепенно приобретала насыщенный бордовый оттенок.

Рин спустился, держа полотенце на шее, — все еще бледный и с мокрыми волосами, в одних лишь темно-фиолетовых брюках и даже без тапок. Уселся напротив Никс, оцепеневшей как истукан.

— Я должен был тебя предупредить.

Она молчала.

— Но кто ж знал... Не думал, что усну.

— Т-ты что вообще такое? — спросила Никс, нервно перебирая пальцами по чашке.

— Такой вот я элементалист льда, ничего особенного. Ты как будто бы не знала.

— Ты ненормальный!

— Есть немного.

Никс отхлебнула чаю.

— Это мне? — спросил Рин, глядя на вторую чашку.

Никс кивнула.

— Спасибо.

— М-может быть, оденешься?

— Я тебя смущаю?

— А если и так?

— Ну, если так, то это довольно... мило, — он улыбнулся.

Никс поставила свою чашку на подставку чересчур резко, так, что чай чуть ли не выплеснулся за бортик. Но не выплеснулся.

— Так что ты такое? Ч-что с тобой такое? Зачем меня так пугать? Я думала, ты умер!

Рин вздохнул.

— Да, со мной кое-какая аномалия. Но зато, смотри вот, синяки прошли, вторая ступень волшебства — это тебе не хухры-мухры! А над аномалией я работаю, так что не стоит

беспокоиться. Сейчас... сейчас это все удастся более-менее компенсировать, а со временем, возможно, я найду способ этот дефект устранить полностью.

— А он тебя прежде не убьет ли? Ты... эм-м... разве гильдия не может тебе помочь?

— Зерно выемке не подлежит, — ответил Рин тихо, твердо и страшно. Но потом добавил мягче и чуть теплей: — По крайней мере, так мне сказали, мол, со стороны гильдии и церкви помощи ждать бессмысленно.

— Да что ж с этими гильдиями не так... — пробормотала Никс, уставившись в свою чашку. — Марик их не любит страсть как — и не зря, видать, но у нас-то выбора нет...

Она взглянула на Рина, пытаясь смотреть на треугольник лоб-глаза и не разглядывать ничего более, и спросила:

— И с тобой такое... всегда?..

— Частенько, — ответил он. — Вообще все не так-то просто... Но, как видишь, ничего — жить с этим можно. Долго ли — неизвестно, но не очень счастливо — это наверняка. Тебе, кстати, в академию к которому часу?

— К десяти... — протянула Никс.

Рин, отогреваясь, становился все более человеческого цвета, и на алебастровую статую походить совсем уже перестал. И все равно на фоне кухонной двери, ведущей в затемненный коридор, он казался немножечко мраморным.

— Ага, ясненько. Успеваем, получается.

— Успеваем?.. — не поняла Никс.

— Я тебя проведу.

— О.

Никола не знала уже, что говорить. Он, пожалуй, уж слишком ее опекает. Это, конечно, приятно, но непонятно — с чего бы? Романтическим интересом тут не пахнет. Особенно, учитывая его вчерашние откровения. Через Никс ближе к известно кому Рину не стать, да он, вроде бы, и не пытается. Хотя, кто его знает. Вдруг он все-таки задумал что-то? Откуда иначе вся эта заботливость и доброта?

Никс не успела об этом спросить. У нее из кармана внезапно полилась мелодия, в которую тут же вступил мягкий женский вокал. Никола вздрогнула и вынула телефон.

Эль-Марко.

— "Нерассказанные сны", — опознал Рин. — Занятный альбом, особенно после предыдущего-то.

Никс, опомнившись, приняла вызов. Эль-Марко интересовался, как у нее дела, и она намеревалась бессовестно ему врать. А потом поняла вдруг, что не придется. Ведь все могло быть намного, намного хуже.

— У меня все в порядке, — честно ответила Никс. — Разбираюсь, ага. А у вас как дела? Есть какие-нибудь успехи?

Эль-Марко рассказал ей, что им, вроде бы, удалось напасть на след чего-то, отдаленно напоминающего Лунь, и что дело пахнет мутным местным культом, укоренившимся тридцать лет назад в окрестности нескольких горных сел. Есть небольшая вероятность, что этот культ как-то связан с выжившими в катастрофе модифицированными животными, и веселая троица сейчас как раз углубляет свои этнографические изыскания, и не думая отчаиваться и от поисков самца для Луни отступаться.

Никс попрощалась с Эль-Марко, пожелала ему удачных поисков и завершила звонок.

— Телефон, значит, на месте, — констатировал Рин.

— Повезло, — откликнулась Никс безэмоционально, все еще обдумывая рассказ Эль-Марко.

— Вот и отлично.

Рин поднялся с табурета и прошел к холодильнику. Притащил стопку цветастых бумажек-стикеров и гелевую ручку. Стал что-то писать, а потом рисовать.

— Что это? — спросила Никс.

— Карту тебе рисую. Вот, смотри. Это — мой дом. Это — центральный проспект, видишь? Вот тут, возле площади — университет, а вот тут, на холме — твоя академия. Если спускаться вниз и перейти через парк, и тут вот через речку где-нибудь, то выйдешь на перекресток, на нем — направо, и вот в этой пятиэтажке на третьем этаже и живет та моя знакомая. Кстати, ей я тоже уже звонил, все в порядке. Придешь туда — наберешь ее, она сегодня дома целый день, впустит тебя.

— Спасибо, — протянула Никс, забирая ярко-розовую бумажку и вглядываясь в причудливые каракули, украшенные аляповатыми вензелями.

— Как насчет сытного холостяцкого завтрака?

Частные дома кончились, кончился и покосившийся серый забор. Впереди Никс узрела знакомый уже филиал академии — то самое странное старинное здание, ветхое на вид, причудливо выкрашенное блоками в разные вылинявшие цвета, а внутри больше похожее на лабиринт, чем на учебное заведение.

Издалека было видно, что у входа толпятся в избытке люди.

— Ну, вот и академия, спасибо, что проводил, — сказала Никс, обращаясь к Рину.

— Дальше не надо? — спросил он как-то загадочно.

Никс замялась.

— Ну, и вообще спасибо. Ты мне очень помог. Даже и не знаю... даже, наверное, я теперь твой должник.

Всю дорогу от дома на холме, что в старом городе, до здания академии они разговаривали. Разговор был легким и ни к чему не обязывающим, и, на удивление, клеился. Рина внезапно заинтересовало, какой же факультет из предложенных гильдией выбрала Никс, и та не смогла удержаться и стала рассказывать с горящими глазами, как она благодарна судьбе хотя бы за эту поблажку, и как надеется, что сможет преуспеть в выбранном направлении. Она рассказала о гончарном кружке, который посещала, еще учась в Змеиной Косе, и о своих попытках выжигать по дереву, и про бусы из обтесанных морем стеклышек и ракушек, которые делала в детстве. Она пожаловалась на жутко сложную часть вступительных экзаменов, когда ей пришлось впервые в жизни брать в руки кисточку и акварель, и что в итоге получилось даже не слишком плохо, по крайней мере лучше, чем у трети абитуриентов, но, конечно же, нестерпимо хуже, чем у тех, кто с очевидными способностями к этому делу. Рин одобрительно кивал и говорил, что это довольно необычно, и он почти не знает людей, поступивших в учебное заведение по зову сердца, особенно в столь юном возрасте. Никс отвечала, что это из-за того, что жизнь в Змеиной Косе неторопливей, чем в городе, и что у нее было много свободного времени для того, чтобы кое-чему научиться, да и к тому же излишняя социализация ей тоже не мешала, отчасти из-за специфики поселка, но по большому счету из-за ее собственного характера.

— Да ты ж вроде достаточно открытый человек и общительный, разве нет? — удивился тогда Рин.

— Слишком, — мрачно сказала Никс. — Я вспыльчивая, если ты еще не заметил. Немногие могут меня терпеть. Марик говорит, что это из-за проклятия, а мне-то какая разница, из-за чего? Один друг как-то раз сказал мне, что эмоциональность — это вкусно, это хорошо. Как курица. Все, мол, любят курицу. Но если тебе ее целую в рот суют, то тут уж не до любви... Ох. Как-то так.

Рин не стал затевать формального спора насчет наличия в мире вегетарианцев, но сказал, что в городе есть несколько специализированных магазинов с фурнитурой и прочими товарами для рукодельниц — он там золотые пуговицы для сюртука брал. А потом поведал, чего в городе есть еще такого хорошего, за что его можно любить и не желать из него никуда деваться.

И вот теперь они стояли метрах в сорока от здания академии, и пауза как-то неприлично затянулась.

Никс не выдержала первой.

— Рин, я никак не помогу тебе стать ближе к нашему общему знакомому некроманту! — выпалила она, даже зажмурившись.

Рин молчал. Никс приоткрыла левый глаз, увидела, что он не злится и не убежал, и даже не слишком удивлен, и затем открыла второй глаз.

— Хорошо, — произнес Рин Даблкнот со слегка недоуменной усмешкой. — Я, в общем-то, и не думал об этом... стоп, погоди, ты все это время?..

Никс кивнула. Поняла, что уши краснеют, и уставилась в землю.

— Ну а почему тогда ты мне так помогаешь? — спросила, не поднимая взгляда. — Что я тебе? У тебя ж это... и друзей, наверное, и фанатов, и вообще. Мне восемнадцать лет, я не могу быть тебе по-настоящему интересна, я же знаю. Ты, наверное, думаешь, что я глупая, и я, возможно, правда глупая, но зачем... Или ты просто сам для себя? Может, у тебя какой-то минимум добрых дел запланирован на неделю?

— Хм-м, — протянул Рин, — а ведь неплохая идея-то! "Минимум добрых дел". И в приложение к нему — "минимум злых", чтобы уравнивало.

— Издеваешься?

— Если только самую малость, — Рин говорил насмешливо, но не злобно. Его этот разговор явно радовал.

Никс взяла себя в руки и посмотрела ему в лицо:

— Ладно, прости, если наговорила глупостей. Я пойду. Спасибо тебе еще раз, если что-то надо, говори, я... ну, в общем, я к твоим услугам. Пока.

И она развернулась по направлению к академии.

— Стой, — Рин успел удержать ее, поймав за запястье. Никс снова как будто бы обожгло кожу — такие у него были горячие пальцы, по-настоящему горячие. Рин тут же отпустил ее руку.

— Ты номер-то мой полный запиши, — сказал он в ответ на ее затравленный взгляд. — И, собственно, жду тебя в пятницу в библиотеке при академии.

— Ч-что? — переспросила Никс.

— Ох.

Рин стал хлопать себя по карманам и в итоге вынул из внутреннего белый бумажный прямоугольник и протянул Никс. Это оказалась визитка, отпечатанная на простой белой бумаге, чуть плотнее, чем обычная офисная, и никаких излишеств не содержащая: только полное имя владельца и телефон.

Никс перечитала еще раз простую черную надпись. Посмотрела на Рина. Потом снова на визитку.

— Т-ты...

Он улыбнулся:

— Ага, пора бы познакомиться, как полагается. Рейнхард Майерс — это я. Твой куратор. Бывают в жизни странные совпадения.

— Н-но... как? Что? А как же? А Даблкнот? Ничего не понимаю!

Рин развернулся на каблуках и ловко принял героическую позу. Растопырив пальцы, прижал ладонь к груди и заговорил трагически и театрально:

— Рейнхард Майерс — имя данное, настоящее, и оно обязывает. А вот Рин Даблкнот — имя созданное, вот этими руками из ничего сделанное, — он развел ладонями для наглядности, — и оно — мое. Во всем своем сиянии. Во всей своей тщете и несовершенстве. Мне не перед кем за него оправдываться, мне нечему соответствовать. Каждый следующий миг я и только я решаю, кто такой Рин Даблкнот и каков он.

К концу его речи Никс все-таки удалось подобрать отпавшую челюсть и в целом побороть изумление. Как только она справилась с шоком, Рин Даблкнот, он же — Рейнхард Майерс, слегка наклонился и коротко потрепал ее за щеку.

— Удачи тебе, огненный элементалист, и да прославишь ты родную гильдию.

Никс стояла, остолбенев, приложив пальцы к щеке и глядя вслед уходящему Рейнхарду, и в голове ее искреннее недоумение постепенно сменилось возмущением:

— А это что было сейчас такое вообще?

Причем самым странным ей показалось выражение глаз этого самого Рейнхарда, когда он дотронулся до ее щеки. Ладно, маги не должны касаться друг друга. Люди не должны так запросто касаться друг друга. Но во взгляде Рейнхарда Никс увидела какое-то странное, тоскливое тепло — надежду, что ли? Что это могло значить?

Потом она оглянулась на академию и осознала, что все это время столпившиеся возле здания студенты внимательно наблюдали разворачивающееся на дороге действие, да и из окон тоже смотрели...

И тогда Никс поняла, что неприятности только начинаются.

К концу занятия Никола в тридцать пятый раз пожалела о том, что решила, во-первых, поступать именно сюда, а во-вторых, вообще посетить сегодня академию.

Девчонки-однорупницы поглядывали искоса, и Никс, в качестве мести, рассматривала их в ответ, прислушиваясь к лекции по композиции вполуха, хоть и это занятие ей тоже уже порядком поднадоело.

Она устало оперлась подбородком об сложенные на столе локти. Ей казалось сущим лицемерием собственное желание обвинить однорупниц в обыкновенности, ведь Никс знала не понаслышке, как полезно бывает не выбиваться из коллектива хотя бы внешне. Но дома-то ей ждалось и чаялось, что народ в академии будет чудной и странный, интересный и заводной, характерный и яркий. На экзаменах она как-то ни к кому и не присматривалась — другие заботы были, а вот теперь увидела, насколько девчата, собравшиеся в аудитории, просты. И ленивы. Никто, кроме нее, даже на листочке ничего не рисует помимо того, что преподаватель велел — а где это видано?

Никола пририсовала к законспектированному с доски квадрату с разноформатными композиционными пятнами усы, лапы и хвост, чтобы наверняка не быть как они. А они,

только лектор вышел за дверь, решили не ограничиваться косыми взглядами и возникли прямо перед столом Николы.

Две юные девы нетерпеливо перебирали пальчиками по крышке столешницы, ожидая, когда Никс на них посмотрит.

— Вы чего? — спросила она, таки подняв взгляд.

— Привет, — сказала одна, с мышастым каре, — меня зовут Клер, а это Ксю. Мы видели тебя с утра с вокалистом из "Негорюй". Вы встречаетесь?

Ксю покраснела от шеи и до лба. Никс, было напрягшаяся, откинулась на спинку стула и глянула на девиц, как на умалишенных. Вздохнула. Произнесла голосом, не предвещающим ничего хорошего:

— А вы с какой целью интересуетесь?.. Я не...

— Да ладно, не отнекивайся, мы все понимаем, — перебила ее Клер. — Мы сами его очень любим, как настоящие поклонницы творчества, и понимаем, как это, и почему ты отрицаешь вашу связь.

— Это очень правильно! — поддакнула Ксю, снова краснея.

— Вряд ли кто-то вообще отказался бы...

Никс захлопнула тетрадь и поднялась, как никогда жалея, что ей не хватает роста, чтобы такого рода жесты выглядели эффектнее. Взглянула на девушек исподлобья, добрых десять секунд отлавливая на подходе опасные и колкие слова, вот-вот готовые сорваться с языка, наверняка способные превратить ситуацию из нездоровой и неприятной в еще более компрометирующую, но больше сдерживаться не смогла.

— Знаете что, — произнесла она твердо, — между мужчиной и женщиной... девушкой то есть, — возможна дружба. Такое понятие, как дружба. Чем, по-вашему, мужчины от нас отличаются? Да ничем. Точно такие же они. И, собственно, я не знаю, чего вы там себе понапридумывали, но Рин мне — друг. И все, и вообще, это, как бы, не ваше дело. Да?

Девчонки вздрогнули, а потом закивали, как игрушечные болванчики, и Никс показалось, что они вообще ничего не поняли из того, что она сказала. Разве, может, испугались слегка, встретив такой ответ. Ну, хоть не смеются, и то хорошо, а ведь могли бы — в качестве естественной защиты от стресса юные самочки человека так часто делают.

Никс сунула общую тетрадь под мышку и двинулась прочь из аудитории.

Выйдя в прохладный коридор, она досадливо прикрыла себе рот ладонью. "Друг?"

Ах вот как, значит. Уже друг. За один день из этого мутного типа, с которым не стоит иметь дел никогда-приникогда, успел эволюционировать в друга. Талант!

И если предположение этих странных Клер и Ксю — очевиднейший бред, замешанный на гормонах и недостатке мужского внимания, то вот своя собственная реакция Николу удивила, причем изрядно. Нет, Рин ей помог, бесспорно, и был добр с нею — крайне. Но записывать его в друзья рано. Особенно, учитывая то, что он отчебучил напоследок.

Вот вздумалось ему ей щеку трепать! Почему бы не... ну как-то по-нормальному не попрощаться? Пустышки лобызают друг другу воздух рядом с напудренными щечками, настоящие друзья обнимаются крепко, но коротко, парни, забывшие, что такое настоящее волшебство,жимают друг другу руки. А кто и кого гладит по щекам? Зачем Рин так сделал? Нарочно, что ли? Он что, ее бабушка? Знал, что ли, что эти дуры заинтересуются и полезут расспрашивать? Зачем? Или тоже особо не думал ни о чем и ничего наперед не загадывал?

А Никс надо было просто сказать этим девушкам "нет" или отшутиться как-то, но ни в

кчем случае их не поучать и не оправдываться. Да можно было пококетничать, мол, "А-ха-ха, как знать, как знать"! Она же выбрала нарычать на девиц. Все, поздно. Первый гвоздь в гроб ее новой репутации заколочен.

Никс решила, что хорошенько подумает об этом позже, а сейчас надо заняться тем, что без нее не сделается никак — навестить Абеяра Никитовича и, собственно, узнать у него, где искать Аниту Совеcтную, и что это вообще за безобразие такое.

На этот раз деканат оказался открыт, и добрая на вид женщина, отвлекшись на секунду от бумаг, рассказала Никс, где кабинет искомого преподавателя. Никола привычно уже поплутала по этажам, начиная, вроде бы, улавливать какую-то систематичность в хаотичном на первый взгляд расположении аудиторий, и вскоре нашла нужную дверь.

Постучалась, вошла, тут же восхитилась старым, цветастым витражом в окне, с которым замечательно перекликался декор зеркал по обеим сторонам от массивного рабочего стола, приготовилась, собственно, здороваться с Абеяром Никитовичем и... обнаружила кривую ухмылку на плоском, бледном лице Катерины Берсы, расположившейся на стуле у стены. Нулевая элементаристка сидела, вольготно опершись локтем на лакированное дерево столешницы, и попивала чай из кружки тонкого полупрозрачного фарфора, оттопырив костлявый мизинчик.

— Проходи-проходи, Никола, я тебя ждал, — сказал Абеяр Никитович. — Чаю?

— А... Э-э... — Никс сглотнула. — Здравствуйте. А-а...

— Садись вот на стул свободный, — пригласил ее чтец. — Я так понимаю, ты по поводу Аниты?

— Угу, — кивнула Никс, присаживаясь на бежевый велюр и опасливо косясь на Кей.

— Катенька, расскажи еще раз, что стряслось с твоей подругой, — попросил чтец.

Кей коротко скривилась от обращения, но заговорила на удивление мягко и даже как-то расстроено:

— А нет Аниты нигде. Со вчерашнего дня — как пробило ее снова на шалость, так и не можем найти. Все ее стандартные места обыскали, все телефоны прозвонили, в кабинете покойной директрисы были, домой к ней ходили — нигде нет. С парнями она не водится, спит обычно тут же, или в кладовке среди пакетиков. Но что-то как будто бы пропал человек — и нету.

— А... она, что ли, шизофреник? — спросила Никс. — А кто за нее отвечает?

Катерина Берса и Абеяр Никитович смотрели на Николу и молчали. Каждый, наверное, думал о чем-то своем, а Никс показалось, что она снова что-то не то лягнула.

— Подавать заявление о пропаже пока рано, — произнес чтец. — Если положенный срок пройдет и Анита не объявится, будем предпринимать официальные меры. А пока что будем делать все, что в наших силах. Я сегодня же после обеденной перемены объявлю по академии о пропаже.

— Спасибо, — произнесла Кей со вздохом.

Вздох этот был честным, грустным и каким-то даже капельку беззащитным.

Никс такого от Берсы не ожидала, а потому насторожилась.

Кей перевела взгляд на Николу:

— Чего? Злорадствуешь? Так сумку-то твою тоже теперь ищи-свищи.

— Ох, — только и сумела произнести Никс.

Кей поднялась:

— Я пойду.

И ушла.

А Никола осталась с Абеляром Никитовичем наедине и поняла, что теперь не знает, что и говорить. Как теперь на эту Аниту жаловаться?.. Как теперь сумку искать? Поэтому она сидела и молчала, покуда чтец не подвинул ей чашку с чаем.

— У меня так и не случилось возможности поблагодарить вас за моего непутевого родственника, — произнес Абеляр Никитович. — Я предполагал, что вероятность такого исхода не равна нулю, но чтобы все сложилось именно так... Этого я не ожидал.

Никс встрепенулась и взглянула чтецу в лицо, в серые выпцветшие глаза, обрамленные мелкими морщинками и белесыми ресницами. Все ли чтецы — такие? Когда кто-нибудь пытается о них рассказать, других цветов обычно не вспоминают. И все же серый Абеяра Никитовича показался Никс скорее теплым, похожим на мягкий, благородный тон дымчатого кварца.

— Да я-то... Что меня-то, Эль-Марко благодарить надо, — пробормотала она. — Ой, я вспомнила! Я аж с весны хотела спросить вас, как это вы угадали, что ключевое слово будет сказано? А вдруг бы его никто никогда не сказал? И мы бы так и не узнали о вашем родственнике никогда!

— Ключевое слово? — удивился чтец. — Вот как ты это поняла...

— А? А что, нет? Не оно?

— Ключевым было не слово, а время. Я, как ты понимаешь, не пророк, и, как ты правильно рассудила, не могу знать, когда и что будет сказано.

— Вот как, — протянула Никола.

— А чье это было предположение, насчет ключевого слова? — осведомился чтец. — Твое?

— Не помню уже.

— Ну, ты не кори себя, если что. В подобных ситуациях ошибаются даже профессионалы.

Никс поднялась со стула, так и не притронувшись к чаю.

— Я к вам вообще-то приходила, чтобы рассказать, что эта Анита у меня сумку украла с ключами и студенческим билетом. Но что уж теперь. А еще... — она замешкалась, подбирая слова. Произнесла наконец аккуратно, стараясь не выдавать волнения и нерешительности: — Просто на всякий случай... я хочу спросить: возможно ли мне будет поменять наставника? Если вдруг что. И что это такое может быть?

Абеляр Никитович ловко крутанул в пальцах перьевую ручку, улыбнулся в седые усы и хмыкнул:

— А что, не нравится?

— Какой из него будет наставник, я еще не знаю, — ответила Никс честно, чем вызвала у чтеца улыбку шире прежней.

Абеляр Никитович кивнул понимающе и стал объяснять:

— Наставник выбирается жребием. Если тебе будет угодно, это — судьба. Согласно Заповеди, у наставника элементариста довольно много прав, настолько, что это может показаться слегка бесчеловечным. Чтобы официально заполучить нового, тебе придется изрядно постараться, а ему — вытворить что-то из ряда вон. Перечень обоюдных обязательств он тебе сам зачитает на вашем первом занятии. Что же касается твоих опасений, то они мне понятны, но паниковать не спеши. Рейни — хороший мальчик. Может, он немного мерцает, ну так это все ледяные делают, природа у них такая. Главное, что у

твоего наставника есть собственный вектор, направление. Многие всю жизнь ищут и не находят, а у него он, кажется, всегда был.

— Не то что б я очень хорошо вас поняла, — призналась Никс, — кроме слов "хороший мальчик", но я буду иметь в виду.

Тут она вспомнила главное.

— Абеляр Никитович, я еще вот что хотела спросить...

— М-м? — внимательно взглянул на нее чтец.

— Вы же давно живете, вы сами рассказывали. Может, вам известно что-нибудь про такую магию, когда человеку начинает очень везти?

Абеляр Никитович нахмурился, сосредоточившись. Кивнул:

— Про что-то подобное я слышал. Но такого рода магия — скорее проклятие. Тут человек либо отбирает удачу у других, либо его собственная смещает точку равновесия, скажем так, и расплатой становится невезение. Было такое проклятие — "Удача Утопленника", — все зарегистрированные случаи кончались смертью носителя.

Никс сглотнула.

— И как долго человек проживал с этим проклятием?

— Когда как. А отчего ты интересуешься?

— Как бы вам так сказать...

— Говори как есть.

Никс колебалась. С одной стороны — Абеляр может что-то подсказать. С другой стороны — не вздумает ли он изолировать ее от остальных? Она решила действовать классическим способом иносказания, внутренне скривившись от такой банальщины:

— Одна моя подруга, скажем так, подозревает, что на ней это проклятие есть.

Абеляр Никитович рассмеялся.

Никс замолкла на полуслове. Чего это он?

— Прости. Подруга или нет — не суть. Дело в том, что такое колдовали раньше, до войны, в наказание. Занимались этим, собственно, пророки. Нынче ни одна колдунья вероятностей не способна на такое.

А потом Абеляр Никитович посуровел, замолчал.

— Но у тебя же мальчик-судьбоплет, — произнес он, поднимая взгляд на Никс.

Она кивнула, ссутулив плечи.

— И что конкретно он сказал? — так же серьезно спросил Абеляр.

— Он сказал "пускай тебе везет, как проклятой", — повторила Никс Ромкины слова.

— То есть заклатья как такового он не произносил.

— Да откуда ж ему было знать, он же... он же до четырнадцати лет ни о чем не знал и рос в семье, которая предпочитала о нас не помнить.

— Тогда это может означать, что у тебя... у той твоей подруги есть надежда. Это не "Удача Утопленника". Это что-то его собственное.

— А делать-то что? — обреченно и устало спросила Никс.

Абеляр Никитович помолчал.

— Думаю, единственный твой вариант — найти его.

"Ромку он имеет в виду", — подумала Никс.

Что ж, она и сама это знает.

— Если я что-то вспомню про это заклятие, я дам тебе знать, — проговорил Абеляр. — В конце концов, мы перед вами в долгу.

Никс заставила себя не показывать разочарования и слегка улыбнуться:

— Спасибо. И за ответы тоже. Теперь я и правда пойду.

Катерина Берса выловила Николу после первого же практического занятия, подкараулив в коридоре.

Еще вчера Никс готова была вцепиться Берсе в волосы, по-девичьи, яростно, раз уж огонь ее не жжет. Но жалость — чувство страшное и коварное — уже подточило ее решимость, чем Берса и воспользовалась.

— Пойдем в туалет, покурим, — безапелляционно предложила она, нахально подхватывая Никс под локоток.

— Я не курю! — возмутилась Никс, локоток отнимая.

Берса оказалась настойчивой. Она вцепилась Николу в плечо, увлекая за собой силой:

— Так я же тоже не курю!

— Отстань ты от меня!

— Пошли-пошли! — не унималась Кей.

Никс фыркнула. Правда, к тому моменту сама она порядком уже утомилась (на занятии они два часа кряду натурально месили глину, вынимая из нее чужеродные включения) и потому вскоре сдалась. Но все же проныла-пробурчала для проформы:

— Чего ты хочешь от меня, стремная, длинная, грубая, мерзкая, противная дылда?

— Это все? — осведомилась Кей, закрывая изнутри щеколду в, кажется, учительском туалете: внутри оказалось довольно просторно, стены были облицованы белым кафелем, окон не наблюдалось.

— Нет. Но у меня сейчас ни сил, ни фантазии все тебе излагать. Так чего тебе надо? Зачем сюда привела? Вроде бы не бить — и на том спасибо. И да, я уж со вчерашнего дня ничего не колдовала, если ты об этом.

— Отчасти, — сказала Кей и вытащила из кармана джинсовой куртки пачку сигарет.

Никс устало вздохнула и приложила ладонь ко лбу.

— Ты же сказала, что не куришь.

— Так я и не курю, — ответила Кей, поджигая толстую белую сигаретку. Потом она сунула фильтр в рот и набрала дыма не в легкие, но за щеки и тут же выпустила его вверх. Сизые змейки заструились под потолок.

— Чую присутствие волшебства, — сказала Никс, отлипая от стенки и настораживаясь. — Это что?

— Подарок от друга, — ответила Кей. — От, понимаешь ли, настоящего. Подарок недавний, решила вот с тобой испытать. Нас, типа, сейчас не подслушать.

— Ох не нравится мне, чем это пахнет, — угрюмо пробормотала Никс, отмахиваясь от дыма.

— Да ладно, прикольно! Ванильненько!

— Да не это. Чего ты от меня хочешь... странная женщина?

Говоря слово "женщина" Никс невольно сымитировала интонацию одного друга семьи, и сама себе удивилась. Вот же приставучий говор!

— Я хотела сказать тебе, что похищение твоей сумки в мои планы не входило, — серьезно ответила Кей. — Я сожалею, что не уследила за Анитой. И в качестве, собственно, извинений предлагаю поговорить нормально. Сейчас я тебе все расскажу.

— О, Потерянный, что здесь творится? — вознегодовала Никс. — И тебе что, есть о чем

рассказывать? А значит, за ту бумажку и высмеивание меня ты извиняться не хочешь? И за то, что наехала на меня в столовой?

— Да успокойся ты, успокойся, рыжая, — Кей примирительно подняла ладони с зажатой между большим и указательным пальцами левой сигареткой. — Так было надо. Послушай меня.

— Надо?! Кому надо?

— У меня вас таких каждый год по пять штук приезжает из разных дыр, и единственное, что все понимают одинаково хорошо — это сила. Сила и страх. Как иначе прикажешь объяснять зеленым первокурсникам, что колдовать в городе чревато?

— Я и так это знаю! — фыркнула Никс.

— Ага, и именно поэтому спустила белочку с привязи, как только почувяла опасность, — парировала Кей.

— Белочку?

— Магию. Учи язык.

— Ты чокнутая.

— Положим. Вот еще что... как ты поняла, что Анита — того?

— Шизофреничка, в смысле? Ну, симптом знакомый ты назвала же... У меня... товарищ один этим летом психотерапией увлекся, приезжал, рассказывал всякое... Стоп. О чем я. Зачем пугать первокурсников? Зачем так жестко? Нельзя просто взять и объяснить?

— Чтобы выиграть время, — сказала Кей. — Иначе так просто им возьмут и объяснят стаи крашенных за пределами академии. Ни разу не видала черепов на заборах? Это их рук дело, это они обещают вам скорую встречу с их бледной, длинноволосой мамашей. Или у тебя в селе не было ничего такого? Может, у вас еще и телочек к диким ведьмам на осмотр водят, и где-нибудь в глуши алтарь какой диады стоит?

— Змеиная Коса — не село, а поселок! — возмутилась Никс. Потом добавила чуть тише: — Городского типа... И да, у нас нет ни "стай", ни чего-то такого. Люди спокойно себе живут, а вы тут, я так погляжу, в городе с жиру беситесь. Делать им нечего — магов гонять. Мы и так военнообязанные, в случае чего — будем на передовой, как мясо, так они еще и!..

— А ты это им объясни, ага, — хмыкнула Кей, — попробуй им это объяснить между тем прекрасным моментом, в котором будешь выжигать клеймо на роже у одного из них милой своей ладошечкой и следующим, когда они всей толпой тебя таки завалят и будут рвать. И поминай как звали.

Никс нахмурилась и смолчала. Ни о чем таком она, и правда, раньше не слышала. Она много чего успела повидать, но как-то не думалось ей, что опасность типа такой — реальна. А Берса говорила так, как будто бы видала "крашенных" своими глазами. Что не исключает возможности, что Берса выдумывает, фантазирует или бредит.

Никс вздрогнула. Жуткая мысль настигла ее:

— Анита... не могла она?..

— Нет, — отрезала Кей. — Она не маг. Она просто городская сумасшедшая, призрак нашей академии. Ей уже за тридцать. Никто ее не трогает — боятся проклятия. Но это другая история, забей. Не думаю, в общем, что это кто-то из крашенных ее украл.

— Почему ты называешь их "крашеными"? — спросила Никс.

Кей хмыкнула, улыбнулась.

— Потому что они вот так вот, — она провела пятерней по лицу и лбу, и дальше по

голове, зачесывая назад темные волосы, — рожи свои прыщавые красят, раскрашивают. Черепа рисуют, или просто что-то мерзкое, или типа страшное — потому их так и называют.

— А они не музыканты, не?

— Не. Увидишь стаю крашенных — сразу поймешь, какие звуки и из чего они собираются извлекать.

— Мне кажется, — сказала Никс подозрительно, — ты снова хочешь меня напугать. Просто чтобы я... испугалась.

— Нет, — отрезала Берса. — Я тебя уже поняла, тебя на слабо не взять. Я сообщаю тебе информацию, выводы делай сама. А, и вот еще что. По сети ходят слухи, мол, на континенте наших бьют как-то систематически. Более систематически, чем раньше, и говоря "наших" я имею в виду именно "наших", если что. Непонятно, правда, кто и зачем, но народ начеку. Непокойно нынче, короче, и всем, чьи предки имеют отношение к Антарг, нужно спать с битой под подушкой и на мнимое превосходство не полагаться.

— Ужас какой.

— В академии за нами следит Абеляр Никитович и ваши наставники, так что тут относительно безопасно. Но ночью одна не ходи, что ли.

— Теперь все? Я могу идти? — устало и немного раздраженно спросила Никс.

— Да я тебя и не держу.

— И на том спасибо.

День, полный разговоров, ими и кончился. Хозяйкой рекомендованной Рином квартиры оказалась девушка по имени Ирвис Вандерфальк, а потом выяснилось, что и не хозяйка она, а сама тоже снимает.

В отличие от Катерины Берсы, суровой, как железнодорожный шлагбаум и длинной, словно стремянка, Ирвис была, что называется, девочка-девочка, держащаяся, правда, в пределах адекватности. В одежде она предпочитала яркие, тяжелые цвета в контрасте с молочным белым; тонкие руки ее унизывали массивные, поблескивающие стеклянными бусинами браслеты, а по загорелым плечам в беспорядке разметались черные, с лиловым отблеском локоны, кончики которых были похожи почему-то на птичьи перья.

По словам Ирвис, в этой квартире она живет уже три года, а уютом и обустроенностью помещение обязано ей и бывшим соседям. Особой гордостью Ирвис были расположившиеся на подоконниках обеих комнат кактусы разных форм и размеров, но Николу более всего обрадовало обнаруженное на полочке в коридоре зарядное устройство для телефона, подходящее и к ее модели тоже. Ну, хоть однажды удача сработала, как следует!

Далее Никс было предложено уложить свои вещи (которых не было) на тумбочку у одной из кроватей в спальне и идти на кухню, гонять чай и разговаривать "о прекрасном — о мужиках!".

Николу такое предложение слегка смутило, ведь ей нечего было рассказывать. А то, что было — ну крайне стеснительно. Красиво и достоверно врать она попросту не умела, да и нужды в этом не видела. А потом она поняла, что заявленная тема беседы была шуткой, а по прошествии еще нескольких минут, что не совсем. Волей-неволей ей все же пришлось втянуться в пикантную беседу, хоть и в качестве слушателя по большей части.

Так, она узнала, что на классах по разнообразным парным танцам нынче знакомятся только мальчики, ибо девочек там — толпа, и их можно хорошенько рассмотреть со всех сторон в лучшем виде, прежде чем завязывать разговор, и совершенно безнаказанно; девушки

же нынче особо удачливы на военно-спортивных играх, где их, наоборот, мало, да еще и образ женщины-воина во всей своей абсурдности для молодых мужчин удивительно привлекателен. Так же Никс узнала простую житейскую правду, состоящую в том, что с мужиком должно быть лучше, чем без мужика, а после насильно накормлена, кроме плюшек, оставшимся с какого-то торжества тортиком.

Дожевывая пропитанный сладким масляным кремом коржик, Никс осведомилась:

— Так а, получается... Если ты три года тут живешь, то и Рин не все время обучения тут жил? Или он тут уже был, когда ты заехала?

— Да он что жил, что не жил, — ответила Ирвис. — Его иногда неделями не бывало — оно ж звезда, понимаешь, творческая натура. Арендную плату вовремя приносил и ладно, а где он там пропадал — это, как бы, не мои дела.

Никс вспомнила утро, лед, ванную. Поежилась.

Решила уточнить:

— А в ванной он уже тогда спал?

Ирвис выгнула тонкую бровь недоуменно:

— В ванной?

— Ладно, проехали.

— А вы-то как познакомились? — спохватилась Ирвис. — Я немало удивилась его звонку вчера, все же явление невероятное, чтобы Рейни — и о ком-то заботился! — она хохотнула звонко. — Я думала, что он скорей повесится, чем сострадание проявит!

Никс ничего не отвечала — дула на чай, только что рефлекторно подогретый. Излишне, пожалуй. Подумав, все же произнесла:

— А ему теперь придется обо мне заботиться. Я ему, кажется, зачем-то нужна, хотя сказать наверняка, зачем, и я ли именно — не могу. Ну, в общем, у нас что-то типа контракта на обучение.

Ирвис аж вся подобралась и будто расцвела:

— Он тебя будет... учить?

Никс посмотрела на нее искоса, не понимая, с чего это столько радости, но все же улыбнулась в ответ сдержанно:

— Угу.

— Это хорошо. Деловые, регламентированные отношения — это очень хорошо. Но ты не ведись, советую тебе от души — не надо. Будь с этой заразой очень осторожной!

— Я сразу это поняла, как "эту заразу" увидела, — кивнула Никс доверительно, — и что тут иначе никак. Но все-таки мне было бы любопытно узнать, почему именно ты рекомендуешь мне его опасаться. Может, есть какие-то менее очевидные причины, чем сумасбродность и толпа поклонниц на каждом углу, и мне стоит их знать?

Ирвис закусила чай плюшкой, а потом, сообразив еще более заговорщицкий вид, сообщила:

— Как-то раз, хлебнув лишнего, он мне как на духу позицию свою изложил, и, думается, ни разу не врал. Говорил, мол, чтобы увидеть истинную красоту женщины, надобно с ней переспать, и наутро, в предрассветной неге, явится тебе воплощение грез, неизбывная нежность и завораживающая прекраснота. Не отрицал, впрочем, что и просто так рядышком полежать можно, тогда тоже явится, но это будет уже немного не то.

— Ужас какой, — в который раз за день прореагировала Никс, на этот раз устало.

— Он говорил, что это как-то ему помогает, что-то, мол, останавливает или притупляет.

С таким видом вещал, как будто бы это он не об извечной прихоти двадцатилетних юнцов, а о чем-то поинтересней — но мне кажется, будто бы это не так, — продолжила Ирвис. — Все они любят тумана понапускать, таинственности — романтично вроде. Но это же просто крючки для того, чтобы дев юных надежней к себе цеплять. А! Еще говорит, что не создан для любви, и это, кажется, правда: ни разу его не видела с кем-то так, чтобы в это можно было поверить, и с одной и той же барышней более двух раз. Но это раньше так было. Может, сейчас и поменялось что. Я ж его уже год, почитай, не видела, все никак не пересечемся нигде.

Ирвис отхлебнула чая. Никола, рассматривая посыпанную мелкой белой пудрой плюшку, все-таки откусила немного, и, пока жевала, надумала следующий вопрос:

— Ну не может же он быть действительно полным идиотом, правда?

Ирвис, кажется, вполне себе поняла, что она имеет в виду, и ответила:

— Не должен.

Никс осмотрела еще раз уютную кухоньку, батарею цветных кастрюлек на полке, пушистые разномастные кактусы. Перевела взгляд на Ирвис, жующую плюшку.

Поняла, что в маленькой этой квартирке хорошо, и тут на самом деле можно жить, если, конечно, немного привыкнуть. Ирвис ей тоже нравилась. Было в девушке что-то такое цепляющее, особенное, потенциально глубокое, даже не смотря на любовь поболтать о парнях. Была в Ирвис загадка. Такая загадка, которой, может, на самом деле и нет, и если напрямую спросить — то все сомнения разом уйдут. Но чудилось, что подвох есть, и он не опасен, но для кого-то, вполне возможно, манящ.

К тому же, разве могла Ирвис соседствовать с Рином два года и ни разу не заметить ничего странного? Или он был настолько осторожен, что в быту силы своей никак не выказывал? Или боялся "крашенных", о которых говорила Берса, или поглощающих? А может, ему и не нужно было ничего скрывать.

Такой вариант возможен, если Ирвис тоже проклятая.

Но Никс не стала об этом спрашивать, решив, что вопрос слишком смел для первых двух часов общения.

А потом Ирвис, улыбнувшись лукаво, сама спросила:

— А ты ведь огонек, да? А волосы у тебя натурального цвета?

И Никс отпустило. Она расслабилась, улыбнулась, прикрыла глаза и кивнула.

— У-у, — протянула Ирвис. — Вижу, тебя уже вырубают. Иди спать. Насчет денег и прочего потом решим. Главное, музыки без наушников не слушать, чужих не водить, крупы-макарон-масло-хлеб — общие, остальные продукты — личные, но можно спрашивать разрешения насчет попробовать. Остальное в пределах разумного. И да, можешь колдовать, я тебя не сдам, я все понимаю.

— А ты... тоже... из наших? — спросила Никс, зевая в ладошку.

— Покажу как-нибудь, что тут рассказывать, — ответила Ирвис. — Спать иди, да?

Но быстро уснуть у Николы не получилось, даже когда она забралась под мягкое пуховое одеяло. События дня, не слишком-то значительные, но довольно разнообразные, мелькали перед ее мысленным взором, сменяя друг друга. Вот — тонкая корка льда, вот — блеклые волосы Клер, вот — витраж за спиной Абеяра Никитовича и ухмылка на бледном лице Катерины Берсы, а вот — медные браслеты на запястьях Ирвис Вандерфальк. И за всем этим проступает излишне часто и ярко образ "хорошего мальчика Рейни", как будто бы он — это и правда самое важное, что случилось, а пропажа Аниты, сумки, какие-то там беды с

коллегами с материка — это все так, боком, фоном, это не важно. И не потому не важно, что так того хочется Никс, а потому, что правда.

А ведь, вроде бы, ничего особенного (по-настоящему особенного!) в "добром мальчике" нет. Никс и не такое видела. И все же образ его никак не складывается, сам с собою не стыкуется. Добрый, бесчеловечный, фанатичный, пьяный, обыкновенный, кем-то любимый и для любви не созданный, глупый, опасный. И с ним, таким непонятным, придется иметь дело, хотя лучше бы... ну да, ну да.

Но что уж теперь. Никс теперь надо как-то крутиться, нельзя же жить за счет чужих людей. Или взять и рассказать все Эль-Марко, выдернуть его оттуда, пускай приезжает, пускай утешит и посоветует, как быть? Нет, нет, нельзя. Надо на подработку какую устроиться... Кто знает, найдется ли ее сумка вообще? И Ромку бы найти... А цветы в доме повянут, пока ее нет. Марик с компанией вернется неизвестно когда. Мари приезжает со своих соревнований, кажется, через неделю... точно повянут.

И поникшие цветы в ее сне высохли и раскрошились в прах, обнажив серую, каменистую пустошь, теряющуюся в блеклой, фиолетовой дымке. Через пустыню, продуваемую всеми ветрами, шел человек без лица, отбрасывающий сорок теней, а за ним, на расстоянии в вечность, шел мальчик. И если безликий более всего на свете мечтал скрыться, вылинять, ускользнуть, то мальчик хотел догнать его и прикоснуться к нему, спросить у него что-то запредельно важное, узнать всю возможную правду, — а потому не спускал с него глаз, и именно это не давало безликому исчезнуть.

— Как так? Ну нифига ж себе! Тебе выпала девчонка-огонек и ты будешь применять параграф номер три?! Именно эта девчонка? Третий параграф? — У Тихи расширились зрачки. Глаза сделались дикими, будто он торчок какой-нибудь. — Ты понимаешь вообще, что это значит?

— А ты понимаешь вообще, что первые два несостоятельны? Ты видел эту девочку? Ты знаешь, как она реагирует на раздражители?

— Ты мог бы выбрать второй! Или подумать еще!

— А что тут думать, Тихомир? Поверь, суток мне хватило на анализ вполне. Инструкция сама по себе одобрена чтецами, церковь не считает это мерзостью или грехом. Ты не подумай, я не оправдываюсь. Я понимаю, чем это грозит мне и ей. Я понимаю, что беру на себя слишком много. Я вообще в последнее время только то и делаю, и у меня ощущение, что лимит дозволенного скоро исчерпается. Но вот тут уже вариантов нет как нет.

Тихомир сверлил меня взглядом, и мне казалось, что только от дурной случайности зависит, поможет он мне сегодня, как и договаривались, или прямо сейчас все переиграет и решит, что начистить мне морду — именно то, чего он давно хотел. А вот Ари придется понять. От Ари мы все, конечно же, огребем, в любом из раскладов, но это будет потом, когда он вернется. А пока что мы собираемся творить произвол, суший беспредел, и нет нам прощения и оправдания, кроме животного желания жить. Моего желания. Низко-то как.

Тиха расслабился. Опасно. Я все еще не знаю, что он решил. Я все еще не понимаю, зачем я рассказал ему все как есть. Может, стоило наврать, будто бы я выбрал первый параграф? Или второй... А может, вместо того чтобы сделать то, что так давно хочет, Тиха попробует наказать меня за еще несовершенное как-то иначе. Не его стиль, конечно, но люди умеют меняться, когда припечет. Особенно этот. Иногда мне кажется, что он ни в грош не ставит существующий здесь порядок вещей. Это не протест, это что-то иное — и эта готовность выйти за рамки пугает. Но это именно то, что мне сейчас нужно.

— Что, говоришь, наша девочка-спичка намеревается делать завтра? — спросил Тиха спокойно, не оправдав пока что ни моих опасений, ни надежд.

— Завтра? Без понятия, первое занятие у нас в пятницу. Могу сдать тебе ее нынешний адресок, если этого будет достаточно.

— Недостаточно, — Тиха покачал головой. — К тому же, что-то ты больно легко на это идешь. Настолько уверен в себе?

— У меня нет времени сомневаться.

И тут я снова ни разу ему не вру, хотя мог бы. Если в итоге у меня ничего не выйдет — смерть. Если выйдет — трибунал. И я, скрепя сердце, выбираю последнее.

— Вот что... — протянул Тиха, отставляя пустой пивной бокал. — Узнай ненавязчиво и сообщи мне, какие у девочки планы на выходные.

— Ай стерве-ец, ай да сукин сын!..

— Ты недослушал. Лишь вкупе с адресом и телефоном эта безобидная информация станет достаточной платой за мою помощь. Заметь, я не прошу тебя устраивать нам встречи

или как-то так. Ах, да. И еще с тебя литр сидра, дружище.

Он откинулся на спинку деревянной скамейки и улыбнулся деланно, как будто бы мы тут в игрушки играем.

Вообще подход Тихомира к вопросу меня разозлил. Разве можно быть настолько прямолинейным и безрассудным? Хоть бы часть денег потребовал, что ли.

Впрочем, лучшая защита — нападение, и чтобы выиграть спор, надо быть тем, кто задает вопросы.

— Зачем она тебе? — спросил я без обиняков. — Неужели ты решил похерить мне всю систему? Неужели ты так сильно хочешь, чтоб у меня не вышло?

— Я желаю тебе лишь добра, — ответил он, изображая на этот раз лицо клинического идиота. Подобрался тут же: — А еще мне нравятся рыжие. К тому же, ну а если не я, а кто другой? Ты на скользком пути, Рейни, и мне тебя ни капельки не жалко. Прости.

Я подался вперед и оперся о стол локтями:

— Что ты задумал, Бродяжка?

Тиха пару раз хмыкнул.

— Ой, ну не прицепится ко мне никакое словцо, Рейни, можешь и не пытаться.

— Ты же понимаешь, чего делать не должен.

— Понимаю. И не сделаю. Я просто буду рядом.

— Ну словно милый лохматый песик.

— Да хоть как песик, — он провел пятерней по волосам, ероша зеленые пряди и небрежно отбрасывая их назад. — Мне не принципиально. Дорога, знаешь ли, лечит, и я смогу сделать так, чтобы человек не оказался однажды в тупике, наедине со своими демонами. А вот ты — нет. Ты этого не сможешь. Вот и все.

— Мотивация твоя для меня, с одной стороны, прозрачна как стекло, а с другой стороны — стекло это слюдяное.

— Бывает, — Тиха усмехнулся, натягивая плотную черную шапочку и пряча под нее свои ядовито-зеленые волосы. — Это нормально. Где там твой торговец приключениями?

— А вон, в том конце зала, как раз садится. Кажется, он.

— Не он, — Тихомир покачал головой. — Этот просто дурак.

— Уверен?..

— И ты был бы уверен, если б различал капюшон толстовки и нужный капюшон. Ха-ха!

Тихе нравится, когда я ему в чем-либо уступаю. Чудак-человек.

— А вон тот, в углу, только-только зашел и уселся так, как будто классики не смотрел, — это, кажется, наш клиент, — Тиха кивнул вбок.

— Или мы — его, — согласился я. — Вижу. Да, пожалуй, этот похож. Бери его и веди. Если пойдет, дальше по плану.

— Погнали, — кивнул Тихомир, поднимаясь и двигаясь к "клиенту". Я надвинул дурацкую черную шапочку, такую же, как у Тихомира, пониже на лоб. Удивительным образом эта простая маскировка даже на мне работает. По крайней мере, я перестаю привлекать нежелательное внимание в таких количествах, и, наверное, вовсе обращаюсь в посредственность из посредственностей. Всегда бы так ходил, если б решил совсем от себя отречься. Но я пока держусь.

Тиха уже трет о чем-то с подозрительным субъектом в углу. Их разговор, толком и не начавшись, сворачивается, субъект поднимается и следует за Тихомиром в сторону черного хода.

Я выхожу через парадный, оглядываюсь, примечаю такси. К несчастью, водитель синей потрепанной иномарки — примерно моего возраста. Это плохо, такие обычно любят поговорить, а мне не до того.

Я сообщаю водителю координаты. Машина трогается плавно, и вот уже мелькают за тонированными стеклами огни засыпающего города, сменяясь вскоре глухой темнотой объездной трассы.

Водитель не оправдал моих опасений и оказался молчаливым. Его не интересовало, зачем мне понадобилось ехать в такую дыру в два часа ночи, а потому я простил ему выбранную радиостанцию.

Расплатившись, я вышел и будто бы не в ночь провалился, а в глухую яму. Тьма вокруг была плотной, теплой, ветреной. Прибрежная лесополоса вздыхала тяжело и шумно, пахло влагой и чем-то неуловимым, сладковатым, немного тошнотворным.

Лесополоса здесь узкая, всего лишь чуть пройти — и будет городское водохранилище. В такое время там ни души. Собственно, этого-то нам и нужно, и лучше места попросту не найти.

Пока "клиент" или, как Тиха его назвал, "торговец приключениями" думает, что ведет покупателя известной ему дорогой в какое-то специально выбранное им место, реальность поворачивается к нему еще одной своей гранью, неожиданной, неразгаданной. Может, он и сталкивался уже с подобным, но мне это кажется весьма маловероятным.

Я двинул напрямик в означенное место, пробираясь через ломаный камыш и высокую, сырую траву. Сапоги вязли в грязи по верхний край подошвы. Я шел, специально не ища дорожек и троп. Ступил под древесные своды и, задевая ладонями шершавую кору, по наитию нашел нужное мне дерево — черное как смоль, но не мертвое, ветвистое и кряжистое, приникшее нижней частью ствола к земле. По этой его пологой "спине", немного скользя, я забрался выше.

Пальцы перепачкались в смоле, но это ничего. Отсюда прекрасно виден берег и все, что творится внизу. А вот меня снизу не видно.

Можно ждать и прорабатывать дальнейший план, в варианте удачного завершения сегодняшнего дела или неудачного. Хотя лучше бы, конечно, сегодня все получилось.

Ждать долго мне не пришлось. Внизу послышались шаги и негромкий разговор. Вскоре, когда звук приблизился, я смог различить, что говорит только Тиха — забалтывает, значит, "клиента", клеит простачка.

— То есть у вас такого не бывало, да? Чтобы в парке заблудиться? Я сам год как переехал, не знаю ничего. Давайте у прохожих спросим? И почему тут фонари не горят?.. Может, это уже не парк, а мы в лес какой зашли?

— А, пускай его, — ответил шелестящий, хриплый голос. — И так уже час впустую. Давай деньги и расходимся.

Я наблюдал с высоты, как на расстоянии в пять метров от меня Тиха лезет в карман за купюрами, тщательно сложенными в аккуратный кирпичик.

Тихомир развел в стороны обе руки — одну с деньгами, другую пустую, мол, давай, мужик, доставай товар.

— Деньги вперед, — скомандовал делец.

Тихомир нехотя подчинился.

Мужчина взял деньги, сунул в карман, не пересчитывая.

— Значит, ты на самом деле его хочешь, — глухо пророкотал голос.

— Ну, как бы, да, — Тиха кивнул. Ему бы уже давно испугаться, конечно. Но я-то знаю, в чем именно Тихомир не прост.

— Зачем тебе оно? — рывкнул мужчина, наступая на Тиху.

Я увидел, что в темноте тускло блеснул нож.

Так. Дело принимает неожиданный оборот. Хрена себе "делец"!

— Эй-ей-ей, дяденька, полегче! — Тиха приподнял ладони, отступая. — Что за дела? Деньги у вас, давайте, что ли, товар, и без приколов, а?

— Зачем тебе это? — мужчина снова угрожающе шагнул к Тихомиру.

— Да нафиг оно мне не сдалось, мужик! Нож опусти, да? Тебе отсюда все равно не выйти, дядя, так что давай как-то по-хорошему решим...

Я напрягся. Кажется, наш план трещит по швам. Точнее, "хороший план". Кажется, придется принимать меры.

— Слушай, ты, — прошипел "клиент", и голосом этим можно было пугать не только детей, но и взрослых. — Снимай немедленно. Что это? Кольцо? Ложный след? Что ты наколдовал?

— Я? — Тиха пятился, с каждым шагом уводя дельца прочь от моего дерева. — Да вы что, дяденька, я ж не маг, я так... Я, думаете, зачем к вам? А вдруг с вашим, собственно, артефактом, я магию смогу? С детства мечтал!

— Мальчик, твое положение крайне шатко. Или говори, что творил, или...

— Не надо меня убивать! Вам же одного ножа-то не хватит, дядя!

— Проверим?!

Мужчина бросился на Тихомира, размахивая лезвием. Вот уж не знаю, насколько это у него получалось профессионально, но Тиха уворачивался и отходил, и эта его загадочная юркость, похоже, взбесила "дельца" не на шутку.

Я скользнул вниз, подобрал заранее примеченный камень и, быстро сблизившись с нашим агрессивным "клиентом" сзади, свершил свое дело — точно, больно и совсем не волшебным.

Легкое сотрясение вследствие прицельного и правильного удара тяжелым предметом привело к мгновенному обмороку.

— Добрый вечер, — поздоровался я с обмякшим телом.

Тиха, яростно жестикулируя, тут же принялся высказывать мне все, что думает, трясясь от запоздало хлынувшего в кровь адреналина:

— Рейни, что это было? А цена-то возросла, Рейни, ой выросла! Меня к такому не готовили! Слышишь? Это что за дела вообще?! Он что, не хотел нам ничего продавать? Какого он вообще взбесился? Зачем ты так с ним? Может, теперь объяснишься? И что мы будем с ним делать потом? Он же меня запомнил!

— Тихо ты, — шикнул я. — Посвети лучше.

Тихомир полез в карманы брюк, разыскивая фонарь. А я тем временем перевернул нашего дельца на спину и принялся его ощупывать, пока что вслепую. Вскоре Тиха щелкнул рычажком на фонаре, и как раз в этот момент я обнаружил на пояском ремне мужчины сумку.

— В лицо ему посвети, — попросил я, отстегивая сумку.

Луч скользнул по ничем не примечательной физиономии, осветив ершик каштановых волос и трехдневную щетину.

— Мутный тип, мутный, — бормотал я, открывая сумку. Присвистнул. — Ого.

Я извлек из кожаного мешка небольшой сверток. Морозец пробежал по коже, как будто бы мне мало постоянного моего озноба. Алая ворсистая материя покрывала нечто твердое, тяжеловатое. Я бережно развернул ее, и в прямом свете фонаря сверкнуло зерно. Настоящее натуральное зерно.

— Это оно? — спросил Тиха.

— Похоже на то, — ответил я.

— Красивое...

Зерно представляло собой подобие кристалла, основная форма которого напоминала стилизованную слезу. Кристалл этот к острому окончанию становился алым, а к тупому бледнел и чуть-чуть зеленел. Внутри него, в центре неподвижного водоворота из черных размытых линий, неярко тлела сердцевина, похожая одновременно на внутренности стеклянного шарика с искусственным снегом, на калейдоскоп и на далекое пламя костра. Все это умещалось в точке размером с мелкую монету, и сердцевина явно была живой: она пульсировала еле заметно, и от прикосновения к гладкому боку зерна моим пальцам становилось теплей.

— Да уж, вещь, — протянул Тиха. — Казалось бы, быть ему похожим на побрякушку, а вот надо же... веет, внушает. А куда, прости, это у вас вставляется?..

Я одарил его взглядом таким презрительным, каким только мог. Боюсь, темнота эффект немного сгладила, потому как Тиха продолжил:

— Так и почему он на меня пошел-то, а? И зачем ты его — того — стукнул по темечку? Убить же мог!

— Кажется, он на самом деле не курьер черного рынка, — сказал я. — Смотри, в сумке больше ничего. Никаких других артефактов.

— Подумаешь! Может, он решил не рисковать?

— И все же рискнул.

— Так а кто это? И откуда у него зерно?

— Мне бы знать, — ответил я, потирая переносицу. — Смотри. Он — не маг. Иначе бы проявил себя, не стал бы с ножом играть. Но он почуял или догадался, что магия была применена.

— Да кто б не догадался, если с дорогой творится какая-то ерунда! Тут или магия, или наркотики, а вместе мы с ним не зависали.

— Короче, моя версия такая: мужика из бывших крашенных наняли на непыльную работенку, и он, по доброте душевной, а также в память о былых свершениях, согласился. Заодно он должен был собрать информацию о тех, кому нужны зерна.

— Это паранойя, Рейни.

— Я был бы безумно рад, если б это оказалась она.

— Короче, фиг с этим всем, об этом думай сам. Что делать-то будем с "клиентом"?

— Здесь оставим, — я пожал плечами, заворачивая зерно обратно в тряпицу и пряча сверток за пазуху.

— А если он меня запомнил и искать будет?

— К властям он не пойдет, — сказал я, — ибо у самого рыльце в пушку. А ты в этой шапочке, вот тебе честное слово, обыкновенен, как пень, как лопата или как красный топор. Не опознает он тебя без грима, то есть без шапки — готов поспорить.

— Это ты мне будешь рассказывать, если он явится за мной и убьет! Вот что тогда?

— А что ты предлагаешь?

— Давай сдадим его поглощающим вместе с этим долбаным зерном? Это же контрабанда!

— И столько труда насмарку? Ну нет!

Я порылся в обоих карманах и достал золотистую колбочку на цепочке. Протер рукавом. Потянул за рычажок, высвобождая острое, опасное "жало".

— Сорбет "выхухоль мозга"? — только и пробормотал Тиха.

— Ты откуда слова такие знаешь, Тихомир Одиш?

— Рейни, у тебя совесть, вообще, есть?

— Откуда раскаяние там, где сердца нет?

Я усмехнулся. Как весело, порою, отвечать кому-либо строчками наших песен. Без музыки все звучит настолько фальшиво и пафосно, что даже меня, привыкшего долдонить эти фразы бесчисленное количество раз, начинает мутить.

По идее, этот укол работает так, как действует ударная доза алкоголя с небольшим, но приятным бонусом: элементы заклятия притупят воспоминания за несколько последних часов. Сотрясение мозга, которое мужик наверняка заработал, может и не сработать, а вот "сорбет" — наверняка.

И мы даже ничего не стираем — такое мало кому под силу, а уж непрофильному магу подобный эффект и вовсе недоступен.

Так что стыдиться мне, на самом-то деле, нечего: мужик, может быть, когда-нибудь даже вспомнит о нас.

Может быть.

Как ей и полагается, настала пятница. Своим чередом прошли лекции, стремительно пролетело первое практическое занятие по композиции, на котором Никс весьма понравилось, солнце закономерно пересекло зенит и склонилось ближе к морю. Анита Совестьная так и не нашлась. Берсы на горизонте тоже не наблюдалось, от Марика вестей не было, а насчет возможной подработки Никола еще ничего не придумала.

Неприятностей тоже удавалось пока что избегать, если не считать ими привычные уже поганые мелочи вроде зажавшего сдачу кофейного автомата или липкой жвачки под столешницей парты. Везения тоже были никчемными, хоть и разнообразными и обильными. В любом случае, без всего этого было бы спокойнее, удалось бы, может, сосредоточиться и все обдумать, но пока что приходилось вертеться.

Никс относилась к учебе очень серьезно. Она надеялась, что не будет никакой войны никогда, и свой долг как элементалисту ей отдавать не придется. А это значит, что будет жизнь. Все, что нужно — это избавиться от утопленнического везения, а уж там-то все пойдет как по маслу.

Никола, уже разузнав, как пройти в библиотеку, ступила на потрескавшуюся асфальтовую тропку, ведущую через парк. Там, южнее, стоит отдельное двухэтажное здание с куполообразной крышей, и именно в нем располагается феноменально огромное, как для художественной академии, хранилище знаний.

Табличка на стене, покрытой потрескавшейся штукатуркой, гласила, что библиотеке не меньше сотни лет, и вообще, здание является культурным памятником. Никс прошла сквозь низкий дверной пролет, окунувшись из жаркого томного вечера в гулкую прохладу, и тут же ее поприветствовало эхо, заплутавшее в пыльных столбиках света, а следом и

библиотекарша, которая, казалось, была еще древнее самой библиотеки.

— Вам по лестнице и направо, — проскрежетала старая женщина, блеснув толстыми линзами очков.

Никс даже вздрогнула. Решила ничего не спрашивать. Прижала общую тетрадь к себе покрепче и стала подниматься по указанным ступеням вверх. Огромная хрустальная люстра, пыльная, как будто бы поросшая сизым мхом, свисала с куполообразного потолка на толстых черных цепях. Проходя мимо нее наверх, Никс смогла рассмотреть, что вместо ламп среди мутного, потрескавшегося хрусталя виднеются толстые свечные огарки.

В полукруглом алькове, что обнаружился за коридорным пролетом, располагались друг напротив друга три белых двери. Первая была приоткрыта, а на двух других висели амбарные замки. В приоткрытую дверь Никола и заглянула со всей возможной осторожностью.

Приметив знакомый затылок, тихо вошла.

— Знаешь, у меня такое ощущение, будто бы за три дня, что мы не виделись, тебе уже наболтали всякого, — произнес Рин, не оборачиваясь. Потом все-таки оглянулся через плечо, откинувшись на опасно поскрипывающий стул. — И ты поверила, на всякий случай, всему и сразу.

Никс ничего не ответила. Она протиснулась между поставленными друг на друга коробками вглубь небольшого, ярко освещенного кабинета, пыльного чуть менее, чем давешняя люстра, положила тетрадь на изрисованную множеством ее предшественников парту и уселась на протертый стул с красной обивкой.

— Слушаю и внимаю, — сказала она по возможности уважительно и спокойно. — Как мне лучше обращаться к своему куратору?

Рин привстал со стула, перевернул его спинкой вперед и уселся, положив голову на сложенные перед собой руки.

— Обиделась?

— На что?

Рин помолчал. Кивнул, как будто бы что-то понял, и сказал наставительно:

— Официоз ты разводишь зря. Обращайся по имени. А слушать и внимать сейчас буду я. Первым делом нам следует уразуметь, что ты вообще знаешь, Никола Рэбел.

Никс насупилась и сжала крепче механический карандаш, выданный ей на днях Ирвис. Она сосредоточила взгляд на острие грифеля и повела по бумаге неровную угловатую линию, тщетно пытаясь сделать ее легкой и плавной.

— Положим, испечь на ладошке сардельку ты сможешь легко, но сила "хранителя снов" не в этом, — продолжил Рин. — Начнем с начала.

— А можно мне узнать вообще всю программу мероприятий?

Никс подняла голову, оторвав взгляд от тетради, и посмотрела на Рейнхарда прямо. Он усмехнулся.

— Я думал, ты спросишь, что за "хранители снов" такие.

— Ясное дело, это про нас. И вряд ли ты сам знаешь, откуда это пошло. А еще это — явно устаревшее название, сейчас бы так никто не говорил, смешно же.

— Неплохо, — отметил Рин. Поднялся, подошел к окну. С силой подвинул разохшуюся створку вверх, так, что посыпалась на пол облупившаяся краска.

В душную комнату ворвался свежий ветерок, зашуршал бумагами, вздул пыль и тут же угомонился. Рин обернулся, оперся об подоконник и сложил руки на груди.

— Значит, план такой. Будем обучать тебя экстерном. Я планирую управиться за два

месяца, хотя ты могла слышать, что обучение занимает в среднем год.

— Это почему это?

— Сдается мне, что ты с этим справишься, хотя потрудиться придется. Нужно будет многое выучить, что-то попросту зазубрить. По итогам обучения будет произведен ритуал замены зерна. Так мы избавимся от повинности терпеть общество друг друга в течение двух месяцев. Не подумай чего хорошего, но есть большая вероятность, что ты меня, как преподавателя, вскоре возненавидишь. Не думай, я не запрещаю, я к этому полностью готов. Программа насыщенная, требования высоки, и кое-что тебе может так вот сразу показаться ненужным и бессмысленным, а то и грубым, а может, вообще непростительным. Приятельствовать мы, в общем-то, не обязаны.

Никс вздохнула. Человек, стоящий у окна, что-то важное по его мнению говорит, да. Она понимала это умом, по крайней мере какой-то частью своего ума. Было ощущение, что теперь он нарочно пытается вызывать неприязнь, о которой предупреждает. Зачем ему это? Предосторожность? Думает, что настолько хорош? Или это что-то из разряда "Не приближайся ко мне, детка, я того не стою"?

Никс видела, как теплые закатные лучи, проходя насквозь, выплавляют из его волос платиновые искры, просвечивают легкую светлую ткань на рукавах, отражаются от белых стен и возвращаются солнечными зайчиками на бледное, тонкое, ладно скроенное лицо, безоговорочно красивое. Было в этом всем что-то очень неправильное. То ли не должен мужчина становиться предметом любования, то ли красота эта избыточна, несоразмерна, отпущена чересчур щедро, то ли еще что — но ясно только, что толпы поклонниц — это они не зря, они очень даже не просто так, и Рейнхард Майерс об этом, понятное дело, знает.

Она сама наблюдала его в свете софитов, на фоне ночного моря, и голым по пояс на его же кухоньке, и все это было мило, конечно, и производило эффект, да, но этого явно мало для того, чтобы лишить ее способности соображать.

Есть здесь потайное дно или нет? Честен ли он, искренен ли, или у этих всех фраз и взглядов есть оборотная сторона?

— Эй, ты меня слушаешь? — переспросил Рин, кажется, во второй уже раз. — Давай, что ли, по основам. Расскажи мне о ступенях мастерства.

Никс, опомнившись, даже слегка привстала, но потом села обратно. Задумалась. Попыталась вспомнить. Знания ворочались где-то за пределами действительной памяти, ненужные и блеклые.

Задумчиво помусолив карандаш, она все-таки изрекла:

— Ступени мастерства, то есть магии... заключаются... заключаются в том, что... Нет, не так. Существует три ступени волшебства, и они одинаковы для каждой гильдии. Первая ступень. На первой ступени маг убирает физические ограничения, связанные с его специализацией, с предмета. Простой пример: мокрое дерево не горит. У меня горит. Это я пользую интуитивное безмолвное контактное бытовое заклинание первой ступени.

— Хорошо. Продолжай.

Никс с неудовольствием отметила, что похвала была ей приятна. Она постаралась говорить с тем же равнодушным тоном:

— Вторая ступень. Привязка волшебства другой школы. Тут сложнее, все зависит от

способностей мага, его родословной, от его знаний и предрасположенностей. Короче говоря, вторая ступень позволяет мне почувствовать себя горящим поленом, если мне близка магия чтецов, или заставить его летать, если в предках у меня был кто-то из диких ведьм, или увидеть в вызванном пламени чего-нибудь этакое, если в роду не без прорицателей. Честно говоря, сама я до второго уровня не добиралась особо, и как привязать к простому примеру с поленом некромантов или целителей, я не знаю.

— Материал, то есть объект колдовства, тоже играет роль, — подсказал Рин. — Это мы будем проходить отдельно. Так что там у нас с третьей ступенью?

— Третья ступень — мифологизация. Основная специализация ныне здравствующих архимагов. Если я ничего не путаю, а это вряд ли, характеризуется третья ступень соединением сущности мага (некоторые называют это струной) с неким абстрактным понятием, здесь и далее "мифом". Так, маг огня сам становится немножечко огнем и приобретает способности, свойственные огню как архетипу, как воплощенному герою мифа, а не как натуральному физико-химическому явлению. И так далее, и тому подобное. Четвертая ступень, — начала Никс и запнулась, ведь про четвертую речи не шло, и никто ее об этом не спрашивал. Но Рин кивнул, мол, продолжай, и Никс заговорила снова: — Четвертая ступень была доступна исключительным чародеям прошлого. "Колдовать — как дышать", — говорили они, и, собственно, на четвертой ступени стирались многие различия между школами, и исключительные, вроде как, не были ограничены ничем, кроме собственных знаний и фантазии. Они получали огромную силу, становились опасны, их сознание переставало быть сознанием простого человека, они начинали мыслить иначе. Исключительные чародеи творили, что хотели, и именно этим они навлекли на себя народный гнев. Кажется, как-то так.

— Хорошо-о, — протянул Рин. — Давай теперь про гильдии.

— Что про гильдии? — переспросила Никс, моргнув.

— Перечисляй. И священные книги.

— Ох, — Никс вздохнула. Зубрежка священных книг гильдий всегда казалась ей чем-то ненужным и пустым. Зачем все это заучивать, если в руках подержать вряд ли получится? И все же она принялась вещать: — Священные книги гильдий, по сути, являются их уставами, написанными в разной форме. Объединяет их "Заповедь Неугомонного Сердца". Значит чтецы. У них штук десять священных книг, то есть глав, каждая под пять сотен страниц, названия ни одной не помню. Вместе все это называется "Учтивость Благодатного Смирения".

— Придется подучить, — заметил Рин.

Никс фыркнула, но продолжила:

— Далее. Целители. "Следуя Любви". Некроманты. Основной кодекс — "Сечение Зла". Я слышала еще о дилогии "Торжество", но это нам Камориль рассказывал, ничего конкретного не упоминая, мол, секрет-секрет. Далее. Поглощающие. Эти сугубо загадочны в своей скучности, ибо как можно было назвать устав "Уставом", я не понимаю. Ну и что касается нас, как ты говоришь, интригуя, "хранителей снов", то кое-какой свод правил есть лишь у иллюминантов и называется "Неси мне свет". Официально устава элементалистов не существует, так как нам вполне хватает ограничений, прав и обязанностей, перечисленных в Заповеди Неугомонного Сердца. Нам, по мнению коллег из других гильдий, присуща хаотичность и несдержанность характеров и особенная небезопасность дара, а оттого и строгость правил, и обязательный ритуал, по мнению многих, оправданы и истинно

необходимы.

— А что ты скажешь про шестую гильдию? — спросил Рин.

Никс запнулась. Перечисляя уставы, она стала на автомате рисовать в тетради символы гильдий, увлеклась и говорила уже вполне спокойно, не стараясь строить предложения особенно правильно и складно. И оттого, наверное, даже ни разу не запнулась. И вот вдруг... шестая гильдия? Никс подняла взгляд от тетради.

Солнце скрылось за густыми древесными кронами, и в проеме окна теперь виднелся кусок фиолетового неба, испещренного сизой облачной рябью. В кабинете стало сумрачно и прохладно. Рин прикрыл окно.

— Историю не любишь, да? — спросил понимающе.

— Не люблю, — призналась Никс.

— Шестая гильдия прекратила свое существование задолго до начала Войны Причин, — стал рассказывать Рейнхард. Одновременно он стал наливать в электрический чайник воду из пластиковой бутылки. Поставил чайник на подставку, щелкнул переключателем. Обернулся к Никс. — Это была гильдия пророков. Говорят, именно они записали со слов Потерянного Заповедь Неугомонного Сердца в первоначальном ее виде. Сами же пророки чтити больше всего "Знамение Пути", то есть жизнеописание Потерянного, и потому, отчасти, их называли "поцелованными богом". Башня Тайны на острове Хок долгое время стояла, запертая изнутри и снаружи на магические и прочие засовы, храня в себе секреты гильдии, пока не была выкуплена и переоборудована чтецами. Собственно в ней ранее и располагалась гильдия пророков.

Никс слушала внимательно. Ее охватило чувство неясной тревоги, холодное и липкое. То, о чем сейчас рассказывал Рин, казалось отчего-то по-настоящему важным. Что-то... что-то очень ценное сокрыто в этих его словах, вот только что?

— Гильдия пророков... Шестая гильдия... Башня Тайны... — пробормотала Никс. — А почему... почему гильдия пророков прекратила свое существование?

Вода в чайнике начала кипеть. Щелкнул тумблер, и Рин, прежде чем ответить на ее вопрос, неторопливо залил кипятком содержимое красной пузатой кружки. Взял ее за ручку и стал помешивать серебряной ложечкой.

— А кто ж ее знает, — Рин отхлебнул того, что заварил. — В программе этого нет вообще-то, это я тебе так рассказываю, для общего развития. Собственно, читывал я где-то, что пророков разогнал тот самый король, который потом с катушек слетел. Они разогнались и ассимилировались с населением. Существует также версия о самороспуске гильдии. И есть еще страшная история про Серого Ворона, мол, случился такой человек, которого в пророчествах не видать, и по одному пророков перебил. Что, конечно же, невозможно, ибо слабые прорицатели существуют и поныне — вот взять, например, неофициальное объединение бабок-ведуний "Ворожея".

— А на самом деле как все было? — настойчиво спросила Никс. — Кто это знает? Кто это может знать?

Рин пожал плечами. Снова отхлебнул из кружки. Нахмурился слегка, вроде бы даже задумался.

— А пророчества? Они в башне Тайны лежат? — продолжала спрашивать Никс.

— Пророчества? — повторил за ней Рин. — Лежат... И точно, пророки же наверняка их записывали. Может быть, и лежат. А может, и не лежат. Владельцам башни видней, — он усмехнулся. — А что, тебе не терпится узнать судьбу мироздания? Или свою?

Никс заставила себя смолчать. Она хотела выпалить, как привыкла, все, что на языке, но сдержалась. Ей было плевать на судьбы мира, но Рин оказался прав: ей до смерти хотелось знать, что там с ее собственной, и если она повязана с судьбой самого сильного из ныне живущих пророков, то может же об этом что-то быть там, в башне Тайны на острове Хок?

Рин смотрел на нее заинтересованно, искоса, с легкой улыбкой.

— Что-то ты задумала, огонек, что-то опасное, по глазам вижу.

— Я еще ничего не задумала, — призналась Никс. — Просто я кое-кого... кое-что потеряла, и мне надо узнать... надо это найти.

— Кого или что? — спросил Рин серьезно.

— Кого.

Рин вскинул брови, ничего не ответил. Потом спохватился как будто и поинтересовался:

— Чай, кстати, будешь? Красный, собственно. Как компот, только чай.

— Не откажусь, — ответила Никс, вздохнув.

Вывела в тетради "о. Хок, башня Тайны, пророки".

Рейнхард подошел к ее парте, поставил на белую салфетку красную кружку с красным чаем, заглянул мельком в тетрадь и сказал:

— Подвинься-ка. И переверачивай страницу. Пиши, значит... Тугоплавкие металлы.

— А? — не поняла Никс.

— Начнем скучную теорию с конца, — объяснил Рейнхард. — Не волнуйся, все записанное на следующей неделе пощупаешь-погреешь, сожжешь тучу всего, так сказать, на практике систематизируешь полученные знания. В лабораторию пойдём, там все для наших нужд подготовлено, но это в другом корпусе. А сейчас, — он приставил свой стул рядом, сел и стал диктовать, заглядывая ей в тетрадь через локоть, — пиши: "вольфрам". Температура плавления...

Закончили поздно, и Рейнхард вызвался провожать Никс до квартиры Ирвис. "Может, и на чаек зайду, — говорил он, — надо же поблагодарить Ир за доброту и гостеприимство". У Никс голова пухла от всех этих пироэлектриков, диэлектриков, сплавов, оксидов, амальгам и прочего, и вообще, зачем это все? Зачем все это знать на память, если давно уже все таблицы и списки легко находятся в сети? В этом, наверное, был какой-то высший смысл, а может и не было, но, так или иначе, у Никс не осталось никаких сил на возражения и споры. Хочет провожать и на чай — пусть его.

На исходе пути, когда до дома Ирвис оставалось совсем чуть-чуть и он уже показался из-за деревьев, телефон в кармане Никс ожил и ожесточенно запел все ту же мелодию из "Нерассказанных снов". Никс приняла вызов, даже не успев посмотреть, кто звонит.

Звонил Марик. Он быстро разузнал, все ли с ней в порядке и, получив положительный ответ, сообщил, что проведать Лунь стоит поскорей. Никс спросила, насколько "поскорей", и Эль-Марко ответил, что чем скорее, тем лучше.

— Что-то случилось? — спросила Никс. — Как вы там?

Рин отрешенно разглядывал бордюры под фонарем в паре метров от нее.

— Внешние границы сада Камориль что-то пересекло, — ответил Эль-Марко. — Что-то не идентифицированное. В любом случае, надо проверить, что это было. Сама не ходи, и ночью не ходи.

— Но как же мне попасть туда поскорей, если ночью нельзя? — Никс возмутилась.

— Тогда возьми кого из друзей. Точно! Ари, или Тиху, или этого, который как седой — как его? Рин? Номера их у тебя есть?

— Я сама схожу, — угрюмо ответила Никс. — Завтра. Днем.

— Смотри мне. Если что-то подозрительное там будет — в сад не заходи. Просто со стороны глянь, на ограду в частности. А у нас все по-прежнему, деревенский культ оказался не тем, чем мы думали — упырица барышень дурила. С ней мы разобрались, но к искомому не приблизились. Еще неделя-полторы и будем возвращаться, если так и дальше пойдет. Ты сама держисься?

— Держусь, — ответила Никс. — Удачи вам. Завтра схожу, проверю животное.

— Ну, до связи, — ответил Эль-Марко и отключился.

Никс сунула телефон в карман.

— Автобусы ж еще ходят, да? — спросила она у Рейнхарда, смотрящего на нее недоуменно и заинтересованно. Он кивнул.

— Я пойду, — сказала Никс. — Скажи Ирвис, что поздно буду. Вы как раз пообщаетесь нормально, а то она жаловалась, что ты давно не заходил.

— Вот как, — протянул Рин.

Никс улыбнулась натянуто и, нескладно сделав ручкой, двинулась через парк к автобусной остановке.

Рин постоял немного, глядя ей вслед. Медленно выудил из кармана собственный телефон, набрал номер по памяти, как будто делал это в тысячный раз, и, дождавшись ответа, проговорил:

— Привет, Бродяжка. Тут у тебя грузовик с галетами навернулся прямо на улице.

Тихомир соображал туго и был вообще какой-то сонный.

— Девочка направляется в обитель моей парасоциальной зазнобы, если ты понимаешь, о чем я, прямо сейчас. И слушай, я бы тебе ее не сдавал и тебя не дергал, но, кажется, тебе лучше бы ее сопроводить. Я бы сам пошел, но... сам понимаешь.

Рин говорил с Тихой недолго, а закончив, круто развернулся и пошел прочь от рыжего пятиэтажного дома, где на втором этаже заедала чай плюшками Ирвис Вандерфальк, и прочь от пустынной автобусной остановки, где ждала нулевого маршрута Никола Рэбел. У Рейнхарда Майерса были запланированы на этот вечер свои дела, и подвинуть их он бы, конечно, мог, но, во-первых, Тихомиру он задолжал, а во-вторых, излишнее внимание, более того, нежелательное внимание содержимому параграфа номер три не только не соответствует, но и попросту противоречит.

Тиха сидел на парапете у западного гребня дамбы и жевал травинку. Он видел, как к кольцу среди холмов подкатился автобус, выпустил единственного пассажира и, проехав немного по своему же следу, свернул вглубь частного сектора, для того чтобы затихнуть возле дома владельца и уснуть до утра.

По иссиня-черному бархату неба рассыпались звезды, вдали от городских огней особенно яркие. На западе, правда, еще тлели последние закатные отсветы, пурпурные, переходящие в темно-лиловый. На фоне угасающего дня можно было легко различить фигурку, движущуюся по пустынной асфальтовой трассе, тонкий маленький силуэт девочки-огонька, смелой, глупой, особенной. Этой девочке предстояло пройти совершенно бесчеловечное испытание, и Тиха даже знал, какое, и от этого сердце его наполнялось сочувствием и печалью, а еще... еще, конечно же, хотелось набить самодовольную физиономию Рейнхарда, подхватить девчонку и воспользоваться привилегией идти куда хочется, куда глаза глядят. Куда угодно, словом.

Но что-то, какие-то остатки здравого смысла пока что удерживали его от таких импульсивных поступков. Он понимал, что судьбу ее решать не ему.

Позади, за дамбой, чернеет высокий лес, переходящий в парк, в заброшенный сад, хранящий в своих тенетах дом, осколком безлунной ночи застывший в тени старых покатых гор. Девочка, несомненно, направляется именно туда, и высокий чугунный забор ее не остановит, как не и остановит страх перед этим местом, который обычно охватывает любого, рискнувшего приблизиться к жилищу некроманта. Тиха и сам недолго любил тут бывать. Он знал свой город наизусть. Он ведал щели, закоулки, тупики, знал в лицо каждый старый и новый дом. Он бывал в других странах и городах, много раз уходил туда и каждый раз возвращался. И он знал, что тоска, укрывающая саваном черный особняк, уникальна и густа, как плавленый в лак янтарь.

— При-ивет, — нараспев поздоровался он с девчонкой-огоньком.

На лице ее отобразилось задумчивое недовольство, мол, "Опять ты? Здесь-то ты что забыл?"

— Тиха? — позвала она вместо приветствия, будто бы не узнав.

— А кто ж еще. В поместье?..

Никс ответила неопределенно:

— У.

Тиха соскочил с парапета и, сунув руки в карманы, кивнул в сторону леса:

— Ну, идем.

Никс, опасливо на него глянув, зашагала в предложенном направлении. Тиха пристроился рядом, принаравливаясь к ее скорости.

Они шли поверху дамбы, по выщербленной дорожке, сложенной из крошащихся плит, и в водной глади справа отражались неисчислимые звезды, а слева вдаль устремлялась тонкая лента скованной асфальтом реки.

Тиха ждал, что Никс спросит, откуда он тут взялся, или расскажет, зачем она идет в поместье, но она была какая-то задумчивая, а может быть, уже сонная, а может быть, чем-то расстроенная.

— Расскажи мне, что ли, что случилось, — предложил, наконец, Тиха, когда они добрались до конца плотины и ступили на проселочную дорогу, упирающуюся в лес.

— Да... — Никс повела плечом. — Такое. Ты бывал на острове Хок?

Тиха слегка удивился вопросу, но ответил, не тая:

— Бывал.

— И как там? Ты видел там башню?

— Башни не видел, — ответил он, подумав. — Ну, если только не считать ею маяк. Или те древние развалины, которые под строительными лесами, что на скале. Я, знаешь, на материке такие башни видел (если тебя башни интересуют) — ох! Если вглубь материка зайти, архитектура там меняется разительно, и я, когда в первый раз там был, изумлялся без устали дня три. Потом устал. Нынешние архитекторы тяготеют или к примитивизму, или к конструктивизму, а мастера прошлых лет явно не любили, а может и не умели говорить своей фантазии "нет". В городах севернее влияние их очень явно прослеживается, даже в заново застроенных, а если отыскать старые замки магов или развалины крепостей, обсерваторий, арен, храмов — там такое! Но это видеть надо. Картинки в сети — совсем не то, я проверял.

Тиха заметил, что его рассказ об архитектурных памятниках материка Никс не очень увлек. Даже, пожалуй, совсем никак.

Дорога нырнула в лес, и когда они вошли в темную, влажную глушь, Никола щелкнула пальцами и в руке ее зажегся живой магический огонь. Тиха первые несколько секунд не мог оторвать от него взгляда. Волшебное пламя было похоже на искрящийся кружевной цветок в основании, он кружился, мерцая, словно объемная драгоценная брошка из эфемерного светящегося вещества. Но потом цветок дернулся, смазлся, и огонь в ладошке Николы стал вполне напоминать простой, обыкновенный, и отличался теперь лишь тем, что парил в нескольких сантиметрах над кожей, брался из ничего и хозяйке своей, кажется, никак не мешал.

— Все три ступени в самом простом колдовстве, — произнесла Никс задумчиво. — Интересно, насколько глубоко мы будем препарировать это все?

— Я вспомнил! — воскликнул Тихомир. — Ари тоже был печальным, когда учился в гильдии!

Никс ничего ему не ответила, и Тиха подумал, что сморозил что-то не то. Засада.

— А что мы будем делать в поместье Камориль? — спросил он чуть погодя.

Проселочная дорога вывела их на еще одну асфальтовую, а та, в свою очередь, привела к

углу высокой чугунной ограды.

— Проверим Лунь, — ответила Никола. — Но сначала надо осмотреть забор по периметру. Идем за мной, я знаю путь.

Тиха и сам его знал, но спорить не стал. Никс, держа огонь на ладошке, шла впереди. Влажная трава холодила голые щиколотки, огромные сине-зеленые лопухи касались листьями запястий, как будто хотели задержать незваных гостей, пока что — ласково. Серьезным препятствием стала тугая, колкая ежевика, не только разросшаяся по штырям ограды, но и вольготно распластавшаяся по дорожке вокруг. Лес не молчал. Цикады пели не умолкая, ухала где-то схоронившаяся между ветвей сова. Никс шла впереди, продвигаясь уверенно и не отдергивая рук, если их задевали ветки, но стараясь не касаться ничего живым огнем.

Тиха иногда оглядывался назад, в глухую тьму за их спинами, и не видел там ничего, хотя ожидал почему-то заметить чьи-нибудь светящиеся глаза. Но нет. Черно, как в яме.

Они шли сквозь ночь добрых четверть часа, пересекли по гнучому каменному мостику мелкий ручеек, прошли мимо колодца с лавочкой и, в конце концов, вернулись туда, откуда начали. Над ними возвышались узорчатые кованые ворота, такие высокие, что если перелазить и навернуться, то будет довольно больно.

— Итак, дыр в первом кордоне не обнаружено, — подытожила Никс.

— То есть? — спросил Тиха. — А мы искали дыры?

— Что-то пробралось в сад, — ответила Никола, — что-то, не идентифицируемое оставленными Камориль заклинаниями. Так как забор цел, очевидно, что оно либо просочилось между прутьями, либо прошло поверху или понизу. Подкопов мы вроде бы не видали, да?

— Вроде. А может, по руслу ручья прошло?

Никс помолчала.

— Но ведь там очень низкая арка, — произнесла задумчиво. — Ну, если оно прошло там, то оно небольшое...

— А решетки в арке нет? А то я не помню.

— И я не помню, — призналась Никс.

Тиха оглянулся на темный лес вокруг, затем — на сад и ограду. Попробовал почувствовать путь так, как он это умел.

— Решетка когда-то там точно была. Кошки обходят ручей поверху, — сказал он, — а забор — насквозь. А в ежевичном кусте есть тролля дверца.

Никс посмотрела на него снизу вверх недоверчиво.

— Тролля дверца?

— Угу.

— Ты откуда знаешь?

— Не суть. Суть в том, что и кроме не обнаруженных подкопов пути внутрь сада есть. Вот еще, кстати, имеется тайный подземный лаз через склеп, это кроме черного хода в мертвом дереве, что в торце.

Никс смотрела на него все удивленнее. Тиха понял, что совсем разболтался.

— Тогда я пойду внутрь, — сказала Никола. — А ты... ты, наверное, тут подожди. Это немного... как бы так... ну...

Она смутилась.

— ...опасно? Э-э нет, я не останусь тут один. В глуши, в ночи, рядом с домом

некроманта. Лучше уж внутри! — Тиха нервно хохотнул. Потом посерьезнел: — А как ты туда пойдешь? У тебя ключ или что?

— Не, — Никс покачала головой. — Пойду через главный вход. Тут автоматика.

Она подошла к высоким узорчатым воротам и положила на замок правую, свободную от огня руку.

Что-то внутри замка лязгнуло, зашипело, и чугунные створки поползли в стороны.

— Пойдем, — сказала Никс, обернувшись. Улыбнулась насмешливо: — Я сто раз так делала.

Тиха хмыкнул, покачал головой и ступил следом за ней.

Среди деревьев показались острые крыши некромантской усадьбы, черные, как угли. Никс сдула с ладошки огонь, ставший более не нужным. Сад, которым обратился лес, тут и там оказался подсвечен лампами, накапливающими свет днем и отдающими его ночью, и их мертвенное холодное сияние иллюзорно оживляло хаотически расставленные по парку причудливые скульптуры. Из леса в сад просочился ночной туман, и Тиха с Николой шли по мощеной дорожке, увязнув в сиреневатой дымке почти по пояс.

Черный дом навис над ними, как какой-то фантазмагорический великан-палач. По крайней мере, так казалось Тихе, который тут уже был, да, но всего единожды — прошлой весной. Когда они подошли еще ближе, загорелся фонарь над парадным входом, и атмосфера ужаса, поджав хвосты, щупальца и прочие неаппетитные конечности, стремительно улетучилась.

Никс открыла дверь в дом так же, как ворота в сад, и они с Тихой проследовали внутрь, окунувшись из прохладной и влажной полутьмы в подсвеченный настенными лампами сумрак.

Тиха даже не вздрогнул, когда им навстречу степенно вышла и поклонилась домработница некроманта — одетый в черно-белую форму с фартучком и оборочками человеческий скелет.

Щелкнул переключатель и гостиную залил приглушенный золотистый свет.

— Привет, Кристина, — поздоровалась со скелетом-горничной Никс. — Поставь чайку ага?

Никола обернулась к Тихомиру:

— Я сейчас.

Она убежала куда-то вверх, резво протопав по широкой дуговой лестнице, так, что Тиха даже не успел ничего возразить, а потому просто вздохнул и двинулся следом за Кристиной на кухню.

Не то чтобы ему особо хотелось самому посмотреть и погладить Лунь. Он все-таки не мог расслабиться окончательно, находясь в этом доме. Ему казалось, что тут все равно опасно, особенно без хозяина, даже несмотря на кажущийся уют.

Уюта тут с весны, кстати говоря, прибавилось. Со стен исчезли какие-то совсем уж мрачные и кровавые картины, в гостиной обосновался белый рояль, тяжелые бархатные шторы темно-красного цвета сменились более легкими, золотистыми.

Тиха уселся на кухонный диванчик и отметил, что отпечаток ладошки Никс так и остался черным пятном на белом столе, как какой-нибудь знак или памятная метка.

Пока жуткая безмолвная домработница суежилась с чайником, Тиха смотрел в окно, на садовые фонари и на красных бабочек, тщетно бьющихся в стеклянные плафоны. Несколько мотыльков пытались пробиться и внутрь кухни, но куда им.

Тиха все-таки вздрогнул от неожиданности, когда повернулся от окна и обнаружил Кристину довольно близко. Она предлагала ему чайную карту. Тиха, не думая, ткнул пальцем наобум. Снова повернулся к окну.

И, успокоившись, заметил, что что-то там, во дворе, не так. Один из фонарей окружили бабочки слишком уж плотно. Так, что свет едва просачивался. Или это выключенный фонарь? Или не фонарь? Или им там медом намазано?

Тиха, бросив Кристине "я сейчас", встал и прошел к кухонной двери, ведущей в сад. Вышел. И сразу кое-что понял.

Во-первых, бабочки облепили не включенный фонарь, да и не выключенный. Посреди невысокой травы покоилась фигура, крайне напоминающая человеческую, детскую даже, полностью укрытая ночными насекомыми.

Фонарь в виде распластанного по траве детского тела?..

Тиха подошел чуть ближе, метра так на два, и стал разглядывать копошащихся бабочек.

Красные бабочки с изредка проблескивающими позолоченными крылышками покрывали предположительно детское тело целиком, так, что и куска кожи видно не было.

Через пару секунд в кухонном окне показалась Никс, а потом она тоже вышла в сад и тут же прикрыла рот ладошкой. Чтобы не вскрикнуть, наверное.

— Это что, труп? — спросила она растерянно.

— А кто его знает, — ответил Тиха. — Найти труп в саду у некроманта... бесценно!

Никс нерешительно огляделась по сторонам. Потом снова уставилась на насекомых. Шумно вдохнула.

— Эй-ей, ты чего собралась делать? — Тиха глянул на нее опасливо. — Некроманту своему звони лучше!

— И что я ему скажу? — угрюмо осведомилась Никс, поднимая что-то с земли. Тиха разглядел у нее в руках обломанную корягу, которая тут же стала тлеть, а через мгновение нещадно задымила. Сделав шаг по направлению к лежащему на земле телу, Никс проговорила решительно: — Сейчас... сейчас мы узнаем, что это. Отгоним насекомых и...

— Может, не надо? — взмолился Тиха. — Может, ну его, пойдём отсюда?

Вот в такой момент, кажется, надо на все плевать и уносить девчонку. Опасности, вроде, нет как таковой. Есть странность. Ну подумаешь, окружили красные бабочки труп ребенка, ночью, в саду у эпатажного некроманта, отсутствующего в городе. Как тело пробралось в сад — тоже неясно. А что, если оно сейчас возьмет и встанет?..

Тиха медлил. Слишком уж уверенно Никс держит себя, зажав в руках дымящуюся корягу, слишком уж она бесстрашна. Это расхолаживает, притупляет инстинкт.

Тихомир приготовился действовать, чуть что.

Никс была уже на расстоянии в полметра от цели и наклонилась, чтобы, наверное, положить кусок дерева рядом, в траву.

Порыв ветра швырнул дым Николе в лицо, а с облепленного бабочками тела сдул пару штук. И первая бабочка, ударившись Никс в плечо, вспыхнула огоньком свечи.

Остальные будто бы подхватили искру, как какую-то заразную болезнь. Через секунду рой бабочек полыхал, словно праздничный костер. В саду, будто в небе, расцвел фейерверк пылающих мотыльков, осветив на мгновение жутковатые статуи, высокие деревья и черный фасад поместья. А еще спустя мгновение все кончилось.

То, что было раньше множеством насекомых, обратилось в белесый пепел, лепестками стелящийся по ветру. Внизу, прямо перед Никс, покоился на земле голый человеческий

скелет. Его грудная клетка была раздавлена, и реберные кости, похожие на длинные скрюченные пальцы, словно охраняли тщательно что-то смутно мерцающее, лежащее внутри, на земле.

Никс все еще держала в руке тлеющий кусок дерева, оцепенев. Тиха опомнился первым, подошел ближе, и Никс корягу выронила.

Тиха заметил, что она — ни жива ни мертва, и, кажется, вот-вот грохнется в обморок. Он даже приготовился ее ловить, но оказалось, что показалось. Никс определенно была не робкого десятка и мгновенную слабость тут же переборола.

— Что это там? — спросил Тиха, оглядываясь на всякий случай по сторонам.

Никс присела рядом со скелетом на корточки и взглянула на то, что хранилось в грудной клетке, тщательнее.

— Осколок стекла, — сказала она. — Или зеркала... непонятно.

— То, что тут было... — Тиха еще раз оглянулся на темный сад, — это... это вообще нормально?

Никс повела плечом.

— Н-не знаю, — произнесла все же. Склонила голову набок: — Итак, скелет в бабочках, которые вспыхнули, внутри осколок стекла... или осколок фонаря с флуоресцентной краской. Ничего... вроде бы ничего такого, за исключением скелета и бабочек.

— И ежу понятно, что это какой-то странный артефакт, а ни разу не кусок садового фонаря, — Тиха фыркнул. — Что тут гадать-то?

— Тогда, может, палочкой его поворошить? — задумчиво предположила Никс. — Или не трогать?

— Я думаю, трогать точно не надо, — сказал Тихомир. — Звони лучше своим приятелям-магам.

Никс ничего ему не ответила. Тиха подошел еще чуть ближе, тоже присел на корточки возле скелета в траве, но осколок рассматривать не стал, а внимательно посмотрел Николе в лицо.

Мерцание садовых фонарей и отблески света из кухонных окон лица ее почти не касались, и тем ярче показалось Тихе сияние ее глаз. Нечеловеческое, волшебное. Не блик, но огонь. Не отражение, но свет.

По спине прошел озноб. Алые губы дрогнули, тихо зазвучали рифмованные слова, и Тиха не смог бы поклясться ни перед кем на свете, что говорила Никс на понятном ему языке.

— В ночи упавшей звездой явится черный бог, распустятся лепестки огненного цветка. Собрав по осколкам прошлое, последний хранитель снов выплавит солнце из кварцевого песка.

Тиха понял, что опоздал, и ничего не стоят ни его инстинкты, ни его способности и все предпринятые предосторожности.

Что-то произошло. Не тогда, когда загорелись бабочки. Нет, то был лишь предвестник, знамение, знак, маркер. Вот прямо сейчас случилось что-то важное, чего он предотвратить не сумел и чего ему не понять.

Тиха замер, замерла ночь, и даже ветер в вершинах деревьев как будто стих. Никс молчала. Свет в ее глазах, тот самый, которого быть там не должно, медленно гас.

Когда последняя искорка волшебства исчезла, Никс, все еще сидя, покачнулась, а потом Тиха едва успел ее поймать.

Держа в объятиях тонкую, хрупкую девочку, теплую и мягкую, будто уснувшую, Тиха старался не смотреть в сторону злополучного осколка.

Но делать что-то было надо.

Иногда мне кажется, что меня следует разделить на два. А то и на три. И ничего плохого не случится. Наоборот, этим троим будет проще — у каждого будет своя, хорошая, достойная жизнь, пускай и не слишком долгая... у одного из троицы так точно.

А вместе мы мечемся, страдаем, никак не можем примириться друг с другом. Я, который я, я, который должен и я, которого мы не знаем.

Собственно, изучением последнего я и занимался последние два часа. Чужой, мертвый язык, древний, колкий, хрупкий, как лед, сложный, как спутавшиеся в кармане провода от наушников, всеми забытый, никак не давался мне, а я терзал его, раскладывал на составные части, пытался понять и постичь. Сеть не знает этого языка. Никто не знает этого языка. Когда-то, давным-давно, он был создан на основе лексической системы, ставшей в последствие базисом и для современных северных диалектов, и только поэтому я способен хоть как-то работать с ним. Окружив себя справочниками, словарями и прочим, что удалось достать, я на пределе возможной сосредоточенности искал значение ключевого, кажется, слова. Что же это? Страсть? Ярость? Кровь? Смерть? Долг? Что именно? Что делало королем — королем? Буквально ли определение? Вот, например, слово, обозначающее магический дар, уже в те времена обозначало так же и проклятье. Неужели значений может быть еще больше? Больше трех? Это интересно и занимательно, когда три одинаково правильные разгадки несет в себе сюжет остроумной книги или сценарий кино. Но не когда ты не можешь правильно понять целую главу древнего полуистлевшего дневника, заляпанного кровью и кто знает, чем еще, из-за одного проклятого слова, имеющего слишком много взаимоисключающих значений.

И каждое может быть всего лишь ошибкой перевода, неверным предположением, ложным следом.

Я устало потер переносицу, приподняв очки. День выдался длинный, и мне бы просидеть всю ночь, но ломать график незачем. Только хуже будет.

Я поставил чайник кипятиться и, покуда вода нагревалась, выудил из кармана замшевый сверток с натуральным зерном.

Оно завораживало меня. Оно заставляло смотреть на себя и думать о себе. Кто был его носителем? Как этот человек — маг, элементалист, взрослый, огненный, — как он расстался с ним? Был ли это произведенный по всем правилам ритуал, или зерно вынули из трупа? Если это был ритуал, то как тому фальшивому дельцу черного рынка удалось это зерно достать? А если он и был тем, кто убил элементалиста ради зерна? Или не убил... нашел, вырезал... знал, значит. Жаль, что мне он этого не расскажет. О нас он, скорее всего, тоже никому не расскажет, но авантюра от этого не перестает быть авантюрой.

Чайник вскипел одновременно с прилетевшим в окно камешком. Я как раз наклонился, чтобы щелкнуть тумблером, не дожидаясь автоматического отключения, и это спасло меня от возможной болезненной ссадины или, не позволив Потерянный, выбитого глаза.

Я глянул в окно.

В свете уличного фонаря ярко зеленела макушка воровато оглядывающегося Тихомира, держащего на плече...

— Эй! — крикнул Тиха. — Открывай!

Я не стал ему отвечать — быстро спустился по лестнице, пробежал по коридору, распахнул входную дверь.

Тиха был уже на пороге. Аккуратно протиснувшись в дверной проем так, чтобы не стукнуть свою драгоценную ношу, он тут же осведомился:

— Куда положить?

— Наверх тащи, — скомандовал я. — Что с ней?

— Да вот, не зря ты меня послал ей в провожатые, ой не зря-я... — протянул Тиха, поднимаясь по лестнице. — Как чуял!

Я последовал за ним.

— Я удивлен, конечно, что ты решил сам, по своей воле принести ее ко мне, но, может, ты объяснишь хоть что-нибудь?

Укладывая девочку-огонька на мою постель, Тиха обернулся:

— Это ты мне что-нибудь объясни, если сможешь. Это ты у нас умный, а я — хитрый, забыл?

— А Ари — расчетливый, — пробормотал я, опускаясь рядом с кроватью на колени. Положил ладонь Николе на лоб. Теплый. Надобность мерить пульс и срочно паниковать отпала. У меня от сердца отлегло — чему я, кстати, немало удивился. Я снова принялся за Тихомира: — Что с ней?

Тиха уселся на табуретку рядом с кроватью, прямо на мою смятую футболку. Сдул растрепавшуюся челку, полез в карман джинсов. Что-то вытащил:

— Вот, держи, — протянул сжатый кулак. — Только не разворачивай и не смотри. Осторожно. Мы нашли это в саду.

В руки мне упало что-то тяжелое, обернутое белым носовым платком.

— Не разворачивать и не смотреть? — удивился я.

— Точно. Она на него как раз посмотрела. И вот, гляди что.

— Посмотрела и?..

И Тиха рассказал мне, как глаза Николы засветились, ну точно в малобюджетном историческом сериале, и как она стала цитировать какие-то странные стихи про ночь, черных богов, огонь, песок и хранителей снов.

Я в задумчивости застыл. Что-то щелкнуло в голове.

— Тиха. Как-как ты сказал? "Последний хранитель снов выплавит стекло..."?

— Именно, — кивнул тот. — Рейни. Что за шутки с песнями? Откуда это? И что с ней? Она просто спит? Почему не просыпается? Что это было? Куда идти? Ты ж знаешь, я могу куда угодно, но мне надо знать, куда!

— Тиха, повтори, пожалуйста, стих, — попросил я.

Тихомир вдохнул, смешно раздувая ноздри, фыркнул, мотнул головой. Явно напрягся, вспоминая. Выдавил, наконец:

— ...Собрав по осколкам прошлое, последний хранитель снов выплавит солнце из кварцевого песка.

— Но она еще не изучала способ изготовления однокомпонентного стекла, — пробормотал я, — стоп-стоп-стоп. Не то. Не туда. Я не знаю, откуда это, но ритм напомнил мне одну старинную северную колыбельную...

— А? — не понял Тиха.

— Ну, ритм стиха. Тада-тада-та-та, тада-тада-та-та...

— Это скорее марш, — Тиха нахмурился. — Вообще, Рейнхард, о чем ты, блин,

думаешь? Какая разница? Тут же...

— Тише, Бродяжка, тише, — я поднес палец к губам, — Никола спит.

— Спит? Просто спит?

— Не знаю, — шепотом признался я. — Похоже на то. Надо... надо все обдумать.

— Что тут думать? — Тиха шептал возмущенно и громко. — У тебя ж связи, надо ее к врачу или... или к целителю, или...

— В три часа ночи?

— А если помрет?

— Не помрет, — сказал я.

— Откуда ты знаешь?

— Глянь на нее. Дышит? Дышит. Цвет нормальный. По всем признакам — просто спит человек. В обычную скорую нам обращаться тем более нельзя — Заповедь.

— А куда вам можно? — Тиха, наверное, сам того не заметив, перешел с шепота на угрожающий рык.

— В филиал гильдии целителей, — ответил я сдавленно. — При сопровождении дежурных поглощающих.

— А если бы ей ногу отрезало, что, в скорую тоже нельзя?! — Тиха уже кричал.

Я смотрел на него и не мог никак придумать, как быстро и доходчиво объяснить, что находящийся при смерти элементалист опасен, как граната без чеки. Как же он этого сам не понимает, а.

— Бродяжка, успокойся. Нам на ритуале закладывают кое-какие понятия касательно первой помощи и всего такого, и давай, слушай меня сюда: сейчас паниковать не надо, — я говорил по возможности уверенно и, надеюсь, убедительно. — По всем признакам она просто спит.

Тиха сжал губы, резко повернулся к Никс.

— Хорошо, — ответил напряженно. — Я и сам ни разу не вызывал скорой.

— И я.

Теперь мы оба смотрели на спящую девочку, выглядящую вполне здоровой, и я неосознанно отметил, что на щеках у нее веснушек практически нет, а на плечах есть.

— Тиха, расскажи мне все, — попросил я. — Как и где вы встретились, что делали, смотрел ли ты на эту штуку в платке. Ты ж не мог на нее совсем не смотреть, так? Ты ж ее как-то брал? Не на ощупь же? И тебя от этого не переклинило, так?

Тиха замер. Потянулся почесать шею, но остановился. Проговорил:

— Совсем не смотреть не мог, — потом он шумно выдохнул: — Ну и хорошо. Значит, это что-то... что-то другое. Или...

— Или что-то специально для нее, — я кивнул на Никс. — Пойдем в соседнюю комнату, сядем, глянем твой завораживающий магический артефакт.

Тиха, вставая, задержался у кровати, зачем-то мешкая, так, что я некоторое время наблюдал его спину и взъерошенный затылок. Он обернулся, и на лице у него была написана вся возможная решимость:

— Разворачивай.

Пустынные равнины, пыльные, словно старые пуховые одеяла, остались позади. Здешнее солнце казалось огромным, хотя тепла от него было мало.

И все же он знал, что это — то же самое солнце, которое светило ему раньше, до тех

пор, пока ему не исполнилось четырнадцать, до тех пор, пока он себя еще не потерял.

Прошлая жизнь казалась чем-то эфемерным. Он видел во сне привычные дома, видел сизое весеннее море, белых чаек, кусты сирени и облепихи, которые любили сажать на кладбищах, и еще тот куст, с цветками в четыре лепестка, который распускается ярко-желтым в самом начале весны. Названия этому растению он никогда не знал, и сейчас, когда даже родной язык крошился в его устах, словно мел, ему уж точно слова этого не вспомнить.

Он забыл свое имя, но хорошо помнил глаза девочки и ее теплые, нежные руки. Вечерами, сидя у едва теплящегося костра, он думал о ней и пытался вспомнить что-нибудь еще, но приходилось мириться с мыслью, что чем дальше он будет следовать чужим путем, тем большее он будет забывать. Иногда казалось, что память достаточно глубока, чтобы он смог идти еще целую вечность. А иногда приходило понимание, что если так будет продолжаться, то он потеряет цель, ведь возвращаться станет некуда.

Чтобы сберечь свою память он выдумывал истории. Каждый раз, когда безликий совершал прыжок, он примерял себе новое имя, и никогда, никому не рассказывал настоящего. По правде, он и сам уже его не помнил, но знал, что если надо — вспомнит, потому что имя его записано узелковым письмом на основной нити его собственного пути, крепче которой нет вообще ничего.

Он впервые увидел безликого давно, примерно в середине пройденной дороги. За все это время не удалось приблизиться к нему ни на шаг. Он думал иногда, что безликий — его собственная тень, но знал, что это — иллюзия и таким простым ответ быть не может.

Безликий никогда не оборачивался и никогда никуда не спешил. Он просто шел, скользил, прожигал сущее, как кислота. Он не убегал, нет. Может быть, он даже не знал о том, что кто-то идет за ним след в след.

А преследователь, позабывший собственное имя, стирал ноги в кровь, задыхался и падал, но каждый раз успевал пройти за безликим в очередную дверь, чем бы она ни была.

Иногда он плакал от боли и одиночества, но не стыдился этого, потому что слезы не значили ничего в сравнении с тем, что он продолжал идти.

Безликий отбрасывал сорок теней, и кто-то кроме мог бы давно отстать, спутать безликого с одной из них. Но преследователь знал тени по именам, и видел, что только хозяин теней не имеет конечной цели, и именно поэтому шел за ним.

Дороги живых и смертных предопределены, и они не в силах ничего поменять и не в силах ему помочь. Безликий не знает дорог, он трижды быстрее и свободнее мысли, и лишь следуя за ним можно вернуться туда, куда не существует путей.

Я смотрел на Тиху, Тиха вертел в руках злополучный осколок. Когда никого из нас от взгляда на эту штуковину не проняло, он осмелел и сцапал стекляшку, забыв о всяких предосторожностях.

— Однозарядное колдовство, — предположил я. — Кто первый коснется, того и кроет.

— Коснется? — Тиха встрепенулся, кинул стекляшку на стол. — Точно! Но... Стоп. Она его не касалась.

— Пусть так, — кивнул я. — Ари тебе, конечно, рассказывал, что современная магия зиждется на прикосновении. Но так как полноценного обучения ты, самородок хренов, не получал, тебе неведомы многие важные мелочи.

— Полегче!

— Дослушай. Прикосновением может быть и взгляд. Почему нет? Взгляд воздействует,

это факт. Другое дело, что воздействие взглядом — это третья ступень мастерства на границе с четвертой. Вот и вопрос: то ли мы — слабаки и не можем глянуть на стекляшку так, чтобы нас накрыло, то ли стекляшка правда однозарядная, а может, специально под огоньков заточенная.

— Ты предлагаешь отправить проспаться еще пару огоньков для верности эксперимента?

— Нет.

Я протянул руку и взял осколок. Магии в нем я не ощутил, но это значило лишь, что в нем нет ничего морозного-ледяного. Я стал рассматривать стекляшку, как с трудом добытое натуральное зерно до этого. Осколок был гладким, плоским, оттенка дымчато-кофейного, и внутри него застыли разводы чуть более светлого вещества.

— Рейни, ну скажи же мне, что теперь делать? — взмолился Тиха. — Если не скажешь, я начну по своим каналам пробивать, Аристарха вызвоню или даже предкам ее позвоню, пускай приезжают, в конце концов!

— Панику отставь, — сказал я, стараясь не слишком давить, но и быть достаточно убедительным. — Пойди, что ли, девчонку попробуй разбудить. Не знаю... за локоть ущипни. Щипал?

Тиха затряс головой, мол, нет.

— Ну вот. Поцелуй. Вдруг у вас — судьба, и ты — тот самый принц, который как с конем, но только без коня?..

Тиха не то чтоб покраснел. Побагровел. В сочетании с его зеленой шевелюрой это смотрелось уморительно.

— Да шучу-шучу. Ну? Чего сидишь? Тихомир Одиш, мне нужно немного тишины и одиночества, чтобы подумать, — я выделил последнее слово интонационно, чтобы до Тихи дошло.

Как ни странно, вроде бы получилось, и он ушел. Но не в комнату к спящей девочке, а в коридор и по лестнице вниз. На кухню, наверное.

Я вздохнул и облокотился на кресло, прогоняя напряжение и чужой, не мой страх.

Думать мне, на самом деле, касательно осколка и девчонки было не о чем. Пень ясен, что вопрос не моего ума. А также понятно, что дорога наша лежит теперь к чтецам. Точнее, к одному конкретному чтецу, ведь срубило нашего огонька ментально, через взгляд. Стихи еще эти... Ну, что-то в них есть, но я бы не сказал, что это прям образчик таланта и образности. Может, это что-то ее собственное? Но с чего бы ей зачитывать это вслух? Она, вроде бы, не увлекалась старинными мифами, особенно мифами севера. "Последний хранитель снов" — дивная сказочная тварь, на севере им пугают детей, а у нас хранителями снов называют элементалистов, и миф, согласно которому нас так зовут, совершенно отличается от северного.

Северный "хранитель снов" погубит мир, сожрет солнце, выпьет кровь всех бодрствующих младенцев, и потому он последний — ну а зачем еще? Удивительно противоречиво он же, по легенде, охраняет грезы ребятишек от прочих злых существ, которые могут прийти из Мира Снов и всячески навредить. Но это пока. Вот решит он губить мир — и все, остается только засыпать и никаких других вариантов. Здешние "хранители снов" — это ледяные и огненные элементалисты. Они охраняют здоровый сон людской — аллегорически. Долг, война и все дела.

Которых имела в виду Никс, засыпая?

И к чему это все? Вопрос.

Утро выдалось промозглым и сырым.

Я заметил высокую фигуру со всклокоченной шевелюрой издалека, и что-то мне в том, как Берса себя держала, сразу не понравилось. Больно нервная она на вид.

Мы подъехали поближе к бордюру.

— Это она — чтец? — спросил Тиха, поворачивая ключ зажигания и одновременно вглядываясь в окно.

— Нет, но она нас проведет, — сказал я.

— А сразу нельзя было?..

Я ничего не ответил. Вышел, по привычке очень аккуратно прикрыл дверь изукрашенного стилизованным пламенем минивэна (хотя этой колымаге не страшен был бы и хороший пинок) и направился к Катерине Берсе, которая нас, конечно же, давно уже заметила, но предпочитала делать вид, что курит, а на спине у нее глаз, ясное дело, нет.

Тощие намозоленные локти, торчащие из-под черной футболки, у нее были покрасневшие. Холодно Кате, значит. Ну, хоть теперь она меня понимает.

Берса обернулась и явила мне широкую кривоватую улыбку, не предвещающую ничего хорошего.

— Что ты натворил с моим огоньком, бледная рожа?

"Почему меня окружают настолько неадекватные личности?" — подумал я, но вслух произнес:

— Не ты ли сказала мне, что без проблем созвонишься и организуешь встречу с ректором?

— Я позвонила и предупредила. Но я бы на твоём месте так просто туда не шла, — Берса выкинула окурок на асфальт. — Сам знаешь, какая здесь специфика. Покажи девчонку мне для начала.

— Тебе-то зачем?

— Профессиональным взглядом осмотрю.

Я приоткрыл для нее дверцу минивэна, мол, прошу.

— Это ж каким профессиональным? Разве ты врач?

— Я закончила некоторые курсы, — ответила Кей, залезая в машину. — И вообще.

— Я, прошедший ритуал, ничего не понимаю, — уточнил я, забираясь следом. — Так что можешь понять ты после каких-то там курсов?

— Может, представишь нас? — Тиха так перегнулся через спинку водительского кресла, что, казалось, сейчас выпадет в салон.

Берса глянула на него коротко и почти сразу отвернулась, сосредоточившись на лежащей на одном из задних сидений Николе. Стала щупать пульс и светить в глаза девочке карманным фонариком, приговаривая:

— Незачем представляться, Тихомир Одиш, я о тебе и так все знаю. Я обо всех вас многое знаю, я знаю даже цвет Ринового нижнего белья и сколько именно красных сережек у тебя в коллекции, Бродяжка.

— Она — бывшая глава нашего бывшего фанклуба, — пояснил я слегка опешившему Тихе. — Это долгая история, я и сам до конца не в курсе. В общем, Катерина Берса, или просто Кей.

— Но... э-э... — Тихомир смотрел то на меня, то на Берсу, то на спящую Никс. — Нс

как же так?..

— Бурная молодость, — сказала Кей, пожав плечами. Села наконец спокойно и изобразила на лице задумчивость.

— Ну? — спросил Тиха.

— Рефлексы есть, дыхание, пульс — все в норме.

— Это не кома?

— Что ты знаешь о коме, Тихомир Одиш? — Кей грустно глянула в окно, на рождающийся рассвет. — Скорее всего, не больше, чем можно почерпнуть в каком-нибудь околomedicalном комедийном сериальчике. Так вот. Это не кома, не шок и не сопор. Может быть, летаргический сон. Конечно, наверняка я не скажу, нужно клиническое обследование или, в самом деле, хотя бы чтец. Деятельность мозга, стало быть, проанализировать. Но тут есть загвоздочка.

Мое терпение иссякло.

— Кей, может, хватит ходить вокруг да около? — спросил я. — Что с Никс и почему ты не хочешь просто проводить нас в дом Абеяра или хотя бы адрес назвать? Зачем тебе понадобилось лично являться и изображать загадочность?

Кей откинулась на спинку сидения.

— А потому что как-то все странней и странней, хуже и... забористей. Погоди истерить, сейчас расскажу. Короче. Сегодня ночью вернулась Анита. Ну, как вернулась. Я ее нашла в каморке в подвале, там, где у нее домик и где она спит и живет. Ну и...

— И?..

— Анита — это кто? — уточнил Тиха.

Кей вздохнула.

— Анита — дочка прошлой директрисы академии, она шизофреник, отказавшийся употреблять лекарства. Живет в подвале, тусит иногда с нами. Она забавная. Всегда разная. Обычно от нее вреда нет, а если и есть, то обратимый. И вот на днях она украла сумку у Николы, а потом и сама куда-то делась. Сегодня ночью вернулась. И все было бы хорошо, если бы она не начала делать кое-что, ранее ей несвойственное. Я заметила это, когда осталась у нее в комнате — хотела поест ей приготовить, да может разузнать, где она была... Она тем временем игралась со своими куколками и прочими трофеями. В общем, все было, вроде бы, как всегда. Но я знаю, что у Аниты никогда не получалось одеть своих кукол обратно. Она умела их раздевать, но одевала всегда очень криво, как будто бы... ну, как будто бы это для нее слишком сложно. И вот, вернувшись, она мается той же фигней, но у нее получается одевать кукол.

— То есть ты не думаешь, что она могла излечиться? — спросил я.

— Не у одного тебя паранойя, Рейни, — ответила Кей. — Насколько я знаю, шизофрения не лечится, даже чтецами. У больных бывают лишь проблески вменяемости. Особенно, если на колеса забить. Короче, я предполагаю обработку извне. Более того, чую чтецов. Что, сам понимаешь, тревожно. И вот вспомни троих, о которых ты спрашивал, и...

— Так ты узнала, не от фанаток засланцы-то были, нет? — перебил ее я.

— Нет, — Берса покачала головой. — Форумы, группы молчат, даже закрытые. Не похоже, что это твои сетевые враги. Ищи, короче, дальше. Так вот. А Аниту, значит, похитили, и возвращается она какой-то другой, и тут мне снова звонишь ты и говоришь, что новенькая девочка-огонек заснула, и ни булавки ее не берут, ни поцелуй прекрасного Тихомира...

— Эй, да не было ничего! — возмутился Тиха.

— ...и вы хотите отвести ее на прием к Абеяру Никитовичу, чтецу, — продолжила Кей. — Вот я и задумалась: а нет ли связи?

— Берса, скажи просто, что тебе делать нечего, — фыркнул я. — Сдались тебе, вообще, эти новички.

— Я сама решу, кто мне сдался и что мне делать, — отрезала Кей. — Короче. Если моя паранойя не врет, то чтецы затеяли наблюдать за учащимися через Аниту.

— А зачем на столько дней воровать? — спросил я.

— Видать, слабые чтецы. А может, ажурное, сложное колдовство. Или далеко везли. Или выуживали информацию о том, что уже случилось — что, кстати, более вероятно. Как знать, короче. Поэтому по всему... — Берса сунула руку в карман, — к Никитовичу я тебя, конечно, проведу. Но вот, возьми шапочку из фольги, она защитит твой мозг.

И у нее в кармане и правда что-то зашуршало.

Я только лишь глубоко вдохнул.

Девушек, конечно, не бьют, но иногда отвесить оплеуху хочется. Очень хочется. Да и не особо похожа она на девушку. Я сдержался, конечно, но злость на лице у меня отразилась.

— Рейни, ты еще побледнел! — удивился Тиха. — Как ты это смог?

— Это он в бешенстве, — довольно отметила Кей. — Красавчик! Обожаю такие моменты, — она достала что-то блестящее из кармана. — О, фантик. Не то. Сейчас, сейчас. Во!

Берса протянула мне два небольших контейнера размером с орех, спаянные вместе. Я не сразу понял, что это. Но потом осознал. Поднял взгляд на Кей:

— Линзы?

— Угу. Как обращаться знаешь?

— Умею, — медленно кивнул я. — И что за линзы?

— Абеяр наверняка касался тебя, — сказала Берса. — Так что первичная связь у вас есть. Я надеюсь, что все не так уж страшно, и он не станет даже пробовать прикасаться к твоему сознанию, но сам понимаешь... Потерянный предусмотрительного бережет. По крайней мере, "зеркало души" у тебя будет защищено, и он не будет читать твои сокровенные эмоции, как поваренную книгу.

— А может, не надо? — спросил Тиха. — Это, типа, артефакт поглощающих, эти линзы, да? Может, лучше не привлекать к себе лишнего внимания такими приготовлениями?

— Кто бы говорил о лишнем внимании, — хмыкнул я. — Моя паранойя заставляет меня согласиться с Берсой. Лучше перебдеть чем... ну, понятно.

Кей тем временем перебралась поближе к Тихе, на переднее пассажирское сидение. Что-то разыскала в телефоне и показала зеленоватый экранчик Тихомиру:

— Рули сюда вот.

К двухэтажному частному дому вела каменная лестница, обрамленная кирпичной изгородью, по которой вольготно вился плющ и дикий виноград. Лестница упиралась в зеленые деревянные ворота с массивным дверным молотком в форме головы льва.

Никс, Тиху и Берсу я оставил внизу, в машине за углом. Берса дымила, как сталелитейный комбинат, Тиха грыз ноготь на большом пальце левой руки, а Никс, как и прошлые пару часов, спала.

Абеяр Никитович, немало меня напугав, приоткрыл зеленую створку ровно в тот миг,

когда я уже изготовился пользоваться дверной молоток по назначению.

Старик был одет в домашний бордовый халат и пижаму. Он со мной даже не поздоровался — кивнул, мол, пойдём, и ещё погрозил пальцем слегка невнятно. То ли это значило "я тебе это припомню", то ли "тише, не шуми". Я решил на всякий случай не шуметь. Мало ли, сколько домочадцев спит у него тут и какой чуткости у них слух.

Чтец завел меня в дом, темный, теплый, пахнувший почему-то медом и воском. Мы прошли по узкому коридору в некую полутемную комнатку, после щелчка переключателей оказавшуюся рабочим кабинетом. Абеляр прикрыл за нами дверь, уселся на кресло и сложил перед собой руки замком. Я сел напротив, на диванчик. Чтец смотрел на меня хмуро из-под густых бровей с частой проседью, как будто бы уже понял, зачем я пожаловал, и это ему совсем не понравилось.

— Итак, чем я могу тебе помочь в такое время... хм, суток? — наконец спросил он. — Катя сказала, дело срочное.

— Пожалуй, — согласился я. — Видите ли...

— Ближе к делу.

— Конечно, — я кивнул. — В машине за углом лежит моя ученица, которой я даже треугольник горения разъяснить не успел. Она заснула при странных обстоятельствах. Разбудить мы ее не можем, хотя пробовали. Дышит ровно, пульс и рефлексы на месте — просто не просыпается. Конечно, времени прошло маловато для того, чтобы начинать паниковать, но меня ее состояние тревожит. Точнее, не столько состояние, сколько... совокупность событий, к нему приведших. Есть мнение, что этот продолжительный обморок, перешедший в сон, произошел с ней из-за вот этой вещи, — я положил на чайный столик злополучный осколок дымчатого стекла, все еще завернутый в носовой платок Тихомира. — Может, вы знаете, что это?

— Разверни, — попросил чтец.

Я глянул на него исподлобья. Осколок — вот он, рукой подать. Что же это выходит? Абеляр не хочет касаться осколка? Боится?

Чем дальше я медлил, тем напряженней становилась атмосфера. Чтец молчал, я тоже. Наконец я все-таки развернул носовой платок.

Когда Абеляр Никитович только глянул на стекляшку, зрачки его расширились. В следующее же мгновение он резко отвернулся.

— Спрячь это, — сказал он отрывисто. — Быстрее!

Я вздрогнул. Не понимая, зачем, завернул осколок обратно и сунул в карман брюк.

— И... что это? Вы мне объясните, почему...

Чтец повернулся медленно, и что-то настроение мне его не понравилось. Ну, как не понравилось. Создалось впечатление, что сейчас меня распоросуют взглядом и освежат тут же, еще живого и ненормально горячего, без расспросов и предупреждений.

— Откуда у тебя осколок зеркала Лок? — спросил Абеляр Никитович.

Я хмыкнул, стараясь скрыть волнение:

— Не поверите.

Снаружи я был спокоен, словно морская гладь в утренний штиль. Внутренне я превратился в сдвленную пружину. Казалось, что Берсе не показалось, и чтец сейчас на самом деле решает, а не залезть ли мне в голову, а может, и пробует это сделать. Абеляр Никитович на вид был точно так же спокоен, он как будто бы ждал моего ответа в виде отчета о том, как мы, например, ограбили с приятелями какое-нибудь гильдейское

хранилище артефактов. И все бы ничего, но о "зеркале Лок" я слышал впервые.

— Ну? — поторопил чтец.

— Никола нашла это в саду у своего знакомого некроманта, — ответил я, решив не лукавить. — С ней был Тихомир Одиш. Никс взглянула на осколок и навернулась не то в обморок, не то в сон, из которого так и не выбралась.

— Это понятно, — проговорил чтец. — Ох уж эта ее везучесть...

— Может, вы мне что-нибудь все-таки объясните? — попросил я.

Осколок, спрятанный в карман, внезапно почувствовался. Будто бы эта маленькая дымчатая стекляшка хочет уколоть меня или порезать через три слоя материи.

— Значит так, — проговорил чтец, — вставай. Иди за мной.

— Снова?

— Пойдем.

Голос Абеяра Никитовича звучал тревожно. Но я не мог понять, за кого он волнуется и почему именно.

Мы снова шли по полутемному коридору.

— На вещь эту не смотри, — отрывисто сказал чтец. — И никому не давай.

— Хорошо, — ответил я медленно.

Чтец вышел во двор и резко свернул направо. Я последовал за ним. Он обогнул дом по выложенной плоскими валунами тропинке, миновал небольшую пасеку в пять ульев и открыл передо мной дверь ветхого на вид сарая:

— Заходи.

Где-то вдалеке пропели петухи. Я мешкал.

— В... сюда?

Чтец цыкнул и вошел в сарай первым. Я двинулся за ним, аккуратно, стараясь не задеть торчащие отовсюду доски. Абеяр подошел к еще одной двери, за которой обнаружилась совершенная, непроглядная тьма. В этот раз он не стал меня дожидаться, и, чуть наклонившись, прошел в эту тьму первым.

Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Деревянная дверь на пружине захлопнулась.

Внутри помещения было тепло, влажно и так темно, как должно быть, пожалуй, только в гробу или в проявочной. Пахло смолой и сыростью.

В поисках опоры я коснулся стены и нащупал теплое шероховатое дерево.

— Серебристый кедр, — сказал чтец.

Вот как. Серебристый кедр. Мало кто знает, а значит и понимает, что он же — кобальтовый кипарис. Мне же посчастливилось знать, что это за материал и каковы его свойства.

Получается, банька у Абеяра Никитовича не простая. И вот теперь вопрос: от кого или от чего собрался защищать нашу беседу он? Линзы, раздражающие мне глаза последние полчаса, — детский лепет по сравнению с парилкой из кобальтового кипариса.

— Золатунь — вещество конечное, — сказал Абеяр Никитович. — А кедр мы культивировали уже после войны. Слева от тебя — скамейка, располагайся.

— Разговор будет долгим? — спросил я у темноты.

— Надеюсь, нет, — ответил чтец. — Итак. Слушай меня внимательно... Значит, вы нашли осколок зеркала Лок. Как он попал в тот сад — это, конечно, вопрос. Перво-наперво...

— Вы осмотрите девочку? — предположил я.

Абеляр молчал.

В парилке было темным-темно, и это нервировало. Я готов был уже что-нибудь по этому поводу предпринять, но оказалось, что чтец молчит не просто так: он искал масляный фонарь. Теперь он зажег его, прикоснувшись пальцами к фитилю, и тем самым продемонстрировав мне, что магия второй ступени для него — не проблема. Как будто бы я в этом сомневался.

— Нет, — произнес чтец, и взгляд его был решительным и тяжелым. — Если все так, как ты говоришь, то осматривать Николу нет нужды. Вы с Катенькой не ошиблись. Это не кома, это сон. Но не простой. В свое время этот сон погубил много наших.

— Погубил? — переспросил я.

— Убил, — уточнил Абеляр.

Я молчал, обдумывая, и он молчал. Спустя минуту, показавшуюся мне вечностью, чтец заговорил, глядя куда-то вниз, на покрытый ржавыми разводами плиточный пол:

— Как ты помнишь, Война Причин выродилась в гражданскую войну. Мы проиграли. В то время как одни зачищали побережье от живых последствий магических экспериментов, других направляли уничтожать материальные артефакты, некоторые из которых были весьма древними. К таким, сам понимаешь, не всегда прилагались инструкции по эксплуатации. Одним из таких артефактов стало зеркало Лок, конфискованное у нашего тогдашнего врага. Очевидно, его каким-то образом выкрали. А как уничтожают зеркала?

— Разбивают...

— Правильно. Тот, кто первым совместил камень с зеркалом, взглянул в слишком большое число осколков, и его унесло сразу же. За ним пришел еще один и тоже "засмотрелся". Следующим пятерым повезло больше, и "поймали" проклятье только четверо. Пятый о чем-то догадался и успел отвернуться. Короче говоря, методом проб и ошибок была выяснена следующая закономерность: осколок усыпит человека с вероятностью один к пятидесяти. Взглянуть на осколок нужно под определенным углом и в определенном освещении. Понятно, что если осколков много, то и вероятность уснуть становится больше.

— И что стало с теми, кто на него взглянул?

— Они умерли.

— Умерли?

Свет от фонаря тускнел. Вероятно, заканчивалось масло. Чтец подкрутил шестеренку на боку у медного основания лампы — света стало чуть больше.

— Инцидент имел место тридцать лет назад, — произнес Абеляр. — Дело полностью передано чтецам. Всем пострадавшим диагностирован летаргический сон. А летаргия, вообще-то, встречается так же редко, как смерть от удара молнии или от падения на голову метеорита. Течение сна у пострадавших шло по-разному: кто-то держался годы, другие сгорали за день. Прочих закономерностей выявлено не было.

— Зеркало уничтожили? С... переплавили?

— Нет. Мы... Они были не настолько глупы. Среди пострадавших оказались родственники влиятельных в то время персон. Уничтожить зеркало полностью путем его переплавки резона не было, и его стали изучать.

Все, о чем говорил чтец, вся эта ситуация с осколком, банькой, отделанной серебристым кедром, Никс и Тихой, история, внезапно нырнувшая в чье-то чужое темное прошлое, в ту глупую и страшную войну, — все это наконец достучалось до меня, и я вдруг

осознал глубину разверзшейся передо мной бездны. Значит ли это все, что мой "гениальный" план обречен? С одной стороны — хорошо: никакого трибунала и Тиха точно не набьет мне лица, что полезно для творческого развития нашего коллектива; с другой стороны, все это чудовищно и мне... мне просто-напросто тяжело в это поверить. Неужели я не успею? Неужели придется действовать наобум? Рисковать свыше меры? Зачем это все? Ненавижу, когда ситуация выходит из-под контроля.

— То есть все, кто в это зеркало смотрел — мертвы? — переспросил я.

Чтец глянул на меня так, будто бы меня перед ним нет. Он, наверное, обращался к своей памяти, которая для нормального человека чрезмерно глубока.

— Не все, — ответил Абеляр Никитович сухо.

Я понял, что копать в эту сторону у меня полномочий нет. Что ж, ладно.

— Как этот осколок мог попасть к Никс? — спросил я.

— Меня это тоже интересует, — ответил чтец.

— А ваша гильдия не может знать?

— Главное, что пока я не стану делать запросов, она не узнает о самом факте произошедшего.

— А как же?..

Он невесело хмыкнул:

— О моем рое не волнуйся, я — последний.

— Ладно, — я вздохнул. — То есть Николе... выходит, Николе просто не повезло, да?

Чтец нахмурил брови.

— Она тебе рассказала?

— О чем?

— О своем "проклятии".

Час от часу не легче. Я покачал головой:

— Нет.

— Понятно.

Абеляр Никитович потер бороду. Взвешивает, что мне можно говорить, а что нет? Знает гораздо больше, чем говорит. Очевидно также, что своим визитом и надобностью беседовать со мной о зеркале Лок я поставил его в неловкое положение. Права была Берса, все запутывается.

— На Николе лежит "проклятье", оно же благословение, — наконец заговорил чтец. — С прошлой весны. Может быть, ты где-нибудь читал или слышал о "судьбоплетах"? Ну так вот. Миф в очередной раз оказался правдой, и один такой объявился. Проявился, точнее, в мальчишке, с которым дружила Никс. И вследствие некоторых обстоятельств парнишка подкорректировал ей... судьбу.

И тут мне впервые показалось, что чтец не в себе, но я все-таки переборол зашевелившееся было недоверие, и даже тени сомнения не явил. Судьбу, значит.

Чтец продолжил:

— Ну, скорее, особенности ее взаимодействия с реальностью. На ней висит "удача утопленника". Это — старое проклятье, и мальчик применил его неосознанно, сам не ведая, что творит. Действие проклятия следующее: человеку или критически везет, или не везет. Середины не предусмотрено. Единственное, что понятно кроме этого — в свою авторскую версию проклятия мальчишка встроил "предохранитель", и о смертельных неудачах речи нет. И вот Николе, наконец, не повезло критически: она не только нашла осколок зеркала

Лок, но и взглянула на него как раз так, как не стоило бы.

— Вы сможете ей помочь? — напрямую спросил я, имея в виду и только что описанное им проклятье, и летаргический сон.

Чтец долго молчал, хотя к вопросу, как мне показалось, был уже готов.

— Чтобы снять удачу утопленника, ей нужно снова найти судьбоплета. Для этого ей неплохо бы проснуться, верно? Но вероятность того, что вам удастся решить загадку зеркала Лок очень мала.

— Нам? — переспросил я.

Ну да, ну да. А как иначе-то.

— Слушай внимательно, Рейнхард Майерс, — произнес чтец, схватив меня за запястье. Я даже опомниться не успел. Абеляр Никитович смотрел мне в глаза. Взгляд этот был тяжелым, как десятитонная мраморная плита, и таким цепким, темным, что я почувствовал себя тонущим в полынье. Ох, не зря их не любят, этих чтецов. Нелюбовь эта рождается из страха, и процесс мутации мне полностью очевиден. Чтецу я этот акт агрессии, конечно, еще припомню. Пускай опасность обоюдоострая, как меч, но преимущество на стороне зачинщика. Пока я пытался подавить моментально вскипевшую во мне ярость, одновременно стараясь ее не показывать, чтец говорил быстро и сухо:

— Все осколки черного зеркала Лок хранятся сейчас в старинном замке Сорос, что на южном склоне Цинары. Насколько я знаю, чтобы его собрать, не доставало как раз одного. Полагаю, вашего. Интересно, правда? Кто-то крадет осколок Лок, тем самым затрудняя работу гильдии, а через несколько лет подбрасывает этот осколок вам.

— Уж не сама ли гильдия? — спросил я раздраженно. — Отпустите мою руку, пожалуйста. Я осознал степень серьезности, правда.

Чтец отпустил.

— Ты умеешь задавать вопросы — это хорошо. Далее, насчет зеркала. Есть предположение, что восстановленное Лок "отпустит" всех своих спящих пленников. Но это, сам понимаешь, надо проверять.

— А эти другие "уснувшие"... они тоже читали стихи, перед тем, как уснуть?

— Этого я не знаю, ибо никто... я не видел, как засыпали.

— И видео, конечно же, никто не снимал.

— Это было тридцать лет назад, Рейни.

— Что нам делать с Никс?

— Ты решил действовать?

Я не счел нужным отвечать.

— Свяжитесь с ее опекуном для начала. А пока будете думать, что именно предпринять, езжайте за город, в лечебницу "Ласточка". Выдвигайтесь сразу же, а я свяжусь с главврачом и все решу. И да... поменьше болтайте об этом всем, а лучше вообще молчите.

— Абеляр Никитович, от кого именно мы все это скрываем? Кого следует опасаться?

— Сейчас идет грандиозная работа там, в нашей гильдии. Кое-что подтвердилось, но дополнительные сведения лишними не будут. Даже если прямой связи нет, внезапно всплывший осколок черного зеркала Лок может стать катализатором еще больших тревог и перемен. Я не хочу хаоса. Поэтому я сообщу гильдии об инциденте в нужный момент, ни раньше, ни позже. Не сообщать вовсе я не могу, пойми. У вас будет время попробовать все решить — это единственное, что я могу обещать.

— Понял.

На фоне яркого белого света чернели округлые пятна. Они слегка подрагивали, но вскоре собрались, стали резче и оказались черными колоколами, подвешенными на толстых металлических тросах. Их было множество, тросы тянулись в разные стороны, ныряли в большие стрельчатые окна без стекол, сверкающие белыми безднами от пола и до арочного купола.

Никс с трудом приподнялась, села. Что-то сдавливало грудь, хотелось пить и есть. Ощущения были странные. Если глубоко дышать, то лучше. Если задуматься о том, где она и как сюда попала, начинает болеть голова.

Хлопок.

Большое черное пятно пошевелилось и оказалось скорее красным.

— Проснулась? — спросил участливо звонкий, мягкий голос, не женский и не мужской.

Никс попыталась сосредоточиться на говорившем с ней, разглядеть его, но пока что не получалось.

— Меня зовут Керри, — представился собеседник. — Я ждал, когда ты проснешься. И читал. Как хорошо, что кто-то еще печатает свои тексты для того, чтобы сжечь.

Никс, сжав голову руками, зажмурилась. Боль отступила. Когда она снова открыла глаза, колокола и темное пятно, назвавшееся Керри, снова оказались размытыми.

Керри, поднявшись, подошел ближе. Никс на секунду застыла, рассматривая его.

Театральный грим?

У существа (а человеком назвать его казалось неправильным) была белая, почти жемчужная кожа, красные волосы, красные глаза, красные ресницы и брови, темно-красные губы, будто испачканные спелой ежевикой, и в разрезе этой кровавой улыбки тускло сверкнули черные зубы. Существо пыталось изобразить дружелюбие. Правой рукой, исполосованной пунцовыми геометрическими узорами, существо откинуло за плечо длинные багровые косы, увешанные золотыми колокольчиками, а левую руку протянуло Никс, будто бы предлагая помощь.

Никс рефлекторно протянула руку в ответ, чтобы помощь эту принять, но тут же отняла назад, опомнившись и испугавшись. Она увидела и свою руку тоже, и теперь сидела, уставившись на собственные ладони — абсолютно черные.

— Что со мной? — проговорила она резко севшим голосом. — Что... с моими руками? Где... я...

Никс шлепнула себя по щекам, понимая тут же, что вокруг нет никаких зеркал — только окна, тросы с колоколами и странное существо, представившееся Керри.

— Где... где мы? — спросила Никс. — Что происходит?

— Ты в безопасности, — произнес Керри, — это башня Перламутр. Поднимайся осторожней — не наступи на подол платья, он длинный. Я поэтому, отчасти, помощь и предложил.

Никс удалось быстро совладать с собой. Платье? Она обратила внимание не только на свои ладони, но и на пышный многоцветный шелк с вышитыми на нем золотистыми рыбками, укрывший тяжелыми складками ее колени, перевивший талию, стекающий по предплечьям и плечам. И руки. Руки были черными. Никс завернула один из рукавов, чтобы

убедиться, что руки черны до локтя и выше. Хотела было проверить и вырез платья, но опомнилась и подняла взгляд на Керри, который стоял рядом и терпеливо ждал чего-то.

Никс подобрала объемный подол и все-таки умудрилась встать.

— Это, что ли, ты меня передел?.. — спросила она голосом, не предвещающим ничего хорошего.

Никс понимала, что вопрос глупый, но момент казался ей крайне неподходящим для деликатностей и попыток представиться кому-то лучше, чем есть.

Керри улыбнулся, не размыкая губ, и кивнул в сторону одного из окон:

— Посмотри.

Никс, косясь на Керри подозрительно, опробовала подкашивающиеся ноги, сделав пару шагов к окну. Вестибулярный аппарат шалил и негодовал, но когда она подошла к витому парапету, вроде бы, успокоился.

Зеленые звезды на фиолетовом небе сложились в огромный вихрящийся эллипс, сквозь который плыл лазоревого цвета кит, такой большой, что, глядя на него, верилось: такой способен проглотить солнце. Более того, он ими, солнцами, в общем-то и питается, нет никаких сомнений.

— У-у, надо было мне все-таки смотреть ковер, а не курить его, — проговорила Никс, хмыкая себе под нос.

Потом она расхохоталась.

Улыбка — это всегда в какой-то степени оскал, а значит и такой истерический смех — тоже своего рода защита. Иначе объяснить, почему ей вдруг стало смешно, Никс не могла. Она смеялась так, что выступили слезы. Вытирая их черными ладонями и шмыгая носом, она повернулась к обескураженному Керри:

— Все... в порядке. Это я шучу так криво, да. Красиво у вас тут, на самом деле, очень. И платье красивое. Наверное. И летающие киты, и звезды эти, и все дела.

— Это не звезды, — сказал Керри, — это небесный планктон.

— Ну, тем более, — Никс насухо вытерла глаза и, вроде бы, даже совсем успокоилась. Выдохнула. — Хорошо. Скажи мне, Керри, кто ты? Где мы? Хотя, подожди, я, кажется, догадываюсь. Морок?

— Так вы его называете, — кивнул Керри.

— Ну а ты кто? Мой сон? Сон камня? Сон маленькой девочки, которая любит тощих, странно выглядящих парней и не иначе? И как я тут оказалась?

— Я нашел тебя в расщелине Полдень, — ответил Керри, — и перенес сюда. Думал сначала, что ты растаешь, но оказалось, ты здесь иначе.

— Хорошо, я поняла, ты один из тех, кто говорит загадками и юлит.

— Мне не хватает слов. Они сгорают на моем языке.

Никс поглядела в честные, кроваво-красные, как у кролика-альбиноса, глаза пристально, пытаясь понять, в своем ли существо уме.

— Сгорают? — переспросила.

— Ага.

— Покажи.

— Что?

— Язык.

Язык у Керри оказался длинным, острым и таким же черным, как зубы, но к корню слегка краснел.

— Да уж, — проговорила Никс, озадаченно хмурясь. — Тут у вас, конечно, интересно, но мне надо бы поскорей проснуться. Я... я, кажется, что-то недоделала... что-то не успела закончить в реальности, и мне за это влетит. Нельзя, в общем, такое недоделывать. Вообще не помню, что это было, но я должна была это сделать, иначе... иначе — плохо. Надо просыпаться, да. Ты мне расскажешь, как это сделать?

Керри тем временем сел возле одного из окон и выудил из своего черно-золотого одеяния небольшой обуглившийся томик и даже его раскрыл, но, судя по картинке на обложке, держал он книгу вверх тормашками.

— Тебе бы посидеть тут, отдохнуть, — сказал он, не глядя на Никс, — подождать... Может быть, тебя сумеет разбудить Зов?..

— Какой такой зов?

— Когда Небесный Кит исчезнет в Тлеющем море, когда провернется Калейдоскопическая Луна, когда мимо Башни Тайны пройдет последний транзитный поезд в Сияющий Мир — вот тогда мы услышим Зов, и я не знаю, что будет, когда он настигнет тебя. Хотя, в последнее время Зов стал звучать чаще... может, он грянет раньше, может быть, позже. Ты ведь не просто во сне, ты не во сне наяву, и даже я не знаю, что с тобой делать, а уж я-то в вас, лунатиках, разбираюсь.

— Кто ты, Керри? — еще раз спросила Никс, чувствуя, как по плечам и спине бегут мурашки, а мелкие волоски на руках и затылке встают дыбом.

Керри ее будто бы проигнорировал. Никс задала один и тот же вопрос в третий раз и в третий раз не получила ответа. Видимо, больше спрашивать смысла нет. Керри не скажет. Может, он вообще не живой, может, он просто статист этого странного измерения иллюзий.

Никс знала о существовании морока из рассказов вернувшихся оттуда друзей. Кто-то еще называл это место "миром снов", но, судя по тем же рассказам, почти все имена, данные мороку, некорректны. Он, в принципе, так же реален, как и привычный мир. Здесь, говорят, можно умереть, явившись сюда во плоти. Отсюда, вроде бы, можно даже что-то забрать с собой, исполнив некий таинственный ритуал, и говорят, что вся имеющаяся в реальности колдовская золатунь родом из морока. Ромка, еще до того, как пропасть, рассказывал, что, вроде бы, из морока есть пути в другие миры — совсем другие, совсем-совсем. Попасть в морок можно тоже по-разному, и в памяти Луни Красавки, той, что живет у Камориль на чердаке, даже есть старинная, еще довоенная карта путей перехода.

Никс оглянулась по сторонам. Никаких дверей или лестниц, одни только огромные окна и тросы с колоколами. Керри читает книгу, на этот раз взяв ее правильно. В окнах — синевато-фиолетовое небо в россыпях зеленоватых "звезд", и если взглянуть вниз, то земли не видно, все укрыто золотистыми облаками до самого горизонта.

Может ли быть так, что, изучая точки перехода в морок, сумасбродный некромант открыл еще одну, и Никс угораздило в нее провалиться? Это вряд ли. Камориль не настолько беспечен. И Эль-Марко предупредил бы Никс не заходить в сад, если так.

Стоп. Керри не сказал ничего вразумительного, но что-то знакомое... Калейдоскопическая Луна — понятное дело, это о той, которая меняет цвет, которую видно почти отовсюду, висящая яблоком над горой Антарг; там же, под Антарг, Тлеющее море — Ромка рассказывал; тут есть еще какой-то вокзал, и немудрено, что есть поезда. А вот... Башня Тайны... та ли это башня, о которой говорил Рин?

Никс вдруг вспомнила все. Вообще все. Никаких блоков и белых пятен не осталось, и даже головная боль прошла. Морок — "Мир Снов", место, где маяку снится, что он —

белокаменный замок, и на самом деле так и есть; здесь времена и события почти не связаны между собой линейной логикой, граница между жизнью и смертью размыта; здесь возможны такие чудеса, что не снились ныне здравствующим архимагам, которым не повезло родиться после Войны Причин, и детям, которым не рассказывают о былом — на всякий случай, точно так же, как молчат, например, о любви.

Лишь те, кому повезло (или не повезло), знают, что морок — реален. Нет, не так. Он не реален, он действителен. Единый для всех безграничный сон, истина, зависящая от угла, под которым на нее смотреть.

И те, кто в курсе насчет этой действительности, хотели бы попасть сюда так, как попала Никс — сохранив сознание и понимание происходящего, но это не так-то просто.

А Никс угораздило провалиться сюда, пускай и не понятно, как именно. Но это обстоятельство можно попытаться использовать. Пускай придется пробовать наобум. Пускай идея кажется глупой и слишком самонадеянной.

Пусть. Не потеряться бы только теперь в этом супе из смыслов и мест. Никс взглянула на Керри:

— То есть как мне проснуться, ты не расскажешь, правильно?

Керри, не отвлекаясь от книги, повел плечом неопределенно.

— Ну, хорошо, — вздохнула Никс. — Тогда я пойду.

Керри вздрогнул, встрепенулся, поднял на нее удивленный взгляд:

— Сто... Что... Куда?..

Никс, исполненная решимости, подобрала шелковые юбки и подошла к краю. Снова взглянула вниз. Золотые облака клубились далеко и глубоко и казались ненастоящими, нарисованными, а оттого страшно особо не было. Ромка говорил, что морок создан для тех, кто умеет или хотя бы хочет научиться летать. А значит...

— Стой! — крикнул Керри, и в этот момент все колокола на тросах закачались, язычки ударились в дугие медные стенки и воздух затрепетал и запел от разноголосого звона. В шуме колокольного пения голос Керри почему-то не терялся, наоборот — звучал звонче и как-то выше. — Я тебя провожу. Незачем... незачем проверять на прочность.

Никс в этот момент показалось отчего-то, что Керри и сам — совсем еще мальчишка. Что-то да вырастет из него через годы? Ей представилось дикое пламя отросших красных волос и белые тонкие руки, пальцы, будто погнутые паучьей болезнью, и, почему-то, острый выступ седьмого позвонка.

Сквозь белую кожу Керри, которого она видела перед собой, проступил румянец.

— Перестань, — сказал он, — вон, смотри лучше: Фантасубвеструм.

Никс отвлеклась и обернулась туда, куда смотрел Керри.

— Э-это еще... что такое?

Сквозь золотые облака, разрезая их острым килем, плыл небесный корабль под искристыми светлыми парусами, похожими на металлическое кружево. Переливались волнами, загребая податливый воздух, жемчужные весла — по сотне с каждой стороны, и натянутые снасти сверкали, словно паутина в утреннем разнотравье.

Корабль был огромен, и небесный кит в сравнении с ним показался мелкой рыбешкой.

— Это ж кто-то его построил, — пробормотала Никс, когда к ней вернулся дар речи. — Это ж кто-то его придумал!

— Фантасубвеструм сплетен, а не выстроен, — пояснил Керри, устремив чуть менее восхищенный, чем у Никс, но, безусловно, влюбленный взгляд на золотистые резные

паруса. — Он — головоломка и лабиринт, загадка в загадке, блуждающее сердце небесных глубин. Говорят, там, в самом его нутре, черно, как ночью в землях исхода, и там кто-то есть — как косточка в яблоке, как нож в потайном ящике, словно скрытый смысл, известный лишь заговорщикам, — но даже я не знаю, кто это и что он там делает, и вообще, правда ли это.

Никс на секунду оторвалась от созерцания приближающегося к башне огромного светящегося корабля для того, чтобы взглянуть на Керри искоса.

— В землях исхода? — переспросила она. — Это типа как... это, что ли, ты так называешь реальный мир?

— У нас говорят, земли исхода — обитель тлена, печали и тьмы. Но я читал ваши книги и знаю, что это не так.

— И мы на нем поплывем? — спросила Никс опасливо, снова переведя взгляд на небесный корабль.

— Нет, — ответил Керри со вздохом. — Фантасубвеструм недостижим и неприступен. Словно шкатулка с секретом, к которой не подобрать ключа... И, насколько я знаю, обе конечные станции отсюда так же недостижимы — по крайней мере для меня. Наш же путь ляжет по вершинам засохших елей, по фонарным столбам.

— Шутишь!

— Папой клянусь, — сказал Керри, шутливо кланяясь. — Следуй прямо за мной.

Он просто ступил в центр площадки, продуваемой ветром, и под ногами его стали появляться ступени. Они вдавливались в тело башни сначала медленно, а затем полетели вихрем, и вот уже в черную глубину вела крутая винтовая лестница.

Керри стал спускаться вниз, сунув книгу под мышку, не выказывая какой-либо неуверенности. Никс, вдохнув глубоко, ступила на только что возникшую каменную лестницу, запоздало подумав, что Керри взялся ее провожать, не зная, куда она хочет пойти.

— Мне в Башню Тайны, — решила она уточнить на всякий случай. — Ты знаешь, где это?

— Я был во всех уголках морока, — сказал Керри. Его голос тут же подхватило эхо, — кроме тех, куда мне нельзя. И Башню Тайны я тоже видел.

— Итак, имеем мы следующее, — произнесла Берса, покачивая зеленым шлепком, наполовину сползшим с ее невымытой костлявой ступни. Мне никак не удавалось абстрагироваться от мыслей о том, как можно было бы превратить ее в человека. То есть в девушку, конечно. Нечесанные дней пять космы, грязная джинса неподходящего размера, дурацкие фенечки и пластмассовые браслетки. Как это еще от нее не пахнет ничем, кроме дешевого курева? Коллега-маг, видите ли. Нулевой, понимаете ли, элементарист.

А Кей тем временем, кажется, таки подбила итог того, что у нас имеется, и Тиха, который, в отличие от меня, ее слушал, произнес в ответ многозначительное "хм".

Никс лежала на белоснежных простынях, а в стаканчике на полочке у кровати красовался куций букетик дикого льна. Светлые занавески тревожил ветер, прилетающий из раскрытого окна, соленый и жаркий, и я устроился на подоконнике так, чтобы на загревок мне попадали солнечные лучи. Солнце немного грело.

Сейчас нас отсюда, как пить дать, погонит какая-нибудь медсестричка. А может, и не погонит, палата ведь одноместная, но довольно просторная, в дальнем крыле и с видом на море. Все здесь чисто, стерильно и будто бы для своих.

Нам даже вопросов при регистрации не задавали. К Никс приходил врач, и, не смущаясь пристального внимания Берсы, еще раз осмотрел спящего "огонька". Ушел, ничего не сказав.

С тех пор прошло уже двадцать минут, Берса успела покурить прямо тут, я изгрыз пакет сухофруктов, а Тиха — колпачок от украденной в регистрационном окошке ручки.

Никола спала сном мирным и тихим, и ничто из произошедшего за утро сна ее не потревожило. Я вспомнил, как еще ночью, у меня, Тиха совершенно серьезно пытался разбудить Никс при помощи аромата растворимого кофе со сливками, который сам же потом и выпил, осознав тщетность предпринятых мер.

В тишине щелкнула стрелка настенных часов. Полдень.

— Итак, замок Сорос, — произнес я, — еще одна загадочная фиגня из гребаной засекреченной старины, о которой в сети только две криво написанные байки с тучей грамматических и исторических ляпов и, естественно, более ничего, кроме примерных координат с разлетом в триста километров. И это при том, что замок предположительно расположен где-то на западном склоне Цинары, величайшей горной гряды континента по ту сторону Поющей реки.

— Я проведу, — сказал Тиха коротко. — Хоть сегодня.

— В тебе я не сомневаюсь.

Тиха смотрел куда-то в стену решительно и зло. Берса крутила в пальцах незажженную сигаретку.

В кармане у меня лежал осколок зеркала Лок, словно некий абстрактный компас, сориентированный на далекий север, и тяжестью своей он напоминал мне о предстоящем пути. Отсюда, из затянувшегося и, кажется, вечного лета, туда, откуда когда-то меня увезли, спасая от будто бы неминуемой гибели. Туда, где в снежные бури мчат по небу зимние демоны-лисы, неся на спинах призрачных всадников — побратимов смерти и сна. Туда, в насквозь промерзшие скудные земли, укрытые вечной белой пеленой, в обитель злых и диких горных племен. Туда, где, может быть, кто-то еще помнит язык, на котором написан дневник, доставшийся мне вместе с именем. Туда, куда мне бы не стоило возвращаться, а им... им не стоило б там бывать.

— Вот, предположим, доберемся мы до этого замка, — стал я проговаривать то, о чем не единожды успел подумать. — Проникнем внутрь. По идее, ехать бы туда без вопросов и как можно скорее, прихватив самый теплый свитер, термос и позабористей алкоголь. И вляпываться в эпических размеров неприятности. Что ждет нас там? Сначала, я так понимаю, северная столица — Тасарос-Фесс, последний очаг цивилизации и тепла. Потом — холод, бездорожье, безлюдные снежные равнины. И дальше, в самом замке — развалины, опасные заброшенностью, хлипкими стенами и гнилыми балками, или какие-нибудь недобитые твари, выведенные в войну, кровожадные гибриды медведей и хомяков.

— Да ты тот еще оптимист! — хохотнула Берса. — Неужели все так страшно? И разве летом на севере так же холодно, как зимой?

— Почему чтецы оставили это зеркало там? — подал голос Тиха. — Если оно такое важное. Важное и опасное.

— Значит, не оставили, — сказал я, — и замок Сорос не в развалинах, и кто-то зеркало сторожит.

— Или его там нет, — предположила Берса. — И наш любезный преподаватель решил удалить нас из города на неопределенное время, придумав веселый повод.

— Слишком сложно, — сказал Тиха, качая головой.

— Ты-то ладно, — произнес я, обращаясь к Берсе. — А я ему чем не угодил?

Кей цыкнула. Тиха глумливо хмыкнул, как будто у него есть по этому поводу кое-какие соображения, но он их прибережет на потом.

— Хотелось бы, чтобы мои сомнения оказались всего лишь сомнениями, — проговорил я, — и загадка решилась бы поворотом ключа, то есть — формальным восстановлением зеркала. Мы следуем на север, попадаем в Сорос, восстанавливаем Лок. Никс просыпается, все счастливы, фейерверки, петарды, объятия и чаепития.

— А в чем тогда "загадка"? — спросила Берса. — Может, в том, как ты вставишь осколок куда надо, если на зеркало это нельзя смотреть?

Я пожал плечами:

— На ощупь? В темноте? Не вопрос, в общем-то. Смотря, конечно, что оно из себя представляет.

Я взглянул на Тиху:

— Абеляр в курсе о твоих талантах?

— Я не зарегистрирован. То есть для гильдий — никто.

— Значит, Абеляр о тебе не знает?

— Может и знать, — встряла Берса. — Он такой.

— Предположим, о Тихомире он не догадывается, — продолжил я размышлять вслух. — Таким образом, он должен понимать, что добраться до Цинары — уже достаточно сложная задача, требующая времени и сил, и нам будет не просто. Тогда...

— Рейнхард, — произнес Тихомир глухо. — К чему все эти разговоры с размышлениями? Мы туда пойдём, а если ты не хочешь или не можешь, то я...

— Это не вопрос, Бродяжка, — я постарался говорить мягче и без слышимой издевки. Она у меня иногда вырывается сама собой, и с Тихой это может сработать непредсказуемо. — Я лишь раздумываю, как сделать так, чтобы получить на выходе поменьше неожиданностей, а потом приехать обратно — желательно, целиком. И да, мы идем, завтра, с утра, выспавшись, без каких-либо вариантов. Ты и я.

— И я, — просто добавила Берса, и я понял, что от нее теперь уже не отделаться.

— И ты, — кивнул со вздохом. — Но о тебе потом. Так вот. В идеале мне бы иметь карту местности и схему самого замка. Это как минимум. Я хочу понимать, куда мы суемся, а информация, предоставленная Абеляром, туманна, как полуночный бред пьяного графомана.

— Карт у нас нет, но у нас есть я, — напомнил Тиха.

— Это, несомненно, плюс. Как назло, я не могу задействовать фанатов, чтобы найти дополнительную информацию с их помощью. Абеляр настаивал на всей возможной секретности.

— Анонимные доски? — вдруг предложила Кей.

Я, секунду поразмыслив, согласился:

— Попробуем. Но шанс мизерный, неофиты не умеют искать.

— А я говорю, что что-то тут не так, и секретность эта неспроста, — Берса стащила с головы розовую повязку и стала ерошить длинную челку. — От кого шифроваться, Абеляр не сказал, так? Типа, всем молчать, никому не рассказывать? Тухлое дело какое-то.

— Ясно, что перво-наперво этого не должны знать остальные чтецы, — поправил я.

Берса не растерялась:

— Ну узнают мыслежуи, что штука у нас и что она движется, куда надо. Так почему б

им не обрадоваться и нам с этим не помочь? Нежелание Абеяра усугублять какой-то там хаос внутри гильдии — бред, я считаю.

— Может, они не хотят, чтобы выжившие спящие просыпались, — предположил Тиха.

Я признал про себя, что Тихомир иногда умеет размышлять здраво, и зачем обычно умение это скрывает — загадка.

— Абеяра Никитович вел себя местами крайне неадекватно, это факт, — ответил я Тихомиру. — Более чем. Возможно, все еще сложнее, чем мы тут напридумывали. В любом случае, давайте сделаем все, что в наших силах, и постараемся быть готовыми к худшему. Потому что, вот вам пламенное знамение, хватающий элементалиста за руку чтец — это событие из ряда вон.

Я тут же вспомнил, чего мне стоило не отправить ему в ответ, как бы рефлекторно, заряд профильного волшебства. Обморожение третьей степени до локтя он себе захотел, что ли?

Тиха снова хмыкнул, а я задумался. Хорошо, предположим, кое-какой доступ к нашим мозгам Абеяра имеет с тех пор, как мы только прошли обучение. Все-таки он принимал участие в ритуале, а без знаний, заложенных в мага-элементалиста посредством ритуала, мы все не были бы той потенциальной угрозой, которой являемся. То есть чтец, в принципе, знал, кого берет за руку и знал, на что я способен, а значит, он полагал, что я смогу остановить рефлекс. Я же не в курсе, насколько сильна была наша связь до этого прикосновения и угасает ли она со временем, — документы чтецов засекречены, а гадать здесь бессмысленно, так как мощь чародея предполагает вариативность проявлений. Кроме этого, я не знаю, какого качества связь Абеяра с его гильдией, даже располагая информацией о том, что родная группа чтеца погибла. Может ли эта связь быть настолько крепкой, что серебристый кедр не поглотил бы поток магии или поглотил не все? Было ли чтецу о чем красноречиво молчать? Будет ли столь опытный и старый маг пытаться высказать мне что-либо одним лишь взглядом и прикосновением? Обычным, вроде бы, прикосновением — для простого человека, но не для двух магов, нет.

И что именно он хотел донести? О чем именно предупредить? Анализируя его поведение, я только утверждаюсь в мысли, что соваться в замок Сорос — затея не из простых и безопасных, и нам нужно быть готовыми ко всему.

— Рейни, ну, это все, конечно, да, но ты ж не забывай, что Абеяра, как бы, тоже человек, да и Никс он любит, как заправский старый хрыч может любить девочку-сорванца, — сказала Кей, неслышно подобрившись ближе. — Разволновался да хватанул лишнего, так сказать. Пошли за вещами.

Я глянул на Тиху. Тот молча кивнул, мол, все как условились.

Мы с Берсой вышли из палаты, оставляя там спящую на белых простынях Никс с ее новоприобретенным верным псом ненатуральной масти, который, сидя на полу возле кровати, смотрел на нее печально и чуть ли не скулил.

Нас ожидала электричка до города, и там наши с Берсой пути должны были ненадолго разойтись. Выйдя из здания лечебницы, мы обогнули оставленный на самом солнцепеке минивэн Тихомира и двинули по пыльной каменистой тропке в сторону станции. Ни одному из нас, казалось, нет резона поддерживать или изобретать, придумывать диалог — и потому мы молчали.

Я пытался прикинуть в уме, что мне стоит взять с собой и есть ли у меня что-то, что может пригодиться в пути, кроме очевидного и необходимого. Может, порыться в вещах,

поискать деньги, оставшиеся у меня с переезда? Надо не забыть термокружку... аккумулятор, нож, документы...

Тиха решил остаться в лечебнице до вечера, и к вечеру мы к нему вернемся.

Утром, пока я, собственно, разговаривал с Абеляром Никитовичем, Николе звонил ее опекун. С ним говорила Берса, выключив ради такого случая свой "особенный" говорок. Скрывать мы ничего не стали, и теперь Эль-Марко в сопровождении своих друзей, наверное, уже мчится обратно в город. Но чародеи они не той специализации, что смогла бы помочь в преодолении расстояний, и добираться им минимум двое суток. Если повезет. Мы к тому времени уже уйдем.

Если же Николу разбудить не удастся, моим собственным планам придет конец. Мне ее, конечно, жалко, она не заслужила такой участи. Но, стоит признать, гораздо больше я тревожусь за успех нашего предприятия. И да, я все пытаюсь придумать что-нибудь еще, кроме того, что уже начал осуществлять, но пока что эта девочка — единственный вариант, где в конце тоннеля свет, а не подкравшееся исподтишка безумие и, впоследствии, медленная смерть.

И вот теперь этот осколок, летаргический сон и Абеляр Никитович, который, по сути, выдал мне рекомендации, но ничего конкретно не приказывал.

Мол, поступай как знаешь. Решил действовать? Хорошо. Нет? Воля твоя.

Да, определенно, решать теперь мне. И, в общем-то, именно поэтому я подхожу к вопросу со всей возможной ответственностью и осторожностью.

Мне лишь немного боязно, что этих ответственности и осторожности может оказаться мало.

— Что-то много тут летающих островов, ты знаешь, — сказала Никс, забыв, что, чтобы Керри ее услышал, надо перекрикивать ветер.

А ветер был силен. Он трепал волосы и развязывал узлы, которыми Никс связала доставшееся ей каким-то неведомым образом шелковое одеяние, слишком сложное и просторное, чтобы в нем комфортно расхаживать. Красные, увитые колокольчиками волосы Керри и черно-золотую узорчатую мантию ветер тоже полоскал нещадно, но Керри, кажется, было все равно.

Он смотрел вперед и вниз, на распластавшийся под каким-то невероятным углом фантазмагорический ландшафт, состоящий из темно-фиолетовой пустоши и черных дырчатых камней, похожих на вытянутые бублики, хаотично воткнутые в землю. Сквозь отверстия в них медленно и вальяжно проплывали мелкие летающие острова, на которых можно было даже различить какие-то загадочные строения, коммуникационные трубы и лопасти огромных винтов. Еще дальше в небо устремлялись, скручиваясь спиралями, две дороги, похожие на застывших в вечном противостоянии змей. Они обвивали со всех сторон высокую бело-золотую башню, подпирающую небо под косым углом.

— Это же она? — переспросила Никс сквозь ветер. — Как мы туда доберемся?

Ей уже пришлось пройти по лучам каменной звезды, оказавшейся крышей огромного здания размером с парочку стадионов. Керри протащил ее через розовый лабиринт и сквозь локальную песчаную бурю. Они преодолели каскады зеркальных озер, проскользнув по вьющейся между ними тропке. И вот теперь, пройдя через каменную арку посреди поля, укрытого цветущими герберами, они вышли к половинчатому мосту — ажурному сооружению, обрывающемуся в своей наивысшей точке, как будто бы его разрезали наискось

огромным раскаленным ножом. Ветер неистовствовал и гудел, плутая в тяжелых железных цепях. Массивная конструкция явственно покачивалась и от этого жутковато скрипела.

Керри медлил, пристально вглядываясь в странный пейзаж внизу и кажущуюся еще очень далекой башню.

— Мы чего-то ждем? — спросила Никс, снова перекрикивая ветер.

Керри наконец соизволил ответить:

— Я жду вестей. Стоит нам преодолеть границу сизой земли и гиены почуют нас.

— Какие гиены?

— Пепельные.

— Кто это?

— Стражи Башни Тайны.

— У нее есть стражи? — Никс обернулась к Керри, чтобы внимательно на него посмотреть. Ветер тут же швырнул в лицо волосы, которые пришлось отводить за уши руками. — Почему ты сразу не сказал? Зачем ей стражи? Что они нам сделают? Чем они опасны?

Керри молчал.

— Ты увидишь разноцветные тени. Держись рядом со мной. Когда до башни останется всего ничего — я отвлеку их, а ты пробирайся внутрь.

— Что они могут нам сделать? — настойчиво переспросила Никс. — Я могу... я могу их сжечь?

Впервые взгляд Керри показался ей пугающим. По-настоящему. Красные ресницы дрогнули, когда он взглянул на нее с прищуром. В глубине черных зрачков как будто мелькнуло что-то еще, что-то большее, нежели просто разум. Как он представился Никс до этого — взрослым, так теперь он показался ей чем-то иным, не человеком вовсе, он был страннее и глубже, чем просто вычурно раскрашенный фрик.

Черные одеяния Керри вились на ветру, как флаги, материя, испещренная золотыми узорами, хлопала, словно крылья. В миг, когда Никс еще не сумела, замороженная этим новым видением, отвести взгляда от его лица, он шагнул ближе, притянул ее к себе за плечи, прижал к груди быстро и крепко, а потом с легкостью оттолкнулся и прыгнул вперед, в пронзительную синь над темно-фиолетовой пустошью.

Мгновенное ощущение падения. Сердце, скакнувшее в пятки и стремительно вернувшееся на место. Беспомощность и восторг, страх и острый, словно лед, ветер.

А потом их дернуло вверх и оказалось, что у черных одеяний Керри красный подбой и они, в общем-то, и не платье вовсе, и даже не плащ, а самое настоящее крыло. Падение замедлилось.

Никс обнаружила, что Керри держит ее на руках и что она успела инстинктивно вцепиться ему в шею. Заставив себя ослабить хватку, она глянула вниз. Голова закружилась мгновенно. Никс зажмурилась, но от этого стало еще хуже. Потому она открыла глаза и увидела перед собой лицо Керри в профиль, белеющее на фоне проносащихся мимо летучих островов.

Всю крошечную, карманную бесконечность, которую длился полет, ей пришлось смотреть на это лицо. Красные волосы тяжелой волной отбросило назад, и Никс увидела, что уши у Керри слегка заостренные, самую капельку.

Когда полет кончился, он осторожно поставил ее на землю.

Ноги не держали совсем, тряслись, и Никс рухнула вниз, больно саданувшись ладонями

об пористый черный камень.

Действительность морока перестала вызывать какие-либо вопросы вообще.

Пока Никс приходила в себя, Керри начал развязывать шнуровку возле плеча.

— Ты чего делаешь?! — возмутилась Никола, заметив неладное.

— У меня два крыла, — произнес он, не прекращая своего занятия и одновременно высматривая что-то на горизонте. — Ты возьмешь одно.

— Крыло? Но я ведь не умею...

— Научишься, — произнес Керри с улыбкой, которая, вероятно, должна была быть ободряющей, но вышла, естественно, жутковатой.

Он подошел ближе и, взмахнув черной тканью, укутал ею Никс, все еще сидящую на земле. Протянул руку:

— Поднимайся.

В этот раз Никс не стала отвергать его помощь. Но в тот же миг, как удалось встать, она пожалела об этом. Керри, воспользовавшись инерцией, снова заключил ее в объятия.

— Хватит, — прошептала Никс, уткнувшись лицом в прохладную черную ткань, — хватит. Отпусти меня. Что ты... Зачем ты это делаешь?

Керри не отпускал — он что-то делал там, у нее за спиной.

— Что ты там завязываешь или связываешь? Нельзя... так нельзя! — Никс подняла руки и уперлась ему в грудь ладонями в ссадинах, пытаясь его оттолкнуть и понимая тут же, что сил не хватит. — Иначе я...

— Давай, — проговорил Керри полурывком-полушепотом, наклонившись к самому ее уху. — Не сдерживай своих порывов.

И это было уже слишком. Этого оказалось достаточно. Этого было, в общем-то, уже чересчур.

Никс призвала огонь.

Но пламя выискала какой-то другой, непривычный путь. Жар, который должен был опалить Керри там, где его касались израненные ладони Никс, сконцентрировался сначала на кончиках ее пальцев, повернул и собрался где-то внутри нее самой, на уровне солнечного сплетения. Керри разомкнул объятия, только для того, казалось, чтобы продолжить издеваться: он положил обе ладони, одна на другую, Никс на живот чуть выше талии, и, отводя руки медленно, извлек будто бы из ниоткуда светящийся канареечно-желтым кривой кинжал.

Никс отшатнулась.

Показалось, что стало темней. Показалось, что изнутри ее сейчас сплющит внезапно разверзшаяся пустота. Вокруг плясали, как будто вода хоровод, летающие острова, красные волосы Керри вились змеями, трепетало исчерченное золотом крыло, а внутри, да, там, прямо за ребрами, — зияла холодная бездна тьмы, такая, в которой не бывает эха, которой не предусмотрено конца.

Наваждение пропало бесследно так же быстро, как появилось.

— Если я их не удержу — не щади, — сказал Керри, вкладывая солнечный кинжал в дрожащие руки Никс, — и ничего не бойся. Ступай.

— Но... как?..

Никс в растерянности оглянулась. Вокруг плыли острова, вверх устремлялись спиральные лестницы... впереди виднелся белый силуэт Башни Тайны, и стоило Никс подойти к краю обрыва, как она осознала, насколько, в самом деле, эта башня огромна.

— Где у нее вход?

Сооружение казалось монолитным. Основание его терялось в туманах где-то далеко внизу, а золоченая крыша едва проглядывала из-за пушистых кучевых облаков. Белая, гладкая поверхность без окон, дверей и лестниц.

— Чуть дальше, там, где уже не видно нас, а отсюда того не можем узреть мы сами, есть мост-лезвие, он и ведет внутрь башни, — сказал Керри. — Ты же хотела в башню?..

Никс ничего не ответила. Сглотнула, сжимая солнечный кинжал крепче.

— Ступай. И поторопись. Я не уверен, удастся ли... удастся ли выиграть достаточно времени для тебя.

— Прямо вот так и идти?

— Прямо вот так, — Керри снова улыбнулся, и Никс поняла, что прощает ему все это и, более того, верит ему. Может, не стоило так. Может, это будет самая большая глупость, которую ей удастся совершить в своей жизни.

Сон это или нет, а ладони стертые до крови. Башня Тайны — целая — вот она. Крыло кажется тяжелым и бесполезным, но Керри на нем летал.

Никс колотило, как погремушку. Но она знала, что такое храбрость, и знала, как и откуда она берется.

Храбрость — это когда ты просто делаешь.

Сознание требует остановиться, и ты выслушиваешь его истеричный ор, но все равно делаешь то, что нужно.

Никс подошла к краю совсем близко и, запретив себе думать и колебаться, сделала шаг.

Мир рванулся вверх.

Небо в мгновение ока стало красным как кровь. Облака сделались черными.

Крыло хлопнуло, распрямилось и подхватило ветер.

Никс тряхнуло в воздухе, потом пробрало от пяток до макушки. Ветер шевелил вставшие на затылке дыбом волосы и ревел в ушах, как проклятый.

Никс осознала, что не падает, а летит, и крыло слушается ее. Как — непонятно. Казалось, одеяние Керри чувствует каждое ее движение, не движение даже — устремление, задуманное направление, будто воздух, бьющий в лицо — это волна, и крыло режет ее, как лезвия ножниц рассекают тонкий тюль.

Никс пожелала лететь вдоль белой башенной стены, навстречу ветру, и крыло подчинилось.

Из-за края башни показалось настоящее солнце, которого до этого в морозе Никс не видела.

Золотые лучи пронзили туман и проявили пейзаж далеко внизу, словно кто-то сдул пыль с книжной полки. Под красным небом, лелеемая огромным рыжеватым солнцем, лежала цветастая лоскутная земля, причудливая, словно бисерная аппликация, яркая, как витраж.

И, засмотревшись вниз, Никс не сразу заметила тени, мелькнувшие где-то с краю.

Она летела довольно быстро, но все еще не видела никакого моста. Башня была такой огромной, что даже изгиб ее почти не ощущался, стена выглядела практически ровной.

И если на фоне калейдоскопа ландшафтов увидеть тени было непросто, то на фоне белой стены они становились все заметнее.

Багровые облака заполнили уже половину неба. Солнце все еще светило с краю. Тучи его не загорали, но Никс отчетливо поняла, что про время Керри говорил не просто так.

Где же "лезвийный" мост?

Первая тень воплотилась внезапно. В реальность морока ввинтилось, будто бы вынырнуло существо, похожее одновременно на серую растрепанную медузу и на привидение, какими их рисуют дети. Складки бесцветной плоти, от которых отрывались куски и распадались пеплом, колыхались на ветру. Существо летело за Никс, как будто плыло, хотя, казалось бы — как с такой площадью можно лететь?

Что-то было с ним не так. Оно не летело даже, оно перемещалось, скользило, происходило в новой точке каждую секунду, и все это — совершенно беззвучно.

— Да что ж это здесь творится, — Никс опасливо покосилась назад, на существо. — Пепельная гиена, да? Вот ты какая.

А потом из ниоткуда вынырнула еще одна "особь". И еще.

Они были все какие-то не совсем настоящие, как будто бы чуть-чуть прозрачные, неясной степени разумности и настоящести.

Никс сжимала солнечный кинжал в ладонях, моля Потерянного о том, чтобы он уже предпринял хоть что-нибудь, ведь уже, вроде бы, давно пора. Ну хоть бы уже показался мост! Или пускай эти твари окажутся безобидными. Пусть они просто будут страшными, но не видят ее, хотя бы. Или пусть они боятся огня.

Твари иногда заныривали обратно в пустоту, пропадали, но их становилось все больше и они преследовали Никс, словно мушки, летящие на свет фонаря. Никс осознала вмиг: у них нет глаз, но они видят ее, чувствуют ее. Они просто так не отцепятся.

Она попробовала приказать крылу заложить вираж, нырнуть вниз, но оно не послушалось, лишь слегка сменило траекторию, отчего Никс нещадно встряхнуло, да так, что какая-то тесемка развязалась и что-то, успев стукнуть ее по носу, полетело прочь.

Никс стремглав обернулась и успела увидеть, как одна из пепельных гиен проглатывает черную маску с красными узорами на ней.

Что это? На ней была маска? Но как?.. Почему она не ощущалась до этого?

И... кажется, эти твари всерьез намереваются ее сожрать.

Раз они даже маски жрут. Что ж, теперь их намерения предельно ясны.

Багровые тучи полностью заполонили небо.

Где-то сзади что-то вспыхнуло, освещая все вокруг алым. Через секунду Никс догнал гром, оглушительный и плотный, словно вата.

В тот же миг она увидела впереди тонкую, перпендикулярную башне полосу, белую, как снег. Это был он — лезвийный мост.

Но до него еще лететь и лететь. Он виден, он есть, но, как будто бы, недостижимо далеко. Тоненькая ниточка на самом пределе зрения.

Пепельные гиены ныряют из пустоты в пустоту через действительность морока, как дельфины, выпрыгивающие из морской глади в воздух. Они все ближе, и от них отчетливо веет холодом. Они все еще не издают никаких звуков и от этого еще страшней.

Крыло отказывается нести ее быстрее.

Кроваво-красная молния бьет ближе, и в этот раз гром силен настолько, что, кажется, от него все вокруг звенит.

Мост стал приближаться быстрее. Он начал стремительно увеличиваться в размерах и вот уже превратился из тонкой струны в распростертую над бездной белую плоскость, тонкую, но широкую.

Никс всеми своими устремлениями попыталась направить крыло туда, дать ему понять,

что ей нужно. Вопреки ветру и скорости, крыло подчинилось.

Крутой вираж, падение, кувырок и потом — прокатиться мягким мешком по белой металлической поверхности, гудящей от вибрации и ветра, умудрившись не потерять нож, но запутаться напрочь в обмякшем крыле, ставшем снова бесформенной тряпкой.

Никс, отчаявшись, полоснула солнечным кинжалом по черной ткани, и та закрипела, поддаваясь.

Глянув вверх, Никс увидела серый рой, приближающийся к ней с неотвратимостью снежной лавины. Она трижды ударила светящимся клинком, выпугнулась из тяжелой материи, подскочила и помчалась в направлении башни так быстро, как только смогла.

Пускай жрут крыло.

Может, она успеет...

Никс бежала на пределе сил, ощущая свое гроыхающее барабаном сердце где-то в горле.

Казалось, что все напрасно, сейчас пепельные гиены нагонят ее и тоже съедят.

Пошел дождь — странный дождь из глубин морока. Его капли были красными, словно кровь, и теплыми, как... она же. Никс стала скользить, но скорость сбавлять не пыталась. Шлепнувшись через несколько шагов навзничь и выронив солнечный кинжал, она закусил губу, поднялась, бросилась за кинжалом, схватила, обернулась.

Кровавый дождь прожигал в пепельных гиенах дыры, словно они из пены.

Молния ударила в серый рой и три "медузы" упали плашмя на лезвийный мост, растекаясь мерзкими рыхлыми кляксами.

Никс поднялась и стала пятиться. Красный дождь хлестал и по ней тоже, не причиняя никакого вреда.

Она обернулась и побежала снова, вперед, к башне. Теперь она четко видела перед собой черный лаз, в который упирается мост.

Значит, туда.

Надо успеть.

Кем бы ни был этот Керри, навороживший кровавую бурю — он говорил, что времени будет мало. И он, кажется, не соврал.

Когда до черного зева ворот оставалось всего ничего, каких-нибудь двадцать шагов, время остановилось.

Все замедлилось, словно под водой. И потом пришел звук.

Звук, пробирающий до костей. Звук, пронзающий насквозь, выбивающий дух, проникающий в каждую пору, прошивающий, словно тысяча игл, с самой изнанки.

Утробный, низкий плач, зов, крик, стон.

Нечто, сотрясающее действительность морока во всех ее измерениях от начала и до конца.

Каждый, кто был там, слышал это.

Каждый замер, не в силах двигаться и как-то этому звуку противостоять.

Морок вздрогнул и застыл, трепеща.

Через мгновение, долгое, словно удушье, звук стих.

Пепельные гиены, оглушенные и потрепанные, нырнули вглубь, чтоб не сорваться вниз.

Керри подобрал с поверхности моста ошметки изжеванного ими крыла, сжал ткань в руке, взглянул в сторону башни.

Возле черного зева открытых ворот не было никого, лишь ветер трепал останки пепельных гиен, которые стремительно таяли, исчезая.

Светлые размытые силуэты. Один из них особенно ярок. Когда взгляд удается сфокусировать, становится ясно, что это — раскрытое окно, в котором застыл, словно в раме, кусок темно-голубого неба, чистого, безоблачного.

Никс резко села. Оглянулась по сторонам.

Что это за место? Все еще морок? Гиены... надо успеть... но куда? Где вход?.. Паника оглушила на миг, но тут же отступила. Никс осознала, что не успела пробраться внутрь золотой Башни — но не здесь. Что-то ей помешало. Может, до нее все-таки добралась одна из гиен? В таком случае, процесс поедания был каким-то совсем безболезненным. Или, может, этот странный звук...

Неужели... Неужели тонкая зацепка — существование Башни Тайны в Мире Снов — это всего лишь ее выдумка? Там, в мороке, все казалось таким настоящим, таким действительным... Насколько оно настоящее на самом деле? Может, эта башня — лишь проекция ее желания узнать больше о гильдии пророков?..

Никс стало холодно. Она встrepенулась, вытаскивая себя из воспоминаний о сне, который только что прошел.

Белые стены, в окне — тусклая заплатка неба, цветы на тумбочке полевые какие-то... Голубая краска на стенах без единой трещинки. Больничная палата? Но почему здесь так уютно?.. И пахнет... пахнет травяным чаем на молоке, а не лекарствами.

О, а вот кое-чего важного она сразу-то и не заметила, хотя, казалось бы.

На расстоянии вытянутой руки — чья-то макушка. Юноша зачем-то уснул в неудобной позе, сидя, прислонившись спиной к ее постели. Его волосы выкрашены в ярко-зеленый, но вот уже отрастают, поэтому видно темно-русые корни. В ушах у него красные металлические серьги, блестят. И Никс его знает, определенно знает, но вот имя выскочило из головы и никак не раскроется, никак не проявится.

Словно память о Мире Снов заслонила собой память о настоящем.

Никс протянула руку и коснулась его зеленых волос. Он вздрогнул, почувствовав прикосновение, распахнул глаза, обернулся к ней.

— Ух... Никс!

Его обветренные губы растянулись в широкой улыбке, а карие глаза засияли.

— Как ты? — он сел поудобнее, опираясь теперь локтями на край кровати. — Ты проснулась! Принести чего-нибудь? Пить хочешь? Мы тут все... То есть я... в общем, ты нас напугала изрядно!..

— А что? Что, вообще, было? Со мной...

Да как же тебя зовут, бойкий ты, восторженный человечек? Вспомнись же, ну пожалуйста.

— Ты не помнишь?

Ничего не помню, но тебе не скажу. Потому что тебя не помню тоже, хотя знаю, что ты — не чужой.

— В моей голове все как-то перемешалось, как в миксере, — произнесла Никс вслух. — И пляшет... Я помню только башню... и Фантасубвеструм... И Керри. Да... И то, что мы не успели сделать то, что нужно. Я не успела пройти лезвийный мост. И, кажется, я потеряла

его крыло. Пепельные гиены сожрали его... как ту черную маску.

Зеленоволосый взял ее за руку, за запястье. Тиха. Тихомир Одиш, брат Аристарха Одиша, водит минивэн, что-то скрывает, носит серый пуловер и широкие брюки, хотя мог бы носить и узкие — ему бы пошло. Он кажется умным, если с ним наедине, и кажется странным, если есть кто-то еще. Он очень легко поддерживает словесные игры и готов выступить в роли глупца, если его не хватает для того, чтобы шутка удалась. Он запросто загорает, но его нос все равно шелушится — самую малость. Пальцы у него сухие и теплые, крупные, немного шершавые. Да. Это Тихомир Одиш.

Никс смотрела на него, оглушенная всколыхнувшейся, ожившей памятью, а Тиха не отводил глаз, держал ее руку ласково, и говорил, улыбаясь:

— Звучит, конечно, как бред, но это нормально, ты ведь только проснулась, — он сжал ее пальцы крепче. — А мы тут уже такого понапридумывали! Что надо на север идти, чинить какое-то зеркало, и вообще... Предков твоих позвали с континента, чтоб было, кому за тобой приглядывать. А я тут, пока ждал, уснул. Я даже не думал, что...

— Предков, говоришь, — протянула Никс, осознав масштабы произошедшего. — Наверное, ты имел в виду опекуна.

— Точно.

— Это вы зря... наверное. Наверное, зря.

— Да все равно, — сказал Тиха, склоняясь к белым простыням и целуя Никс в ладонку. — Я все равно жутко рад, что ты проснулась. Не потому, что идти никуда не пришлось, не подумай, а просто потому, что...

— Тиха, — она произнесла его имя шепотом, на выдохе. Сердце вдруг застучало где-то в ушах. — Т-тебе не кажется, что такого рода вещи не стоит... не стоит делать... хм, видишь ли, я думала, что такого рода вещи... начинаются как-то иначе, что ли.

Он улыбнулся, не размыкая губ, опустил взгляд и снова поцеловал ее в ладонь, на этот раз чуть дольше, чем следовало бы, оставив на коже крохотный влажный отпечаток.

— Да я бы и рад начать как следует, но получилось вот так, — он взглянул ей в глаза. — Но разве ж это что-нибудь меняет.

Никс в момент стало жарко и душно, и она физически ощутила, что стремительно краснеет. С чего бы? — казалось бы! — а вот. Локти дрогнули и вся сила из рук куда-то делась. Ее ладонь безвольно выскользнула из пальцев Тихомира.

Никс опустила голову так, чтобы волосы по возможности прикрыли лицо.

Хотелось куда-нибудь срочно деться.

Хоть бы обратно в сон провалиться!

Нет же.

Реальность оказалась не без характера, и просто так прогибаться не стала.

— Я позову врача, — проговорил Тиха, поднимаясь. — И... извини, если что. Я просто... обрадовался очень. Скоро вернусь.

Я оставил Берсу сторожить вещи у запертой Тихиной машины, а сам отправился внутрь лечебницы, чтобы, собственно, призвать владельца транспортного средства наружу. Звонить ему мне как-то в голову не пришло. Я был уверен, что Тиха в палате, на посту, как штык.

Ан нет. Дверца скрипнула, открываясь, шторы всколыхнулись — и медсестра со шваброй обернулась ко мне, глядя устало и безрадостно.

— Посторонние, на выход. Уборка.

Час от часу не легче.

— Вы не подскажите, куда перевели...

— В регистратуру, — ответствовала печальная женщина.

Я, чуя неладное, отправился, куда послали — на первый этаж, стучаться в маленькое зарешеченное окошко.

Работница регистратуры обрадовала меня пуще уборщицы, заявив, что пациентку из заявленной палаты выписали несколько часов назад, а больше информации она мне изложить не может, мол, по правилам не положено.

Смутное беспокойство, начавшее копошиться где-то на задворках разума еще когда я заглядывал в пустую палату, усилилось. Я направился на выход, выбивая каблуками дробь по скрипучему больничному паркету.

Солнцу хватило тех десяти минут, что я был в лечебнице, чтобы нырнуть за гнутый хребет старой горы на западе, и сумерки загустели, словно сироп. Я снял очки и сунул их в тряпичный чехол, а затем в карман. Все равно при таком освещении от них никакого проку.

— Рейни! — издали окликнула меня Берса. — Где Тихомира забыл?

Я подошел к ней, к машине, к двум плотно утрамбованным походным рюкзакам с пожитками — моим и ее.

— Николу выписали несколько часов назад.

Берса подобралась, даже от пыльного бока минивэна отлипла.

— Что? Бродяжке звонил?

— Нет.

— Звони!

— погоди, дай подумать. Машину бы Тиха не бросил. Стало быть, он где-то тут, недалеко.

Я огляделся по сторонам.

Итак, позади у нас дорога, а за ней крохотный поселок в несколько десятков одноэтажных домов. Сбоку, за лечебницей — железнодорожная станция. А впереди у нас спуск к морю, и там...

— Кей, глянь — мне кажется, или я вижу костер?

Берса посмотрела туда, куда я показывал.

— Похоже на то. Да, свет как от костра.

Я уже набирал Тихомира.

Гудки шли долго, и я было перестал надеяться и не сбрасывал звонок просто из-за упрямства, но динамик наконец прокашлялся и оттуда донеслось задорно-провокационное:

— Чего опять?

— Ты куда пропал? Что с девчонкой?

— Я с ней. И курица с грибами под сливочным соусом и сыром.

— Ах ты... Это твой костер на берегу? Почему сразу не позвонил?

— Поспеш, — напевно прогудела трубка, — может, и тебе достанется.

И тишина.

— Пойдем, — бросил я Берсе, пряча телефон.

— А вещи? — запротестовала она не слишком уверенно.

Я помолчал, снова глянул по сторонам, констатируя полнейшую, беспросветнейшую глушь.

— Ты — как хочешь, а я беру деньги, спальник и еду. Остальное пуцай воруют. Может,

мой тельник согреет хотя бы их, ежели так хреново греет меня.

К берегу мы спустились быстрее, чем за пять минут: он оказался куда ближе, чем мне померещилось в сгущающейся темноте. Продравшись через лесополосу, выбрались на мелкий желтый песок.

На полпути к морю горел средних размеров костер. На подстилке, спиной к нам, сидела Никс, и силуэт ее чернел на фоне пламени, словно клякса. Я даже приостановился ненадолго, чтобы полюбоваться тонкой девичьей фигуркой и осознать, что все, в общем-то, хорошо. Все разрешилось. Едем дальше. Живем, стало быть. Ура.

Тиху я поблизости не увидел — отошел куда?..

Никс обернулась, когда мы подобралась ближе. Она ничего не говорила, просто смотрела.

Я же впервые за долгое время не знал, что говорить. Берса тоже молчала где-то у меня за спиной.

Я подошел к костру, уронил спальник на песок, сел на него. Выудил из сумки с едой вино, батон и штопор.

Глянул вбок — Кей возилась со шнуровкой высоких кед.

— А Тиха где? — спросил я у Никс, откупоривая бутылку.

Она смотрела на меня загнанным зверьком. В темноте сверкали блики в ее глазах, словно две маленькие свечки — и я различал это даже без очков, что удивительно.

— За дровами пошел, — наконец ответила Никс. Говорила она как-то безучастно и слегка обреченно. — Вон, возвращается уже, что-то тащит здоровое.

Я глянул за спину и с трудом различил в темноте копошение: Тиха, и правда нашедший в лесополосе выдающихся размеров корягу, был еще далеко. Я снова обернулся к Никс и, за неимением лучших тем, констатировал очевидное:

— Итак, ты проснулась.

Никс сжалась еще сильнее.

— Рейни, ты дуб, — вдруг заявила Берса. Поднялась. — Впрочем, это подождет. Я — проверю воду, сами разбирайтесь тут.

И она побрела во тьму, к воде.

Я вздохнул.

Никс молчала и на меня не смотрела, безотрывно гипнотизируя костер.

— Предлагаю выпить, — я откупорил бутылку, — за то, что нам таки не придется тащиться на крайний север и творить там незнамо что, — я сделал первый глоток. Сладкое и теплое вино тут же стало греть меня изнутри, как грело всегда, оправдывая мою, возможно, чрезмерную любовь к высокому градусу. — Тиха тебе все рассказал?

Никс кивнула.

— И что ты думаешь по этому поводу?..

Никс все так же смотрела в огонь, молчала. Мне показалось, что она не собирается ничего отвечать.

— Было бы лучше, если бы я успела пробраться внутрь, — все же произнесла она.

— Внутрь чего?

— Внутрь Башни Тайны.

Никс перевела взгляд на меня, и я застыл, почувствовав слабое прикосновение ее магии. А девчонка-то на самом деле в ярости. Не то чтоб совсем — ярость ее сейчас под контролем, но она, определенно, есть. Она скованна, ее сдерживают разум и железная воля хозяйки, но

факт остается фактом: у девчонки сейчас такие демоны внутри шалют, что мне стоит тоже собраться и быть наготове — на случай, если она вдруг сорвется.

— Никс, я не могу понять тебя настолько полно, как мне хотелось бы. Может быть, ты объяснишь...

Я замолк, не закончив фразу, потому что Тиха наконец дотащил свою монстроидальную корягу к костру.

Старший Одиш выглядел цветущим и бодрым. За пояс у него был заткнут походный топорик.

— Что это вы тут уже творите без меня? — поинтересовался он. — О, винцо. Предусмотрительно.

— Так где там курица и сырный соус? — спросил я.

— Сливочный соус, сливочный, — поправил Тиха. — Значит, каким образом я все это организовал в походных условиях, тебя не волнует? — он достал топорик и принялся за дело. — Надо было вам поспешить, короче.

— Так я не понял, когда я звонил, все еще было или давно уже кончилось, и ты про курицу сказал просто, чтоб подразнить?

— Чтобы похвастаться, — он залихватски мне подмигнул.

Я покачал головой — ну что тут приличного скажешь. Вздохнув, обратился к Никс, предлагая ей вино:

— Будешь?..

Она не шелохнулась, не протянула руки. В ее взгляде был то ли немой укор, то ли невысказанная обида. Рановато как-то.

Мне бы действительно не хотелось, чтобы ко всем ее тайнам и секретам прибавился еще один. Это совсем не то, на что я вообще рассчитывал. Надо бы ее как-то разговорить...

— А что за вино? — спросил Тихомир, отвлекаясь от разделки сухой коряги.

— Так, э нет, я не тебе предлагал, а Никс, — заметил я.

— Сегодня воскресенье, значит, завтра мне на учебу, — произнесла Никола по-прежнему тихо, отстраненно глядя в огонь. — Мне, в общем-то, не холодно, так что я вас не поддержу.

— Да ладно, один денек можно и пропустить, — доверительно сообщил Тихомир. — Это на первом курсе кажется, что нельзя. Но на самом деле — можно. К тому же, надо отпраздновать твое чудесное исцеление.

— Чудесное... — повторила за ним Никс, хмурясь.

— Ну, знаешь, когда в дело вступают старинные загадочные артефакты, которые смущают и пугают суровых старых магов — это достаточно интересно, — признался я.

Никс вздохнула.

— Ну, теперь никому никуда не надо. Эль-Марко вы тоже зря с места сорвали. Я же проснулась. Хоть бы день подождали, что ли...

— Конеч-ечно, день, — произнес Тиха, снова оторвавшись от своего занятия. Подошел к костру с топором в левой руке, отчего, на мой взгляд, заговорил гораздо убедительнее: — После красных бабочек, сгорающих пеплом, стихов с горящими глазами, непробуждаемой тебя и шарахающегося от стекляшки бородатого чтеца. Конечно, тут погодить денек — самое оно.

Никс, и так обнимающая себя за коленки, сжалась еще. Хотя, казалось бы, дальше некуда. Еще чуть-чуть — и сколлапсирует.

— Это не смертельно, — выдавила она. — Даже если... если я засну еще раз, это не страшно. Я, кажется, поняла... Тот звук, который все пронзил — это и был Зов, о котором говорил Керри. Я думаю, меня обратно призвал он же. Звук, который...

— Так дело не пойдет, — перебил ее я, и она уставилась на меня, похожая на всклокоченную сову. — Давай, что ли, с самого начала. Потому что я вообще ничего не понимаю. А эта штука помогает согреться мне, — я протянул ей вино, — а тебе, возможно, поможет расслабиться и перестать копить секреты и недомолвки.

Никс колебалась. Я видел это отчетливо. Ее грызет изнутри какое-то неразрешимое противоречие, и дело тут не в вопросе трезвости. Возможно, она взвешивает, насколько может быть откровенной.

И пока она думает, принимать ли из рук моих бутылку красного сладкого и доверять ли вообще нашей странной компании, на небе рассыпаются звезды, — по широкой, длинной дуге, мерцая и подрагивая, и расплываясь для меня в смазанные капельки-огоньки, похожие на снег или мутные пятнышки на стекле. Жаль, что диоптрий уже не хватает, и, даже надев очки, я не увижу звезды так, как видел их раньше.

Никс приняла вино и, помешкав пару секунд, все-таки отпила.

С берега вернулась Берса в мокрой, потемневшей от воды джинсе и уселась прямо на песок, подставляя огню длинные угловатые пальцы с обломанными ногтями.

— Может, хоть по сосисочкам, опоздашки? — с заботливой издевкой спросил Тиха, разобравшись с корягой.

Море шумело, костер облизывал толстые кривые ветки, печеный на костре "деликатес" пах одуряюще. Никс расслабила плечи. Вскоре, минут этак через двадцать, она и вовсе села свободнее и даже начала улыбаться. Может, это и не ее на самом-то деле отпустило, а нас. Может, это я перестал подбирать слова и пытаться осознать происходящее сверх того, что и так понятно.

И тогда, слово за слово, она поведала нам об удивительно ярком и на удивление запомнившемся сне, о красноволосом Керри, которого она никогда до этого не видела, о пепельных гиенах, проваливающихся в никуда, о небесном ките и корабле Фантасубвеструме, и о Башне Тайны, в которую она почти что пробралась, если бы ее не выбил из морока (а это был именно он) страшный, чудовищный Зов.

Песок совсем остыл. Тепло его можно было прочувствовать, лишь зарыв ступни в рассыпчатую толщ и добравшись до слоя, хранящего отголосок дневной жары.

Мы начали потихоньку собираться. Чтобы работа не пропала зря, Тиха бросил в костер оставшиеся ветки, и пламя взмыло вверх, в свежую, безлунную ночь, в усеянную звездами непроглядную синеву.

— Ай, один раз живем! — заявила Берса, заправляя волосы под жилетку. Потом она разбежалась и прыгнула через костер, прикрывая лицо руками. Пробежав пару шагов, Кей плюхнулась на песок и расхохоталась.

Тиха принял вызов. Подошел к костру чуть ближе, чем следовало бы, замер, что-то просчитывая, сделал два шага назад, напрягся, ринулся вперед и сиганул через пламя, свернувшись как-то хитро, так, что приземлился на песок кувырком.

— Во дает! — восхитилась Кей. — Акробат!

— Ну, а я как-то без фокусов, — сказала Никс, поднимаясь с песка и явно намереваясь последовать примеру Тихи и Берсы, — или с фокусами?

— Эй-ей, не думаю, что этих ребят есть резон удивлять, — вмешался я, перестав

сворачивать спальник.

— Давай с фокусами! — махнул рукой Тиха. — Это же огонь — твоя стихия!

Никс посмотрела на меня дерзко и с вызовом. Всего на миг, но этого мне хватило, чтобы ощутить, как рвется наружу ее волшебство, то самое, которое ей запрещают все, кому не лень. Внутри этой девочки живет не просто дар, а, кажется, какой-то огненный демон — и это я уже давно понял, но именно в такие моменты я его отчетливо "вижу". И это, конечно же, аллегория, но назвать как-то иначе характер ее магии я не способен.

Она распустила волосы. Конечно, ведь огонь подчиняется ей. Она ничего у меня не спросила — конечно, она делала так сто раз, и здесь, сейчас, у костра, я ей не куратор и не советчик. Она не разбегалась и не прыгала — она спокойно и медленно вошла в огонь. Под ее босыми пятками захрустели ветки, и восходящие потоки воздуха подхватили рыжие волосы, взвились вокруг рук и тела яркие огненные змеи.

Берса перестала улыбаться, Тиха дернулся, но мешкал. Я ничего не предпринимал, зная, в каких отношениях огненные элементалисты с настоящим пламенем.

Никс раскинула руки в стороны. Костер оживился, заискрил, приобрел форму. Что еще, кроме огненных крыльев, могла придумать девочка ее лет? Правильно, ничего. И ничего не придумала, — а потому языки пламени сложились в два широких, острых крыла.

И она, кажется, начала танцевать. Ничего быстрого, ничего специального — плавные простые движения рук, вторя которым рассекают звездную ночь огненные крылья. Поворот, наклон, изгиб.

Я никогда не понимал танцев.

Но, стоит признать, я совершенно четко осознаю, почему именно Берса и Тихомир смотрят на нее так. Обычная магия (если можно ее так называть) — она спецэффектов не подразумевает, ежели маг не позер или не эстет. А тут им показывают представление. Простое, но в сущности своей эффективное, эффектное. В танце, по сути, и без всякого волшебства оживает миф: исполнитель дистанцируется от тех, кто на него смотрит, встает один против всех, становится мертвым среди живых, балансирует на тонкой грани. И, замерев на цыпочках между светом и тьмой, между пламенем костра и бархатом леденяющей ночи, он становится проводником между тем и этим светом, связующей нитью, проводом, словом, основой, на которой держится вместе абстрактное наше "все": время, пространство, жизнь.

И пламя вспыхнуло ярче, ослепляя нас, лишь для того, кажется, чтобы погаснуть полностью в тот же миг.

На долю секунды берег и ближайший лес заполонила звенящая тишина.

В следующее мгновение все вокруг пронзило магией насквозь, да такой, что я тут же полностью протрезвел.

Передо мной на месте костра возникло пепелище, вокруг него тлели разбросанные угли, а в центре вместо Николы Рэбел сидел, скрючившись, кто-то другой.

Существо дернулось, и темные космы неразличимого в ночи цвета явили белое как мел лицо. Затравленным, диким зверем смотрело оно на меня, упершись тонкими когтистыми пальцами в перемешанный с пеплом песок. Казалось, ему тяжело и оно больное — руки его подкашивались, тело трясло, а вставать оно даже не пыталось.

— Это же... Это же земли исхода. Как же здесь... темно, — проговорило оно, и голос был не женским и не мужским — нежным, плавным, глубоким и слишком спокойным.

— Так, парни, не подходите к нему, — громко предупредила Берса, подскочив с песка и

одновременно пытаюсь добыть огонь из зажигалки. — Подальше отойдите! Рейнхард! Чего сидишь? Что ты смотришь на него, как баран?

Глухую ночь пронзил свет карманного фонарика. Кей перестала чиркать заартачившейся зажигалкой.

Существо прикрыло глаза тощей ладонью, щурясь.

Ага.

Красные волосы. Черный, золото, кровавые узоры на белой коже.

Вот этого нам еще не хватало.

— Тиха, не свети ему в глаза, — попросил я по возможности мягко. — Кей, не паникуй.

— Ты знаешь, что это? — спросил Тиха сурово, полуутверждающе, просьбы моей не удовлетворив.

— Догадываюсь, — протянул я осторожно. — Это тот самый Керри, о котором рассказывала Никс, если ты не слушал. Хотя мне казалось, что ты слушал.

Тиха цыкнул и стал светить в песок, Керри опустил руки и начал оглядываться по сторонам. Берса находилась за ним, похожая отчего-то на вытянувшуюся по струнке хищную птицу и, кажется, при этом умудрялась пятиться куда-то влево.

— Это — изначальный мир, да? — спросил Керри, моргая ресницами цвета перезрелой вишни. — Как я... где... зачем я тут?

— Меня больше интересует, где сейчас Никс, — произнес я.

— Задняя пятка подсказывает мне, что она теперь там, где раньше был он, — сказал Тиха.

— Такое возможно? — недоверчиво спросила Берса, незаметно подобравшаяся ко мне справа.

Мы втроем молча уставились на Керри.

— Возможно ли поменяться местами с кем-то из морока? — озвучил я общий вопрос.

— Я... мне не ведомо, — произнес Керри.

— Как-то стремно оно разговаривает, — хмыкнула Берса.

Я подошел ближе к Керри, сел на корточки рядом.

— Эй-ей, Рейни, может, ты близко так не подходи? — снова начала Кей.

Тиха ее поддержал:

— Вдруг оно хищное?

Я смотрел на Керри, оценивая его по возможности объективно. Тощий. Да. Мяса мало, самый необходимый минимум. Скелет развитый. На вид — от восемнадцати до тридцати, точнее не скажешь. Подрагивает. Может, замерз? Явно растерян. Однозначно подчиняется физическим законам. Символы на золотой мантии мне незнакомы. В глаза не смотрит, но то и дело поглядывает куда-то вверх, на звезды, мельком, как будто что-то там, в сверкающей синеве, манит его. Ведет себя тихо, не дергается. То ли боится, то ли не хочет спугнуть.

— Ты хищное? — спросил я.

Керри молчал, поджав красные губы. Потом все же взглянул мне в глаза на миг, виновато улыбнулся, обнажая черные острые зубы, пожал плечами:

— Вероятно.

— Как насчет того, чтобы рассказать нам, какое отношение ты имеешь к Никс и куда она запропастилась? — предложил я.

— Никс — это юная дева, чья сила обратилась в пламенный кинжал — зерно огненного вихря? Такого оружия я давно не видал, коль не лукавить, — стал степенно говорить Керри.

Мне показалось, что он специально растягивает ответ. Возможно, конечно, он медлит из-за того, что это дает ему время на раздумья, а, может, собственная речь просто его успокаивает? Керри продолжил: — Печалит меня чрезмерно то, что открыть я вам не способен, имеет ли место связь между мной и огненной чародейкой. Я...

Берса нависла справа, и Керри замер на секунду, глядя на нее. Я тоже посмотрел. Перевел взгляд обратно на Керри.

— Я исполнял свой долг, — продолжал он, сглотнув, — я зашел внутрь Башни Тайны, в которую так хотела попасть юная дева, чтобы проверить, нет ли там пепельных гиен. Они и другие химеры глубинных троп особенно беспокойны в сей час. Морок наполняется к ночи спящими, и исконные обитатели много печалей имеют из-за того, что чужаки бродят по их угольям, заглядывают в норы и гнезда. Я же сторожу морок от излишних волнений и вот...

— Стоп-стоп-стоп, — я поднял ладонь. — Погоди. Ты... Ты — оберегаешь морок от треволений? Ты, вроде как... страж?

— Да, — Керри степенно кивнул, и колокольчики в его волосах мягко тренькнули.

— "И выплавит солнце из кварцевого песка последний хранитель снов..." — пробормотал Тиха. — А тут у нас песка...

— Ой нет, — я взялся за голову. Догадка показалась правильной и оттого чудовищной. — Нет-нет-нет. Только не это. Керри... Ладно, бог с ней, со связью, но скажи мне... возможно ли, что кто-то другой, кроме тебя, станет стражем морока?

— Этого мне неизвестно, — ответил Керри, покачав головой.

— Кто-нибудь оберегал морок до тебя? — это спросила Берса.

— Сколько я помню себя, я был всегда такой один, — ответил Керри. — Всегда. А было ли что-то раньше... наверное, ничего и не было.

Я поднялся, повернулся к Тихе и Кей. Звонящая пустота в голове была словно вакуумная прослойка в термосе, защищающая мой здравый разум от сотен слабо обоснованных предположений и десятков натянутых теорий, готовых вот-вот завихриться и вскипеть в мозгу, стоит лишь дать им волю. Эмоции пока тоже стоило бы придержать. Сейчас не время укорять себя в глупости и беспечности. Хотя я мог бы.

— Итак, ребята, — произнес я серьезно. — Я редко такое говорю, так что вы лучше об этом инциденте помалкивайте. Внимание, барабанная дробь... — я сделал намеренную паузу, убедившись, что всем меня слушают. — Что нам, Потерянный его дери, делать?..

— Что-что, — хмыкнул Тиха. — Во-первых, к этому Керри ты лучше спиной не поворачивайся — это раз. А два... Складывай спальник. Предстоит далекий и нелегкий путь. Хотя... он будет все же чуточку легче, чем мог бы быть. И чуточку сложнее, чем рассчитывал я. Потому что дело ясное — никуда поход на север не отменяется, осколок этот — единственное, что объясняет всю эту нелепую чепуху с засыпаниями, пробуждениями и прочим относительно здраво. А красноволосого уродца нам надо брать с собой, потому что чую я, что он знает побольше нашего, пускай и не говорит.

— Ну, не такого уж и уродца, — промурлыкала Кей, подмигивая Керри, который, в свою очередь, взял и натурально покраснел. Кей хихикнула и разулыбалась от уха до уха. — А может, нам эту очаровашку добавить по вкусу в костер? Обратно. Вдруг сработает?

— Я бы предпочел избежать такой участи, — тихонько заметил Керри.

— Никс колдовала, — произнес я уверенно. — Так как заклинаний она знает всего пару штук — это было что-то ее собственное, интуитивное. Сила, замешанная на таланте и воображении. Пламя, само по себе, в заклинание не сложится.

— Да пошутила я, — Кей мотнула головой, — что я, изверг, что ли? Но, по сути, что вообще мы можем сделать сейчас?

Стало тихо. В мое сознание, занятое вопросами без ответов, пробился холодный шепот близкого моря и влажное шуршание прибрежного ветра.

— Холодает, к тому же, — добавила Кей. — Ты не чувствуешь разве?

О, я чувствовал. Еще как. Но, в отличие от нее, давно привык абстрагироваться.

Тиха и Кей смотрели на меня, как будто ожидая команд.

Керри водил длинными тонкими пальцами по песку, судя по всему, совершенно им очарованный.

А я к тому моменту не спал уже больше двух суток.

— Тиха прав, — произнес я наконец. — Осколок зеркала и слова Абеяра — единственные зацепки, которые у нас есть. И вот еще он, — я указал на Керри. — Необходимо узнать, располагает ли он информацией, которая могла бы нам помочь. Кроме того, не оставлять же существо из морока на пляже возле помирающей деревеньки? Значит, надо брать его с собой. Но вот еще что. Осколок заставил Никс уснуть, а про исчезновения целиком и переходы в морок Абеяра ничего не говорил, и про Зов тоже. Следовательно, информация устарела. Кей, — я повернулся к Берсе, — звони ему снова.

— Я бы не стала, — она покачала головой.

— Почему?

— Чую ягодицами, не стоит. Но я позвоню.

Кей полезла в карманы шорт за телефоном. Я обернулся к Тихе.

— Проблеск совести у Рейнхарда Майерса ослепителен, как взрыв сверхновой, — оскалился он.

— Это ты про Керри? Ослепительной была волна от магии, что выплеснулась, когда Никс пропала.

— Точно, — кивнул Тиха. — Даже я почувствовал.

— У тебя же сохранилась та карта, на которую ты перенес точки перехода в морок, когда весной зависал в усадьбе некроманта?

— Спрашиваешь, — он ухмыльнулся.

— Ты ни разу не пробовал ею воспользоваться?

— Да как-то другие дела накатили...

— Ясно.

— Ты предлагаешь... — Тиха глянул на Кэрри неуверенно, — раз уж Никс наверняка в мороке, причем во плоти... попробовать отправить его обратно?

— Или пройти за ним. Или вместо него, — ответил я. Обернулся к Кэрри: — Слушай. Ты вообще как — хочешь вернуться обратно, к себе?

— Еще не знаю, — признался тот.

— Хорошо. А Никс помочь хочешь?

— Пожалуй, я мог бы, если бы знал, как...

— Отлично.

Я подошел ближе и протянул ему руку.

— Хватайся, помогу встать.

Кэрри медлил.

— Ты что творишь, Рейнхард? — всполошилась Берса, оторвавшись от телефонного разговора. — Думаешь, он правил не знает?

— Гляжу, знает, — хмыкнул я, — и именно поэтому медлит.

— Тебе жизнь, что ли, не дорога? — не унималась Кей. — А что, если...

— Я рискну.

— Не смей!

Она со всей дури шлепнула меня по протянутой руке и сама ухватила Кэрри под локоть. Напрягшись, Кей помогла ему встать.

— Не прикасайся ни к кому из магов, — заявила она слегка ошарашенному гостю из морока. — Протормозишь — помрешь! Оно тебе надо?

Кэрри был явно шокирован. Я, кстати говоря, тоже.

Берса потянула Кэрри за собой:

— Все в машину!

— Ты платья-то ему подбери, — в спину им крикнул Тиха. — Навернетесь!

— Дурдом, — резюмировал я.

Когда мы добрались до минивэна, оказалось, что вещей никто все-таки не украл. Мы утрамбовались внутрь. На этот раз мне досталось место возле водителя.

Я обернулся в салон и увидел там взъерошенную Берсу и совершенно осоловелого Кэрри.

— Кей, — произнес я, — так ты дозвонилась Абеяру-то?

— А? Что? Нет, — она покачала головой, — занято. Три раза звонила ж. Могу еще попробовать, но это будет уже как-то навязчиво, нет?

— Ладно, фиг с ним, прорвемся.

Тиха провернул ключ зажигания и мотор в стальной утробе нежно зарокотал.

— Итак, прежде чем мы покинем город и, собственно, полуостров, — проговорил он, равняя зеркало заднего вида, — подумайте: все все взяли? Мы все сделали, что надо? Ничего не забыли?

Я молчал, думая, что и как. Мысли не складывались.

— Эй, ему бы одежды какой нормальной, — послышался сзади голос Берсы. — Мое на него маловато будет, да и женское. Рейни, ты ж вроде примерно того же роста, у тебя запасные вещи есть?

Я обернулся к ним.

— С собой — только нужное, да и то... ты ж знаешь.

— Ну, значит, надо заехать к тебе.

— Карта в бардачке, — намекнул Тиха, выжимая сцепление и выворачивая руль. — Поехали.

Дальний свет выхватил из ночи куски проселочной дороги. Лечебница "Ласточка" осталась черным силуэтом на фоне звездной россыпи, а вскоре и вовсе растворилась в ночи. Я развернул карту, подсвечивая себе фонариком, выданным Тихомиром.

— Вот эта ближайшая к городу точка — возле западного маяка — это оно? — спросил я. — Сможем посетить по пути как раз.

Тиха мельком глянул, куда я показываю.

— Оно. И вон там, в лесу — тоже оно, вроде бы.

Он замолчал, а потом добавил задумчиво:

— Раньше у нас было целое лето... А теперь... Теперь у тебя есть ночь, Рейнхард, чтобы понять, как именно это работает. Если на рассвете, когда мы доберемся до места, у тебя ничего не получится — вернуться и попробовать еще раз будет проблематично. Я поведу нас

на север, и сам понимаешь, что это значит.

Машина выбралась с проселочной дороги на трассу и пошла мягче и быстрее.

— Что ж тебя тянет-то на север так, — проворчал я, уже не думая о том, что говорю.

— Потому что там мы точно сможем узнать, кто есть кто, — ответил Тиха.

— Что же тебе нейдет, Бродяжка. Что за дух соперничества, ни на чем не основанный?

— А вот.

— Может, ты в меня влюблен? Хранишь фотографии под подушкой, записи в плеере?

— Ты, Рейни, конечно можешь думать, что хочешь, но если тебе вдруг — вдруг! — неостанет в этой жизни любви и ласки, то ты обращайся. Единственное что — я несколько мнителен и боюсь за свое здоровье, поэтому тебе придется быть снизу, не обессудь.

— А отморозить себе прямо сейчас ты ничего не хочешь?

— Мальчики, — Берса приобняла оба кресла и возникла посередине, — вы так невыразительно переругиваетесь, что мне аж печально. Рейни, ты, может, поспи, в самом деле? У тебя лицо помятое, как котлета.

— Да мы через полтора часа доедем уже, — заметил Тиха.

— Ну вот полтора часа и поспит пусть.

Тиха цыкнул и включил радио. Я откинулся на мягкое кресло, пахнущее мехом и пылью.

Негромкая музыка смешалась с дорогой, с пролетающими мимо столбами, деревьями, указателями, поворотами. Невысоко над горизонтом проявилась луна, доселе скрытая холмами.

Проникнуть в морок через точку перехода.

На заднем сидении едет существо оттуда и смотрит на ту же луну, что и я. Мой план по спасению утопающего в лице меня трещит по швам. Страшно. Бессилие. Беспомощность. Лавина непобедима, лавина необъятна, всепоглощающая, смертоносна.

Но пока что она — где-то там, за тонким ледяным стеклом, воздвигнутым разумом. Что ж... надо решать проблемы по мере их поступления.

Разберемся.

Пускай это выходит за рамки, пусть.

А Берса что-то скрывает. Станет ли... нулевой элементарист касаться пришельца из морока?

Нет. Она не рискует по пустякам. Она параноик, как и я. Она наврала мне. Хотя и не обязана была говорить правду, конечно же.

И она допустила ошибку.

Она защищала не его — меня.

Инстинкт, чутье, предосторожность, знание?..

Я не думаю, что пробраться в морок во плоти так просто. Не думаю. Я не знаю, что позволило провалиться туда Николе Рэбел без всяких точек перехода.

Тиха говорит — ночь на то, чтобы понять?

Есть способ упростить себе жизнь, есть, но я не стану его использовать. Я не буду просить этой помощи, не стану идти этой дорогой, пока меня не припрут к стенке. Есть еще время и есть границы дозволенного даже у таких, как я.

И, думая так, я сомкнул ненадолго веки. Слово пелена черного тумана укрыла явь, и мне, вроде бы, снились какие-то иные миры — морок ли это был, тот, в который мы стремимся пробраться, или это были образы, рожденные моим собственным сознанием,

замешанные на тревоге и знании? Бледные мотыльки летели сквозь ночь, обращаясь в снег.

Ночь текла, будто река, вне ледяного гроба.

Музыка прорастала через иссиня-черный туман чьей-то чужою песней.

Давай ты будешь из города дверей,

А я — из замка, выросшего на горе.

Ты будешь девочкой, упавшей в реку при игре,

И разноцветные твои одежды вымокнут в крови.

Но только никому не говори

Куда уйдем мы завтра на заре,

И недостойный удостоится любви,

И расцветет миндаль на замковом дворе.

Никс открыла глаза и увидела... ничего. Слепая темнота окружала ее со всех сторон. Чувствуя, как накатывает безотчетная паника, она стала дышать. Ровно, медленно. Вдох. Выдох.

Темнота, да.

Но пальцы ощущают твердый, холодный камень. Пальцы скользят по шелку с шершавой причудливой вышивкой по канту.

Она одна в абсолютной, непроглядной темноте.

Но откуда-то веет свежим воздухом, сквозняком.

Она не может призвать магию и сделать так, чтобы было светло.

Но, попытавшись, она начинает что-то различать, и вскоре оказывается, что за пазухой, в складках тяжелого шелка, спрятался солнечный кинжал.

Никс достала его и положила на подставленные вертикально ребра ладоней, впервые рассматривая внимательно.

Она сосредоточилась на нем.

Волны, гребни, изгибы.словно солнечный кинжал сработан из кости, словно на нем вырезано стилизованное море, бушующее, золотое. Вот, кажется, эти символы, так похожие не силуэты птиц — это на самом деле буквы неведомого алфавита, чайки в полете, который несет в себе смысл.

Солнечный кинжал, который выудил из нее самой Кэрри, когда она попыталась колдовать.

Может быть, это воплощение ее магии, отражение ее силы в мореке?

Никс сосредоточилась и снова призвала огонь. Солнечный кинжал стал теплей, начал гореть ярче.

Точно. Магия.

Ну, хорошо.

Она попробовала подняться. Оглядев пышное шелковое одеяние, Никс взялась за подол и, используя кинжал, безжалостно откромсала самый длинный край.

Так-то лучше.

Вокруг все еще была крошечная темнота, но солнечный клинок горел, словно факел, и Никс преисполнилась надежды.

Неся его перед собой, она двинулась вперед мелкими шажками, опасаясь, что в каменном полу, по которому она идет, могут быть дыры.

Темнота казалась бесконечной.

В уме вместо страха и оторопи, грозивших захлестнуть лишь несколько секунд назад, зароились где-то подслушанные шутки про туннели и поезда, реалистов, пессимистов и водителей паровозов, про водителей-оптимистов, водителей-пессимистов и... или у паровозов машинисты, а не водители?.. Никс двигалась через тьму наобум, совсем уже не уверенная, что идет туда, откуда в прошлый раз повеяло сквозняком.

Потом ей пришлось в голову крикнуть что-нибудь, чтобы проверить, насколько бездонна тьма.

— Ау!

Через секунду эхо ее собственного голоса вернулось к ней.

Воодушевившись, Никс перестала медлить и пошла скорее, все же поглядывая под ноги на всякий случай. Когда отблески света выхватили из крошечной тьмы стену и прямоугольный проем в ней, Никс возликовала.

Черная бесконечность кончилась намного раньше, чем она уже успела себе навообразить.

Никс подошла к проходу в стене, оказавшейся кирпичной. Куда-то вниз вела деревянная винтовая лестница, узкая и на вид скользкая. Именно оттуда прилетал сквозняк. Еще из проема пахло морем — совсем чуть-чуть, а может, и не морем, просто солью.

Делать было нечего, Никс пошла вниз.

Лестница начала постепенно расширяться, поменялась фактура дерева, стали попадаться светлые доски, не пропитанные лаком, сухо скрипящие. Появились витые перила. Лестница, будучи теперь достаточно просторной, продолжала ввинчиваться в тело неведомого здания, такая же обманчиво бесконечная, как тьма наверху.

Окончилась она деревянными двойными воротами под округлой аркой. Никс с усилием толкнула створки, те со скрипом поддались и открыли проход в длинный мрачный коридор, завершившийся новыми дверьми, на этот раз железными, судя по всему. На стенах коридора висели потемневшие до полной нечитабельности изображения в тусклых золотистых рамках, и Никс, проходя мимо, гадала, что же там было нарисовано раньше. Скорее всего, пейзажи какие-нибудь, хотя... может быть, какие-нибудь инструкции, но сказать наверняка не получится.

Железную дверь пришлось тянуть на себя. Давно не смазанные петли скрипнули протяжно и тоскливо, так, что звук остался звенеть в голове даже после того, как затих. Никс опасно заглянула в открывшийся проем, ширины которого едва хватило, чтобы она смогла протиснуться.

Этот проход привел ее в большую полутемную комнату с высокими потолками. Пыль танцевала в сине-фиолетовых лучах, что пробивались через маленькие круглые окошки, расположившиеся на самом верху, сразу за широкими, черными потолочными балками. Из этой комнаты куда-то дальше вели еще два прохода, закрытые старыми, но внешне надежными, бронированными сейфовыми дверьми, оборудованными сложными механическими засовами с множеством ручек и рычагов.

Между ними, в затененной середине комнаты, на возвышении стоял массивный железный стул с высокой, прямой спинкой, а на стуле сидел, сцепив в замок узловатые морщинистые пальцы, старик, на вид древний, как неизвестно что, и такой бледный и сухой, что, кажется, рассыплется прахом, стоит к нему прикоснуться. В укрытой серой пылью и паутиной одежде можно было различить проблески золотой нити и бисерной вышивки. При этом размеров старик оказался немаленьких, что впечатляло.

Мертвый он, что ли? Или уснул? Уснул во сне?

Никс понимала, где находится. Это снова был морок — никаких сомнений, тот самый действительный сон, куда ее снова угораздило провалиться. На секунду ей вспомнился костер и берег моря, желтый песок, белые пальцы Рейнхарда, узкая, словно лезвие, улыбка Берсы, карие, топкие, цепкие глаза Тихомира, теплое пламя, послушное, словно собственные руки, и... холодный камень, солнечный кинжал вместо привычного прирученного огня, вычурный шелк и гулкое эхо в неизмеримой, неведомой темноте.

Никс оглянулась по сторонам. Кроме старика в комнате был еще стол, квадратный,

железный, с деревянной крышкой. Сверху, поддерживаемая облупившимися, когда-то позолоченными механическими держателями вроде фигурных треног с поршнями, стояла огромная неправильная сфера из зеленого стекла, прозрачного наверху и мутного внизу. В стекле, ближе к верху, было круглое отверстие.

Никс, засмотревшись, так и не смогла предположить, что это такое.

А когда обернулась к старику, оказалось, что он уже тоже смотрит на нее.

Блеклые водянистые глаза оказались живыми.

— Приветствую тысяча первого посетителя королевской пророческой библиотеки при Башне Тайны, — произнес старик ровным бархатистым голосом, — назовите, пожалуйста, полное имя, пол, возраст, гильдию, если есть, и предъявите документ, удостоверяющий, что у вас наличествует доступ к содержащейся здесь информации.

Никс растерянно замерла. Не веря тому, что услышала, переспросила:

— Б... библиотека Башни Тайны?..

— Приветствую тысяча первого посетителя королевской пророческой библиотеки при Башне Тайны, — повторил старик, не меняясь в лице. — Назовите, пожалуйста, полное имя, пол, возраст, гильдию, если есть, и предъявите...

И он повторил свою прошлую речь слово в слово.

Никс поглубже вдохнула для храбрости.

— Никола Константиновна Рэбел, восемнадцать лет, пол женский, гильдия элементалистов. Документов нет, все, что есть — вот только этот нож, и все, — она продемонстрировала старику солнечный кинжал, держа его за рукоять, острием вниз.

Глаза старика чуть дрогнули, вдруг ожив, и стало понятно, что до этого он недвижно смотрел в одну точку.

— У вас есть традиционное право задать три любых вопроса и ожидать истинный ответ на них, кроме вопросов, перечисленных в дополнении три, тринадцать, восемь к Заповеди Неугомонного Сердца. Удостоверьтесь, что задаете желаемые вопросы. Удостоверьтесь, что сформулировали вопросы корректно. Спрашивайте.

Он механический, что ли? А выглядит как живой.

Никс потопталась на месте, взвешивая "за" и "против".

Ни о каком дополнении под таким номером к Заповеди Никола не слышала. Она вообще не слышала о дополнениях, да и саму Заповедь Неугомонного Сердца знала так себе. Если старик не врет и ответы, которые он может дать, истинны... то надо быть крайне аккуратной. Конечно, все получается более чем странно.

Доступ в библиотеку через живого человека?.. С другой стороны, эта библиотека — в мороке, и это — библиотека пророков. Мало ли, как там оно у них было. Кто ж их знает теперь. Может быть, это — нормально.

Она, конечно, ждала полку, книг, свитков, на худой конец. Чтобы сесть, чтобы искать... а тут...

Старик смотрит вперед, не на нее, куда-то за плечо, и взгляд его неподвижен.

Где-то там, за стенами башни, плывет величественный Фантасубвеструм. Где-то в реальности люди, которым зачем-то не все равно, наверняка снова о ней беспокоятся. А где-то еще живой, но, как будто бы, безвозвратно потерянный, забывает о ней мальчишка-судьбоплет, повинный во всем, что стало происходить после его бездумного, такого глупого, такого незначительного проклятия-благословения.

Никс, начав было злиться, проглотила, задушила злость на корню, преобразовав ее в

упрямство и веселое отчаяние. Вопросы так вопросы. Начать следует с легкого, такого, который проверит дееспособность системы.

Старик-терминал? Прекрасно! Проверим на зуб технологии сгинувшей в веках гильдии пророков. Они-то должны знать кое-что о том, что интересует ее, Николу Рэбел, огненного элементалиста и дальше по списку.

— Значит, вопрос первый, — заговорила Никс. Следующие слова никак не хотели спрыгивать с языка, никак не складывались в предложение и все норовили остаться невысказанными, но им все-таки пришлось прозвучать. — Кого любит элементалист льда Рейнхард Майерс, известный более как Рин Даблжнот?

Система должна или дать осечку, если она — машина, или...

Старик, прикрыв веки на мгновение (зрачки его дергались под тонкой кожей и Никс даже померещилось легкое, едва заметное призрачное свечение), снова открыл глаза и произнес:

— Никого.

Кольнуло где-то в груди. Никс поняла, что, пожалуй, на самом деле не хотела знать ответа на этот вопрос. Точнее, знала, чувствовала и так, но подтверждение показалось каким-то болезненным. Если старик не врет, то Рейнхард не любит и себя тоже, и как это вяжется с тем, каков он, как себя преподносит, какую играет роль?.. Но это не важно. Сейчас это все — второстепенно, как и размышления о том, как именно получилось так, что библиотеке пророков известны душевные тайны Рейнхарда Майерса.

Никс подумала о том, что, возможно, стоило бы и самой побыть чуть менее эгоистичной и узнать, раз такая оказия, что-нибудь касательно смысла жизни и всего такого, но тут же решила, что это потом. Когда она выберется отсюда (и никаких "если") и вдруг какая-нибудь дискуссия коснется вышеозначенной проблемы, тогда она обязательно посоветует доморощенным философам посетить Башню Тайны и удовлетворить любопытство. Пока что есть более важные вопросы.

Никс стала перебирать в голове варианты формулировки. Все выходило не так, плохо, криво. Старик терпеливо ждал и не торопил.

Наконец она решительно выдохнула:

— Как мне выбраться из морока в реальность наиболее быстро и навсегда?

Старик прикрыв веки, из-под которых снова начал сочиться свет, а затем произнес:

— Ожидайте.

Когда он снова открыл глаза, что-то в его взгляде неуловимо поменялось. В нем появилась теплота, интерес, жизнь.

— На данный момент у вас нет возможности покинуть Мир Снов навсегда, — ответил ровный, бархатный голос, в который вплелись внезапно едва заметные певучие интонации. — Пока не восстановлено зеркало Лок, вы будете вынуждены пребывать в Мире Снов. В случае если вам удастся покинуть Мир Снов, вас заново призовут.

Никс, опешив, молчала, переваривая услышанное. Внутри бурлила волна негодования. Как несправедливо! — хотелось закричать ей, но она молчала. Почему-то старику верилось. Она понимала, что он-то здесь вообще ни при чем, и крик не поможет.

Ну, хоть не навсегда. И то хорошо.

Кое-как взяв себя в руки, она сосредоточилась на формулировке последнего вопроса, самого важного. Морок, Лок, "призовут" — это потом. С этим можно разобраться, в конце концов, вроде бы, даже ясно, как.

Куда серьезней другое. Первопричина. Корень зла. Исходная точка всех этих неприятностей и треволнений.

— Что я должна сделать, чтобы встретиться с Романом Заболотницким?

— Искомому вами человека не существует, — ответил старик и замолк. — Ваш лимит вопросов исчерпан. Однако вы можете попытаться счастья в лотерее.

И он указал морщинистой рукой на стол с зеленой стеклянной сферой.

Никс глянула вбок.

Ромки нет.

Какая удача? Какая там лотерея? Его нет. Может, и не было никогда. Он им приснился, что ли? Сон, пробравшийся в явь, истаявший первым осенним снегом.

"Искомому вами человека не существует..." — эхом прокатывалось в голове, снова и снова.

Спокойно. Эти мысли сейчас ядовиты, токсичны.

Нет и нет. Надо думать и делать дальше. Нет времени впадать в отчаяние и о чем-либо сожалеть.

Никс заставила себя подойти ближе к странному агрегату из потускневшего металла и мутного стекла.

— Крутите ручку, — произнес голос из-за спины.

Никс взялась за шершавую деревянную рукоятку и, приложив силу, заставила механизм заработать, ожить. Большие пыльные шестеренки, цепляясь друг за друга, завертелись, скрипя и лязгая. Стеклянная сфера описала замысловатый кульбит, явив закрытый металлической крышкой клапан. Что-то щелкнуло, и крышка клапана откинулась на пружине.

— Выбирайте билет и зачитывайте текст, — проинструктировал далее старик.

Никс, исполненная отчаянной беспечности, протянула руку внутрь сферы и тут же нащупала там ворох скрученных в узкие цилиндры бумажек. Схватила одну. Вынула, развернула, поднесла к глазам

— Вы получаете грандиозную возможность использовать Дневник Неотправленных Писем, — прочла Никс.

Странно. По идее, во сне текстов читать нельзя. Этот "морок" — совершенно определенно не то, что о нем говорят. А значит...

— Вы — любимец судьбы, — произнес старик.

Затем он поднял сухую сморщенную руку, которая, казалось, тут же рассыплется прахом, если ею вообще пошевелить, и указал ею на дверь слева от себя.

Тут же множество мертвых, казалось бы, механизмов и поршней задвигались, запели, стуча и вращаясь, и мощная круглая створка, похожая чем-то на внутренности часов, плавно разошлась на несколько неровных частей, открывая путь в еще одну неизведанную темноту.

Старик молчал. Никс, сжимая "билет" в одной руке, а солнечный кинжал — в другой, оглядываясь часто и опасливо, прошла мимо возвышения по центру комнаты к двери и переступила тускло поблескивающий, выгнутый дугой порог.

Она не была уверена, что ей нужно использовать этот самый Дневник. Но что-то подсказывало ей, что это — продолжение пути, который она должна пройти.

"Направляйтесь прямо, не сворачивая", — послышался тот же голос, но теперь он шел будто бы отовсюду.

Никс двигалась по узкому темному коридору с таким высоким потолком, что его было

не различить, будто и нет его вовсе. На стенах попадались картины, сохранившиеся лучше.

Вот — дева с золотыми волосами, и в теле ее рваная дыра, в которой роятся звезды. Сквозь эти звезды проплывают золотые крылатые корабли.

Вот — зимняя, заснеженная сторона, и в густой поземке утопает по голени механический зверь, неся на горбатой, гнутой спине всадника в красном плаще с изогнутым, черным мечом в руках.

Вот сплелись в стилизованном танце он и она — воплощения крови и солнца, одна из полузабытых диад, тех, учебники с которыми давным-давно сожгли, а алтари забыли.

По обеим сторонам коридора попадались высокие двери, которые, казалось, заперты наглухо, и Никс не решалась пробовать открывать их.

Пыль и паутина притаились заплатками по углам.

Холодная полутьма была пронизана вязкой загробной тишиной, которую кромсали и рвали на части скорые, четкие шаги Никс и сияние ее солнечного кинжала, зажатого в пальцах правой руки.

Коридор вскоре расширился и образовал перекресток с другим, и посередине, возвышаясь над полом на добрые метра три, завис на тонких, едва заметных нитях огромный многоярусный глобус, сработанный из светлого желтоватого металла и разноцветного стекла. Казалось, ярусы эти могут менять положение, смещаться относительно общей оси, но нужный для этого импульс давно иссяк, и они застыли в хрупком своем равновесии навсегда.

"Поверните налево и следуйте до конца", — произнес голос, и Никс от неожиданности вздрогнула: она успела засмотреться на старинный, мертвый механизм.

Следующий коридор был таким же темным, пыльным и длинным, вот только двери в стенах были поменьше и шли в два ряда: один — сразу возле пола, а другой — прямо над нижним рядом, и никаких тебе ступенек, лестниц или еще чего-то подобного.

Оканчивался проход на первый взгляд тупиком, но затем Никс заметила, что пол — железный, а сбоку приютились металлические рельсы и рычаг.

"Приведите механизм в действие", — снова послышалось будто бы отовсюду.

Никс подчинилась.

Платформа содрогнулась, скрипнула и стала медленно подниматься вместе с Николой вверх. Движение это вскоре показалось полетом через пустоту, так как стены кончились и свету от солнечного кинжала теперь не от чего было отражаться.

Никс пригнулась к платформе, боясь упасть, хоть та и шла плавно и довольно медленно.

Стены окружили ее так же внезапно, как кончились, и в следующий миг платформа вынесла Никс в комнату, залитую солнцем.

Дерево, бархат, латуннаяковка. В огромных окнах, обрамленных витражными полосами, обыкновенное здесь, невообразимое, сумасшедшее небо искристых опаловых оттенков. Посредине стоит стол, на столе лежит закрытая книга в алой матерчатой обложке. Рядом с книгой — чернильница и перо.

Никс подошла к столу, пробежала пальцами по шершавой обложке, по тисненым золотом буквам, гласящим: "Дневник Неотправленных Писем". Открыла книгу на первой странице и обнаружила, что она пуста.

Но не совсем. На титульной странице имелся мелкий отпечатанный текст — что-то вроде инструкции, написанной с таким обилием архаизмов, что Никс едва сумела уловить суть. На переднем форзаце, испещренном золотистыми цветочными узорами, так же

имелась рукописная пометка, быстрая, выполненная синим карандашом: "А это не так-то здорово, как казалось".

Никс, сосредоточенно нахмурившись, взяла в руки перо и откупорила стеклянный пузырек с чернилами.

Что ж, на этот раз, кажется, ей повезло.

— И привет нам передает некто Н., - видимо, он пожелал остаться неизвестным! — и просит зачитать поздравление... Или обращение... Итак! "Я не знаю, как именно оно сработает, но — привет!" Отлично сработает, я вам сообщу! Шлите нам свои сообщения на короткий номер, мы их обязательно прочитаем! Так вот, некто Н. продолжает: "Ищу как выбраться, пока что дело — дрянь, но я...", — и тут сообщение обрывается, и мы так и не сможем узнать, какую песню хотел заказать некто Н. В любом случае, мы желаем ему или ей удачи и предлагаем вашему вниманию зажигательный хит позапрошлого лета...

Помехи. Голос вернулся, прервался, вступили гитары.

— Выключи эту муть, — попросил я, протирая глаза. — Что, приехали уже?

— Уже пять минут как, — ответил Тиха, выставляя регулятор громкости на минимум.

Я оглянулся по сторонам. Местности не узнал. Надел очки. Посмотрел еще раз.

— Тиха, а зачем ты за этими кустами встал? Ближе никак?

— Тут ларек рядом, — ответил Тихомир загадочно. — К тому же, где твоя паранойя, Рейни?

— Кончилась моя паранойя, — выдохнул я. — А зачем?..

— А посмотри, включив мозги, на свой дом внимательнее.

Я пригляделся. Пышная крона акации, несколько за первую неделю осени не поредевшая, мешала, но все же позволила увидеть окна второго этажа и, в частности, мое. В окне горел свет и наблюдалось какое-то движение.

— Что это хозяйке понадобилось у меня в комнате, — подумал я вслух.

— Он не видит, — сказала Берса.

Тиха полез в бардачок и выудил оттуда самый настоящий бинокль, большой, в кожаном чехле.

— На.

Мне понадобилось время, чтобы настроить прибор под себя. И когда линзы наконец скомпенсировали близорукость, я смог разглядеть совершенно определенно мужской силуэт. Человек был одет во что-то мешковатое, темно-серое, с капюшоном.

— Это что за хрен с горы? — возмутился я.

— Что делать будем? — спросил Тиха.

— Что-что, пойду по ушам ему надаю, — я принялся на ощупь разыскивать рычажок на двери.

— Рейни, не смей!

Берса вцепилась мне в куртку сзади и как-то умудрилась заехать ногтем по щеке.

— Кей, отпусти. У меня там... материалы! Всякое!

— Не ходи, кому говорю! — зашептала Берса громко, чуть ли не рыча, не отнимая цепких, проворных пальцев, впившихся мне в ворот.

— Да я из него эскимо сделаю, — пообещал я, начиная злиться всерьез. — Отпускай!

И тут зазвонил телефон.

Кей от меня отцепилась, увидев, что я намерен хотя бы посмотреть, кто звонит.

Звонила Ирвис. Я принял вызов.

Голос Ирвис дрожал — то ли от гнева, то ли от слез, и я даже не успел спросить, по какому поводу она звонит мне за полночь.

Я выслушал ее, чувствуя как из глубин естества поднимается уже не просто злость, но настоящая ярость, и возникает желание натурально кого-нибудь покалечить.

— Ир, бери руки в ноги и двигай к нашему кафе на углу. Я знаю, что закрыто. Рядом стой. Мы там тебя подберем. Минут через десять, да. Десять-пятнадцать.

Я спрятал телефон и повернулся к Тихе:

— Рули к "Чашке Глена".

— Что случилось с Ирвис? — снова возникла из-за спинок сидений Берса.

Тиха неразборчиво выругался и завел колымагу.

— И заедь по пути к Абеляру. Чисто рядышком прокатись. Нужно посмотреть, нет ли там чего.

— Рейнхард, будь ты неладен, что сказала Ирвис? — зарычала Кей. — Что аж эскимо неактуальным стало!

Я обернулся к ней. Пока формулировал ответ, заодно проверил состояние Керри — тот сидел, прилипнув к окну, тычась в стекло белым носом.

— Ну?!

— Ирвис говорит, что возвращалась домой с каких-то посиделок, а там — пожар тушат. Поджог, вроде как. Да не абы какой — кто-то вытащил половину мебели в подъезд и ее тоже подпалил.

— Зачем? — искренне удивилась Берса.

— Тут вариант один: чтобы выжечь воздух в подъезде, а вместе с ним — все ее простенькие обереги. Ветра вне подъезда, ясное дело, чужие, дикие, и ей с них никакого толка, учитывая ее уровень.

— О мои рваные полосатые носки, в этом городе остались не-маги? — взмолился Тиха. — Хоть одна девушка без лишних способностей? Ну хоть одна?

— Молчи, чья бы корова мычала вообще, — отмахнулся я, — рули!

— Да рулю-рулю. Вон, после развязки повернем — будем закоулок Абеляров проезжать. Заезжать, нет?

Но заезжать не понадобилось.

Проезд в переулок был перекрыт. Расставленные вокруг знаки предупреждали о том, что на этом отрезке пути ведутся дорожные работы. Однако вместо асфальтоукладочной техники и возможных рабочих вокруг красных шашек и оградительной ленты терлось подозрительное количество полицейских, а сама дорога не выглядела нуждающейся в ремонте.

Мы проехали въезд в переулок в гробовом молчании.

— Я заверну к площади, расчехляй бинокль, — сказал Тиха. — Глянешь на академию.

— С площади ж не видно, — удивился я.

— Между мэрией и гастрономом как раз просвет, академия как на ладони.

— Юноша знает толк в развлечениях, — хмыкнула Берса невесело.

— Да уж, — согласился Тиха, переключая передачу.

Минивэн притормозил.

Я снял очки и снова приладил к глазам бинокль. Академия и в самом деле показалась

целиком, и даже деревья, окружающие ее, не сильно мешали смотреть с этой стороны. Здание, венчающее холм, оштетинившееся крышами и дымовыми трубами, в такое время суток должно было быть черным и монолитным, как кирпич, и только окошко в сторожевом домике могло бы, теоретически, светиться.

Но Академия бодрствовала. Свет горел в окнах четвертого и третьего этажей, и совершенно точно кто-то был в той аудитории, что амфитеатром.

— Оттуда же выгоняют в девять, — произнес я недоуменно. — Что за неофициальный слет полуночников?..

— После "Чашки Глена" куда? — спросил Тиха, вырুলывая из закоулка.

— Давай сначала к "Чашке", — ответил я. — Надо подумать.

Я обернулся к Берсе:

— Кей. Что все это может значить, Потерянный меня заведи?

— Ну, ты же сам понимаешь, Рейни, — вкрадчиво проговорила Кей, косясь на безучастного Керри. — Только говорить стесняешься. Думаешь, что если произнесешь это вслух, то я тебя обвиню в безосновательной панике. Но я не обвиню, мне тоже кажется, что кто-то или что-то идет по следу нашего огонька. К тебе наведались, к Ирвис наведались, к Абеляру, теперь академию потрошат. И их, судя по всему, много. И у них, судя по всему, связи.

— А огонек-то известно где, — продолжил я. — И просто так ее не найти.

— Так, может, и не стоит пока ее оттуда доставать? — спросила Кей. Обернулась к Керри: — Слушай, а как там у вас — опасно вообще? Что может случиться с одинокой девушкой ее возраста?

Керри перевел на нас взгляд темно-малиновых глаз. Он будто бы раздумывал о чем-то с минуту и потом только ответил:

— Первые сутки, думаю, опасно не чрезмерно... ей могут встретиться только пепельные гиены и слабые, боязливые химеры. Гиены охраняют Башню Тайны, а с химерами она справится и с тем клинком, что у нее есть. Другое дело, что там сейчас нет меня... и через несколько ваших ночей, если я правильно понимаю смысл здешнего времени, чудища станут... станут смелее. Боюсь, они поймут, что меня больше нет. А если и не поймут, их станет больше в любом случае — они же начнут свою перемену.

— Начнут свое — что? — переспросила Берса.

— Перемену, — ответил Керри. — Спящие станут меняться и... я не знаю, к чему это приведет. Обычно я успеваю разрушить их связь с мороком до того, как перемена случается. Я не ошибаюсь почти никогда. Тут главное успеть. Они, конечно, все равно по капле меняются — но жизни их слишком коротки для того, чтобы яд успел подействовать полностью.

— Ох, не нравится мне этот гнилой базар, — посетовал Тиха, — не нравятся.

— Но хуже этого то, что измениться может она сама, — продолжил Керри.

Я напрягся.

— Как?

— Тех, кто ступил в морок во плоти, надобно уничтожать любыми методами. После четырех часов пребывания в мороке необходимо осуществить преследование с целью изгнания, максимальный срок преследования — двенадцать часов. По прошествии этого времени нужно прекратить преследование и приступить к уничтожению. Эта мера обусловлена тем, что пришедшие во плоти тоже могут начать свою перемену, и она —

навсегда, — Керри покачал головой и вздохнул. — Недопустимо отпускать в земли исхода измененных. Измененному положено умерщвление.

Мы молчали. Я начал осознавать, что именно едет с нами в минивэне Тихомира и от чего на самом деле защищала меня Берса там, на берегу.

— Ну, охреть теперь, — прервал наше молчание Тиха. Он вел и говорил, не оборачиваясь. — То есть, если вернуть тебя в морок, то ты тут же ринешься умерщвлять вероятно изменившуюся Николу? Плохой план, приятель. Очень плохой план.

— Я неволен пред сводом правил и законами бытия, — смиренно ответил Керри, глядя на свои руки с длинными красными ногтями. — Так было всегда.

А потом он поднял взгляд на нас с Берсой и произнес спокойно и просто:

— Мое имя — Кровавый Рассвет, я — последний хранитель снов, Третье Дитя Нашедшего Путь. Мое предназначение — справедливо наказывать тех, кто посмел пронести в сверкающий морок свою несовершенную плоть и грязную кровь, ведь всем известно, что намерения беглецов преступны. Но вы называйте меня Керри, пожалуйста.

И он снова потупился.

Я должен был бы удивиться или испугаться, а, может быть, не поверить ему. Но как тут не верить. Зачем?..

Я устало потер переносицу.

Слов у меня уже не было, остались одни междометия.

Кровавый Рассвет так Кровавый Рассвет, чего уж тут.

Последний хранитель снов — пускай, бывает, у каждого свои недостатки.

И если этот красно-белый трепетный монстр не врет, а он не врет, — значит, неприятности наши куда более серьезны, чем я мог себе представить.

— Мы будем называть тебя Керри, — заверила его Берса после паузы, и голос ее прозвучал мягко и даже нежно. — Только, пожалуйста, не прикасайся пока ни к кому живому тут — на всякий случай. Можешь только ко мне. Пока мы не проверим твои способности на чем-то, чего не жалко.

Я покосился на нее, но вопроса нужного так и не задал. Вместо этого перевел взгляд на Керри:

— Кто такой Нашедший Путь?

— У меня нет слов, чтобы рассказать о нем, — ответил Керри.

— Что подразумевает собой изменение?

— Морок — не место для человека, — ответил Керри, — изменения преступны, недопустимы.

— Ты думаешь, что недопустимы, — заметил Тиха. — Но ты даже не знаешь, что такое эти изменения, раз не можешь нам рассказать!

— О, я знаю, — ответил Керри грустно, — я видел...

Машина резко притормозила так, что меня даже подбросило. Керри ухватился за поручни, я — за что пришлось, Берса стукнулась головой об обивку салона и стала шипеть, потирая макушку.

— Приехали, — сообщил Тиха. — Где там ваша повелительница ветров?

Я открыл дверцу и вышел наружу. Огляделся, разыскивая Ирвис, и заметил ее на другой стороне улицы, как раз рядом с закрытой на ночь "Чашкой Тлена". Я помахал ей рукой. Ирвис, оглядевшись по сторонам, перебежала дорогу, обошла машину сзади и поздоровалась сквозь зубы, ежась от вечерней прохлады.

— Что, совсем все плохо? — спросил я. — Залезай внутрь. Не пугайся только — у нас там, видишь ли, красноволосый летающий палач из параллельной реальности. Довольно симпатичный.

Ирвис натянуто улыбнулась. Взмахнула ресницами, устремляя на меня пронзительный взгляд темно-фиолетовых глаз.

— Странное что-то затевается, Рейни, — сказала она. — И я не удивлюсь, если ты не врешь.

— В самом деле симпатичный, — уверил я ее, открывая перед ней дверцу. — И Берса. И еще вот Тихомир Одиш, — представил я Тиху, забравшись на свое сидение.

— Здорово, — Тиха изобразил рукой приветственный жест.

— Ирвис Вандерфальк, — представилась Ир, уместившись. — А по какому поводу сборы? Ну, кроме того, что я, например, теперь без жилья, денег и документов.

— В последнее время концентрация требующих спасения девушек вокруг Рейнхарда увеличилась вдвое, — проворчал Тиха. — Таки соболезную. Едем куда аль тут постоим?

— Двигай к круглосуточной пиццерии на выезде, — скомандовал я. — До тех пор разберемся.

— Пожрать — это всегда хорошо, — согласился Тиха, заводя машину. — Тем более, север севером, а еда у нас всяко лучше.

— Это вы — палач из параллельной вселенной? — тем временем спросила Ирвис у странно замершего Керри.

— Ир, ты лучше расскажи конкретней, что случилось, — попросил я. — Поджог? Мебель в подъезде? И почему ты позвонила именно мне?

Она горько улыбнулась.

— Ну а кому мне звонить в полночь, Рейни? Родственников у меня здесь нет, ты по ночам не спишь, да и... дело — сам понимаешь, пахнет... — она мельком глянула на Берсу, — не очень.

— Ты в самой квартире была?

— Нет, меня внутрь не пустили какие-то ребята в форме... черная с золотым тонким кантом — я не поняла, кто это. Ваша церковь, что ли? Удостоверения какие-то показывали мельком, рассматривать не давали. Они хотели меня там куда-то препроводить для допроса или типа того — но я улучила момент и смылась.

— Колдовала?

— Колдовала, — призналась она.

— Что колдовала? — насторожилась Берса.

Ирвис замешкалась, поджала губы. Я запоздало сообразил, что Ирвис и Кей, вроде бы, знакомы, но в каких они отношениях именно, мне не известно.

— Отталкивающую подушку, — наконец произнесла Ирвис. — Ну, и ветер в спину, пока бежала.

— Молодец, что сообразила, — ответила Кей.

— Как ты вообще? — спросил я.

— Немного в шоке, — призналась Ир. — Поверить в произошедшее все еще особо не получается. Пальцы вот трясутся. А так, сама по себе, я будто бы спокойная. А пальцы...

Минивэн вырулил на ярко освещенный проспект, ведущий прямым к выезду из города. Тоненькие, изящные пальцы Ир и вправду подрагивали в мелькающем свете придорожных фонарей.

— Я полагаю, стоит позвонить опекуну Николы, — произнес Тиха. — Попросить его передать трубочку нашему знакомому некроманту. Во-первых, предупредим их о творящейся здесь фигне и расскажем заодно, где находится Никс. А во-вторых, ты, Рин, спросишь у него, как именно он проник тогда в морок, и нужно ли для этого что-то особенное. Если я все правильно понял, Керри туда отправлять, пока Никола там, нельзя. Следовательно, на ее поиски должен пойти кто-то из нас. Это если способ перехода осуществим. Если нет — мы не теряем времени и едем на север, как и планировалось, со всеми вытекающими.

Я проглотил язык. Звонить опекуну и... говорить с некромантом?.. Ну нет.

— Рейни, меня не волнует, что там у тебя было с этим молодящимся козлом, звони. Чтобы, когда мы доедем до пиццерии, вопрос был решен.

— А он всегда такой суровый? — тихо спросила Ирвис у Берсы. — И какой такой север?

И пока Кей рассказывала Ирвис обо всем том веселье, в которое нас угораздило вляпаться, я вдоволь нарассматривал телефон, изучив заново все его трещинки и осознав, что пора бы, в сущности, завести новый. Несолидно, как бы. Пальцы сами прошлись по гладкой поверхности, выискивая нужные комбинации, и несущая сигнал волна полетела сквозь пространство и время туда, где сейчас находится опекун Николы и его товарищи.

Гудки были долгими и пронзительными, как песнь загулявшего по весне кота. Я понял, что времени формулировать не осталось, и вздрогнул, когда вместо голоса опекуна Николы услышал протяжное, ласковое, хищное:

— Приве-ет. Марик занят немного.

Я не нашелся, что ответить. Точнее, я потерялся напрочь.

— Что там у вас случилось? — продолжил голос обеспокоенно. — Ну же, не молчи. Ты бы еще в трубку подышал прерывисто. Рин?

— Попробуй положить это в рот и подвигать челюстями вот так, — Кей продемонстрировала Керри, как именно стоит поглощать пиццу. — Давай. Тебе должно понравиться.

Керри, видимо, позабыл закрыть рот при жевании, и оттого его лицо приобрело выражение легкой недалекости.

Тиха хмыкнул, сдерживая смех.

— Что ржешь? — задиристо спросила Кей. — К кустам сам его поведешь, инструктаж проводить.

Тиха не был уверен, что это существо — мужского пола, но решил согласиться на всякий случай:

— Да без проблем.

— И переодеть бы его, — заметила Ирвис.

— Ну, с этим мы с тобой вдвоем справимся, — Кей обернулась. — Рейни, ты пиццу-то будешь или где? Хватит маячить! У тебя что, хомячок сдох?

— Он все еще не может отойти от разговора с некромантом, — объяснил Тиха с ухмылкой. — У него там какие-то очень странные отношения с этим стариком, что-то крайне загадочное.

— Да какой же он старик, — цыкнула Кей.

— Весьма потрепанный, — уверенно ответил Тиха. — Это точно.

Тиха иногда проговаривался, и далеко не всегда — против воли. Ни Кей, ни кто-либо еще из собравшихся не смог бы увидеть, сколько путей пройдено тем или иным скитальцем, а значит, они ничего не поймут. Рассказывать, доказывать и объяснять — тоже дело

неблагодарное, а значит, незачем и пытаться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Из-за контраста с освещенным пятачком ночь вокруг казалась плотной, словно кисель. Чудилось, будто бы вокруг вообще ничего больше нет, есть только этот вот клочок земли, минивэн, остатки пиццы, две перепуганные девчонки (одна — так точно перепуганная) и два растерянных беспомощных обалдуя, которые вообще не знают, что дальше делать, но обоим надобно держать лицо и никак нельзя в растерянности признаваться. И этот еще, красно-белый — существо, не прошедшее на своих двоих и пары километров, этакий дорожно-путевой младенец, диво дивное.

Рейнхард, перестав вытаптывать траву на обочине, все-таки подошел к капоту минивэна и уставился на оставшийся кусок пиццы. Оперся на изрисованный огненными всполохами металл и, обведя всех собравшихся тяжелым взглядом, заговорил:

— Некромант сказал, что они уже пересекли Поющую, то есть примерно через сутки они втроем явятся в город. Выслушав перечень произошедшего, наш старший друг одобрил решение не ввязываться в драку с "грабителем". Он добавил, что в сад у его поместья снова пытались пробраться, но в этот раз безуспешно — так как были это живые, настоящие люди, а против них там развешаны специальные и сугубо действенные заклинания. Вероятно, это одна команда или, хуже того — организованная банда со связями наверху. Иначе чем объяснить оцепление дома Абеяра и подозрительных людей в форме, пытавшихся задержать Ирвис? Создается впечатление, что силы не равны, и нам, вчерашним студентам и все такое, лучше на время из города исчезнуть.

— А что насчет перехода в морок? — уточнил Тиха. — Ты спросил?

— Естественно. По мнению некрманта, точки слияния, отмеченные на довоенной карте, использовать у нас не получится, — Рин нахмурился. — Камориль говорит, что пробовал пробраться в морок снова, в качестве эксперимента, но его не пропустило. Причем, насколько я понял, он пытался не единожды. Ему кажется, что и в первый раз все получилось только потому, что он обладал тогда какой-то особенной магией.

— Какой магией? — настороженно спросила Кей.

— Он не ответил, — Рин задумчиво покачал головой, — похоже, вопрос был некорректен. Ясно только, что теперь этой магии у него нет.

— Может, в первый раз ему помогла Лунь? — предположил Тиха, вспомнив весенний цирк с конями в саду у некрманта. Это представление он наблюдал лично и был им, откровенно говоря, впечатлен.

— И с Лунью пробовал, говорит, — ответил Рин. — Безуспешно. Короче, я не уверен, стоит ли нам тыкаться в эти точки слияния, если не вышло у более опытного мага, который, к тому же, уже бывал в мороке.

— Так, погоди-погоди. То есть мы не сможем туда попасть? — напрягся Тиха. — О чем речь тогда?

— Я как раз к этому подхожу. Камориль утверждает, что кое-что они там, на континенте, уразумели. А именно, нашли свидетельства того, что задолго до Войны Причин алтари диад, которые сейчас почти вытеснены храмами Потерянного, использовались для манипуляций населением глубинки, для наказания и поощрения. Собственно, людей с их помощью забрасывали в морок. Все это маскировалось божественными байками. Тех, кого хотели поощрить, отправляли в морок через сны, а тех, от кого хотели избавиться, кидали во плоти. Наверное, чтобы наш приятель Керри не скучал.

Тиха нахмурился. Он, в отличие от своего брата, Пламенное Просвещение не слишком жаловал, но после слов Рейнхарда Пламя Самоубийц показалось ему чем-то чуть более гуманным и... честным, что ли. Эти-то хоть смертников сами казнят, без помощи третьих лиц. Но, если насчет алтарей — правда... значит, надежда есть.

Рин тем временем обратился к Керри:

— Слушай, а скольких ты, вообще, упустил? То есть было ли такое, чтобы измененный ушел от тебя?

— Не было такого никогда, — гордо ответил Керри, вздернув вверх бледный подбородок.

— Помидору ему кто-нибудь с лица сотрите, — попросил Рин.

Холодало. Коробку из-под пиццы с капота убрали, и Рейнхард развернул на ее месте помятую, выдавшую виды карту. Все, кроме Керри, скучились вокруг, загоразивая головами свет от фонаря на высоком столбе. Керри смотрел в ночь, а Тиха поглядывал на него, ожидая в любой момент подвоха.

Чуть раньше Тиха уже предлагал Рейнхарду все-таки связать красноволосого. Рин, прищурившись, зачем-то ответил "нет". И вроде бы он не из тех, кто до последнего не верит в возможность плохого исхода, и все же... почему-то Рейнхард решил обращаться с Керри как с человеком. Что ж, пускай будет так, по крайней мере, до первой попытки ушастого как-то кому-то навредить.

— Думаю, нам стоит попробовать отыскать способ задействовать эти алтари, — проговорил Рин, глядя на карту. — Тиха, где тут ближайший целый алтарь?

Тиха, слегка поразмыслив, ткнул пальцем в лесок рядом с западным краем листа. Уточнил:

— Только я там не был. Знаю, что он есть, слышал, что вроде бы даже используется местными, но в глаза, честно говоря, не видел.

— Ага. Используется? Это отлично. Может, они все еще практикуют что-нибудь из нужных нам ритуалов? В общем, нам туда. Но, чтобы не просчитаться, давайте подумаем, какие у нас есть еще варианты? Мы могли бы отправить кого-то на поиски Никс с помощью осколка Лок, но это бы значило, что этот кто-то выбывает из игры до тех пор, пока мы не решим вопрос с самим зеркалом.

— Отпадает, — Кей покачала головой. — Еще неизвестно, решим ли мы вопрос с зеркалом и поможет ли это.

— Значит, остаются алтари, — подытожил Тиха. — Поедем, посмотрим. Не выйдет — на север. Такой план.

Мимо припаркованного под столбом минивэна прошла фура. Достаточно далеко, чтоб до машины не долетела пыль, но и достаточно близко, чтобы заглушить ненадолго все разговоры.

Керри смотрел в ночь. Ирвис ежилась. Рин гипнотизировал карту.

Надо было уже начинать двигаться, что-то делать, но все медлили, будто бы это мгновение — перекресток, и, пока они в нем, пока ночь черна, словно деготь, возможностей больше, чем будет после. Но миг истек.

— Есть у кого-нибудь закурить?.. — спросил Тиха.

Кей протянула ему пачку сигарет и синюю пластмассовую зажигалку.

— Ты, Ирвис, как вообще... — Тиха затыкнулся, отметив про себя странный сладковатый привкус у непривычно густого дыма. Выдохнул через ноздри. — Что собираешься делать?

Как видишь, ясно одно: покой — это не про нас. Будем кататься. Возможно, доедем до весьма прохладных широт, и это я пытаюсь как-то смягчить формулировку. Чтоб не все сразу наваливалось. То есть понимаешь, да? Нам предстоит путешествие из лета в осень и дальше по карте. Походные условия и все прилагающееся по списку.

— Я уже начала догадываться, — растягивая слова, ответила Ирвис. — Перспектива, конечно, внезапная. С другой стороны... с другой стороны у нас неизвестные с очевидно недобрыми намерениями. И они приходят за теми, кто контактировал с Никс. И я в списке, благодаря собственной доброте и Рейни.

— Рейни тебе капитально задолжал, — кивнул Тиха. — Хотя и не со зла.

— Деваться мне особо некуда, — проговорила Ир. — Я здесь не родилась, я с юга. Что уж там скрывать — не совсем легально. Здесь я — несертифицированный маг, и на мелкие мои проделки департамент закрывал глаза, но эти, в черном с золотом — не оттуда. Этим, кажется, не до шуток.

— Уж не использовала ли ты невидимое перо? — медленно проговорила Берса.

Ирвис смолчала.

— Использовала! — Кей ахнула. — И как?..

— Обошлось без крови, — ответила Ир. — Выбора у меня особо не было.

— Ну да, так все выглядит серьезней, — кивнула сама себе Кей.

— Барышни, я ничегошеньки не понимаю в ваших словесных перемигиваниях, — пожаловался Тиха. — Чую только что-то неладное.

— Короче говоря, мои обстоятельства на данный момент складываются так, что, судя по всему, наиболее разумно мне будет оставаться с вами, — сказала Ир.

— Ну и отлично, — Тиха криво улыбнулся. — Будете с Кей картошку чистить помогать.

— Если все-таки поедем известно куда, — начала Берса, воругая у Тихи из пальцев сигаретку, — то надо бы для Ир и Керри одежды раздобыть. Околеют же.

Керри, услышав свое имя, уставился на Кей.

— Да-да, я о тебе, красавчик, — подтвердила она, закусывая губу.

Керри потупился и стал проверять золотистые пуговицы на своих одеждах. Кей разулыбалась, довольная собой и производимым эффектом. Тиха цыкнул, Ирвис удивленно приподняла брови.

Тем временем Рин надумал что-то еще.

— Ты вот что скажи мне, — обратился он к Керри, — кроме Сердца Мира — есть ли еще какие-то выходы из морока? Куда ты гнал бедолаг?

Керри перестал мять в пальцах золотистый кант платья, сдвинул тонкие ркасные брови к переносице.

— Я никуда их не гнал — я лишь грозил, заставлял спешить, — помедлив, ответил он. — Мне же их путь неведом, мысли людские сокрыты от меня. Все уходило по-разному, и казалось, будто бы кто-то умеет ступать по всем измерениям, а кому-то доступна лишь часть. Кто-то натыкался на стены, невидимые даже мне. Кто-то бродил по кругу, как оглушенный слепец.

— То есть выход наверняка — Сердце Мира и все? — Рин был настойчив.

— Она не успеет к нему прийти, — ответил Керри, качая головой. — Она переменится. Это недопустимо.

— Предположим, — голос Рейнхарда звучал низко и глухо. — Предположим, ей угрожает перемена. Как мы можем помочь ей выбраться оттуда, если найдем ее там? Куда

идти? Как еще можно покинуть этот твой Мир Снов, требующий защиты от нас, "беглецов"?

— Я... я не знаю, — растерянно ответил Керри.

Рейнхард шумно выдохнул. С лица его пропали всяческие эмоции, и только тонкая черта, обещающая в будущем стать одной из глубоких морщин, прорезала лоб посередине.

Тиха выбросил сигарету в пыль и затер подошвой.

Нащупал в кармане ключи и сжал так, чтобы ощутить впивающийся в ладонь металл.

Он немного жалел, что испугал тогда Никс.

А все дороги сейчас ведут на север, и никаких "но".

Конечно, они попробуют, заедут к алтарю, может быть, даже что-то получится — но предчувствие, что с намеченного пути уже не свернуть, было острым, словно край отколотого стекла.

Повернулся ключ, взревел мотор, ночь разделилась на "до" и "после" росчерком дальнего света, и мир, в котором не было девочки-огонька, ринулся навстречу.

Мироходцы: перекресток

— Ну вот, ты меня догнал, — произнес безликий, не оборачиваясь. — Что дальше?

— Поговорим, — сказал преследователь.

— Как мне тебя называть? — спросил безликий.

— Айра.

— Тогда ты зови меня Ветивер.

— Хорошо.

— Зачем ты идешь за мной, Айра?

— Я ищу путь домой.

— Ты не хочешь убить меня?

— Нет.

— Ты не хочешь забрать мою силу?

— Нет.

— Как ты догнал меня?

— Я понял, что лишь тот не может поравняться с преследуемым, кто идет с ним одинаково быстро. Чтобы настичь тебя, я должен был стать быстрее тебя, и я стал.

— Тогда я открою тебе свой лик, Айра, и увижу твой.

Тот, кто отбрасывает сорок теней, обернулся. Меж длинных красных прядей, спутанных, сплетенных косами, униженных золотыми кольцами и колокольчиками, явилось, проступило из тени лицо — остроносое, с глазами узкими и хищными, зелеными, как безымянный океан, что охватывает с трех сторон позабытый дом Айры. Ветивер вздернул узкий белый подбородок, и колокольчики запели.

— И вот он, перекресток миров, но ты вряд ли рад мне, Айра.

— Я рад тебе. Я успел к тебе привязаться, пока шел за тобой, я смог многое выучить, следуя твоим путем. Я лишь не знаю, равноценно ли это новое знание тому, что я успел позабыть.

— Чего же ты хочешь еще, мальчик?

— Давай вернемся домой, — тихо попросил Айра.

Ветивер отвернулся от него и стал смотреть на лиловые громады ежесекундно меняющихся облаков, сплетающихся кольцами и спиральями.

— Ты же знаешь, я все еще не нашел того, что должен. Ты сам... да, ты сам, тот, кого ты оставил там, приказал мне искать. Возможно, — Ветивер снова обернулся, — ты поможешь мне в поисках? Ведь так, в самом деле, может быть проще... Помоги мне найти искомое и я помогу тебе вернуться туда, куда не существует путей.

Айра стукнул деревянным посохом по выгнутому высокой дугой мосту, и ветер вздул его рваный оливковый плащ:

— Да будет так.

Мысли свиваются в жгут, распускаются и плаваются патокой.

Парень напротив зол, но в глубине его карих глаз я читаю испуг. Он храбр и благороден, но, полагаю, в жизни своей видел мало. Может, впрочем, я все выдумываю на ходу, я ж никакой там не гениальный сыщик.

Мне надо больше и чаще спать. Систематичней, что ли.

Лес слева шумит, прохладный, зеленый. Камни по бокам тропинки нагреты солнцем так, что плавают воздух. В выжженной траве беснуются кузнечики и мушки, вокруг чертополоха вьются шмели.

Действующий алтарь диады, который мы нашли у отвесной меловой скалы, оказался всего лишь большим, расколотым надвое камнем с едва различимыми, но явно рукотворными барельефами, изображающими то ли людей, то ли птиц. Среди каменной крошки устроился маленький пустой бассейн, выложенный блеклой бирюзовой мозаикой.

Тиха и так знал, какими бывают алтари диад, и его расколотый камень никак не впечатлил. Я был, если честно, разочарован. Я судил об алтарях по черно-белым фотографиям из учебника, и в моем представлении они должны были быть как-то... побольше, что ли. Керри долго водил пальцами по едва заметным узорам на гладких каменных боках, будто бы хотел их запомнить или разгадать тайный смысл барельефов, а может, вспомнить что-то, что давно забыл.

Ирвис тогда сказала "Ну, а что, эти штуки, похоже, древнее городских каменоломен". Ясно стало, что разобраться походя не удастся, и вдруг, интуитивно все понять — тоже. Я с самого начала в это не очень верил. Но все смотрели на меня, будто бы говоря: дипломированный маг, которому, к тому же, доверили обучение согильдийца, должен знать что-то об этих старых камнях. Но нет. Чуда не произошло. В памяти ворочались обрывки совершенно бесполезных лекций по древнейшей архитектуре и религиоведению, но никаких практических навыков в этом вопросе у меня не было. Что характерно, я даже не знал, как и где информацию по этому поводу искать или, хотя бы, с чего начать. Единственное, что дало слабую искорку надежды — плетеная корзинка с зелеными яблоками, оставленная между камнями и слегка пожухлые венки из полевых цветов, сложенные рядом.

Кто-то здесь был недавно. Возможно, какие-нибудь девушки гадали или начитывали заговоры. А может, это — настоящее подношение забытым горожанами богам.

В любом случае, осмотревшись возле алтаря, мы решили отправиться непосредственно в ближайшую горную деревеньку и найти тех, кто приносит неизвестной диаде эти скудные диетические жертвы.

Кей тогда сказала, что всем вместе идти резона нет, а потому осталась у машины вместе с Керри. Тиха сначала тоже хотел остаться, но, видимо, решил, что может пропустить что-нибудь интересное. Все-таки есть такой предрассудок, мол, в горных деревнях горожан не любят — а кто б любил приезжих, посягнувших на уютный, вовсе не туристически ориентированный мирок? Я, к тому же, выделяюсь, а значит, мое явление наведет шороху, и Тихомир пропускать это шоу никак не собирался. Свою зеленую шевелюру он тактично спрятал под шапочку, преобразившись вмиг в ничем не примечательного загорелого юношу неопределенного возраста и национальности. А вот Ирвис бы, кстати, вполне сошла за

местную, но мы решили, что посылать ее одну на разведку как-то негоже совсем. Украдут еще.

И вот, когда до Соколиной Сели (так назвалось село) осталось всего ничего — лес да виноградники — на хоженной тропинке прямо перед нами образовались два молодых человека. Оба — чернявые, коротко стриженные, поджарые. Второй, в очках, судя по всему, интеллигент, был настроен ровно. А первый, в грязной красной футболке и с сумкой на поясе, крепкий и по какой-то неведомой причине крайне злой, пускать нас дальше никак не хотел.

Разминуться на тропке не выходило. Более того, тот, что злой, совершенно точно намеревался каким-то образом пообщаться со мной. Начал он так:

— И не думай заходить в деревню, ты!

Второй, в очках, проныл, как будто бы в сотый раз:

— Да все, все, поздно! Он уже пришел, ты понимаешь? Ему не надо доходить до деревни, чтобы прийти. Все, пришел. Свершилось. Ждали-ждали — нате.

— И вам день добрый, — хмыкнул я, складывая руки на груди. — Вы нас ждали, получается?..

— Слышишь, ты, белая курица, — парень в красной футболке качнулся ко мне, удерживаемый приятелем за локоть, и ткнул мне в грудь указательным пальцем, — разворачивайся и вали туда, откуда пришел!

Ага, не маги — так и запишем. Забыли совсем, что прикосновения — чреваты.

— Чего стоишь, хмырь поганый? Вали, кому говорю!

Парень оказался ниже меня на полголовы, и теперь буравил взглядом, стоя прямо передо мной и глядя снизу вверх. Он явно решил стоять грудью насмерть, с чем его друг был не согласен, но это ладно.

Ирвис сжалась вся. Ей неуютно. Тиха и не думает вмешиваться, предвкушает веселье. Ему все равно, что время уходит. Он беспечно забыл о том, зачем мы здесь.

Наконец отфильтровав что-то цензурное, я осведомился:

— А с какого, простите, перепугу я не могу войти в деревню? У вас там что, монастырь палаточный?

— У нас там все хорошо и без всяких хренов с горы! — рявкнул парень, который злой.

— Борис, перестань, — взмолился очкастый, оторвав ладонь ото лба.

— По имени я же просил не называть! — зло рявкнул Борис.

— Да нам не совсем в деревню надо, — я попытался говорить мягко. — Нам бы кого-нибудь, с кем можно потолковать об алтаре, который выше по тропке, где ключ пересохший. Только и всего. Есть тут у вас... жрец или шаман? Или дикий колдун?..

Парни замерли и сразу ничего не ответили, принявшись многозначительно переглядываться.

Стал отчетливо слышен гул насекомых и близкий, порывистый шепот высокого лиственного леса. Когда парни снова обернулись к нам, я отчетливо разглядел, что и крепыш, и очкарик крайне похожи, как могли бы быть похожими друг на друга братья.

Очкарик вздохнул и осунулся, как сова, а тот, который Борис, из злого превратился просто в крайне презрительного типа.

— Пойдете в обход деревни по огородам, — сказал он. — Вам в дом знахаря. Он на отшибе. Но в деревню вы не ступите. Это понятно? Ни шага внутрь.

— Да пожалуйста, — я пожал плечами. — А если вы нас еще и проводите, мы будем

благодарны безмерно. Ну, или хотя бы путь огородами покажите. Я уж не прошу рассказывать, почему нам тут так не рады, хотя и ждали.

Борис, молча махнув рукой, двинулся вперед по тропке в сторону деревни, не удостоив меня ответом на мой не прямой вопрос. Мы с Тихой и Ирвис переглянулись и последовали за ним. Его приятель в очках, так и не представившийся, подождал, пока мы пройдем, и двинулся следом, замыкая шествие.

Мы пробирались огородами, промеж плетеных заборов, иногда пересекая грядки с капустой и заросли малины. Затеиливый путь привел нас к белой скале с круглыми выемками пещер, а потом, двигаясь по узкой тропке у самого края обрыва, мы вышли на уступ, к старому, но еще крепкому домику, каким-то невероятным образом воздвигнутому на отошедшей от основного массива скале. Огромный валун, являющийся фундаментом дома, был похож на сплюснутый большой палец руки. На ту сторону вел хлипкий на вид веревочный мостик с настилом, сработанным из иссушенных солнцем досок. Лететь с него вниз было бы недолго — пять-восемь метров, и все равно мост вызывал опасения, даже когда Борис и его приятель в очках, никак не замедляя шага, вдвоем прошли по нему и ничего не случилось.

С уступа также была видна притаившаяся среди леса и виноградников деревня, в которую нам отчего-то запрещено было заходить. Опрятные дома с разноцветными крышами образовывали около шести кривых и множественно пересекающихся друг с другом улиц, не более.

Я замешкался ненадолго, взглянув вниз, отмечая мимоходом группы людей, смотрящих на дом знахаря и на нас. Дети выбегали из двориков на улицу и, прижимаясь к юбкам матерей, тут же жадно впивались в нас взглядами. Люди стояли и смотрели молча, и я не мог понять, нормально ли такое любопытство или все-таки обычно так не бывает? Я тот еще раздражитель, на меня смотрят всегда, но так?.. Не слишком ли?..

— Рейни, чего застрял, вон на тебя из дверей сверкают, Борю-то не зли, — Тиха слегка толкнул меня локтем.

В черном зеве прохода в самом деле виднелась недовольная физиономия Бориса.

Мне пришлось отвлечься от созерцания деревни и поторопиться, а чтобы войти внутрь хижины — пригнуться. Ирвис с Тихой вошли следом. Парни, откровенно не сдерживавшие своего красноречия там, на пути к поселению, притихли, встали по бокам от входа, придерживая перед нами тяжелую тканую занавесь. Они все еще буравили друг друга взглядами, будто продолжая перепалку безмолвно, но задерживать нас не стали.

— Разуваться? — спросила Ирвис.

— Нет. Вы оставайтесь тут, а дальше пускай он сам идет, — Борис кивнул на меня. — Тебе ж больше всех надо, а?

Тиха изобразил лицо вроде "чего стоишь, иди давай" и подпер собою неаккуратно побеленную стенку, сложив руки на груди.

Ага. Значит, ребята не хотят, чтобы на чужаков смотрели из деревни, но и не хотят, чтобы чужаки видели слишком много. Ситуация, конечно, странная, но, пожалуй, не страннее чем все, что сейчас происходит. Мне пора бы привыкнуть.

Сопровождаемый пристальным взглядами своих и чужих, я снова нагнулся, чтобы пройти, минуя очередную занавесь, в следующую комнатку, застланную и увешанную коврами сверх всякой меры. Причудливые старинные ковры, казалось, от роду не знали стирки или чистки, о пылесосе и думать нечего. Пыль живописными облачками клубилась в

полумраке, щекоча ноздри, смешиваясь с запахом эфирных масел и тлеющих благовоний. Выбравшись из коврового лабиринта, я узрел прямую, как доска, спину и лысую голову местного знахаря. Мужчина в одних спортивных штанах сидел на полу, на циновке, перед ним был низкий квадратный стол, уставленный ароматическими лампами и тускло поблескивающими идолами, в которых я краем глаза распознал традиционные изображения диад.

На стенках вокруг стола тоже висели ковры, и даже квадратное окно наполовину закрывало плотное, испещренное узорами полотно, слишком пыльное и тяжелое для обычной шторы.

Я поздоровался.

— Проходи, садись, — произнес знахарь, не оборачиваясь.

Оглядев тесное помещение еще раз, я прикинул, куда бы мне уместиться и при этом ничего не задеть. Чужой бардак — чужие правила, он представляется сущим хаосом, даже если на самом деле им не является.

Рискуя опрокинуть пару свечей, я все же протиснулся между цилиндрической тумбочкой и шкафом за дальний край стола, так, что узрел, наконец, лицо знахаря: сухое, морщинистое и безбородое, но было понятно, что мужчина еще не стар. Время и, возможно, физический труд не пощадили его.

На меня в упор уставились два темных глаза неразличимого цвета.

И мне бы испугаться... Но, кажется, я научился беспокоиться о себе. Мне бы хоть каплю тревоги, хоть грамм страха — но нет, я абсолютно спокоен. Тут пахнет долженствованием и размеренностью. Все так, как и должно быть. Это чувство на грани сознания оглушает и умиротворяет.

Может, травы и масла делают свое дело, одурманивая?

Хозяин ковровой комнаты молчал. На столе перед ним лежала небольшая шкатулка из светлого дерева. Морщинистые руки знахаря покоились на золоченой деревянной крышке, как будто она теплая и мужчина об нее греется.

— Мне хотелось бы задать вам пару вопросов касательно алтаря диады, — начал я. — В частности, не знаете ли вы, где можно найти инструкции или руководства по довоенным ритуальным практикам. Мы тут с ребятами с культурологическим исследованием...

Знахарь не дослушал.

— Сегодня день цветной луны, — произнес он полным значимости голосом, и я ему почти поверил и дальше перебивать не стал. — День, когда мы вспоминаем мертвых и просим зиму не торопиться. Но всем известно, что холода придут, сколько ты их не проси, и смерть неизбежна, а зима неумолима. Давно сказано было, что на исходе лета явится и будет искать древних истин белый принц-девственник, а следом за ним придут забвение и пустота, — знахарь отодвинул от себя деревянную шкатулку, которую держал в руках. — Именно поэтому Борис с Василием не хотели тебя пускать. Неверующие же уверовали.

Я не смог сдержаться:

— Ну, охренеть теперь.

Знахарь смотрел на меня, я — на него, шкатулка лежала ровно посередине стола. Я думал, как бы так покорректнее объяснить, что, ежели это он мне пророчество какое-то зачитал, то с девственностью явный прокол, а если предположить, что мужик, например, бредит, то выходит, что мне здесь вовсе незачем находиться. Но тут вариантов немного: или верить, или уходить. А уйти без информации, за которой пришел, я не могу. То есть я не

могу уйти, даже не попытавшись ее узнать.

Внутренние часы тикали, игра в гляделки представлялась мне все более нелепой и бессмысленной, хотелось, кроме прочего, обратно на солнышко, а знахарь взгляда не отводил.

— Прими этот скромный и щедрый дар, — продолжил он наконец. — Пускай он послужит нашим искуплением. Пускай древнее это сокровище, всякому бесполезное, кроме истинного хозяина, выкупит у будущего этот лес и урочище. Когда случится предначертанное, поклянись, что не забудешь нашего приношения и пощадишь это место.

Дурак бы сказал "извините, я вас не понимаю, о чем вы?" — но я не дурак, и, хотя я его тоже не понимал, мне стало казаться, что мне известны правила этой игры. Поэтому я сделал лицо попроще, расправил плечи и тоже сказал со всей возможной серьезностью:

— Хорошо, я клянусь. Дар ваш не будет забыт.

Мужчина выдохнул, и понятно стало, как он был напряжен до этого и каких усилий ему стоило держать осанку. Теперь он сдержанно улыбался и кивнул на шкатулку, мол, давай, бери. Я медлил.

— Так как насчет...

Знахарь пододвинул шкатулку еще ближе.

— Хорошо, хорошо, — выдохнул я и взял навязанный и, как по мне, так незаслуженный подарок в руки.

Шероховатое светлое дерево. Орех, кажется. Углы украшены золотистым металлическим кружевом — но я тут же понял, что это не золото. Под пальцами мягким покалыванием отозвалась извечно голодная до магии золатунь. Шкатулка, сама по себе, и в самом деле стоит денег, хотя бы из-за вкраплений золатунных нитей, которых тут, стоит признать, достаточно. Но что в ней? Я должен открыть ее немедленно? Или хватит того, что я ее принял?

Наученный горьким опытом недавних наших контактов с осколком Лок, я решил, что сам, наедине со странноватым знахарем, открывать ее не буду, даже если он снова упрется и будет настаивать.

— Так как насчет алтаря? — напомнил я, поставив шкатулку на стол и отодвинув немного в сторону. — Ритуалы...

— А, — улыбнулся знахарь совсем запросто, будто бы по-соседски, — алтарь. Точно. Последний жрец Меняющих скончался лет сорок назад, еще до войны. Но даже при его жизни алтарем уже не пользовались... В практических целях.

Я вспомнил легенду о Меняющих, осознав, какой именно диаде посвящен был алтарь. Странное у него расположение получается. Обычно Меняющим поклонялись на побережье, отождествляя их сущность с натурой береговых ветров, превознося постоянство перемен и изменчивость всего, что на первый взгляд неизменно.

— Значит, вы ничего не знаете.

— Этого я не говорил. Записи последнего жреца сохранились, и студенты, приезжающие к нам сюда на культурологические изыскания и археологические практики, кое-чего сумели расшифровать и переписать. Почерк у тогдашнего жреца был почти медицинский, так что эти конспекты дорогого стоят.

Вот как. Значит, мою наспех придуманную ложь знахарь в раз опознал. В мысли закралось подозрение, что мужик надо мной издевается со всеми этими "принцами-девственниками" и прочим.

Тем временем хозяин дома повернулся к цилиндрическому комоду и, выдвинув средний ящик, зашуршал бумагами.

— Вот, держи, — он протянул мне распечатанные копии рукописных листов, — это, кажется, оно. Вроде бы даже совпадает с этой вашей Заповедью. Местами.

Я принял из его рук распечатки, жадно вглядываясь в текст и выхватывая на ходу куски смыслов: "Кровь земли... слезы дерева... молитва об Изыскании Возвращения и заклятие Пилигрим, золотунный ошейник, правильные частоты"...

— Вот только ты сюда не за этим пришел, северное дитя, — произнес знахарь со вздохом.

По возвращению к минивэну, Берсы и Керри мы там не застали. Зато я обнаружил глубоко в себе тревогу, смешанную с робким злорадством от мысли, что наш Кровавый Рассвет, не теряя времени, позавтракал костлявой Катериной и теперь рыщет по лесам в поисках прочих невинных жертв.

Но моим надеждам не суждено было сбыться. Кей и Керри вскоре отыскались невдалеке от дороги, ниже по склону, там, где почва резко идет под уклон и в тени гривастых ив резво журчит одна из множества мелких горных речек.

Своим глазам я поверил не сразу. Эта осень в конце концов отучит меня удивляться. Керри, не будь дурак, с совершенно блаженным лицом гладил бархатную морду вихрастой чалой лошади, стреноженной у дерева. Кей сидела неподалеку, на пеньке. Вокруг пенька, лошади и Керри нарезала круги рыжая собака дворянской породы, то и дело весело запрыгивая на Керри и пачкая его черную с золотом мантию немытыми лапами. Как-то останавливать это безобразие никто из участников оного не собирался.

— Ты!.. — подойдя ближе, я хотел было отчитать Кей за то, что позволила нашему иномировому убийце трогать животных, но осекся.

— Чья лошадь-то? — спросил Тиха, спустившийся с пригорка следом за мной.

— Не знаю, тут стояла, может из местных кто оставил, — Кей пожала плечами. — Ну, мы решили подойти, пообщаться. А собака потом прибежала. Я сначала тоже не думала, что так будет, но... вы только посмотрите...

— ... они любят его, — продолжила за Кей подоспевшая и немного запыхавшаяся Ирвис. — Животные, в смысле.

Мы посмотрели. Чалая лошадь увлеченно жевала красные волосы Керри, пока тот гладил разлегшуюся на земле собаку по розовому пузу.

— М-да, — резюмировал я.

— А у вас как дела? — поинтересовалась Кей. — Узнали что?

— Вроде того. Кроме крови девственника и слез земли для активации алтаря нам нужен человек, умеющий читать заклинания, в частности — некое заклятие "Пилигрим". Оно само по себе приводится в бумагах прошлого жреца, но вот читать его среди нас некому. Да и вообще... некому.

— То есть без вариантов, — поняла Кей.

— Погодите, почему без вариантов? — спросила Ирвис. — Разве столичный институт транслитерации не занимается переводом довоенных заклинаний в безмолвные?

— Занимается, — подтвердил я, — что-то я об этом и не подумал. Но, даже если так, сколько это займет времени?

— Там может быть готовый перевод этого самого Пилигрима, — предположил Тиха. — Рейни, напиши им.

— Напишу, — я медленно кивнул. — Хотя, учитывая, что из нас колдовать безмолвное можем лишь мы с Ирвис, сил на непрофильное может банально не хватить. Кроме прочего... — я замешкался, вспоминая пристальное внимание жителей деревни и странное поведение знахаря, — и знахарь, и аборигены вели себя подозрительно. И, кроме этих бумажек, преподнесли мне подарок в знак, понимаете ли, искупления, назвав меня "белым принцем".

Тиха прыснул в кулак. То ли через ковры все услышал, то ли и "принца" ему достаточно для того, чтобы позлорадствовать. Но веселился он недолго, очевидно, вспомнив, где мы находимся, куда направляемся и зачем мы тут вообще собрались.

Солнце тем временем зашло за край леса и от реки потянуло прохладой. Собака встрепенулась, что-то тревожно проскулила и убежала вглубь рощи по своим, собачьим делам.

Как только солнце ушло, мне снова стало холодно.

— И что за шкатулка? — Кей даже спрыгнула с пенька, подстрекаемая любопытством.

— Разве можно так просто открывать волшебные шкатулки? — спросила Ирвис, поджимая губы.

— Конечно, нельзя, — ответил Тиха, тоже подбираясь поближе ко мне, чтобы ничего не упустить. — Ну, Рейни, жги!

На меня глядело три пары заинтересованных глаз. В юных головах собравшихся вокруг уникамов, похоже, напрочь отсутствовал страх и чувство самосохранения.

Я медлил.

— Так, а ну, давайте ее сюда! — решительно вмешалась Кей, выхватывая у меня легонький деревянный контейнер.

Она отошла от нас на пару метров и, отвернувшись, без каких-либо усилий открыла шкатулку.

Кей молчала, шерудила внутри рукой, не оборачиваясь. Плечи ее расслабились, когда она что-то достала.

— Ну, что там? — спросил я, не выдержав затянувшейся паузы. — Кей?

Я стал подходить ближе, и Кей обернулась ко мне навстречу.

— Рейнхард, — она держала в руках пожелтевший пергамент, запечатанный сургучом. — Тут... тут тебе письмо.

"Я не знаю, как именно оно сработает, но — привет! Ищу, как выбраться, пока что дело — дрянь, но я еще точно что-нибудь придумаю. Как вы там?... Хотя, конечно, глупый вопрос, вряд ли неотправленные письма предполагают... ответ.

У меня все относительно терпимо. Попала внутрь Башни Тайны. Я так понимаю, это дубликат хранилищ почившей в веках Гильдии Пророков. Там я встретила что-то вроде живого терминала. Спрашивала как выбраться — говорит, даже если у меня выйдет вернуться обратно, спокойной жизни мне не видать, пока не восстановим Лок. У меня есть основания доверять этому источнику, я постаралась проверить его.

Поэтому передай, пожалуйста, моему опекуну, если письмо ему не придет, что искать меня здесь бессмысленно, нужно восстанавливать Лок. Я тут сама пока что побуду, может, даже сумею выбраться как-нибудь.

Мне очень неловко от того, что тебе и ребятам, возможно, придется подвергнуться опасности, ведь неизвестно, как оно там, на севере.

В любом случае будьте осторожны, что бы вы ни предприняли.

P.S.: Здесь, в башне, ветрено и одиноко. Кажется, будто это место предназначено для гораздо большего количества людей. Все как-то заброшено и пустынно, хоть и очень красиво. Будто бы кто-то ушел и не вернулся, или попросту не пришел".

Транзитный поезд в Мерцающий Мир — или как-то так — очередное пафосное, хоть и красивое название, которое может обозначать что угодно, — должен был пройти мимо Башни Тайны.

Так говорил Керри.

По его словам выходило, что сначала Небесный Кит упадет в Тлеющее море... потом повернется Калейдоскопическая луна... и после мимо Башни Тайны пройдет поезд. И только потом грянет Зов. Но Зов уже был, чуть раньше... Стало быть, доверять озвученной последовательности не стоит?..

Ожидание длилось уже вечность — по крайней мере, так казалось Никс. Она вспомнила все стихи и песни, какие могла, и придумала даже пару-тройку своих, простеньких и корявых. Иногда она думала о себе, о том, что успело случиться год назад и неделю назад, вспоминала себя тогдашнюю и не узнавала. Пребывание наедине с собой казалось пыткой, которую ничем, кроме усилия воли, не отменить. Не на что отвлекаться. Нечем заглушить тревожные, монотонные мысли. Закатное солнце словно замерло, не желая покидать небосвод, будто бы нарочно растягивая и без того длинные сумерки.

Ромка, которого нет. Где же теперь искать его? Как же теперь жить? Теперь выходит, что это все — навсегда. И то, что в лотерее ей вроде бы повезло, снова обернулось бедой. Из башни нет выхода. Люк в полу задраен наглухо, нет никаких рычагов или кнопок, Никс проверила этот вариант самым первым. Солнечный клинок не в состоянии расплавить металл, а портить зарубками чистые белые стены как-то... ну... неправильно. И ладно, пускай бы ей удалось проковырять дыру в платформе — дальше что? Падать вниз? Спускаться на веревке, которую получится сделать из одежды?

Никс решила оставить этот вариант на самый крайний случай.

Никаких лестниц вокруг комнаты тоже не было, в три окна смотрело пустое небо, а если выглянуть в западное окно, то можно было увидеть, как на многие километры вверх и вниз простирается Башня Тайны. Помещение, где оказалась заперта Никс, располагалось на вершине башенки поменьше, которая, в свою очередь, была чем-то вроде отростка, отделенного от основного здания-исполина. В двух других окнах виднелись такие же тонкие мелкие башни, выросшие из основной. О том, чтобы как-то перебраться в ближайшую соседнюю башенку, даже думать было страшно, настолько далеко она располагалась.

Итак, очевидного пути наружу нет. Никс оставалось только уповать на то, что обещанный Керри поезд все же появится, рано или поздно.

Опершись на подоконник, она смотрела на плещущиеся внизу золотистые облака. Никс снова мысленно пробежалась по тексту послания, переданного через Дневник Неотправленных Писем. Дойдет ли хотя б кому-нибудь? Она старалась писать сдержанно и по делу. Может, хоть к Марику дойдет... Или к Тихомиру... ну или, ладно, пусть хотя бы к Рейнхарду!

Она снова задумалась о Тихе, и о том, что он учудил тогда, в палате, и сердце, затрепетав, зачем-то разрослось равномерно по всему организму — по крайней мере, так показалось. Что ж это значит? То и значит. Но ведь... ужас-то какой. Почему все так сразу? Для душевного спокойствия лучше, наверное, будет сделать вид, что ничего не было, и вообще. Может, она действительно все неправильно поняла. Вдруг у него это в порядке вещей и вообще ничего не значит? Люди ведь разные...

И такой же разной бывает человеческая красота, вдруг подумалось Никс. Рейнхард вот зачем-то пытается смягчить свою холодность, очевидно, он осознает то, как выглядит и каким его видят другие — и, наверное, от этого с теми, кому хочет нравиться, ведет себя слишком мягко и заботливо, вызывая в сознании эпических размеров диссонанс. Тем жутче будет контраст, когда он перестанет себя сдерживать. И тем виднее контраст уже проявившийся — между ним и Тихой.

В Тихе трудно рассмотреть идеальную красоту, да и берет он не этим. Он будто бы действует вопреки всему: и тому, каким уродился, и законам мира. И это для него естественно, и эта естественность завораживает, и ей откликается внутри что-то кроме разума, что-то неосознаваемое и оттого пугающее.

Да, Рейнхард страшит тем, что прячет в себе, а Тихомир — тем, что из-за него просыпается в ней самой.

Здесь, в тишине и одиночестве, если отбросить прочее, думалось отлично.

И не время было играть в игры, понимала Никс, но ей пришлось себе признаться, что, пожалуй, хочется. Восхитительный морок похож на яркую, но безвкусную картинку, он действителен, но нереален, а вот воспоминания о людях будоражат и цепляют, как настоящие, и трудно сопротивляться веренице образов, оживающих в памяти, словно кадры из любимого фильма.

И пока она думала так, на почерневшем небе, зажатая между клешнями далекой вершины Антарг, провернулась красная луна, обращаясь в раздробленный, словно раскрошенное печенье, полумесяц, состоящий из цветастых кусков, которые засияли, создавая эффект витража или, действительно, калейдоскопа. На горизонте, между небом и облаками, появилась серебристая полоса, превращаясь в длинную сегментированную змею, сверкающую хромированными боками в разноцветном лунном свете.

Поезд ознаменовал свое прибытие пронзительным гудком и столбом сизого дыма, превращающимся в облака. Но почему-то оказалось, что поезд не собирается забирать Никс из ее клетки. Состав предпочел идти на сто метров ниже, и Никола, подскочив, перегнулась через парапет, наблюдая, как вагоны стремительно огибают белый край Башни Тайны и исчезают с другой стороны.

Ночной ветер принялся нещадно трепать ее волосы и обрывки платья.

Нужно было срочно что-то сделать, иначе поезд уйдет. Прыгнуть вниз? Никола помнила, что Керри для полета нужно было крыло, так чем же она лучше Керри?

Краем глаза Никс заметила то, чего раньше не замечала: металлические поручни в полутора метрах ниже, за выступом белой стены.

Эти полтора метра еще нужно как-то преодолеть, а вот дальше... дальше, похоже, можно спуститься!

Раньше она не замечала этой возможности, потому что не высывалась из окна башни достаточно далеко, предпочитая держаться края.

Решив, что терять нечего, Никс отчаянно размахнулась и с силой воткнула солнечный

клинок в стену чуть ниже парапета, прямо в щель между белыми камнями. Лезвие, чиркнув по шершавой поверхности, вошло по самую рукоять, плотно и вроде бы надежно.

Вот и полшага к победе. Теперь нужно преодолеть каких-то полтора метра.

— Если я и умру, то не здесь. Эта смерть была бы слишком глупой. Не здесь. Не сейчас.

Никс, свесив ноги с бортика, стала шарить внизу левой ногой. Страх высоты, не панический, но совершенно обыкновенный для человека, подкатил волной к самому горлу, сковывая. Да как отключить этот назойливый инстинкт самосохранения, когда он не нужен? Никс постаралась абстрагироваться, представить, что это все и правда сон. Чуть-чуть помогло. Найдя опору, она продвинулась ниже, держась руками за самый край парапета, аккуратно перенося вес на рукоять кинжала. Ее трясло, но не от холода, хотя ветер вокруг буйствовал и негодовал. Потоки воздуха желали сорвать Никс, словно листок, и унести, закружив.

Она стала осторожно опускать вниз вторую ногу, одновременно вытягивая руки. Через несколько секунд, показавшихся ей вечностью, она нащарила голый стопой первый металлический поручень. Выдохнула, упершись в стенку лбом и на секунду прикрыв глаза.

Теперь нужно отпустить руки и, удерживая равновесие, ухватиться левой ладонью за солнечный кинжал.

Дальше будет проще. Коленки трясутся, мышцы горят с непривычки, бездна манит, как никогда.

— Давай-давай-давай, — стиснув зубы, Никс заставила себя отпустить ладони.

И в этот миг все перевернулось, ее дернуло сначала вниз, потом вверх, мир качнулся и кувыркнулся, выдав головокружительный кульбит. Никс, вцепившаяся в поручни изо всех сил, вдруг оказалось лежащей на горизонтальной поверхности. Ветер все так же ярился, но теперь перед ней был прямой путь к поезду, который тем временем медленно набирал скорость.

Ясно, понятно. Гравитация мороку не указ. И клювом тут не шелкают.

Никс рывком вытащила из пола, бывшего стеной, солнечный кинжал, подскочила и побежала вперед, тут же забыв и тяжесть одиночества, и призывный, манящий страх бездны. Она неслась изо всех сил, в то время как поезд и не думал ждать ее. Никс поднажала: все или ничего. Надо успеть! Поезд снова издал гудок. Легкие уже жгло огнем, но Никс все равно бежала так быстро, как только могла. Вот уже до поезда не больше пяти метров. За что зацепиться? Мелькают окна, поручни, таблички... Никс стала бежать параллельно ходу состава. В отчаянии она поняла, что поезд уезжает. Осталась всего пара вагонов — и все! Состав набирает ход. А она все не может решиться! И вот мимо нее проезжает последний вагон... и в его хвосте — площадка с перилами. Никс, каким-то чудом сумев подгадать время, отчаянным рывком бросилась вперед, оттолкнулась от белого камня башни, подпрыгнула и ухватила за поручни последнего вагона, а затем с силой затащила себя на площадку.

Привалившись спиной к металлическому парапету, Никс позволила себе отдышаться, с трудом успокаиваясь.

"Тыдым-тыдым", — звучал поезд, словно где-то внутри него бьется большое, мягкое сердце.

Только отдышавшись, Никс заметила, что на площадке она не одна — рядом стоит человек в сером балахоне и смотрит на нее немного осоловело. Вязаный крупными петлями шарф ошарашенного пассажира трепался на ветру, широкополая шляпа была сдвинута

набекрень. В руке у него тлела сигарета, лицо было слегка грубоватое, безбородое, глаза живые и любопытные, ярко-синие, с искорками. Никс на секунду подумалось, что старые волшебники из сказок примерно такими должны быть в молодости.

Мужчина, в принципе, располагал, и потому Никс спросила:

— А не подскажете, куда... мы... едем?

Она отряхнулась, вставая и вглядываясь в человека внимательней.

— Конечная — Сияющий Мир, — ответил пассажир, справившийся с удивлением и теперь явно заинтригованный. — Только без документов ссаживают на границе.

— А что у нас на границе?

— Край Света, что же еще, — он щелчком отправил недокуренную сигаретку куда-то в звездную бездну.

— А вы... докуда?

Собеседник ее потер подбородок задумчиво, желая, видимо, выдержать паузу. Живые синие глаза закатил и стал рассматривать сигнальный фонарь над площадкой, но затем снова уставился на Никс.

— Я до Колодца Надежд, если повезет, — ответил пассажир. — Впрочем, чего здесь разговаривать. Пойдемте внутрь, я бы хотел о многом вас расспросить.

— Меня? — удивилась Никс. — Но я ведь... ничего не знаю...

— А я знаю многое об этом месте и многое видел. Я — сказочник. Пишу сказки, придумываю истории. И здесь каждую ночь, когда повезет, я ловлю за хвост вдохновение. Кажется, что в этот раз мне повезло. Таких, как вы, я никогда еще не видел.

— А что во мне такого особенного? — удивленно спросила Никс, проходя внутрь вагона следом за новым знакомцем.

Но, не услышав ответа, она тотчас же отвлеклась, разинув рот от внезапной перемены обстановки. Они оказались в узком и длинном помещении, лишь чуть напоминающем вагон.

— А разве вагоны-рестораны бывают последними?.. — пролепетала Никс, но ее вопрос утонул в гомоне голосов и мелодичных переливах арфы. Вокруг толпилась красочная, фантастическая толпа, и, хотя никто и не думал обращать на нее внимания, Никс на секунду почувствовала себя неловко. Она тут же спрятала солнечный кинжал в полах своего шелкового платья, рваного по краю, и попыталась не отставать от сказочника, который ловко лавировал между странными, ярко одетыми и накрашенными посетителями, направляясь, очевидно, к барной стойке. Вообще публика вагона-ресторана представляла собой месиво диковинных, на удивление цивилизованных чудищ. Были тут и рыбоголовые, о которых рассказывал Ромка, и крылатые желтоглазые, наиболее похожие на простых людей. Одна дама была вся составлена из чего-то, более всего напоминающего карамельки, зефир и пирожные. Этот удивительный голем из сладостей хихикал, повизгивая, обрадованный шуткой своего собеседника — дракона из огурцов с головой в виде жестяного ведра с мясом.

— Пялиться на людей — неприлично, — напомнил Никс сказочник, кашлянув.

— На людей?.. — пролепетала Никс, опомнившись.

— Пойдемте вон за стойку, — он кивнул вперед, — там зеркало есть. Заодно сможете себя разглядеть. Если я правильно понял, вы тут впервые.

Никс, напомнив себе, где находится, постаралась воспринимать творящийся вокруг хаос спокойно. Пройдя следом за своим новым знакомцем, она залезла на высокий табурет у стойки и впервые за весь срок своего пребывания в мороке взглянула на себя в самое настоящее зеркало, и была немало удивлена показавшимся отражением. За бутылками и

стаканами просматривалось черное лицо с раскосыми глазами, обведенными красным, черные шея и руки, лисьи стоячие уши и волосы — рыжие настолько, что будто горящие, трепещущие, словно настоящее пламя. Никс оскалилась, чтобы рассмотреть свои зубы, и увидела их такими же пламенными, как и волосы.

— Что... со мной... такое? Что я такое?

— Хороший вопрос, — ответил сказочник, усевшийся на табурет рядом. В зеркале он отразился точно таким, как был.

Никс обернулась к нему:

— Это я себе такой снюсь?.. Хотя... Нет, я не снюсь, — она взглянула на свои ладони, черные, словно уголь.

Собеседник скосил на нее правый глаз, поджал губы, хмыкнул.

— Собственно, вот вам и "особенное". Люди, которые пришли сюда во сне, в большинстве своем обладают достаточно бедным набором вариантов, во что бы им такое обратиться, ввиду ограниченности кругозора. И даже если им удастся выдумать что-то интересное по сути, оно зачастую весьма обыкновенно необыкновенно по форме. То есть люди, выглядящие чудищами, конечно, поражают, но все они внешне привычны и обыкновенны, подсмотрены где-то в кино или книгах, которые, в свою очередь, очень часто транслируют обобщенный усредненный стиль и рассчитаны как раз на то, чтобы развлекать, но не шокировать. А заговздка-то — в мелочах. В общем, не каждый выдумает себя здесь так, как удалось вам.

— Я не выдумывала, — Никс покачала головой.

— Даже если бы выдумали — это говорило бы о том, что есть в вас что-то необыкновенное, а раз ваш образ сотворен не намеренно... Тогда может статься, что ваш образ — не этикетка, а очень даже наоборот — самое что ни на есть содержание.

Никс еще раз посмотрела на свое отражение.

— Не этикетка...

— Сейчас в реальности ночь. Народу прибавляется. Не все из них, — собеседник Никс кивнул назад, — живые спящие. Но все из живых спящих кое в чем похожи. Сюда, видите ли, просто так не попасть, сюда попадают только изначально предрасположенные. Или сноходцы, типа меня.

— Что-то в этом вашем мороке, как для мира без очевидных логических связей, слишком уж много правил.

— Зато, зная правила, можно попытаться их своевременно использовать себе во благо. Не у каждого тут есть такая возможность. Вон те, что за нами, — он кивнул назад, на разномастную галдящую толпу, — они на своей волне, в их реальность сна не так-то просто вклиниться. Они зачастую тут даже разговаривать толком не могут. Их облик изменчив и фантастичен, их сознание словно в тумане, они неопасны, потому как влиять на морок не умеют и пользу извлечь не могут. Они — просто спящие, предрасположенные к кратковременным визитам сюда. Я же, как сноходец, осознаю себя и держусь в привычной человеческой форме, и даже могу взаимодействовать немного с окружающим. Вот, например, могу выпить какое-нибудь здешнее зелье. Эй, бармен!

Бармен материализовался в мгновение ока, буквально из ниоткуда — один из золотоглазых крылатых, светловолосый и суровый, в пожелтевшем тряпичном фартуке и с головой, зачем-то перемотанной бинтами.

— Мне как всегда, — попросил сказочник. — И вот огненной госпоже чего-нибудь

горячительного, я прошу прощения за каламбур.

Жонглируя пузатыми склянками, бармен неодобрительно пробурчал:

— Зайцы, что ль?

Никс съежилась на своем табурете.

— Не, мы с билетами, — ответил за нее сказочник. — Хотя когда тут последний раз контролера видели?..

— Контролера, может, и не видели, а вот рассветные барсы свою работу знают, — бармен поставил перед Никс треугольную мензурку с плещущимся внутри напитком, похожим на сжиженный свет. — И я должен им сообщить о нахождении здесь человека во плоти, пускай это и не совсем человек.

— Чутье подсказывает мне, что она тут не по своей воле, — сказочник обратился к Никс: — Я прав?

Та решительно закивала.

— Правила есть правила, — ответил бармен, зачем-то запечатывая мензурку пробкой. — Единственное, что я могу посоветовать: выбирайтесь отсюда скорее. От барсов уйти еще можно. В конце концов, они на то и сторожевые, чтобы прогонять. Но если срок превысит лимит и за дело возьмется Кровавый Рассвет...

— Я как раз ищу способ отсюда выбраться, — перебила его Никс.

— Видишь? — улыбнулся сказочник.

— ...И буду крайне благодарна за любые идеи, как бы мне это сделать. Вы говорите, что я тут во плоти — это правда, раньше я этого не понимала. Вот почему теперь все такое... настоящее.

— Для того, кто здесь во плоти, смерть будет настоящей смертью, — проговорил бармен, начав вытирать столешницу выдавшей виды тряпкой.

— Так как мне попасть обратно? — снова спросила Никс.

Бармен замер. Он мигнул, словно голограмма, пошевелился как-то странно, будто заевшая запись, и, снова став стабильным, продолжил протирать стойку — и вдруг его голова повернулась на триста шестьдесят градусов, и на Никс уставилась белая усатая морда в черную полосу с глазами небесно-голубого цвета.

— А вот теперь быстро пошли отсюда, — сказочник ухватил Никс за рукав и потянул за собой через толпу ровно в тот миг, когда голова снежного барса на теле крылатого бармена издала душераздирающий рык.

Так и не выпустив из руки мензурку со сжиженным светом, Никс побежала сквозь толпу за сказочником, то и дело натываясь на мягких и полупрозрачных обитателей морока, проходя через некоторых насквозь.

— Скорей! — поторапливал сказочник.

— Да бегу, бегу!

Никс вылетела следом за ним в дверь, и тут же наворачнулась, споткнувшись об какую-то корзину и уткнулась лбом в развешанные сверху тряпки, которые, в общем-то, и помешали ей упасть навзничь. Распутавшись, Никс попыталась сориентироваться и обнаружила себя в крытой повозке, запряженной парой серых лошадей в яблоках, на всех парах несущейся через степь. Давешний сказочник сидел на вожжах и всюду понукал лошадей мчаться еще быстрее.

Никс, преодолевая тряску, выбралась к нему, ошалело оглядываясь вокруг: сухие белые холмы, жара, вокруг повозки — сотня таких же, управляемых все теми же причудливыми

монстрами, которые толпились в вагоне-ресторане. Пыль, шум, крики.

— Что это? — спросила Никс у сказочника, пытаясь перекрычать топот копыт и гомон толпы. — И, кстати, как вас зовут?

— Оливер! — представился знакомец. — А это — караван, идущий через соляную пустошь! Траву видишь? Это кристаллы соли.

— А куда делся поезд?

— Какой поезд?.. — и он расхохотался.

Пыль, трескающийся асфальт, черные тополя столбами меж электрических опор, и все это сверху, словно медом, залито закатными лучами. У одной из придорожных деревень мы заметили рынок с развалами ношенных вещей, и я потратил некоторую часть нашего денежного приза за второе место в музыкальном конкурсе на дозакупку еды и теплую одежду для Ирвис и Керри. Если не достались эти деньги контрабандисту, так можно же их на что-то полезное потратить, верно? Керри, впрочем, еще и Кей кое-чего докупила на свои, нарядив его в черную футболку с логотипом какой-то старинной рок-группы, в красную клетчатую рубаху не по размеру и широкие синие джинсы, так, что пол нашего иномирового знакомого, и так спорный, вовсе потерялся за мешковатым облачением.

Тиха вел молча, и я все гадал, когда же он начнет использовать свой странный дар — а он все не начинал. Километры длились, как им и положено, дорога казалась прямой и незыблемой. Может, он не видит путей. Может, что-то не так с этой дорогой.

Издваться над ним не тянуло.

Стало быть, вариантов никаких не было и нет, Тиха был прав. Теперь только на Север. Чтобы вернуть Николу из Морока навсегда, нам следует восстановить зеркало Лок.

Обнаружившееся в шкатулке письмо от Никс никак не шло у меня из головы. Я узнал ее почерк, не могло быть никаких сомнений в том, что это она. Кто знает, сколько лет хранили эту бумажку жители того поселка? Кто записал эти слова, каким-то неведомым образом продиктованные из самого морока?.. Кто предсказал мое появление в этой деревне? И если я оказался правдой, то неужели правдиво и все остальное?..

Дивные дела.

Еще днем мне внезапно дозвонилась матушка Ирвис. Уж не знаю, почему она решила звонить мне и откуда у нее взялся мой номер, однако же я смиренно выслушал ее рыдания в трубку, глядя при этом на достаточно спокойную, хоть и немного подавленную Ирвис. Я сказал ее матушке, что дочь жива, и только потом передал телефон.

Лицо Ирвис озарилось и посветлело, и, разговаривая с матерью, она снова показалась мне той восемнадцатилетней девушкой, которой я ее впервые узнал.

Когда солнце коснулось горизонта, мы выехали на широкую и прямую дорогу, летящую стрелой среди пустых, выжженных летним солнцем полей. Эти степи — граница нашего края, ворота на континент. Летом здесь пустынно и ветрено, зимой — пустынно и нестерпимо холодно. Даже линии высоковольтных передач потерялись где-то вдали, за желто-белыми холмами, испещренными выходами известняка.

Машина шла мягко, никого не наблюдалось ни сзади, ни спереди.

— Что-то нет никого в такой час, — произнес я вслух то, что уже добрых пять минут вертелось на языке. — Хотя казалось бы.

— И это, знаешь ли, странно, — откликнулся Тиха, который последний час-два словно воды в рот набрал.

— Да не, вон едет что-то сзади, фура какая-то, вроде, — заметила Кей.

В дорожном мареве и в самом деле что-то просматривалось. Темная точка росла, обретая очертания большого грузовика.

— Быстро идет, пустой небось, — предположила Кей. — Сейчас еще обгонит!

— Еще меня грузовые фуры не обгоняли, — пробурчал Тихомир. — На принцип берет!

— А использовать фокусы последние два часа тебе тоже принципы не позволяют? — все-таки спросил я. — Не то что б я имел намерение тебя торопить, однако мне любопытно, с чем это связано...

— И что это за блокпост такой необычный?... — заинтересовалась Кей, смотрящая меж передних сидений на дорогу.

Впереди маячили какие-то черные, бликующие конструкции — вроде как обтянутые черным полиэтиленом доски, хотя издали точно распознать, что это, не представлялось возможным. Конструкции, в высоту примерно с детскую горку, сужали удобный проезд, а возле них можно было рассмотреть нескольких плохо различимых издали человеческих силуэтов.

Тиха сбавил скорость.

— Так. Дорожной инспекции тут отроду не стояло, аварий мало, нарушать почти нечего, — быстро проговорил он. — Блокпост странный. Фура не пройдет. Мы можем пролететь. Хотя нет. Вон, я вижу, товарищ уже вышел на середину с намерением героически помереть. И какого хрена, спрашивается?..

— Может, по степи объехать их, сбоку? — предложила Кей.

— Там что-то неладно? — забеспокоилась Ирвис.

— Так, ребята, зачем нам проблемы с властями, нас тут полная машина магов и один чебурек без документов, — напомнил я. — Проходить контроли нам не с руки, зачем у нас вообще Тихомир такой красивый, просто баранку крутить или что?..

И в этот момент я услышал характерные щелчки и прочие металлические звуки, которые издает приводимое в боевую готовность огнестрельное оружие.

Я медленно, очень медленно повернул голову и взглянул на то, что творится в салоне.

И, мягко говоря, оторопел.

Ирвис прижималась к Керри, который этим был крайне смущен, не понимая, чего это она. Впрочем, Ирвис была напугана искренне. Напугал ее, очевидно, солидных размеров черный ствол неопределимой с наскока конфигурации в руках у Кей, которым она как раз и щелкала так специфически.

— А чего вы удивляетесь? — спросила Катерина Берса. — Тихомир, тормози!

— Вот уж еще чего! — не согласился Тиха. — Хочешь экстрима — выпрыгивай на ходу!

Но ход Тиха все-таки приглушил, когда "блокпост" начал шевелиться. Человечки, превратившиеся по мере нашего к ним приближения в людей в черно-золотой форме, спешно стягивали с конструкций покрывающую их пленку, что-то там расстегивали и в спешке отбегали. А из вольеров, которыми оказались блок-посты, в лучи догорающего солнца вынырнули две омерзительно плавнодвигающиеся химеры, похожие на тех, что я видывал на иллюстрациях в книгах о войне.

Сейчас таких не рисуют. Сейчас все помешаны на эстетичности.

Химеры были уродливы и практичны, и они пустились напрямик за нами, когда Тиха, осознав ситуацию, резко свернул на так вовремя подвернувшуюся проселочную дорогу, тем самым впечатав пассажиров в обивку салона.

Нас затрясло нещадно. Кей умудрилась как-то просунуть своего огнестрельного монстра в окно и высунуться сама, и следующие двадцать секунд состояли преимущественно из оглушительных звуков стрельбы, моих сдавленных ругательств и истошного визга Ирвис.

Я увидел в заднее окно, что одна из химер словила пулю во что-то жизненно важное и

начала отставать.

— Вот же ж жеванный крот, — выразил свои ощущения от происходящего Тихомир. — Наперерез сзади еще одна! Точно в том грузовике ехала! И ни одной дороги, хоть ты тресни, ни одной тебе, блин, нужной дороги!

— Бродяжка, жми, я перезаряжусь и, может, вторую сниму! — Кей втянулась из окна обратно. — Вот это поворот!

— Да кто бы говорил! — возмущился я. — Что это все значит вообще?

Керри, впрочем, не отлепляя от себя Ирвис, смотрел в заднее окно на прытко скачущих за минивэном фантазмагорически уродливых и непростительно быстрых тварей, реальных чересчур для такого типа фауны.

— Эти твари — измененные, — сказал Керри, обернувшись. — Теперь вы понимаете, что перемены недопустимы. Был бы у меня мой алый клинок, я бы смог справиться с ними. Но, увы, я не могу вызвать его здесь, и даже когда я пытался умертвить животное, я ничего не смог.

Ирвис быстренько отодвинулась от Керри на безопасное расстояние.

Кей, вскинув брови, снова полезла с пушкой в окно. Проселочная дорога тем временем вознамерилась окунуться в лес. Нас снова хорошенько потрянуло, и Кей несколько раз пальнула по набегающим сзади тварям. Они ловко уходили от пуль, двигаясь, когда нужно, плавно и резко наращивая прыть, когда пора было уклоняться.

— Бродяжка, или прыгай скорей, — закричал я, — или тормози и дай мне их сюда, мне в рации как раз не хватает мороженой химерятинки!

— Мозгов тебе не хватает, — прорычал Тиха, резко рванул руль направо, проезжая под какими-то облупленными каменными арками, и на мгновение минивэн со всеми нами на борту как будто бы окунулся в ледяную прорубь и кромешную тьму.

Затем, чтобы через секунду вынырнуть на полной скорости за несколько метров до обрыва над плещущимся в закатных лучах заливом, и успеть экстренно затормозить на самом-самом краю. Нас снова немилосердно потрянуло.

Тиха повернул ключ зажигания, приборы погасли.

— Приехали, — сообщил он.

— Куда?.. — пролепетала Ирвис, затравленно оглядываясь.

— Кабы я знал.

Никс едва удержалась на ногах, когда повозку хорошенько подкинуло на попавшемся под колеса камне.

Оливер хлестал длинным узким прутом по крупу правой лошади, совершенно ее не щадя. Обе кобылки пошли еще резвей, вырываясь вперед.

Вдруг повозка, что все еще лидировала, подскочила на ухабе и, перевернувшись в воздухе, с грохотом и треском ломающегося дерева рухнула на дорогу, подняв огромный столб пыли. Никс едва успела прикрыть лицо руками, чтобы защититься от летящих в нее щепок. Пыль ударила по их кибитке, мгновенно холодея и превращаясь в липкую водяную морось.

Тут же налетел ветер, соленый и промозглый, и, приоткрыв глаза, Никс обнаружила себя на палубе корабля, идущего через штормовую ночь.

— Да что же это такое делается?! — воскликнула она, хватаясь за какие-то деревянные перила, когда палуба пошатнулась и принялась крениться вправо.

— Внутрь пошли! — кто-то приобнял ее за плечо и повел прочь, и в этом ком-то Никс узнала Оливера.

Они прошли в низкие двери, преодолели, борясь с качкой, темный коридор, и оказались в тускло освещенном помещении, напоминающем таверну. В деревянных стенах имелись иллюминаторы, позволяющие определить, что они все еще на корабле. Свисающие с низкого потолка масляные лампы опасно раскачивались, судно скрипело всеми своими просмоленными ребрами, а полутемный зал кишел грязными пиратами и полуголыми лохматыми девицами, пах рыбой, пивом, потом и гудел от гомона и пьяных песен.

— Мы оторвались? — спросила Никс, оглядываясь и выжимая прямо на деревянный пол насквозь промокшую мантию.

Оливер разыскал что-то взглядом и снова потянул Никс за собой. Вскоре они уселись за столик в темном углу, как будто бы специально их поджидавший, а оттого свободный.

— Вот, можно немного передохнуть, — выдохнул сказочник, снимая шляпу и потирая лоб, зачесывая одновременно назад мокрую рваную челку, похожую цветом на паклю.

— Оливер, — Никс решила взять быка за рога, — пока снова что-то не поменялось, ответьте, если знаете: что есть Зов?

— У-у, — протянул он. — Я думал, спросишь, где мы.

— Я уже поняла, что это не имеет значения, — ответила Никс. — Кажется, главное — двигаться, куда-то идти.

— Верно, — улыбнулся ей собеседник.

— Итак, что насчет Зова?

— Давным-давно, в одной далекой-далекой...

— А если по существу?..

— Ладно. Сейчас попробую, — он прокашлялся, достал откуда-то из-под стола деревянную пивную кружку, поставил ее перед собой. Выдохнул. — Вот так-то лучше. Итак... Всем известно, что в центре морока, над Тлеющим морем, парит вырванное из реальности Сердце Мира — гора Антарг.

— Ага, слышала, — кивнула Никс.

Гомон набитого пиратами и прочим чумазым отребьем зала отошел на задний план, превращаясь в однородный фон.

— В тени этой самой Антарг лежит черный город Сол, и никто из спящих не видит о нем снов, — продолжил Оливер. — В центре Сола стоит огромная статуя крылатой девы, неизвестно из чего сделанная. Крылатая эта дева что-то в себе прячет, но что — тоже никто не знает. Но всем понятно одно: Зов идет именно оттуда — из недр черного города Сол, резонируя в теле крылатой статуи. Он разносится в самые дальние уголки морока, пронизывает до костей, иголками колет до самых глубин любой заплутавшей здесь души.

— Так а откуда это все известно, если никто не видит снов о Соле? — прищурившись, спросила Никс.

— Хрен его знает, — Оливер пожал плечами и отхлебнул из своей деревянной кружки.

Никс оглядела полутемное заведение. Ну, хотя бы тут тепло и относительно сухо. Она перевела взгляд на собеседника:

— Как мне отсюда выбраться?

— То есть? Проснуться, что ли?.. А-а, ты же тут во плоти. Ну... Ты можешь попробовать пройти со мною до Края Света, — он откинулся на спинку лавки. — Говорят, если умеешь плавать, можешь вернуться обратно. Если хочешь, я тебе помогу. Эта история всяко

занятная, а до Колодца Надежд я уж как-нибудь потом доберусь. К тому же, может, я сумею задержать барсов. Мне-то что, я-то сплю, чего они мне сделают?..

— Хорошо. Пусть будет так, — сказала Никс. — Спасибо. Помощь человека, который разбирается в здешней географии и правилах мне никак не мешает. А если барсы подойдут к нам ближе, чем следует, я буду обороняться, — Никс нащупала за поясом рукоять солнечного клинка и сжала покрепче.

Оливер, проследивший за ее рукой, слегка изменился лицом. Будто призрачная рябь прошла по его чертам, которой он сам как будто бы не заметил.

Никс вспомнила в мгновение ока изменившееся лицо бармена и внезапно похолодела от страха до самых пяток. С чего она вдруг решила верить этому "сказочнику"? Почему бы ему не быть точно таким же оборотнем?

— Барсы не за тобой, — сказал он. — Кажется, я теперь понимаю. Теперь я начинаю понимать. Барсы за мной, это точно.

— Что?

— Да, они ничего мне не сделают, но ведь... В этот раз я слишком долго бегу от них. Раньше меня бы давно уже принял в объятия Кровавый Рассвет. Хотя я и наловчился убегать, водить этих санитаров леса за нос, но... Мне бы уже проснуться самому или наткнуться на Кровавый Рассвет — как обычно, они ведь загоняют нас именно к нему — но что-то не так, что-то иначе, что-то изменилось.

— Ты не можешь проснуться просто по желанию, хоть и "сноходец"?

— Не могу. А как? Обычно это от нас не зависит. Нельзя просто взять и усилием воли проснуться. Обычно тебе на голову садится жирный и наглый кот, прямо пушистой филейной частью, или солнце светит в глаз, или кто-то из родственников будит — и все, прощайте, безумные путешествия. Стало быть, остается лишь Край Света... Или попробовать убить себя тут каким-то иным способом?..

— То есть барсы убить не могут?

Оливер покачал головой:

— Наверное, все же могут, иначе зачем им копыта? Но я не видел, чтобы они убивали. Обычно барсы загоняют, а Кровавый Рассвет убивает. Он здесь судья и палач. Милостивый палач. Скучающая, ласковая смерть. А может, он вообще девушка. Не думаю, что кто-то заглядывал ему под мантию. Может, у него там или вообще три груди, или пасть крокодила на месте живота, или звездная пустота бесконечности.

Никс стала нетерпеливо притопывать ногами под столом:

— Когда мы выдвинемся дальше?

— Дай пиво допить, а, — Оливер показал на полупустую кружку. — Сама-то чего не пьешь это светящееся, что тебе дали?

— Почему всем так хочется меня спойть, причем в обоих мирах?..

— Потому что ты слишком серьезная для огненной лисы, — хмыкнул сказочник.

— Да уж, — вздохнула Никс. Но тут же напряглась. — Я не могу расслабиться. Я же здесь во плоти и знаю, чем мне это грозит. Я знаю, что мне отсюда надолго не выбраться, но надо попробовать хоть ненадолго.

— Тебя там, в реальности, кто-то ждет? — неожиданно серьезно спросил Оливер.

Никс поджала губы. Опустила глаза вниз. Кивнула.

— Кто ты такая, рыжая лиса? — продолжил сказочник, вглядываясь в Никс. — Я знаю, что неприлично так вот, сразу... но все же. Ты права, времени у тебя мало. Я полагаю, скоро

Кровавый Рассвет все же придет за мной, так всегда бывает, так что... Может, назовешь мне свое настоящее имя, чтобы я смог тебя найти там, в реальности?

Никс подняла на него глаза.

— Меня зовут Никола Рэбел.

— Вот как. А я назвал свое настоящее имя. Я — Оливер Вайс из Тасарос-Фесса.

— Это где? — не поняла Никс.

— Это на севере. Его еще называют просто Северной Гаванью, особо не фантазируя.

— А-а... Это еще новая столица взамен разрушенной ураганом старой?..

— Да, взамен разрушенной магическим ураганом старой, — кивнул Оливер. —

Проклятые маги.

— Но ты же и сам маг.

— А что мне мешает быть магом и не любить магов?..

— И правда.

Никс устало подумала, что ей, кажется, снова и повезло, и нет. Все как всегда. Тасарос-Фесс — разве там не рукой подать до горной гряды Цинары и, соответственно, Сороса, куда ребятам надо доставить осколок?.. Если сложить все воедино, Оливер, проснувшись, мог бы попробовать найти их и рассказать им о Никс... Ведь они должны будут миновать Северную Гавань, пускай вероятность встретиться с ними практически нулевая.

Но вот внезапно оказывается, что сноходец Оливер Вайс не любит магов. Конечно, на лицах у них не написано, но... Да и как же он их там найдет?..

Никс поняла, что совсем не помнит номера телефона Рина. И адреса почты тоже. Вообще по нулям.

Она не очень верила в то, что ее послания, написанные в Дневнике Неотправленных Писем, достигли адресатов. Все-таки, это блажь. Она также не могла доверять Оливеру на все сто — нельзя же первому встречному все свои карты раскрывать. Она не знала, удастся ли им добраться до Края Света вместе, либо же Оливер проснется раньше, чем они туда придут. И если Оливер, понятное дело, проснется в свой постели, то где в этот раз воплотится она — может, там же, на пустынном берегу, где они с ребятами сидели у костра, там, где их, конечно, давно уже нет... или еще где-нибудь?..

Как много вопросов, и кажется, будто времени что-то решать нет совсем.

И тут Никс осознала, что уж кое-какой номер наизусть помнит. И остается надеяться лишь на свою утопленническую удачу.

— Оливер, — Никс взглянула на сказочника, — пойдём скорее искать этот твой Край Света. Я не могу ждать. Я расскажу тебе, что смогу — ведь именно истории ты тут собираешь?..

— Ну, в основном я влипаю в истории, но изначально я планировал...

— Ну и вот. Конечно, это будут истории о магах — но ведь тебе интересно, а?

— Держи врага ближе друга, — улыбнулся Оливер.

— Я расскажу тебе про ледяного чародея с ледяным сердцем, про коварных и злых некромантов, про рукотворных химер и целителей, что слишком добры для того, чтобы исцелять, и еще про людей, которые в самом деле умеют менять чужие судьбы. Я расскажу об обсидиановой пустоши, что венчает Антарг, и про черного и золотого драконов, о битве которых, верно, толкуют все спящие с прошлой весны. А ты, когда проснешься, возьмешь и позвонишь по номеру, который я тебе сейчас дам, и расскажешь о том, что видел меня, и что осколок непременно нужно вернуть на место, иначе я так и буду нырять в морок бесконечно,

как рыбка, а я так не хочу. Тут весело, конечно, но мне было и там не плохо.

— Да ладно-ладно, я не такой уж упоротый магоненавистник, — Оливер замахал руками. — Никола Рэбел, говоришь? А ты в реальности такая же?

— Примерно. Без этих дурацких ушей и кожа другого цвета, но в целом похоже, — она улыбнулась.

И если ей вправду повезет, и Оливер сумеет дозвониться Эль-Марко, то какой же будет обратная сторона этой удачи?

— Ну богатый у меня отец, а что такого?.. Ну, удовлетворяет прихоти, вот винтовку подарил на прошлый день рождения, складную, а чего? Лучше было бы, если б я наркотиками баловалась или по клубам молодость прожигала?.. Между прочим, я специальную медицинскую комиссию для этого проходила...

— Берса, не юли. Ты чего-то не договариваешь. Или врешь, что более вероятно, причем нагло-нагло, и ни в одном глазу у тебя раскаяния нет. И если ты всю информацию нам не выдашь, то...

— То что? И как ты определишь, вся — не вся? Чего ты вообще привязался, Рейни? Если бы не я, нас бы уже давно переваривали те милые псинки!

— Справедливости ради хочу заметить, что, если бы я имел финансовую возможность и соответствующие документы, я бы тоже себе что-нибудь этакое приобрел, — вмешался в спор Тиха. — Хотя вы продолжайте, не отвлекайтесь. Я так, к слову.

Но на него уже обратили внимание.

Рин в очередной раз начал докапываться, как так получилось, что Тихомир не знает, куда именно их занесло, Берса пыталась их уговорить и перевести разговор в другое русло. В конце концов ей это удалось, и они начали строить разнообразные теории относительно того, что это были за твари и вообще, что бы могли значить в совокупности все произошедшие события.

Ирвис слушала-слушала это все, поняла, что устала от гомона и поднялась с песка, сообщив, что пойдет прогуляться.

Она заметила невдалеке уступ, возвышающийся над пологим берегом, куда можно было забраться пешком, не применяя отсутствующих у нее навыков скалолазания.

Местность ей была незнакома точно так же, как и оставшимся на берегу, у костра. Телефон, преданно сохранивший большую часть заряда, не мог нащупать спутников или сети, а раскинувшийся вокруг ночной пейзаж — огромное то ли озеро, то ли море — напоминал все виденные за жизнь красивые фотографии сразу и ни одну конкретно.

Тяжелые кожаные ботинки с чужой ноги уже начали чуточку натирать. Ирвис прошла по песку, покрытому сухими водорослями, что принес недавний шторм, к подножью уступа, присобрала юбку и, утопая по колени в высокой траве, стала забираться вверх. Она слегка запыхалась, поднимаясь, но вот уже перед ней развернулась панорама неба, усыпанного незнакомыми звездами и темной, спокойной воды — покуда хватает глаз. Ирвис приблизилась к краю обрыва, не доходя до пропасти пару шагов, и увидела внизу костер с припаркованным невдалеке минивэном.

Да уж, вот это пошли чудеса. Не нашел ли случайно этот зеленоволосый юнец путь в какое-нибудь иное измерение? Или почему он не может понять, куда их завез, хотя Рейнхард всю жизнь обзывал его живым навигатором?

Легко и будоражаще было думать о проблемах насущных, кажущихся отчего-то вполне

решаемыми. И нестерпимо тяжело становилось на сердце, когда Ирвис вспоминала такое близкое и такое далекое вчера. Наверное, не стоило ехать с ними. Надо было остаться у каких-нибудь нормальных друзей. С другой стороны, навлекать на непричастных угрозу — тех тварей, которые гнались за машиной — разве не безрассудство? Не ясно, впрочем, за кем именно они гнались. Кабы не за всеми теперь уже.

Ирвис обняла себя руками и зябко поежилась: вдали от костра было прохладно, да и подол, к тому же, намок от росы.

Однако, несмотря на бессилие Тихомира и систем спутникового ориентирования, у компании оставался еще небольшой шанс кое-что разузнать о том, куда их занесло, и Ирвис была решительно настроена попробовать. Она никогда не отличалась мощью чародейского проклятья. Именно поэтому ей удавалось жить, не привлекая к себе ненужного внимания департамента исключительных дел или поглощающих. Но сила решает не всегда — это любому понятно. Зачастую тонкого, выверенного волшебства уже более чем достаточно.

Ирвис размяла подрагивающие пальцы. Медные браслеты на запястьях звякнули, соударяясь. Она прикрыла глаза и воззвала ласково и кротко к самой рискованной грани своего дара — к третьей его ступени, ибо первые две были ей сейчас без надобности. Не объять ветер прикосновением и не подчинить его взглядом. Но что известно магу ветра, того не знает человечество, а значит, использующий третью ступень не почувствует преград науки, что изучает и сковывает его ремесло, но использует живительную силу предрассудков и благодатную мощь суеверий. Забытые боги прибрежных ветров отзовутся мягкими объятиями, подтверждая, что мир ими не покинут, и миф, согласно которому чародею ветров подвластна эфемерная стихия, оживет.

Ирвис вздрогнула. Ее сознание, расширившись и разделившись на бесчисленное количество одновременных потоков, на секунду пронзило сущее и тут же собралось воедино, схлопнувшись в ее обычное "я". И если вокруг она узнала и ощутила свободу, то позади нее обнаружилась непроницаемая для зачарованных ветров стена.

Ирвис обернулась и увидела темный силуэт. Успокаивающийся ветер встревожил длинные красные пряди, отводя их с бледного лба молчаливо смотрящего на нее Керри.

— Что? — коротко спросила Ирвис, и собственный голос показался ей слишком высоким и резким.

— Не хотел испугать, — ответил Керри, делая шаг вперед. — Но я вижу, что вы все беспечны. Взять с собой меня и даже не сковать золатунными путами? Идти в одиночку на обрыв, когда вокруг кромешная темнота? Я удивлен, как вы все остаетесь живыми.

— Пф, — фыркнула Ирвис. — Как будто бы у нас тут каждый день что-то такое случается. Как будто бы мы ждали чего-то такого и должны были быть готовыми.

— Я не обвиняю.

— Зачем ты пошел за мной?

Керри ничего не ответил.

Ирвис отвернулась от него и стала смотреть на темный простор Внутреннего моря. Да, теперь ей известно название этой большой воды — нескольких секунд полета хватило, чтобы узнать имена здешних ветров и по ним примерно определить, куда же их занесло.

Тяжелый взгляд стоящего позади Керри мозолил ей спину. Отчего-то молчать самой было неуютно до мурашек, до зуда, и это злило. Она решительно обернулась, готовая сказать что-нибудь резкое, но так же быстро передумала, осекшись. Вместо этого она спросила:

— Ну и... как тебе здесь? С нами, беспечными?

— Я беспокоюсь, как там без меня исполняется предначертанное, — тихо ответил Керри, — и исполняется ли вообще. А так... так-то мне нравится. Хотя и бессилён я, слаб и зависим от вас, хоть я не вижу и толики столь привычного подобострастия в ваших глазах, не вижу священного страха... Все здесь настолько ясно, объёмно и живо, ветер такой холодный, а пища приносит блаженство, ранее мне неведомое... Я полагаю, вернувшись, я стану скучать и тосковать вдали от земель исхода, и книги, ранее подкармливавшие мою фантазию и грезы, более не утолят жажды этой насыщенной настоящести.

Ирвис помимо воли улыбнулась.

— Кажется, я понимаю тебя, — сказала она. — Я сама не отсюда, приехала не по своей воле, а потому, что надо было куда-то ехать, так почему б не сюда?.. У нас там, знаешь, волнения были очередные после войны, ну, я и выбрала себе новым домом этот город у моря, потому что зачем жить там, где моря нет?.. И тут на меня, словно вода из ковша, вылилось это самое ощущение, которое ты описал. Так что, может, это не твой морок такой плохой, а тут так хорошо. В смысле, там, откуда мы сюда приехали.

— Ты говоришь так светло, но я чую в сердце твоём печаль, — Керри подошел ближе и встал рядом с Ирвис, и теперь они вместе смотрели на звезды над Внутренним Морем. — Объясни мне, насколько ужасна потеря, перенесенная тобой.

Ирвис хмыкнула. Потеря. Потеря на самом деле ни разу не была ужасной. Беда, но не катастрофа. Квартира — съёмная, и после пожара ее восстановят. Если уж руку на сердце положи рассуждать, то сделать ремонт там было давно пора, вот уж лет восемь как. Разве что... разве что кактусы.

— Ну, у меня сгорели шестнадцать редчайших кактусов, деньги и целый комод одежды ручной работы, ну, и ткани... и машинка... Я по гражданской профессии швея-моделист, видишь ли, шью всякое, в том числе на заказ, на то в основном и живу, — объяснила Ирвис. — Неприятно, в общем, но не смертельно. Пожалуй, мне повезло, что, когда все случилось, меня там не было. И, пожалуй, ты прав — разделяться не стоит. Мой мозг не хочет переваривать то, что мы вчера пережили и видели.

— Тех животных? — уточнил Керри.

— Не бывает таких животных, — сурово проговорила Ирвис. — И мне хочется их забыть как страшный сон, как и то, во что превратился мой дом. Не этот, а тот, откуда я сбежала пять лет назад. Но я понимаю, что твари реальны, так же как я или как ты, — она повернулась и ткнула пальцем Керри в плечо, подтверждая его сугубую материальность.

Керри остался смотреть на свое плечо, как будто бы в ступор впал.

— Пойдем, — позвала Ирвис. — Пойдем вниз. Я знаю теперь, где мы. Надо бы рассказать об этом ребятам.

В следующую ночь нас приютил хостел на краю холодной пустоши.

Стоило Ирвис сообщить, что она опознала водоем — огромное Внутреннее Море — Тиха воспрял и вроде бы даже примерно понял, куда же нас занесло. А как только удалось выехать на дорогу, он все узнал окончательно.

Выходит, связи, узлы дорог — та еще головоломка, и по незнанию и невнимательности можно здорово влипнуть. Мы оказались намного севернее и западнее, чем могли бы быть, если бы Тиха не свернул на первый попавшийся путь, позволяющий оторваться от погони.

Севернее — это хорошо. Это приближает нас к цели. Другое государство — чуть хуже,

но особого значения не имеет. В спокойном состоянии Тиха не будет путать дорог, и вскоре путешествие окончится.

А пока есть время передохнуть.

Мы сняли четырехместный номер с двумя двухъярусными кроватями у стенок, видом на пустыню и придорожный фонарь. Могли бы два двухместных — да решили сэкономить. Тиха сообщил, что будет спать в машине, чем, судя по всему, он и занялся сразу после позднего ужина. Керри с Ирвис я последний раз видел в общей гостиной. Они, кажется, нашли общий язык. Выяснилось внезапно, что Керри в "землях исхода" не умеет читать. Это казалось странным, но понятным. Я во сне тоже не особо различаю надписи и вывески. Кажется, этому даже есть какое-то научное объяснение. И вот Ирвис принялась объяснять Керри алфавит, выказывая титаническое терпение. Видимо, она прониклась жалостью и симпатией к такому же, как и сама, пришельцу издалека.

Берса пропала неизвестно где.

Таким образом, затхлая комнатка с четырьмя кроватями на данный момент была полностью в моем распоряжении. Блаженные мгновения уединения позволили мне снова обратиться к расшифровке дневника на том самом наречии, которое я знаю, но не помню.

Сперва я заново перечитал письмо Никс. Убедившись в том, что точно не ошибся и понял все верно, отложил его в сторону. Раскрыл дневник на помеченной закладкой странице, пробежал глазами по летящим строчкам с вычурными вензелями... Язык, на котором написана большая часть текста, все еще дается мне с огромным скрипом. Мало обрести уединение, нужно еще суметь сосредоточиться, настроиться на текст. Это сложно, особенно, когда другие мысли назойливо гложут изнутри.

Я опустил дневник на колени и разложил на пожелтевших страницах свои "сокровища". На правую поместил завернутый в платок осколок Лок, а на левую — натуральное зерно элементариста огня.

Итак, Осколок Лок не прямой и плоский — он слегка неровный и шероховатый, по его задней грани идут какие-то гнутые линии, которые, пожалуй, образовывали бы круги, будь у осколка продолжение. Этим он похож немного на структуру натурального зерна, хотя округлые ступенчатые выпуклости в зерне образуют замкнутые кольца и вся система, в целом, напоминает линзу, какую используют для спрямления угла света в маяках. Как естественное образование могло принять такую правильную форму?.. Показанный в методичках вид искусственного зерна натуральному не идентичен. Искусственное зерно, предназначенное для ледяных и огненных элементаристов, представлено в книгах одной и той же иллюстрацией, но она разнится от книги к книге. Значит ли это, что искусственные зерна бывают разных конфигураций? В текстах об этом ничего нет. Может быть, художники рисовали искусственные зерна со слов диктовавших им магов, и оттого все изображения отличаются? Доступ к искусственным зернам есть лишь у руководства гильдии, также искусственное зерно видит наставник юного элементариста, если тот проходит испытание. С детства нам внушают, что замена необходима.

Но как-то же живут маги, которых не распознали в детстве. Живут и умирают. Часто ли они доходят до своего предела? Могут ли самостоятельно призвать магию настолько мощную, что ее переизбыток раскрошит их натуральные зерна и, соответственно, погубит самих магов? Статистики не доищешься.

Ладно, зайдем с другого конца. Все ныне живущие маги потеряли связь с душой и неспособны более черпать силы из нее, неспособны и колдовать довоенные заклятия. Кроме

того, что в нас вырастает зерно мы, элементаристы, ничем от других не отличаемся, резервы души так же закрыты для нас, как и заклинания старой школы. Я было думал, а вдруг вранье, вдруг нет никакого натурального зерна?.. Сам-то уже ритуал прошел, а пока Аристарх учился — протащил его на рентген. Мутное уплотнение характерной формы на снимке стало вполне очевидным ответом.

Вот только искусственное зерно помещают лишь в элементаристов огня и льда, аргументируя тем, что это обусловлено нашей ступенью мифа. А с мифом приходится считаться, пусть даже ты его почти не можешь.

И вот у меня в руках чужое натуральное зерно. Я вдали от дома, здесь нет нужных книг и инструментов. Что я могу? Я хочу изучить его, но боюсь повредить. Как отзовется оно на мое волшебство? Что, если возьмет и банально треснет?

Я постарался не думать о юном маге, еще не прошедшем ритуал, из которого, возможно, это зерно вынули. Такой поворот казался мне куда более вероятным, чем возможность обокрасть какой-нибудь суперсекретный гильдейский склад, где хранятся извлеченные натуральные зерна.

И, кстати, да — где они хранятся после?

Ритуал — такой ритуал. Интересно, сама верхушка помнит еще, зачем все это делается?..

Кей вошла почти бесшумно, но я успел заметить ее и захлопнул дневник.

— Ре-ейни, — протянула Кей, садясь на кровать напротив и делая большие глаза, — вот это да. Вот это вообще да, ну и ну. Вот это дай мне добраться до сетки, вот я девчонкам расскажу.

— Ты. Не. Посмеешь.

— Ой, посмею. Ой, везде. Всем расскажу. Значит, представляй, жирным таким текстом заголовок: "Розовые труселя оказались не случайностью, а закономерностью. Рин Даблкнот питает нездоровую тягу к розовому цвету, а значит, девочки, мы знаем, чем нам его порадовать! Суровый и нелюдимый, в сердце он хранит..."

— Кей. Заткнись. И смотри сюда.

Я, быстро вытряхнув зерно и осколок в ладонь и спрятав их в кармане, отвернул уголок кожаной обложки дневника. Обложка, что и говорить, в самом деле была розовой. А вот сам дневник — кожаным, темно-бордовым, почти черным, цвета спекшейся крови.

— Хм, — Кей потеряла подбородок. — Это уже сложнее будет преподнести. Но разве бордовый — не оттенок розового?... Ну, типа, с черным...

— Да какая разница. Это суперобложка, — сказал я уже безразлично, снова открывая дневник там, где остановился. — Надетая сверху девичьей рукой, так что все в пределах нормы.

— А что это вообще?..

Ага, так ей правду и говори. Я не верил ее рассказам про богатого папеньку ни разу. Более того, я был уверен, что наличие огнестрельного оружия в багаже у Кей просто-напросто подтверждает оказавшуюся правдой ложь: она таки настоящий поглощающий, более того, гильдейский. Но что с ней такой делать — я еще не придумал и по привычке общался, как обычно.

— Ничего, — уклончиво ответил я на вопрошающий взгляд Кей. — Ну а ты где была?

— Рыбачила.

— Тут же пустыня.

— Ага. Тут в старину шли магические бои. Не чувствуешь?

— Как-то нет.

— А вот люди говорят. Конечно, везло мне не очень, и слухов особо интересных я не собрала. Видать, выделяюсь и недостаточно похожа на бомжа.

Я предпочел промолчать о степени ее похожести на обозначенных граждан. Сказал вместо этого, мельком на нее глянув:

— Думаю, дело в шортах.

— Проклятье, точно, — цыкнула Кей. — Тут так не ходят — пыль, да и холодно. Кстати, ты так и не ответил, что за книжка.

Я почувствовал на себе взгляд. Отвлечшись от дневника, обнаружил, что Кей вперилась в меня черными диковатыми глазами, отлипнув ради такого дела от стены.

— Ты спать пришла или где? — я снова попытался съехать с темы. — Вот и спи. Дай поработать.

— Порабо-отать, — протянула Кей. — Ага. То есть не просто книжка в розовой обложке, под которой старая бордовая кожа.

— Вот прицепилась.

— Кстати, Рейнхард. Просто совет на будущее. Если бы ты поменьше думал о своем внешнем виде, тебя было бы куда сложнее зацепить издевательствами — над розовым цветом, например.

Я глубоко вздохнул. Нельзя говорить человеку в истерике "просто успокойся". Нельзя говорить тому, кого все детство и юность дразнили до кровавых слез "просто перестань думать о своем внешнем виде" и все такое прочее. Кей, должно быть, знает это, все-таки она не глупа. Я знаю, что она знает. И все равно меня это крайне бесит. Я сжал губы и уставился в свою очередь на нее:

— А может, это тебе стоит задуматься о своем внешнем виде?

— Э-э... в каком плане?..

— У тебя ногти на обеих руках поломанные криво, под ними грязь. Когда ты в последний раз стирала эти самые шорты и расчесывала волосы? Как насчет помыть уши и шею?

— Типа чтобы быть красивше и больше нравиться тебе и прочим парням?

Я поморщился.

— Элементарная гигиена.

Кей сощурилась.

— Ой ли?

— Я же не говорю тебе начать выщипывать брови или...

Я захлопнул дневник. Мне в голову пришла совершенно дурацкая и крайне мстительная затея.

— ... или красить ногти.

— Да если бы и так, — Кей пожалла плечами. — Лаки-краски на мне не держатся, слетают, как шелуха. Два дня — и я снова растрепанная, как мочалка. Так зачем мучиться?..

— Это потому что дешевые. Как пить дать, — я уже рылся в сумке. Достал суровую черную без всяких узоров "косметичку" с санитарным минимумом и парой случайно затесавшихся туда отверток. Заглянул в темные глубины. Вынул металлическую пилку для ногтей — чуть менее суровую, чем косметичка.

— Э-э нет, — Кей замотала головой. — В этот раз удачно все поломалось, без зазубрин,

а на мизинце ноготь мне ну-ужен, ты меня не заставишь!

— Кто тут рассуждает о внешности других, сперва не добившись? Кто порицает суп, даже яичницы не пожарив? Сейчас мы с тобой проведем ликбез касательно сортов пережня, чтоб в жизни пустословить не захотелось...

Кей принялась отбиваться, по-девичьи, ладошками, чуть только не визжать. Пару раз заехала мне по носу, но я сумел поймать одну ее руку за запястье, и, не обращая внимания на вторую, попытался достать пилкой какой-нибудь ноготь. Понятное дело, Кей то сжимала руку в кулак, то шевелила пальцами, что никак не способствовало делу, хоть и длилось недолго.

— Рейнхард. Сейчас врежу, — сообщила Кей стальным голосом.

— Вперед, — ответил я совершенно серьезно.

Кей почему-то, вместо того чтобы исполнять угрозу, расслабилась и перестала дергаться.

— Смирилась с неизбежностью? — спросил я, беря ее за указательный палец и начиная орудовать пилочкой. — Ну наконец-то. Давно пора.

В следующее мгновение я почувствовал, как она касается тыльной стороной ладони моего лба.

— Ты чего такой горячий?.. Простыл?

— Я всегда такой, — ответил я, не прекращая благого дела праведной мести. — Чего-то напутали на ритуале или с зерном.

— И... как ты с этим живешь?

Я на секунду поднял на нее взгляд:

— Хех, а говорила, что все о нас знаешь. Оказалось, что не знаешь ничего, а? — я снова обратил внимание на ногти, которые начали приобретать приличный вид. На удивление, мне не было противно. Пожалуй, мне было даже приятно приводить ее руку в порядок. Было в этом что-то... созидательное. — Как-то живу. Пока что терпимо. Иногда даже получается температуру снизить.

— Как?

— Ну-у... — я замешкался. — Помогает, не поверишь, алкоголь, выступления и, что самое удивительное, близкое общение с противоположным полом. Но ненадолго. И чтобы не спиться и не погрязнуть в грехе и разврате, я выбрал среднее — то есть выступления.

— А что-то сделать с этим есть возможность? В смысле, раз и навсегда?

— Ну, кое-какие идеи есть, — я приостановил пиление ногтя на ее безымянном пальце и, задумчиво нахмурившись, стал смотреть в никуда.

— И сейчас тебе снова холодно?..

Я встрепенулся.

— Терпимо, — ответил коротко и принялся за мизинец. Когда я закончил с ее правой рукой, она подняла ее повыше и стала рассматривать. Потом посмотрела на меня и коснулась пальцами моего лба, и, пока я не успел ничего понять, провела рукой по волосам назад, до макушки.

Лицо Кей изменилось. Из бесстрастного оно стало тревожным.

— Что?.. — спросил я.

— На тебе заклятие, — сказала Кей. — Как... как я его раньше не распознала?.. Как ты его не почувствовал?..

— Какое заклятие? — спросил я растерянно.

— Откуда ж мне знать, какое. Есть и все.

— Как ты могла его почувствовать, если не чувствую я?

— Ты привык. Так... ладно. Ладно. Не дергайся.

И тут я обнаружил, что все это время преспокойно провел перед ней на коленях. Ну и... слов нет. Сидящая на нижнем ярусе кровати Кей запустила обе пятерни мне в волосы и прикрыла глаза.

— Колдуешь, что ли? — опешил я. — Но ведь...

Я ничего не почувствовал. Сначала. А потом в глазах слегка помутнело, затем посветлело наоборот — и все.

Кей вынула руки из волос и уставилась на меня озадаченно.

— Ну что? Почувствовал что-нибудь?

Я перебрался обратно на кровать с дневником и сообщил об изменениях видимой картинке.

— Похоже на подвешенный шпионаж чтецов, — сказала Кей.

— Абеляр? — предположил я. — Когда брал за руку. Это делает путешествие в Сорос смертельно опасной затеей, в таком случае.

— Не факт. Может, он хотел наблюдать за нами? Вроде как, следить и помогать?

— Как ты.

— Рейнхард, я...

— Так, ладно. Но я не почувствовал, чтобы Абеляр что-то колдовал. С другой стороны, мало ли народу ко мне могло прикоснуться невзначай. Так ты... что именно ты сделала?

— Я его сняла, — ответила Кей.

— Значит тот, кто его нацепил, знает об этом?..

— Наверное...

— Надо сделать то же с остальными.

— Ты думаешь, они мне доверятся?..

— Если ты расскажешь нам все как на духу, я думаю, они тебе поверят и даже, возможно, простят тебе твою ложь, — жестко ответил я.

Кей поджала губы и, кажется, впервые за много дней не сказала ничего в ответ и даже не попробовала съязвить.

Ей еще предстоит нам все объяснить, и не думаю, что это будет легко.

Оливер слишком расслабился, позволяя себе вторую кружку какого-то местного пойла. Это стало понятно, когда у посетителей пиратской таверны начало корежить головы. Они мигали, поворачиваясь под невероятными углами, и в конце концов двое из ближайших к угловому столику пиратов обратились в гончих барсов. Пики соткались в их лапах из ничего, но к тому моменту Оливер успел вскочить и опрокинуть на приближающихся барсов тяжелый дубовый стол. Никс заново испугалась и выхватила солнечный кинжал. Кинжала в свою очередь испугались посетители таверны, барсы и даже Оливер, и суматоха на секунду замерла, чтобы тут же возобновиться.

Оливер, опомнившись, снова поволок Николу за собой, куда-то через инертную, по привычке праздную, пьяную толпу.

В один миг переменилось все и ничего. Толпа осталась толпой, но стала плотней и вышла из-за грязных лавок. В черном потолке зажглись и замигали стробоскопы, ритмично разрывая реальность на доли согласно диктату ударных. Лица вокруг помолодели, но от черных кругов вокруг глаз не избавились, вот только теперь это были тени и потекшая тушь.

Никс тут же узнала чувство, которым был переполнен зал. Вот-вот шум инструментов сложится в музыку и тут же в нее вольется голос, ради которого все это существует.

Толпа отступила от Никс, развернулась к ней спинами. Взглянув на свет, туда, где лучи софитов сложились в многоконечную белую звезду, Никс оторопела.

— Рейнхард, — сказала она, не веря своим глазам, и ее голос потонул в море людских голосов.

— Оливер, — Никс потянула сказочника за рукав, заставляя посмотреть на себя. — Это мой друг! Неужели они нашли меня здесь? Мне нужно как-то пробиться к нему!

— Этот? — удивленно переспросил Оливер, перекрикивая музыку и гомон. — Да ладно!

Никс попыталась пройти вперед, к сцене, но Оливер удержал ее:

— Стой! Это не он!

— Почему? — Никс раздраженно повернулась к нему.

— Не может такого быть, — Оливер говорил убежденно. — Сама подумай. Если твой друг — певец, стало б певцу снится, что он выступает, а все вокруг рады? Даже если так — не маловат ли масштаб? Разве не снился б ему стадион или площадь? А тут какой-то паршивый клуб!

Никс, смотревшая на сцену, стала сама понимать, что там творится что-то не то. Во-первых, там не было других музыкантов из "Негорюй". Во-вторых, Рейнхард никогда не позволял себе петь под фонограмму, а тут человек, выглядящий как он, то и дело отвлекался от микрофона, а то и попросту о нем забывал. Песня при этом не прекращалась. Конечно, это пространство снов, но все же, все же... Затем он разделся по пояс и вылил на себя бутылку минералки, и капли засияли под светом софитов, как звездочки.

— Кажется, этот сон — эротический, так что пойдём-ка отсюда по-хорошему, — Оливер потащил Никс через толпу прочь.

— Но... удостовериться... — лепетала Никола. — Может быть, все-таки он...

— Да-да, коне-ечно, — кивал Оливер.

Никс успела увидеть и запомнить последний стоп-кадр того странного выступления: полутемная сцена, одинокий, блестящий микрофон на штативе. Луч света выхватывает что-то вроде серебряного, с бордовым орнаментом гроба, на нем возлежит обнаженная женщина, никаких особо пикантных мест, впрочем, не видно; также имеются крепкие бледные ягодицы в совершенно однозначно опознаваемом движении, выгнутая дугой спина с влажным рельефом мышц и чуть потемневшие от воды волосы, так похожие на плавленное серебро.

— Что это было, блин, — Никс, опешив, на деревянных ногах вышла следом за Оливером куда-то еще, куда — сразу и не опознала, ведь перед глазами все еще стояла та сцена.

— Ну, не такое уж редкое зрелище, если бывал тут хотя б пару раз, — сказочник пожал плечами. — Это не твой приятель, даже если похож. Если он относительно знаменит, ясное дело, многие вожделеют его. И вот тебе посчастливилось лицезреть чей-то невинный сон на актуальную тему.

— Посчастливилось... — пробормотала Никс. Закрывает глаза рукой. — Господи, а я так старалась об этом не думать. Как будто домашнее видео посмотрела. И да, это точно не он.

— Удостоверилась?

Никс повела плечом:

— В сравнении с оригиналом излишне накачан. Ну и... где это мы сейчас?

Вокруг них высились кривые горы разнообразного хлама, рассыпанного под ночным небом. Горы, холмы, пирамиды, исполины хлама. Старые машины, холодильники, машины новые, одежда, консервы, предметы обихода, вазы, компьютеры, зеркала, стопки книг, седла, кресла, шкафы и какие-то еще совершенно невообразимые вещи, о предназначении которых догадаться было практически невозможно.

— Это Свалка Нужных Вещей, — сообщил Оливер, когда они с Никс стали пробираться мимо гор барахла по кем-то утрамбованной тропке. — Сноходцы могут брать отсюда некоторые вещи, находясь в пределах морока. Вот, например, как в пиратской таверне я пиво достал. Отсюда в реальность ты, конечно, вряд ли что заберешь, а вот здесь попользоваться — самое то. Так что следи за вещами — может, что-то себе присмотришь полезное.

— А чье это все? — уточнила Никс.

Оливер хмыкнул и ничего не сказал. Через пару поворотов тропы он нагнулся и что-то поднял.

— О, красота, — Оливер подождал, пока Никс его нагонит и показал ей кусок бумаги с нанесенными на него отметками. — Карта морока.

— Такое бывает? — не поверила Никс. — Как этот хаос можно перенести на бумагу?

— Это интерактивная карта, — стал объяснять Оливер, продолжая идти, держа бумажку перед собой на вытянутых руках. — Технология гибкого прозрачного экрана. Впрочем, без разницы. Работает следующим образом: нужно задать свои координаты относительно горы Антарг — кстати, вон она, на одиннадцать часов — проставить теги и, с небольшой погрешностью, есть вероятность найтись в данный конкретный момент, при данном конкретном расположении свободно плавающих условных локаций морока.

— Офигеть, — скептически протянула Никс. — И что нам это даст?

— Перечень открытых переходов в соседние куски нереальности, — терпеливо разъяснил Оливер. — Кстати, это будет весьма полезно. Видишь там, откуда мы пришли, что-нибудь?

— Птицы в небе. Это значит, за нами идут?

— Они от нас не отстанут, — Оливер цыкнул. Перевернул карту и так, и этак. — Во. Слушай, а мы-то неплохо продвинулись. Если я прав... а я, несомненно, прав — то, пройдя через цирк, мы попадем на Грозное Поле, а там рукой подать до Края Света.

— Какой цирк? — встрепелась Никс.

Оливер глянул на нее недоуменно:

— Боишься клоунов, что ли?

— Ну, не то что бы... — протянула Никс, бегло рассматривая окружающие груды хлама, и вдруг наткнулась взглядом на знакомый золотистый узор. — Оп, а это не та ли ткань, из которой моя мантия и крылья Керри?

Она подошла к пригорку из барахла и попыталась дотянуться до куса черной материи. Подоспевший Оливер помог вытащить ткань из-под картонных ящиков, доверху наполненных книгами, а потом помог и развернуть пошире, чтобы можно было опознать, что это такое.

— Похоже, это оно, — удивленно отметила Никс, — крыло.

— Я видел такое на Кровавом Рассвете, — проговорил Оливер задумчиво. — А я все гадал, что же мне напоминает твоя одежда... О боги, — он выронил кусок ткани, который держал. — Ты и есть Кровавый Рассвет, просто ты потерял память и превратился в огненную лису! И сейчас ты меня наконец убьешь, предварительно расхохотавшись!

— Ага, а потом съем, — огрызнулась Никс. — Я не...

Что-то больно кольнуло ее в плечо. Лишь взглянув на руку, Никс обнаружила, что по коже идет красная полоса разреза, уже начинающего кровоточить.

— Ложись! — Оливер толкнул ее наземь и сам упал рядом. — Так и быть, верю!

Никс запоздало почувствовала боль и зашипела. Картинка в глазах подернулась дымкой, но Никс успела заметить в ближайшей груди хлама торчащее и покачивающееся серебряное копьё. Ах, вот оно как.

Вокруг было темно и тихо, и лишь сердце стучало, как барабан.

— Где они? — зашептала Никс. — Как отсюда выбраться?

Оливер оглядывался вокруг, сверился с картой пару раз.

— Надо решить, что мы идем к Антарг, — сказал он. — Антарг всегда помогает к себе прийти.

Оливер, не поднимаясь, пополз по тропке куда-то влево.

— Ох ты ж, — пробурчала Никс, двигаясь следом так же на карачках. Рану она закрывала другой рукой, благо, та оказалась не то чтоб совсем глубокой и страшной, скорее болезненной.

— Тут люк! — радостно предупредил Оливер.

Он с трудом открыл выпуклую круглую крышку, измазанную грязью, потом повернулся и стал залезать внутрь, ногами прямо в чернильную пустоту.

— Давай за мной! — послышался голос из недр металлической дыры.

Никс не пришлось долго уговаривать, вот только для освещения она достала из-за пояса солнечный кинжал.

Вверху остался круг ночной синевы, а ржавая лестница окончилась где-то в метре над грязным бетонным полом. Никс, спрыгнув вниз, быстро оглянулась в поисках Оливера, который уже махал ей из-за угла. Времени восхищаться красотами не было, хоть вокруг и раскинулся, пытаясь поразить и пленить взор, многоуровневый урбанистический пейзаж,

подсвеченный тысячами неоновых огней, исчерченный световыми следами от бесшумно скользящих тут и там невероятных летучих машин.

Где-то Никс уже все это видела. Все вокруг чуждо, но знакомо до боли.

Нагнав Оливера, она схватила его за рукав: мол, подожди.

— У меня кровь идет, — запыхавшись, произнесла Никс. — Перевязать бы...

— Хочешь, чтобы они в тебе еще одну дырку проделали? Нельзя останавливаться!

— А если мы вон в тот летучий экспресс сядем?

Никс показала на пришвартованный к перрону вагон, унизанный светящимися трубками и мигающими лампами.

— Ладно, — Оливер выглянул из-за угла. — Никого! Погнали!

Они, что есть мочи, побежали через гладкую зеркальную площадь, мимо одетых в черные балахоны двухметровых безликих существ, мимо одноколесных мотоциклов и ларьков с какой-то синтетической снедью. Никс оглядывалась и видела, что барсы идут следом, на расстоянии метров в пятьдесят, и отстают лишь немного, натываясь на празднично шатающихся фантомов.

Следом за Оливером Никс заскочила в уже закрывающиеся двери и кубарем прокатилась по полу. В следующий миг в иллюминатор вагона стукнулось и отлетело копьё, оставив на стекле белесый цветок трещины, похожий на паутину.

— Оторвались, — выдохнула Никс.

— А не подскажете ли маршрут следования? — уже спрашивал у кого-то Оливер.

Тем временем Никс смотрела на рану и на кинжал. На рану и на кинжал. Ей казалось, что никакого исцеления порезов не склдовать, даже если удастся вспомнить схемы и формулы, которые она краем глаза видела в учебнике. Магия — вот же она, вовне, в форме клинка. Боль терпимая, кровь течет, но сил, кажется, нет совсем. Неизвестно, сколько им еще бежать. Неизвестно, не выпивает ли с кровью этот их морок — жизнь.

И все равно Никс приложила лезвие к ране и попробовала призвать магию, ни на что уже не надеясь, но на всякий случай зажмурившись и ожидая боли.

Боли не было. Солнечный кинжал умылся ее кровью, оставляя за собой чистую, целую кожу. Лезвие стало сиять чуть светлее, и через секунду кинжал вытянулся так, что оказался длиннее локтя. Изменение произошло практически незаметно, в мгновение ока. Был клинок — стал фальшион.

Только тогда Никс заметила и осознала окончательно, что вагон не пустой. А то у кого же тогда Оливер спрашивал маршрут следования?.. На свет огненного клинка внимательно смотрели те, кто зашел на прошлой станции — безликие двухметровые существа в угловатых черных балахонах.

— Будьте внимательны и не щелкайте клювами, — произнесли встроенные в стены динамики. — Двери открываются направо, приятного путешествия!

Двухметровые синхронно наклонили безликие головы вбок. Никс показалось, что их невидимыми глазами смотрит на нее какое-то одно сверхсущество. Вагон качнулся, останавливаясь. Никс усилием воли подобрала себя с пола, и они с Оливером встали спина к спине, окруженные черными угловатыми фигурами, расположившимися кольцом.

Двери открылись. Никс провела огненным клинком перед собой — фигуры едва заметно отшатнулись.

— Пойдем-ка отсюда, пока можем, — проговорил Оливер.

Пятясь, они вышли из вагона. Двери захлопнулись, и безликие исполины остались там, в

улетающем от полустанка футуристическом поезде. Они смотрели вниз, пока могли.

— Так, хорошо. Это — Грозное Поле? — спросила Никс, оглядываясь.

— Оно, кажется, — ответил Оливер.

Они стояли на бетонной эстакаде посреди океана желтой травы.

Небо над ними было серым, почти стальным. Тяжелые низкие облака перекачивались буграми, и в просветах между их тяжелыми тушами то и дело возникали и гасли столбы яркого солнечного света. Ветер шевелил желтое травяное море, выхватывая из него стебли и листья, унося их в грозную тьму.

Вдалеке вспыхнула молния. Через миг до эстакады докатился гром.

— Пойдем, нам туда, — Оливер прыгнул в траву, обернулся к Никс. — Похоже, с поездом повезло.

— Да уж, хоть без цирка обошлось, — согласилась Никс, спускаясь следом.

Желтая трава оказалась сухой, высотой примерно по бедро. Что именно это было, Никс определить не смогла. Не пшеница и не ковыль. Длинные желтовато-золотистые листья, тонкие стебли, полупрозрачные метелки-колосья.

Никс с Оливером стали двигаться через поле, в какую сторону — не понятно. Ясно было только, что ветер дует в лицо. Никс не могла найти взглядом Антарг, хотя слышала, что легендарное Сердце Мира видно из любой точки морока.

Поле казалось бесконечным. Никс иногда оглядывалась, пытаясь оценить пройденное расстояние, но вскоре это стало бесполезным: эстакада потерялась из виду совсем, а больше в поле не было никаких ориентиров.

Совсем неожиданно они вышли на холм, с которого можно было разглядеть, что у бесконечности желтой травы все-таки есть граница.

На горизонте показалась белая сияющая полоса, похожая на большую воду. Чем ближе к берегу, тем чаще попадались острова, и все они по форме напоминали рыбок. Будто тысяча рек, извиваясь, сплелись в одну. Будто русла их были шерстяными нитями, из которых кто-то связал себе шарф, а потом принялся распускать. Острова были застланы трепещущей на ветру травой, а вода между ними серебрилась тысячей солнечных чешуек. А где кончались острова — разливался бесконечный золотой океан.

— Так вот он какой, Край Света, — проговорил Оливер.

— Я отчего-то думала, водопад будет, — отозвалась Никс. — И как же через него выбираться-то?..

Никс стала спускаться с холма по направлению к берегу. Хотелось поскорее достичь воды и потрогать ее руками. Казалось почему-то, что это не просто вода, а молоко с медом. Спуск становился круче, и Никс перешла на бег. Ветер принялся бить в лицо еще сильнее.

Когда до воды оставалось всего ничего, Никс увидела, как из прибрежного песка выкапываются, отряхиваются и становятся плечом к плечу гончие барсы — человекоподобные, с серебристыми копьями, одетые в черные мантии с золотыми узорами — прямо как у нее и Керри.

Девятеро. Никс затормозила, споткнулась, не удержалась и нелепо упала головой вперед, успев подставить ладони. Ладони врылись в песок. Никс, дернувшись, инстинктивно нащупала за поясом заткнутый туда огненный клинок, который стал фальшионом. Поднялась, держа оружие перед собой обеими руками и запоздало понимая, что зря воспринимала все, происходящее здесь, не слишком серьезно. Недостаточно опасаясь. Шутя.

Барсы казались черными на фоне сияющих рек Края Света. Что им одна девчонка?

Пускай и с огненным клинком, который, будто вторя внутреннему настроению хозяйки, сиял и пламенел, и будто бы даже снова начал менять форму. Барсы не торопились, нацелив в Никс серебристые копыя.

Все озарила вспышка молнии. Никс быстро оглянулась, разыскивая взглядом сказочника. Но вместо него увидела медленно движущееся с холма нечто.

До берега долетел гром.

У существа, что медленно приближалось к Никс с холма, было мертвенно спокойное человеческое лицо, принадлежавшее раньше сказочнику. В разрывах человеческой кожи виднелись черные, поблескивающие... то ли мышцы, то ли металлические суставы. На спине у него вырос как будто бы горб, из которого торчали куски огромных, хищно оскалившихся вещей — гигантские полураскрытые черные ножницы, топор, копыя на гнувшихся механических перемычках.

Никс попятилась. Стремглав обернулась к барсам с копыями наизготовку. Они рычали и сверкали голубыми глазищами. Никс не знала теперь, от кого обороняться и от кого бежать, и, главное, куда. Прорваться через барсов к воде?.. Или попробовать побежать вдоль берега? Нет, копыя догонят ее быстрее, чем она успеет куда-то деться.

Барсы стали расширять кольцо, двигаясь, будто в странном ритуальном танце, полностью отрезая ей путь к отступлению. Никс снова обернулась к существу с лицом Оливера.

Опять ударила молния, будто бы где-то совсем рядом. Чудовище рывком приблизилось, перескочило с человеческих ног на пружинисто-механические и прыгнуло на Никс, с рыком разевая шипастую пасть совсем не там, где она предполагалась — не на голове, а на широкой груди. Никола наотмашь ударила огненным клинком, вкладывая в замах все оставшиеся силы. Чудище прошло в паре миллиметров от нее, рассекая свой механический бок об острие ее клинка. Тот в это же мгновение стал еще длинней, приобретая форму фигурного фламберга, все еще достаточно легкого, чтобы Никс могла его удержать.

Чудовище бросилось на барсов, барсы — на него. Копыя взлетели в воздух роем. Длинный хвост с металлическим острым гребнем молотил без разбору, и, пока Никс пыталась убраться оттуда подальше, ее задело по ногам и она снова шлепнулась на песок, выронив огненный меч. Подтянув его к себе и не оглядываясь, она стала ползти по влажному песку по направлению к Краю Света. Сзади слышались звуки борьбы, утробный рев зверя и смешавшийся в какофонию полурыв-полукрик человекоподобных барсов.

Никс все-таки обернулась. Барсы побеждали. Словно странная механическая бабочка, трепыхалось приколотое копыями к песку чудовище, ярилось и дергалось, не желая смириться с поражением. Из его рассеченных трубок-вен текла желтовато-черная жижа, подбираясь к золотистым водам Края Света и сжигая на пути траву. В его плоть вонзилось еще одно копые, и чудовище издало оглушительный рык, срывающийся на человеческий голос.

А потом на грани горизонта, за изломом сияющей дуги, прозвучал чей-то еще плач — тот самый голос, что пронзает морок насквозь.

Замерли барсы. Застыла черная тварь, которая не могла с собой ничего поделывать, не могла совладать со своей яростью, и все застыло, ослепленное и оглушенное Зовом, и наступившая после него тишина стала невероятным избавлением от нестерпимых, чудовищных мук.

У того, кого увидел Оливер на холме той частью себя, которая еще сохранила остатки

разума, тоже был меч, вот только кроваво-красный.

Первым, что она сумела разглядеть, был зевающий котик. Мелкое пузатое существо следило внимательно за пролетающими за стеклом снежинками. Его братья (или сестры) сладко дремали, повернувшись к окну спинками, и только этот серо-белый зверек пытался ловить снежных мух за стеклом.

Потом Никс увидела свое отражение. Затем оглянулась по сторонам и поняла, что находится в городе, которого не знает, и все вокруг запорошено снегом. Невысокие белые дома с характерными диагональными балками, так непохожие на те, что Никс привыкла видеть у себя на родине, укрылись толстыми белыми шапками. Из металлических труб наверху вовсю валил дым. В стрельчатых узких окнах трепетал приглушенно электрический свет. Вдалеке, в темно-синем небе, можно было различить, приглядевшись, узкую бледную полосу, похожую на силуэт высокого тонкого моста — но какой же он должен быть высоты?..

Никс оказалась стоящей перед витриной зоомагазина, причем одета она была в привычный комбинезон, футболку и летние босоножки. Проходящие мимо люди в темной зимней одежде косились на нее странно, но с вопросами не приставали. Внизу, у ног, Никс обнаружила полиэтиленовый пакет с едой. Батоны какие-то, консервы. А через мгновение она услышала знакомый голос:

— Куда ты делся? Керри...

Из-за угла зоомагазина вышел Тиха в шапке и серой куртке, с полными пакетами в двух руках. Вышел и как увидел Никс — так пакеты и опустил.

— Никс...

Он стянул шапку. Похватав ртом воздух, улыбнулся и радостно воскликнул:

— О, господи... Никс! Тебе же холодно! Откуда ты? И куда делся этот, красный?

— Да, это я. Кажется, я вернулась, — Никс шмыгнула носом, внезапно обнаружив, что готова вот-вот разреветься.

— Э-эй, ты чего! Радоваться же надо! — Тиха стащил с себя куртку, оставшись в сером свитере и поспешил укрыть курткой Никс.

Та отбивалась:

— Да не надо мне, мне тепло! Нормально!

— Какое нормально, давай надевай!

— Тиха, я... сам знаешь, кто я! Мне хорошо!

— А насморк у кого? Успела уже простыть!

— Это не насморк, — Никс, как любой, кого активно успокаивают и о ком совершенно внезапно искренне заботятся, не выдержала, и дурацкие слезы покатались из глаз. — Сейчас, сейчас я успокоюсь. Вот, видишь? Уже, — она вытерла щеки ладонями. — Рада просто, что вернулась.

— Я вижу, ага, — Тихомир тем временем принялся вытаскивать продукты из пакета, который был перед Никс, и раскладывать по двум своим. — Куда же при этом запропастился наш дурачок... Неужто на твое место исчез?..

Никс оглянулась.

— Я никого тут не видела. А что? Где мы, кстати? И где остальные? Мы на севере? Или

я блуждала по мороку до зимы?

— О-о, — протянул Тиха, — да уж, ты многое пропустила.

Он поднял пакеты с едой и кивнул:

— Пойдем. Заодно все тебе расскажу. Короче, блуждала ты не долго — дня три-четыре-пять, но мы успели знатно продвинуться.

— Что это за город? — спросила Никс.

— Тасарос-Фесс. Вокруг ты можешь наблюдать одну из его окраин, сохранившуюся с давних времен нетронутой. Во-он там местная достопримечательность, — он кивнул на смутно виднеющуюся в ночи тонкую полосу высокого моста, — проходящая близко к городу старая магическая граница, ныне не действующая, почитаемая местными как страшный мифический артефакт прошлого. Хм, что еще... На улице минус, сейчас примерно шесть вечера, мы с Керри ходили за недостающими продуктами, потому как завтра рано утром, как только рассветет, мы преодолеем последний отрезок пути и остановимся у подножия Цинары, в поселке Лас. Оттуда есть пути наверх — сама понимаешь, куда.

Никс приостановилась. Тиха, пройдя немного вперед, обернулся:

— Чего?

— То есть... мы уже на севере и вам... вам пришли мои письма?

Тиха кивнул.

— Рейнхарду пришло. Письмо. Одно письмо. Если другие и были, очевидно, эта магия сработала как-то не так, — Тиха развернулся и пошел вперед. — Но, если ты говоришь... блин, я бы хотел прочитать то, что было адресовано мне.

Никс смутилась. Говорить, что писала всем, в принципе, одно и то же, почему-то не стала. Она прибавила шагу, чтобы не отставать.

Снег скрипел под тонкой летней подошвой, пальцы промокли. Снегопад усилился. Снежинки притаились в складках накинутой поверх плеч Николы куртки и заплутали в зеленых волосах Тихомира, который шел на пару шагов впереди.

— Тебе правда не холодно? — переспросил он чуть погодя.

— Не-а, — Никс покачала головой. — Все хорошо. Мне вообще хорошо. Все еще, правда, не верится, что я тут.

— Но тут ты пока неизвестно насколько, верно?

Тиха завернул за угол.

Они оказались перед стальными воротами с небольшой калиткой. Тиха набрал нужные цифры на кодовом замке и вошел в открывшуюся дверь. Никс, последовав за ним, обнаружила широкий, занесенный снегом двор и припаркованный в нем минивэн. Тиха стал разбираться с багажником и запихивать туда пакеты с едой.

— Чей это дом? — поинтересовалась Никс.

— Этот? Он принадлежит некой тетушке Сесиль. Рейнхард, Берса и Ирвис сейчас там, — ответил Тиха. — В кои-то веки нам хоть как-то помогли Риновы связи, будь они трижды неладны.

— А что с ними?

— В них сам Потерянный сломит четыре ноги, — Тиха захлопнул багажник. — Короче, это — гостевой дом. Тут недалеко есть горячие источники — ну, горы ж рядом, все такое. Сейчас еще не сезон, и посетителей нет. Принадлежит помещению местной какой-то общине, глава которой — женщина, которая, в свою очередь, Рейнхарду то ли приемная мать, то ли еще кто-то. То ли сиделка. Она его вроде как в детстве спасла, потом отдала в

приют, потому что сама прокормить не могла, потом, через много лет, они как-то нашлись, и вот... девушки захотели в ванную и в тепло, а тут такая оказия, — Тиха задумчиво и неодобрительно посмотрел на большой трехэтажный дом, в котором в трех закрытых жалюзи окнах уже горел свет. — Вроде бы, все путем: напрямую мы к тетке врага не приведем, и отдых нам нужен, это факт. Но с этими тетками и их детьми, по-моему, что-то не так, вот только я в толк не возьму, что.

— Какого врага?.. — осторожно переспросила Никс.

— Точно. Мне тебе еще всякое рассказывать и рассказывать, — Тиха перевел взгляд с дома на Никс. — Слушай. А что, если... если тебе и правда не холодно, может, пред ясные очи других о тебе беспокоящихся ты явишься чуть попозже?

— В смысле?

— Ну, когда еще, в самом деле, ты доберешься до Северной Гавани, — Тиха пожал плечами. — Почему бы ее немного не рассмотреть?

— Но как же ты? Ты же замерзнешь.

— А у меня тут в машине толстовка есть, — Тиха наскоро разыскал где-то внутри безразмерного багажника синюю пайту. — Пойдем.

И когда за Николой захлопнулась железная дверь на воротах, она снова вспомнила по очереди все двери морока, какие прошла. Ей показалось, что очень может быть, будто в этот трехглазый дом она так и не попадет, но видеться с Рейнхардом после отчетливо стоящего перед глазами "концерта" ей все еще не хотелось. И нет в наготе и любви человеческой вроде бы ничего такого, но как же смотреть в глаза?..

И тут же, перебивая сладость морозного воздуха, стукнулись в ее сознание отчетливо яркие воспоминания об Оливере Вайсе, о его измененном лице, о безумной и беспомощной ярости, которая выплеснулась из него черно-бурой слизью.

Никс поняла, что морок изменил ее тоже. Не так кардинально и не смертельно. Не изменил. Спина идущего впереди Тихи казалась почему-то чем-то вроде камня, который огибают речные потоки.

Небо стало совсем черным, и снег роился вокруг фонарей беззвучно, будто бы мелкий пух.

Тиха замедлил шаг. Дождавшись, пока Никс поравняется с ним, начал рассказывать о странных химерах, что гнались за ними по трассе и полю; о Берсе, которая не нулевой элементарист, а поглощающий — и вроде бы как негильдейский, ведь женщин там все-таки мало, но кто ей уже поверит; про Ирвис и ее сожженный дом; про Керри, который на самом деле — Кровавый Рассвет, бессильный в реальности, влюбившийся в котиков и фастфуд; про то, как в последний раз пытались звонить домой — из придорожной телефонной будки, ведь здесь, на севере, без документов карточек не купить, и как в итоге вышли на связь с Эль-Марко сутки назад, добравшись до сети, и выяснили, что дома беда.

Скелет, в котором Никс нашла осколок зеркала Лок, оказывается, попросту перелез через забор, проявив немислимую прыть. Заклинания Камориль на него не сработали, ведь поднят он был не чужой некромантией, а чем-то неведомым и совершенно неясным. Академию временно запечатали на карантин, мол, студентов косит какой-то суровый грипп. До Абеяра Никитовича не дозвониться. Вернувшаяся из путешествия Мари тщетно пыталась найти Николу во снах, но не смогла. Дом Эль-Марко и Мйаров подвал в немислимом хаосе — туда тоже кто-то пробрался и произвел обыск. В общем, оставшиеся на юге немного в шоке, пытаются выяснить, что происходит и все собрать воедино.

— Ясно пока одно, — резюмировал Тиха, — убрались мы оттуда вовремя, и теперь нужно сработать четко. Верить нельзя никому. Как разберемся с тобой — будем решать, что делать дальше. Я пока, к сожалению, еще ничего не придумал. Да, кстати, смотри — порт.

К тому моменту они вышли на высокую набережную, с которой открывался вид на заснеженный, усыпанный разноцветными движущимися огнями залив. Сотни ярких светящихся точек отражались в черной воде, среди расколотых ледяных глыб медленно проходили тяжелые, крутобокие суда. Жизнь в порту не думала замирать ни на миг.

— Пойдем, может, где-нибудь посидим? — предложил Тиха. — Я тут почти ничего не знаю, так что можно выбирать наугад.

— А разве ребята не будут беспокоиться? — проговорила Никс. — Поесть бы я, кстати, не отказалась, но связи-то нет...

— Я не хочу сейчас возвращаться туда, — ответил Тиха. — Я ждал тебя, и мне повезло. Что это, если не судьба? Ты не подумай чего плохого, я сам в судьбу не верю. То есть не так. Я верю, что каждый из нас сам ее себе создает, а что ты сам сделал — то и твое, разве не так?

В теплой кофейне нашлось и меню для серьезно оголодавших граждан. Никс казалось, что это пир во время чумы. За окном валил снег и мир как будто кончался там, за последними видимыми снежинками, а тут горел очаг, немногие посетители в кои-то веки реального и самого что ни на есть настоящего заведения почти не обращали внимания на не по сезону одетых Николу и Тихомира. Скоро подоспевшее мясо с запеченными овощами было сладковатым и жирным, а глинтвейн — медовым, с достаточным количеством пряных яблочных долек.

— А знаешь, ты изменилась, — сказал Тихомир, отставляя полупустую кружку с сидром. — Выросла, вроде.

— Да ладно.

— Правду тебе говорю. Лицо будто вытянулось чуть-чуть, щечки ушли.

— Врешь.

— Нет же.

— Что за бестолковая болтовня.

— Это еще называют "общением", — Тиха очаровательно улыбнулся. — Может, еще глинтвейна? Пока что в бюджет влезает.

— Нет, не хочу глинтвейна, хочу вон тот шоколадный торт с четвертой страницы меню и тот, с вишенкой, что под ним, и чаю на молоке.

— Абсолютно поддерживаю тортики, — Тиха оглянулся в поисках официантки.

Пока он заказывал, Никс откинулась на мягкую спинку стула и стала смотреть в окно. В окне, правда, она видела отражение все того же Тихомира, но так его разглядывать было как-то проще. Вообще она почувствовала, что наконец, впервые за долгое время, ей удалось расслабиться. Наверное, алкоголь в крови делает свое дело. Наверное, этих моментов достаточно, чтобы набраться сил для очередной борьбы. Наверное, если ее сейчас опрокинет обратно в морок — где бы она ни оказалась, она встанет и пойдет снова искать Край Света или вершину Антарг, чтобы опять вернуться. Как мало нужно человеку... и как много это малое значит. И что-то еще неуловимое никак не удавалось понять до конца. Что-то еще в ощущениях хотело облечься в слова, но оставалось на грани, невысказанным и неосознанным.

Никс перестала смотреть в окно и посмотрела на Тихомира прямо.

В этот миг ей казалось, что она, пожалуй, всегда хотела быть здесь, сидеть в таком вот кафе, греть руки об чашку с чаем, и чтобы снаружи спокойно кружился снег, и чтобы было тепло и не ярко, и чтобы юноша был простым и понятным, таким, кому можно было бы доверять — хотя доверять ему нет никаких причин, ведь Тиха не так-то прост. И он явственно не из тех, кого надо бы было хотеть, он не для всех, и многие бы нашли его недостаточно... ну, недостаточно там каким-нибудь. Но он тут — как раз, да он как будто бы всюду — как раз, он этому миру идет. И странно, что то, чего так давно хотелось, находится не в фантазиях, не в Мире Снов, а тут.

— Ну что, расплачиваемся и идем? — спросил потом Тиха, когда с тортиками и чайком было покончено.

— Да, ведь нам, кажется, стоило бы поспешить, — не замечая, как серьезно у нее это вышло, проговорила Никс. — Мало ли, когда меня снова туда опрокинет.

— Что ж, — ответил Тиха, — рано или поздно мы тебя вытащим. А после у меня будет еще очень много времени. Я ведь, в отличие от тебя, не собираюсь никуда исчезать.

Тетушка Сесиль из прошлого всегда маячила где-то на горизонте моей сознательной жизни, словно светлое размытое пятно — даже когда она нашла меня в сети и стала слать письма с фотографиями себя и своей нынешней семьи, которая, надо признать, оказалась большой. Сыновья Сесиль обзавелись женами рано, а те, в свою очередь, стали рожать малышей, словно соревнуясь друг с другом. Малыши же принялись расти не менее азартно.

И вот теперь мы наконец встретились с тетушкой, хотя, конечно, никакая она мне не родня. Я смутно помню те два года, что провел в сиротском приюте. Я почти не общался ни с кем тогда, да и задирали меня там как-то без фанатизма, хоть и болезненно. Помню, тетушка Сесиль навещала меня, а потом познакомила с моим наставником по ремеслу. Дальше я жил уже у него, Сесиль заходила реже, а потом мы переехали в какой-то еще город, потом снова, снова и снова... казалось, связь полностью оборвалась. Но когда "Негорюй" стала набирать обороты, тетушка узнала меня — хотя, казалось бы, как можно?.. — и написала на коллективную почту. Так мы и нашлись. Многие думают, что нам пишут очень часто — но это не так. Сил разгребать письма вполне хватает, и особенно добрым и чистым признаниям фанатов мы всегда рады, а дурацкие письма обычно зачитываем коллективно и весело. Отвечаем только редко — Ари настаивает, что так правильней...

Найдя меня в сети, тетушка сразу же стала звать обратно, на север. Она предлагала помощь в организации концертов, ибо "выбилась в люди" и "имеет связи". Я старался отказывать мягко, потому как не хотел возвращаться и никому из группы об этих возможностях не говорил.

И вот, когда мы прибыли в Тасарос-Фесс, я все же поддался тому печальному сентиментальному зуду, что возникает внутри, когда есть возможность зрелым взглядом посмотреть на места, где бывал в детстве. Так, мы проехали мимо здания приюта, что напротив центральной церкви Потерянного, и мимо загороженного щитами домика на окраине, где я жил, кажется, какое-то время еще до приюта. Я попросил Тиху притормозить и вышел посмотреть, что стало со зданием.

Щиты закрывали от горожан разруху и запустение. В обшарпанном старом доме явно никто не жил, окна были забиты изнутри. Сверху эту живописно-аварийную конструкцию замело снегом, еще пуще усугубляя эффект заброшенности. М-да, природа взяла свое...

Я постоял, посмотрел и вернулся в машину. Через пару кварталов мы заметили крайне

засаленного вида закусочную, но ребята почему-то решили, что заведение — то, что надо. Кроме дешевого фастфуда и горячего чая в кафе обнаружился выход в сеть.

Мне пришло письмо от тетушки Сесиль, в котором она говорила, что видела меня в Тасарос-Фессе буквально вот сейчас, — я ли это?.. Какое-то время я сомневался, стоит ли впутывать ее в нашу историю, тем более что до Цинары остается последний рывок... Но мне и самому хотелось хотя бы на ночь какого-нибудь человеческого жилья, чистой воды и постели.

И я ответил Сесиль, мол, да, это я, самый что ни на есть.

Она приехала за нами в течение двадцати минут.

Возраст не пощадил когда-то черных волос, выбелив их в стальную серую седину. Перед нами, кое-как наряженными в разномастные зимние куртки с чужого плеча, предстала женщина, одетая, казалось, не по погоде легко, но весьма элегантно: светлые кремовые тона, тонкая шерсть, замшевые палевые перчатки. Тетушка вела себя сдержанно и прилично, но глаза ее лучились. Пожалуй, сейчас, наедине с самим собой, находясь уже в собственной комнате в гостевом доме, принадлежащем семье Сесиль, я думаю и понимаю, что огонь в глазах тетушки был немного странный, мне незнакомый. Что-то такое сквозило в ее сдержанной радости... Чего-то она хотела от меня сверх простого общения. Нет, это не вожделение юной поклонницы — безраздельное и слепое, но это и не чистые родственные чувства — я ей не сын; это и не дружеское тепло — наше общение можно назвать скорее формальным. Что же таил ее взгляд все это время, пока она расспрашивала меня о жизни, делах, о цели визита, о том, почему я переменял свое мнение и таки приехал в Тасарос-Фесс? Надолго ли? Не желаю ли я остаться? Не откажусь ли я повидаться с ее сыновьями?

Я ничего ей не говорил об истинной нашей цели, благодарил, кивал и улыбался. Именно тогда краем глаза я увидел в окне, как Тиха заводит Николу во двор. Я было дернулся, но осекся. Тетушка Сесиль как раз наливала чай — пятую кружку за вечер. На седьмой она, наконец, сжалась и оставила меня наедине с самим собой и мыслями о предстоящей нам завтра финальной стадии поиска Лок.

Когда Сесиль ушла, не более чем через полчаса в незапертую дверь просочилась Берса, разодетая зачем-то в черную меховую шубу. Пока я пытался сформулировать вопрос касательно шубы, Кей ее распахнула и предстала в исшитом пайетками черном платье в пол, с узким вырезом, оголяющим середину грудины... примерно этак до пупа.

— Это еще что за номер? — поперхнулся я.

— Это подарки твоей родственницы, — сообщила Кей, делая большие глаза. — Она решила, что я — твоя нареченная, и мне не пристало... ну, ты понимаешь. Странная у тебя тетка какая-то.

— Не то слово, — я закрыл лицо рукой.

— А шуба-то из козы!

— Но... зачем ты приняла эти подарки? И почему ты? Почему не Ирвис, например?

— Или не Керри?

— Ну Керри-то как бы ясно почему, он же мальчик...

— А вот не факт.

— Тетка совсем спятила, — пробормотал я, качая головой. Встряхнулся, положил дневник на столик, поднял взгляд на Кей. — Так, слушай. Не морочь мне этим мозги. Иди лучше спи. Или... Зачем пришла?.. Подарки показала — молодец. Лучше их поскорее верни — я б на твоём месте не оставлял, — Кей поджала губы, но я все равно продолжил: — Это

она тебя задабривает, не понятно, что ли? Сесиль странная, я согласен, а значит, стоит держать ухо востро. Но осталось потерпеть до завтра. На рассвете...

— Так я вот зачем. Где Тихомир? Что-то долго они за продуктами ходят. Может, стоит пойти их поискать?..

Я вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Нет нужды.

— Почему?

— Я видел его в окно. Они возвращались уже, с Никс. Закинули сумки в машину и обратно пошли. С одной стороны, он поступает как законченный эгоист, с другой — я полностью его понимаю. С третьей... А с третьей... скажи мне, Берса, так можем ли мы рассчитывать на более обширную поддержку со стороны ваших в случае чего?

Я выделили слово "ваших" интонационно. Берса, нахмурившись, уселась в кресло напротив, где до нее сидела Сесиль.

— Не думаю, — произнесла Кей. — Во-первых, бюрократия. Пока мы будем ждать поддержки, нас могут уже того. Ну, ты понял. Во-вторых, конечно, все занято, но не более прочего. Сейчас, говорю ж, не спокойно. И много чего еще происходит в мире такого, за чем следует наблюдать.

— То есть у нас тут вроде как не что-то из ряда вон?

— Считай мое пребывание здесь моей собственной инициативой.

— Одобренной руководством.

Берса ничего не ответила. Перевела взгляд на бутылку на круглом деревянном столике.

— Вино?

— Вино, — я не стал отрицать очевидное.

— Решил презреть безопасный способ терморегуляции?

— Иначе я попросту не усну. Да и где тут я аудиторию для срочного выступления разыщу?

— Или женщину.

Замолчали.

Шестиугольные пайетки в свете высокого торшера переливались, словно рыбы чешуйки. Мне хотелось, чтобы Берса ушла. Мне не хотелось предлагать ей вина или вестись на ее провокации, вступать в спор или как-то еще реагировать.

Что ей надо от меня?.. Зачем?..

Женщина — вот она, прямо передо мной. Ситуация кажется странной, хотя все, вроде бы, просто. Она не предлагает своей "помощи". Я никогда не думал о ней как о девушке. О ней сложно так думать, может быть, даже боязно. Наши отношения никогда не были близкими. Они и дружественными-то никогда не были, хотя, не спорю, как личность она меня интересовала — вызывала некое сдержанное любопытство, антропологическое или даже скорее естествоведческое.

В сущности, я ничего о ней не знаю.

Разве что... Единственное, что мне известно наверняка — то, что мы разные настолько, насколько отличается холодное от твердого. Сейчас она вроде как помогает мне, нам, общему делу — но я не понимаю, до какой степени ей можно доверять. И что хочет она от меня сейчас? Почему бы ей не встать и не уйти, и не оставить меня наедине с моим вином и печалью?..

— Вполне возможно, что завтра кто-то из нас умрет, — произнесла Кей, нарушив

тишину.

Я поднял на нее взгляд.

Она сказала вслух то, о чем я не позволял себе думать.

— Я не собираюсь умирать завтра.

Кей вздернула брови:

— А кто тебя будет спрашивать?.. Пятьдесят на пятьдесят. Может, все пойдет криво, может, без сучка и задоринки. Может, Сорос под завязку забит злыднями, желающими нам скорой смерти, или теми мутировавшими животными. Может...

— Кей, хватит. Все эти "возможно" я и без тебя триста раз обдумал. У тебя есть какая-нибудь достоверная информация? От твоих?

Она покачала головой.

— Посылать Бродяжку одного на разведку — тоже не вариант, — продолжил я. — Он, конечно, в случае чего уйдет, но может потеряться так же, как в тот раз с машиной. И потом ищи его. А со связью мы так и не разобрались... И напрягать этим вопросом Сесиль я не хочу.

— И все-таки, откуда же у него этот странный талант? — спросила Кей, имея в виду Тихомира. — Он негильдейский, это я знаю. Но большего раскопать не получилось. Парень — загадка.

— Без понятия, — ответил я честно. — Кстати, если тебе интересно и источники молчат, спроси у него сама.

— Раз он тебе не рассказал, то мне точно ничего не расскажет, — Кей потерла шею спереди, где узкий тканевый ошейник застегивался на пуговичку.

Уныло подперев голову рукой, я заметил:

— Раз застежка тут, то вырез, скорее всего, должен был быть на спине. Вот тебе и давит.

Кей встрепенулась, будто что-то вспомнила.

— Смотри, — она продемонстрировала мне ногти на правой руке, как что-то невероятно важное, — форма держится! Может, зря ты в рок-звезды пошел? Может, лучше было в маникюрщики-парикмахеры?

— Тебе меня не поддеть, даже и не пробуй, — безразлично ответил я. — Петь диафрагмой и прочими легкими — то же ремесло, что и любое другое. Те же часы работы, еще и на ногах. То есть я, в общем-то, вполне уважаю любой труд и сравнение с парикмахером меня никак не заденет. Уж в чем-чем, а в профессиональных вопросах у меня с головой все нормально.

— В таком случае, настала пора мне раскрыть истинную цель визита, — слегка торжественным тоном произнесла Кей.

Она запустила руки в карманы шубы и достала оттуда... расческу-щетку и пучок черных шпилек.

Я, мягко говоря, опешил.

— Кей, ты серьезно?

У нее ни одна бровь не дернулась.

— Как никогда. Давай обойдемся без философии о вянущих цветах и опадающих лепестках. Сделай мне красиво, практично и чтобы в глаза не лезло.

— Ты сумасшедшая.

— Я отчаянная.

— Ты не могла Ирвис попросить?

— Она уже спит.

— Но ты же... ты же пацанка.

Беззубый какой аргумент! Кей смотрит серьезно и просто, по лицу ничего не прочитать, протягивает мне расческу, и руки ее не дрожат, уверенные и твердые, словно ничего странного не происходит.

— Я без пола и возраста, я сейчас и здесь. И я меняюсь, здесь и сейчас. Возможно, завтра будет поздно. Так почему бы и да?

— Значит, вместо цветов будем про идентичность.

— Не будем. Человека, Рейнхард, определяет его желание в первую очередь. И вот прямо сейчас я хочу что-нибудь изменить.

О чем она? Что "что-нибудь"? Мне стало не по себе. Догадки где-то на задворках сознания зароились светящимися искрами, и беспокойство обострилось втройне. Это все только ли о прическе? Или я накручиваю себя? Ладно, спокойно. Не стоит раньше времени делать неверных выводов.

— Но с чего ты взяла, что у меня получится? — спросил я осторожно.

— Ты обладаешь критическим, аналитическим типом мышления и кое-что понимаешь в визуальной эстетике, — стала отвечать Кей рассудительно. — Даже если ты чего-то не знаешь или не умеешь — ты сможешь построить в голове простейшую схему и выдать удобоваримый результат — а большего и не надо. Кстати, какая степень близости необходима для облегчения твоих температурных проблем?

А, вот оно что. Она хочет помочь. Так криво. Хочет обеспечить мне "контакт" с "женщиной", чтобы ослабить озноб. Но прямо сказать не может и предложить — тоже. Такие вот отношения. Отношения, которых нет.

И в голову ей не приходит, что, если бы я хотел избавиться от холода этим способом, я бы уж как-нибудь разыскал себе утешение на вечер.

Что ж.

Может быть, я не прав.

— Вставай. Подвинем кресло к зеркалу, — сказал я, принимая из рук Кей расческу и шпильки. — Если тебе настолько себя не жалко, я готов экспериментировать. Сумасшедшая.

Зеркало располагалось меж двух окон, занавешенных тяжелыми бордовыми шторами. В черных безднах за стеклами медленно падал снег. Кей сидела, прямая, словно струна, сжав костлявыми пальцами подлокотники.

— Главное, чтобы в глаза ничего не лезло, — повторила она. — Я хочу, чтобы до завтра продержалось, и мне было бы удобно, если что.

Я прикоснулся к ее непослушным каштановым волосам, разделяя их на пряди. Пальцы двигались будто бы сами, и казалось, что мы совершаем какой-то неназванный ритуал.

Какое невинное прикосновение. И в то же время кажется, будто бы я узнаю ее как человека лучше. Словно несколько сотен барьеров, которые иначе пришлось бы преодолевать в словесных баталиях, рухнули враз.

А еще, едва начав, я учуял знакомый аромат, тонкий, почти неразличимый.

— Кофе с медом? — спросил я.

— Что?

— Кажется, ты им пахнешь.

— А-а... Это шампунь для поврежденных волос, — Кей криво улыбнулась своему

отражению.

— Тебе нужен для нормальных, балда, — я начал выплетать первую из запланированных косиц. — Вот и открыт секрет твоей растрепанной головы.

— Ты продолжай, продолжай, — она поерзала и снова выпрямилась.

Я вздохнул и продолжил. И так, нам нужно что-то на основе косы. Рваную челку можно собрать в колос вокруг лба, остальные волосы — в три косы, свести все вместе и уже потом закрепить на затылке шпильками, пускай они и кажутся мне ненадежными.

Я стал осуществлять задумку. Не все получалось сразу — волосы у нее были сами по себе гораздо толще моих, а оттого непослушней. Они все время путались и цеплялись за пальцы. Их приходилось заново расчесывать, но Кей не выказывала и намека на то, что ей больно — мне кажется, она просто терпела, ведь вызвалась на экзекуцию сама.

Когда работа была проделана наполовину, Кей снова спросила:

— Так этого хватит, чтобы тебе стало тепло?

Вот же упрямая.

И я, выходит, оказался прав в оценке ее мотивов.

Придется теперь отвечать.

— Нет.

— А что нужно?

— Кей, — я остановился. — А ты не понимаешь?

— Я предпочитаю не строить догадок, но спросить напрямую.

— Ага, как же. Но, даже если... предположить самую возможность достаточного контакта — этого будет недостаточно по итогу. Никакой близостью это не перебить — мне все равно холодно. Все мои проверенные способы на самом деле не дают абсолютного результата. Я уже очень устал от полумер. Я должен разобраться с причиной, хотя бы найти ее и понять, иначе...

— Что иначе?

— Мне кажется, однажды все это сведет меня с ума.

— Твоя персональная армия не допустит этого, — серьезно сказала Кей. — Твой последний способ согреться, как я понимаю, наиболее эффективен. Ты и сам знаешь, сколько девчонок хочет прильнуть к тебе и... как бы так сказать... делиться самым заветным. Они считают твое внимание знаком судьбы, и пока у тебя есть молодость и они — да, ты на игле, но ты жив и в здравом рассудке.

— Ты издеваешься, да?..

— Нет, я констатирую факт. Многие отдали бы все, лишь бы оказаться сейчас на моем месте и быть к тебе настолько близко. Ну... все вот это. Ощущать твои прикосновения, трепетать перед неизведанным будущим, которое всенепременно будет трагическим, но красивым, прочие эпитеты придумай сам.

Она говорила все это бесстрастно и просто, глядя мне в глаза через отражение в зеркале. И ее слова в самом деле меняли все.

Я опустил руки, покачал головой:

— Но здесь сейчас ты, и ты — не такая.

Она широко улыбнулась:

— Вот это номер, да?

— Ты никогда не смотрела на меня так, как смотрят они.

— Я вижу прежде всего тебя, а потом уже все, что сверху. И ты, Рейни, прекрасен,

словно рассвет, далеко не всегда. Почти всегда ты одинок. Не потому, что никому не интересен, а потому, что мало кто интересен тебе. Будто бы ты других за что-то взаимозаменяемое держишь... И из-за этого ты жесток и жалок. Но я тебя не жалею. Я тебя жалеть не буду. Я могу тебе разве что помогать — чем я и занимаюсь, как ты мог заметить. И это все — я имею в виду твой способ оставаться в своем уме — вообще никак не влияет и никогда не повлияет на мое к тебе отношение.

Я не стал ей ничего отвечать. Снова взялся за волосы — остались финальные штрихи.

Пустоту, разлившуюся внутри, медленно заполняла необъяснимая, иррациональная злость, воли которой я, впрочем, давать не собирался.

— Ну, зато я честна, — Кей пожала плечами.

— Вполне, — я согласно кивнул. — А я вот недостаточно проницателен, чтобы понять: это ты так попыталась возвыситься надо мной, беспомощным и жалким, выдала индульгенцию или призналась в каком-то особенном отношении?..

Она улыбнулась не размыкая губ, решив, очевидно, что вопрос риторический.

Я отступил на шаг.

— В целом готово. Если будешь аккуратно спать — продержится до завтрашнего вечера наверняка.

— Разберусь уж как-нибудь, — сказала Кей, поднимаясь с кресла. — Вышло хорошо. Спасибо.

— Тебе спасибо. Мне даже стало немного лучше. Правда.

Я постарался не допустить в голос иронию, а хотелось.

Кей больше ничего не говорила — ушла и аккуратно прикрыла за собой дверь.

На часах была полночь.

Я лег на диван и уставился в потолок.

Я пытался не воскрешать в голове этот странный наш диалог, а думать о предстоящем завтрашнем дне. Тщетно.

Я мог бы изящней. Я мог бы просто взять и отказаться, прогнать ее сразу. Я, кажется, продул в словесном поединке — радостно в него ввязавшись. Или нет?.. Все ли я понял правильно? Сколько потайных доньшек у сундука? С косами я, если без ложной скромности, преуспел. Собранные волосы ей идут.

Но она неправа, я не одинок. Да, я не люблю людей, но есть те, кто мне интересен. Я лишь не могу позволить себе этот интерес сейчас проявлять — у меня другие заботы... мне надо решить мою проблему. Раз и навсегда. Чтоб никакой "иглы".

Она думает, что знает меня. Но она не может меня знать. Потому что я сам себя не знаю.

Да, меня взбесило именно это — допущение, что она знает настоящего меня. И будто бы это знание может сковать меня, окончательно определить. Но не я ли первый, кто попытался поставить клеймо?..

Мысли путались, словно давешние непослушные волосы.

И когда шестиугольные пайетки рассыпались черными рыбками и растворились в надвигающейся ледяной тьме, я наконец уснул.

Тихомир вернулся где-то глубоко за полночь вместе с Керри. С утра я не стал при тетушке Сесиль и странных провожающих расспрашивать его о том, куда он снова дел Никс и как посмел не привести ее к нам, — дождался, пока выедем из города, ограничиваясь многозначительными взглядами, призванными воззвать к отсутствующей у Бродяжки совести.

Из гостевого дома нас провожали, внезапно, большой толпой. С самого раннего утра под домом собрались какие-то странные люди с окрашенными в светлые оттенки волосами. Тетушка Сесиль сказала, что все они — ее семья, а, стало быть, и моя тоже. Ага, человек двадцать "семьи". Хорошо же они тут живут. Отдельно Сесиль представила нам четверых молодых людей возрастом от четырнадцати до тридцати — собственных сыновей. Они улыбались, переговаривались между собой, изредка, как бы украдкой, бросали любопытные взгляды на меня и остальных. Они вели себя таким образом, что было понятно: мы не на одном уровне, мы с ними — в каких-то разных плоскостях. Вот только в чем именно разница, я понять не мог. Это нервировало и вызывало недоумение.

Впрочем, останавливать нас или следовать за нами никто не пытался и вопросов тоже никто не задавал, так что мы спокойно выехали из двора и из города прямо в снежные рассветные сумерки.

Пока мимо проносился пригород, Тиха рассказал нам, что Никола возвращалась. С ней, вроде бы, все было в порядке — по его словам. Как именно она исчезла снова, он поведал как-то скомкано, и мне показалось, что что-то он недоговорил. В этот раз, по его словам, он не успел даже моргнуть — буквально. Никола сменилась Керри, пока Тихомировы веки были сомкнуты, как это с ними случается у обыкновенного человека сколько-то раз в минуту. Керри добавил, что, пока был в мороке, успел разобраться с накопившимися делами, и мы не стали уточнять у него, кого он там именно убивал.

А когда небо окрасилось лиловым и алым, на горизонте проявилась протяжная, уходящая ввысь громада Цинары, самые высокие пики которой уже золотило солнце. Силуэт горной гряды вынырнул из светлеющего неба как-то неожиданно, до этого скрытый сумраком и воздушной перспективой, и оттого сумел удивить и ошеломить. Казалось, что, когда мы подъедем к самому основанию этих еще молодых гор, нас попросту придавит их величием, раскатает в тонкий блин.

Кей, Ирвис и Тихомир были безусловно очарованы и восхищены раскинувшимся перед ними пейзажем. Керри, очевидно, не впечатлился.

Для меня ощущение новизны довольно быстро сошло на нет, и я заново привык к виду огромного силуэта на горизонте, перестав обращать внимание на его размеры.

Согласно нашим старым планам, мы должны были бы въехать в поселок под горой и идти к замку главной дорогой. Но мы поступили иначе. Тиха учуял путь — другой, не очевидный, но, по его словам, оттого более безопасный.

Не было причин не доверять его чутью.

Я, впрочем, сам до конца не понимаю, как так получилось, что в эту дыру мы суемся такой разношерстной компанией, в которой, тем не менее, обходится пока что без смертельных противоречий. Ведь даже вчера, еще до того как появлялась Никс, у нас не

вышло большого скандала, когда я заявил Ирвис и Керри, что им неплохо бы подождать нас в гостевом доме Сесиль. Ирвис тогда поджала губы и покачала головой: мол, нет. Не дождешься. Так — неправильно. Керри промолчал. И, как итог, закутанные по уши в лохматые пуховики, они теперь едут на заднем сидении и источают решительность и непреклонность. Ирвис источает. Керри, кажется, считает столбы, иногда слегка осоловело поглядывая на дорогу.

Шапка-ушанка, надетая набекрень, делает его каким-то особенно inferнальным. На Ирвис красуется берет с большим розовым помпоном. Кей ничего не надела и многострадальную прическу уже в машине зачем-то планомерно распустила — назло мне, что ли? Ну, ничего — отморозит уши, пожалеет, раскается. Будет ей кара небес за особенности характера.

Сбоку от дороги, качество которой становилось чем дальше, тем сомнительней, замелькали высокие, лохматые сосны и стрелчатые ели, а электрические столбы взяли и кончились. Когда лес вокруг стал выше и плотней, настолько, что громада Цинары скрылась за разлапистыми, укрытыми снегом деревьями, Тиха свернул на проселочную дорогу, ведущую куда-то в самую еловую гущу. Казалось, что он едет попросту в лес. Минивэн с трудом перебирался через сугробы, дороги стало не видно вовсе. Тихомир сдавленно сквернословил, но рулил уверенно и упрямо. Через некоторое время он остановился и заявил нам, что, во-первых, настало время утреннего перекуса, а во-вторых, мы можем поразмять немного ноги, пока он будет ставить на шины цепи противоскольжения.

Когда мы выбрались на мороз, утопнув в снегу по щиколотки, я заново ощутил всю прелесть севера, от которой пытался бежать. Презрев все мои попытки утеплиться, включая уродующий пуховик, перчатки и шерстяную шапку, холод прокрался под одежду, и озноб мгновенно переменялся с легкого на трясущий. Я силой воли сдержал порыв и запретил себе стучать зубами.

Спокойно. Расслабиться. Вспомнить, что эта стихия все еще мне подвластна, и она — на моей стороне, пускай и способна убить, защищая.

Вокруг очень много снега. Он откликается мне, притягивает взгляд, зовет меня, тычется исподволь мелкой белой крошкой, будто бы проверяет — буду ли я играть с ним? Вот только я вовсе ему не рад.

Скорей бы все это кончилось.

Кей закурила. Сверху, между ветвями, пролетели какие-то черные птицы.

Тиха принялся возиться с цепями: раскладывать их перед колесами, проверять инструменты. Ирвис достала из продуктовых мешков два шоколадных батончика — правильный выбор в таких условиях, в общем-то.

Вскоре было покончено и с завтраком всухомятку, и с установкой цепей. Машина пошла уверенней, несмотря на дорогу, которой не видел никто, кроме Тихомира.

Лес ненадолго отступил, чтобы явить нам белые поля от края до края с редкими вкраплениями желтоватой сухой травы. Затем мы снова погрузились в хвойные объятия укутанного сугробами леса, и дорога пошла вверх.

Через час, когда был преодолен заледенелый глухой серпантин, пришлось остановиться: дорога сошла на нет, потерявшись на относительно широкой заснеженной поляне. Мы снова выбрались наружу, в этот раз прихватив с собой кое-какие рюкзаки. Берса, уже не стесняясь, понесла свое устрашающее оружие в руках — как она объяснила, на случай незапланированных волков или медведей. Мы не стали с ней спорить на эту тему. Более

того, никто не воспротивился тому, что Кей вручила маленький дамский пистолет Ирвис, предупредив, что это — на крайний случай.

К девяти утра мы вышли к отвесному склону, возле которого располагалось нагромождение колотых серых камней, некоторые из которых были в два раза выше меня. Казалось, что это результат обвала или чего-то подобного. Снег карабкался по ним с трудом. Тиху обвал не смутил — он стал обходить эти камни, и, в самом деле, следуя за ним, мы стали продвигаться все ближе к самой скале, отвесно уходящей вверх, поросшей кривыми соснами и бурыми пятнами лишайников. За острыми валунами обнаружился темный проход, обрамленный породой чуть более светлой и слоистой. В кривой, несимметричный узкий зев задувал ветер, затягивая в черные глубины снег и мелкие камешки, издавая при этом устрашающий рваный вой.

— Ну что, вы все еще со мной? — спросил я, перекрикивая ветер, обернувшись к Кей, Ирвис и Керри.

— Не потеряй Тихомира! — бросила Ирвис, обходя меня и исчезая в темноте пещеры следом за уже ушедшим туда Тихой.

Я, хмыкнув, последовал за ней. Тьма укрыла нас сразу. Тьма и ледяной холод.

Я наклонился, снял перчатки и зачерпнул в пригоршню снега. Он и не думал таять. Я резко расправил пальцы, подбрасывая снежинки вверх, и призвал элементарнейшее волшебство, заставляющее их сложиться в определенную структуру, являющуюся начертанием еще одного связанного заклинания.

И вспыхнул свет.

— Вот вы без этого не можете, — цыкнула Кей. — А вдруг?..

— Вдруг — что?

— Не знаю. Что-нибудь.

— Включай фонарик и смотри под ноги, — посоветовал я. — А, у тебя ж ружье. Тогда просто не отвлекайся.

Я протянул другую, свободную руку и коснулся промерзшего камня стен. Это все — рукотворно. Моя мягкая, вкрадчивая, ограниченная "разведывательная" магия позволяет видеть недалеко. Я знаю теперь, что у самого входа было гнездо ледовых сор — мелких всеядных зверьков, в честь которых и назван замок. Я знаю, что скоро проход перестанет быть узким, и нам предстоит увидеть что-то еще. Большие стены говорить отказывались.

Все-таки я чужак, пусть и кажется, будто свой.

— Мы пройдем через эти тоннели, — повторил Тиха, когда я с ним поравнялся, — и окажемся там, где надо. Слышишь эхо? Рано или поздно мы выйдем в пещеру побольше. А то и в подвалы замка, какие-нибудь удаленные, возможно.

— Как ты знаешь, что там везде будет открыто?

— Я ничего не знаю наверняка, кроме того, что этот путь приведет нас в Сорос.

Тиха светил перед собой большим переносным фонарем.

Луч уходил, не встречая препятствий, куда-то в черную даль. Проход действительно расширялся, но очень медленно. Наклонный пол пещеры был покрыт сияющим инеем, как и каменные стены, испещренные глубокими трещинами.

Становилось все холоднее. Студеный воздух стягивал кожу, то и дело вспыхивая облачками пара перед лицом.

Звуки наших шагов многократно отражались от промерзших стен, превращаясь как будто бы в белый шум. Четверть часа мы спускались по прямой, по медленно

расширяющемуся тоннелю, и поэтому не сразу заметили, что потолок ушел куда-то во тьму, а вскоре и стены разбежались, чтобы явить перед нами пологую лестницу в несколько сотен ступеней.

Тиха повертел фонарем, цыкнул. По бокам лестницы на больших темных валунах стояли каменные изваяния — приземистые, обглоданные временем. Человеческое изображение угадывалось в них с большим трудом.

— Похоже на плохо сохранившиеся скульптуры эпохи Рассеченного Змея, — прокомментировала Ирвис.

Тиха направил луч вверх. Рассеянный из-за расстояния и сырости свет зацепил огромные полупрозрачные сталактиты под самым куполом пещеры. Исследующий луч фонаря прочертил дугу, раскрывая размеры каменной залы — титанические, следует отдать им должное. Очевидно, мы вошли в толщ горы уже достаточно глубоко.

— Вот это да-а, — протянула Кей.

— Случайные путешественники не заходят сюда из-за замаскированного камнями входа, — предположил Тихомир. — А местным, наверное, мешает какая-нибудь красивая и кровавая легенда. Пойдемте дальше, нам наверх.

— А может, тут просто воровать нечего? — хмыкнула Ирвис, поднявшись на первую черную ступень гигантской лестницы.

Мы начали восхождение. Посередине чуть передохнули, еще раз оглянувшись по сторонам. Когда мы достигли площадки наверху, перед нами раскинулась длинная прямая полоса черного камня, обрамленного с двух сторон бассейнами с тусклым серо-зеленым льдом. Мне показалось, что я различаю слабое сияние под толщей застывшей воды, но предлагать выключить фонари я не стал.

Предупредил только:

— Не заходите на лед. Мало ли.

Черная полоса тянулась вперед. Свет самого мощного фонаря отскочил от чего-то впереди, вернувшись — я не сразу понял, что это. Присмотревшись, я различил, что дорога оканчивается огромным круглым проходом — таким обрамленным лепными изразцами колесом, в котором вместо спиц проросли белесые, слегка полупрозрачные кристаллы, похожие на исполинские мечи. Спицы эти загораживали проход целиком и полностью. Может, и смог бы какой-то мелкий зверь просочиться через узкие черные дыры между кристаллами, но человеку такое явно не под силу.

— Вот это я понимаю — образчик магической архитектуры, — заметил Тихомир.

— Ты что-то слишком воодушевлен, учитывая, что прохода дальше нет.

— Проход есть, — уверенно сказал Тиха. — Более того, он возможен. Я думаю... Я думаю, это в твоей компетенции. Ледяные пещеры, кристаллы, все вот это вот.

— Да, там, за этим проходом, определенно что-то есть, — сказала шедшая за нами Ирвис. — Я чувствую — там еще какое-то помещение, возможно, оно еще больше.

— Сквозняки? — предположил я.

— Они самые, — согласилась Ир.

Мы подошли к самому "колесу", и каждый почувствовал, как веет от него могильным холодом. Вблизи кристаллы переливались, словно опалы. Острые, трех и четырехгранные, они были шириной с хороший такой орех, а то и дуб. Я глянул вверх, оценивая "масштаб поражений". Люди, построившие это, страдали гигантоманией, и очень хотели ошеломить и впечатлить.

Ладно. Я ошеломлен и впечатлен. Но дальше-то что?

Я протянул руку и коснулся твердой гладкой поверхности кристалла. Толика профильной магии — самую чуть, шепот, легкое дыхание, взмах крыла бабочки — большего и не надо, чтобы распознать, что это такое, какой это лед, какова его структура, возраст и состояние.

Итак, опаловые прожилки — растворенная золатунь. На всем "колесе" — заклинание. Я не могу его определить — рисунок мне не знаком. Зря мы подошли так близко. Может быть, это... какая-то огромная мясорубка?.. Задраенный клапан, защитный механизм?

Я не успел подумать об этом — под моей рукой разлилось сияние и раздался тонкий мелодичный звон. Керри дернулся, оборачиваясь на него, взъерошенный, как воробей. Сияние распространилось от руки по всему кристаллу, и, вторя ему, резонировали, запели и другие ледяные пики.

Я отошел на два шага, все остальные тоже стали пятиться.

Колесо заскрежетало и, осыпая пыль и ледяную труху, стало поворачиваться. Кристаллы, словно огромные зубья, начали уходить куда-то в невидимые пазы в стене. Двигаясь неровно и на первый взгляд хаотично, они втянулись в промерзший камень, открывая нам путь в еще одну непроглядную темноту.

— Это было... неожиданно, — признался я, когда отгремели трели ворот-колеса. — Ума не приложу, с какой стати все именно так.

— То есть ты их открыл и не знаешь, как это получилось? — уточнила Берса.

— Могу предположить, что они пропускают меня как представителя гильдии.

— А я говорил, что есть проход, — Тиха подхватил с пола поставленный туда генераторный фонарь. — Идем.

— Пускай Рейнхард тут постоит или лучше на самом колесе — вдруг оно захлопнется за ним или за нами? — нервно потребовала Берса.

Я без пререканий встал прямо на каменное колесо, дожидаясь, пока остальные пройдут. Берса была права: мало ли. А если бы ледяные кристаллы решили сомкнуться на мне — что ж, теперь я знаю об их структуре достаточно, чтобы в случае чего разрушить. На их месте я бы и не пытался.

Ребята прошли без проблем. Колесо и не подумало резко сворачиваться, даже когда я ушел с него. Только потом, когда мы были уже достаточно далеко, оно сомкнулось — но нам было уже не до того.

Преодолев очередной долгий подъем, пройдя мимо куда более сохранных статуй, что выстроились друг за другом по бокам лестницы, мы оказались на площадке перед горбатым мостом с резными перилами. Статуи, оставшиеся позади, изображали угловатых звероловцев, похожих на запаянных в пластинчатую броню грифонов, у которых вместо орлиной головы — человеческие торсы, принадлежащие воинам с копьями и флагштоками. А прямо перед нами, внизу, под выгнутым и резным, словно спортивный лук, мостом, в слабом рассеянном сиянии застыла невероятно огромная ледяная армия. Скульптуры были недвижны. Шеренги искусно вырезанных из льда солдат выстроились, словно на плаце, и казалось, что для того, чтобы ожить, им не хватает только команды.

Мы ступили на мост и шли по нему, с трепетом оглядываясь по сторонам и вниз, отмечая, как меняются типы и виды солдат, как переливаются в смутном сиянии морды ледяных лошадей, крылья ледяных горгулий, доспехи полупрозрачных воинов-исполинов, каждый из которых был втрое выше обычного человека.

Мы шли молча, и никто не задавал вопросов. Я думаю, они бы хотели спросить у меня, способен ли я оживить весь этот фигурный лед? Я бы не смог ответить ни им, ни себе: я не знаю. Если на этом всем уже запечатано что-то древнее, но еще не утратившее силы — вполне. И это пугает. Это было бы грандиознейшее действо и зрелище — видеть, как оживает и движется ледяная армия. И кому-то же хватило воображения и духа чтобы сотворить все это. И сумасшествия, конечно, ведь лед — материал капризный. Если же эти батальоны — просто такой вот замысловатый элемент декора, то, конечно, сил моих хватит максимум на одного. Да и то, полагаю, шоу не будет таким уж занятным: я неумелый кукольник и моя марионетка двигалась бы так же изящно, как эпилептик в припадке.

Но архимаги старой школы, полагаю, справились бы, если бы не война и не Тишина.

Резной мост уперся в узкий стрельчатый проход в глухой стене. Узкий — относительно пройденной нами величественной пещеры, так-то туда вполне можно было войти втроем. Я оглянулся на входе и увидел, что на темной поверхности моста остались наши следы. Это ж сколько тут никого не было?

Тиха направил свет фонаря вперед и высветил в проходе длинный, совсем уже цивилизованно оформленный коридор: по бокам кладка, под потолком — балки из каменного дерева, а в самом конце — вроде какое-то помещение. По мере продвижения вглубь стал нарастать запах плесени и затхлой сырости. В конце концов проход вывел нас в круглую комнату с высоким куполообразным потолком, где, как и в полу, имелось большое круглое отверстие. Мы подошли еще чуть ближе к центру комнаты, я заглянул за край отверстия в полу и обнаружил там спокойную, черную, словно око бездны, воду. Тиха посветил в нее — она была мутной, но ни разу не заледеневшей.

— Это как это возможно при такой температуре? — удивился Тиха.

Заграждений вокруг резервуара с водой посреди комнаты не имелось, зато стены украшали панели из благородного, нержавеющей металла оттенка янтаря.

— Итак, мы в тупике, — констатировала Кей. — Судя по всему. А скалолазной экипировки я не брала. Зря.

— Но разве не должно тут быть нормального пути вверх? — задумчиво проговорила Ир. — Как иначе жители замка сюда спускались?

— Может быть, использовали какие-то механизмы, — предположил я, оглядываясь по сторонам.

— Какие тут могут быть механизмы? — удивилась Кей. — Или ты думаешь, сюда проведено электричество?

— Ну, какая-нибудь мини-гидроэлектростанция, учитывая незамерзающую воду, может и найтись где-нибудь в подвалах замка, — рассудил я. — Плюс питаемый ею тепловой насос... ну или, на крайний случай, что-нибудь, приводимое в действие ручной работой, — Я обратился ко всем: — Ищем что-то вроде рычага или кнопки. Может, найдем потайной ход. Я верю Тихомиру. Тут должен быть какой-то путь. Очевидно, нам просто надо его найти.

Все покивали и без споров начали осматривать стены комнаты, щедро декорированные абстрактными металлическими барельефами.

Керри, молчавший всю дорогу, ничего не искал — он смотрел в незамерзающую воду посередине помещения.

Я тоже принялся шарить пальцами по холодному металлу, прощупывать завитки барельефа, похожего на укрытую снегом еловую ветвь.

Я провел подушечкой пальца по выемке, в которой скопилась пыль, до перекрестья с другой деталью рисунка, потом еще, до места переплетения пяти металлических лепестков...

Я ничего не нашел. Но кое-что вспомнил. Память, блеклая, словно увиденный краем глаза силуэт, всколыхнулась где-то внутри, промелькнула перед глазами белой бабочкой.

Это место... кажется знакомым. Как будто бы я уже был здесь. Но что я тут делал? Когда? Не играет ли со мной шуток моя больная голова, измученная вечным ознобом?

Я позволил этому призраку прошлого вести меня, стал двигаться инстинктивно, поддался памяти тела.

Но нет. Ощущение чего-то знакомого, того, что я знал, но забыл, пропало так же внезапно, как появилось. Я взглянул перед собой и снова увидел Керри, смотрящего в черную воду.

Я подошел ближе. Взглянул вверх, в дыру в потолке.

Здесь у нас минимум метров пять.

— Тиха, — я разыскал его взглядом, — а посвети-ка туда.

Тихомир подошел к нам с Керри и направил свет прожектора в потолок. Луч скользнул по металлическим украшениям на стенах и потерялся в темноте за круглым отверстием.

— Ты что-то придумал?

— Нет, я кое о чем забыл, — я невесело хмыкнул. — И вот вдруг внезапно вспомнил.

Конечно же, я не имел в виду того действительного ощущения узнавания, которое испытал минуту назад. Сейчас я вспомнил, кто я такой на самом деле.

— Все держитесь у стен, — стал говорить я, обходя резервуар с водой по кругу. — Керри, отойди, — я коснулся его плеча и мягко отодвинул.

— Ты чего задумал? — кажется, Кей догадалась. — Колдовать?

— Колдовать, — я присел возле воды и коснулся ее поверхности раскрытой ладонью, — я буду колдовать.

Итак, в ледяной инженерии я не слишком хорош, хоть и прилежно изучил курс и так же прилежно все сдал, ну и, понятно, прошел ритуал, как полагается. Но выбора, судя по всему, нет. Итак, теперь мне известен объем имеющейся воды — ее в достатке, колодец уходит весьма глубоко. За основу возьмем параллелепипед, пускай в высоту пойдет сантиметров тридцать, соответственно таким же будет смещение по высоте. Поворот в двадцать три градуса — оптимален. Растить будем все сразу, вместе с опорным столбом, предварительно создав крепкую основу.

Я запретил себе думать о том, что что-то может не получиться. Это, конечно, не снежинки с тарелку выращивать и не детскую горку в парке.

Но где наша не пропадала.

И я воззвал к той силе, что определила мою судьбу. Накатывая волнами, пытаюсь вырваться хаотичным потоком, она пришла откуда-то из глубин естества, и, усмиренная, хлынула через пальцы наружу, впиалась в черную воду ледяными клыками, пронзила колодец насквозь, ударила в камень.

— Когда я закончу, — я поднялся и стал обходить леденеющую воду по кругу, — я поднимусь наверх первым и буду держать конструкцию. Постарайтесь не медлить — долго я ее не удержу.

Я снова опустился на одно колено возле воды и коснулся ее поверхности, направляя вглубь поток силы. Встал, прошел к третьей запланированной точке, наблюдая, как над

белеющей поверхностью начинает расти конструкция, еще пока неочевидная, состоящая из кристаллов, которые будто бы хаотически врезаются друг в друга и ветвятся так, словно нет никакого конечного плана, как будто стихии плевать на ожидаемый мной результат. Я опустился на одно колено в третий раз, и снова магия вырвалась на свободу и вгрызлась в податливое тело воды, и кристаллы льда, скрипя и скрежеща, стали расти быстрее, спутались и сплелись в игольчатое геометрическое кружево, уже поднявшееся выше моей головы, и продолжающее шириться и подниматься. Я ступил вперед, на затянутую коркой льда воду, и аккуратно коснулся подножия разрастающегося ледяного цветка, корректируя направляющие, укрепляя слабые места и сочленения, упорядочивая структуру, добавляя ажурной конструкции прочности и силы.

Полупрозрачный белый лед слегка мерцал. Кристаллы, словно штыки, уперлись в пол, а те, что на самом верху, достигли потолка и впились в него, цепляясь, словно побеги вьюнка. Я выудил из ледяной бездны внутри себя еще силы, и направил ее вверх, к кристаллам-перекладинам, к гроздьям фигурного льда, чтобы те выпустили еще ледяных шипов и они сомкнулись с основанием, завершая проект.

Через миг я снова ощутил отступивший было озноб, пускай лишь на самой границе восприятия.

Колдовство кончилось. Теперь надо напрячь оставшиеся силы и сдержать конструкцию, когда (если) она начнет разрушаться.

Я поднял сброшенный было на пол рюкзак и стал подниматься по получившейся у меня ажурной винтовой лестнице вверх. Остальные пока стояли недвижно, раскрыв рты. На середине лестницы я остановился, поняв, что никто не смеет пошевелиться. Они рассматривали получившуюся конструкцию как что-то ну вообще невероятное.

— Чего встали? Говорю же: долго не продержу, давайте за мной.

Первым опомнился Тиха и, подхватив рюкзак и фонарь, встал у основания лестницы, намереваясь идти последним и светить остальным.

Я же, перестав обращать внимание на копошение внизу, отсчитывал ступени и время, какое конструкция способна еще продержаться. Достигнув самого верха, я ступил на каменный пол следующего этажа и быстро оглянулся вокруг. Тот снег, с помощью которого я призвал свет, я, конечно, давно где-то потерял, и потому сейчас оказался в почти кромешной темноте. Можно отколоть льда... Но лучше его все-таки больше не трогать.

Что ж. Вздохнув, я присел на край дыры в полу и, держась одной рукой за бок ледяной лестницы и контролируя тем самым ее состояние, стал ждать остальных.

Они оказались похвально расторопными: вот уже Ирвис, Керри и Кей, немного скользя, добрались до верха и повключали фонари, рассматривая, что находится вокруг. Я пока не мог отвлекаться, ожидая Тихомира, который так же не стал медлить по чем зря и мигом взлетел наверх следом за Кей.

Как только он ступил на каменный пол, я отпустил руку.

Лестница даже не шелохнулась.

Кто знает, сколько она еще простоит. Я не могу предугадать, когда трещина разрушит ее вчистую, раздробив на осколки.

Я поднялся с пола и обернулся, чтобы увидеть наконец куда нас занесло.

Больше всего это было похоже на склад. Свет фонаря выуживал из темноты какие-то пыльные ящики и затянутую в тканевые чехлы мебель, поставленную друг на друга. Ящиками, полками и мебелью дыра, откуда мы выбрались, была как будто бы специально

огорожена.

Подойдя ближе к стеллажу и светя между полками, Тиха констатировал:

— Там еще ряда два разного хлама, а вот за ним, похоже, пусто. Я вижу кусок деревянной двери.

— Ну, тогда давай, двигаем что-нибудь и вперед, — я пожал плечами.

Так и сделали.

— И все-таки, — задумчиво проговорила Ир, пока мы с Тихой, кряхтя, оттаскивали в сторону набитый чем-то позвякивающим контейнер, — хорошо, мы пробрались наверх благодаря способностям Рейни. Но как сюда предполагалось попадать простым, обычным людям?..

— Кто знает, — пожалала плечами Кей. — Вдруг это место специально спрятали. Кто-то всю эту мебель сюда приволок... может, и не предполагалось сюда никому попадать. Секретный ход, все дела.

— Может, кто-то через него бежал и как-то демонтировал лестницу, по которой спускался, — кивнула Ир. — Утопил, например.

— В воде не было ничего — колодец до самой земли, — сообщил я, утерев лоб.

— Странное место, — подытожила Ирвис. — Ну, хотя бы тут теплее, чем в пещере.

Она была права: в этом подвале с низким потолком все еще было холодно, но уже не так, как раньше. Я, впрочем, особой разницы не ощущал: и тут, и там — много хуже, чем летом, на юге, под ласковыми солнечными лучами.

— Вот этот еще, — Тиха выбрал стеллаж, заставленный темными деревянными ящиками. — Погнали!

Я взялся за металлическую конструкцию ближе к основанию и приподнял. Так, вместе мы отодвинули еще одно препятствие, расчищая путь к двери.

Большие деревянные створки оказались заперты, причем, судя по всему, снаружи, то есть — мы оказались перед очередным препятствием.

— Ну е-мое, — Тиха посветил фонарем в щель между створками, — точно, навесной замок.

— Экий ты путь выбрал более безопасный, — прокомментировал я, — просто загляденье.

— Я и не обещал, что будет просто, — Тиха обиженно засопел. — Но кто ж знал!..

— С петель мы это не снимем, шибко здоровые, — я задумчиво потер подбородок. — Может, попробовать заморозить металл да раскрошить, если он без циркония...

— В крайнем случае я могу отстрелить замок, — предложила Кей, — но шуметь, честно говоря, не хочется.

— Стойте, — Ирвис вышла вперед. — Не надо ни во что стрелять. Дайте, я сначала попробую.

— Ну прям шоу талантов, — насмешливо прокомментировал Тиха, тем не менее отходя от двери.

Ирвис, осмотрев деревянные створки со всех сторон, подошла к ним в плотную, встала, как и я до этого, на одно колено и взглянула в щель правым глазом. Затем чуть отодвинулась, набрала в грудь воздуха, сложила губы трубочкой и, прикрыв глаза, принялась дуть на замок.

— Проклятые маги, — беззлобно протянула Кей, с зачарованной улыбкой глядя на Ирвис, которая, если начистоту говорить, выглядела весьма нелепо, дую в щель. Продолжалось это действие не так чтобы очень долго — с минутой. По истечении шестидесяти

секунд что-то в замке щелкнуло. Ирвис продолжила несильно дуть в щель, щелчок повторился два раза, а затем замок разомкнулся. Ирвис обернулась к нам:

— Есть у кого что длинное и узкое? Надо теперь его как-то поддеть, чтобы из петель вынуть.

У Тихи нашелся складной нож. С его помощью Ирвис завершила свое кропотливое предприятие: замок с той стороны дверей шлепнулся на пол, и Ирвис распахнула створки настежь.

Мы вышли в очередной темный и длинный коридор, в стенах которого тут и там имелись точно такие же деревянные двери на замке. Комната, из которой мы выбрались, не была последней — до тупика и конца коридора можно было насчитать еще два закрытых на замки прохода. Тиха уверенно произнес: "Нам — туда", — и направился влево, подсвечивая себе фонарем.

Мы двинулись следом.

Коридор вывел нас к скрипящей деревянной лестнице, а она, в свою очередь, в новый коридор, и уже из него мы внезапно выбрались, поднявшись на пару пролетов, в открытый полуденному солнцу замковый двор, широкий и гулкий.

Как-то неожиданно нас окружили взметнувшиеся ввысь темные острые башни, припорошенные снегом, открытые балконы, выстроившиеся вереницей на противоположной стене, стилизованная под иней лепнина.

Внутри замок казался столь же заброшенным, сколько жилым. Снег был девственно белым и без единого следа человеческой ноги, но мне все равно отчего-то казалось, что в любой момент из-за угла может кто-то выйти, а из башен высунуться... лучники? Вероятно, это в мозгу шевелятся призраки просмотренного кино. Какие в наше время лучники.

— Ну, вот мы и пришли в Сорос, — сообщил Тихомир. — А куда идти дальше и где искать...

— Тщ, — я приложил палец к губам. — Я понял. Тебе нужна цель. Что ж, пускай это будет... тронный зал.

— Понял, — Тиха обернулся вокруг своей оси, и, оказавшись спиной к огромным закрытым воротам, пошел прямо вперед, по направлению к вросшему в скалу основному массиву замка.

— Почему тронный зал? — спросила догнавшая меня Кей.

— А почему бы и нет?

— Логично.

— Все равно мы не знаем, где именно искать, — аргументировал я. — Так почему бы не попробовать с самого главного?

— А может, оно было в одной из тех комнат в подвале? — предположила Ирвис.

— Возможно, — согласился я. — Ну, тогда вернемся и перепроверим. Еда есть, спальники есть — если что, останемся тут на ночь. Будем искать, сколько понадобится.

— Не прельщает меня такая перспектива, — призналась Ирвис.

— Я тебя понимаю, — я вздохнул. Поежился. Взглянул вверх, на мелкое северное солнце: что же ты не греешь?.. В следующий миг его загородила замковая башня, мимо которой мы прошли, а потом нас полностью поглотила тень от длинного торжественного козырька перед входом в основную громаду замка.

Массивные двери из черного дерева оказались погорелыми, раздробленными и поваленными. Внутри помещения вольно проникала поземка. Мы, перебравшись через

завалы перед главным входом, понедоумевали, гадая, что же тут произошло, а оказавшись внутри, поняли: очевидно, здесь был пожар. Его, видимо, успели потушить достаточно быстро, вот только красота отделки он подпортил: сожрал дерево, искорежил металл.

Первое помещение, через которое мы прошли, было основательно разграблено, а на следующих дубовых дверях обнаружился еще один навесной замок и обмотанная вокруг металлических ручек цепь, толстая, надежная, каждое звено — с добрый кулак.

Тут уже я, подошедший первым, коснулся замка и обнаружил, что сталь, конечно, не самая простая, но и меньшей температуры, на которую рассчитана, не выдержит. Под моими руками металл вмиг побелел, покрывшись инеем, и разлетелся вдрызг от удара притащенным от входа булыжником.

Я сначала дернул створки на себя — не пошли. И я толкнул их.

Они подались с трудом, со скрипом, обсыпав меня пылью и штукатуркой, даже чихнуть пришлось. Утерев нос, я прошел вглубь помещения. Ребята последовали за мной. Мы разбрелись недалеко, оглядываясь по сторонам, в который раз поражаясь любви старых мастеров к помпезности и масштабу: тронный зал был огромным, просторным и светлым. Между изукрашенным мифологическими сюжетами потолком и мраморным полом протянулись два ряда тонких витых колонн. Стекло в потолке все еще было целым, ну, по большей части. Кое-где все же обнаружились дыры, и в солнечных лучах, проникающих сквозь них, танцевал то ли снег, то ли пыль. В самом конце зала, на возвышении, стоял трон — с высокой спинкой, как и положено, в окружении латунных статуй, изображающих все тех же грифонов с людскими торсами вместо орлиных голов.

Мы подошли чуть ближе, и я распознал материал: белый трон был почти целиком сработан из опала. Это где ж они добыли такой здоровенный камень? Или... столько их на этот трон ушло? Если эта штука — не реконструкция, то, по идее, в те времена их еще не умели выращивать искусственно... Хотя, о чем это я. Довоенные элементалисты земли вполне могли сотворить что-нибудь этакое на королевский заказ. Основная масса трона оказалась, к тому же, инкрустированной огненными опалами поменьше и, кажется, золатуню.

— Ну нифига ж себе, — Тиха присвистнул. — Это то, о чем я думаю?

— Как тут все не разворовали? — поинтересовалась Берса.

— Ну, может, мы уже призвали по наши души пару дюжих стражей порядка, — я пожал плечами. — Или пропустили мимо ушей несколько охранных заклинаний.

— Я ничего не заметила, — ответила Ирвис. — Хотя и прислушивалась к сквознякам.

— Это ты молодец, — похвалил я. — Продолжай в том же духе.

— И никого, — добавила Ирвис. — Ветра говорят о том, что чужаков здесь, кроме нас, нет.

Я поднялся по ступеням к трону. Вблизи он казался еще более монументальным. Огромная резная спинка... что это на ней такое предполагалось? А, стилизованные белые змеи — извечные враги снежных сор. Вблизи я рассмотрел, что трон действительно составлен из множества крупных камней, и каждый немного отличается по оттенку и по качеству и количеству играющих всеми цветами спектра жил.

Я протянул руку и коснулся благородного камня. Ничего не произошло. Камень показался мне теплым. Отчего-то. И знакомым. Но где я мог трогать такие опалы? На выставке самоцветов? Нет, там такого не было. Может, я путаю этот отполированный веками драгоценный камень с обыкновенным белым мрамором?..

— Эй, Рейнхард, — меня отвлек Тихомир, — глянь-ка сюда.

Он тоже поднялся к трону, но, в отличие от меня, не стал его разглядывать, а осмотрелся по сторонам. Сейчас он стоял за тронем и взирал на завешенную полуистлевшим гобеленом стену.

Рисунок на гобелене лишь смутно угадывался.

— Это летающий голубой жираф? — предположил я. — Эпично.

— Нет, это что-то другое, — Тиха сощурился. — Дракон! Точно, когда-то это был дракон!

— Ладно, пускай дракон, — я вздохнул. — Что это нам дает?

— Что охраняет дракон? — спросил Тихомир и посмотрел на меня.

— Клад, ясное дело, — отвечивал я. Тоже сощурился: — Ты предполагаешь, что...

— Я ничего не утверждаю, но чутье и опыт игры в некоторые персональные компьютерные игры подсказывает мне, что нам следует снова поискать что-то вроде потайного рычага. Более того, вот теперь я это и почувствовал тоже: тут есть проход.

— Вот эти два по бокам? — уточнил я, показывая на дубовые стрельчатые двери.

— Нет, — Тиха покачал головой, — проход в стене. Потайной.

— Отлично, — я сосредоточился. — Тогда ищем. Пока что твое чутье нас не обманывало.

И мы продолжили стоять, где стояли, вперясь взглядами в занавешенную гобеленом стену.

— Так. Давай его снимем для начала, — предложил я. — Ну, или отодвинем. Кажется, он крепится примерно как штора.

Я взялся за пыльный выцветший край и поволок его в сторону. Тяжелый гобелен, морщась складками, поддался, и оказалось, что он на самом деле маскировал собой арочный проход, ведущий куда-то в темноту.

К нам побежали Ирвис, Кей и Керри.

— Теперь — туда? — оживленно спросила Кей.

— Пойдите, — это вдруг заговорил Керри. Я уже успел отвыкнуть от его странного бесполого голоса, благо, он молчал чуть ли не со вчерашнего дня. Ввиду неожиданности заявления мы все прислушались к тому, что он решил сказать. — Если искомое — там, во тьме, то не лучше ли будет мне пройти туда и восстановить его целостность? Я ведь и сам из морока. И, кроме этого, мне любопытно, что будет, если я на него взгляну? Усну ли я? Я видел, как спите вы. Ваши тела как будто лишаются душ, теряют на время хозяев. Случится ли то же со мной? И какие сны я увижу?

— А он дело говорит, — Кей кивнула. — Тебе, Рейнхард, там точно на ощупь шариться придется, а ему-то что? Вдруг на него вообще не подействует?

— Похоже на вариант, — Тиха кивнул.

— Так, погодите, — я встряхнул головой. Потом посмотрел на Керри: — И ты погоди. Разве ты ни разу еще не засыпал, пока ты здесь?

Он покачал головой.

— Ладно, — я поразмыслил с секунду. — Хорошо. Еще не известно, что там. Может, там и нет ничего. Сделаем так: Керри, — я снова повернулся к нему, — фрагмент зеркала пока останется у меня. А ты просто сходи туда и посмотри, что там. Вернешься — расскажешь. Если тебя не будет дольше пяти минут... не знаю... что-нибудь придумаем. Но ты лучше так: посмотрел — вернулся. Ладно?

— Я безмерно ценю оказанное мне доверие, — ответил Керри и слегка склонил голову.

— Вот, возьми, — Кей всучила ему включенный карманный фонарик.

— Благодарю, — отозвался Керри и, светя себе под ноги, прошел под арку.

Мы наблюдали, как он движется через недлинный коридор с низким потолком, как толкает двойные двери, и как они без скрипа поддаются ему и он исчезает в ярком дневном свете.

Следующая минута тянулась невероятно долго. Кей зачем-то стала примеряться к трону, а потом — к постаментам, на которых стояли скульптуры грифонов. В конце концов она выбрала левый постамент и установила на нем свое устрашающего вида оружие, направив его дуло на вход в тронный зал.

На исходе третьей минуты, когда я уже успел напредставлять себе, что Никс вернулась именно сейчас и находится сейчас там, за дверьми, и не знает, где она и что делать, двери распахнулись и мы увидели Керри.

Он, включив фонарик, двинулся к нам. Когда он подошел ближе, мы рассмотрели на его лице озадаченность.

— Ну, что там? — спросила Ир.

— Кажется, это оно, — ответил Керри. — За дверьми — комната, круглая, под высоким куполом. Сверху свисают цепи. На цепях подвешено большое разбитое зеркало.

— Это оно! — не удержался я.

— Я прикоснулся к нему. Разбитые куски составлены вместе и чем-то закреплены.

— Ты смотрелся в него — и ничего не произошло? — обеспокоенно уточнила Ирвис.

— Да, — ответил Керри. — Оно меня игнорирует. Но кроме зеркала я обнаружил еще обглоданные мышами скелеты в углах этой светлой комнаты.

— Ну, скелеты — наверное, не шибко удобные чтецам спящие, — предположил я. — Бывшие спящие.

— А кроме этого... — Керри замешкался.

— Что там? Что еще ты увидел? — забеспокоился я.

— В зеркале не хватает не одного осколка, — тихо проговорил Керри, — а четырех.

Я не знал, что сказать. Все рухнуло враз. Через мгновение, придя в себя, я все же смог выговорить:

— Но... ты уверен?

— Да, — просто ответил Керри. — Если хочешь — пойдем, я проведу тебя за руку, и ты сам удовлетворишься.

— Я верю тебе, — ответил я, — но вот моя рука: веди. Удостоверюсь.

Ирвис хотела что-то сказать, но лишь прикрыла рот ладошкой.

Тиха, хмуро наблюдавший чуть со стороны, ничего не сказал. Ну а то. Он-то свою работу выполнил четко, пускай для достижения цели нам и пришлось применить все свои таланты.

Я опустил рюкзак на пол, удостоверился, что осколок Лок — в кармане, и закрыл глаза. Подняв руку, нащупал плечо Керри.

— Веди, — сказал я.

— Рейни, может, глаза лучше завязать? — спохватилась Ирвис. — Вдруг забудешься?

— Точно, — согласился я. Снял очки, стянул с шеи фиолетовый шарф и набросил на глаза, завязав на затылке. — Вот теперь — идем.

Керри медленно пошел вперед.

— Пригнись, — посоветовал он.

Вовремя: иначе бы я хорошенько приложился лбом об потолок тоннеля. Вскоре мы достигли двери. На что я надеюсь?.. Что Керри соврал? Но... я не мог просто взять и сказать "Ну, ладно". Нет. Нужно попробовать... что-то еще. Хорошо, я просто найду место, откуда выпал наш осколок и верну его туда, куда следует. Может, после этого Никс перестанет пропадать? Может, если "ее" осколок вернется, ее отпустит? Вряд ли. Но шанс есть. Микроскопическая вероятность.

Керри открыл двери и, взяв меня за локоть, провел внутрь.

В помещении было так же холодно, как и везде, но тут прибавился едва уловимый цветочный запах. Цветочный? Скелеты, изъеденные мышами, пахнут цветами? Что за бред.

— Обходим зеркало справа, — сказал Керри. — Оно ко входу тыльной стороной. Висит под углом, на цепях, не слишком высоко. Кажется, есть возможность опустить его горизонтально — в стене механизмы, цепи идут к ним через перекладки под потолком.

— Подведи меня к зеркалу. Покажи, где не хватает кусков, — попросил я.

Керри потянул меня за локоть вперед и влево. Развернул. Взял за запястье и поднял мою руку вверх.

Пальцы коснулись холодного, странной фактуры стекла. Мгновением позже я нащупал выемку, ровные, острые сколы по ее краю и шероховатый металл между ними.

— Вот тут, — сказал Керри.

— Еще, — попросил я.

Керри снова направил мою руку к следующему недостающему куску зеркала. Я исследовал форму на ощупь. Что ж, Керри не врал: вот уже второго осколка нет. Почему мы были так глупы? Почему мы считали, что Лок не хватает всего одного осколка? Почему мы думали, что ответ так прост и так близок? Разве бывает так в жизни?

— Давай следующий.

Керри отвел меня немного назад и, снова взяв за запястье, поднял мою руку вверх.

— Еще чуть-чуть, — сказал он, — встань на цыпочки и нащупаешь.

Я подчинился и в самом деле обнаружил выемку под очередной осколок.

— И где четвертая? — спросил я.

— До нее тебе, боюсь, не достать, хоть ты и высок, — задумчиво ответил Керри.

— Ясно, — ответил я.

— Вести обратно? — спросил Керри.

— погоди, — я самостоятельно ступил на шаг вперед и разыскал предыдущую выемку по памяти. — погоди... мне нужно подумать.

— Тебе не мешать? — вежливо поинтересовался Керри.

— Мне сначала нужно немного помочь, — ответил я. — Говоришь, механизмы на стене? Что там? Рычаги? Или шестерни? Или крутить что-то надо?

— Там металлические колеса, они — на осях, на осях еще есть зубцы, и цепи держатся за них.

— Понятно. Попробуй что-нибудь покрутить. В идеале нужно сделать так, чтобы зеркало располагалось горизонтально, отражающей стороной вверх. Думаешь, это возможно?

— Не знаю, — ответил Керри. — Я попробую.

— Только осторожно! — напомнил я.

Керри ничего не ответил — отошел. Я почувствовал себя беспомощным и — внезапно

— по-настоящему одиноким. Кромешная темнота вокруг. Даже стоять ровно без чужой помощи не так-то просто. На что я надеюсь? Кем я себя возомнил? Но я не могу бросить все так. Сейчас. Не могу.

Послышался скрип и лязганье цепей: Керри принялся пробовать. Очень скоро лязганье прекратилось. Какое-то время в комнате была тишина, но потом Керри снова начал что-то крутить, в этот раз дольше. Наверное, нащупал правильное направление.

— Два шага назад, пожалуйста, — проговорил он.

Я подчинился и медленно отошел.

— Еще на шаг, иначе заденет, — снова попросил Керри.

Я сделал еще шаг назад. В третий раз послышалось лязганье цепей и скрип механизмов. Я ощутил дуновение ветра — вероятно, это мимо меня прошел край огромного зеркала. Судя по тому, что я успел нащупать, зеркало в самом деле было не маленькое: метра три в длину, овальное. Прошлые хозяева здешних мест любили размах.

Щелканье и скрежет прекратились, что-то в последний раз звякнуло и затихло.

— Зеркало установлено горизонтально, — произнес Керри. — Эти механизмы предназначены именно для его координации в пространстве по трем осям.

Я протянул руки перед собой и осторожно подался вперед. Нашупал металлические переливы рамы. Золатунь. Она тянет в себя всю магию, до которой может достать. Но нет, рано, незачем. Нечего кормить изголодавшийся металл, в котором, вполне возможно, спят иссушенные долгой жаждой чужие, неизвестные заклинания.

— Керри, — произнес я, — иди к остальным. Скажи им, что мне нужен как минимум час, как максимум — три.

— Хорошо, — ответил он покорно.

— Потом возвращайся. И да, пока ты не ушел... ты видишь на этом зеркале какой-либо рисунок?

Керри некоторое время молчал, вероятно, вглядываясь.

— Это зеркало не абсолютно гладкое, — произнес он. — Как будто рябь идет по стеклу. Но складывается ли она в рисунок? Не думаю. По крайней мере, я его различить не могу.

Я ничего ему не ответил. Дождался, пока он пройдет мимо, к двери, откроет ее и уйдет.

Затем я достал из кармана наш осколок, развернул носовой платок. Пальцы ощутили ту же фактуру, которой была покрыта поверхность Лок.

Я не стал сразу же вставлять осколок на место.

Я добавлю его последним.

Но сначала я попробую... я попробую сделать то, что могу сделать только я.

Мироходцы: плетение

Все в этот момент было отчетливо настоящим, ощутимым, реальным до боли, до рези в глазах. Шершавая столешница. Пыль в горячем воздухе, пропахшем древесной смолой. Ножки стула царапают лакированный пол, когда Ветивер — точнее, теперь Марта — отодвигается, чтобы сесть поудобней.

Почему-то здесь и сейчас Ветивер перестал отбрасывать сорок теней, перестал быть бледным и узколицым скелетом, пародией на человека. Он превратился в Марту —

розовощекую, фигуристую женщину с полными алыми губами и роскошными красными волосами, достигающими талии. У Марты были красивые, маленькие кисти рук, проворные пальцы и острый взгляд.

Пока Айра еще плохо соображал, пытаясь приспособиться к настоящести окружающего, Марта сняла им комнатку на третьем этаже деревянной усадьбы, оставила Айру одного и ушла за покупками. Вернулась она через два часа, принеся с собой корзинку, полную лески, проволоки, маленьких ножниц, ниток разного цвета и толщины, и, конечно, бисера — самого разнообразного. Тряпичные мешочки были полны маленьких искристых бусин: темных, с отливом, прозрачных, рубленых, больших и мелких, правильных и бракованных. Были там и мешочки с бусинами побольше: одни оказались вылитыми из стекла, другие представляли собой просверленные жемчужины, черные, розовые и белые, третьи были сработаны из запеченной и эмалированной поверху глины, другие были деревянными и керамическими.

Марта велела Айре сесть за стол. Айра понял, что очень проголодался, да и в животе заурчало требовательно. Но Марта была непреклонна:

— Садись, смотри и слушай. Мы начнем с основ. Сегодня сплетем простой браслет, завтра — клубничинку, а потом перейдем к чему посложнее.

— Но я хотел бы сначала подкрепиться, — запротестовал Айра. — Боже. Я давно так не хотел есть. Это что-то! Кажется, меня сейчас сомкнет посередине.

— Не удивительно, — отвечала Марта, впрочем, без какого-либо сочувствия. — Посмотри на себя. Конечно, ты хочешь есть. Ты же растешь.

Айра взглянул в пыльный поднос, висящий на стене и заменяющий зеркало, и увидел в нем мальчишку шестнадцати лет: белобрысого, тощего, с выбритыми висками и раскосыми карими глазами.

— И зачем мне бисероплетение? — возмутился Айра.

— Не спорь, садись и делай, — сказала Марта. — Иначе ужина не получишь.

Пришлось подчиниться.

Этот день показался Айре вечностью. Браслет, несмотря на то что Марта нарисовала для него схему на пергаменте, выходил каким-то кривым: то ли Айра неверно подобрал бусины, то ли где-то ошибся, то ли леску перетянул — словом, начало было кривое, словно традиционный первый блин. Марта и не думала проявлять жалость: она заставила Айру распустить браслет и начать сначала. На третий раз у Айры получилось что-то относительно приличное. К тому времени солнце уже опустилось за горизонт, и над городом, что раскинулся в устье реки, стали по одной зажигаться звезды.

Марта сказала:

— Вот теперь пойдем есть.

— Я готов сожрать быка! — Айра встал из-за стола. — Пойдем скорей!

Он, конечно, переоценил свои силы и удовольствовался тремя куриными лапками и пригоршней разваренной пшеники под жирным соусом. Казалось бы, никакими физическими упражнениями его в этот день не мучили, и тем не менее следующую ночь Айра спал как убитый.

На утро Марта заставила его сбегать на пляж и проплыть несколько раз вдоль берега, и, снова шантажируя едой, опять усадила за стол, расставив перед Айрой мешочки с разноцветным бисером.

— Не мужское это дело, — сообщил ей Айра, уныло разглядывая схему плетения

бисерной ягодки. — Зачем мне это? Не лучше ли освоить какую-нибудь другую профессию, если мы собираемся тут оставаться? Кстати, надолго мы здесь?

— Пока ты не научишься плести, — ответила Марта, не особо обращая на него внимание. Она читала какую-то старую пожелтевшую книгу, язык которой Айре был незнаком.

— Я не понимаю...

Марта резко захлопнула книгу и посмотрела Айре прямо в глаза. Айра не выдержал первым и опустил взгляд, взялся за леску и принялся неумело нанизывать бусины в нужном порядке.

В эту ночь ему приснился сон о городе у моря, где берег часто изъеден оползнями, где в ночное небо смотрит мыс, похожий на рог, где туманное утро, пронзенное лучом маяка, сменяется жарким полднем, где дороги пылят, где на ветках, стремящихся прорасти прямо внутрь дома, висят абрикосы — протянул руку, сорвал и съел.

Айра проснулся, глянул в окно и не узнал города. Здесь все дома — деревянные и низкие. Море... да, тут тоже есть море, но это не то. Не то море.

В этот день он сумел сплести ровную ягодку, ровный браслетик и начал плести еще один — посложней, состоящий из повторяющихся и чередующихся элементов, похожих на цветки и снежинки. На второй день он продолжил плести его же, а на третий день завершил.

Марта была не очень удовлетворена его успехами, но не могла не отметить, что терпение и труд начали постепенно перетирать и криворукость, и невнимательность, и незнание материала.

Следующим заданием было создание широкого мозаичного полотна из стекляруса, и Марта позволила Айре самому придумать рисунок, который он будет выплетать, а потом помогла ему разработать схему для этого рисунка. Работа предстояла серьезная и Марта наставляла Айру, чтобы он был крайне внимателен и не отвлекался.

Мозаичное полотно заняло неделю. Айре оставалось совсем чуть-чуть.

В эти дни, наполненные чужим морем, работой по дому, редким общением с другими постояльцами поместья, и, конечно, бисероплетением, Айре некогда было особо размышлять о том, кто он и откуда. Но почти каждую ночь ему во снах являлся другой город, пустой, правда, совсем обезлюдевший. Айра ходил по нему и искал кого-то, и найти никак не мог. Будто некого было искать.

Конечно, рисунок на мозаичном полотне не был секретом. Но почему-то, даже когда до завершения оставалось совсем чуть-чуть, Айра не мог осознать до конца, что же это такое получается и каким оно будет в итоге.

И вот, когда он нанизал последнюю бусину, а затем закрепил узелок и обрезал ножницами торчащий кусок лески, ему явился окончательный лик его трудоемкой, кропотливой работы: мыс, похожий на рог, маяк на фоне старой горы и город, раскинувшийся на выгнутом побережье, сверкающий золотом в свете закатных лучей.

И Айра вспомнил, кто он. По крайней мере, осознал. Точного имени, конкретной своей внешности он вспомнить не мог — да и незачем это было сейчас. Но он осознал, зачем он здесь, и почему пошел за Мартой — за Ветивером, конечно же.

Айра поднял взгляд на Марту:

— Так когда мы вернемся домой?

Марта отвлеклась от книги и впервые за много дней улыбнулась. Вышло это у нее невесело, но хоть так.

— Ну вот, ты вспомнил.

— Не все.

— Хоть что-то. Итак, ты доплел свое первое готовое изделие. Как ты находишь его?

— Ну... — Айра задумался. — Я мог бы и лучше, пожалуй. В некоторых местах я допустил ошибки, приходилось переплетать. Так что, я мог бы быстрее. Кроме того, схему я рассчитал не сам, а только придумал основу рисунка. В общем, мне еще очень многому предстоит научиться.

— Только если захочешь, — мягко сказала Марта.

— То есть?

Марта вздохнула. Встала, прошлась по комнате ближе к столу Айры и присела на стул рядом.

— Миры, по которым мы путешествуем, связаны примерно так же, как бисеринки в изделии, — начала она. — Бывают такие, через которые проходит множество путей, бывают тупиковые. Да и сам бисер разный: некоторые бусины — просто копии друг друга, растиражированные на станке, другие — уникальная ручная работа. Некоторые — простые и понятные, другие — аляповатые и цветастые. И каждый глубок ровно настолько, насколько глубоко может видеть глаз смотрящего на бисеринку. И в каждом есть ровно столько возможностей, сколько их есть у бисеринки в браслете: она может быть незаметной, может быть основой, а может испортить все.

Айра кивнул. То, что говорила Марта, не противоречило его внутренним ощущениям.

— Кроме того, теперь ты знаешь главное, — продолжила Марта. — Только тот, кто побывал в огромном числе миров, может увидеть все изделие целиком.

Айра попытался осмыслить ее слова.

— Но разве это не грустно, — спросил он, — понимать, что ты живешь... ну, в бисерном слонике, например?

— Именно поэтому мироходец со временем понимает, что не свободен, — кивнула Марта. — И начинает искать выход. Пока что единственный выход — прокладывать новые пути. Возможно, рано или поздно, это превратит твоего слоника в лошадь или даже дракона.

— А что, если изделие — не слоник? — живо спросил Айра. — Что, если невозможно найти границы миров? Или ты нашла их?

— Границы миров ищет тот, кто не может найти своего места там, где родился. Изменить слоника на дракона хочет тот, кто недоволен собой, но не может изменить себя. В конце концов, все сводится к любви. Но это такая банальная истина, что я даже повторять ее не хочу.

— К любви к себе?

— К себе.

— А не к кому-нибудь?

— Ну, и к кому-нибудь. Но кого-нибудь ты сможешь полюбить, лишь полюбив себя, — Марта откинулась на спинку стула, и ее лицо снова стало скучающим. — Слушай, Айра, ты с легкостью осваивал вещи и посложней. С чего ты впился в эту дурацкую тему? Почему ты барахтаешься в ней, словно маленький ребенок? Почему она так влечет тебя? Я не соглашалась учить тебя любви. Я согласилась лишь обучить тебя моему ремеслу, раз уж ты имеешь к нему склонность, и помочь тебе взамен на твою помощь мне.

— Ты и не сможешь обучить меня любви, ведь ты — мироходец, который прокладывает пути, чтобы изменить слоника на дракона. А значит, по твоим словам, ты ничего в любви не

СМЫСЛИШЬ.

— Ты все понял по-своему. Я не говорила, что я прокладываю пути по этой самой причине. Ты не думал, что не может все быть так просто?

— Зачем же тогда ты бежишь от судьбы?

— Я ищу за пределом известных миров то, чего нет в известных.

— Человека, который сможет тебя терпеть?

— Ай да шутник, Айра! — Марта рассмеялась.

— Что же тогда? Лекарство от смерти? Власть, которая подчинит тебе всего дракона?

То есть пока что — слоника?

— Айра, Айра, глупыш. Ты поймешь меня не раньше, чем будешь готов. Тогда ты сам узнаешь ответ.

В крошечной темноте гасли и снова разгорались золотистые рваные кольца, похожие на следы от дождя на спокойной воде.

Вспомогательное заклинание, позволяющее видеть перед собой начертание другого, тоже отнимало немало сил и требовало сосредоточенности. Это же у нас что-то на границе, так? Это же костыль, попытка заглянуть за грань, в изнанку, которая нам, слабакам и вырождакам, не под силу? Пусть. Это стоит того. Наш мизерный шанс того стоит.

В конце концов, то, что я собираюсь колдовать после — незначительно в сравнении с подготовительным этапом.

Итак, вот оно — полотно. Это — огромный эллипс, возмутительно правильный, судя по всему. Отливали на совесть. Золатунная рамка задает некоторые точки, но в целом она бесполезна.

Я бережно прикоснулся к поверхности стекла, исчерченной мельчайшими концентрическими окружностями — как в реальности, так и перед моим мысленным взором. Они — части того древнего волшебства, ради которого все затевалось.

Заклинание, написанное формой, исходным кодом. Заклинание, вплавленное в самую суть артефакта. Золатунь только вычищает его и защищает от нападков извне, но само действующее заклятие впаяно в стекло.

Я не могу его расшифровать. У меня попросту нет нужных знаний, я слеп в этом отношении не только по факту, но и фигурально. Это заклинание вплавляли в стекло какие-то настолько древние маги, что мне даже предполагать боязно, и знаниями они обладали для моего ума извращенными и чуждыми.

И, тем не менее, я намереваюсь бросить вызов им, тем, кто это создал, и тем другим, кто это разрушил, пускай у меня уже поджилки трясутся от страха и напряжения.

Что ж, теперь все готово. Я считал и высчитывал столько, сколько было нужно. Ушло не два часа, а пять. Мои силы на исходе, но настала пора действовать.

Я сунул руку за пазуху и вынул оттуда фляжку с простой водой. Действуя на ощупь, так как глаза мои все еще были завязаны, я раскрутил крышку. Услышал тут же, как зашуршал пуховик Керри — он заметил, что я наконец что-то делаю, и пошевелился.

Крышку — прочь. Зеркало абсолютно горизонтально? Да. Вот — первая выемка.

Я осторожно вылил в нее немного воды, тут же заставляя ее заледенеть по краю и не просачиваться в щели. Прodelал то же самое с остальными двумя пустующими нишами, оставив в покое ту, куда потом вставлю настоящий осколок Лок.

Затем, коснувшись стекла у края раскрытыми ладонями, я пустил силу по поверхности, точно по желобкам концентрических окружностей, заставляя воду застывать в нужной мне форме так, чтобы продольные желобки формировали, заледеневая, математически точные продолжения того узора из концентрических кругов, что сложился на настоящей поверхности стекла.

Финальная стадия заняла чуть меньше минуты.

Если мой расчет верен и все сработает... Что ж, это надо будет как-нибудь отпраздновать. Но пока что рано загадывать.

Пускай я окажусь прав.

— Керри, — позвал я, — ты здесь?

— Я тут, — отозвался он.

— Поднимай зеркало.

— Сейчас.

Керри поднялся сам и направился к механизмам у стены. Заскрежетали цепи. Керри хватило трех минут, чтобы установить зеркало в исходную позицию — под углом в шестьдесят градусов, лицом к полу.

— А теперь, Керри, пожалуйста, подведи мою руку с последним осколком к выемке так, чтобы удалось восстановить всю поверхность за раз. Я не хочу, чтобы нам требовалось несколько попыток. Считай, что у нас есть всего одна.

— Хорошо.

Керри взял меня за запястье и подвел мою руку к холодной от магии поверхности Лок.

— Все правильно? — переспросил я.

— Пожалуй, — ответил Керри, и мягко надавил мне на пальцы.

Я почувствовал, как осколок входит в выемку. Установил его прочно.

Было тихо, и я слышал лишь, как стучит мое собственное сердце.

Ну... как? Сработало ли? Сработает ли? Я потянулся было к шарфу, закрывающему глаза, как тут прямо в лицо мне ударил ветер.

Он показался ураганным. Холодные иглы словно прожгли мне шею и лицо, прошли насквозь, сорвали с глаз шарф и растрепали волосы.

Противясь белому ветру и закрывая лицо руками, щурясь сквозь выступившие слезы, я все-таки посмотрел на зеркало и увидел ее.

В зеркале не отражалось комнаты, в нем не было меня и Керри, оно, словно светлое окно, являло нам бесконечный зеркальный лабиринт, наполненный снегом и холодом, и посреди него стояла женщина в белом, прекрасная настолько, что не хватит никаких слов описать ее, и холодная, как абсолютный ноль. По ее плечам рассыпались длинные белые волосы. В ее глазах горели синие звезды. Ее губы были черной полыньей. Ее голос дышал холодом бездны и пронизывал насквозь, как будто бы я — не человек, а открытое окно.

— Ну наконец, — произнесла она сладким, дивным, живым и леденящим душу голосом, в котором была и печаль, и тоска, и ликование, и торжество, — наконец меня слышит последний из рода Белых Королей.

Несмотря на и так пронизывающий холод, сочащийся из зеркала, как из проруби, у меня на затылке волосы встали дыбом, а затем и на всем остальном, подверженном такому эффекту.

— И тебя приветствую, Кровавый Рассвет, Третье Дитя Нашедшего Путь.

Я скосил глаза в сторону и обнаружил, что Керри, невозмутимый, как скала, стоит рядом. Отвечая на приветствие ледяной женщины, он слегка склонил голову и произнес:

— Долог был путь к тебе, Вьюга, Госпожа Зимы, Владычица Смерти, Искристая Дева Холодных Ветров.

Мне хотелось спросить у него возмущенно что-то вроде "Ты ее знаешь?!" но я, конечно же, промолчал, и даже не смог оторвать глаз от лица белой девы, названной Керри Вьюгой.

Ее бездонный взгляд снова переместился на меня, и мне показалось, что я сейчас тресну, как кусочек льда в стакане с горячим чаем.

— Как тебя зовут, дитя? — спросила она.

Ладно. В восстановленном зеркале обнаружилась некая белая женщина? Вот беда. Как-

нибудь... разберемся. В конце концов, кажется, она не настроена меня убивать. Похоже, она даже ждала этой встречи. Что бы это ни значило.

— Рейнхард, — представился я, не веря тому, что у меня вообще получается разговаривать. — Рейнхард Майерс Даблкнот.

— Ты используешь силу, что даровала тебе зима? — спросила женщина.

Несмотря на странную формулировку, я понял, о чем она.

— Да. Я — элементалист льда, прошедший ритуал и выбранный наставником другого элементариста. Мне подвластны три ступени волшебства.

— Славно, — она кивнула. — Терпимы ли еще твои страдания, или ты вдоволь пользуешься дарованные мною дороги забытья?

Я замешкался. Вьюга смотрела на меня с нескрываемой нежностью. Так смотрят на милого, жирного котика. На любимое кольцо. На спящего ребенка. Но... дороги забытья? Страдания? Неужели она... неужели она говорит о моем непрекращающемся ознобе и о моих способах его унять?.. Она знает? "Дарованные мною"? Стоп, что?

Я постарался не выказать изумления, но, боюсь, она все равно прочла мои мысли если не по моему лицу, то по нутру, которое все еще продували ее ледяные ветра.

— Не было другого пути, — проговорила она, и голос ее был похож на шепот близкого водопада. — Сила, данная Белым Королям, слишком велика для человека. Она пожирает вас, если вы не дадите ей достаточно огня. Я сострадаю тебе. Но я могу все изменить.

— Что изменить? — прошептал я.

В моей голове беспорядочно роились мысли, надежды, чаяния и предположения. Нет, нет, нельзя, надо думать здраво. Но... неужели... если она о моем извечном ознобе, который только нарастает последние несколько лет... который не отступает под напором солнечного юга... который, как мне казалось, преследует меня из-за неправильно проведенного ритуала или каким-то образом бракованного зерна... Я же... я же пошел в наставники для того лишь, чтобы иметь возможность выжить... Она может все изменить?..

— В моей власти даровать милость, в моей власти ее забрать. Я способна излечить тебя от твоей лихорадки, и ты не умрешь от невыносимого жара, не сойдешь с ума, как большинство твоих предков, тех, кто был слишком слаб или благодетелен, чтобы использовать дороги забытья.

— То есть... Вы... Вы — источник магии ледяных элементаристов?.. — переспросил я.

Она улыбнулась мне, как законченному дураку.

— Я — Вьюга, — сказала она, и ветер ударил вновь, разметая ее сверкающие тонкие одежды, сотканые, кажется, из полупрозрачного узорчатого инея. — Я — Госпожа Зимы, Владычица Смерти, Искристая Дева Холодных Ветров, — повторила она слова Керри. — Я даровала первому Белому Королю исключительные способности, благословила его на сражения в мою честь. Я даровала первому Белому Королю дороги забытья: огненную воду, чтобы очищать душу и память; горячую кровь — чтобы убийство в мою честь не было напрасным; теплых женщин — чтобы было кому продолжать служение мне; и последний путь, если не достаточно первых трех — испепеляющую любовь человеческую, власть над умами и сердцами толпы, власть над целой страной — но предавший мое доверие сгорал, как свеча, ведь никому не позволено предавать Госпожу Зимы, Владычицу Смерти, Искристую Деву Холодных Ветров — Вьюгу.

— И я — последний? — прошептал я. Я понадеялся, что меня не услышат. Но Вьюга услышала.

— Ты — последний, Рейнхард Майерс Даблкнот.

— Ты хочешь, чтобы я служил тебе, как мои предки? — беспомощно спросил я.

— Нет, не так, — Вьюга покачала головой. — Ты — последний, и сослужишь мне последнюю службу. Взамен я заберу у тебя и детей твоих мой смертельный дар.

— Что... я... должен сделать?

Слова сами сорвались с губ. Все внутри сжалось. Я верил ей. Я не мог не верить. Ни на секунду я не предполагал, что все это мне снится или что она обманывает меня. Вьюге невозможно было не верить.

— Ты приведешь ко мне девочку, — ответила Вьюга. — Ту девочку, что несет в себе зерно огненного цветка.

— Никс? — сразу же подумал я.

— Имя ее мне неизвестно, но в ее силах пробудить меня. Многие века я заточена в черном городе Сол, что покоится за Глеющим морем, под горой Антарг, в мороке, который вы называете миром снов. Лишь та, в ком живет первозданное пламя, привнеся в Сол зерно огненного цветка, способна пробудить меня.

— Но... Как... если она уже в мороке? — пролепетал я.

— Морок — это лабиринт. Он многомерен, — произнес Керри.

— Верно, — согласилась Вьюга. — Ваш путь лежит через озеро Явер на утес Серого Крыла. Там вы сможете попытать удачу и, возможно, золотой Фантасубвеструм примет вас на борт. Он один способен доставить вас в черный город Сол, что покоится в тени Сердца Мира.

Вьюга опустила глаза долу.

— Есть и другой способ освободить меня. Но он тебе не понравится.

— Какой?

Она вновь направила на меня свой взор, и я тут же почувствовал себя ничтожным и слабым пред этим высшим существом.

— Ты сойдешь с ума раньше, чем умрешь. Повредившись рассудком, ты будешь выискивать тех, чей слуга — огонь, и убивать их. Рано или поздно это разрушит равновесие искусственной системы. Когда я освобожусь, я милостиво лишу тебя и дара, и жизни.

— То есть выбора у меня нет.

— Ни у кого из нас нет выбора, — казалось, Вьюга искренне печальна. — Я должна освободиться, чтобы разыскать того, кто предназначен мне судьбой. И я ждала долго, слишком долго, пока нити судьбы свяжутся узлом и последний из рода Белых Королей найдет дорогу к моей темнице. Запомнил ли ты все, что я сказала тебе? Готов ли ты исполнить долг своих предков? Я спрашиваю тебя, Рейнхард Майерс Даблкнот, возлюбленный зимы.

— Ты не оставила мне никаких вариантов, Искристая Дева Белых Ветров, — ответил я качая головой. — Но Никс... ее-то за что? Она ведь не наследница Белых Королей. Она... просто... маг огня.

— Не просто. Все так, как и должно быть. Когда увидишь ее, передай, что там, где будет искомая мною судьба, сможет она найти и свою судьбу. Наши пути переплетены, по-хорошему ли, по-плохому — мы обречены и лучше для нас принять предназначение с честью.

— Вьюга...

— Будь сильным, Рейнхард Майерс Даблкнот. Я выбрала вас не зря, ты уже доказал, что

достоин.

Взгляд опаловых глаз переместился на Керри. Он склонил голову.

А потом Вьюга глубоко вдохнула и... запела.

Голос, пульсируя, превратился в крик, крик переродился во всепроникающий низкий вой.

Мне показалось, что вот она — смерть. В глазах потемнело. Барабанные перепонки как будто лопнули. Я упал на колени, прикрывая уши ладонями и скорчился, пытаюсь спастись от звенящего громopodobного звука.

В этом крике можно было раствориться, как в кислоте. Все мои ощущения говорили, что именно это и происходит. Страх не было — как не было и сознания, были только боль и холод, вонзившиеся через этот крик в само мое существо.

Через долгие, похожие на вечность секунды все прекратилось, будто сверху прозрачной вуалью опустилась мягкая тишина. Я приоткрыл один глаз и обнаружил себя живым. Затем сел и увидел рядом валяющуюся на полу Николу — похоже, в отключке. Она была все еще в своем летнем комбинезоне, с голубым платком на шее... Никс. Девочка-огонек. Я подобрался к ней, почти ползком, приподнял ее голову — жива. Дышит.

— Никс? — позвал я.

— М-м, — промычала она, не приходя в себя.

Я оглянулся на зеркало. Разбито в дребезги. Все, над чем я корпел — разлетелось по комнате. Осколки опасными шипами торчат из белых, покрытых инеем стен. И как только нас не задело?

— Никс...

Я решил, что думать буду потом. Попробовал встать. Получилось. Вставая, нащупал в кармане очки, которые, конечно, испытания не выдержали и вероломно треснули. Все равно надел. Окружающая реальность тут же слегка подсобралась воедино. Я опустился на одно колено рядом с Никс и подхватил ее на руки. Не оглядываясь, направился прочь из комнаты.

Кое-как, боком, протиснулся между нешироко открытыми створками. Пригибая голову, прошел коридор, а когда выбрался в тронный зал, обнаружил сцену, которую никак не мог ожидать.

Кей сидела под одним из постаментов и держала впереди себя руки, скованные наручниками. Тиха и Ирвис сидели возле другого пьедестала, напротив Кей. Их руки оказались свободными, вот только сами они выглядели бледными и серьезно перепуганными. Ирвис дрожала, у Тихи дергался глаз. Передо мной, стоящим на возвышении у трона и держащим на руках все еще не пришедшую в себя Никс, сколько я мог видеть, до самой дальней стены зала простиралась беловолосая толпа людей. Кое-кто только снимал шапку, оголяя светлую макушку. Их было, наверное, человек сто — сто пятьдесят, разного пола и возраста, и только волосы одинакового льняного оттенка делали их похожими друг на друга. В авангарде толпы стояла тетушка Сесиль. Ее глаза сияли.

Я начал догадываться. Вот почему замок пуст. Вот почему не разграблен. И вот почему ветра не сообщили Ирвис о чужаках. Они знали, куда мы идем, они ждали. Все наши уловки не только не помогли, но и, более того, подтвердили этот мой страшный статус.

Последний из рода Белых Королей.

Вот оно что. Вот почему мне все здесь кажется таким знакомым. Вот о чем писала моя покойная мать в своем переходном дневнике, что я храню в розовой девчачьей обложке, которую она сама надела на него.

Эти люди... я стал догадываться, чего они хотят.

Тетушка Сесиль вышла вперед. Никс пошевелилась и уткнулась носом мне в плечо.

— Рейнхард, — начала Сесиль. Ее голос дал осечку. — Рейнхард, — повторила она. — Мы — выжившие в Войне Причин, Дети Зимы, приветствуем тебя как Белого Короля, и мы склоняем перед тобой свои головы, — она проворно опустилась на оба колена и ее примеру последовала вся толпа.

Мне стало не по себе.

— Сесиль...

Я не знал, что мне делать. На руках была Никола. Ирвис и Тиха смотрели на меня глазами, выражающими крайнюю степень удивления. Кей не отставала, скорчив лицо слабоумного.

И вот тогда я окончательно разозлился.

— Сесиль, поднимитесь, — скомандовал я резко. — С какой стати вы заковали в наручники Катерину?

Сесиль поднялась, оглянулась на толпу — люди последовали ее примеру только после этого. Многие явно не знали, куда себя деть, но повиновались Сесиль искренне.

— Она была вооружена, а по законам нашей страны гражданским запрещено носить огнестрельное оружие, — ответила Сесиль. — К сожалению, Катерина должна быть препровождена в правоохранительные органы до выяснения...

— Я — Белый Король, — рявкнул я, стараясь не допустить в голос сомнений, — и я приказываю немедленно освободить Катерину Берсу от наручников. Кто этим занимается?

Из толпы выбежали двое беловолосых молодчиков в свитерах. Я видел, как они бросили взгляд на Сесиль и она кивнула им мельком.

Ясно. Моя "власть" еще не признана. Во что они играют?

Щелкнул замок, и Кей поднялась, потирая запястья. Ирвис и Тиха тоже поднялись и подошли к нам. Молодчики, впрочем, далеко от Берсы не отходили.

— Ну, не могла ж я стрелять по гражданским, — скосив рот набок, извинилась Кей.

Толпа зашептала. Сесиль коротко обернулась — и толпа затихла.

— Рейнхард, — голос тетушки Сесиль взлетел под потолок тронного зала. — Ты принимаешь титул?

Я прошелся взглядом по их головам. Титул? Титул? Нет, серьезно? Да они все не в своем уме.

Я уже почти набрал в грудь воздуха, чтобы громогласно отказаться. Если мне предоставлена такая опция, конечно.

— Подожди, — Кей схватила меня за локоть и зашипела, — твоя очередь. Не отказывайся сразу.

Я сглотнул. Снова обвел толпу взглядом. Да они фанатики. Их трясет. Я такого даже на концертах не видел. Проклятая Вьюга... испепеляющая любовь человечества? Она это имела в виду?

— Я... — я прокашлялся. — Я, Рейнхард Майерс Даблкнот, последний из рода Белых Королей... смиренно обращаюсь к выжившим в Войне причин Детям Зимы. Для меня большая честь знать, что вы вверяете мне судьбу, дарованную нам Вьюгой.

Я сказал наобум.

Имя Вьюги заставило толпу загудеть в экстазе. "Это точно он!" — посыпались шепотки со всех сторон. Воспользовавшись моментом, я передал Никс на руки Тихе. Сам развел

ладони в стороны, требуя тишины.

— Много лет прошло с тех пор, как страной правил последний Белый Король, — продолжил я. Голос звучал уверенно и гулко — этот опыт не пропьешь. — Много изменилось. Я всем сердцем желаю стать вашим королем, но я не могу принимать такое важное решение враз, слету. Я должен подумать и подготовиться. Я должен...

Толпа зашевелилась. Послышался топот и гомон — дальние ворота тронного зала отворились, и несколько дюжих светловолосых втащили в зал троих мужчин в сером. Они проволокли упирающуюся троицу через весь зал и заставили опуститься на колени перед лестницей. Сесиль к тому времени забралась на третью ступеньку и теперь взирала на толпу как бы с нашей стороны.

— О нет, — зашептала Кей. — Нет-нет-нет. Рин! — она ухватила меня за локоть. — Прикажи им, чтобы этим людям завязали глаза и уши! Или... просто... пускай их уведут!

Я не успел сориентироваться: светлые глаза пленников впилась в меня, как пиявки. Один из них показался мне странно знакомым... где же я видел его?

И тут меня осенило: это же тот здоровяк, которому я помогал добраться до травмпункта тогда, под дождем... Кажется, что с тех пор прошла вечность, да и глаза со светлой, почти жемчужной радужкой сбивают с толку. К тому же, мужчина побрился. Но нет. Это точно был тот самый человек, прикинувшийся нанятым хулиганом. А теперь он без линз, выходит?..

— Поздно, — взывала Берса. — Ладно, что же, что же делать...

— Это чтецы? — коротко спросил я.

— Они самые, — ответила Кей.

Один из тех, кто приволок чтецов, отрапортовал:

— Эти крысы рыскали в окрестностях замка, хотя по всем договорам они не имеют права тут быть. Сорос — достояние народа, но никак не этих чужеземцев.

— В камеру их, — ледяным голосом приказала Сесиль. — Никаких адвокатов, устройте допрос.

Потом она обернулась ко мне:

— На данный момент я выполняю обязанности регента, поэтому, Рейни, прости мне самоуправство. Раз тебе нужно время на размышления о принятии титула — я все понимаю. У тебя будет время. Сколько тебе нужно?

— Сутки, — ответил я, обводя туманящимся взглядом окружающий сумасшедший дом. Адреналин спал, усталость начала догонять меня. — Сутки, и сопроводите, пожалуйста, меня и моих друзей куда-нибудь, где мы можем отдохнуть и набраться сил. И, Сесиль, вы ведь понимаете... Вам придется многое мне объяснить.

— Я понимаю, — кивнула Сесиль.

— Никола Рэбел, ну давай же, просыпайся. Никаких "еще чуть-чуть". Я вполне понимаю твое желание еще поспать, но тут, как бы, надо бы определиться с дальнейшими планами, и мы справедливо считаем, что твое мнение весьма значимо в данном конкретном вопросе.

Что за бред она несет.

Никс, желая избавиться от надоедливого голоса, все же приоткрыла глаза, и обнаружила над собой Кей, трясущую ее за плечо.

— А теперь давай, усилием воли бери себя в руки и поднимайся. Может, кофейку хочешь? Кофеек — то, ради чего стоит жить. Угу.

Никола села и тут же зевнула. Оглянулась по сторонам. Нахмурилась.

Она обнаружила себя в большой комнате-студии, оформленной, на ее взгляд, чересчур претенциозно: золото, помпезные портьеры, вычурные расписные вазы на тумбочках в виде колонн... Сама она оказалась сидящей на софе с фигурной спинкой, а прямо напротив нее была расположена шикарная двухместная кровать, убранная покрывалом с золотистой переливающейся вышивкой.

— Где мы? — спросила Никс.

— Апартаменты, выделенные Рейнхарду его сумасшедшей семейкой, — напевно ответила Кей. — Пока ты была не с нами, он успел заделаться потеряннным и счастливо обретенным наследным принцем севера — ни много ни мало.

— Во дает, — отреагировала Никс без особого энтузиазма.

Смысл сказанного Кей до нее как-то очень опосредованно доходил. Сразу вот так взять и осознать, чем такое положение дел грозит, она не смогла.

В этот раз из морока ее вырвало чуть ласковей, чем обычно, и какое-то время она совсем потерялась даже для себя, будто бы провалилась в блаженный сон без снов. До этого она какое-то время (оценить его было сложно) провела в башне с колоколами, той самой, где впервые встретила Керри, и ни один небесный экспресс мимо башни не пролетел, так что ей пришлось скучать и читать оставленные Керри книги, иногда отвлекаясь на попытки придумать, как все-таки из башни удрать.

У нее, конечно, имелось найденное на Свалке Нужных Вещей крыло — но она, постояв у края башни какое-то время, так и не решилась прыгать. Может быть, проторчи она в мороке еще чуть-чуть, ей бы удалось переломить свой страх, но по итогу рисковать не пришлось.

И вот — апартаменты, Кей говорит, что Рейнхард — принц севера, и что нужно...

— Прости, что? — переспросила Никс.

— Говорю, сейчас неплохо бы проследовать в ванную комнату.

— Но почему в ванную?

— Устроим наконец оргию, — Кей похлопала ресницами. — Только тебя ждем.

— Подожди, — Никс сощурила глаза, — какую оргию... Господи, нельзя так шутить с еще не проснувшимся человеком! И значит ли это... Вы уже были в Соросе и все прошло как надо?

— Угу, — Кей кивнула назад. — Потом праздновать будем. Пойдем.

Никс поднялась с софы и, пошатываясь, направилась за ней к персиковой двери, из-за

которой доносился шум текущей воды.

Ванная комната оказалась просторной. Посреди расположился объемный резервуар в форме половинки морской раковины, в который из трех медных кранов текла вода. Слив при этом был не закупорен — вода спокойно вытекала прочь.

Тиха, Ирвис и Рин уже расположились, кто где: Рин подпирал собой умывальник, Тиха и Ирвис обосновались на краях ванной. Никс поняла, что рада видеть их всех до одного.

— А вот и я, — она попыталась улыбнуться.

— С возвращением, — тепло ответила ей Ирвис.

Тиха помахал рукой.

Рин молчал.

Никс не могла не заметить, что с последней их встречи там, на берегу, он изменился: щеки впали, хотя, казалось бы, куда еще? Челюсть стала какой-то особенно угловатой, взгляд беспокойный и тусклый.

Остальные, очевидно, тоже на нервах: Тиха настороже и как будто бы готов сорваться с места в любую минуту, Ирвис потаенно печальна. И только Кей выглядит лучше обычного: в кои-то веки она додумалась расчесаться.

Кей прошла рядом с Никс и уселась на крышку закрытого унитаза, предоставляя Никс, судя по всему, почетное место — плетеный короб для белья.

— А почему мы в ванной? — все-таки спросила Никс, усаживаясь. Короб под ее весом скрипнул, но выдержал.

— Потому что мы наконец пытаемся быть хоть немного предусмотрительными, — ответил Рин. Голос его звучал низко, глухо. — Доброе утро. Точнее, вечер.

— Доброе, — Никс не удержалась и зевнула. — Кажется, я выпалась.

Рефлекторно, вторя ей, зевнули Кей и Тихомир, а потом и Ирвис. Рейнхард выглядел сурово и на провокацию не повелся.

Кей принялась щелкать зажигалкой и закуривать свою особенную сигарету, которая, вроде как, против прослушки. Ага, вот для чего вода. Никс начала кое-что понимать.

— Значит так, — начал Рин, поправив побитые очки. Никс присмотрелась: они были подлатаны синей изолентой. — Дело ясное, что ни о каком принятии титула и прочего престола речи быть не может. Я откажусь.

— Я в шоке и не могу это комментировать, — прокомментировала Кей.

— Я б тоже свалил от греха подальше, — высказался Тиха, — но, слава Потерянному, я — не ты.

— Как вернусь домой, буду хвастаться знакомством, — улыбнулась Ирвис.

Все посмотрели на нее.

— Куда — домой? — спросил Рин.

— Ну не на родину же, а к нам, — пояснила Ир.

— А, а то я уж испугался, что ты собралась обратно мигрировать, — Рейнхард вздохнул.

Никс потерла глаза.

— Ребята, а все-таки, от кого мы шифруемся?

Рейнхард поджал тонкие губы, остальные молчали и старались в глаза ей не смотреть. Никс стало нехорошо. Все внутри упало от предчувствия, что она обрадовалась и расслабилась раньше времени. Ну да, ну да. Она вспомнила, что ей в прошлый раз рассказывал Тихомир: не проходят такие дела сами собой.

Сразу же начали придумываться еще более ужасные ужасы, о которых все, возможно,

молчат. Чтобы остановить свое собственное воображение, нужно узнать правду, какой бы она ни была. Может, все не так страшно.

— Не тяните, — потребовала Никс. — Раз уж мы так сразу, с места в карьер, рассказывайте мне все.

Рейнхард снова вздохнул и начал свою повесть, оказавшуюся, впрочем, не слишком длинной.

Ирвис ненадолго отлучалась за кофе — сделала себе и Никс тоже.

Остальные дополняли рассказ Рина, а потом слушали внимательно и заворуженно, когда он делился содержанием и обстоятельствами своей беседы с Вьюгой.

— Так как ты в итоге собрал зеркало-то? — переспросила Кей. — Что ты наколдовал?

— Я не уверен, что именно мои расчеты оказались ключом, — Рин покачал головой, задумчиво потирая подбородок. — Я предположил, что в основе впаянного в стекло заклинания — принцип голографической записи информации, и, восстанавливая фактуру стекла, я воссоздал недостающие куски, опираясь на уже имеющиеся на поверхности концентрические окружности. Понятно, что сделать это идеально я бы не смог. Вот я и думаю теперь: не была ли ключом именно моя магия, раз Вьюга даровала ее моим предкам и мне?

Никс ничего не поняла. Когда-то давно, в природоведческом музее она видела голограммы, иллюстрирующие старинные виды города — но она никогда не задавалась вопросом, как голограммы делают и, тем более, какой там принцип.

Рину ответила Кей:

— Хорошо, если дело не в твоей магии, то встает вопрос: почему чтецы и прочие маги, занимающиеся зеркалом, не преуспели? Неужели они все были глупей тебя?

— Возможно, сработало и то и другое, — это предположил Тиха. — Оба варианта вместе. Вроде как в связке.

— Кстати о чтецах, — перебила его Кей. Все перевели взгляд на нее. — Я настоятельно рекомендую как-то организовать встречу с теми тремя и... устранить их.

— Прости, что? — после паузы аккуратно осведомился Рин, потому как остальные молчали и пытались осознать, то ли Кей сказала, что имела в виду.

Может, оговорилась?

— Хорошо, я разьясню, — Берса на секунду задумалась, вероятно, вспоминая детали. — Смотрите. Наверное, вы мало знаете о чтецах кроме того, что репутация у них — не очень. Я вам кое-что расскажу. Итак, чтецов воспитывают в закрытых интернатах, группами. В определенном возрасте они тоже проходят ритуал — ритуал слияния. Они забираются в мозг друг другу и радостно слепливаются в одну личность с общей памятью и контролем тел. Заметьте: это одна личность, не несколько. Пока живо последнее тело — мы никого не убьем на самом деле. А последнее тело убить обычно не так-то просто, особенно, если нет войны: каждая группа выделяет какое-то одно про запас, помещает его в какой-нибудь подземный бункер со всем необходимым и, считай, хранит его там, обезопасив себя таким нетривиальным образом.

— Какой кромешный мрак, — протянул Тиха, качая головой.

Кей пожала плечами:

— Ну, как есть. Им, может, нравится. Собственно, я считаю, что этих троих надо уничтожить, ну, или проследить, чтобы их точно не выпустили — так они, по крайней мере, не станут за нами больше шпионить. Да и вообще... видела я, как они чтецов голыми руками

по залу тащили. Так их и поработить могут, если только эти Дети Зимы иммунитета себе какого-нибудь дивного не отрастили.

— Но не воспримет ли сама гильдия чтецов такое... гкхм действие как агрессию? — засомневался Рин. — По сути, что они сделали? Да, они следили за нами, но... устранять...

— Поставили на тебя прослушку, ага, — Кей стала загибать пальцы, — следили за нами в замке. Вполне возможно, что твари на дороге — их же работа. Теперь они видели тебя, Никс и нас в толпе этих белобрысых — а какое им дело до этого всего?

— Кей, а какое вам дело до этого всего? — жестко спросил Рин, выделяя интонационно слово "вам".

Кей осеклась, но все же добавила:

— Я просто порекомендовала. Так бы сделала я. Я не воспринимаю их как людей, вот и все. Как отдельных людей.

Никс совсем потерялась. Что-то она упустила.

— Эм, а о чем они? — шепотом спросила она у Ирвис.

— Кей — агент поглощающих, при этом вроде бы на нашей стороне, — тоном заговорщика ответила Ир, делая глоток кофе.

— А, значит, все-таки именно агент, — в тон ей ответила Никс, тоже отхлебывая из своей чашки. — Поня-ятненько.

— Так вот, — Рин зыркнул на Никс с Ирвис выразительно, подождал, пока все снова обратят на него внимание и продолжил. — Собственно, я рассказал о том, что разговор с Вьюгой был, и что она своим криком вернула Никс обратно, очевидно, забрав Керри. Но настала пора осветить основную повестку дня.

И он рассказал, спокойно и по порядку, о том, чего хочет Вьюга, и добавил в конце, глядя прямо Николе в глаза:

— Она сказала передать тебе, Никс, что там, где разыщет свою судьбу она, ты тоже найдешь свою. Полагаю, это должно как-то тебя мотивировать?

Никс сглотнула. Судьбу. Вот как.

Может ли Вьюга знать о Романе Заболотницком? Откуда?

А если и так, неужели все настолько не просто, настолько связано? Неужели это все — запутанное путешествие к точке отсчета? К человеку, с которого все началось? Но как? Что может связывать богиню зимы — а именно так ее описал Рейнхард — и мальчика-судьбоплета, исчезнувшего неизвестно куда?

Это слишком неожиданно. В это невозможно поверить, если ты не отчаян. И это — зацепка, это — призрачный шанс.

Никс ответила просто:

— Мотивировало.

Рейнхард коротко вздохнул. С облегчением, как показалось Никс.

— И теперь перед нами в полный рост встает крайне непростой вопрос, — продолжил Рин. — Учитывая обстоятельства и очевидную правдивость угроз Вьюги, пойдем ли мы на то, чтобы найти дорогу в Сол и освободить... как там говорил Керри? Госпожу Зимы и Владычицу Смерти. Нет, я еще раз повторю: Госпожу Зимы и Владычицу Смерти. Смерти Владычицу. Бессмысленный титул? О, она была убедительна, — он тяжело вздохнул. — И кто-то же ее туда заточил давным-давно. Кто? Зачем? Мы не знаем — а я как-то и не спросил, понимаете, растерялся, — он невесело усмехнулся. — И вот, мне, чтобы избавиться от озноба, и тебе, Никс, чтобы найти твою судьбу, чем бы она ни была — нам надо пройти в

Сол и освободить Госпожу Зимы и Владычицу Смерти. Если бы кто-то сказал мне об этом месяц назад — я бы рассмеялся ему в лицо.

Все молчали. Никс пыталась осознать то, что рассказал Рейнхард. Теперь все смотрели на нее, ожидая ответа. Рин — как-то печально и потерянно. А, точно. У него, наверное, все его планы — в хлам. Кей — заинтересованно и пристально, как на диковинную зверушку. Ей интересно, у нее азарт. Ирвис — с сочувствием. Ирвис, наверное, хотела бы для Никс лучшей доли — танцев до утра, житейских историй, юношей, чьи косточки можно было бы перемыть за чашкой фруктового чая там, дома.

Тиха смотрел печально и будто бы хотел что-то сказать. Казалось, у него есть план — но какой-то совсем сумасшедший. И он об этом знает, и потому молчит. Выжидает. Может быть, скажет потом, если будет еще не поздно.

— Ты думаешь, — проговорила Никс медленно, переводя взгляд на Рина, — ты думаешь, что, если мы ее освободим, случится что-то непоправимое? Вроде... не знаю... конца света?

— Я не знаю, — честно ответил Рин. — По сути, смерть... ну... в каждом из нас есть смерть. Женщины рожают детей, привнося в мир еще одну потенциальную гибель. Если Вьюга — госпожа смерти, это лишь значит, что она как бы покровительствует этой неотъемлемой стороне жизни. Мы тут все умные, вроде, и я не должен бы такое разжевывать, но вы поняли, о чем я. Мне кажется, Вьюга — это... мне кажется, мы столкнулись с живым божеством или... духом. С чем-то, оставшимся со времен, когда люди верили в божественные диады, и не просто так, а имея на то веские основания. Может, конечно, она на самом деле древняя колдунья, могущественная, как неизвестно что, а никакое не божество. Колдунья, умеющая производить впечатление, бросать пыль в глаза. И я был ею впечатлен и ослеплен. Но это не значит, что она возьмет и устроит нам внеплановый конец света. Геноцид? Возможно. Но конец света?.. А вот кто ее знает. Узнаем, когда умрем, а? В общем, я в полной растерянности.

— Рейнхард, — Никс сглотнула. Все снова стали смотреть на нее. — Я правильно понимаю: если мы ее не освободим — ты умрешь?

Рин, глядя исподлобья, проговорил спокойно, размеренно, как будто бы ему все равно:

— Мы все умрем рано или поздно.

Никс поняла, что впервые, возможно, видит его настоящим. Он бахвалился и красовался тогда, у моря, он изображал заботу в своем съемном доме — вряд ли он был искренен, ведь ему всегда холодно, какая тут о других забота? Он все хотел как-то по-особенному ее впечатлить, чтобы потом как-то использовать — но это было тогда. И да, ему нравится выступать, и он может сиять, как это будущим звездочкам и положено — но это просто его работа, которую он делает хорошо, а также еще один способ унять съедающий изнутри холод.

Каким он будет через десять лет, если не умрет? Останутся ли они друзьями? Будет ли им какое-то дело друг до друга?

Стоит ли его жизнь возможной гибели целого мира?

Стоит ли его жизнь ее жизни?

Нет, нет, не так. На самом деле... на самом деле в нем нет ничего особенного. Таких — тысячи. Подумаешь, белые волосы, принц и все дела. Он — самый обыкновенный.

Нет никакой разницы, есть он или его нет.

Если так думать, человечество и само по себе достаточно бесполезное образование. Без

него природе всяко было бы лучше.

Но покуда мы убеждаем себя, что имеем право существовать, мы вынуждены признавать ценность каждого из нас и ценность жизни как таковой.

И без разницы, будет ли Никс общаться с Рином через десять лет.

На данный момент он — тот, чья жизнь напрямую зависит от нее. И пускай другие могут такие обстоятельства презреть — но тем самым они потеряют собственно человечность, сомнение в наличии которой пытался посеять в умах юных студентов-элементалистов Абеляр Никитович.

Это если решать по уму и по совести. А так-то думать и вовсе нечего.

— Мне кажется, тут не о чем рассуждать, — наконец произнесла Никола. — И Вьюга была права: все давно решено и выбора нет. Мы просто не можем поступить иначе. Теперь, когда я услышала всю историю, я думаю: как же все так совпало, что мы оказались здесь и сейчас? Как нам удалось оказаться здесь, в таком положении? Случайность ли это или закономерность? Мы, очевидно, еще не знаем всего, и не узнаем, пока не дойдем до конца. Почему "Зов" Вьюги вытаскивал меня из морока? — задавалась вопросом я. Теперь я понимаю: раз путь в Сол лежит извне, все становится на свои места. Почему моя магия призывала меня обратно оба раза — когда я встала в костер там, на берегу, и во второй раз, когда я по привычке зажгла на ладони огонек, чтобы осветить Тихе — он запутался в цифрах кодового замка... как будто моя магия стала маячком, по которому морок узнавал меня и забирал. И без этого всего вы бы не отправились восстанавливать Лок и не поговорили бы с Вьюгой. Но вы поговорили. И вот я здесь. Значит, все — правильно. Все наши решения и действия до этого момента были верными. И сейчас ошибиться тоже можно, но мы не станем. Я готова отплатить за мое спасение своему наставнику. А потом, когда все это кончится, спокойно завершить обучение и пройти ритуал.

— Ты не обязана, — проговорил Рейнхард.

— Если мы — те, кто призван освободить силу, что уничтожит мир, то нам наверняка помешают какие-нибудь хорошие парни, а? — Никс попыталась пошутить. — А если нет, то тем более. Так что я за то, чтобы отправиться в путь, как только все будут готовы. Я намерена рисковать. Это определенно стоит того.

— Я отправлюсь с вами, — неожиданно сказала Ирвис. — Мы с Керри не попрощались. Ну и... я не прочь увидеть его в естественной среде обитания. К тому же, может, я окажусь полезна.

— Я тоже проследую за вами как минимум до озера, как максимум — в самую бездну, — твердо сказала Кей. — И я не буду это никак аргументировать. Представьте, что у меня такой приказ, например, а родные — в заложниках, и я такая вообще без вариантов.

— Ну, в общем, понятно, — Тиха отлип от края ванной. — Я — за машиной.

— Эй, куда?.. — растерялся Рин.

— Дык я минивэн оставил там, у пещеры, — пояснил Тиха. — Сюда ж нас на автобусе привезли. Но не волнуйся, так как я там уже был, то сметаюсь туда-обратно быстро. Часа полтора-два это займет, не больше.

Никс поднялась с корзины для белья:

— Я с тобой.

Тиха замер. Он, судя по всему, очень удивился.

Никс и сама поразилась своему порыву. Но в тот момент ей казалось, что иначе — никак.

Тиха улыбнулся и кивнул:

— Ну, хорошо. Идем.

— Вы без связи. Это опасно, — попытался возразить Рейнхард.

— Мы быстро, — пообещал Тиха. — И я приведу ее обратно, не волнуйся. Это вы постарайтесь никуда не деваться, лады?

— Так, стоп, — вмешалась Ирвис, поднимая ладони. — Хватит это терпеть, решила я, и, пока мы ехали в автобусе, добыла парочку телефонов у наших провожатых.

— Кажется, я начинаю догадываться, зачем ты переехала, — довольно протянула Кей. — Точнее, почему.

Ирвис закатила глаза, но оправдываться не стала, просто продолжила:

— Заряжены оба наполовину, и пока я их выключила. Включим — надо будет заблокировать все номера, кроме их собственных. А вернемся домой — отошлю по почте обратно.

— Это может помочь, — одобрил ее план Тиха. — Давай посмотрим, что там у нас.

— Пойдемте, они у меня в сумке, — сказала Ирвис, поднимаясь.

Рин все еще выглядел излишне уязвимым и растерянным, так что над ним даже издеваться не хотелось.

Кей знала, что не способна и в половину понять того, что сейчас его гложет. Наверное, ему не так-то просто дались те его идеи касательно ритуала, какими бы они ни были, а теперь, верно, ему еще противней от самого себя.

Надо же, как получилось. Девчонку-огонька не пришлось упрашивать о спасении. Не пришлось запугивать или умолять.

И Рейнхард, тот самый, который не любит людей и никому не верит — прямо сейчас ломается напополам, наверное. По крайней мере, ссутулился он так, что это кажется вполне возможным.

— Раз ты решил отказаться от "титула"... Я б на твоём месте рвала когти отсюда прямо сейчас, — произнесла Кей.

Рейнхард дернулся, поднял на нее глаза:

— Думаешь, они фанатики?

— Не знаю, но как по мне — что-то вроде того.

Рейнхард ничего не ответил.

Из трех медных кранов все еще текла вода, заглушая все остальные звуки.

Кей порылась в памяти, выуживая какие-то полузабытые факты с курсов политологии.

— Значит, если я ничего не путаю, тут у них нынче президентско-парламентская республика, возвращенная на осколках почившей в Войне Причин абсолютной монархии. В принципе, времени с войны прошло уже порядком... однако те, кто жил в той стране, все еще живы, их много и они помнят, как было. Вероятно, их память все это идеализирует — ностальгия, все дела. Так что, я полагаю, они вполне что-то могут, если будут использовать тебя как символ. Но вот уж не знаю, как именно они собираются склонять тебя на свою сторону и насколько у них хорошо с моралью.

— Пока что мы тут в статусе гостей, — ответил Рин. — Пока они готовы играть по хорошему. Думаю, я им куда полезней согласным на их условия и готовым быть этим самым "символом". А то ж побреюсь налысо и вытатуирую на лбу что-нибудь неприличное, — он

натужно улыбнулся.

— И долго ты сможешь водить их за нос? — спросила Кей. — Если вдруг мы не сможем смыться.

— Я надеюсь, у нас получится. А даже если нет и мне придется принять титул, как они предлагают, — продолжил Рин, — возможно, я смогу это как-то использовать? Что, если это наоборот поможет нам?

— Нет, эта тетка так попросту власть не отдаст, — Кей покачала головой. — Сколько ей? Пятьдесят? Она помнит, как было, и тогда она была прислугой. У нее уже есть вектор. У нее есть путь только вверх. И вот тебе на — судьба на блюдечке приносит ей Рейни. Грех не уцепиться за такую возможность.

— Так, ладно, — он потер глаза, приподняв очки. — Я не собираюсь играть в их игры по своей воле. Свалим отсюда, как только Тиха вернется. Скорее всего, нас попытаются удержать, но даже если не сработает козырь, я готов пробиваться с боем.

— Да, я видела в окно охрану вокруг гостиницы, — Кей кивнула. — Их довольно много. И они, кажется, насовсем забрали мой любимый ствол. Я ощущаю себя почти голой. А остальные игрушки у меня в машине остались.

— Что и говорить, мы в довольно уязвимом положении, — согласился Рин. — С другой стороны, эта охрана защищает нас от чтецов, которых ты так боишься.

— Я не боюсь, я просто знаю об этой гильдии чуть больше, чем мне хотелось бы.

— Короче, я чувствую, что тут нам не место, но на данный момент эти "Дети Зимы" кажутся мне меньшим из зол.

— Ну, план ясен, чего, — Кей поднялась.

В этот момент дверь в ванную комнату открылась и заглянула Ирвис:

— Ребята, там у дверей посыльный Сесиль.

— Что хочет? — спросил Рин.

— Принес коробки с парадной одеждой, говорит, что твоя тетушка ждет нас к ужину.

Ирвис выглядела растерянной.

— Ты говорила ему, что мы, как бы, не настроены? — уточнил Рин.

— Рейни, похоже, они как раз настроены серьезно. Парень не хочет уходить, пока не увидится с тобой и ты не скажешь ему, что согласен.

— Да, я сам просил Сесиль объясниться, — Рейнхард снова потер пальцами глаза под очками. — И теперь отсиживаюсь в номере, будто бы мне вовсе не интересно, что там она может рассказать. Хорошо. Будем играть дальше.

— Что, все втроем пойдем? — переспросила Кей.

— Там пять коробок, — неуверенно ответила Ирвис, — видимо, на всех.

Рейнхард с Ирвис вышли из ванной комнаты, Кей выключила воду и поспешила за ними. Рин уже говорил с посыльным. Кивнув, он прикрыл входную дверь и обернулся.

— Я сказал, что мы спустимся в течение получаса, — пояснил он. — Что у нас тут?

На кровати лежали коробки — три белые, две серые.

Кей, подумав "А почему бы и нет?", подошла к кровати и сняла одну за другой все крышки.

— Действительно, парадная форма, — хмыкнула она. — По крайней мере, мужская. Эполеты и лампасы. Во дают.

— Сшиты на совесть, — заметила Ирвис. Достала и развернула черный сюртук с серебряными пуговицами. — Ну ничего себе! Похоже, эти платья и форма — не реплики.

Как хорошо сохранились... И где они достали размер? Этот сюртук на Рейни — как раз. Ну, разве чуть топорщиться будет в плечах...

— Я не стану это надевать, — Рин замотал головой.

Кей усмехнулась:

— После того, что ты носишь на сцене?

— Так то — костюмы, — он скривился. — Бутафория. А эти... это — одежда. Мне кажется, они совершенно серьезно с этим всем.

— Придется тебе теперь привыкать, — она достала из следующей коробки нечто сложного кроя с множеством складок, пошитое из ярко-красной матовой ткани. — Ага, платьишко. Ир, ты понимаешь, где у этого верх?

— Не бойся, разберемся, — по-хозяйски ответила Ирвис, раскладывая на покрывале другое платье — белое, вышитое мелким жемчугом. — А вон то, черное, очевидно предназначалось Никс, — сказала она. — Размер подходит.

— Как-то оно траурно смотрится, — заметила Кей, потянув за краешек черного платья. — В прошлый раз, когда эта Сесиль мне платьишко подогнала, оно было очевидно современным и из-за блесков траурным не выглядело. А это... Оно какое-то как будто из музея. И кто им разрешил?

— Меня переполняют противоречивые чувства по этому поводу, — призналась Ир. — С одной стороны, носить эти платья — кошунство, с другой — они безумно хороши.

— Нашли время думать о культурном достоянии чужой страны, — поторопил Рин. — Я пойду, переоденусь в ванной. Чтобы обе были готовы через пять минут.

— Да мы не шибко-то и стесняемся, — вслед ему заверила Кей, но Рин все равно ушел.

Как-то эти дурацкие платья подняли ей настроение и сгладили последние тяжелые часы. Затягивая друг другу корсеты, они с Ирвис хохотали — отчасти с непривычки, отчасти от нервов. Хотелось избавиться от напряжения.

— Ой, мы будем смотреться, — протянула Ирвис, — хоть фотографируй.

— Угу, Рин в окружении прекрасных дам, — поддакнула Кей.

— Всегда мечтал, — кисло ответил Рейнхард, появляясь из ванной комнаты уже одетым в предоставленную Сесиль форму и узкие лаковые сапоги.

Ирвис была не права: ничего не топорщилось. Костюм сидел на нем как влитой, и Кей внезапно подумалось, что, если Рин допускает ошибку? Они, конечно, все такие вместе собрались, подогрели друг другу паранойю, вспомнили прочитанное и отсмотренное и решили, что тетушка непременно затевает неладное. Что, если все не так? Вдруг "Дети Зимы" искренне желают вернуть престол наследнику династии? Переложить на него ответственность за свои жизни и все такое, мол, правь нами, а то сами мы подустали решать. И это все еще кажется нереальным — спасают от ощущения сна лишь врезавшиеся в бока кости корсета — но не лучше ли быть наследным принцем, чем неудавшимся наставником, дрянным переводчиком и сомнительной рок-звездой?

— У меня что-то с лицом? — угрюмо спросил Рин, наклоня голову набок. — Готовы выходить?

— Сейчас-сейчас, пару минут, — откликнулась Ирвис, сидящая у зеркала. Она как раз заканчивала закалывать волосы.

Разобравшись с последними шпильками, она поднялась, пару раз покружилась, рассматривая себя в зеркале, и полы белого платья, вышитого жемчугом, легли на паркет возле ее ног мягкими складками.

Кей мельком посмотрела в зеркало на себя и поправила длинные ярко-красные манжеты. Цвет ее несколько смушал, но в целом ей было комфортно. К тому же, она не стала надевать предоставленные вместе с платьем туфли и осталась в удобных разношенных ботинках на шнуровке, которые прекрасно скрывала расклешенная юбка в пол.

— Глядя на эти наряды, я уже заранее опасаясь предстоящего ужина, — сообщил Рин. — Предчувствую излишества и шик. Хотя, должен признать, вам обеим идет. Кто помнит, как вести себя за столом?

Ответом ему было молчание.

— Отлично. Я тоже ничего не помню. Ну, прекрасные дамы, давайте проследуем вниз. И катись оно все конем.

И Рейнхард не ошибся.

Посыльный Сесиль, как оказалось, далеко не уходил — он ждал их за поворотом коридора. С пятого этажа гостиницы они спустились на лифте, просторном, но оформленном все еще достаточно сдержанно. Но зал гостиничного ресторана, куда их сопроводил посыльный, вероятно, мечтал соперничать с былым убранством тронного зала в замке Сорос. Конечно, ресторан проигрывал. Но не в чистую: интерьер был достаточно изыскан, чтобы не вызывать тошноты, и в то же время все в нем шептало, подсказывало, намекало на излишнюю дороговизну. Кей заметила на небольшой сцене черный рояль технологичных очертаний, окруженный веерами с растительным орнаментом; спокойных, рослых блондинов в одинаковых костюмах, рассредоточившихся по всему залу и как будто бы занимающихся своими делами или разговорами с дамами; кованые решетки на окнах — изящные, но без достаточных промежутков между прутьями, чтоб был хоть мизерный шанс просочиться.

— Будь настороже, — прошептала Кей Рейнхарду.

Тот кивнул.

Зал ресторана заполняли посетители, к счастью, не все поголовно беловолосые. Это немного утешало.

Кей, засмотревшись по сторонам, чуть было не запнулась о свой же длинный подол, но Рейнхардов локоть был тверд и помог удержаться. Ну ничего себе он напряжен!

Посыльный в итоге привел их к столику в самом центре зала, расположившемуся возле сцены с роялем, где уже поджидала Сесиль и один из ее сыновей.

Кей подумалось, что зеленоглазый парень ей не нравится. Было в его взгляде что-то нервное и хищное, то, что сама Сесиль ни разу не демонстрировала.

Неловко понаступав на ноги подоспевшим официантам, Кей уселась по левую руку от Рейнхарда за большим овальным столом. Ирвис оказалась справа от него.

Тетушка Сесиль располагаясь улыбалась и начала беседу с вопроса, где они потеряли оставшихся двоих.

Пока Рейнхард виртуозно врал о несварении желудка у Тихи и Никс, которые, де, по дороге в Сорос успели соблазниться местными чебуреками, Кей рассматривала так и не убравшихся никуда официантов.

Перевела взгляд на меню.

— Не стесняйтесь, заказывайте, сегодня для нас ужин за счет заведения, — подбодрила Сесиль.

Рин и не подумал брать в руки меню.

— Воды, пожалуйста, — попросил он. — И, тетушка... вам не кажется, что обсуждать

некоторые вопросы все же следует в каком-то более уединенном месте?

— Насчет этого ты можешь не беспокоиться, — мягко ответила Сесиль. — Все собравшиеся в этом зале так или иначе лояльны к нам. То, что ты не заметил слишком уж наглых взглядов — это всего лишь проявление вежливости и такта. Не беспокойся, все здесь знают, кто ты и что мы намереваемся делать.

Кей стала крутить в пальцах самую большую вилку из разложенных перед ней. Вилка была тяжелая.

— А я бы не отказалась от ужина, — сообщила Ирвис. К ней наклонился официант. — А все из меню в наличии? Мне бы вот это и это, и сразу принесите, пожалуйста, десерт. И кофе гляссе. Тоже сразу.

Парень, сидящий слева от Сесиль, впился в Ирвис хищным и злым взглядом. Да кто ж это такой? Кей поняла, что ошиблась поначалу, и это не один из сыновей Сесиль. Кто же тогда?

— Забыла представить вам Николаса, — уловив ее взгляд, произнесла Сесиль. — Николас, это Катерина, Рейнхард и Ирвис. Рейнхард — тот самый твой дальний родственник по матери, я тебе о нем рассказывала.

Парнишка был первым кандидатом на "символы" и теперь чувствует, что почва уходит из-под ног? Вполне похоже на правду. Кей откинулась на спинку стула, продолжая балансировать вилкой, зажатой между пальцами.

— Вы слишком скромничаете, — констатировала Сесиль. — Тогда я возьму на себя смелость и закажу вам сегодняшние варианты от шеф-повара. И, пока будем ждать, обсудим все животрепещущие вопросы.

Все молчали, пока Сесиль заказывала. Кей заметила, что Рейнхард смотрит на Николаса прямо, из-под полуприкрытых век, как он это умеет, и Кей знала, что такой взгляд бесит невероятно. Что он делает? Хочет, чтобы "родственник" проявил себя? Заявил о том, что у него больше прав на престол? К удивлению Кей, через несколько секунд Николас потупил взгляд, а Рин недоуменно приподнял бровь и слегка прищурился.

Сесиль закончила с заказом.

— Итак, Рейни. Ты, наверное, ждешь обстоятельного рассказа о том, как все это получилось, кто твои родители и почему, общаясь с тобой по сети, я никогда не упоминала ничего из того, о чем знаю и знала.

Рейнхард покачал головой с легкой ироничной улыбкой:

— Нет, тетушка, оставьте. Я знаю, у вас были на то причины. Что меня интересует на самом деле — это есть ли у вас план. Я верно понимаю, нынешняя власть ни сном ни духом о возможности готовящегося переворота?

— Мы не недооцениваем нынешнюю власть, — ответствовала Сесиль, — и полагаем, что они в курсе о народных настроениях. Но не думаю, что это принимается в расчет. Кроме того, называть "переворотом" то, чего жаждет народ — некорректно. Поверь мне, народная поддержка нашей организации очень весома. Нынешнее правительство держит курс на слияние с большим и сильным соседом, и мы — решительно против. Именно поэтому нам нужен лидер, способный повести за собой.

— Я слишком молод.

— Ты молод, да. Но ты — прямой потомок Белых Королей. Именно при них наше государство процветало, так же, как и его колонии. Король — духовный стержень нации, и без него она стагнирует.

— Я понял вашу мысль, — Рейнхард кивнул. Ему как раз принесли стакан воды, и он сделал пару глотков.

— И все-таки я удовлетворю твое любопытство, которое ты усмирил, демонстрируя доверие и добрую волю.

И Сесиль начала рассказывать историю своей жизни. Она рассказала о том, что, будучи сиделкой из привилегированного рода слуг, бежала из замка, прихватив малолетнего принца, перед концом Войны Причин, после того, как кто-то прочел древнее заклятие Тишины и за несколько дней до того, как разразилась гражданская война. До сих пор никто не знает точно, кто именно оборвал жизни тогдашнего правящего семейства. Но в те ужасные дни магов истребляли сотнями. Неудивительно, что за родителями Рейнхарда тоже пришли. Удивительно, что смогли одолеть. Но смогли.

Сесиль удалось спрятать Рейнхарда среди своих детей. Он был самым младшим из них, почти еще младенцем. Кроме того, она позаимствовала из замка кое-какие драгоценности и с вырученными за их продажу деньгами смогла переехать и обустроиться в Тасарос-Фессе, который тогда еще столицей не был. Затем, когда гражданская война закончилась, с финансами стало туго, и, так как работать Рейнхард еще не мог (остальные дети уже помогали), Сесиль пришлось оставить его в детдоме. Там мальчик был в прямом смысле слова "белой вороной" — очевидно, память самого Рейнхарда решила от него эти воспоминания скрыть, потому что сам он никогда особо об этом своем прошлом не рассказывал. Сесиль все еще не могла забрать его обратно, когда в город пришел огненный чародей, ищущий ученика. В городе были и другие маги, способные стать наставниками юному элементалисту, но, боясь разоблачения, Сесиль решила, что с учителем не из местных будет спокойнее.

Так, Рейнхард ушел из детдома и стал учеником некоего Зигмунда Лоу. Сесиль настаивала, чтобы Зигмунд держал с ней связь, говорила о том, что мальчик — особенный. Зигмунд выглядел и вел себя как здравомыслящий человек. Он, казалось, верит в исключительность Рейнхарда наравне, а то и сильнее самой Сесиль.

И все же череда жизненных неурядиц разорвала тонкую ниточку связи между ними. Все те годы, что Сесиль не знала, где находится Рейнхард, она посвятила восстановлению единства и доверия между выжившими в гражданской войне "детьми зимы". Вскоре ей и ее собратьям удалось встать на ноги и обрести то или иное влияние, создать фонды, привлечь на свою сторону тех, в ком есть хоть капля крови Белых Королей — а таких людей на севере много, за что "спасибо" следует сказать не жалевшим себя предкам Рейнхарда, которые щедро и дальновидно поддерживали кровное родство семейства Белых Королей с народом.

Гулящие короли — это сильно, подумала Кей, жуя пирожное. Но, оглядываясь на Рина — ну никак не удивительно.

Сесиль продолжала вспоминать о былых временах с теплом. Она начала проталкивать мысль, что в сложившейся политической ситуации стране нужен сильный лидер, железная рука — и только это поможет северу встать с колен.

С каких колен должен был вставать север, Кей не очень поняла — особенно непонятно это стало, когда принесли еду — вычурно-изысканную, вероятно переоцененную. Впрочем, богачи бесятся с жиру всегда и везде. Кей ни разу не верилось в благие цели Сесиль. Судя по всему, не верил в это и Рейнхард.

Правда, слушая рассказ Сесиль, Кей не заметила, как отправила в рот еще пару-тройку воздушных пирожных — они выглядели наименее подозрительными среди расставленного

по столу разнообразия странных блюд.

Ирвис же отрывалась по полной, пробуя все, до чего могла дотянуться, и укор во взгляде Николаса ее ни капельки не смущал.

— О чем-то вроде этого я догадывался, — под конец рассказа Сесиль, произнес Рейнхард. — Но, согласитесь, в эту историю трудно поверить.

— Всегда проще поверить в то, что достовернее правды, — согласно кивнула Сесиль.

— Зигмунд, кстати, как-то раз ушел так же тихо и загадочно, как появился в вашем рассказе, — продолжил Рин. — Мне было восемнадцать, я еще не прошел ритуал. После он ни разу не выходил на связь.

— Ну, в конце концов, он хорошо выучил тебя, — кивнула Сесиль. — Раз с тобой говорила сама Дева Снегов. Белые Короли прошлого сражались и умирали в ее честь. Мы же их потомки и преданные слуги, будем жить во славу ее.

— Неплохой вариант для тех, кто не может определиться со смыслом жизни, — мягко улыбнулся Рин. — И все-таки, тетушка, каков ваш план?

— План? — Сесиль задумчиво поджала губы. — Ну, как бы тебе сказать...

Кей проглотила очередную пироженку, переводя взгляд на Рейнхарда.

Он снял очки и потер глаза.

А потом покачнулся и упал лицом в салат.

Кей вскочила, держа наготове вилку.

Со всех сторон к их столу двигались беловолосые мужчины и женщины с суровыми и полными решимости лицами.

Кей мельком глянула назад: Ирвис вся обмякла и тоже лежала теперь между тарелок, даже не выпустив из руки ножку бокала с недопитым вином.

— Какая выносливая, — прокомментировала Сесиль. — Мы не рассчитали дозы?

Кей злобно глянула на нее, лихорадочно соображая. Люди приближались со всех сторон. Что делать? Перевернуть стол и бежать? Куда бежать? Она справится с парой-тройкой белобрысых, но с двумя десятками... и без оружия...

Кей до боли сжала вилку в кулаке.

Так, ладно, стоп, рано паниковать.

Это не яд. Им незачем убивать Рейнхарда. Значит, снотворное? Но почему на нее не действует? Магия.

Ясно.

Сейчас перевес на их стороне. Но так будет не всегда.

Надо действовать быстро и достоверно.

Кей прикрыла глаза наполовину, театрально приставила запястье ко лбу и мягкой волной опустилась на свой стул, чтобы тоже окунуться лицом в тарелку с пирожными, раз уж от нее этого ждут.

Она попыталась полностью расслабиться.

— Такое бывает, — расслышала Кей голос Николаса. — Возбуждение перед отключкой. Так что все нормально.

— Можете забирать, — послышался голос Сесиль. — Этих двоих — вниз, Рейнхарда аккуратно в машину.

Пушистый снег мягко спускался с неба, исчезая в белой пелене, укрывающей ветки деревьев.

Никс сидела на деревянной скамейке под жестяным козырьком, установленным зачем-то посреди леса. Здесь, наверное, отдыхают какие-нибудь туристы или лесники — под дырой в навесе оборудовано кострище, сейчас мертвое и пустое.

Вокруг темно и только слышно, как гудит машина.

Тиха греет руки в карманах, стоя рядом с лавочкой, на которой сидит Никс.

Они действительно пришли сюда пешком как-то слишком быстро. Казалось, вот они идут по городской дороге, и вокруг многоэтажные старые дома, но стоит отвлечься, как пейзаж вокруг меняется — это уже предместье: дачи, окруженные сетчатыми оградами, какие-то маленькие домики, построенные из неизвестно какого камня вперемешку с деревом и кирпичом. Вверх, к кучевым облакам, тянется дым из труб, словно чьи-то черные пальцы. И вот уже к небу устремляются деревья, все выше и выше — огромные сосны, островерхие ели, и дорога идет под уклон, а на следующем повороте в лучах заходящего солнца появляется гора Цинара, не такая огромная, как Антарг, вечный и незыблемый страж морока, но куда более настоящая — суровая, угрюмая, на первый взгляд неприступная.

А потом, будто бы каждый их шаг равен ста, Цинара приблизилась, так, что невозможно стало осознать ее истинный размер.

Они нашли минивэн нетронутым и утопшим в снегу по самый верх колес. Тиха стал разгребать завалы небольшой лопаткой, а Никола ему помогала, как могла, стараясь не поджечь ничего лишнего. Вместе они управились довольно скоро.

И вот теперь принялись ждать, пока прогреется нутро изукрашенного всполохами минивэна.

— Никс, у меня есть конструктивное предложение, — наконец заговорил Тиха. — Во-первых, у меня в рюкзаке имеется кофе в термосе. Во-вторых, управились мы быстро — всего-то полчаса прошло. Обратном приедем еще быстрее. Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться?

Никс взгляделась в черный безмолвный лес.

— Ночью? По лесу? — все же переспросила она. — Куда тут гулять?

— Я случайно заметил... знакомую дорогу. И это одна из таких дорог, которые стоит пройти, чтобы узнать, что в конце. Не понимаю, как я в прошлый раз ее не нашел. А тут как будто бы повезло.

— Повезло... — протянула Никс. — Может быть. Но... слушай. Если тебе со мной повезло, это значит, что скоро случится что-то ровно настолько же плохое, насколько хорошим получилось везение.

Тиха недоверчиво сощурился:

— Так уж случится.

— Я не вру.

— Ну, не знаю. Место в самом деле стоит того, чтобы там побывать.

Почему-то ему верилось. Никс понимала, что не время для каких-то глупых приключений или прогулок, но любопытство со страшной неумолимостью пересиливало.

— Ладно, — она обреченно вздохнула. — Куда мы будем гулять?

Тиха вынул руки из карманов и поднял на плечо рюкзак:

— Пойдем, покажу.

— Машину-то заглуши.

— Точно-точно.

Никс подняла с лавки выданную ей Ирвис сумку, проверила, нет ли сообщений на трофейном телефоне. Тиха уже захлопнул дверцу минивэна и ждал ее рядом.

— Ну, идем? — нетерпеливо переспросил он.

— Да идем, идем, — улыбнулась Никс, щелкая пальцами и призывая магический огонек.

Тиха включил фонарь и двинулся вперед, между деревьями, почему-то не провалившись в снег по макушку сразу же. Никс последовала за ним.

Так они шли не более двух минут, скоро выбравшись на каменистую тропку, каким-то чудом не занесенную снегом.

— И все-таки, куда мы идем? — снова спросила Никс.

— Скоро увидишь, — пообещал Тиха. — Тут очень недалеко.

Весь путь действительно занял у них не больше пяти минут. Никс уже давно бы потерялась в этом одинаковом ночном лесу, но Тиха шел уверенно, и вскоре они выбрались на широкую просеку, которая, в свою очередь, вывела их к каменным ступеням, притаившимся между елей.

— Идем, — повторил Тиха.

Никс стала подниматься следом за ним, оглядываясь. Ей казалось, что разлапистые голубые ели смотрят на нее с укором, усталые и печальные.

— А животные тут какие-то водятся? — спросила Никс.

— Ну, волки, наверное, есть, какие-нибудь зайцы с медведями, — беззаботно ответил Тиха, стряхивая с куртки понабравшийся на нее снег. — Мы почти пришли.

Лестница окончилась длинной площадкой, упирающейся в скалу и окруженной густой еловой стеной. В скале имелись деревянные ворота, а над ними — запорошенный снегом символ, выдолбленный в скале, сейчас почти неразличимый.

— Что это? — спросила Никс.

— Это — заброшенный храм Потерянного, — ответил Тиха.

Никс поежилась:

— Ты предлагаешь туда войти?

— Да.

— Но нам нельзя входить в храмы Потерянного, — Никс покачала головой. — Я ни разу ни в одном не была.

— Вам — элементалистам огня? — переспросил Тиха.

Никс кивнула.

— Почему?

— Не знаю. Нельзя и все. Табу.

— Может, это из-за Пламени Самоубийц? — предположил Тиха. — Вообще, если серьезно, на деле за храмом присматривают как за одним из исторически значимых мест, но сейчас там, скорее всего, никого нет. Так что — это твой шанс. Если ты, конечно, не боишься.

Никс не боялась. Она предполагала, что Пламя Самоубийц может не иметь никаких

магических свойств и быть лишь искусно сконструированным механическим фокусом, и именно поэтому к нему не допускаются элементалисты огня.

Никс глянула вверх: над скалой бурлило темное небо, из которого сыпался мелкий снег.

— Пойдем, — сказала она. — Не думаю, что я — первый огонек, преступивший этот запрет.

— Резонно. А заброшенный этот храм потому, что прихожан нет, — стал разъяснять Тиха, когда они двинулись к воротам. — А так — один из интереснейших, ввиду особенностей местности.

Тихомир потянул на себя большое железное кольцо, распахивая тяжелые двери. Из открывшегося проема вместе с ветром дуло светом и теплом.

Пройдя внутрь следом за Тихой, Никс стала оглядываться: не слишком высокий потолок, грубая каменная кладка, хотя помещение достаточно просторное. Зал — круглый, сиденья из каменных блоков расположены дугами вокруг цилиндрического постамента. На нем в широкой (метра два в диаметре) металлической чаше горит священное Пламя Самоубийц: желто-красные языки огня высотой в человеческий рост, переплетающиеся, перетекающие друг в друга, образующие сложный пространственный многоугольник. Они выглядели магически структурированными и возникали будто бы из ничего, но Никс не почувствовала никакого профильного волшебства.

В храме было гулко, тихо и слышно только, как потрескивает огонь и капает вода где-то вдалеке.

— Так вот оно какое, — проговорила Никс, глядя на Пламя Самоубийц.

— Не впечатляет? — спросил Тиха. — Что ж, давай его обойдем.

Они двинулись по дорожке между каменными сидениями. К самому Пламени подходить не стали — Никс, хоть и предполагала, что ей, скорее всего, ничего не будет, все-таки не хотела проверять правдивость легенды о всепожирающем огне Потерянного. Тиха в своей зимней дутой куртке так и вовсе вспотел, и оттого он ненадолго остановился, чтобы снять куртку и свитер и остаться в майке.

Когда они обошли Пламя Самоубийц по кругу, то увидели в стене несколько открытых проходов. Не раздумывая, Тиха направился к самому левому. Никс последовала за ним, и вот уже они спускались по закругляющейся лестнице куда-то в темноту, закончившуюся через три пролета совершенно внезапно.

Они вышли в просторный, раз в пять крупнее того, что наверху, зал. Хотя, залом это место сложно было назвать. Оно было похоже на естественную пещеру, сформированную скалой и огромными массивами древесных корней, обвивающих стены. Кое-где корни срастались в один и больше напоминали покрытые корой стволы, уходя вверх, туда, откуда падал свет. Мощный и широкий, чуть рассеянный по краям световой столб озарял тонкий белый мост над гладким, иссиня-черным озером, кое-где поросшим цветущими жемчужными кувшинками. Ближе к стенам, наклонно расположившись тут и там, из воды выступали полуразрушенные языческие идолы, смотрящие друг на друга пустотами каменных глазниц. Там, куда не доставал свет, мягко мерцали шляпки биолюминесцентных грибов, зеленые и синие.

— Откуда этот свет? — Никс глянула вверх, сквозь переплетение корней. — Или?.. Это Пламя Самоубийц?

— У священной чаши нет дна, под ней — сложная система гигантских линз из кварцевого стекла, — ответил Тиха, игнорируя мост и спускаясь по ступенькам к самой

воде. Там, на одном из больших замшелых валунов, он бросил свой рюкзак, свитер и куртку, сел и стал расшнуровывать ботинки.

Никс ступила на мост и прошла пару шагов, оглядываясь по сторонам.

— Вот уж не думала, что такое можно найти на севере, — она прошла на середину моста и уселась, свесив с края ноги. — А купаться тут можно? Вода теплая?

— А я что, по-твоему, собираюсь делать? — Тиха стянул майку через голову.

— Эй-эй. Я читала страшные истории про амёб, которые водятся в такой воде, и пожирают человеческий мозг.

— Ну, наверное, мой мозг для них слишком невкусный, иначе я уже давно был бы мертв, потому как я тут не в первый раз, — ответил Тиха, расстегивая пуговицу на джинсах.

Никс рефлекторно отвернулась, закрываясь руками.

— Я не смотрю.

Он рассмеялся, зашуршали снимаемые джинсы, и в следующий миг послышался всплеск. Никс аккуратно убрала руки от лица, проверяя, можно ли смотреть — Тихи на берегу уже не было, зато он нашелся выныривающим из воды.

Очевидно, озеро было глубоким. Тиха плавно загребал руками, легко держась наплаву. Несколько раз он нырял и скрывался из виду, уходя под воду целиком, а последний раз потерялся в объятиях синей бездны надолго, и когда все же показался, был уже почти возле моста. Там, под поверхностью озера, судя по всему, была какая-то возвышенность, может, затопленные каменные ступени? Тиха стал подниматься по ним, показавшись из воды по пояс.

— Эй-эй, — Никс нахмурилась, — ты это... ну хоть какой-то стыд... а-а-а, я не смотрю!

Она снова закрыла лицо руками.

— Ой, ну ладно, не такой уж я страшный. И в плавках, между прочим. Ну, то есть это, конечно, не плавки, но какая разница.

Никс все-таки открыла глаза. Он был перед ней, сидящей на мосту — стоял по щиколотки в воде. Сверху падал яркий и теплый свет, капли воды сверкали в выемке ключиц, на лбу и на волосах, в которых запуталась какая-то зеленая веточка — и в этот миг показалось отчего-то, что это не человек, а какой-то лесной дух. Водяной или леший. А может, и то и другое. Озорная, открытая улыбка, в глазах — ярчайшие звезды, и отчего же так жарко?... отчего?

— Тут не может быть никаких амёб, вода — ну градусов двадцать, так что я настоятельно рекомендую искупаться. Потом высушишь себя, как тогда, на пляже — и быстрым галопом обратно.

Никс не хотелось купаться. Хотелось зафиксировать вечность и никуда не идти. Никаких аргументов приводить тоже не хотелось — потому она молча разглядывала лесного духа, зачем-то заговорившего с ней на человеческом языке.

— Ну, или у меня есть еще один вариант, — продолжил Тиха. — Как ты смотришь на то, чтобы вообще больше не ходить ни в какой морок и не освобождать никаких сияющих снежных дев?

Да, она хотела бы. Но магия момента рассыпалась, как стекло. Свет был все так же ярким. Вода внизу — такой же темно-синей, словно драгоценный камень. Но реальность вернулась в ощущениях и сковала сердце ледяными цепями.

— Я думаю об этом с самого своего пробуждения, — серьезно ответила Никс.

— И что надумала?

— Я... я не могу.

Тиха вздохнул.

— погоди, сейчас выберусь, договорим, — он сиганул в воду, вынырнул из глубины и быстрыми гребками добрался до берега, того, где оставил одежду, а выбравшись, принялся вытирать волосы майкой.

Никс оставалась сидеть на мосту, погруженная в свои мысли, обхватив себя руками. Тогда, когда они все вместе обсуждали очередной поход в морок в ванной, надеясь, что шум текущей воды скроет их беседу от чужих ушей, ей казалось, что доводы ее ума логичны. Но, стоит признать, решение она принимала сердцем.

Через минуту Тиха, уже в джинсах, поднялся на мост и уселся рядом, чем-то шурша. Это оказался пакет с термосом и печеньем. Тиха разлил кофе в кружки и протянул одну Никс.

Принимая свою, Никс случайно коснулась его пальцев, и ей стало мигом неловко, так, что, кажется, загорелись уши.

Она поспешила отвернуться и отхлебнуть кофе, уже не горячий, но все еще вкусный.

— Ну так как? — переспросил Тиха.

— Я думаю о том, что не хочу возвращаться в морок, с самого пробуждения, — ответила Никс. — Я пытаюсь придумать что-то еще. Но

я не знаю... что? Надо было спросить у Рейнхарда, каков был его план до разговора с Вьюгой. Если он так страдает, неужели он не думал о том, как избавиться от своей болезни?

Тиха ответил не сразу. Он как будто бы что-то вспоминал. Никс подумалось, что он на самом деле не вспоминает, а пытается решить — говорить или нет.

— У Рейни определенно был какой-то план, — наконец заговорил Тиха. — Я знаю его года четыре — и активно меняться и что-то предпринимать он начал год назад. До этого Рин был другим человеком, и ради того Рейнхарда ты вряд ли бы стала вообще рисковать. А касательно плана... я сомневаюсь и не могу воссоздать его целиком, но я могу почти наверняка утверждать, что его план был связан с тобой и искусственными или натуральными зернами, с той самой штукой, которую вам пересаживают на ритуале. Но что конкретно он хотел сделать, я не знаю. Он никогда не раскрывал самой сути своих идей, считая, верно, что для всех не-магов это слишком сложно.

— Вот оно как, — Никс хмыкнула. Потом улыбнулась, затем и вовсе рассмеялась в голос, правда, совсем невесело. — А я-то думала, что он так странно себя ведет... зачем я ему нужна... А оно вон чего.

Тиха отхлебнул кофе и ничего не ответил.

— Человеку не откажешь в желании жить, — проговорила Никс печально. — Так что, каким бы ни был план, Рейнхарда можно понять.

— Пусть его, — ответил Тиха. — Ты вот что мне скажи, — он посмотрел на Никс, — как насчет того, чтобы уехать куда-нибудь далеко-далеко, чтобы никто тебя не достал? Чтобы никаких чтецов, странных людей в черно-золотом, никакой надобности прыгать туда-обратно в морок — в общем, есть же в этом мире место, где можно просто жить?

Его слова вонзались в самое сердце раскаленными ножами, сладкие, теплые, такие желанные. В темных глазах отражался и множился свет, и взгляд его обещал путь, который похож на свободу один в один, и даже слегка напоминает мечту. Никс не выдержала, перевела взгляд на свои руки. Сжала-разжала пальцы, наблюдая, как проявляются на ладонях линии жизни и судьбы, а затем исчезают вновь.

— Конечно, будь кто-нибудь другой на моем месте — он бы так смог, — негромко

проговорила она. — Но... Но ты же меня не знаешь.

— Я бы поспорил, — спокойно ответил Тиха. — Я не знаю тебя фактически, но я знаю, по какой схеме ты работаешь.

— Да ну? — Никс даже повернулась к нему, чтобы проверить: не издевается ли?

— Ну да. Это как бы... я понимаю алгоритм, по которому ты живешь. И он мне близок.

— Как такое может быть? Если я сама не знаю...

— Я задавал тебе вопрос про бегство уже заранее зная ответ, — признался Тиха. — Но и не спросить я не мог. И твой ответ прекрасно лег в схему — иначе ты бы не стала делать.

— Зачем тогда спрашивал?

— Надеялся на удачу, — он усмехнулся. Повернулся к Никс: — Печеньки будешь?

Она взяла одну. Откусила. Шоколадные крошки посыпались на колени.

— А что касается фактического не знания, так это легко можно исправить, — продолжил Тиха. — Можно экстерном. Итак, что там положено знать друг о друге? Как звать родителей? Какую музыку слушаешь? Любишь ли вареный лук и зеленый перец? Любимый фильм? Любимая книга? Кличка домашнего питомца?

Никс слушала и понимала, что эти факты действительно мало что значат — и в то же время решают многое. Ей отчего-то стало весело.

— Так, э-эй, погоди, я все не запомню, — она улыбнулась, а потом тут же скривилась: — Лук вот точно не люблю.

— А кто ж его любит?.. — философски заметил Тиха.

— Питомца нет, — продолжила Никс. — Музыку люблю средней тяжести, мелодичную, желательна на языке, который понимаю. Родители... это длинная история.

— Я готов слушать.

— В самом деле? А как насчет твоих?

— О, это тоже весьма длинная история, в которую ты вряд ли поверишь.

— Ну, в сравнении с моей, она не может быть такой уж невероятной.

Тиха рассмеялся. Посмотрел на Николу пристально:

— Да? А что ты ответишь мне, если я скажу, что я на самом деле не отсюда?

— В смысле? — не поняла она.

— Не из этого мира?

— О-о, это так отчетливо пахнет байками тринадцатилетних юнцов, что я уже готова тебе поверить, ведь не может человек в твоём возрасте такое выдумывать, — очень серьезно проговорила Никс, кивая.

— Вот ты смеешься, огонек, а как-то раз ко мне пришел красноволосый мужик с острыми ушами, а за ним — женщина в платье из осенних листьев, и они наградили меня способностью, о которой я раньше никогда даже не мечтал. И однажды я заблудился. Очень. И больше не смог найти дорогу домой. Все вокруг было чуть-чуть иным. Немножко, почти незаметно. И все-таки это оказался совсем другой мир, где для меня места не было.

Он замолчал, глядя куда-то перед собой. Никс замерла.

— Тихомирот меня назвали при усыновлении, — продолжил он. — Так что это не мое имя. Конечно, Ари мне и в самом деле как брат. Мне было всего четырнадцать, когда Одиши взяли меня под свою опеку, и я вырос крайне неблагодарным ублюдком, потому что так до конца и не смог принять новый дом и себя в нем. Я не смог забыть своих настоящих родителей и очень тоскую по ним.

Никс не знала, что сказать. Она понимала: Тиха не врет. Ну, или врет, но для него все

это — правда. Другие миры. Опять какие-то другие миры. Не поэтому ли тогда, весной, Тиха так хотел в морок? Он думал о том, чтобы попробовать вернуться? Ведь кто-то говорил — Никс не могла вспомнить кто и когда — что из морока есть пути в иные миры... Это казалось шуткой, бредом, невозможной странной выдумкой для детей младшего дошкольного возраста.

— И ты все еще хочешь вернуться? — аккуратно спросила Никс.

Тиха взглянул на нее из-за плеча и ничего не ответил. Отхлебнул кофе, откусил печеньку, пожевал.

— Так, а что там с твоими родителями? — вместо ответа переспросил он.

— Ох, — Никс зарылась руками в волосы. — Ну, если тебе так интересно... я расскажу. Только давай собираться и идти уже, наши же заждались, наверное. По пути буду рассказывать.

Они стали собираться.

Уходя, Никс бросила последний взгляд на укромный оазис тепла и света, притаившийся в глуши полузабытого храма. Ей подумалось, что эта система с линзой что-то ей напоминает, какую-то аллюзию в себе таит. Но она не смогла понять или вспомнить, какую именно.

— Однажды Камориль рассказывал историю о Мертвари, — начала Никс. — Мол, он вместе с моим отцом участвовал в битве у пика Сестрицын Зуб, и после того, как там прошла Мертварь, кроме него никто не выжил. Так вот, он ошибся. Там пахло смертью слишком отчетливо, слишком много трупов образовалось мгновенно в одном месте, так, что за смрадом смерти он не сумел различить тлеющей искорки жизни. Мой отец провел в плену у ледяной волны, застывшей кружевом, ровно столько, чтобы не умереть и успеть уйти до прибытия следственной комиссии. Я знаю эту историю со слов Марика, моего опекуна, который узнал ее от моей матери, Абигейл. Ты все еще хочешь ее услышать?

— Не стесняйся, излагай, — подбодрил Тиха. — Начало уже интересное. Кстати, истории о Мертвари я не слышал. Итак?..

Они стали подниматься по винтовой лестнице, и Никола продолжила рассказ:

— Мертварь — это вывернутый наизнанку Дух Огня, оказавшийся без контроля извне. Однажды Мертварь проявилась и была... скажем так, обезврежена ценой больших потерь среди магов. Воспользовавшись тем, что практически весь его отряд погиб и прочей послевоенной неразберихой, мой отец пустился в бега, разочарованный, как и многие, итогами войны и того памятного сражения. Впрочем, это мне так кажется, так-то мы не знаем, о чем он думал. В итоге он подался в земли за Внутренним Морем.

— Это откуда Ирвис?

— Да, почти, немного северней. Подавляя свое естество, отец жил под личиной обыкновенного человека около пяти лет. Там он повстречал мою матушку Абигейл, и магом она не была. И все у них вроде бы стало складываться хорошо. Но вскоре начали проявляться... странности. С отцом что-то было явно не так, и его дара это не касалось. Мать рассказывала, например, что иногда он замирал, глядя в одну точку, надолго, на час и дольше, и нельзя было никак до него достучаться. Будучи вменяемой адекватной женщиной, моя мать беспокоилась о нем и даже настояла на походе к врачу, но он не мог себе этого позволить — иначе бы раскрылась его профессия. А, как известно, невменяемый элементалист — это очень опасно. Эти приступы у него стали частыми. И именно тогда-то он и пропал — вышел за хлебом и не вернулся.

Абигейл тем временем оказалась беременной мной. Сама я не помню, но Марик застал ее живой. Он говорит, что она была совсем неглупой и всегда подозревала, что муж как-то нетрадиционно подогревает борщ, хотя папенька ей ничего про свою магию не рассказывал. После того, как он пропал, Абигейл обратилась к частному детективу, с чьей помощью в итоге смогла разузнать правду-матку (отдельная увлекательная история), и последовательно выйти на Эль-Марко, чьим опекуном до войны был мой отец.

Найдя Марика, рассказав ему свою захватывающую историю и выслушав его, мать очень удивилась и призадумалась: в ее стране детей-волшебников воспитывают в специальных заведениях с юных лет, практически отлучая от груди младенцами, что грозило ей скорой разлукой с еще не родившейся мной. Эль-Марко был ее рассказом тоже крайне впечатлен. Тот Константин Рэбел, которого он знал, вряд ли бы сбежал с поля боя и потом вряд ли бы взял и снова делся куда-то от беременной жены. Очевидно, или он ошибался в опекуне, или с тем приключилось что-то крайне странное в ту роковую ночь у пика Сестрицын Зуб, и очень его изменило.

Марик вместе с Абигейл, воспользовавшись помощью Камориль и его связями, пытались найти моего отца, но тщетно. Зато им удалось помочь Абигейл с миграцией, так что она переехала к нам, в тот дом на Змеиной Косе, где теперь живем мы с Эль-Марко. Я родилась в середине июля.

Через три года матушка подхватила инфекционную болезнь. Какой-то вирус, убивающий за неделю. Я не знаю, где она его нашла, как заразилась... Целители не работают с вирусами, и Эль-Марко оказался бессилён. Традиционная медицина тоже не помогла.

В итоге все, что от нее осталось — фотоальбом, несколько коронных блюд в репертуаре Эль-Марко и его же понимание того, что он отнюдь не всемогущ. Так ему и пришлось растить меня, параллельно взрослея самому. По итогу он заботится обо мне с моих трех лет...

Оттого я и не в курсе — жив ли мой отец? Где он? Я привыкла думать, что никогда его не увижу. Это меня и не задевает уже почти, лишь вызывает недоумение и тоску.

— Не такая уж длинная твоя история, — сказал Тиха, проворачивая ключ зажигания и заводя минивэн.

Никс уютилась на переднем сидении справа от водителя.

— Какая есть.

Задние колеса взрыли снег, цепи зацепились за грунт и машина медленно двинулась с места.

— Кстати, — Никс повернулась к нему, — я же так и не спросила... Как тебя на самом деле зовут?

Кей дождалась, пока все звуки вокруг стихнут. Открыла глаза на чуть-чуть, чтобы все еще казаться спящей, но оценить ситуацию.

Никто не догадался завязать им глаза, а вот руки связали крепко — промасленными веревками, и если дернуть, то узлы лишь крепче затягиваются. Кей не дергала.

Глаза слегка привыкли к темноте. В углу на потолке тускло помаргивала неисправная ртутная лампа. В ее неверном свете Кей смогла различить двоих связанных мужчин напротив себя. Они сидели каждый в своем углу, одетые в серое рваное тряпье. Лица их были сокрыты тенью.

Кей пронаблюдала за ними около трех минут. Не заметив движения, она повернула голову и огляделась.

Ирвис оказалась за ней, привязанная к тому же столбу. Она не двигалась, сидела, уронив голову на грудь и размеренно дышала.

Кей снова перевела взгляд на мужчин в углах комнаты.

Давешние чтецы? Вот это встреча.

Хорошо.

По крайней мере, Ирвис здесь. Рейнхарда куда-то увезли на машине.

Это подождет. Убивать его они не будут.

Сейчас нужно выбраться.

Живыми.

Сначала надо разобраться.

Итак, от ресторанный зала их с Ирвис волокли не так чтобы долго и ни на чем никуда не везли. Значит, они все еще примерно на том же месте. Вероятно, гостиничные подвалы. Очевидно, рано или поздно их придут кормить — иначе бы уже попробовали избавиться. Вполне вероятно, что держат их здесь для того, чтобы иметь возможность влиять на Рейнхарда в случае чего. Также вполне вероятно, что это место — временная мера. Значит их, вполне возможно, будут отсюда куда-то переводить. На этом тоже можно будет сыграть.

Но пока что у нее есть козырь — тот факт, что Дети Зимы не распознали в ней поглощающего. А значит, и кое-какой еще набор карт имеется в рукаве.

Кей на секунду зажмурилась, справляясь с волнением, накотившим буквально на какой-то миг. Открыв глаза, она уже поняла, что составила первый пробный план и теперь осталось его воплотить. Спокойно и без судорог.

— Ирвис, — тихо позвала Кей, оборачиваясь и легонько толкая ту в плечо. — Ирвис.

Сколько они тут уже просидели? Полчаса? Час? Когда отравы прекратит свое действие? Сколько ее уместилось во всю ту еду, что успела умять дорвавшись до бесплатного Ир? Кей не знала.

— Ирвис, — снова тихонько позвала Кей, поглядывая одним глазом на неподвижные человеческие силуэты по углам.

Спят? Слушают? Кто их поймет. Лучше думать, что слушают. Замерли. Выжидают.

Кей расслабилась, прекратив толкать Ирвис в плечо. Та явно еще под действием колдовского дурмана.

Вот это поворот, конечно. Оказалось, что они с Рейнхардом были правы — более чем. Им следовало опасаться. Им следовало рвать когти сразу же. Но они безумно не привыкли верить себе, своим инстинктам. Жизнь попыталась было их научить, разбудить, заставить верить — зря. Они, как дети, решили, что им ничего не будет, что судьба любит их. Ладно Рейнхард, но она? Кей не могла простить себе этой грандиозной ошибки: сначала лишиться оружия, потом забрести в ловушку и позволить Рину и Ирвис наесться сонной отравы. И, понимая, что вряд ли бы она смогла как-то их защитить от последнего, Кей все равно корила себя.

"Хреновый из меня наблюдатель, — отстраненно подумала она, — им надо было назначить на эту должность кого-то еще".

В полумраке камеры чудилось, будто время остановилось.

Ирвис никак не реагировала на свое имя и толчки.

Внимание Кей само собой уплыло куда-то прочь, будто мозг решил дистанцироваться от проблем. У нее перед глазами встал странный сон, который она видела давным-давно, еще на юге, после одного дельца с колдуном вероятностей: как она, одетая в красный плащ,

держа в руках черный изогнутый клинок, идет по тонкому льду, и лед крошится, проваливается под ней. Вот так и сейчас. Ситуация вышла из-под контроля.

Она летит в ледяную бездну, но оказывается всего-то в снежной пустыне. Почти никаких перемен. Перемены едва заметны. Это ровно то же начало, перекресток, точка отсчета.

Она встает и идет по льду. Навстречу ей из белой мглы выходит черный механический зверь, склоняет голову и становится продолжением ее тела и воли.

Снег превращается в белых красноглазых тварей, которые готовы умереть, лишь бы не дать ей продвинуться дальше.

Лед в алой крови. Механический зверь кричит.

Вдалеке, в центре белого котлована, высится башня, похожая на колючую ветвь терновника — она такая же изогнутая и тонкая, она таит в себе боль и страх.

Это та башня, к которой она должна прийти.

— М-м, — послышалось из-за плеча.

Кей встрепенулась. Воспоминание из сна поблекло. Она обернулась, насколько позволяли связанные руки:

— Ирвис?

— Ке-ей? — протянула Ир громко и капризно. — Что... Почему мне так неудобно... Руки затекли... Где мы?.. Почему темно?

— Тшшш, — зашипела Кей, оглядываясь на замерших в углах комнаты мужчин. — Ирвис, молчи. Слушай.

Ирвис пошевелилась, попытавшись высвободиться, но тем только туже затянула веревки на запястьях.

— Ир, не шевелись, — прошептала Кей. — Мы в подвале гостиницы. Сейчас будем выбираться. Делай, как я говорю.

— О, — откликнулась Ирвис. — Х-хорошо.

Кей вздохнула.

— Так, смотри. Мы сейчас у столба. Сидим. Руки связаны в запястьях, руки обхватывают столб.

— Точно.

— Нам надо сделать так, чтобы твои запястья были у меня в районе живота.

— Почесать тебе пузико? Хотя, стоп. У тебя же нет пузика. Проклятая тощая женщина, ненавижу вас.

— Ирвис, слушай внимательно, — Кей поняла, что Ир немного неадекватна. — Твои руки сейчас под моими. Нам надо, чтобы сначала они оказались над моими. Мы могли бы сделать проще, но боюсь, нам помешает подол моего платья. Поэтому сделаем сложнее, но наверняка. Сейчас мы встанем, придвинемся как можно ближе к столбу и я проведу свои руки над тобой, понятно? Потом я опущусь и ты переступишь через мои руки. Давай, начинаем. Вставай.

— О господи, — выдохнула Ирвис, поднимаясь. — Я ничего не понимаю. У меня болит голова. Дико. Что мы пили?..

— Вы ели, — ответила Кей. — Так, давай, прижимайся к столбу.

Кей подняла руки назад и вверх, чуть согнувшись, и нащупала запястьями макушку Ир. Затем выпрямилась, прижалась к столбу и повела руки ниже, захватив Ирвис по носу.

— Так, теперь широкие плечи.

— Да давай уже, щекотно ведь, — заерзала Ирвис.

— Складки платья же, — пожаловалась Кей.

— Святотатцы, — фыркнула Ирвис, — в таком нас пленять! И да, как нам поможет то, что мы делаем?

— Переступай, — Кей присела так, чтобы ее руки, оказавшиеся перед Ирвис, были пониже. Ирвис неловко переступила. Кей поднялась.

— Фух. Первый этап есть. А каблук — это ты зря.

Связанные руки Ирвис теперь и в самом деле оказались поверх рук Кей.

— Теперь делай то же, что сделала я, только останови ладони в районе моего живота, — дальше инструктировала Кей. — Давай.

Ирвис подчинилась.

— Прижми запястья прямо сюда, в район солнечного сплетения, пальцы разведи пошире.

— Кей, зачем я это делаю? — взмолилась Ирвис.

— Ради свободы, Ир, — Кей стала дышать чаще от волнения. Усмирить сердцебиение стало практически невозможно.

Ирвис прижала запястья к ее животу.

— Будет больно, — сказала Кей. — Но так надо. Пошире еще, ага... Иного выхода я не вижу.

— Отчего больно? — запоздало забеспокоилась Ир.

Кей зажмурилась и призвала из самых потаенных глубин, из черной бездны небытия, которую носит в себе каждый поглощающий, когда-то захваченную, плененную, украденную у другого чародея магию.

Кей молилась: только бы хватило.

Не так часто она вступала в настоящие конфронтации с огненными чародеями. Но один раз был. И тогдашний огонь был не прост, другого он бы испепелил, и были бы трупы, копоть, пожар, смерть.

Но не ее.

И пламя вырвалось из оков, превращаясь в острый клинок.

— Терпи, — приказала Кей дернувшейся и зашипевшей Ирвис. — Терпи, если хочешь жить!

И пламя пожрало веревку и кожу на запястьях Ир. Она вырвалась и со стоном упала на пол.

Кей осталась стоять привязанной у столба, наблюдая за недвижными силуэтами по углам и скорчившейся на полу Ирвис.

— Потихе, — шикнула Кей, — Ирвис, теперь развяжи меня. Прости. Я понимаю, что больно. Мы тебя вылечим. Потом ты меня простишь.

— Если вот этими руками не задушу, — пообещала Ирвис, со стоном поднимаясь и дуя на обожженные запястья.

Кей почувствовала волшебство: Ирвис что-то колдовала. Пускай.

— Да что ж так больно-то, — шипела Ир. — И блин, я не помню ни одного заклятия именно от ожогов.

Но все же она поднялась и стала пытаться развязать руки Кей.

— Телефон у тебя? — коротко спросила Кей.

— Да, — Ирвис все возилась с веревками. — Был.

— Где?

— Платье тонкое, но я нашла место. Да как они это завязали?

Ирвис, ругаясь себе под нос на родном языке, стала настойчиво дергать веревки на запястьях Кей и так и этак. Кей почувствовала, что Ирвис замерла. Напряглась, ожидая чего угодно. Ирвис что-то с усилием потянула, и сдавливающие оковы на запястьях вмиг отпустили Кей.

Она сбросила веревки и стала растирать запястья.

— Ты мне что-нибудь объяснишь? — тут же спросила Ир.

Кей поняла, что тихо говорить поздно. Если бы фигуры по углам спали, они бы давно проснулись от их с Ирвис возни.

Но и шуметь особо не стоит: сейчас не время привлекать внимание возможной охраны.

— Кто это? — проследив взгляд Кей, спросила Ир.

И тут же, кажется, сама поняла, кто.

— Доставай телефон, — вместо объяснений сказала Кей. — Вечер только начался.

Звонок раздался ровно в тот момент, когда Никс с Тихой въехали в город и увидели на горизонте выстроенную на пригорке гостиницу, принадлежащую семье Сесиль. Трубку взяла Никс, и Тиха не мог наблюдать, как расширяются ее глаза.

— Но как? — спросила она изумленно.

Тиха глянул на нее мельком — она сосредоточенно кивала.

Потом Никс сказала ровно два слова:

— Ясно. Хорошо.

Она оборвала связь.

— Ирвис? — переспросил Тиха. — Заждались?

— Хуже. Тормози. Надо подумать хотя бы пару минут.

Тиха почувствовал неладное.

— Что там еще случилось? — обеспокоенно спросил он, включая поворотник и притормаживая.

Машина замерла на обочине рядом с другими такими же, оставленными беспечными хозяевами дожидаться утра.

— Это Кей. Она говорит, что их с Ирвис держат в подвале гостиницы, связанными. О том, как это вышло — молчит. Кажется, говорить не может. Значит, там кто-то есть.

— Ловушка? — насторожился Тиха. — Пока нас не было, они угодили в ловушку?..

— Она сказала "нас с Ирвис", значит, Рина там нет, — продолжила Никс. — Возможно, с ним что-то похуже.

Тиха напрягся. Заглушил двигатель. Все движения стали ломаными. Такое никак не входило в его планы.

— У нас есть ты и запасное оружие Кей, — произнесла Никс. — А значит, есть шанс их вытащить. Я верно понимаю — твои способности так сработают?

— Подожди. Что сказала Кей? Что именно?

— Она сказала не ехать в гостиницу и затаиться в каком-нибудь дворе, — недовольно ответила Никс. — Но как же так? Вдруг у них не получится?

— Она сказала, что знает, как выбраться?

— Говорит, они с Ир справятся. Но...

— Никс, — Тиха и сам сомневался, что сейчас стоит делать и говорить, но делать что-

то было надо. — Кей, как я понял, наблюдатель от поглощающих. Это значит, что она знает, что делает, и если говорит, что выберется — значит выберется.

— Но если...

— Как ты себе представляешь нашу спасательную операцию?

— Хорошо, — Никс забежала глазами вправо-влево, на ходу выдумывая план. — Мы возьмем то оружие, которое Кей оставила в машине. Ты проведешь нас внутрь. Там наверняка есть план эвакуации.

— Скорее всего, их охраняют.

— Я отвлеку охрану.

— Лучше я. Так, ладно, предположим. А камеры? Что им стоит заблокировать нас там же? Вокруг гостиницы в прошлый раз шлялось довольно много людей. Что ты предлагаешь делать с ними? Убивать?

Никс поджала губы и ничего не ответила.

Тиха пожалел, что был резок. Попытался неуклюже "извиниться":

— Я никогда никого не убивал. И не хочу. Но мне кажется, что эти люди нас так просто не отпустят — ни нас, ни Ирвис с Берсой. Скорее всего, они хотели взять всех впятером, и нас с тобой уже тоже ищут. В замкнутом помещении, бегом от толпы народа... удрать будет проблематично даже с моими "чудесами". Так что Катерина права: мы не можем соваться туда. Нам нельзя попадаться.

— Я сама туда пойду, если ты меня не проведешь, — упрямо заявила Никс.

— Нет, не пойдешь.

Никс начала кипятиться.

— Да я...

И тут снова зазвонил телефон.

Никс приняла вызов.

Тиха замер, пытаясь расслышать, что ей говорят.

— Хорошо. Поняла. Будем.

— Кей?

— Да. Говорит, они выбрались из камеры — это оказался один из складов — и планируют сбежать через черный ход. Нужно подъехать к задним воротам и забрать их. Надо ехать немедленно.

— Вот это уже больше похоже на план, — Тиха провернул ключ зажигания.

Уже вырывая на основную дорогу, он заметил что-то странное в силуэте гостиницы. Ночь, горы вдалеке, луна, острые контуры елей... и какие-то смутные всполохи, не похожие на электрический свет.

— Ты тоже это видишь? — спросил Тиха.

Никс смотрела в бок, в окно, на улицы Тасарос-Фесса, вероятно, продумывая план. Отвлеклась, глянула вперед.

— Да, — обеспокоенно сказала она. — Похоже, это... похоже, это пожар.

— Час от часу не легче, — цыкнул Тиха.

— Скорее туда рули! — она вцепилась в ручку двери.

— Рулю-рулю!

На светофоре пришлось пропустить пожарную машину. Они приближались к гостинице достаточно быстро, но пламя, начав распространяться с верха здания, тоже не думало медлить, неумолимо захватывая все новые этажи.

— Это подожгли изнутри, — говорила Никола.

— Предатели среди своих?

— Может, случайность.

А потом они увидели, как основание башенки наверху гостиницы взрывается кроваво-алым фейерверком и башенка начинает оседать.

— Или не случайность, — севшим голосом констатировала Никс. — Господи, только бы они выбрались!

— Должны, — Тиха изо всех сил старался сохранять спокойствие и сосредоточенность, виртуозно нарушая все мыслимые правила дорожного движения обеих стран и пролетая перекрестки на красный.

Дорога пошла вверх и вбок, гостиница на мгновение выпала из поля зрения. Через минуту они выскочили из жилого района и в обход гаражей подкатились к торцу многоэтажного гостиничного здания, прямо к высокой ограде, не доезжая с полсотни метров до открытых настежь задних ворот.

В ворота пыталась въехать пожарная машина, вокруг которой туда-сюда носились люди — в форме и без, кое-как одетые, с наспех собранными пожитками. Крики, давка, беспорядочно мигающие проблесковые огни. Движение людей и машин на первый взгляд казалось хаотичным.

Никс рывком открыла дверь и выбралась на улицу. Тут же пахнуло морозом, гарью, в уши с удвоившейся силой ударил вой сирен. Тиха не сразу сообразил, что Никс его не послушалась, и тоже выкатился наружу следом за ней, отчаянно ругаясь на ходу. Огляделся, пытаюсь сориентироваться в хаосе.

И вдруг понял, что не видит Никс.

Девчонка в открытой летней одежде с ярко-рыжими волосами никак не могла быть незаметной в толпе, сплошь одетой в черные или просто темные куртки и пальто. Тиха стоял на месте, не зная, куда бежать и бежать ли, растерянно оглядываясь. Очевидно, народ, прущий с заднего двора гостиницы, эвакуируется по пожарной тревоге. Тем временем сверху слышатся новые взрывы, летит пепел и куски перекрытий. Небо кажется красным из-за огненного зарева, стреляющего рыжими снопами искр.

Налетевший откуда-то ветер поднимает сухой снег и мешает его с пеплом, бросает эту мелкую смесь в лицо. Тиха вспомнил, что представлял, как они вернутся посреди ночи в спящее, темное здание и бесшумно ускользнут в ночь все вместе. Вернулись они в хаос и столпотворение.

Но что ж теперь.

Разум подсказывал: минивэн приметен, если Берса и Ирвис вырвутся, они увидят его и придут сюда. Сердце истошно вопило, что нельзя стоять на месте: надо искать Никс. Куда она могла побежать? К воротам?

Тиха плюнул и двинулся по направлению к гостинице, лихорадочно оглядываясь и разыскивая среди толпы рыжую голову. Мимо спешили постояльцы (постояльцы ли?) — мужчины и женщины с детьми, все, как один, беловолосые, и только он, кажется, бежал не из гостиницы, а шел к ней, прямо навстречу бушующему морю огня.

Сердце ухало громе людского ора: где она? Неужели побежала внутрь? Она могла. Она ведь — маг огня. Она могла решить, что ей ничего не сделается, и нырнуть прямо в раскаленную бездну.

Дым устремлялся в небо гигантским красным столбом. Пожарники уже развернули

шланги и лестницы и принялись поливать горящее здание.

Люди все не кончались и не кончались — что они делают в этом богом забытом городе, окруженном вечной мерзлотой, в городе, где даже летом не тает снег? Зачем они тут? Когда они кончатся?

Тиха отчаялся высмотреть Никс и принялся звать. Его голос бессильно пропал, истлел в гуле пожарных сирен, в треске огня и крике толпы. Направления не было. Был только хаос, пепел, огонь и снег, и черный котлован ночного неба над головой.

Вдруг Тиха увидел мельком, на самом краю зрения искру — нет, не искру, знакомый цвет волос, промелькнувший, словно всполох огня — и сердце упало в пятки. Он бросился туда, в ту сторону, не разбирая пути.

Среди людских спин, голов, мельтешащих лиц он увидел, как кто-то держит Николу, ладонью закрывая рот, и целится в него самого из хромированного пистолета.

Он встретился взглядом с этим человеком — светлые глаза цвета слоновой кости, а в них — холодное спокойствие психопата.

— Я тебя до кишок прожгу! — высокий голос Никс прорывается сквозь хаос и шум, когда она отцарапывает чужую руку со своего лица.

Тиха не сводит глаз с отверстия под прицелом — от одной пули можно уйти, главное не пропустить ее. Мужчина что-то кричит, перехватывает Николу за тонкую шею одной рукой, прижимает к себе, переводя на нее дуло пистолета, целится ей в висок.

Тиха делает шаг вперед и приближается сразу на пять. Никс открывает глаза широко-широко, в них нет зрачков, они белые, словно вареное яйцо. Затем она опадает, как лишенная каркаса шелковая ткань, и мужчина подхватывает ее на плечо, в то время как Тиха упирается в какую-то преграду, оказавшуюся сомкнутым рядом беловолосых людей. Он уворачивается и пытается их обойти, но их все больше. Они, словно зомби, не глядя перед собой и не поднимая рук, сжимают вокруг него кольцо. Тиха разворачивается и пробует прорваться через окружение, уйти назад и влево, его хватают за куртку и волосы. Ему удается сбросить одежду и вырваться, он падает, подставляя ладони, стесывает их об ледяную корку, поднимается, шипит, видит перед собой распластанную пятерню, целящуюся ему в лоб, и за нею, на фоне — глаза цвета слоновой кости.

Тиха понимает, что это — прикосновение мага. Он делает рывок влево и вверх, пытаясь призвать свои чудеса и уйти, но он уже пойман, его держат крепко. Липкая, скользкая пятерня припечатывается к его лбу, и в этот же миг реальность раскалывается на мутные красные огоньки. Неудержимой волной накатывает разрушительная, нестерпимая боль, такая, будто бы его заживо раздирают на сотни кусков.

Мгновение этой боли длится, как целая жизнь. Нет ничего и никого, кто смог бы ему помочь. Есть чернота, бескрайняя бездна, где пусто и страшно, где он один на один с обволакивающей, тупой болью, от которой он пробует убежать. Стремление вверх там, где нет никаких координат. Порыв, движение, скорость в пространстве без начала и конца. В нем нет измерений и глубины. И все же, есть направление — оно появляется, если назначить началом самое себя. И, оставаясь неподвижным, уйти, сбежать, вырваться из несвободы, разделившись надвое.

Тот, кто остался, сумел пропасть. Вместе с ним пропала и боль. В следующий миг, из-за того, что пространство схлопнулось и пустота стала абсолютной, вместе с первым пропал второй.

Все отключилось враз, как будто кто-то вынул из розетки штекер.

Я открываю глаза, словно в морской воде: не режет, не жжет, все размыто и тускло. В мутном пространстве цвета расплавленного меда я не вижу ничего, кроме нечетких силуэтов вдалеке. Я даже не могу понять, кому они принадлежат — людям ли?

Они шевелятся, их много. Некоторые ведут себя странно, их пластика неестественна и резка. Одно из существ приближается ко мне, и его очертания чуть проясняются. Я вижу три миндалевидных глаза, съехавших немного вбок, расположенных на белом безротом лице в форме цветка.

Мне становится не по себе. Попытавшись дернуться, обнаруживаю, что не могу. Я не способен даже повернуть голову.

В запястья, шею, виски, живот и ноги впивается что-то жесткое, будто меня подвесили на каких-то скобах, словно куклу-марионетку.

Ледяной страх заставляет сердце забиться чаще. Лицо с соцветием глаз все смотрит, но вот начинает медленно отдаляться.

Я пытаюсь крикнуть и не могу.

Хорошо, если это — сон, то пускай он пройдет. Мне никогда не снилось таких кошмаров.

Я снова пытаюсь дернуться, повернуть голову, пошевелить рукой — тщетно. Я их чувствую, но использовать не могу, невидимые для меня оковы мешают мне. Я пытаюсь кричать и понимаю, что сквозь мои легкие, поглощая звук, течет вместо воздуха эта мутная смесь цвета топленого меда, и я почти не ощущаю ее, она одной температуры со мной и не имеет никакого вкуса.

Да что же это делается. Я только читал о таком. Видел в кино — но кто ж, смотря на такое, примеряет ситуацию на себя? Кто хоть раз в жизни задумывается, каково это? Я никогда не представлял себя помещенным в прозрачный контейнер. Но я знал всегда, что люди — хуже зверей, что в глубине рассудка, за стенами морали и эмпатии, живут чудовища, и еще ни разу этот скрытый потенциал не выплескивался на меня таким образом, в полной мере.

И, похоже, это не сон. Не верить в возможность дышать чем-то еще, кроме воздуха, у меня нет никакой возможности. Подвергать сомнению происходящее можно, но кажется бессмысленным. Я помню, как помутнело в глазах и резкую боль где-то на уровне нижних ребер. Я помню широко распахнутые глаза Кей.

Что ж.

Я в западне.

Осознав это, я тут же попробовал призвать магию, чтобы разобраться в природе жидкости, в которую меня поместили — и не смог. Просачиваясь между пальцами, сила куда-то проваливалась, исчезала и не возвращалась.

Золотунный раствор, стало быть, — золатунь и кто знает, что тут еще.

Ну, хоть что-то. Магия просто исчезает в нем, ведь меня не могли избавить от проклятого дара, ибо не способен на это никто.

А вот... о нет... быть того не может... Неужели?

Я настолько привык к постоянному своему ознобу, что сразу и не заметил: да мне же не

холодно.

Голову не повернуть. Могу шевелить только пальцами — чуть-чуть. И ощущаю... Ничего. Никакого тепла или холода. Жидкость, судя по всему, температуры тела, но ведь обычно со мной это не работает.

Силуэты впереди снова зашевелились. Звуки внутрь не проникают. Я перестаю замечать этих моих загадочных наблюдателей, сконцентрировавшись на своих собственных чувствах: вот невесомость, тишина, жидкость, по концентрации похожая на плотный ветер, окутывает и пеленает, дышать ею странно, но вполне легко.

Мне не холодно. Мне... хорошо.

Ужас — сдерживаемый слишком давно, всепоглощающий, ослепляющий, ледяной, накатил откуда-то из глубины. В глазах потемнело, сердце забилося, будто покатались по склону гранитные валуны.

Это же что выходит. Они похитили меня и избавили от озноба. Избавили чем? Как? Надолго ли? Вьюга обещала забрать свое проклятие, если я приведу к ней Никс. Неужели мои похитители страшнее Вьюги? Неужели они сумели ее обхитрить? Это казалось невозможным. Экий... Экий навязчивый альтруизм. Хотя, нет. Вряд ли этот "подарок" безвозмезден. Они предлагают мне жизнь без холода в обмен на несвободу, что ли? Или как? Жизнь, смерть, свобода — я должен буду теперь между ними выбирать? Не между видами пирожных, не между блондинками и брюнетками, а... Смех и ужас. Ужас и смех. Да как они вообще смеют предъявлять права на мою свободу? Я совершенно определенно не намерен этого терпеть и вряд ли когда-нибудь прощу их за то, что они уже сделали со мной.

Я дернулся снова, здорово разозлившись. Мне было ясно, что мышечной силы не хватит. И, тем не менее, напрягаясь весь, я вспомнил, выудил из самого темного угла на чердаке своей памяти пройденный много лет назад ритуал, вспомнил, каков предел моих сил, и, все сдерживающие скрепы мысленно разомкнув, призвал самое убийственное волшебство, на которое был способен, сконцентрировав его в ледяную стрелу.

И все без остатка впитал в себя золотунный раствор, став лишь чуть плотнее на долю секунды.

Силуэты зашевелились.

Что-то металлически щелкнуло и закрипело.

Снизу поплыли пузырьки воздуха, все больше и больше.

Вот уже они увеличились до размеров крупных яблок, а потом снизу стали подниматься совсем большие воздушные пузыри.

Так, это значит, что скоро мне придется выдохнуть? Они решили вытащить меня из банки? Вряд ли. А вот выдохнуть раствор может быть неприятно.

Я не ошибся.

Кашлять и отплевываться было тяжело. Я почувствовал все сдерживающие меня скобы, особенно жесткие из-за накатившей неотвратимо естественной силы тяжести.

К тому же, тут внезапно оказалось, что... Ну, мне-то что, ну голый и голый. Но вот с их стороны это явное неуважение и попрание моих человеческих прав — вдобавок к прочему.

Я прошелся мутным взглядом по проявившимся чуть более резко силуэтам. Рассмотреть никого не смог — лишь увидел кроме людских очертаний еще и каких-то странных существ с длинными суставчатыми телами, похожими на змеиные скелеты. Очки? Какие очки? Понятно, что мои пленители не стали заморачиваться такой ерундой.

Силуэты шевелились, наклоняли головы, разевали темные пятна-рты.

Кто-то стал приближаться, светлея. Через миг в стекло моей камеры уткнулась симпатичная детская мордашка в ореоле белых кудряшек. Я вздрогнул. Я не смог бы поклясться в достоверности догадки, но мне показалось, будто бы этот ребенок — не крашенный. Снежная белизна волос такая же, как у меня. Это не преждевременная седина. Это часть проклятия Вьюги, как я теперь понимаю.

Ребенок обозрел меня с ног до головы, потом дернулся, будто его окликнули, и убежал куда-то влево и вверх.

После ко мне двинулись те, кто до этого только стоял и смотрел.

Мне не было страшно — страх ушел вместе с вытекшим золатунным раствором. Я откуда-то точно знал, что они не убьют меня. Но они могут превратить мою жизнь в нечто похуже смерти и сумасшествия, которым грозила Вьюга.

Звук пустили, кажется, прямо в мозг.

Будто бы кто-то чужой завладел моим внутренним голосом, тем, которым я читаю книги про себя, и сделал его во сто крат громче.

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Вы находитесь в надежном месте. Вы дома. Вы в безопасности. Вам ничего не угрожает.

Я попытался спросить, а как насчет штанов, например, но сразу не удалось — голос отказывался проявляться. Поэтому мне лишь удалось прокашлять:

— Да не может быть.

— Пожалуйста, не предпринимайте попыток высвободиться — вы рискуете нарушить свою физическую целостность. На данный момент вы не можете пользоваться магией. Сохраняйте спокойствие и сотрудничайте с нами. Мы хотим вам помочь.

Мне наконец удалось произнести достаточно громко:

— А можно меня сначала снять отсюда?

Голос в голове, как заевшая пластинка, повторил свой пассаж про спокойствие и сотрудничество, медленно выбираясь из моей головы наружу и становясь заменой вытекшей жидкости. Низкие тона стали резонировать в легких.

Может быть, у меня галлюцинации? Или они залезли мне в мозг? Невозможно понять.

— Ладно, ладно, — проговорил я. — Я понял. Так что вам конкретно надо? И с кем я имею честь общаться? Представьтесь, хотя бы.

— Вы наверняка отметили, что не ощущаете холода, — вместо ответа продолжил голос. — Сейчас раствор откачан. Вскоре озноб начнет возвращаться. Мы дадим вам время вспомнить, каково это — быть благословленным древним даром и платить за него.

— Ну охренеть теперь, — протянул я.

— Когда вы будете готовы к сотрудничеству... — снова заладил голос.

— Да господи, что именно вам нужно?

Нет, я не был готов соглашаться на все. Но терпению пришел конец.

— На данный момент вы не готовы.

Я видел, как силуэты меркнут, растворяясь в чернильной синеве.

Вскоре наступила абсолютная тишина. Медленно угас свет, лившийся откуда-то сверху, и я оказался в темноте.

Исподволь, по капле стал возвращаться холод. Как ручной зверь, он вынырнул из тьмы и окутал меня: сначала прохладой летнего вечера, затем — крепким объятием осенней ночи, а после набросился, не щадя, ноющим ознобом лихорадки. Этот этап затянулся, не переходя в леденящий ужас, но лишь обещая его.

Я заставил зубы не стучать.

Золотунный раствор медленно высыхал на мне, стягивая кожу.

А ведь на том ужине с Сесиль я намеревался тянуть время, разыгрывая из себя тщеславного ублюдка, и водить за нос прожженных интриганов и манипуляторов.

Моя наивность ошеломляет.

Но ладно, я. Я — вот. Мне холодно и что будет дальше — неизвестно. Но Дети Зимы точно не собираются меня убивать. Пока что — наверняка. Но что они могли сделать с Ирвис и Кей? Удалось ли не попасться Никс и Тихе? Оказались ли они умнее меня?

Кей с Ирвис были со мной на том ужине. Могут ли их пленить, чтобы иметь дополнительные рычаги давления? Могут. Могут ли от них избавиться? Могут.

Паниковать рано. Казалось бы, самое время — но нет. Это был бы слишком глупый финал.

Хорошо. Моя сила поглощалась золотунным раствором, но теперь-то...

Я снова призвал магию — и снова она, высвободившись, не вернулась, даже слабого эха не было. Значит, оковы тоже с колдовской золатунью. Что ж, тем легче будет сломать их, ведь золатунь делает любой металл более хрупким.

А этот голос прямо в мозгу... Что это было? Как он вышел наружу? Динамики какой-то хитрой конструкции? Галлюцинации? Эффект от ушедшего золотунного раствора? Или это — заклятие чтецов?

Сложно понять, что вероятнее. Но я точно знаю, что опасней. И если так, значит, думать мне нужно тише. С другой стороны, откуда мне знать, как работает их магия и какое именно заклятие было применено? А если это был кто-то поизобретательнее среднего дилетанта? И если с Детями Зимы работают свои собственные, союзные им чтецы... мало ли, кто кроме может быть с ними заодно.

Так, я не имею права предаваться ностальгии и рефлексии. Я не имею права продумывать план. Значит, я должен действовать наобум. Быть непредсказуемым. Или ждать.

И сойти с ума, как и предсказывала Вьюга.

С другой стороны, если даже я буду продумывать план, что я могу выдать? Они знают всех нас в лица. Они слышали, вероятно, о чем Вьюга со мной говорила.

Возможно, они единственные знают обо мне больше, чем кто-либо еще, включая меня самого, раз смогли отменить мой извечный озноб.

Отменить и снова вернуть, чтобы, значит, я осознал... чтобы понял свое положение.

И я много бы отдал сейчас за бутылку красного сладкого. Потому что холод вернулся во всей своей мощи, доставая тонкими иглами, кажется, до самого сердца, затмевая разум и все остальные чувства.

Но кто же мне даст.

— Ты была очень крута. Это твое "Бах!" — и стекло прям лопнуло, и все на того бедного консьержа!

— Ага, "бедного", с автоматом — "бедного". Мы рисковали. Крайне. Никто не знает, как он отреагировал бы на нас, идущих к нему с поднятыми руками, и то, что он обмер и покраснел — это случайность и необыкновенное везение.

— Может, они тут какие-нибудь все с сертификатом на целибат? Невинные юные юноши, светлые, как слеза ребенка, укушенного за мягкие ткани злым злодеем.

- Это у тебя нервное ерничанье, я все понимаю, но когда мы будем думать план?
- Когда очухается наш бегемотик.
- А что, если он не очухается?
- Тогда будем тактически отступать, чего лично мне бы не хотелось.
- Ты не умеешь проигрывать.
- Я не желаю играть.

— Я не знаю, жалеть или нет по поводу такого поворота событий. Все начиналось просто: шеф опустил ладони на карту, а там — флажки разноцветные, мол, выбирайте себе тот, который на вас смотрит. Я спросила: "А нельзя ли как-то целенаправленнее выбирать?" — на что шеф ответил "Нет", дабы, значит, не допустить примеси личной выгоды и прочих эгоцентрических влечений. Выходит, судьба сама за меня выбрала мне этого чудика, и, знаешь ли, мой восторг был, как баклажан на вкус — то есть попросту никакой.

- А мне он сначала нравился...
- Баклажан?
- Рейнхард.

— Ну, что я могу сказать... Он многим нравится, если издали смотреть. Да и как иначе? Он же еще и настоящий — не девочка какая-нибудь, бинтом эластичным обмотанная, и даже не чудо пластической хирургии — дистиллированный спирт, алмаз в хренову тучу карат, сферический полярный лис в вакууме! И даже не крашенный. Откуда ему это все? И, тем не менее, я привыкла не любить то, что любит толпа. Как хочешь обзывайся — но вот так у меня с самого детства. Я не доверяю совершенной красоте и выверенным, отшлифованным планам. А шеф сказал, что он-то в меня верит и все у нас обязательно получится, презентовал мне ананас, шоколадку и наряд по наблюдению объекта. И вот, дабы вызнать все грязные мелочи, я вступила в их тогдашний фан-клуб — собрание дам, подобное элитному серпентарию — и пошло-поехало...

— Давайте ему эту смесь ближайшие сутки, это должно помочь. Я чувствую его присутствие, но он далеко. Ему грозит душевная болезнь и беспомощность, но тут уж как Потерянный решит. Что-то очень злое коснулось его, что-то, имеющее целью убить. И другой бы умер. Но ваш друг — очень, очень занятный случай.

- Спасибо, что согласились осмотреть его, не побрезговав прийти сюда.

— Не благодарите. Вас ищут и рано или поздно найдут. Я не верю в благие намерения Детей Зимы, да и путь ворожей велит мне помогать тем, кто пострадал от гильдейской магии.

- Этот старик нас точно сдаст.
- Не сдаст.
- Ты так уверена?
- Предатели не доживают до такого почтенного возраста.
- А я как-то привыкла верить в силу маразма, и потому опасаюсь.
- В любом случае, пока что у нас никаких идей, кроме той.
- Но они все на одно лицо.
- Не все.

— Эй, Бродяжка. Жри свой отвар и давай уже возвращайся в реальность. Ты нам нужен, Бродяжка. Мы — это, в конце концов, все, что осталось.

— Я смогла выйти с этого телефона в сеть, хоть он и старый, как мои кружевные... хм, чулки. Ты последняя говорила с ней, и его ты тоже видела последней. И мы все равно не знаем, где они, соответственно, не можем составить план. Нам даже друзья ее опекуна не помогут, хоть я и расписала им ситуацию.

— Ты ж ей звонила?

— Номер вне зоны доступа.

— Значит, нам остается ждать пробуждения бегемотика.

— А если он никогда не проснется?

— Я в это не верю. А ты?

— Я очень хочу домой.

— У меня все еще болят руки.

— Прости.

— Ты даже не чувствуешь себя виноватой!

— Прости.

— Давай положим его в чемодан, купим билеты и поедem домой на том шумном экспрессе.

— Ага, а еще покрасим волосы в белый, внедримся в организацию и, сделав молниеносную карьеру, подсидим тетушку Сесиль, спасем Рейнхарда, будь он неладен, и, став серыми кардиналами, примемся править севером. Я готова хоть завтра!

— Меня начинает переполнять отчаяние от твоего сарказма.

— Ты лучше влей в него этой гадости, а то мне ее запах уже вот где сидит.

— А мне нормально.

— Что пишут-то?

— Пишут, что выезжают ночью.

— Я даже представить себе не могу, чем все это закончится.

— Да уж. Если вспомнить, с чего все начиналось...

Была тихая звездная ночь — полнолуние. По радио начитывали какой-то рассказ, но сосредоточиться на нем не удавалось — проще было отключить и думать о своем. Он не мог тогда отделаться от мысли, что дома ждет парусник, требующий немедленного участия. Недоклеенная модель постепенно обретала узнаваемый силуэт, странный и характерный, не похожий ни на что виденное им в играх и кино, — тем подтверждая какую-то вроде бы очевидную истину. Вот только... какую? В полейке парусника определенно был некий особенный смысл. Он знал, что не сам придумал эту модель. Хотелось вернуться домой и доделать, но нужно было сначала дождаться брата и отвезти его, куда там ему надо... к морю, да.

И вот тогда-то он впервые и увидел ее, ту, о ком забудет на целое лето, погруженный в семейные проблемы, ссоры, низкооплачиваемую работу со свободным графиком и мысли о тщетности бытия и его же бессмысленности. Ему показалось тогда, что ей четырнадцать — маленькая, на вид хрупкая и при том очень упрямая. Потом, по речи и поведению, стал ясен

ее настоящий возраст.

А потом оказалось, что Джет не может больше его такого терпеть и не нужна ей нежность, забота и тот странный подвид свободы, доступный только ему.

Банально и больно.

Глупо, в общем-то, и неприглядно — но это жизнь, и, может, кому-то удастся выбрать между жизнями, но таких счастливых людей мало кто знает.

Ему иногда снилось колесо обозрения, и будто бы они с Джет прощаются, холодно целуясь где-то на полпути к самой высокой точке.

Ему снилась отрезанная голова Джет, отданная ему на хранение, которую он держит в морозильной камере холодильника. Но чаще ему снилась женщина в платье из осенних листьев, что отдавала ему футляр с нарезным ружьем и красноволосый мужчина, вылезавший из канализационного люка посреди детской площадки. Подтягивая колки на басу, мужчина говорил: "Крысы не умирают, они лишь прикидываются мертвыми, чтобы обрести свободу и жить на воле".

Кто они? Выдумка? Откуда они?

Почему так сложно разграничить их и Джет, их и девочку-огонька? И еще где-то в глубине сознания плещутся, словно сок на доньшке непрозрачного бумажного пакета, какие-то очень важные воспоминания, и их никак не поймать, никак не выудить из этой тьмы.

Но если открыть глаза, из тьмы можно извлечь себя.

Он сел, с трудом раскрыл тяжелые веки и сфокусировал взгляд на стене впереди. Тут же его снова припечатала тьма, а в ушах зазвенело. Когда темнота перед глазами рассеялась, он смог осмотреть помещение, в котором находится.

Внутри все было серым, старым и крошащимся. Тусклая, сырая комната. Стены будто подернуты дымкой.

Серым кажется все. Цветов будто нет вообще — в сером окне серое небо, серые стены вокруг окна переходят в бледный, ненасыщенный черный.

В сером небе клубятся тучи. Низкие и темные, они текут слева направо быстро, словно морские волны. Может, вскоре покажется синее небо и яркое солнце? Или за тучами следует ждать снежную бурю?

Что это за место? Чье это небо?

Он вдруг вспомнил все, что было до. Огненный вихрь над гостиницей. Увязшая в снегу машина. Колкий снег тает в ладонях, они мокрые, но ему не холодно. Испепеляющая нежность греет не хуже алкоголя. Тонкий белый мост, горячий кофе, сладость и звенящая близость — от нее будто приподнимает потоком теплого воздуха.

Это было время делать и действовать. Точно.

Надо было тогда, на мосту, не разговаривать, а обнимать. Надо было целовать, пока были шансы — но поди ж ты... Казалось, что не избран, а просто сам такой навязался, примазался; казалось, не может так в действительности везти; казалось, впереди еще есть дорога, и такая длинная, что упирается в горизонт, а дальше него все равно не рассмотреть.

Все снова пошло не так. Ровно как тогда — у некромантского поместья, черного, как уголь на сколе.

Упрямая девчонка выскользнула из машины. Глаза цвета слоновой кости, хромированное дуло пистолета. И, хоть убейся — а ничего не сделаешь. Или можно было? Как можно было это предугадать, предотвратить?

Страшное слово "никогда" попыталось выплыть из глубин разума и ударить по хрупкому ощущению реальности происходящего. Нет. Никаких "никогда" или "навсегда". Все меняется. В переменах — спасение. Все возможно, пока есть куда двигаться и идти.

Он поставил ноги на холодный пол. Циновка, прохуdivшаяся тут и там. Разруха и нищета.

Маленькая комнатка отграничена от остального помещения складной деревянной дверью — такие еще скрипят и плохо закрываются. Он, держась за стенку, поднялся и пошел к двери, чувствуя, как с каждым шагом наваливается слабость. Да чего же так тяжело? Тело подводит — почему?

Дверь, отворяясь, заскрипела. В свете старой настольной лампы на большой двухместной кровати спали одетые во все, что под руку попало, девушки с длинными темными волосами — одна с прямыми, а другая с волнистыми, похожими отчего-то на птичьи перья.

Он понял, что ногам холодно на голом деревянном полу. В помещении едва ли теплее десяти градусов. И да, это север. Тот самый, куда его что-то звало. Тот, который манил ощущением настоящего пути, дорогой, предназначением.

Одна из девушек пошевелилась и приоткрыла левый глаз.

— Бродя-яжка, — с дурацкой улыбкой протянула она, — очнулся! Эй, Ирвис, вставай — наш бегемотик очухался, — она принялась расталкивать соседку, — смотри какой весь, стоит в проеме, штаны на честном слове!

— Сколько я спал? — спросил он. Голос показался непривычно хриплым и низким.

— Трое суток, — ответила Кей, свесивши ноги на пол. — С половиной. Как себя ощущаешь?

— Странно... слабо. Все какое-то ватное. Который сейчас час? Это утро... или уже вечер?

Кей глянула в окно.

— Это тут такой день. Днем мы решили спать. Потому что кое-что мы должны будем сделать ночью.

— Кое-что?

Взлохмаченная Ирвис с припухшими веками села на постели, кутаясь в свои одежды и серый плед. Она ответила вместо Кей:

— У нее есть план. Сумасшедший план, как по мне. Но других у нас нет.

— Вот как.

— Тиха, тебе не холодно? — поинтересовалась Кей. — Нет, в самом деле, ты явно сочнее диетического Даблкнота, но даже этого жира не хватит, чтоб...

— Тиха? — переспросил он.

Кей взглянула на него с прищуром:

— А тут есть кто-то еще в одних пижамных штанах?..

— Это что, какое-то новое прозвище, вроде "бегемотика"?

Ирвис оживилась и перевела взгляд от окна к нему.

Они обе, казалось, заинтригованы. Он попытался понять, что не так, но сразу не получилось.

"Тиха". Имя? Странное имя. Может, сокращение? Чье оно? Он знал наверняка: ему это имя не принадлежит.

— Знахарка говорила, что могут быть последствия, — напомнила Ирвис. — Может, это

оно?

— Ты забыл, как тебя зовут? — уточнила Кей.

— Я помню, как меня зовут.

— И-и? — Кей прищурилась еще сильнее, приподняв одну бровь.

— Друзья зовут Найком, — поведал он, чувствуя отчего-то смущение. — Это сокращение, да.

Кей "понимающе" закивала, выражая всем своим видом подавляемое удивление:

— Сокраще-ение...

Разговор внезапно разбавило требовательное урчание в Найковом животе.

— Я бы сейчас сожрал козу, — поделился он. — Несмотря на некоторые упаднические настроения, мой организм требует подзаправки.

— Козу так козу, — Кей поднялась и прошаркала тапками к столу у окна, заглянула под крышку металлического чайника и сняла его с газовой плиты. — Сейчас сообразим. Голодный — это хорошо. Как бы твои мозги не шутили, очнувшийся ты — это большой плюс, — она обернулась. — Иди, одевайся, чего не идешь?

Найк не стал спорить: вернулся в комнатушку, в которой спал, нашел на стуле возле кровати свои штаны, майку и свитер. Значит, у Кей есть план. Это воодушевляло. Он постарался смирить нетерпение. Оделся, нашел в маленьком домике крошечный санузел — из тех, где душевой смеситель расположен прямо над головой, и есть место лишь для раковины и унитаза — вымыл лицо и почистил зубы собственной щеткой, порадовавшись ее наличию. Серый день за окном показался уже не таким серым, особенно в свете булькающего на огне жаркого.

Слабость в конечностях отошла на задний план, притупилась.

— Тушеночка с гречечкой, — любовно огласила Кей, когда все уселись за стол. — Коронное блюдо Ирвис. Третий день ем — третий день мои внутренности поют.

— Твои бы слова да моей матушке в уши, — скептически откликнулась Ир, раскладывая по тарелкам густую субстанцию.

— Ешь давай, — наказала Кей отключившемуся от реальности Найку. — А как поешь, расскажи наконец куда ты снова дел нашу вечно потерянную Николу.

— Я ем-ем, — он принялся за гречку. — Отличная гречка.

— А я говорила! — Кей хлопнула себя по колену.

— Ой, да ладно вам, — смутилась Ир.

— И все же, это вы так рады, что я очухался, или есть какой-то еще повод? — осторожно поинтересовался Найк.

— Радоваться особо нечему: мы не знаем, где Рейнхард и не знаем, где Никс. Я надеюсь, ты сейчас прольешь немного света на второй вопрос, — ответила Кей. — Однако в ту веселую ночь нам чудом удалось наладить связь с моим шефом. Эти кирпичи, свистнутые Ир, прекрасно держат зарядку, притом умеют выходить в сеть, а дальше — дело техники, сам понимаешь. Главное здесь — терпение. Словом, я связалась с шефом, и он по секретному радиоканалу связался с Виталисом — милейшим старичком, который нас нашел и приютил, помог раздобыть новые номера и, в свою очередь, вывел на дикую ведьму из ворожей, которая помогла вытащить тебя.

Найк не донес ложку до рта, спросил недоуменно:

— Вытащить откуда?

— А ты не понял? — Кей хмыкнула. — Ты чуть не помер. По идее, ты должен был

умереть. Но нет. Тебе или сказочно повезло, или что. Заклятие, эхо которого даже я почувствовала, когда мы тебя тащили на себе из оврага в кусты, было убийственным. Ведьма узнала его. Говорит, после такого не выживают. Но ты выжил.

— Как?..

— Это ты нам расскажи, — попросила Ир. — Если сможешь.

Он не знал, что им ответить. Помешивая гречку в тарелке, разделил массу на две части. Проговорил тихо:

— Выжил, значит... чужие имена... бред какой-то. В общем-то, я помню, как в этот раз пропала Никс. И помню белесые глаза того человека, который шлепнул мне пятерней по лбу...

Он рассказал Кей с Ирвис, как у него из-под носа похитили Никс.

— Чтецы, значит. Снова, — цыкнула Кей. — И магия была их.

— Может, я... — Найк нащупал догадку, смутную и глупую, и попытался развить ее, позволив себе говорить то, что думается, не клеймя эти мысли "бредом". — Может, я отдал им себя прошлого? Отдал чужое имя тому, который был до. До того, как я здесь очутился. А свое настоящее забрал себе здешнему. Это могло сработать?

— Я не слишком понимаю, о чем ты, — ответила Кей медленно, — но, в принципе... чисто теоретически... если у тебя раздвоение личности... В общем, я без понятия, как именно работают заклинания чтецов, но...

— Имена — это не хухры-мухры, — заметила Ирвис. — Новое имя, данное при инициации, у диких племен, например, означает вступление в новую жизнь, перерождение в новой сущности. Так что, полагаю, Тихе удалось запутать того чтеца. То есть, я так понимаю, теперь Найку?

Он кивнул.

— В моей голове — теперь и всегда, но, очевидно, моей голове с этого момента доверять стоит избирательно. Так какой у вас план? Кстати, на "шпионов" вы меня проверили?

— Ты чист, — ответила Кей. — А план мой, собственно, касается нахождения Рейни, так как до твоего пробуждения у нас не было никакой информации о Николе. Рейнхарда увели Дети Зимы. Ты, однако, избыточных сведений не принес. Мы все еще не знаем, где нам искать Никс, но можем предполагать, что Рейнхард все еще где-то тут, на севере.

— Погоди-погоди, — Найк отставил недопитый чай. — Если это чтецы... зачем она им? Что... я не понимаю. Зачем им Никс?

— Твоя Никс — носитель мощи, которая может пробудить Вьюгу, "богиню" или что-то типа того, — улыбнулась Кей. — А ты, небось, все еще воспринимаешь ее как трепетную девицу с непростым характером и больше никаких "но"? Давай, переписывай в голове ее статус на правильный.

Найк глубоко вздохнул.

— И точно.

Помолчали. Ирвис залила себе еще пакетик чая. Кей смотрела на настенные часы. Найк оперся локтями на стол: он ощутил наваливающуюся усталость. Чуть подавшись вперед, спросил:

— Кей, ты можешь рассказать все, что знаешь о чтецах?

Она отвлеклась от часов и задумчиво поджала губы.

— Ну, кроме того, что я уже рассказала... История гильдий обширна, знаешь ли.

— Меня интересует нынешнее положение вещей.

— Ладно, — Кей набрала побольше воздуха и начала излагать: — Главный офис, по крайней мере официальный, у них в столице. Огромная серая глыба, все как положено. По слухам, там царит лютейшая бюрократия, взяточничество и все такое.

— Но как, если они, вроде бы, поголовно духовные и ментально связанные? — удивилась Ирвис. — Насколько я слышала, чтецы наиболее религиозны...

— А фиг их знает, — Кей повела плечом.

— Их кто-нибудь может приструнить? — спросил Найк. — Как осуществляется контроль над их организацией?

— По идее, наш шеф может назначить встречу с их главой, если у нас будут какие-то веские доказательства...

— Вот теперь мне совсем непонятно, почему вас так боятся и не любят, — заметил Найк. — Звучит так, будто поглощающие... беспомощны.

— Наша слава — в основном заслуга Войны Причин, — терпеливо ответила Кей. — Кому-то в морду дать — это легко, но когда начинается дипломатия и так далее... Словом, в бюрократических войнах мы ничем не отличаемся.

— Так, давай по порядку, — Найк решил все в голове разложить по полочкам, и оттого был готов мучить Кей расспросами, пока она сама будет способна отвечать. — Если гильдия чудит и предпринимает неправомерные действия, как это регулируется? Кто выступает судьей?

— Хорошо, начнем с начала, — кивнула Кей. — Гильдии объединяют магов всех стран, это понятно. Почти в каждой стране есть свой филиал пяти гильдий, ну, или хотя бы представитель, доверенное, так сказать, лицо. Если где-то происходит лажа, ее первым делом исследует полиция, у которой, так или иначе, есть выход на поглощающих. И если дело пахнет волшебством, оно тут же поглощающим передается практически целиком. Происходит расследование собственными силами чернодырых. Ежели откапывают чего на некромантов, например, то связываются с главой гильдии и дальше рулят совместно. Задержание осуществляем мы. Судят отдельно от нормальных людей, в столице, вердиктом пятерых судей. Последнее слово остается за жрецом Пламенного Просвещения.

— То есть предполагается, что гильдии сотрудничают в случае преступления закона кем-то из?.. — уточнил Найк.

— Да, так декларируется, — подтвердила Кей. — Но на деле, конечно, все стремятся отмазать своих.

— Хорошо. Вот мы знаем, что нам помешали чтецы... один из. Я помню его глаза — светлые такие, цвета слоновой кости. Что я могу сделать?

Кей склонила голову набок в задумчивости.

— Он применил на тебя смертельное, — проговорила она, — и он был отчаян. Или ему казалось, что он действует по воле божьей, исполняя предназначение. Сумасшедший фанатик или убийца, посланный руководством с четкой и ясной целью? Ежели номер раз — смысл обращаться в гильдию есть; ежели номер два — поможет лишь принцип вроде "глаз за глаз", то есть мстить тебе придется самостоятельно. Это что касается конкретного чудака, решившего, что ты слишком хорош, чтобы жить.

— Ладно, — Найк попытался придумать хоть что-то еще. — В любом из двух случаев: можно ли надавить на главу их гильдии?

— На чтеца? — переспросила Кей. — Ха-ха.

— Бесперспективняк какой-то, — Найк запустил пальцы в волосы.

— Именно поэтому мы сначала вытащим Рейнхарда, — Кей встала, опираясь ладонями на стол, — и, если вытащим, будем решать дальше. Конкретно сейчас я не вижу путей, чтобы самостоятельно найти и освободить Никс. Мы не знаем, где она. Мы сейчас напишем шефу то, что ты рассказал — и он пойдет к этому, как его, Эгиру Хельвину, тому самому, на которого давить — ха-ха, и будет узнавать, и может статься, что-то узнает. И вообще запустит уже наконец машину делопроизводства, сколько можно ждать и собирать доказательства? По-моему, я накопила уже кучу всего на этих бледных высокоморальных сволочей. Кстати да. Сюда едут ваши друзья вместе с опекуном Николы — вопрос теперь, туда ли едут? Прибыть они должны были сегодня ночью, но их задержали на границе. Связь есть, но когда они смогут вырваться и смогут ли — большой вопрос. В любом случае, раз ты проснулся и чувствуешь себя хорошо, сегодня же, не смотря на обстоятельства, мы попробуем осуществить первую часть моего плана.

— Подожди, но ведь где находится Рин, мы тоже еще не знаем? — переспросил Найк. — Как же?..

— Вот это и есть первая часть плана, — сообщила Кей. — Только тебе он не понравится.

Мне не больно, не голодно. Но я все еще ощущаю холод, и он практически невыносим. Я ничего не могу предпринять, чтобы не чувствовать его. Забыть не приходит. Ни уснуть, ни согреться.

Темнота и беспомощность. Все это вызывает во мне лишь гнев, гнев напополам с отчаянием, и я снова и снова пытаюсь собрать в кулак то силу, то магию — но ничего не помогает. Оковы крепки, магия исчезает в никуда, но я почему-то никак не потеряю сознания — а хотелось бы.

Я устал это выносить.

Как же я был смешон со своими проблемами тогда, когда считал, что моя жизнь катится по наклонной. Когда был свободен, когда придумывал свой дурацкий план. Я заслужил это. Да, пускай.

Но даже если я заслужил — мне теперь и выпутываться. Никто не придет. Кей права. Я думал только о себе и поэтому...

Уже третий час (кажется) я не пытаюсь использовать магии — достаточное время, чтобы восстановить силы. Ну же. Сосредоточиться. Все внимание на скобы, обхватившие тело. Начнем с шеи. Я чувствую острый край. Туда. Все разом — в одну точку, чтобы металл стал хрупким, словно стекло.

Удар.

Магия приходит из глубины, откуда-то извне, и так же, словно вода, исчезает, не сумев воплотиться, не причиняя оковам никакого вреда. Безмолвное заклинание рассеивается, словно волна, разбившаяся о волнорез.

Кто мог такое сделать? Это магия поглощающих? Похоже на то. Где-то зарыт гигантский золотунный аккумулятор? Почему нет, с их-то финансами...

Что это значит? Это значит, что Дети Зимы работают с местными поглощающими. А если поглощающие на стороне Сесиль и прочих, то кто помешает остальным магам заразиться тем же бредом?

Я не знаю, что с ребятами, но я надеюсь, что они в безопасности и не сунулись ни в какие гильдии. Пускай им хватит ума.

Я готов молить об этом Потерянного — на всякий случай, вдруг он поможет? В таком случае, я торжественно клянусь уверовать.

Пытаясь отвлечься, вспоминаю жизнь, которую прожил, кажущуюся теперь чьей-то чужой. Сбиваюсь. Заставляю себя вспоминать. Насильно вылавливаю в бездне памяти наши первые песни, слепленные на коленке и смешные, наивные тексты. Я пролистываю умозрительно учебник по термодинамике, но вместо формул — сплошные пробелы. Я все-таки не технарь, ум мой, как мне раньше казалось, цепок — но этого недостаточно.

И все же мне не хотелось бы умирать здесь.

В моей голове сами собой проявились события последних дней, путь через снега, замок, зеркало, почти невесомая Никс на руках, коленопреклоненная толпа, вода из медных кранов, разговор, жемчужное платье Ирвис, непослушные волосы Кей... и я почему-то ни о чем не жалел.

Может ли так случиться, что эти люди, которые были рядом, все-таки придут за мной?

Я же не называл их друзьями. Я был резок и желчен. Наставник пропал много лет назад. Матери я не помню. Жива ли она? Вряд ли.

Кей все же была права.

Но что теперь с той ее правоты.

Магия не работает. Физических сил недостаточно. Хитростью я не обременен. Я полностью во власти холода и тьмы, как никогда не принадлежащий самому себе.

Открыв глаза, я вдруг увидел слабое мерцание прямо передо мной. Оно становилось сильнее, холодный призрачный свет приближался неспешными рывками. Вскоре в зареве маленькой голубоватой звезды я смог различить силуэт, который с каждым следующим шагом становился все четче.

Движение остановилось. Передо мной предстал беловолосый мужчина с длинным безбородым лицом. Рот в мелкой сетке морщин, темные глаза, тяжелые брови, белый костюм... Белый плащ на одном плече с таким же белым как снег, выющимся меховым воротом, заколот фибулой в форме змеи. В руке — светящийся ледяной осколок.

Мне стало не по себе. Еще сильнее, чем было до этого.

— Меня зовут Люс Мирсин, — произнес мужчина. — Ты, должно быть, слышал обо мне.

Не сразу, но я вспомнил. Да, мне было знакомо это имя. Нет, я... читал о нем. По капле из глубин заторможенной памяти возникал образ, странный, противоречивый. Неужели?.. Как такое может быть? Так звали кого-то, о ком было написано в дневнике моей матери, в той его части, которую писала не она. Те страницы были заполнены почерком той, кто была до нее, и далее... на какой же странице я видел это имя? Люс Мирсин... это было именно стихотворение, изящное и спутанное, с множеством тройных смыслов, из которых я не понял ни одного. Могло ли так совпасть? Тезка? Наследник? И я тогда еще думал — правда это или нет? Какой степени наше родство? Зачем прапрабабка писала стихи о человеке из учебников по истории севера и того ли имела в виду?

— Я читал, — произнес я.

— Хорошо, — он кивнул. — Нужно ли мне как-то доказывать, что это именно я?

— А можно?

— Я спрашиваю из вежливости.

Вот как. Я даже отвлекся от холода благодаря ему. Что задумал этот старый хрен, которому давно пора три раза сгнить в могиле?

Какие такие переговоры он решил вести с пленником? Он ведь сейчас будет вещать как представитель Детей Зимы? Что есть у меня такого, что нужно им?

Я наблюдал за ним, а он за мной. Поглазев с минуту, назвавшийся Люсом Мирсином, наконец заговорил:

— Проклятие Вьюги съедает тебя изнутри прямо сейчас, — свет от ледяного осколка падал снизу вверх на его впалые щеки и делал говорящего похожим на мертвеца. — Но... — он сделал паузу, — в наших силах проклятие Вьюги усмирить. Мы снова, в который раз, обманем алчное древнее божество, хаотичное и опасное. У меня имеется опыт множества поколений, которым удавалось сбежать от непосильной выплаты долга. Ты сможешь то же, что смогли мы. Ты вернулся домой, к корням. И мы поможем тебе.

У него был такой голос — степенный и глубокий, из этих вот хорошо поставленных, специальных. Но я не отвлекался на чепуху, я в первый момент ужаснулся самой идее. Меня шокировала сама идея обмануть... Вьюгу. Я слишком хорошо помнил ее глаза. Я все еще

ощущал тот всепроникающий ветер. И вот они нашли слова для нее, которых не нашел я: божество. Алчное, древнее. Вот как.

Эти люди — если только они не врут мне тоже — поколениями обманывали свою... Я не знаю, как это назвать. У меня нет причин не верить. Я понимаю теперь, что влип во что-то куда более страшное, чем мне казалось раньше, но у меня нет времени восторгаться этим или бояться этого. Оно уже происходит со мной. Дальше — только вперед.

Я сглотнул и, облизав пересохшие губы, спросил:

— И что же я буду должен за эту помощь?

— Это перестанет быть долгом, когда ты примешь свое призвание, — ответил Люс. — Вот он я, стою перед тобой. Я — доказательство: мы сможем сделать то, что должны. Многие годы я был заперт в темнице своего разума. И вот теперь я возрожден, как и другие правители севера.

Мне на секунду показалось, что я разговариваю с сумасшедшим.

— Другие... Вы имеете в виду и моего отца? — спросил я вдруг.

Люс покачал головой:

— Я ожидал большего недоверия.

— Я слышал об экспериментах чтецов и целителей и вполне могу верить вам, — сказал я. — Мне только непонятно, зачем вас сделали старым, но это, конечно, ваше дело.

Силуэт пожилого мужчины подернулся рябью. Раз — и тонкая оболочка рассыпалась в прах, осела на пол, как рассыпанная мука. Под личиной старика обнаружилась девочка лет семи-шести на вид.

Я опешил.

Это та самая. Люс? Мирсин?

В теле девочки? Ледяная иллюзия сети — тонкое, сложное волшебство, подвластное только магам с хорошим пространственным мышлением и сильным точечным контролем — удерживать настолько достоверную иллюзию малыша не смогла бы. Разве только она — гений. Или действительно — Люс Мирсин.

— Даже так? — произнес я.

— Я — тот самый Люс, не правнучка и не мошенник, — прозвучал высокий девичий голос. — Пускай тебя не удивляет это тело. Магам моего поколения удалось успешно запечатать личность в сосуд, что стоило многого. Нынешнее поколение сумело возродить меня — сделать невозможное. И вот я здесь, перед тобой. Я — доказательство того, что у нас есть шанс на спасение, и ты — тот, кто его использует. Если, конечно, ты действительно так умен, как думаешь о себе.

Белое платье, рюши, белые вьющиеся волосы и больше, темно-голубые глаза на лице, не выражающем ничего.

Я промолчал в ответ.

— Наше косвенное родство почти не имеет значения, — продолжил маг, заточенный в теле девочки, не давая мне времени начать строить догадки самостоятельно. — Значение имеет опробованная технология, способная послужить в наших целях.

— В каких целях? — спросил я. — Какая технология? Это самое возрождение?

Девочка замолчала, стала снова смотреть на меня, но не на меня, а словно бы в пустоту, сквозь мой "аквариум", сквозь время и пространство.

Ожидание затянулось.

По телу прошел озноб, я дернулся, закрипел зубами.

— Да сколько ж можно? — прошипел я, напрягая мышцы, в который раз тщетно. — Когда вы меня отпустите? Какое тут сотрудничество, при таком обращении? Зачем было... как бабочку, под стекло?

Люс не шелохнулся.

— Эй!

Он как будто отключился от реальности, а огонек в его (ее?) руках продолжал светить.

Я окрикнул его еще пару раз. Нулевой эффект. Все мое тело ныло от непрекращающегося озноба, болели суставы, изможденные холодом мышцы казались чугунами.

Еще и мысли путались.

Я совсем отчаялся что-то изменить в застывшем мгновении.

Значит, никакой надобности блюсти приличия нет.

И потому я задал дурацкий, но волновавший меня уже несколько минут вопрос.

— Ну и... каково вам теперь в теле девочки?

Взгляд голубых глаз ожил, переместившись на меня.

Люс покачал головой, цыкнул:

— Ты задаешь неправильные вопросы.

— Зато не занудствую, — мстительно ответил я, — как некоторые старые идиоты, алчущие вечной жизни. Я правильно понял идею? Вам мало, что ли, было ваших тридцати лет на троне? Или сколько там? Вы хотите еще? Все ж мертвы, кого любили — толку теперь дергаться? Или вы социопат?

Моя память наконец предоставила мне картинку из учебника. Достопочтенный предок много чем отличился, ему посвятили целую главу на несколько страниц. Впрочем, вспомнить я смог только тот факт, что за время правления он окружил себя одними магами, имел среди них фаворитов обоих полов и вообще всячески способствовал. Я никогда не предполагал, что мое родство с королевской семьей самое что ни на есть прямое, и поэтому не смог вспомнить более ничего о Люсе Мирсине, кроме примерной даты "смерти", истории с магами и портрета с окладистой бородой. С бородой ему, стоит признать, было лучше.

Люс Мирсин молчал. Мое предположение опровергать он, вероятно, посчитал недостойным себя. Отвечать на мои вопросы он тоже не спешил, и эта игра в гляделки бесила меня все больше. Он хочет истерики? Других вопросов? Правильных вопросов? Покаяния? Обещаний всего и сразу?

Спокойно. Успокойтесь. Представим, что этот чокнутый старый маг — действительно чокнутый. Надо говорить с ним мягче. Медленнее. Раздельнее.

— Зачем я вам нужен на самом деле?.. — спросил я по возможности ласково. — Если у вас есть... такое... такие силы и опыт. Зачем тут я? Предложенный Сесиль трон — это фикция, верно? Не затем я здесь?

— Сесиль не лгала тебе, — ответил Люс. — Ты действительно последний из Белых Королей, — и ты взойдешь на трон, когда все кончится. Ты еще не понимаешь этого — но в тебе, последнем, сейчас вся наша сила, вся наша надежда, и потому мы должны действовать наверняка.

Сила? Надежда? Сила — магическая или это он так, для красного словца?

— Что я могу такого, чего не можете вы? — спросил я.

Я-то знаю, что я — средних сил, пускай и талантливый элементалист. Есть множество магов в столице, которые уделают меня одной левой. Мои возможности, чего бы кто ни

думал, вовсе не завидны. Я знаю себя. Я помню результаты испытания. Мне никогда не стать архимагом, пускай алчные богини со мной хоть каждый вторник беседуют. Может, первые короли и были хороши, но, сдается мне, кровь подрасплескалась за века. Почтенные предки всерьез облажались, приняв посредственность за что-то по-настоящему ценное. Им, конечно, виднее, как ошибаться, но я бы предпочел скорей прекратить весь этот балаган.

Люс вздохнул.

— Ты все узнаешь прямо сейчас. Ты думаешь, мы ищем власти. Но мы ищем спасения.

Девочка расправила подол и уселась прямо на пол перед "аквариумом".

Она провела рукой над своим светящимся ледяным осколком, и он треснул напополам. Одна его часть тут же раскрошилась в еще более мелкую пыль, затем, следуя за пальцами девочки, взлетела вверх и развернулась дымной завесой, которую пронзили лучи от оставшегося целым кристалла.

В движущемся волнами туманном экране стали проявляться силуэты, постепенно складываясь во что-то различимое, почти трехмерное. Вскоре я сумел увидеть панораму заснеженной степи, за ней, меж гор — разрушенные вычурные строения прошлых веков, а на их фоне — десятки и сотни единиц боевой техники, палатки, военные грузовики, закамуфлированные вертолеты, людей в форме, медленных, маленьких. Мы словно видели все это с высоты птичьего полета. Все немного плыло — но видно было достаточно четко, чтобы я различал детали даже без очков.

— Это восточная граница, — сказала Люс. — Им не страшна зима. Они думают, что теперь здесь никто не сможет ответить им. Очень скоро они перейдут границу. Мир на пороге новой войны, но мы можем избежать кровопролития. С твоей помощью. Да, ты все понял правильно.

Увлеченный своими проблемами, угнетенный холодом, ослепленный славой, я, действительно, не находил времени, чтобы интересоваться делами севера, о котором мечтал забыть. Всю жизнь я был намеренно аполитичен. Мне были неинтересны все эти вещи — как и многим моим сверстникам, впрочем.

А теперь я не мог даже отвернуться, чтобы не посмотреть этот магический проектор. Я мог лишь закрыть глаза.

Когда открыл — снова увидел Люса, окруженного иллюзией и потому похожего на пожилого мужчину в белом. Трансляцию он прекратил. Темные глаза смотрели недвижно куда-то мне в самую душу.

— Слушай же меня, последний из рода Белых Королей. Мы, те, что были до тебя, дадим тебе избавление от проклятия Вьюги, трон — он твой по праву, и, по истечении тридцати лет — бессмертие. Ты будешь править севером с оглядкой на решения совета старейшин, которых мы восстановим так же, как возродился я. После ты сам займешь место в одном ряду с нами. Взамен ты должен предоставить себя нашим чтецам и целителям всецело, довериться нам полностью, открыться и затем использовать свою силу во благо народа севера. Силой своей ты поднимешь из вечно холодных недр ледяную армию, и она защитит нас.

Я вспомнил войско, высеченное изо льда, которое мы видели, проходя под замком Сорос.

— Я? Один? Подниму?

— Не один. Твои братья — истинные Дети Зимы — помогут тебе.

— Но как... Разве лед выстоит против танков и артиллерии?

Люс Мирсин сдержанно улыбнулся — так улыбаются дуракам.

— Помни, что находится на чаше весов, когда будешь принимать решение, — сказал он. — Как только ты согласишься, мы избавим тебя от холода. Все может кончиться в один миг. Все зависит лишь от тебя.

— А что, если я откажусь? — спросил я.

— Ты умрешь, — сказала с улыбкой девочка в белом платье и сомкнула ладошку. Свет ледяного осколка угас, и наступила тьма.

Найк не чувствовал себя хорошо. К вечеру того пасмурного дня он понял, что в сравнении с собой обычным он очень слаб. Спасало лишь то, что, в сущности, он был достаточно крепким, и все же появившаяся откуда-то отдышка и сердце, принявшееся танцевать канкан только лишь оттого, что он решил подняться со стула, привнесли в его бытие новые, не слишком приятные ощущения.

А еще что-то смутно кололо в груди, но недостаточно сильно, чтобы бить тревогу.

Так ему, по крайней мере, казалось тогда.

План Кей звучал как сумасбродство. Впрочем, другого не было.

К вечеру в дом действительно вернулся сморщенный старичок с хитрыми черными глазами и принес на горбу мешок с каким-то барахлом. Виталис оказался ветераном Войны Причин и следующей за ней гражданской войны, да к тому же радиолюбителем. В свое время он сражался на стороне магов, будучи при этом неопознанным поглощающим. Он был случайно идентифицирован, и это полностью изменило его жизнь. С тех времен у него остались связи, верность старой гильдии и кое-какие припасы, в частности — зимняя военная форма поглощающих, судя по цвету и отделке — парадная. Сохранилась она на удивление хорошо.

Из десяти комплектов удалось собрать удобоваримые костюмы для всех троих молодых магов.

— Да, это именно тот эффект, который должны внушать поглощающие, — сказала Кей, разглядывая себя в зеркале.

— И тепленько, — одобрила Ирвис.

Кей стянула волосы в тугий хвост на затылке и заплела его в косу, велев сделать то же самое Ирвис.

— А ты вот держи фуражку с кокардой и ботву свою под нее хорошенько спрячь, — наказала она Найку. — Итак, слушаем меня сюда. Говорите по минимуму. Лица должны быть строгие, просящие кирпича, презрение должно сочиться из всех щелей, маленькие дети должны при виде вас плакать и звать мамочку. Всем ясно? Ирвис, никаких улыбок! Ты теперь — черндырая сволочь, твои руки по локоть в крови невинных младенцев, сердец нам на склад не завезли, у-у! Мы нагоняем ужас и страх. Мы — стальной кулак гильдии номер пять, не знающий слова "пироженка".

— В этом берете неудобно, — признался Найк.

— Терпи! — приказала Кей и погрозила ему свернутым в баранку хлыстом.

— А мы точно не на фетишную вечеринку собрались? — переспросила Ирвис. — Эта форма без каблуков меня полнит. И... ты думаешь, это сработает на ком-то нашего возраста?

— Смотря как этого кого-то воспитывали. А что-то вроде театрального представления это и будет, — согласилась Кей. — Основное на мне. Вы же — исполняйте мои поручения

без разговоров. И, Найк, — она посмотрела на него серьезно, — будешь бить — бей. Церемониться ни к чему. Они показали свои намерения вполне четко. Они виновны. Уже. Жалость мы проявлять не можем и не должны.

Найк кивнул, хоть ему действительно не нравились ее слова. Он не знал, насколько далеко она готова пойти, но предполагать мог. А кроме прочего, он не хотел признаваться, что боится, будто бы подведет их и вся затея пойдет насмарку. Он чувствовал слабость, и оставшиеся силы, казалось, все больше уходят на борьбу с ней.

С другой стороны, это делало гримасу на его лице вполне правдоподобной.

Видимо, тот бой, который он неведомым образом выиграл, подкосил его. Как же он будет вызволять Николу, если сам?.. Он прогнал подкатывающие к горлу отчаяние и панику. Сейчас нельзя быть слабым. Не время. Жив? Жив. Так будь добр, действуй через "не могу". Будь полезен.

— Ты точно в норме? — спросила его Ирвис, пока Кей проверяла пневматические модели оружия, которыми они собрались обставить свое представление. — Какой-то ты бледный.

— Я в норме, — ответил Найк. — Немного в шоке от плана Кей. Но своего предоставить не могу. А значит...

— ...будем делать, как она говорит, — твердо сказала Ир.

Найк понимал, что они никому не обещали никаких жертв и никогда не клялись в вечной дружбе и братстве. Но так же он видел, что Кей не отступится, и, если что, пойдет за гребаным Рейнхардом, будь он трижды неладен, сама, как будто бы кроме денег и долга есть что-то еще.

"К тому же, — подумал он, — это я привез их сюда. Неплохо бы вернуть в комплекте".

Вскоре приготовления были окончены. Найк, Ирвис и Кей вышли из домика, приютившегося на краю Тасарос-Фесса, в ночь, укутанную черными облаками, пронизанную светом уличных фонарей и скрипом промерзшего наста. Позади оставался мягкий свет в окошке и укрытый тряпьем минивэн с пожитками, который девушкам удалось спасти и увести от сгоревшей гостиницы. Впереди их ожидало еще одно испытание на удачу, надобность тыкаться почти наобум, довериться случаю. Никс везло как проклятой, а им как повезет? Насколько права Берса в своих опасных умозрительных выкладках?

Найк видел дороги, переплетения путей, петли, кратчайшие тропы и сворачивал там, где надо. Он шел первым, ведя девушек за собой. Теперь этот город казался ему тройне более хмурым и мрачным. Очаги тепла, которыми представлялись желтоватые отсветы в окнах окружающих зданий, были теперь не для них. Этот город помнит сапоги настоящих поглощающих. В некоторых стенах все еще остались отверстия от попавших снарядов и кривые срезы от магических лезвий. Слишком мало времени прошло, чтобы люди могли забыть.

И вот по узким улицам шествует олицетворение ожившей памяти, но не затем, чтобы испугать народ, праздный и сонный.

У них есть одна, специальная цель, и это — личное. И от черной шкуры с чужого плеча — страшно, боязно, неуютно, но что поделать.

Все трое помнили лица сыновей Рейнхардовой тетушки Сесиль. А Виталис, старик с хитрыми черными глазами, знал, где расположен их дом.

Но вот что их ожидает внутри — не знал никто.

Когда они подобрались совсем близко, Найк увидел, что дом этот — очень старый. В

нем жили и умирали несколько десятков поколений, парадный отреставрированный фасад скрывал многовековую замшелую старину. Тысячи путей вели внутрь и наружу, путей, о которых никто не знает и не может знать.

Поэтому Найк мог сделать свое дело спокойно и уверенно, пусть и преодолевая никак не желающую покидать слабость.

Они втроем двигались молча, благодаря мягкому волшебству Ирвис не производя никакого шума. Вот улица ныряет в тоннель под лестницей, и там темно, как в гробу; а когда снова становится чуть светлей, они уже идут по полутемному коридору большого, старого трехэтажного дома, и внутри их никто не ждет.

Почти никто. У входа в комнату на втором этаже все же оказался один охранник. Он смотрел прямо перед собой, недвижимый, словно статуя в человеческий рост. Однако стоило Найку выйти в зону его прямой видимости — мужчина вскинул руку с пистолетом и прицелился ему в лоб.

— Эй, дружище, остынь, — улыбнулся Найк.

Охранник не стал вступать в диалог. Прозвучал выстрел. Найк ушел от пули легко, пусть и немного медленнее, чем мог бы — и ему задело плечо, надорвав форму и оцарапав кожу. Найк приблизился к опешившему охраннику в мгновение ока, выбивая пистолет у того из рук прикладом своего игрушечного автомата, в основе — вполне металлического и тяжелого. Второй удар, мощный, быстрый, пришелся мужчине в челюсть.

— Только попробуй вякнуть, — зашипела Кей, направив на рухнувшего на пол охранника его же подобранный пистолет.

Ирвис в это время уже справлялась с замком.

В темной комнате никого не оказалось.

Ирвис осмотрела шкафы, Найк оставался у входа. Кей, держа оружие наготове, толкнула дверь в санузел. Та со скрипом отворилась внутрь. В темноте сверкнуло лезвие.

Кто-то бросился на Кей — Найк не сразу разглядел, кто, не сразу спохватился, что делать. А вот Берса сориентировалась моментально и не стала стрелять. Послышалось ее злобное шипение и звук удара. Через две секунды все было решено: Кей заломила нападающему руку, серебряный столовый нож выпал на ковер. Одетый в одни узкие джинсы, босой, бледный, парень тяжело дышал и пытался вырваться, но отчего-то молчал, словно язык проглотил.

Они узнали его. Это был самый младший из сыновей Сесиль. Его не было в гостевом доме в тот день, когда они приехали, но он оказался весьма похож на своих четырех братьев, так что ошибки быть не могло. Как рассказал Виталис, этого парня зовут Алаис, ему девятнадцать, и все знают, что он не в себе, поэтому матушка его особо на люди не выводит. Паршивая овца, значит.

Алаис их тоже, кажется, узнал. Но ничего не сказал.

Конечно, не самый лучший улов, но искать кого-то еще из детей Сесиль — опасно. Где-то хлопнула дверь.

— Идут те, что были снаружи дома, — сказала Ирвис. — Быстрее.

Найк подавил в себе возникшую на мгновение жалость. Он помог Кей связать парню руки за спиной, и, взяв того под локоть, потянул за собой — тощего, мелкого, непохожего на других людей севера.

Алаис молчал и шел не сопротивляясь.

Найк расслышал, как ухает его собственное сердце, раззадоренное запоздавшим

адреналином.

Все, что им было нужно теперь — это проторенная дорожка и какой-нибудь удачный поворот, такой, чтобы никто не смог увидеть, как происходит волшебство.

Скорее найти такой поворот... А вот и он.

Этот дом — старый, и путей здесь более чем достаточно.

Они исчезли так же внезапно, как появились, оставив на месте Алаиса связанного охранника с затолканным в рот носком.

Они привели его в заранее найденное место нужной антуражности — затопленный горячей водой подвал заброшенного многоэтажного дома, что высится на отшибе. Усадили на специально подобранный скрипящий стул, стали светить в глаза фонарями.

Алаис жмурился, но не дрожал. Вероятно, в подвале было достаточно тепло. Судя по всему, говорить он не собирался.

Найк, тяжело привалившись к теплой широкой трубе, по которой все еще куда-то текла горячая вода, смотрел и слушал, как нагнетает атмосферу Берса. Нагнетала она хорошо. Убедительно. Он даже сам ей верил. Впрочем, возможно, он просто сам по себе был доверчивым и велся на такие представления, будучи хорошим зрителем. Вот только на Алаиса представление Берсы действовало не особо. То ли слишком молод младший сын Сесиль, чтобы впечатлиться военной формой поглощающих, то ли просто глуп. То ли не умеет бояться женщин, то ли не боится конкретно эту. То ли не верит, что она способна причинить ему вред. А способна ли?

Берса схватила юнца за светлые волосы, и он впервые поморщился.

— Куда они его повезли?

Алаис молчал. Лицо — безэмоциональное, как стена, только голубые глаза влажные, но не от слез — все же от боли.

Это просто рефлекс. Парень терпит. И, кажется, долго еще сможет терпеть.

Берса выпустила его волосы и стала щелкать костяшками пальцев:

— Ты не оставляешь мне выбора, — сказала она. — Придется портить светлый лик.

Она начала со звонкой пощечины. Развернула голову Алаиса к себе за волосы и прописала в челюсть справа. Найку показалось, что ей не пришлось решаться на это все. Она всегда готова была к тому, чтобы бить узкими острыми кулаками по безбородому лицу. Ногой в живот. Она не щадила пацана со всей его северной красотой и юной нежностью черт.

А парень держался, молчал, не позволяя себе ни стоана, ни вскрика.

Найк знал, что тощие на вид люди могут быть достаточно сильными. Конечно, массы в них мало, но силы — вполне. Найк также знал, что не все боятся боли. А кто боится — вполне умеет терпеть.

Ирвис тряслась, как лист, вместо Алаиса, и вздрагивала от каждого удара за него.

А он в свою очередь продолжал изображать из себя бесчувственный овощ и тем разъярял Катерину все больше.

— Ну что, будем ломать жизненно важные мизинцы? — наклонив голову, спросила Кей, в голосе ее kloкотала сдерживаемая буря. — Или ты ответишь мне на простой вопрос?

Алаис молчал.

Ирвис не выдержала первой.

— Кей, хватит!

Кей зыркнула на нее зверем. Ир охнула и прикрыла рот обеими руками.

Найк видел, что Кей сейчас сама — словно туго закрученная пружина. Чужая кровь, исступление, отчаянная надежда — все это завело ее на опасный край. Сейчас она правда может много больше, чем позволяет человечность. И она сделает.

И ей не будет жаль.

Она сама уже верит в свое представление.

А кости... кости — они срастаются.

Кей размахнулась снова.

Найк сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в кожу ладоней. Ирвис закрыла глаза руками.

— Кей, так чем же мы лучше их тогда? — тихо спросил Найк.

Это остановило ее. Кей посмотрела Найку в глаза.

— А мы не лучше, — сказала она. — Мне просто нужно вытащить Рейни.

Послышался глухой смешок.

Все обернулись на звук.

— Ладно, ладно, — подал голос Алаис, и по подбородку его побежала кровь. — Значит, вот оно как.

— Заговори-ил, — протянула Кей, выпрямляясь и потирая окровавленные кулаки. — И с чего это ты вдруг заговорил?

Белобрысый хлипкий юнец усмехнулся из-под свесившихся на лицо волос.

— Я давно хотел узнать, каково это. Видите ли, меня никогда особо не били. Берегли, — он сплюнул кровь. — Значит, вот оно как.

— То есть все-таки это фетишная вечеринка, — криво усмехнулась Ир. Руки она от лица отняла, но ее все еще трясло.

Найку тоже стало как-то не по себе. А ведь он пацана жалел!

— Я могу продолжить нашу увлекательную экзекуцию, — пообещала Кей.

— Погоди. Погоди, — проговорил Алаис. — Незачем. Это все... Незачем. Вы ничего не знаете. Я... я вам расскажу. Но прежде... Прежде чем говорить — я прошу... Я прошу одежды и питья.

— Питья? — переспросила Кей севшим жестким голосом.

— Алкоголя... покрепче. И я расскажу все, что знаю. Вам мало будет ответа на тот и правда простой вопрос. Совсем мало. Я... Вы думаете чего, тот охранник меня от вас защищал? — Алаис усмехнулся, улыбнулся широко, кривовато.

Найк покосился на Ирвис — она перестала дрожать, замерла, глядя на изукрашенного стараниями Кей юношу. Найк тоже посмотрел на него чуть пристальнее, пытаясь сосредоточить плывущий взгляд на лице. В итоге он слишком четко увидел зубы, окрашенные кровью, жутковато сверкнувшие, когда Алаис зашевелил разбитыми губами:

— Мы не все фанатики. Матушка в отчаянии. У меня пубертат. Я против. Я — анархист. Звезда и автомат! Да-а, и такие есть. И я все расскажу. Но для начала... я хочу выпить. Чего покрепче.

Лодка двигалась достаточно быстро, а вот скала, мимо которой они плыли, казалось, не движется вовсе — настолько огромен был морщинистый каменный бок уснувшего в морских объятиях зверя. Айра ни на миг не сомневался, что эта скала — спящий дракон, настолько древний, что кажется каменным. Но зверь не выдаст себя. Он проспит до самого конца времен. Хоть ты разыщи в каменных щелях мягкую горячую кожу и ткни его в бок — все равно не проснется.

Вздулись фиолетовые пузыри растения-симбионта, двигающего костяную лодку, и в лицо ударил ветер.

Они вышли за острый уступ, который Айра окрестил про себя "хвостом". Сразу же за ним им открылся вид на просторную бухту и раскинувшуюся на побережье деревню, белые приземистые жилые здания, острые золоченые пики храмов. Над поселением возвышалась гора, вершина которой терялась в низко висящих облаках. Гору спирально опоясали тонкие белые лестницы, собираясь вместе где-то на невидимой из-за погоды вершине. Ветивер говорил, что там находится главный храм местных богов.

Айра почувствовал на себе взгляд. Обернувшись, он прочел в глазах спутника невысказанный вопрос.

— Не знаю, — ответил Айра. — Надо подплыть ближе. Может, погулять там. Похоже. Есть что-то похожее.

— Похожее, но не то? — спросил Ветивер с усмешкой.

— Я еще не знаю.

— Сегодня мы оттуда не уплывем. Придется ночевать.

Айра кивнул. Он не особо возражал, хотя и задумывался иногда, а есть ли у него какой-то лимит времени? Был ли? Сейчас он вспомнить ничего такого не мог.

Это был уже третий подобный город на их пути. Он пах солью и рыбой, пылью и медом; этот город пропитывало волшебство. Когда они ступили на пристань, Айра почувствовал было узнавание, внутренне возликовал, боясь, конечно, снова ошибиться, но искренне надеясь оказаться правым. Они шли по шумному и людному торговому ряду, рассматривая ценники и товары, трогая руками цветные поделочные камни, шелковые платки, веера из перьев и прочую яркую, вычурную ерунду, ничего конкретного не ища. У одного из лотков Ветивер задержался чуть дольше. Айра уже знал, что это значит: его спутник и учитель нашел среди сувенирного барахла что-то по-настоящему драгоценное или магическое. В таких местах можно было случайно разыскать незамеченные местными жителями сокровища: шкатулки из кости божества, глаза гигантов, пыльцу фейри, книги одноразовых заклинаний.

Ветивер принялся торговаться, размахивая тяжелыми красными рукавами нижней рубахи. Никого здесь не смущали его острые, словно у акулы, зубы. Торговец — загорелый лопухий пузач — стоял на своем, клялся мамой и смешно коверкал слова. Ветивер картинно проклинал его за непомерную жажду наживы и просил посочувствовать бедным паломникам.

Но на его рукавах сверкала рыжеватая позолота и бисерная вышивка отменного качества. Сапоги из мягкой, хорошо прокрашенной кожи тоже не были нищенскими.

Ветиверу пришлось платить.

— И ради чего весь сыр-бор? — смеясь, спросил Айра.

Ветивер жестом фокусника выудил из рукава ажурный металлический цветок на двух

острых спицах с красными и лазурными эмалевыми лепестками.

— Что это? — Айра был в замешательстве. — Что оно может?

— О, функционал этой вещицы предельно прост и точно так же незаменим, — ответил Ветивер.

— Каков же он? — заинтересовался Айра. — Может быть, это — какое-то экзотическое оружие?

— Ну, убить и чашкой чая можно, а эти зубцы остры, — Ветивер повел неопределенно плечом. — Но нет, это не оружие. Иди-ка сюда, поближе.

Айра недоверчиво подчинился. Он, в принципе, уже привык к тому, что какой-то новый урок Ветивер может преподать совершенно внезапно, спрятав его в некой житейской ситуации и лишь затем объяснив, что к чему. Так было с бисером, так было с открытием и поиском врат. Может, Ветивер снова задумал что-то такое?

Ветивер взял его за подбородок и заставил повернуть голову. Другой рукой он воткнул только что приобретенный цветок Айре в волосы поверх завязанного на затылке хвоста.

— Вот так тебе будет спокойнее.

— Зачем это? Это же женское украшение.

— Я говорил тебе, что мелочи порою меняют все и требуют тщательности и внимания. В этом городе юноши вроде тебя ценятся очень дорого и зачастую этим развращены. Теперь ты помечен как "занятый". Так будет меньше вопросов.

Айра вспыхнул. Он прямо ощутил, как краснеют щеки и лоб. Но спорить не стал: Ветивер знает, что делает, и если ношение дамской заколки упростит перемещение по городу, то почему бы и нет.

Они двинулись дальше, и Айра, попытавшись разглядеть себя в одном из оплывших примерочных зеркал, отметил, что Ветивер был прав. Его уже сложно было назвать мальчишкой. Образ наконец сформировался и перехотел отлипнуть. Айра помнил, как в мирах, полных серого ветра, не мог нащупать своего лица. И вот он его "нашел" — запомнил, изучил и теперь нет потребности что-то менять.

Пускай это и не данное от рождения лицо, оно теперь — его.

И тут же Айра испугался, что однажды так же согласится жить в мире, который ему чужой. Однажды он совсем забудет шум того единственного моря, которое живет в его сердце, цвет солнца, отражающегося в осколках стекол искомого города, запах того лета, которое он потерял.

"Ты ищешь путь домой, и я тоже ищу дорогу в мир, который никак не могу найти, — однажды сказал Ветивер. — Ведь я обещал... Поэтому наше сотрудничество имеет смысл, раз мы оба не знаем, куда идти и оба потеряны".

Помнит ли Ветивер этот свой мир так же, как помнит Айра? Или он никогда там не был?

— Однажды я был таким же, как ты, — сказал Ветивер, когда они остановились на холме у подножия храмовой горы, чтобы обозреть город с высоты.

— Поэтому ты был со мной так строг с самого начала?

— Ты очень похож на тогдашнего меня. А я на себя тогдашнего очень зол.

— Что ты такого сделал, что даже через столько времен и мест не можешь себя простить?

Но Ветивер не ответил.

На фоне садящегося солнца кружили чайки.

Они простояли еще немного, выбирая, в каком районе города будут искать место для ночлега.

Снятая комната на третьем этаже красовалась прозрачными стеклянными потолками. Кроватей не было — в этом городе спать на высоте не принято, но весь пол устлали мягкие ковры и разноцветные лоскутные одеяла.

Хозяйка дома смотрела им вслед хитро, но Айра слишком устал, чтобы об этом шутить. Он разлегся крестом посередине комнаты и уставился в прекрасно видимое за гнутым стеклом небо, усыпанное звездами. Ветивер черным пятном подпирал стенку, ссутулившись над очередным темным томом. Он частенько читал без света. Эта его привычка немного пугала.

Ровно до тех пор, пока Айра не вспоминал о том, что у Ветивера сорок теней, он ходит между мирами несчетное количество вечностей и умеет менять обличье так же легко, как дышать. После этого привычка читать в темноте казалась совсем несущественной.

Ветивер захлопнул книгу.

— Ну что? — просто спросил он.

Айра отметил, как черное небо прошивают стежки сгорающих в атмосфере метеоров.

— Нет, — ответил Айра. — Это снова не тот город. Это снова не тот мир.

Алаис выдул лимонную спиртовую настойку, будто страдающий в пустыне — воду. Виталис, предоставивший напиток, блаженно сощурился, довольный тем, что его самодельное пойло оценили. Потом он вытаращил глаза и расхохотался: распробовавший настойку Алаис скукожился, будто сейчас вывернется наизнанку через затылок.

— Гадость какая! — поделился он.

— А ты чего хотел? — возмутилась Кей.

— Я ж не знал!

Ирвис охнула:

— Мы что, помогли дитю вырваться на свободу? И теперь оно пустилось во все тяжкие?

— Следующим пунктом потребует продажных женщин, — серьезно предположил Найк.

Алаис утер рот, шмыгнув носом, скривился:

— Вы таскали меня по морозу полуголым. Не хочу простыть.

— Это он дело говорит, — похвалил Виталис.

Они засели в той самой комнатке во времянке, где Виталис их поселил. Верхнего света во всей постройке не было (с потолка свисали пустые патроны), а тусклых настенных светильников едва хватало, чтобы разогнать тьму. Комнату наполнял полумрак. Фоном потрескивал небольшой старый радиоприемник, зачем-то принесенный Виталисом. Кроме того, он достал из своих запасов подробную карту местности — опять-таки трофейную. В крайнем левом углу карты даже стояла надпись "секретно" и штамп с логотипом поглощающих. Потрепанное на сгибах бумажное полотно пестрело красными рукописными заметками, нанесенными кем-то, у кого был совершенно неразличимый почерк.

Найк кашлянул в кулак, почувствовав свербение где-то в легких. Ощущение, сопутствующее этому, ему совсем не понравилось. Где-то внутри, за грудиной, как будто вилок поцарапали. Это встревожило. Может, стоит тоже выпить, как Алаис? Но алкоголя не хотелось — в голове и так сплошной туман, сосредоточиться на чем-то конкретном трудно.

Алаис, уже без скукоживания выпив еще лимонной настойки, вдохнул и, наконец, начал вещать:

— Ситуация, значит, такая. Вам это покажется бредом. Невероятностью. Шизофренией, возможно. Примерно как и мне. Я тоже так думаю, и за это меня отстранили от всех важных дел.

— То есть ты ничего не знаешь? — уточнила Кей.

— Нет. Я успел залезть в это все примерно по пояс. А потом мне стало дурно. Матушка, впрочем, надеется, что я еще передумаю и что я безвреден. Почти. Постольку-поскольку. Поэтому всего один охранник внутри и четверо снаружи. Кстати, как вам удалось их обойти?

— Это не должно тебя интересовать, — ответила Кей. — Продолжай.

— В общем, это все ради благой цели. Ну, как обычно оно и бывает. На восточной границе копошатся, словно опарыши, вражеские войска. Танки. Самоходные артиллерийские установки. Грузовики со снаряжением. Они прекрасны. Но войны нет. Но она будет. Но пока ее нет.

— Но почему у нас никаких новостей об этом не было? — возмутилась Ир. — Это же не

вчера началось? Со спутников же видны маневры, все такое? Почему мы ничего не знали?

— Цензура, — пожал плечами Алаис. — Не верите? Проверьте сеть.

— Пацан не врет, — протянул Виталис, — по нашим каналам уже какое-то время передают про эти маневры, но дело ясное, что дело мутное.

Ирвис обернулась к Кей:

— Ты знала?

Та ответила не сразу.

— Знала.

Найк присвистнул. Произнес:

— И зачем-то не связала это и то, что Дети Зимы хотят приручить Рейни.

— Я не знала, что сторонники Белых Королей так сильны на севере, — ответила Кей. — И связывать маневры на границе с делом Рейнхарда мне как-то в голову не пришло. К тому же, какое мне дело до не-магов и людской политики. Это не моя юрисдикция.

— А вот тут стоп, — Алаис поднял палец вверх, — с той стороны маги тоже есть. По крайней мере, согласно моим сведениям. Да-да, все думали, магов прижмут к ногтю, и больше не будут цвести опаловые венчики заклятий над разрушенными городами. Как бы ни так. И эта страна не справится. Все будет кончено быстро. За час. Если только нам не удастся возродить мощь Детей Зимы. Если только, — он понизил голос, — мы не вытащим чеку. А для этого нужна правильная кровь, и ваш-наш Рейнхард, белый принц, свою настоящесть доказал, — в глазах Алаиса начал разгораться сумасшедший огонь. — Ему никуда не деться. Он, конечно, тот еще пи...рожок. Но Вьюга говорила с ним. Его кровь чиста. Они возьмут его — возьмут и...

Алаис принялся грызть ногти, покачиваясь. Кей вздохнула глубоко и раздраженно, Ирвис перегнула брови.

— Возьмут и что? — спокойно спросил Найк.

— Они наделают из него копий, — с дурацкой улыбкой ответил Алаис. — Двадцать. Тридцать. Таких же, как он. Конечно, они будут одноразовые. Хрупкие и мягкие. Но они могут.

— Копии? — переспросила Ирвис. — Какие копии?

— Живые, один к одному, только без проклятия и полностью подконтрольные им. Биологические организмы. Сосуды. Проводники. Антенны для трансляции и передачи его истиной силы. Внедрив правильно измененные воспоминания и нужные директивы в эти копии, они создадут необходимых размеров сеть, чтобы контролировать всю неисчислимую ледяную армию.

По Алаису было видно, что сама идея ледяной армии ему нравится. Так говорят люди, которые истинно болеют чем-либо. Но в то же время Алаис казался окончательно поехавшим фанатиком — но только ли из-за манеры речи?

Найк вспомнил, когда последний раз бывал в районе той самой восточной границы. Глухие села, небольшие промышленные города, серая степь, мелкие реки. Когда там выпадает снег, все становится ровным и полностью белым. Был он там полтора года назад, проездом, и никаких волнений или предпосылок конфликта не заметил.

В груди снова заскребло, но он сдержал кашель. Вместо этого проговорил, хмурясь:

— Какая, блин, ледяная армия против востока? Это вон про тех, которых мы видели под замком Сорос? Как против танков, ракет и самолетов сработает фигурно замерзшая вода? Я все понимаю, но...

Кей хмыкнула, но отчего-то промолчала.

— Не только там спрятана северная кровь, — заговорил Алаис, поведя ладонями перед собой, будто раздвигает дверные створки. — Легионы ледяных солдат укрыли своими телами нашу землю, и вы видели их в лесах и полях, вы видели их кровь, что саваном белым укрывает вершины гор. Враг вдохнет снежную пыль, и его разорвет изнутри. И там, где пройдет снаряд, вырастет ледяной цветок. Земля вздыбится острыми холодными пиками, упадут с неба градины размером с пушечное ядро, раскрошится в щепки промерзший металл, в клочья раздерут лица и тела ледяные ветра, вопьются в глаза снежные иглы.

— И это все разнообразие им обеспечит правильно обработанный Рейнхард? — уточнила Ирвис, ежась.

— А он может? — удивился Найк.

— Судя по документам его испытания — нет, — ответила Кей. — А вот левая моя пятка говорит, что... кто знает. На что-то же эти Дети Зимы надеются. Описанное, конечно, больше походит на страшилки, оставшиеся с прошлой войны. Эти истории опираются на быль, но не стоит забывать, что тогда маги были сильнее — каждый сам по себе, и могли творить такие заклинания, на которые сейчас ни одному внутреннего ресурса не хватит, за исключением элементалистов, конечно.

— Рейни как раз элементалист, — пожалала плечами Ир. — Но, действительно, я не представляю, чтобы кто-то из ледяных мог... не физически, не морально, но... я имею в виду — я не думаю, что один ледяной элементалист может быть достаточно эффективен.

— Ну, он же говорит про копии, — напомнил Найк. — Хотя не представляю, как это может сработать. Не очень мне как-то верится в возможность сотворения, считайте, жизни из ничего.

— А теперь внимание, вопрос, — серьезно произнесла Кей. — Алаис. Вот ты красив так рассказываешь нам, что, как, куда. Зачем? Ты против, что ли? Планы матушки тебя не устраивают? Хочешь сдать свою страну? Предатель инакомыслящий, что ли? А сразу не мог сказать?

— Не знаю, — усмехнулся тот, трогая ссадину на скуле. — Как бы так объяснить половчее... — он снова хлебнул наливки. — Я не уверен, что нам угрожают с востока. Мне даже кажется... мне иногда кажется... Что может быть лучше мгновенной победоносной войны для вернувшегося на престол ставленника древнего божества? Даже не знаю... Какие-нибудь добрые чудеса? Тогда какой он король? Он не вызовет сочувствия и любви. Нет... сработать может не зависть, но сопричастность. В первом случае, работая на страну изнутри, он покажет себя филантропом, бесящимся с жиру. Будто ему доставляет удовольствие помогать кому попало, возвышаясь тем самым над страждущими. Он покажется народу бесчувственным и чуждым, как сама судьба, или мягкотелым дурачком, неудачником. Но если будет общее дело, если мы начнем восстановление утраченного, пусть кровь, так чужая ведь... Если к делу его каждый сможет примазаться с минимальными рисками и ощутить гордость, ранее невиданную — тогда да... тогда у них будет король-марионетка, в этот спектакль поверит весь мир и народ, который пойдет за ним.

— Нам нет дела до войн севера, — твердо сказала Кей. — Мы просто заберем Рейнхарда обратно и вернем все, как было.

— Мне подходит, — сказал Алаис. — Разворачивайте карту.

Виталис убрал со стола чашки и кувшин, Ирвис смахнула крошки. Найк поднялся с низкого кресла, чтобы тоже взглянуть на разложенную на столе карту. Кей подсветила

сверху фонариком и отметки стали понятней. Алаис ткнул пальцем в северо-западный край карты:

— Тут. Он не отмечен, но он есть — форт Лунный. Здесь, — Алаис провел кривую черту сверху вниз через ранее указанную точку, по блеклой пунктирной линии, — раньше проходила магическая граница — арочная такая конструкция метров двести в высоту, но ближе к форту она разрушена.

— Там были тонкие прозрачные щиты, как будто окна из мыльной воды вместо стекла, — сказал Виталис, щурясь. — Я их помню, красивые были.

— Сам форт Лунный, его наземная часть так же наполовину разрушена, — продолжил Алаис. — Ходы внутри большим счетом перегорожены естественными завалами или вручную залиты бетоном. Но кое-какие пути внутрь имеются. Сверху, на одном из оставшихся строений, расчищена вертолетная площадка и расположен смотровой пост. Остальная часть, что на поверхности — в руинах: чего не сделали люди, тем занялись тамошние ветра. Форт большой. В нем несколько подземных ярусов, жилые помещения, складские, экспериментальные залы... Сейчас там находятся некоторые из потомков белых королей и толпа их свихнувшихся фанатиков. Короче, место крайне небезопасное. И где-то там, внутри, сейчас и держат вашего-нашего Рейнхарда. Я даже думаю, что знаю, где. "Трон" ему готовили заранее — в бывшем зале собраний, посередине амфитеатра, напротив ворот. Я был там, когда туда начали заносить механизмы и устанавливать водные компрессоры.

Найк, слушая Алаиса, смотрел на карту и понимал: что-то не так. Ладно, неотмеченный форт. Местность вполне позволяла ему там быть. Вот магическая граница, проведенная пунктиром... Нет, Алаис вряд ли врет насчет Лунного. Но сам этот невидимый форт — что с ним не так? Найк нашел взглядом ближайшую к форту деревню, проследил, куда от нее идет линия железной дороги. Протянул руку и пальцами измерил примерное расстояние от деревеньки до форта.

— А что эта толпа, которая сейчас живет в Лунном, ест? — поинтересовалась Кей. — Как организована поставка материалов для тех же экспериментов? Форт-то посреди заснеженной пустоши, магическая граница разрушена, ближайшая деревня...

— На расстоянии восьмидесяти километров от форта, — за нее произнес Найк. — А дорог к форту нет. Если он еще довоенный, то на этой карте должны быть отмечены дороги к нему...

— Все так, — подтвердил Алаис. — Никто туда поверху не ездит, хотя и можно было бы... да незачем. Из Тасарос-Фесса в Лунный ходит подземный экспресс, также он соединяет Тасарос-Фесс и замок Сорос. Правда, это направление уже многие годы не обслуживается. Раньше это был такой себе путевой треугольник, но сейчас экспресс движется только между Лунным и Тасарос-Фессом.

— И как он ходит? — напряженно спросила Кей. — Сколько времени занимает путь?

— Три часа. Движение — полностью автоматическое, контролируется из форта.

— Хорошо, — она кивнула. — Предположим, вот ты такой красивый хочешь проехаться к матушке в форт. Что ты для этого сделаешь?

— Спустишь на станцию. Если экспресс здесь, зайду в пассажирский вагон, дождусь отправления.

— И как они поймут, что ты не злостный шпион-супостат?

— Видеонаблюдение в вагоне и на перроне, три поста с охраной, возможность пустить внутрь вагона газ, — спокойно перечислил Алаис.

— Прекраснота-то какая, — Кей сложила руки на груди. — То есть экспресс отпадает.

— Может, мы сможем как-то по-хитрому проникнуть на станцию, минуя охрану? — предположила Ирвис. — И спрятаться в одном из грузовых вагонов.

— Найк? — Кей подняла взгляд на него.

— Надо на месте посмотреть, — ответил он. — К сожалению, издалека и по карте я не особо работаю. То есть не работаю вообще.

— Там халтурщиков не держат, — покачал головой Алаис. — Вряд ли вам удастся спрятаться в грузовом отсеке. Вагоны проверяют тщательно, два раза и с собаками.

— А что, если напрямую по земле? — спросила Кей. — Найк, минивэн там проедет?

Он пожал плечами:

— Без понятия.

— С другой стороны, это нам придется подъезжать к форту, а вдруг забуксуем? А там вышка с дозорными... начнут стрелять... положат всех нахрен, — Кей продолжила размышлять вслух. — А если не на минивэне, а на чем-то скоростном, чтобы пройти рывком?

— Где мы возьмем что-то такое? — усомнился Найк. — Памятник-танк украдем? Так это как минимум механик нужен, да и остановят нас еще до выезда из города.

— Воровать танки — это совсем уже, — покачала головой Кей.

— У памятников ходовая часть демонтирована, — отметил Виталис. — Как раз на случай чего-то подобного.

— Может, тогда нам поможет классика вроде чего-то, замаскированного под что-то, а внутри мы? — предположила Ирвис. — И экспрессом.

— Под что? — спросила Кей.

— Не знаю... — протянула Ир. — Хм, ну... например, под заложников! Пускай Алаис сделает вид, что поймал нас, и конвоирует к матушке.

— Повяжут всех вчетвером, — без энтузиазма откликнулся Алаис. — Матушка не так глупа, она знает о том, как я принципиален.

— Ну, зато мы будем уже там, — предположила Ирвис.

— Не факт. Смысл им везти нас в форт? — Кей покачала головой.

— Потому что мы будем уже на поезде? — продолжила Ир.

— И упекут вас в камеры со всеми потрохами, да применят антимагические кандалы, — с улыбкой проговорил Алаис.

— Нас уже пробовали повязать, но мы сумели выбраться. Плюс, я думаю, пожар был не просто так. Думаю, его могли подстроить друзья или сообщники наших милейших чтецов, — поделилась Кей. Потом она будто просветлела: — А скажите мне, Алаис и Виталис... Тут у вас нигде... каких-нибудь черных механических коней... не запрятано? Ну, знаете, что-нибудь вроде оставшейся с войны старинной магической техники...

Оба отрицательно покачали головами.

Кей разочарованно цыкнула. Ирвис устало подперла голову рукой, продолжая рассматривать карту.

Найк обошел стол с другой стороны, вчитываясь в названия мелких поселков, дорог и речушек. Снова закашлялся, на этот раз не сдержавшись. В глазах на секунду потемнело. Упершись руками на стол, он внимательно уставился на карту, пытаясь представить себе всю эту местность, будто бы он видит ее на самом деле.

— Скоро рассвет, — произнесла Кей, нарушив затянувшуюся тишину. — А плана у нас

нет как нет.

— Да уж, задачка у вас не простая, — Виталис глянул в окно. — Лунный и в войну-то не взяли ни разу. А сегодня обещали метель, кстати.

— Час от часу не легче, — Кей вздохнула. — Найк, ну что? Видишь чего? Как вообще эта твоя фишка работает? Как мы пробрались в дом к Алаису? И почему, будь она неладна, она работает на меня тоже?

— Знать не знаю.

— Мы можем так же где-нибудь свернуть и оказаться уже внутри форта?

Найк отрицательно покачал головой:

— Я никогда не был в Лунном.

— В их доме ты тоже не был.

— Дом я видел своими глазами. Форт даже на карте не отмечен. Кстати, а в сети фотографии с ним есть? — он поднял взгляд на Алаиса.

— Нет. Все подчищают.

— Они контролируют сеть? — удивилась Ирвис.

— Пытаются, — уклончиво ответил Алаис. — Иногда выходит. Там вообще... много кто замешан. Среди фанатиков маги всех гильдий, правительственные шишки, поглощающие даже.

— Могли ли Эль-Марко и компанию задержать на границе из-за этого? — спросила Ирвис.

— Вполне, — кивнула Кей. — Раз все настолько плохо...

Все замолчали. Виталис искал какую-то волну, подкручивая настройки на своем тихо шипящем радио. Найк пытался осознать положение вещей и найти в нем ранее не замеченную лазейку.

Не может этот форт быть совершенно неприступным.

Такого не бывает.

Просто они думают в каком-то не том направлении.

— Алаис, а какова высота форта? — спросил Найк.

— Ну... — тот замешкался. — Метров сто.

— Предлагаешь залезть на него, как альпинисты? — спросила Кей.

— Даже если бы кто-то из нас умел лазать по скалам и зданиям, это не решило бы вопроса, как подобраться к форту и не быть расстрелянным охраной со смотровой вышки, — попытожил Найк и снова закашлялся, прикрывая рот рукой.

В этот раз его знатно потрянуло, скребущий сухой кашель, кажется, решил вырвать из нутра самую душу. Найк отставил руку ото рта и обомлел.

— Ох ты ж, — произнесла Ирвис.

Найк взглянул на карту, по которой разбрызгалась кровь, и на свою руку, тоже окровавленную, и ему поплохело. Подкосились ноги, накатила холодная тошнота.

— Это я? — выдавил он. — Да что ж такое... — он вытер запястьем губы, на которых тоже оказалась кровь.

— Совсем с дуба упал, — поднялась Кей, яростно сверкая глазами, — в постель! Быстро! Ты почему не сказал, что тебе плохо? Виталис! Вызывайте врача!

— Да я живой! — попытался спорить Найк, и тут же новый приступ кашля согнул его напополам.

— Живой он! Быстро ложись! — настойчиво повторила Кей.

Ирвис потянула Найка за локоть, мол, давай, иди в кровать. Впрочем, упрашивать долго не пришлось: тело само с радостью приняло горизонтальное положение. Найк снова закашлялся — уже в какое-то кухонное полотенце, подсунутое Ирвис.

— Да может, оно само пройдет, — попытался протестовать он. — Смотрите! Больше крови нет!

Найку было сложно уследить за начавшейся в домике суматохой: все ускорило, люди носились туда-сюда, как размытые призраки.

Что же они делают. Почему они перестали искать решение? Он бы потерпел... Да, кровавый кашель — хреново, но такое ведь не убивает за день? И он ведь держался все это время... Как же они без него попадут внутрь форта? Да и с ним... вообще, как?..

Будто земля ушла из-под ног, все стремительно рушилось, планы, надежды. Найк разозлился, попытался встать.

— Лежи, — ему надавали на плечо. — Надо было, как я, вовремя пить, — ласково проговорил Алаис, оказавшийся вдруг у его постели. Он раздвинул потрескавшиеся губы в жутковатой улыбке и всунул Найку в руки стакан лимонной наливки, а рядом поставил еще чайник чаю.

Найк осушил наливку, скривился, встряхнул головой.

— Алло, Валерия Себастьяновна? Да, это снова мы, — звонил куда-то Виталис. — Вь тут кое-что пропустили у нашего гостя с юга. Да, требуется срочная помощь. Выезжайте немедленно, за такси заплатим. Ага, они нежные, тепличные! Но люди-то неплохие!

По жилам растеклось тепло, тело расслабилось. Копошение людей в комнате на секунду замедлилось. Он увидел, как Ирвис забирается на табуретку и, сверкая плотными шерстяными колготами под короткой юбкой, вкручивает в патрон лампочку.

— Я врач, не волнуйтесь, — говорит нежным негромким голосом женщина с гладким лицом. Ее возраст невозможно определить. Найк переключается на нее, чувствуя, что влажная тряпка на лбу уже совсем горячая и потихоньку высыхает. — У вас переохлаждение, на этом фоне у вас внутри завелся зловещий черный демон зла, и он сжирает вас изнутри.

Найк смеется: кажется, это сон проникает в реальность. Кашляет тут же. Врач такого не говорила. Она говорит...

— ...это не смертельно, просто вам нужна госпитализация.

— Какая госпитализация, — говорит Найк, — мне нельзя. У меня... мы же так и не решили, как пробраться в...

— Кушай сиропчик, — Ирвис затыкает ему рот ложкой со сладко-горькой субстанцией.

— Но как же... Как же я спасу Ни...

Ирвис снова затыкает ему рот ложкой с сиропом.

Размытый силуэт Кей: она говорит с врачом.

— Точно частная клиника? Смотрите, мы платим деньги, а вы храните врачебную тайну. А если нет, мы...

Она чем-то там угрожает, врач ее успокаивает, профессионально улыбается. Видно, как за окном проносятся снега. Небо над городом отчего-то совсем белое. Ирвис держит его за руку, и в этом жесте — целая пропасть тепла и сочувствия. Найк начинает вспоминать, как дошел до жизни такой. Сам виноват. Сам дурак.

— Это, наверное, я зря купался в том храме. Потом на улицу без куртки выскочил...

— А потом еще валялся фиг знает сколько на морозе в отключке, — говорит Ирвис. — А ворожея-то проглядела, а мы не заметили, а сам смолчал.

— Мошенники они все, — говорит Кей, скривив рот. У нее обыкновенные серо-зеленые глаза, брови нахмурены. Она присаживается на край постели. Тонкими пальцами убирает ему со лба налипшие пряди.

— Не волнуйся, бегемотик. Ирвис за тобой присмотрит.

— А ты? — голос его слаб и низок. — А как же... форт? Рин?

— Если дороги нет, — медленно говорит Кей и улыбается, горько так, краем рта, — ее нужно сделать, — потом молчит. Добавляет: — Проложить.

Никс нащупала руками пол — покатый, будто бы восковой. Поднялась, оглянулась. С удивлением обнаружила, что находится внутри полый сферы, поверхность которой тускло светится. Выхода нигде не наблюдалось.

Сразу же в голове возникли кадры из фильмов, где герои задохались в замкнутом пространстве. Быстрый взгляд на свои руки — черные. Ага, значит, снова морок. Снова сон. Задохаться, скорее всего, не придется, если она тут, конечно, не во плоти. Но где, спрашивается, головокружительная свобода здешних небес с их островами, китами и Фантасубвеструмом? Что за белый кокон?

Никс заставила себя не паниковать. Пока что ничего катастрофического не происходит. Сейчас нужно понять, где именно она находится и сможет ли выбраться отсюда.

Она сделала пару шагов, забираясь по наклонной. Когда стена стала отвесной, Никс оглянулась. На дне ее странной темницы ничего не было — ровная вогнутая поверхность.

А ведь так хотелось обнаружить там внезапно возникший люк, например. Но нет.

— Да сколько можно? — гневно воскликнула Никс. — Когда это все прекратится?

В голове промелькнули яркими вспышками события, предшествующие этому сну.

Вот ей угрожают приставленным к горлу стволом; вот волоком втаскивают в темное нутро грузовика; она обжигает руки слишком нахальному похитителю, пинает в ногу другого, оба шипят от боли и отвлекаются, но человек в сером ловко хватает ее за загривок, и в голове все озаряется белым; Никс проваливается в тревожное небытие. Затем наступает утро, по крайней мере, так кажется. В белой комнате стены обиты чем-то мягким, Никс обнаруживает себя прикованной к полу цепью. В маленькое зарешеченное окошко вверху двери заглядывают чьи-то глаза, синие, любопытные. Никс, почти обезумев от страха и ярости, пытается расплавить металл, но он не поддается. Цепь и скоба на ноге сработаны из вольфрама. Мигает красным табличка. В комнату вбегают люди в защитных костюмах, с ними — двое врачей, судя по халатам. Женщина что-то говорит Никс сладким монотонным голосом, пытается успокоить. Мужчина суров, он молчит, не подходит близко.

Никс дергается, безуспешно пытаясь расплавить и порвать цепь. Та нагревается, но обивку стен не жжет. Никс тщетно пробует применить в одной точке всю имеющуюся силу — впустую. Двое в халатах уходят. Люди в защитных костюмах тоже. В комнату начинает просачиваться газ, Никс успевает понять, что дело — дрянь, по ее лицу катятся слезы от осознания собственной беспомощности. Последнее, что она запоминает — те ярко-синие глаза в прорези окошка.

Заснув, она оказалась снова в Мире Снов. Вот он — герметичный пустой шар.

От ярости хотелось колотить кулаками в стены, но осуществить это было бы проблематично: помещение-то сферообразное. Никс снова огляделась. Снова попробовала призвать магию, и тут же в руке ее воплотился, сооткался из светящихся нитей огненный

клинок, имеющий теперь длинное волнистое лезвие и удобную рукоять.

— Теперь-то меня никто не остановит, — зло проговорила она, перехватывая оружие двумя руками. — Морок, ты или выпускаешь меня отсюда, или пеняй на себя!

Никс отошла на несколько шагов назад, сжалась, как пружина, и прыгнула вперед, занеся меч над головой. Удар, словно росчерк пера — и по белой стене прошла царапина.

— Ага! — воскликнула Никс и, размахнувшись, ударила снова, крест-накрест.

Клинок отскочил, Никс не удержала равновесия и упала назад. Поднявшись, она увидела, что в царапине на белой стене набухают темные блестящие капли. В следующий миг оттуда хлынуло что-то густое и красное. Жижка вытекала толчками, все больше и больше.

— Кровь? — ошалело пробормотала Никс.

Без разницы. Если эта субстанция заполнит всю сферу, Никс попросту нечем будет дышать.

Успокоить себя тем, что это морок, не получилось. Мозг не верил в ненастоящность происходящего. Никс, подобравшись, бросилась к кровоточащему разлому и попыталась заткнуть его руками. Это помогало слабо, поэтому она оторвала кусок черного одеяния и стала затыкать им.

Сколько там этой крови? Что, если это живой организм? Утроба? Аллюзия рождения? Значит, нужно не затыкать, а рубить еще! Или нет?

Делать-то что?

Какой тут вариант — правильный?

Все насквозь пропиталось алым цветом, белые стены покрылись бордовыми кляксами. На черных руках красного видно не было, но Никс все равно ощущала себя по уши в чьей-то крови.

Бесполезно. Заткнуть этот разлом не выйдет. Крови натекло, кажется, по щиколотку. Она холодная, как морская вода, и вязкая, как сироп.

Внезапно где-то словно закрыли кран — жидкость перестала прибывать.

Никс недоверчиво глядела на произведенный ею разлом. Красный выцветал на глазах, словно впитывался в белую стену. Царапины зарастали, как рана в ускоренной съемке.

Никс сделала шаг назад. В тот же миг сзади что-то булькнуло. Она тотчас же обернулась. Вытекшая из разлома субстанция скопилась в центре сферы, ведя себя как-то странно, не так, как положено жидкостям. Субстанция отекла от ног Николы, концентрируясь внизу, странно выгибаясь посередине. Поверхность лужицы пошла рябью. Рябь превратилась в волны, те же вздыбились, надуваясь и вытягиваясь.

Никс, сглотнув, попятилась, выставляя огненный клинок перед собой. Она уперлась в стену — рука прошла по восковой поверхности.

В центре сферы стала отчетливо видна человекоподобная фигура.

Темный силуэт распростер руки, кровавые капли соткались в плащ. В просвете черной ткани мелькнуло голое тело — белое, исчерченное красными татуировками.

— Керри! — воскликнула Никс, опуская оружие.

— Мне радостно видеть тебя, — ответил Кровавый Рассвет. Его тонкие красные губы сложились в улыбку. — Непросто было найти путь к тебе.

— Что происходит? — тут же спросила Никс, подойдя к нему ближе.

— Кто-то проник в морок и попытался спрятать тебя, — Керри слегка поклонился.

— Они и такое могут? — Никс нахмурилась. — Меня поймали какие-то люди, посадили в камеру, потом запустили газ. Это что же выходит... я, что ли, не сплю? Я без сознания?

— Ясно, — Керри кивнул. — Это значит, что мне тебя не изгнать.

— Вот это приехали. То есть меня спрятали? В этой сфере? Что это? Кому-то подвластен морок? Кому-то, кроме тебя? Мне удалось рассечь стенку, и ты...

— Мне неизвестно, кто и что сотворил с тобой. Но я знаю, что должен сделать я. Осталась последняя капля.

— Керри, ну слушай, давай без этого? — устало попросила Никс. — Что опять ты такое рассказываешь?

Керри тоже сделал шаг вперед, вскинул голову:

— Пламенный клинок отведал крови твоей, дева огня. Он испил крови переменившегося, алчного и злого. Остался лишь я один. Пронзи же меня клинком цвета солнца, и тогда ты обрешь силу, способную резать ткань сна, из которой сплетен этот мир.

Никс не сразу поняла, что это она такое сейчас услышала. Резать... ткань сна? Клинок? Испивший крови ее, еще кого-то... он имеет в виду Оливера, тогда, на берегу Края Мира? И теперь надо еще крови его, Керри... Но откуда он все это взял?

— Ты заранее знал об этом, с самого начала? — спросила она, шурясь, и потихоньку начиная закипать. — А сразу нельзя было это сделать? При первой же встрече?

— Я не хозяин себе, — Керри склонил голову, — знание это открылось мне лишь сейчас. Я — покорный слуга...

— Да что стобой, блин, не так? — взорвалась Никс. — Ты сам-то себе веришь? Ты же... создание, наделенная силой, умом, добротой, в конце концов! С хрена ли ты себе не хозяин? Не хозяин — так стань хозяином! Как ты можешь так жить? Ты же на котят смотрел тогда, в Тасарос-Фессе! От Тихомира отстал — значит, у тебя есть свои желания! Ты же любишь котят? Отвечай!

Керри опешил. Он молчал какое-то время, будто бы не мог произнести само слово "котята".

Наконец, не поднимая головы, он спросил:

— Ты про тех пушистых существ с круглыми животами?

— Да, — яростно кивнула Никс.

— Что же, они милы мне... — ответил Керри, отводя взгляд.

— Это чувство тебе тоже кто-то свыше внушил? — спросила Никс. — Эта твоя Вьюга? Или чье ты там дитя? Нашедшего Путь? Кто он? Кто твой хозяин? Назови имя!

Керри молчал.

— Не знаешь?

— Я...

— Когда ты в последний раз видел этого своего хозяина?

— Я... Никогда... Не видел его, — ответил Керри смиренно. — Но, огненная дева, сейчас не время...

— Сейчас самое время разобраться в этом всем бреде, — все еще зло проговорила Никс. — Хозяин морока — Кровавый Рассвет! — в чьей голове в нужный момент возникают знания. Значит, они там все есть? Ты знаешь все, но это все сокрыто от тебя? Тебя это не бесит? Ведь все могло бы пойти совсем по-другому с самого начала!

Керри молчал, лицо его выглядело безэмоциональным.

— Что ты предлагаешь взамен повиновения? — спросил он, подняв на Николу взгляд.

— Не знаю! Но знаю, что я бы на твоём месте по мере возможности искала правду. Кто ты, откуда ты? Кто твой хозяин? Почему ты не можешь быть своим собственным? Что еще у

тебя в голове такого, о чем ты не знаешь?

— Но разве вы, люди, не ищете своего хозяина без какого-либо успеха? — спросил Керри.

— Может, это потому что мы и есть — люди? — парировала Никс. — Свои собственные!

Керри покачал головой:

— Бунт означает смерть.

— Ага! То есть на самом деле морок прекрасно обойдется без тебя? — она наклонила голову вбок. — Так нужен ли ты мороку, или морок нужен тебе?

— Отчаяние в голосе твоём, — Керри прикрыл глаза. — Страшны вопросы твои и опасны мысли.

— Жить вообще означает когда-нибудь умереть, — буркнула Никс. — Тьфу, банальщина какая.

— Если я преступлю правила и отрину свой долг — что станет с теми, кто переменится? — снова взглянул на нее Керри. — Что, если пришедшие во плоти вынесут в земли исхода все сокровища Мира Снов? Кто будет прогонять их от расщелин между мирами, кто уберезет их от опасностей испорченных внешних миров?

— Если морок тебя породил — породит еще. Если ты здесь как сторожевая собака, по воле чужой — не все ли равно, что случится со всем, что ты перечислил? А если ты все еще в самом деле не знаешь, зачем именно нужен? Разве можно служить только потому, что должен? И вообще, зачем ты пришел сюда за мной? Кто тебе приказал?

Керри ничего ей не ответил.

Он провел ладонью по лезвию, придерживая его другой рукой, и алая кровь запузырлась, впитываясь в огненное тело клинка.

— Я иду против воли отца, подчинившись тем, кто мудрее его, — произнес Керри. — Я не способен пока сам решать за себя. Но я обещаю: я буду пытаться. А ты... Теперь ты способна свершить предначертанное. Все дороги ведут туда. Ты не сможешь обойти свою судьбу.

Никс подняла перед собой лезвие, уже начавшее слегка меняться.

— И что я теперь с этим могу?

Керри повел ладонью, отступая и снова кланяясь:

— Испытай же силу солнечного клинка.

Никс отвернулась от Керри, примерилась к гладкой поверхности сферы. Рассекла воздух для пробы — пламенный клинок прочертил светящуюся линию, свет хлынул вперед, умножаясь стократ, впиваясь в белую восковую стену, прорезая ее, словно масло. Полетели куски камня и пыль.

— Ну ничего себе!

Никс взмахнула клинком еще раз, наискось, продвигаясь вперед.

Снова вспыхнул свет, и пламенное лезвие, не касаясь, располосовало стену наискось, ударная сила одновременно вытолкнула часть стены куда-то вовне.

— Вот это да! — когда пыль улеглась, Никс подошла к развороченному краю, ногой расшатала и столкнула в разверзшуюся перед ней пропасть камень. Керри подошел к дымящемуся разлому, встал рядом.

Они снова смотрели на бескрайнее небо морока.

— Ладно, — проговорила Никс, невесело улыбаясь. — Вот мне и свобода. И что с ней

такой теперь делать? Обратно выбраться-то я все равно не смогу.

— Ты можешь попытаться освободить других, — произнес Керри.

— Кого — других? — спросила Никс озадаченно.

Керри вместо ответа подал ей руку:

— Держись.

— Э-эй, куда? Опять летать?

— Верь мне.

Она сжала его тонкие пальцы, решив довериться. Пока что этот чокнутый красноволосый не подводил. Керри же взобрался на камни в разломе, подождал, пока Никс окажется рядом и произнес:

— Делаем первый шаг.

Они ступили в бездну одновременно. Теплый воздух объял их, прекратив какое-либо падение, и они, словно застывшие в сиропе мушки, поплыли вниз медленно, как плывут по небу облака.

— Смотри назад, — сказал Керри.

Никс обернулась на свою прошлую тюрьму. Оказалось, что в синеве неба застыло что-то вроде гигантской виноградной грозди, выросшей на огромном изогнутом корне, что простирается бесконечно вниз и вверх. Скопления белых матовых сфер опоясывали этот корень тут и там.

— Что это? Неужели я вижу... — Никс нахмурилась.

— Точно. Кажется, почти в каждой из ягод — пленник. Я чую их. Но я не могу пробраться к ним, чтобы изгнать.

— Они были тут всегда?

— Нет. Эта лоза выросла здесь не так давно, и она по ощущениям похожа на то, из чего сотканы Антарг и Фантасубвеструм. Я чую присутствие древней исходной магии. Сейчас вы на такое, кажется, уже не способны.

— Ладно, — сказала Никс, поправляя подол, — давай узнаем, что это такое, и кого еще, кроме меня, решили упрятать в эту тюрьму.

— Ты не боишься истинных преступников?

— Боюсь или нет — это уже не имеет значения. Может быть, мне удастся узнать, зачем я здесь и почему, и как я могу выбраться.

Керри взмахнул "крылом" — и их парение изменило вектор. Они плавно поплыли в сторону огромной лозы.

Кей, усевшись на снег, отстегнула лыжи.

Вокруг завывала вьюга, не видно было ни зги. Единственным ориентиром оказалась одна из гигантских опор старой магической границы, и не так уж важно, какая именно. Главное, Кей сумела добраться до этой части древнего акведука.

Позади осталась деревушка, в которую она доехала электричкой, и сорок километров снегов.

Тело ныло и требовало срочного отдыха. Впрочем, ныть оно начало еще в самом начале, и Кей уже перестала особо прислушиваться к ощущениям. Она понимала, что в таком физическом состоянии рассеяна и беззащитна. Но делать нечего.

Кей сунула руку в рюкзак и достала оттуда шоколадный батончик. Опора магического акведука защищала ее от промозглого ветра, так что она смогла снять ненадолго перчатки и развернуть фольгу дрожащими пальцами. Кей вгрызлась зубами в твердый от холода шоколад и принялась иступленно жевать. Вскоре во рту растеклась блаженная сладость и мир вокруг стал чуточку менее бесцветным. Кей позволила себе немного расслабиться и вдумчиво дожевать шоколадку.

"Так, эту я съем тут, а следующую — когда проберусь внутрь", — клятвенно пообещала она себе.

Кей снова надела перчатки, порылась в рюкзаке и вытащила оттуда веревку и крюк. Закинув рюкзак за спину, она принялась обходить опору акведука по периметру.

Где же тут путь вверх? Как-то же туда должны были забираться.

Впрочем, могло случиться и так, что на магическую границу пути нормального не будет и придется лезть как попало. Люди севера, при всей своей былинной суровости, суеверны, и даже теперь, когда магическая граница уже тридцать лет как разрушена, ее побаиваются, а количество мифов и сказок вокруг нее только растет. Иначе и быть не может — этот мост в небо извечно маячит на горизонте Тасарос-Фесса, непокорный ветрам и стуже. Однажды разгромленный, он теперь напоминает хребет какой-то гигантской змеи без головы. Заплутавший между опорами ветер вытягивает жутковатую мелодию, словно где-то воет сокрытый от взора неведомый хищник, и вряд ли к этой песне можно привыкнуть.

Но люди боятся другого. Они боятся, что их сожрут измененные магией ледяные соры, ненасытные, тихие, быстрые. Или они сами, коснувшись камней магической границы, превратятся во что-то жуткое, а то и умрут в одночасье.

Кей не боялась магии, но побаивалась настоящих волков, которых мельком видела пару раз по пути сюда. Звери, впрочем, оставили ее без внимания. Тем лучше и для нее, и для зверей.

Идея пройти по границе показалась Алаису и Виталису, коренным северянам, настолько безумной, что они волей-неволей признали, что это может сработать. И вот теперь осталось всего ничего — осуществить план.

Кей почти закончила обходить опору по кругу и наконец увидела с подветренной ее стороны, на высоте метров этак пятнадцати, сохранившиеся металлические кольца — поручни технической лестницы. Хорошенько раскрутив крюк, она закинула его вверх.

— Вот блин!

Крюк отлетел на снег. Кей подбежала к нему, подняла, отряхнула, стала пробовать снова. С третьего раза удалось попасть и зацепиться.

Кей потянула за веревку, проверяя надежность крепления. Осталась довольной. Заткнув толстые лыжные перчатки за пазуху, она защелкнула все нужные карабины, взялась за веревку голыми руками и полезла вверх, упираясь в стену ногами. Руки, в отличие от ног, устали меньше, но все равно дрожали от напряжения и ледяного ветра.

Кей, ругаясь под нос, тяжелым рывком вбросила себя на обнаружившуюся возле лестницы платформу, невидимую снизу. Полежала на ней немного, уткнувшись взглядом в серый камень. Выдохнув, подобралась, спрятала веревку с крюком обратно в рюкзак, снова надела перчатки и подняла взгляд вверх, на уходящую ввысь лестницу.

Так, ну хорошо. По крайней мере, этот металл еще так же крепок, как камень. Это значит, он ее выдержит. Выдержит ли она — Кей предпочла не задумываться.

Перевалившись с платформы на лестницу, она полезла вверх, стараясь не смотреть вниз. Она боялась высоты ровно как большинство, ни больше, ни меньше, но все-таки предпочитала иметь поменьше дел с пропастями и безднами.

Гудящий вокруг ветер забивал снег под капюшон, проникал под шарф. Где-то посередине лестницы Кей остановилась, чтобы все-таки взглянуть вниз. Она увидела только мечущиеся потоки снега, а между ними — полупрозрачную темную землю под основанием опоры. Голова закружилась. Кей тут же вцепилась в лестницу сильнее и решила до самого конца смотреть только вверх.

Последние несколько метров дались особенно тяжело, ведь руки уже совсем устали, тело молило о пощаде, разум подпевал ему, будто нет у них никакого инстинкта самосохранения. Кей отмахнулась мысленно от идеи о таком желанном и легком суициде, который поможет покончить со всем и сразу, и вытащила себя на самый верх. Перевернулась на спину, уставилась в серое небо, пытаясь отдышаться.

Дыхание пришло в норму — но это не значит, что надо останавливаться. Кей приподнялась, потом села. Обозрела то, что из себя представляет верхняя грань магического акведука: словно разрезанная надвое труба, вогнутая поверхность, по которой раньше курсировал незамерзающий золотунный раствор, убегает куда-то вдаль, теряясь в жемчужной мгле. Из-за высотности и небольшой ширины снега здесь не так уж много — очевидно, он тут не задерживается. Кое-где по бортикам проглядывают синие, лазурные, зеленоватые скульптуры, покрытые эмалевыми изразцами со следами древних магических формул. Веет холодом, тревогой и, едва слышно, старым, перемешавшимся в какой-то нераспознаваемый сплав, волшебством.

Кей поднялась на ноги, вытащила из кармана компас. Стрелка беспорядочно вертелась, чем ничуть не удивила Кей. Она сжала компас в двух руках и выпила из него накопленную за время восхождения магическую энергию. Отведя ту ладонь, что сверху, Кей успела определить, где север на самом деле. В следующую же секунду стрелка резко дернулась и поползла сначала налево, потом направо, замерла на миг и снова принялась хаотически кружиться.

Кей уже спрятала компас обратно. Значит, не так уж зря местные боятся этого места. Пожалуй, прогулки тут действительно могут сослужить не лучшую службу незадачливому смельчаку.

Впрочем, ей все равно надо спешить. Все еще существует возможность быть на месте до заката, а когда настанут сумерки, осуществить свой коварный план.

Кей поправила рюкзачные лямки, перестегнула ворот пуховика и двинулась в северном направлении.

В отличие от компаса, заставить часы показывать точное время ей не удалось. Стрелки не собирались сами по себе возвращаться в правильное положение. Поэтому Кей шла, стараясь держать ритм и пытаясь считать пройденные опоры магической границы, чтобы хоть как-то определять преодоленное расстояние. Но, сбившись несколько раз, она бросила их считать.

Чем ближе она была к цели, тем сильнее сжимались кулаки. Кей не знала, что именно ждет ее на подступах к форту и внутри него. Ее план кончался ровно там, где она проникает в само здание — дальше она должна будет действовать по обстоятельствам.

Ей предстояло дело из тех, что всякий раз — словно подвиг. Ты вроде бы и не в таких передрыгах бывал (хотя, тут лукавить не стоит — этот форт и вся эта история все же из ряда вон), а все равно не применишь к ситуации какой-то универсальной стратегии. А прошлый опыт — поможет ли? Не узнаешь, пока не попробуешь.

Что может сделать один человек против целой организации?

А чем лучше была бы вся честная компания, заявившаяся в форт? А как иначе? Штурмом его брать? В лоб? Нет. Вариантов, конечно, много. Но, при прочих равных, вполне вероятно, что один человек как раз таки справится лучше. Или сгинет. Пятьдесят на пятьдесят.

Тем более, чем меньше народу — тем меньше моральных проблем и шире возможности.

Уходя, Кей сказала оставшимся, что, если все будет выглядеть безнадежно, она вернется.

Про себя Кей решила, что попробует в любом случае.

Самый тяжелый вопрос — время. Пока они собираются, думают, отвозят горемычного Тиху-Найка — или как он там себя еще придумал называть — в больницу, пока собирают все нужное, пока выжидают погоды — никто не знает, что творится с Рейнхардом. Может, там уже и нечего спасать.

А даже если так, Кей зашла уже слишком далеко. Не время думать о том, зачем все это. Конечно, можно попробовать разграничить наконец у себя в голове понятия "долг" и "призвание". Но это все — слишком высокие слова. Личная причина может быть ниже, но важнее. И никто не узнает ее, если о ней не говорить.

Кей хмыкнула про себя, вспомнив тот сон, что про черную полумеханическую тварь и другой, где ей виделись голые разгоряченные тела, сплетающиеся страстно — кажется, ни одному из них не суждено осуществиться. В форт она идет на своих двоих, и никаких уловок. Ну, кроме одной, но это позже. Сейчас важно то, что ущербный недомаг успешно движется по гребню магической границы. Тут у обычного человека наверняка бы давно уже шарики за ролики заехали от страха и, возможно, остатков волшебства.

Впрочем, Кей сама недалеко от того, чтобы на фоне этого всего свихнуться — вокруг только белое небо, впереди сплошная полоса пути, ветер воет, как будто скулит от боли, быстро заметая оставленные Кей следы.

Из-за метели конец акведука возник совершенно внезапно. Граница прервалась, будто этот ее изломанный край — след от зубов великана.

Завывание ветра усилилось, словно потоки воздуха здесь трутся о неровный камень и выбивают из него мелодию особенно рьяно.

— Что ж, дальше дороги назад уже не будет, — произнесла Кей, обращаясь к себе

самой.

Ей все еще не было холодно — белый пуховик и шапка помогли удержать тепло, но это пока. Если она останется здесь дольше, чем нужно, эта зима убьет ее ласково и властно, и в своих ледяных объятиях сохранит на века.

Кей по-пластунски преодолела последние несколько метров к краю. Прежде чем доставать бинокль из чехла, она замерла, рассматривая раскинувшийся внизу пейзаж.

Итак, вот он, форт Лунный. С двухсотметровой высоты прекрасно виден его южный бок.

Массивные наклонные стены, сработанные из цельных каменных плит, отливающих зеленовато-серым металлом, тут и там исковерканы, будто сверху на них падали гигантские капли кислоты, прожигая и оплавляя. Но порода оказалась крепкой. Какой бы мощной ни была та древняя магическая атака — форт устоял, хоть и остался выщербленным, будто изъеденный древоточцем пень. Теперь из основания огромного здания торчат, словно реберные кости, опорные оси, уже ненужные: раньше они, вероятно, поддерживали какие-нибудь башни, сейчас разрушенные. Свисающие с этих осей цепи слегка покачиваются, упираясь в стены, подернутые сеткой запорошенных снегом трещин.

Над многоярусным фортом, превращенным войной в изгрызенную сырную голову, не реет флагов. Кажется, что он заброшен и полностью позабыт. Но, приглядевшись, можно заметить, что в некоторых разломах горит свет.

Форт еще жив.

Кей расчехлила бинокль и, стараясь не высовываться, зарылась в снег ближе к краю обрыва, сдвинула на лоб лыжные очки и впиалась взглядом в резко приблизившуюся даль.

Сквозь косо летящий снег было видно, как от одного разлома к другому по узкому проходу идет вооруженный человек. Пройдя половину пути, он останавливается, смотрит вниз, на подступы к форту.

Вверх, туда, где в трехстах метрах от форта висит оборванный край магической границы, боец не смотрит. Местный, значит, — смекнула Кей.

Виталис и Алаис наперебой рассказали ей штук восемь мифов и сказок про это место. Они оба выросли тут, оба слышали все эти страсти от своих родителей, а те — от своих. Стена стоит дольше, чем существует Тасарос-Фесс. Она была незыблемой, пока не случилась Война Причин и не прозвучала Тишина. Даже по прошествии тридцати лет никто из местных не рискует не то что забираться на нее, люди боятся даже приближаться к белой арочной конструкции, которая, кажется, переживет их всех.

"Этот камень все еще помнит свое предназначение", — говорил Виталис, когда Кей озвучила свой сумасшедший план.

Вот и отлично. Пускай эта граница отделит зерна от плевел.

Теперь надо дождаться сумерек и до тех пор не умереть. Кей рассудила, что в полутьме проскользнуть будет проще всего. К тому же, за это время она сумеет разгадать, как именно устроен здешний дозор, и, возможно, успеет пробраться внутрь, пока охранники будут меняться.

Застегнув пуховик по самые уши, она принялась ждать. Основных охранников было трое. Один на вышке, кажется, со снайперкой, двое других обходят вышку по периметру, посматривая вниз. Кроме живых людей Кей заметила несколько камер, мерно поворачивающихся по заданному алгоритму.

— М-да, это будет непросто.

Бойцам, вероятно, тоже было скучновато исполнять свой долг. Они иногда сходились в одной точке и начинали курить и разговаривать. После беседы один из них отправился по новому маршруту — судя по всему, решил обойти верхний ярус форта целиком, для чего ему пришлось кое-где перебираться через завалы по вспомогательным металлическим конструкциям, накинутым поверх проплавленных в камне дыр.

Кей почувствовала, что замерзает без движения. Аккуратно отползла от края, встала, убедилась, что снизу ее не видно, размяла ноги, поприседала. Тело ныло и подчинялось с трудом, но выбора у него особого не было. Поделав немного растяжку и наклоны, Кей вдовесок побегала на месте. Стало теплей.

Она, размяв еще и шею, снова подползла к краю магической границы и поднесла к глазам бинокль.

Как раз в тот момент, когда один из бойцов очевидно забеспокоился. Он пару раз дернулся, как будто на звук, потоптался, глядя вниз и куда-то в сторону внутренностей форта, потом махнул рукой и побежал внутрь смотровой башни. Его товарищ с противоположной стороны, который как раз возвращался с кругового обхода яруса, продержался дольше. В его движениях читалась неуверенность, он колебался. Спустя мгновение мужчина ринулся туда же, внутрь башни.

— Что же там у вас стряслось? — задумчиво пробормотала Кей.

В любом случае, это — шанс. Она поняла, что не будет ждать сумерек. Она попробует сейчас.

Кей вынула из рюкзака то, что занимало большую его часть. Расстелила на снегу черное полотно, изукрашенное золотыми гнутыми линиями, тонкими, причудливыми.

— И это должно сработать, — утвердительно сказала она.

Нужно было торопиться. Те бойцы могли вернуться в любой момент — мало ли, вдруг это была ложная тревога? А вот если они заметят ее, тревога ложной не будет.

Перед Кей лежал большой треугольный отрез плотной черной ткани. Она видела в своей жизни уже много чудес, да и не верить Ирвис не было причин. Другое дело, что Ирвис сама сомневалась в надежности колдовства.

Защитые в углы полотнища обломки шкатулки, которую подарили Рейнхарду в той деревне, должны были сконцентрировать и усилить магию, что и так была запаяна в балахон Керри.

Ирвис сказала, что это сработает, словно дельтаплан, вот только ему не нужны ветра как таковые, и управление тоже. Крыло обеспечит полет, магия сработает на него, не касаясь Кей, а значит, все должно пойти, как надо.

По расчетам планирование займет около трех секунд.

Она успеет.

Кей подхватила ткань за заранее обозначенный край и затянула золотистую тесьму на животе и груди. Так правильно, точно.

Затем подошла к краю. Руками взялась за полотнище слева и справа, и, как учила Ирвис, взмахнула импровизированными "крыльями".

Ткань натянулась, словно купол зонта, поймав ветер.

— Работает! — возликовала Кей, не верившая в успех вплоть до этого самого момента. — Зашибись!

Кей почувствовала, что ее тянет вверх. Она вспомнила мимолетом курсы молодого бойца, тренировки на вестибулярный аппарат и как было страшно тогда, когда мир уходил

из-под ног, взметаясь ввысь, как не хотелось быть хуже других, и поэтому приходилось заталкивать крик себе в глотку. Тут будет точно так же. Она справится.

Кей отступила на шаг, мысленно запретила себе колебания и, оттолкнувшись, прыгнула в белую пустоту под обрывом.

Крылья дернули ее вверх, ткань затрещала. К горлу подкатила тошнота, страх наконец догнал и сжал все внутри железными клешнями. Кей не смогла бы рулить, даже если бы захотела. Форт приближался с невероятной скоростью, в ушах свистел ураганный ветер. Секундой позже Кей с глухим ударом шлепнулась в снег, перекувыркнулась по инерции, распласталась тряпочкой, накрытая опавшими крыльями. Очухавшись, она тут же подобрала ткань и, передвигаясь на плохо гнущихся ногах, шмыгнула за какой-то приличных размеров камень, когда-то отколовшийся от стены.

Там она протерла лоб от испарины и выдохнула.

"Вот я и здесь".

Сложное и опасное только начинается. У нее есть в запасе отобранный у охранника Алаиса пистолет. В нем пять патронов. Хватит в случае чего, но лучше бы без случаев. Соваться прямо в сторожевую башню — самоубийство. Нужно отыскать другой ход.

Этот огромный форт должен как-то дышать.

Кей, не дожидаясь, пока сердцебиение выровняется, выглянула из-за камня: охранников все так же не наблюдалось, по крайней мере, их не было видно с этой точки. Значит, не видно и ее. Кей осторожно высунула голову из-за края стены, глянула вбок, на северную часть форта.

Возможно, придется обойти его весь кругом, прежде чем она найдет вход.

— Погнали, — скомандовала Кей сама себе.

Она начала пробираться по тонкой кромке над отвесным обрывом, нацелившись на площадку, за которой виднелась лестница.

Цепляясь пальцами за голый холодный камень, Кей молила Потерянного об удаче и помощи. Выкарабкавшись на площадку, она выдохнула. Глянула вниз — лететь бы пришлось метров восемьдесят. И это без крыла.

Кей осторожно, полупригнувшись, по стеночке, двинулась по лестнице вверх. Вынула из кармана зеркальце, глянула за угол с его помощью. Чисто. Она быстро пересекла открытую площадку, загнула за следующий угол и притаилась в разломе стены. Сбоку оказалась одна из опорных осей, и теперь Кей смогла оценить натуральные размеры цепей, когда-то поддерживавших башни форта. Одно звено было размером примерно с нее, а ростом Кей не уступала большинству мужчин.

Кей снова воспользовалась зеркалом — никого. В этот момент она уже начала что-то странное подозревать. Где, спрашивается, враги? Хорошо, они не ожидали никого сверху. Глупо, конечно. Но можно списать на менталитет. Те двое, что побежали на какую-то тревогу — где они? Все еще не вернулись. Никого не послали им на замену.

Форт на секунду показался оледеневшей каменной могилой, будто бы это какой-то гигантский запорошенный снегом склеп. Кей отогнала дурные мысли, оглянулась, бегом преодолела расстояние до следующего укрытия.

Она оказалась снова у края стены, там, где, чередуясь разломами, выщербленный камень уходит под небольшим уклоном далеко вниз. В этот момент форт затрясло. Показалось, будто бы по огромному строению прокатилась дрожь — и тут же все снова замерло.

— Землетрясение? — пробормотала Кей. — Этого еще не хватало.

Она снова посмотрела кругом, разыскивая что-то, похожее на вентиляционную решетку или оголовок шахты.

Есть. Нашла.

Метрах в ста от того места, где сейчас замерла Кей, высились две небольшие цилиндрические башенки с квадратными прорезями, накрытые какой-то арматурой, придавленной сверху камнями. Путь к ним преграждал разлом и несколько огромных поваленных каменных блоков.

Контрольным рывком Кей вскарабкалась на один из них, оцарапав пальцы в кровь, с разбегу перескочила через разлом и, быстро оправившись от не слишком удачного приземления, преодолела последние несколько метров до вентиляционных шахт.

Оказавшись рядом с ними, Кей подняла валяющуюся рядом арматуру и, не долго думая, приспособила ее как рычаг, сунув в щель между металлической решеткой и стеной. Пришлось приложить всю свою силу и вес, чтобы сдвинуть решетку. Получившийся зазор был достаточным, чтобы Кей смогла пролезть. Не теряя ни минуты, она скинула рюкзак, надела на голову фонарь и полезла вниз, в последний миг затащив рюкзак следом за собой.

Кей повисла, держась за поручень узкой внутренней лестницы, и посветила вниз.

Свет фонаря выудил из темноты длинную шахту с ржавыми стенками, кончающуюся чернильной кляксой пустоты. Снизу отчетливо тянуло промозглым холодом. Казалось, температура внутри еще ниже, чем наверху.

Сцепив зубы и помня о второй шоколадке, Кей стала спускаться.

Если ее никто не заметил, все может пройти гладко. Она найдет Рейнхарда. А дальше... дальше они что-нибудь придумают. Тут должны быть какие-то запасные пути. Уж тут-то точно есть или снегоходы, или снежные мотоциклы. Даже если нет — они попробуют взять штурмом этот злополучный экспресс. Если все будет хорошо.

Если...

Кей добралась до основания шахты и спрыгнула вниз. Пол оказался черным, покрытым чем-то плохо отражающим свет — оттого сверху он привиделся пустотой. Коридор с покатыми стенами уходил влево, оттуда же яростно тянуло холодом. Кей двинулась туда, то и дело выпуская изо рта облачка пара, подсвечиваемые налобным фонариком. Сверху тянулись пучки толстых электрических кабелей и еще какие-то трубы. Кей прошла весь коридор, снова повернула и увидела, что тут он сопрягается с другим, и, сойдясь, два коридора расширяются в один. Впереди шумно поворачивались лопасти двух огромных вентиляторов, работающих как будто бы на холостом ходу: они вращались медленно, скрежеща, и почти не разгоняли воздух. Между ними была установлена металлическая лесенка. Кей прошла мимо герметизационных ворот, сейчас распахнутых, взобралась по лестнице, спустилась мимо вентиляторов и увидела впереди, в круглом отверстии окончания вентиляции, теплый желтоватый свет.

Кей тут же выключила фонарь.

Затаившись, она присела на грязный пол и, не расслабляясь ни на секунду, нашарила в кармане вторую шоколадку.

Есть не хотелось совсем.

Кей заставила себя выпить воды, закрутила крышку, сунула бутылку в рюкзак, производя все действия в полной темноте и почти бесшумно. Шоколадку она все-таки откусила, и, жуя, вставила в пистолет магазин.

Пора.

Кей поднялась и стала осторожно приближаться к светлому полукругу выхода. Замерла. Подозрительным было то, что форт молчал — только лопасти вентилятора мерно и жалобно плакали, моля о смазке. Кей аккуратно выглянула в следующий коридор. Он был хорошо освещен, имел в разрезе форму круга и казался достаточно широким, чтобы по нему проехала грузовая машина.

И он был совершенно пуст.

Коридор загибался широкой дугой. Опасное место. Кей, поколебавшись, решила повернуть направо. Она шла, стараясь держаться стенки, будучи полностью наготове. Морозный воздух холодил уже изнутри.

Здание снова затрясло, замигали лампы. Одна взорвалась и заискрила. Кей нервно поежилась, продолжая движение. Коридор медленно разворачивался, открывая странное и непонятное зрелище.

Лицом к Кей, в крайне нелепой позе замер человек в черном пуховике. Он был похож на нищего, просящего милостыню, скрючившегося в три погибели. Человек молчал, но разевал рот, глядя на Кей обезумевшими глазами. Он, кажется, не мог подняться.

Кей, смотря в оба, стала осторожно приближаться.

— Эй, мужик, что с тобой? — спросила она, готовая к тому, что человек может сорваться и побежать на нее.

Тот не ответил — забился, не отрывая рук и ног от пола, закричал.

Кей подошла ближе и различила посиневшую кожу на его пальцах, которыми он держался за пол. Кроме того, она увидела, что его волосы — крашенные в белый цвет. "Один из этих", — поняла Кей.

И тут же внутренне содрогнулась от настигнувшей догадки.

— Ты что, примерз? — спросила она.

Отдирать врага от пола и согревать не входило в ее планы. Кей со смешанными чувствами прошла мимо дергающегося мужчины дальше. Даже когда он скрылся из виду, он не давал ей покоя. Что это было?

За очередным поворотом показалась обширная площадка, открывающая вид на просторную залу с лестницей, увенчанной еще одним круглым проходом.

Кей свернула туда, бдительно глядя по сторонам.

В зале она увидела еще двоих, замерших в таких же причудливых позах — люди были живы, один даже взглянул на нее осмысленно. Кей заметила, что его руки цепляются за автомат, лежащий на полу. Но мужчина не мог его поднять и сам отлепиться от пола не мог.

— Сучка! Пробралась! Я т-тебя... — заголосил он, тщетно пытаясь вырваться из незримых оков.

Здание сотряс грохот. Кей глянула вверх — как раз вовремя, чтобы кинуться вперед и не быть раздавленной свалившейся с потолка железной лестницей. От грохота заложило уши. Весь вес и убийственная сила достались только что оравшему мужику. Кей не стала проверять, жив он или нет, поднялась и побежала вперед.

Дальше — больше. В следующем коридоре она прошла мимо двадцати-тридцати скрюченных и стонущих людей, прилипших к полу и стенам. Кто-то просил о помощи. Кто-то угрожал расправой. Кто-то пытался вызвать подмогу по рации — Кей отобрала у человека аппарат и поднесла к уху, подвинув тумблер: белый шум, ответа нет.

— Прием. Прием. Как слышно? — тщетно спросила Кей в пустоту.

Кто-то ухватил ее за край куртки. Кей отбилась, саданув ногой по женщине в белом халате, и спешно двинулась дальше.

Не задерживаясь, она проскочила мимо двух проходов, перекрытых замерзшей водой из разорванных труб. За кружевом спаянных намертво капель различались люди, один, кажется, вмерз в воду рукой. Другие тщетно бились в ледяную завесу, крича о помощи, то и дело переходя на угрозы. Кей быстро прошла мимо. Добралась до какого-то лифта, но заходить внутрь не стала — нашла рядом лестницу и замерла на секунду посередине пролета, пытаясь отдышаться и прийти в себя.

Что тут произошло?

Здание снова затрясло, и Кей поняла, что лестница — не самое надежное место. Попытавшись пойти наверх, она с ужасом обнаружила, что ноги не двигаются с места.

— Да что ты будешь делать!

Кей попыталась еще. Ботинки покрылись инеем, побелели. Ногам стало устрашающе холодно.

Кей в панике дернулась еще — с тем же результатом.

Ей вспомнились все те люди со следами обморожений разной степени тяжести. Неужто это ее наказание за безучастность? Нет, нет. Не так.

Кей постаралась смирить панику. Сунула пистолет за пояс, нагнулась, рассматривая иней, покрывший носки ботинок и их подошвы, коснулась его пальцем.

— Хм. Ничего.

Она легко провела ладонью по полу.

— Снова ничего.

Может, полить ботинки водой? Нет, так они могут еще сильнее примерзнуть.

Если ее рукам ничего не делается... Уж не магический ли это мороз?

Кей не хотелось верить, что она опоздала.

Но делать нечего. Кей развязала ботинки, сняла носки и ступила на пол голыми ступнями. Разувааясь, она не заметила, как коснулась курткой стены — та как будто бы стала частью камня, оторвать ее не получилось и пришлось оставить так.

Кей, накинув рюкзак на плечи, стала подниматься по холодному камню лестницы.

Здесь, в этой части здания, уже работают люди. А где люди — должен быть план эвакуации. Она просто ни одного не заметила, когда бежала. Где-то тут...

Поджимая пальцы на ногах, Кей выбралась на следующий этаж. Тут было пусто, свет все так же мигал. Длинный, высокий коридор, синие блестящие панели на стенах, двери с кодовыми замками... Одна из дверей открыта, в ней виднеются стонущие люди, такие же, как внизу. Кей поскорее прошла ее.

Вот ворота с круглыми иллюминаторами, одна створка полуоткрыта, в проходе лежит мужчина, сжимающий недвижной рукой пистолет. Он дергается, сквернословит и не может встать.

— Прости, мужик, — Кей переступила через него и вошла в двери.

Длинный зал, рядами стоят огромные тубообразные колбы из прозрачного стекла, какие-то наполнены водой наполовину, другие на треть. Потолок теряется в темноте. Между колбами — провода и трубки, возле — грубого вида пульты с экранами и кнопками.

Ряды колб уходят во тьму.

Уж не тупик ли это?

Кей включила налобный фонарик, высвечивая ряды колб до самого конца.

В противоположной стене залы она обнаружила еще одну дверь — поменьше, квадратную.

Двинулась туда.

За дверью оказался неширокий коридор, освещенный желтыми лампами. Он вывел Кей в очередное неясного назначения помещение, заставленное ящиками и стеллажами, накрытыми брезентом.

Ее ноги совсем околели, но, не смотря на это, Кей продолжила искать.

— Ага!

Она наконец заметила на одной из стен план здания.

В нем можно было бы разобраться только после второй бутылки, но такой роскоши Кей позволить себе не могла. Кое-как определив, где находится, она вернулась в коридор с желтым освещением и пошла в другую сторону.

Мелькнуло несколько проходов в другие темные коридоры, но Кей теперь знала, что там ее ждут тупики. Судя по плану, сорванному со стены, на следующий этаж можно пробраться через такой же зал, как на предыдущем этаже, а это значит... это значит, что до него два поворота и лестница.

Кей быстро преодолела это расстояние, вышла в относительно широкий прямой коридор, заканчивающийся квадратным проходом без дверей, находящимся чуть выше ее поля зрения. Кей поднялась по невысоким ступеням, расположенным полукругом, и увидела то, к чему, сколько Алаис ей сказок не рассказывал, она готова не была.

В таких же колбах, как несколькими переходами и залами ранее, в количестве от ста до двухсот штук, подвешенные и так и этак, рядами и гроздьями, помещение заполняли тела. Кей пробежалась взглядом по отрешенным лицам.

Если они все сейчас откроют глаза — ее инфаркт хватит.

Она медленно двинулась сквозь ряды погруженных в золотистую субстанцию тел. Все они, без сомнений, были копиями одного. Не узнать в безволосых болванчиках знакомые острые черты было невозможно.

Со всех сторон на Кей смотрел абсолютно мертвый и недвижимый Рейнхард Майерс Даблкнот.

И она бы с радостью решила, что это сон. Но голые пятки почти занемели от холода, и это позволяло помнить и понимать, что все происходит на самом деле.

Шел еще один неизвестный час моего заточения.

Когда-то, давным-давно, я думал о том, что ждет меня и всех нас в посмертии. Будет ли это дорога в Сияющий Мир, как утверждают адепты Потерянного? Или мне, как неверующему, полагается полное забвение и небытие?

У меня была идея гораздо худшего наказания для самого себя: повторяющийся, застывший момент из жизни. Какой-нибудь скучный и простой. Капающая в ванну вода из протекающего крана. Бордюр возле дома с проросшей между каменными блоками травой. Тарелка супа с блестящими масляными каплями на поверхности. И от этой картины нельзя будет отвести глаз и больше не будет ничего: только это глупое воспоминание, движущаяся, но одновременно застывшая картинка.

Насколько бы мне хватило разума в таких условиях? Как скоро бы я слетел с катушек?

Теперь, застыв во тьме и холоде, я мог проверить эту свою идею, с той лишь разницей,

что сейчас никакой картинки нет. Тишина и темнота. Холод, ставший второй кожей, проникший во все мое существо.

Люс Мирсин приходил, кажется, вечность назад. С тех пор меня никто не тревожил. Я не знал, ждут ли они моего согласия, или кто-то снова явится тогда, когда сам пожелает. Время тянулось бесконечно.

Я думал, вспоминал, анализировал. Я прокручивал в голове диалог с предком, странную просьбу деревенского знахаря, я вспоминал слова Вьюги.

"Ваш путь лежит через озеро Явер на утес Серого Крыла. Там вы сможете попытаться удачу и, возможно, золотой Фантасубвеструм примет вас на борт. Он один способен доставить вас в черный город Сол, что покоится в тени Сердца Мира" — говорила она.

Мы не успели разыскать на карте это озеро. Через озеро на утес? Где-то я об этом читал... Озера — как мембраны между двумя измерениями. Может ли это озеро быть прямой дорогой в морок? Это должно быть предельно обособленное, тайное место — иначе бы туда повадились ходить любители приключений. В любом случае, Вьюга сказала так: "Взамен я заберу у тебя и детей твоих мой смертельный дар".

Все честно. Сделка есть сделка. Пускай не я ее заключал, но я подписан на нее кровью, что течет во мне...

Дети Зимы хотят обмануть божество. Какое дело им до меня? Ложь таится в их полуправде. Я — всего лишь пешка в этой игре, затеянной кем-то, кого я не знаю и, возможно, не узнаю никогда. Они принуждают меня к сотрудничеству, хотя, по сути, хотят сделать своим рабом.

Кажется, в этом и заключается разница. Вьюга готова забрать свои дары — проклятье и силу, и отпустить меня на свободу живым. Дети зимы этого не хотят. Им нужно проклятие Вьюги, чтобы... защитить страну? Пускай. Разве после того, как мы разберемся с угрозой, они дадут мне закончить мои дела? Дадут избавиться от проклятья? Что-то я сомневаюсь. Более того... кажется, я начинаю понимать слова знахаря. Он просил пощадить их землю — и мне было смешно. Какие же мы были дураки! Никому из нас в голову не пришло разузнать об этой их легенде больше. Если все идет по пути, описанному в том предсказании, веровании или откуда еще он узнал про Белых Королей — если все идет так, как предначертано, значит, им есть чего опасаться. Они боялись того, что непременно случится, если... И просили быть милосердным, пощадить их землю.

Дети Зимы врут? Защитившись, они двинутся дальше?

Я внутренне содрогнулся: могут ли "предки" быть настолько лицемерными? Могут. И я нужен им такой, как есть, на привязи, зависимый, покорный.

А это — смерть. Да, это равнозначно смерти, ведь перемены отсутствуют только в том, что мертво.

Им не нужны перемены. Им нужна сила. Сила исключительная, которая, как они считают, есть во мне...

А может, мне и не нужно бежать.

Всю свою жизнь я прятался от себя, не мог принять то, чем я являюсь. Я был упорен в мелочах, но избегал главного, важного. Я пользовался невзначай крохами дара, называя его, как и все остальные, проклятым. Фактически я имел на то моральное право: мой дар действительно проклят, но сути это не меняет. Я убегал от холода, растворяя его в вине, фальшивой любви и пустой славе. Но вот однажды я повернул верно, выбрал нужный путь — пускай он сулил другим разрушение и смерть, но он обещал мне шанс на выживание. В

конце концов, толика эгоизма — это ведь естественно, разве нет? Это то, что помогает нам быть.

Этот путь привел меня сюда.

Здесь, по привычке принявшись уклоняться от ударов злодейки-судьбы, пытаюсь снова убежать, отринуть трон, который принадлежит мне так же, как наследие Вьюги, я проиграл. Но битва не окончена, пока я жив.

Может, это именно то, чего мне недостает. Может, это заключение — дар, драгоценное время для размышлений, которого порою так не хватает в жизненной суматохе. Я могу остановиться и понять, куда идти, что именно делать, что важно, а что заслуживает забвения. Я должен окончательно определить сам для себя, кто я такой и каким хочу быть.

Ладно. Давайте поверим Вьюге. И Детям Зимы поверим тоже. Всем скопом поверим чтоб никого не обижать. Они все говорят, что я — последний из Белых Королей. В этом они согласны. Пусть так.

Значит, вся эта вымерзшая земля, распростершаяся от западной оконечности гряды Цинара и до Внутреннего моря, теперь моя. Это звучит смешно. Только вот мне — не до смеха. Если они говорят правду, то эта земля принадлежит мне по праву рождения, по праву крови, и должна быть моей по праву силы — силы, которая сокрыта от меня, но так очевидна Детям Зимы и Вьюге.

Да. Мне — изгою и сироте. Странному и глупому, самоуверенному и жалкому. Пускай придут ко мне и спросят снова. И я отвечу им: я — последний из Белых Королей. Я принимаю власть, принимаю все, что они готовы мне дать. Я принимаю их жизни. Я принимаю свою силу. Я принимаю свое предназначение. Все это — мое, и я — владыка своей судьбы.

Я взглянул перед собой и увидел тьму.

Но это, как и оковы, сдерживающие меня, не имело больше равным счетом никакого значения.

Смысл существования элементалиста льда в том, чтобы забирать тепло. Лед — лишь красивая аллегория. Лед не принципиален. Важно лишь то, что в высшем своем проявлении холод — это отсутствие тепла, как смерть — отсутствие жизни, и элементалист льда создан, чтобы создавать эту пустоту.

Когда все оковы рассыпаются, когда больше нет причин сдерживаться и кого-то жалеть, пространство, являясь по сути единым целым, становится полностью прозрачным, абсолютно подвластным тому, кого можно назвать исключительным чародеем, не найдя более подходящих, достойных слов.

Я обратился бездной, прорехой в реальности. Через меня с невероятной скоростью стали пронесаться триллионы единиц чистой живой энергии, и чем холоднее был металл и камень, сплавы и чистые минералы, органика и стекло — тем быстрее и легче они проводили мою магию — и не нужна никакая золатунь тому, чья сила так велика.

И я увидел, как обширен этот старый серверный форт, и все его самые удаленные тайны открылись мне. Вся его структура — червоточины подземных ходов, торы уровней, шахты, залы, склады, соты жилых помещений — все возникло в моей голове совершенно понятной и полностью подконтрольной схемой, и слабо пульсирующие теплом точки — люди — заметались, почувствовав прикосновение настоящего мертвого холода.

Толстое бронированное стекло треснуло, брызнуло, его осколки сложились в ступени, и я, легким движением высвободившись от покорного металла, хрупкого, словно тонкий

фарфор, спустился вниз.

Этот форт должен быть разрушен.

Он — словно искусственно поднятый некромантом труп, в котором завелись черви. Все эти люди знали, на что идут. Они вознамерились сплести свои нити в одну и таким образом перекроить ткань бытия, насильно, продуманно, вопреки воле судьбы и богов. Я должен был стать спасителем и жертвой.

Но я не спаситель. И не жертва. Я тот, кому они вверили свои жизни — и теперь они полностью во власти моей.

Им нужно было... выбирать... разборчивей.

На втором ярусе лопнут трубы и затопят его. Пускай вмерзнут в лед, словно мушки, возрожденные короли — они же хотели вечной жизни, верно?

Теперь они будут вечно жить во мне. Ледяные иглы пронзили глазные яблоки маленькой девочки. Чужая память замелькала калейдоскопом лиц, времен, мест и эмоций — я вобрал в себя личность и память Люса Мирсина. Где там остальные "предки"? Они пытаются убежать. Они стреляют в ледяных призраков из штурмовых винтовок. Они пытаются колдовать. Но их магия мне — словно шепот ветру.

Вместе с теплом они расстаются со своим "я" — старые, злые, боящиеся посмертия.

Пускай на третьем ярусе рухнут опоры, зал с копиями меня исчезнет и пустые куклы обратятся в пыль.

Форт трясет, он снова агонизирует, и я бы не пожелал такой участи никому.

Но кто-то движется через залы и коридоры — быстро. Так бежит человек. Точек несколько — их движение целенаправленно, сбиваясь, оно возобновляется.

Эти люди уворачиваются от падающих камней, перепрыгивают провалы, цепляются за выбоины и упорно идут вперед.

Кто это? Кто может противостоять стуже?

Я чувю, что четверо — чужаки. Да, они сильны, всепроникающий холод как будто бы отступает перед ними, не может задеть их, зацепить, но спаянный льдом камень не даст им идти вперед.

Тот, кто идет ко мне, неся смерть, обретет ее.

Пятого человека я знаю.

Узнаю это упрямство и ярость.

Пульсирующее тепло несется сквозь тетраэдрическую залу, и следы тут же остывают, прорастая друзами конденсированной влаги.

Я больше не возвожу преград.

В огромной черной зале с высокими нервюрными сводами медленно, со скрипом открывается дверь. Внутрь падает тонкий, длинный луч бело-голубого света. Я вижу силуэт.

Она идет босиком, в изорванном красном плаще с чужого плеча, в руке у нее — пистолет, и целится она в меня.

Босые ноги не примерзают. Ледяной воздух не ранит ее изнутри. Рука ее дрожит, и потому она помогает себе другой.

— Я надеялся, что придя сюда, ты будешь говорить слова любви.

Она молчит, шурится, целится, скалится.

— Прикрылся бы, — наконец произносит зло. И тут же, резко: — Ни с места!

Я медленно двинулся ей навстречу. Форт дрогнул от моих шагов.

Она не выстрелила.

— Рейнхард, мамой клянусь, я выпущу в тебя всю обойму, если ты не прекратишь то, что сейчас делаешь!

— Стреляй, если не жалко пуль.

— Рейнхард!

— Ты пришла остановить меня? Что ж, я думал, ты явишься меня спасти.

Я сделал еще один шаг к ней.

— Заповедью Неугомонного Сердца я приказываю остановиться!

— Ее написали люди. Они давно умерли.

— Рейнхард, ты, что ли, не понимаешь? — она опустила оружие. — Ты перешел пределы допустимой самообороны. Ты же убил их всех!

— Не всех.

— Они умрут!

— Да не умрет никто. Большинство всего-то лишится нескольких пальцев на руках и ногах, получит какие-то шрамы. Будет урок на всю жизнь.

— А ты сам-то как будешь жить после этого?

Я опустил глаза.

— Точно не так, как раньше.

Когда я вновь взглянул на нее, она снова наставила на меня пистолет.

— Немедленно прекращай это все.

— А то что?

— Пути назад не будет, Рейнхард.

— Ты совсем не боишься смерти?

— Ты сможешь убить меня только своими руками.

Я остановился. Широко улыбнулся, расставив руки в стороны:

— Стреляй.

Она все еще медлила.

— Стреляй! Ты же за этим пришла? Ты преодолела километры снегов, бежала по кишке катакомб, искала меня — для того, чтобы убить, если вдруг я сорвусь? Если вдруг я попутаю, кто я есть и кем мне дозволено быть? Ты — охотничий пес на привязи, ищейка и палач, ты выполняешь приказ. Ничего личного, я не в обиде. Стреляй!

"Пса" она не смогла стерпеть. Злоба исказила ее лицо. Предохранитель снят.

Я видел, словно в замедленной съемке, как ее палец вдавливают курок. Вспышка желтого света. Пуля летит, рассекая воздух.

Она целилась не в сердце и не в голову. Она выстрелила в плечо.

Пуля, встретившись с кожей, ударилась, лопнула, раскрошилась, как упавший на пол стеклянный фужер.

Я лишь поморщился:

— Точно так же и ты сможешь убить меня только своими руками.

Она опустила оружие. Четыре стремительных шага — и одна звонкая пощечина. Я позволил ей это.

— Ты!.. — зашипела Кей, разъяренно глядя мне в глаза. — Самый ужасный из всех, кого только можно придумать! Вести... такого... да что... за что это мне? У всех маги как маги, а мне достался ты — самовлюбленный, тупой, беспринципный гребаный элементалист льда, который с какого-то перепугу еще и хрен знает вообще кто! — каждое слово она сопровождала ударом. — Я на такое не подписывалась!

Но это были бессильные удары ребром кулака в грудь, и я легко поймал ее за запястье. Она дрожала. От злости и от холода. От невероятной ярости и... мне показалось — от сдерживаемых слез.

— А ты думала... как будет?

— Точно не так. Я точно не думала, что кто-то из нас должен погибнуть тут, в этом каменном морге, но теперь... как я теперь вернусь? Что я теперь скажу?

— Я защищу тебя.

— От трибунала? Теперь я должна убить тебя, но я...

Она отвела взгляд.

— Рейнхард-мать-твою-Майерс, я не могу. Дай мне достаточный повод, чтобы убить тебя!

Я взял ее за подбородок и заставил посмотреть на себя.

— Не можешь или не хочешь?

Я искал в ее глазах что-то, чего не было в жизнях и воспоминаниях мертвых королей. Что-то, что позволит мне остаться человеком, если я, человек, все еще кому-то нужен.

И я нашел это.

Именно это не позволило ей выстрелить мне в сердце.

— Я не за этим сюда пришла, — сказала она злым полусшепотом, но во взгляде ее я видел отчаяние и печаль. Кей шмыгнула носом. — Я всегда выбираю оптимальный вариант, Рейни. И я не понимаю, честно... Что я должна была сделать, чтобы...

Но я не дал ей договорить. Притянул к себе и поцеловал — быстро, пока не успела опомниться.

Она забила руками, пытаясь высвободиться, но вскоре сдалась. Обветренные губы ответили мне, я почувствовал ее руки на своей груди, а во рту — слабый сладковатый привкус.

Поцелуй длился недолго, оборвавшись по ее воле.

— Да ладно, — хмыкнула Кей, уткнувшись носом мне в ключицу, — ты точно спятил. Я не верю. Этого не может быть.

— Ты все-таки пришла за мной, чтобы спасти, чтобы не дать переступить грань, — ответил я, обнимая ее, прижимая к своей груди. — Но что поделать. Ты не успела. Теперь я — преступник, и ты должна убить меня, если не можешь сделать так, чтоб я предстал перед судом. Но я не буду перекладывать на тебя ответственность. Когда... если все это кончится, я просто исчезну, Кей.

— Не смей исчезать, — она порывисто обняла меня в ответ. — Слышишь? Мы что-нибудь придумаем. Я не для этого сорок километров на лыжах шла. И вообще.

— Ладно... ладно, — я гладил ее по голове.

Это длилось каких-то пару секунд, показавшихся мне долгими и... пожалуй, от такого посмертия я бы не отказался.

Кей отстранилась, запястьем вытерла глаза, рукавом — нос, потом быстро стянула плащ и бросила его мне, отворачиваясь:

— Прикройся, извращенец. Считаю, что я ничего не заметила. И... давай выметаться отсюда. Еще не все дела сделаны.

Я усмехнулся.

Кей стояла ко мне спиной, ожидая, верно, пока я надену плащ.

— И не смей никому говорить про эти телячьи нежности, когда вернемся, —

потребовала она сурово.

— То есть и на людях тебя обнимать тоже нельзя?

Она аж подпрыгнула.

— Ты чего там себе придумал?!

— Ну-у...

На меня из-за взлохмаченной, спутанной челки глянул широко распахнутый серо-зеленый глаз. Возмущению Кей не было предела.

— Вообще ничего нельзя! Чтоб ты знал, у тебя отвратительнейшая репутация как у... мужчины.

— С чего бы это.

— Так, чтобы сразу все разъяснить. Этот п... поцелуй ничего не значил!

— Как скажешь.

Я рассмеялся про себя. Мне было легко и радостно. На секунду я забыл обо всем, что было до. Вскоре ощущение стало тоньше и слабее, но я запомнил его. Оно поселилось где-то глубоко внутри меня, как маленькая теплая искорка.

Пора было выбирать.

— Я вызову ледяных големов, которые раскопают нам путь наружу. Может немного потряхнуть.

— А без этого никак нельзя? — всполошилась Кей. — Снегоходы там, снегоступы...

— Точно. Тут же ходит экспресс. Вот только... Кажется, его тяговой подвижный состав несколько вышел из строя.

— Ты?!

Я пожал плечами:

— Зато там есть дрезина.

— Дрезина?!

— Электродрезина.

Найк проснулся от резкого запаха медикаментов. Ему показалось, что он задыхается, и надо было срочно делать с этим что-нибудь.

Он резко сел, выдирая из себя трубки и иглы, отплеываясь и фыркая.

— Тише, тише, — сказал светловолосый человек в белом халате и очках.

Спустя мгновение Найк узнал в нем Эль-Марко — опекуна Николы. Попытался сложить в голове все, что помнил. Опустил руки, прищурился. Спросил, чтобы удостовериться:

— Вы — Эль-Марко? И мы все еще на севере? Вы наконец добрались сюда?

— Не все, пока что только я. Камориль и Мйар задерживаются. Но, вообще, ты б лучше о себе спросил, — мягко улыбнулся ему целитель.

— Да я-то жив, — отмахнулся Найк. Положив руку на грудь, специально кашлянул. Не вышло. — И, кажется, здоров! Это вас я должен благодарить?

— Благодарить будешь свой иммунитет и врачей, я только помог восстановить поврежденные ткани.

— Спасибо!

— Но пока не дергайся слишком, тебе бы еще полежать.

— Не, — мотнул головой Найк. — Мне бы скорее новостей. О Николе что-нибудь известно?

— О ней и я хотел бы поговорил с тобой.

— Вы что-то узнали?

— К сожалению, нового — ничего.

— Вот же, — Найк поник и зарылся руками в волосы. — А...

— Есть вести от Кей. Она звонила Ирвис с какой-то железнодорожной станции, сказала, что они скоро будут. Судя по всему, твои приятели натворили дел.

Найк презрительно хмыкнул:

— С них станется.

— Наверное, ты не понял, — Эль-Марко сдержанно улыбнулся. — Судя по всему, Рейнхард каким-то образом застопорил движение экспресса и, как выразилась Кей, "парализовал" руководство Детей Зимы. Так что там сейчас паника и неразбериха.

— Я вообще не понимаю, почему за нами еще не пришли, — признался Найк. — Мы же... связаны. Я, вы, Рин, Ирвис. Мы втянули в это все Виталиса и этого Алаиса. Мы невидимки. За нами давно должны были прийти. А я лежу тут... и в окно все еще не стучат вооруженные люди. А если уж Рин натворил что-то серьезное...

— Как я понял, за вами шли две организации, между собой не связанные, — поправив очки, начал объяснять Эль-Марко. — С самого начала вас пасли чтецы. Их целью была Никс. Дети Зимы с ними не сотрудничали, возможно, желая заполучить Никс вместе со всеми остальными себе, чтобы занять рычаги давления на Рейнхара, но не больше. Я так же предполагаю, что пожар в гостинице случился из-за конфликта чтецов и Детей Зимы. Последних Рейнхард нейтрализовал — временно или нет, посмотрим. А чтецы получили то, что хотели. И это, конечно, хуже всего.

Найк понял, что ему тяжело дышать. В груди заскребло:

— Это я ее упустил. А ведь мог бы... да что же... Зачем мы вообще сюда сунулись? Я

еще подначивал... Меня что-то сюда влекло. Какой-то внутренний голос, мол, там-то ты узнаешь, что к чему. Поймешь, кто ты, путешествие, все дела, — он поднял взгляд на Эль-Марко. — Понимаете? И как будто бы не было у меня в жизни путешествий... Я думал, что мы соберем это зеркало и на том все закончится. А в итоге... Потом еще эта простуда... валяюсь тут, как дурак.

— Ну, вообще-то, это был острый бронхит. К тому же, мне непонятно, с чего ты себя так коришь. Ты понимаешь, что выжил после встречи с чтецом? Ты не был подготовлен. И... если мне не изменяет память... — Эль-Марко протер глаза под очками, — есть лишь один способ справиться с чтецом, уже проникшим в сознание. И если ты использовал его, это значит, ты расправился с одним их роем. Чего тебе это стоило — никто, кроме тебя, не узнает. Но теперь они мертвы. Их коллективный разум перестал существовать. А если так, то Николу все равно кто-то забрал. И это не бывшие подконтрольными покойному рою люди. Это кто-то другой. Два роя в одном месте? Все более чем серьезно.

— П-подождите... То есть я... рой... р-расправился? — Найк внутренне похолодел. — В смысле... слепленных в одну множество личностей?.. Но это же...

— Какую хочешь философию под это подкладывай. Но ты — жив. И да. Если ты хотел, чтобы север показал, кто лучше — вспомни, что лучше или хуже можно быть только по отношению к себе вчерашнему.

— Да уж, — тихо сказал Найк. Хмыкнул: — Убить рой... Я не могу это осознать. Наверное, мне должно быть... Ну, они же люди, в конце концов. Я должен корить себя... Но я какой-то совсем спокойный по этому поводу. Не представляю, как это я смог. Хотя, конечно, до повелителя ледяной армии мне все равно как до луны пешком.

Эль-Марко тяжело вздохнул, будто бы Найк сморозил что-то совсем уж глупое.

— Ты не завидуй избранным, — мягко сказал он. — Ты лучше их жалеешь. Это сейчас, на пути к своей цели, они сверкают и серебрятся. Я понимаю. Я видел.

— Я не...

— Ты — да, — голос целителя стал жестче. — Но потом, когда и если их цель достигнута, они становятся такими же, как мы. Мои друзья как-то раз обманули смерть. Откупились. Стали обыкновенными. И это далось им тяжелее всех веселых и сумасбродных свершений.

— Такими уж обыкновенными? — тихо спросил Найк.

— Достаточно по сравнению с тем, что было раньше. Так вот... Мне тяжело это говорить. Я к такому не привык, — Эль-Марко смотрел на Найка прямо: светло-голубые глаза впивались в самую душу. Найк видел, что целитель колеблется, словно ему трудно озвучить следующую мысль, будто решимости недостает. Найк даже дыхание затаил, чтобы его не спугнуть. Наконец Эль-Марко произнес: — Я прошу тебя: позаботься о Никс.

— Конечно, — с готовностью ответил Найк, выдохнув. — Мы найдем ее и вытащим оттуда. Где бы она ни была, — пообещал он серьезно.

Эль-Марко улыбнулся:

— Я не об этом. Я имел в виду... Следи, чтобы она не общалась с дурной компанией, чтобы ела не одни сухие завтраки (у нее уже была анемия), если подхватит грипп — давай пить бульон и не позволяй болеть на ногах. А, и еще. Используйте контрацептивы.

Найк, вспыхнув, натянул простыню себе на голову. Конечно, в двадцать лет надо реагировать как-то иначе. Но уж как отреагировал: изображать суровое, спокойное лицо было выше его душевных сил на данный момент.

— Л-ладно. Н-но... — он выглянул из-за простыни, — откуда вы знаете?

— Да я и не знал толком, — Эль-Марко сдержанно улыбнулся и безжалостно добавил:

— Зато теперь...

— О, боже, — Найк пожелал провалиться сквозь землю.

Но что-то ему в последнее время с выполнением желаний не очень везло.

Дрезину они бросили посреди пути, прошли насквозь лесок и поле (Рейнхард там чего-то колдовал, чтобы снег стал тверже для удобства перемещения — но Кей уже не вникала, что именно), выбрались на полузаброшенную станцию и там сумели дозвониться Ирвис с древнего, на удивление рабочего будочного телефона и сесть в электричку. Кей куталась в плед, сворованный еще в Лунном. Ноги ныли от усталости и чужих жестких ботинок на полразмера меньше. Голова варила плохо — но момент, когда хочется спать, давно прошел, и поэтому сложно было фильтровать нежелательные мысли и ненужные чувства.

Одежду, в которой ехали, они не крали.

Ее им дали встреченные по пути люди. Это было очень... странно. На станции к Рейнхарду подошло несколько человек с осоловелыми глазами — они вели себя, как влюбленные старшеклассницы, и что-то несли в руках. Кей тогда напряглась, но оказалось, что несут им одежду и деньги. Рейнхард, кажется, тоже порядком удивился. От денег он отказался, но ботинки и плед для Кей взял. Сам остался как был, в ее лыжных штанах, в которых шел от самого форта. О том неловком моменте обмена уже отданного было плаща на штаны Кей старалась не вспоминать.

Они сели в первую же электричку, и им, наверное, повезло, что в вагоне не было никого со светлыми волосами. Бедно, но практично одетые местные жители смотрели на них с явным недоверием: почему у девушки из-под драного красного плаща торчат голые коленки? Отчего это молодой мужчина одет в одни лыжные штаны, и, главное, почему ему не холодно? Или он не живой?

Рейнхард действительно казался трупом или восковой куклой — ровно до тех пор, пока не открывал глаз — но смотреть в них было физически больно из-за неестественно расширившихся зрачков и полопавшихся тут и там капилляров. Наверное, нормальные люди считают его наркоманом, подумалось Кей. А ее... ну, кто знает, кем именно, но вариантов тут не слишком много.

Вскоре кроме них в вагоне никого не осталось: пассажиры плавно перетекли в соседние, продолжая, впрочем, буравить взглядами из-за двойных стекол.

Кей еще не обсуждала с Рином странного поведения беловолосых на станции, но вывод сделала такой: видимо, это как-то связано с тем, кем он является. Может, эти Дети Зимы теперь чувят его и пытаются... служить ему?

Снаружи завывала вьюга. Плед из жесткой шерсти немилосердно кололся.

Оставался еще час до Тасарос-Фесса.

Путешествие почти окончено. Дальше... дальше снова белая пустота, как тогда, когда Кей шла по верхушке магической границы, решив действовать по обстоятельствам.

Сейчас Кей почему-то не хотелось проникать в голову и понимать способ мышления Рейнхарда, хотя обычно это казалось увлекательным. Из-за всего произошедшего она ощущала своего рода отторжение — непонятное, не абсолютное, но пугающее само по себе. Будто бы мироздание ставит перед ней вопрос: примет или не примет? Сможет ли она пережить и принять то, что видела? Горько и противно стало на душе от очевидного и

жалкого ответа: примет. Это плохо. Это неправильно. Это все усложняет и многократно запутывает.

А нужно ли Рейнхарду это принятие и прощение?

Кей взглянула на него, хмурясь: он рассматривал свои руки, не поднимая глаз, но и явно не спал. Первые километры пути он еще пытался о чем-то с ней говорить — но она не могла никак ему ответить, разве что совсем односложно. Другие слова застревали в горле, мысли металась в голове быстрее пролетающего мимо снега. И вот теперь все вроде бы уравновесилось, "за" и "против" застыли друг против друга, ситуация прояснилась, будто бы мутный лед растаял в прозрачную воду.

Вот есть он — преступивший черту, использовавший, судя по всему, не просто запрещенное заклинание, но такую сильную безмолвную интуитивную магию, что у целого отдела поглощающих сломались бы все датчики, пробив стрелками стекла. Кей думала иногда: а правда ли зерна нужны элементалистам, чтобы аккумулировать излишек магии? Не являются ли они этаким пределом, после которого наступает смерть? Это было бы так трагично и романтично: ходячие самоубийцы с бомбой внутри — маги на поводке. Красота. Мрачность. Но нет — если Рейнхард жив, значит, их "зерна" все же нужны для чего-то другого. И если он все равно колдовал свою дикую магию даже с зерном...

Еще раз, по порядку. Вот он — преступник. Вот она — конвоир. Ее задача — доставить преступника в место временного заключения, предоставить отчет, далее дать показания на предстоящем суде... И в то же время ясно, что только от него зависит, пойдет ли все именно так. Он легко может сбежать. Тогда она вернется, напишет отчет, его объявят в розыск. Ему будет сложно. В конце концов, его поймают, а может и убьют, если будет слишком наглеть. В конце концов, ее приставили к этому потенциально нестабильному магу именно на случай, если что-то пойдет не так.

А оно взяло и впрямь пошло.

И надо бы действовать по Уставу.

Но люди — не псы. Многому можно научить, но если ты изначально хоть капельку умен, критичен и склонен к рефлексии — вышколить бездумное подчинение невозможно. Психика оправится. Война давным-давно окончена, никто никогда не верил в то, что все может снова стать очень плохо взаправду. Какие там таблетки надо было пить, чтобы не испытывать к своему наблюдаемому никаких чувств? И никто не говорит о чем-то особенном — простая, банальная эмпатия. Рейнхард — не плохой человек. Он просто попал в сложную ситуацию.

"Зачем я оправдываю его?" — подумала Кей и посмотрела на него со злостью. Что в нем, кроме заносчивости и тоски? И сама же стала цинично перечислять в уме: восемьдесят килограмм прекрасно сложенного мяса, талант певца, подвижный ум.

Эх, уже жалко.

— Слышь, Рейнхард, — проговорила она скрипящим голосом, — а если б твоим наблюдателем был какой приличный мужик — у вас бы образовалось крепкое мужское товарищество?

Рин вздрогнул, поднял глаза, сощурился. Ничего отвечать не стал.

— А, ну да, если бы да кабы... — сама себе ответила Кей. — Вы могли бы терпеть друг

друга не мочь, и он бы тебя радостно сдал... А если нет?

Она подперла голову рукой, облокотившись на спинку лавки.

— Ты раздумываешь, как поступить по-человечески, — проговорил Рин тихо.

Кей показалось, что окна вагона заволакивает инеем. Она оглянулась: мерещится.

— Да, именно к этому ты всегда стремишься: быть ни мужчиной, ни женщиной, не иметь возраста, поступать так, как поступил бы идеальный человек из твоей головы.

— Как что-то плохое, — нерешительно буркнула Кей, нахохлившись.

— Но ты есть ты: не более, но и не менее.

— Очень теперь мне все понятно стало, — буркнула она. — Рассудил так рассудил!

— Я уже говорил. Умирать я не хочу. Я хочу избавиться от озноба — кстати, сейчас мне тепло — и все. Если я вернусь на юг — меня будут судить и, я подозреваю, смягчающих обстоятельств нет. Перспективы крайне печальные. Поэтому я исчезну.

Кей разозлилась.

— А я уже говорила, что что-нибудь придумаю!

— Вряд ли что-то получится, пока ты мечешься между долгом и чувствами.

— Какими еще чувствами?!

Рин отвернулся, стал смотреть в окно.

— Это бардак какой-то, — проворчала Кей, тщательней закутываясь в плед.

Нет, действительно, что он там себе думает? Впрочем, это его право — обманываться, сколько влезет. Долг... долг велит поступать согласно Уставу. Чувства... больше всего хочется повернуть все вспять, отмотать пленку назад, чтобы опасность только сулила, и чтобы казалось, что сил хватит, если вдруг что. Но они уже здесь, в настоящем, и надо решать и решаться.

Кей натянула плед до самого носа. Тот момент в зале с высокими потолками она тоже старалась не вспоминать. Это было очень... неправильно. Он все-таки игрок не из ее команды. Одно дело — отношения маг-поглощающий. Тут все сложно, но в целом ясно. Совсем другое... А как бы поступила на ее месте какая-нибудь милая, нежная девчушка с круглым личиком и тонкой талией, уверенная в том, что, если все преодолеть и очень-очень постараться, прекрасный принц втулится в свой слот среди сада-огорода и прочей счастливой семейной жизни, да еще и функционировать начнет, как следует... Бред. Девчушка не прошла бы обучения и не попала бы в такую ситуацию. А если б и прошла, она точно знала бы, что этот проблемный и дурной мальчишка ей напрочь не сдался, его беды — не про нее, он не сможет — никогда! — сам стать надеждой и опорой, он принесет только боль и горечь.

Нет, "идеальному человеку из головы" Рин не нужен. Да и Кей он не нужен, как таковой. Без него будет по-другому, не хуже, найдется еще работа. Это время пройдет, кончится. Жалко ли ей этого времени? Да, пожалуй. Может, настоящей ролью Рейнхарда в этом спектакле было оттенять блеском потемневшего серебра ее жизнь — бурую замшу, болотистую рогожу... Кей хмыкнула. Коне-ечно. И замшей мы будем серебро протирать, чтоб блестело — аналогии, прекратите. Вы не работаете, хоть и удобны, если хочется притереть несопоставимое хоть как-то, хоть чем-то. Эти мысли — яд, тягучий и сладкий, как мед, и хотелось бы по-девичьи заблуждаться, да она себе не враг, чтобы такое позволять.

Хорошо, он был не в себе. Так и напишем. В конце концов, совершенно точно понятно, что тот его порыв не мог быть чем-то серьезным — и это сразу убавляет проблем. Сорвался. Занервничал. Попытался решить проблему, как умеет, сделал, что раньше помогало.

Ладно. Это-то как раз можно простить.

Забыть и никогда не вспоминать.

А значит...

Кей поняла, что знает теперь, как ей следует поступить.

— Значит так, — сказала она, слегка выпутавшись из плета. — Возвращаемся, и я пишу отчет. В этом отчете, — она говорила по возможности спокойно и холодно, — я излагаю события по порядку, как я их видела. Но.

— Но? — Рейнхард взглянул на нее внимательней.

— Но твою исключительную силу мы меняем на стихийное бедствие. Катастрофа. Они, в конце концов, не рассчитывали на такой результат. А тут... Дети Зимы, вся фигня. Вьюга, ледяные элементаристы, старинный северный форт. Подземная река вырывается снизу. Сумасшедшие фанатики ведут раскопки, желая найти вход в усыпальницу этой... как ее... Вьюги. Я успеваю вовремя. Ты невредим, так как холод на тебя не действует, мы улепетываем из разрушающегося здания, взрывы, искры, все как в кино.

— Ты готова пойти на такую сделку с совестью? — медленно проговорил Рин.

— Давай объясню, — выдохнула Кей. — Дети Зимы схватили тебя и удерживали против твоей воли. Более того, все эти клоны — штука, по-моему, даже на севере запрещенная. То, как ты им отплатил — если ты не врешь — это справедливо и даже... милосердно. Но не по закону. А закон может быть куда более жестоким. Таким образом, моя совесть уже не знает, кто кому что. Поэтому я могу опираться только на здравый смысл. Кому будет лучше от того, что тебя изолируют или, хуже того, убьют?

— Ты должна опираться на ваш Устав.

— В гробу я видела наш Устав, — фыркнула Кей. — Или ты хочешь поговорить со мной про знание правил и нарушение правил? Оставь, я уже все решила!

— А если я сорвусь, сойду с ума и таки начну быть тем самым злом, защищать от которого ты поклялась этих наших милых генетических братьев? — Рин кивнул на соседний вагон и людей в нем. Те сразу поотворачивались, но ненадолго. — Или к твоему начальству утекут какие-то доказательства обмана?

— Ну, вот тебе и рычаг давления, — сказала Кей, криво улыбаясь. — Кто еще, кроме тебя, сможет уличить меня во лжи? Выжившие Дети Зимы из форта? Я не очень представляю, как они могли бы провернуть разоблачение. Так что... вот тебе гарантия моего молчания. По поводу срыва: мы решим этот вопрос, когда он появится. А пока так.

Рейнхард слегка склонил голову и тихо проговорил:

— Я не заслужил. Спасибо, Кей.

Она нервно дернулась:

— Э-эй! Ты это... полегче. А то передумаю.

Весь оставшийся путь Рин улыбался чему-то, а Кей раздумывала, правильно ли поступает. Вскоре за стеклами замелькал пригород, и электричка въехала в Тасарос-Фесс.

— То есть ты тоже — огонек? — спросила Никс девушку с белыми заячьими ушками и пурпурно-голубыми волосами до плеч. Та в ответ кивнула.

Ее звали Шани. Она тоже была элементаристом огня. Правда, она не могла пользоваться своей магией в мороке. Как и трое других уже вызволенных из "ягод" девушек. Лирес, Сая и Бернардина рассказали примерно то же, что помнила сама Никс. Они видели

белые комнаты, врачей, людей в защитных костюмах, газ, сочащийся из-под потолка. Однако у каждой оказалась своя история о том, как они попали в то место.

Лирес выдернули прямо из школы, с занятий. Никто не стал переходить дорогу жрецу Пламенного Просвещения, никто не запретил сопровождающему его чтецу забирать ученицу с урока. Лирес и сама не сильно беспокоилась по поводу такого визита — все же, она была магом и проходить проверки привыкла. Но что-то пошло не так. Платок с хлороформом, бесстрастные лица похитителей. Лирес не понимала, что происходит. Она не слишком расстраивалась, надеясь на лучшее.

Сае было двадцать пять, она работала консультантом в магазине этнической бижутерии. Ее подкараулили после смены и тоже без вопросов скрутили. Дар Саи был крохотным, и ей не удалось даже ничего никому поджарить. Она была настроена пессимистично, предвещая, что их таки отправят отдавать долг родине в какую-нибудь глушь, а после никто не найдет их тел и не навестит безымянных могил.

Бернардина была такой же студенткой, как Никс, только из столицы. Она занималась витражами — оконными, интерьерными, и вот она-то смогла хорошенько наподдать внезапным непрошеным гостям. "Я поставила на одном из серых клеймо, выжгла прямо на щеке ему розочку, но потом тот, другой, не смотря на ожоги, врезал мне вазой по голове". Дальше было все то же: камера, врачи, газ.

Никс уже стала догадываться, кого она найдет в следующей вскрытой сфере и во всех последующих.

— Меня вытащили из постели, — просто сказала Шани, — прям в ночнушке. Парня моего чем-то накачали, что ли — он даже не проснулся. Очнулась в белесом шаре, с этими ушами странными. Я все еще, впрочем, думаю, что сплю. Где мы? Кто вы? Зачем нас всех тут собрали? У меня друг увлекался осознанными сновидениями, но я сама никогда даже пробовать не думала...

— Что ж, раньше я считала, что они гоняются именно за мной, — проговорила Никс, задумчиво потирая подбородок. — А выходит, нас таких много... — Она обзрела гигантскую лозу, простирающуюся вниз и вверх. — С сотню человек минимум.

Может ли быть так, что все, здесь заточенные, тоже призваны Вьюгой освободить ее? Нет. Так быть не может. Судя по всему, только Никс способна пользоваться в мороке воплощенной в солнечный клинок магией. Она посмотрела на Керри, который помог ей выудить из себя этот самый клинок.

Керри представлял собой достаточно занятное зрелище. Бернардина и Лирес повисли у него на обоих локтях, о чем-то звонко переговариваясь и хихикая, Сая увлеченно рассматривала золотистые украшения в его волосах. Керри не знал, куда девать ладони и глаза, но резких движений не делал. Его обычно белая кожа чуть ли не сравнялась цветом с волосами, на лице выражение мученичества сменялось то смущением, то удивлением.

Никс мстительно хихикнула про себя и помогать ему справляться с девушками не стала. Пускай привыкает. Может, ему понравится.

— Так как, сударь, свободно ли ваше сердце? — спросила Керри Бернардина, как самая напористая.

Керри погрустнел и вздохнул:

— К счастью ли, или к несчастью, я отдал его той, чьи руки нежны, а слова мудры, глаза глубоки, словно море или вечернее небо земель исхода. Но нам не суждено быть вместе, ведь я — Третье Дитя Нашедшего Путь, хранитель и страж Мира Снов, а она — просто... человек.

— Вот еще, просто, — фыркнула Никс. — Ладно. Пожалуй, хватит. Все равно, даже если мы освободим всех, мы не сможем никак их отсюда вытащить.

— Пойдите-ка, — вмешалась Шани. — Может, и есть смысл в таком освобождении. Мы же однажды проснемся? Не станут же они держать нас вечно в искусственной этой коме? И тогда...

— ...если мы все будем знать, что делать... — продолжила Никс. — А ведь точно. Мы проснемся в тех же камерах или — как получится. Мы будем знать, что наши товарищи тут, рядом. Что там в камерах? Огнеупорное покрытие, вольфрамовые колодки? Так просто не сжечь. К тому же... — Никс покосилась на Лирес. — Не факт, что бороться захотят все. Может, кому-то и так нормально. К тому же, противостояние чтецам может аукнуться. Я в сомнениях.

— Я никак не оправдываю того, что они с нами сделали, — покачала головой Шани. — Кем бы они ни были на самом деле. Это противозаконно и... бесчеловечно. Я никогда не нарушала закона и жила по Заповеди.

Никс хмыкнула про себя: так уверенно сказать о себе самой она бы не смогла.

— Нужно подумать, перебрать все варианты, — серьезно продолжила Шани. — Вот сейчас нас уже пятеро. А если нас будет сто? Мы же будем настоящей силой!

Никс смотрела на нее задумчиво. Ей вдруг в голову пришла мысль, что коллеги-то они коллеги, но ничто не мешает кому-то из девочек быть не просто против протеста, но заодно с чтецами. И тогда, если они и придумают какой-то план, один такой предатель может разрушить сразу все. А как проверить, кто есть кто?

Да никак.

Тут или довериться, или нет.

— Мне нужно подумать, — спокойно сказала Никс. — Будьте здесь, думайте тоже. А мы пока отойдем недалеко, туда, где я смогу сосредоточиться. Я вернусь за вами, так или иначе, — пообещала она. — Но сейчас мы не можем действовать сгоряча. Пока что, если нас разбудят, молчите и делайте вид, что тут ничего не случилось. Вы ничего не знаете и ничего не видели.

— Но мы действительно ничего не знаем, — Шани развела руками. — Разве только... они собрали нас тут, желая разыскать тебя?.. Ты ведь — явно необычная. Кто ты?

Никс поняла, что не может найти ответа.

— Я элементалист огня, — сказала она. — Такой же, как ты. Мне просто немного не повезло. Керри, идем.

— Поймай, — Шани ухватила за ее рукав, — ты точно вернешься? Чтобы освободить тех, кто остался в этих шарах?

— Я вернусь, — пообещала Никс.

Мироходцы: битва

Они стояли на холме, глядя вниз, на усыпанный огнями город, обосновавшийся в долине между огромными каменными столпами, покрытыми вьющейся зеленью, связанными между собой паутинками веревочных мостов. Над деревянными остроугольными крышами парили воздушные змеи в форме бабочек и птиц: в городе был праздник, и фейерверки окрашивали ночь то в красный, то в зеленый, то в синий.

Это был религиозный праздник — люди поклонялись местному своеобразному божееству по имени Варасшу.

Ветивер сказал, что это очень важно. Айра не до конца понимал, почему.

В этот день они не искали утерянное Айрой, но должны были сделать важное для Ветивера дело. То есть Айра должен был только смотреть и учиться, а Ветивер — действовать.

Ветивер предупредил Айру, чтобы тот держался поодаль и ни во что не вмешивался. Он сказал, что итоги этого "урока" они обсудят позже — если у Айры будет желание их обсуждать. Ветивер сказал, что Айре может не понравиться то, что он увидит. Но это — часть пути мироходца, как его понимал Ветивер.

Айра сказал, что готов ко всему и что не будет делать поспешных выводов. Он клятвенно пообещал, что не станет мешать Ветиверу. Это обещание гарантировало, что они и дальше продолжат путь как ученик и учитель. Айра не думал, что он уже готов путешествовать самостоятельно. Он чувствовал, что узнал не все.

Городские ворота открылись, и на дороге вывалила нарядная, веселая толпа.

— Сейчас будут танцы, — сказал Ветивер.

Действительно: на пригорок вышли музыканты, вытащили валторны и барабаны, скрипки и дудки. Из ворот следом за толпой выплыли бутафорские многоголовые драконы, поддерживаемые снизу сокрытыми за занавесями людьми, зазмеились разноцветными лентами, стали водить хороводы вокруг восхищенной толпы.

— Пора, — сказал Ветивер. — Будь здесь и смотри.

Айра остался стоять на холме.

Ветивер начал спускаться — медленно, разведя ладони в стороны.

Никто из праздных горожан не обращал на него внимания. Айра видел, как в руках Ветивера нарастает свечение. Он уже начал догадываться о том, что будет дальше, но обещание не вмешиваться сковывало его.

Он смотрел и не верил своим глазам.

Ветивер повел правой рукой, оставляя на земле перед собой светящуюся выжженную полосу.

Музыка стихла не сразу.

Толпа замерла на миг, прежде чем разразиться визгами и превратиться в испуганное стадо.

Ветивер взмахнул другой рукой — огненная плеть попала в башню над воротами, закрутилась вокруг. Ветивер вскинул ладонь, и башня обвалилась, руша ворота и придавливая пытающихся спрятаться в городе людей. Крики ужаса и отчаяния наполнили ночь.

Кто-то не стал убегать. Мужчины вынули из-за поясов ритуальные кинжалы, сгруппировались и пошли на Ветивера. Из-за их спин показались другие, с цветастыми ружьями. Прогрели хлопки. Ветивер отмахнулся от пуль, как от мушек. Он хлопнул в ладоши — и земля треснула, накренилась, горожане оказались в самом центре обвала. Они пытались карабкаться вверх по осыпающейся земле, но их засасывало все глубже.

Ветивер наклонился и поднял с земли камень. Взвесив его в руке, он размахнулся, неспешно прикинув траекторию, и запустил камень в город.

Камень превратился в пылающий огненный шар.

Через стены и дома прошла расплавленная, развороченная полоса шириной в

человеческий рост, а затем камень врезался в один из столпов, подпираемых городом, и огромная скала, покачнувшись, начала крениться вбок.

Айру сковал ужас.

Все это заняло не более трех минут.

Он дрожал, глядя на то, что делает Ветивер, злился и не мог отвести глаз.

А потом ночь затрещала, как разрываемая ткань, реальность помутилась на миг. Айра покачнулся, еле удерживая равновесие. Землетрясение?

Он услышал дикий вой откуда-то сзади. Оглянулся, тщетно пытаясь закрыть уши от пронизывающего все сущее гортанного рева.

Над широкой равниной, теряясь в грозовых облаках, возвышался многоголовый гигант, похожий на жирного прямоходящего змея. Длинные пальцы четырех мускулистых рук сжимались от ярости. Огромный серый хвост, суставчатый и гребенчатый, бил по земле, расплескивая реку, сметая поселки и мельницы, холмы и деревья.

Гигант приближался огромными шагами, но медленно, слишком медленно, как будто бы он застыл на месте.

— Эти примитивные боги не терпят, когда их паству убивает кто-то, кроме них самих, — произнес Ветивер ласковым довольным шепотом Айре на ухо, вдруг оказавшись рядом.

Айра вздрогнул от этого мягкого прикосновения и понимания, каков его спутник на самом деле.

В следующий миг Ветивер был уже далеко — на полпути к семиголовому шипастому исполину.

Айра видел, что Ветивер меняется — его фигура становилась больше, одежда давно порвалась. Он распухал, как труп. Из его шеи вырастали шипы, из лопаток — крылья. Он согнулся под тяжестью самого себя, чтобы в следующий миг распрямиться, как пружина, обратившись в поджарого, юркого красного дракона, раскрыть мощные узкие крылья, острые, словно клинки, взмыть в воздух и вцепиться в одну из голов гиганта, все еще превосходящего его размерами как минимум втрое.

Айра крепче сжал пальцы на холодном металле своего посоха, сам желая отчего-то уменьшиться, стать прозрачней и незаметней.

Он не мог с точностью предположить исход битвы, пускай и понимал, что вряд ли Ветивер стал бы ввязываться в бой, который не способен выиграть.

Красный дракон, словно кружащая над цветком пчела, облетал многоголового исполина, нанося удар за ударом, укус за укусом. Четыре когтистые руки не могли его поймать. Гигантский хвост хлестнул по красному дракону, отбрасывая того далеко в сторону. И загорелся. Пламя стало подниматься по хвосту исполина вверх. Красный дракон, взяв разбег, оттолкнулся от земли, прыгнул, ударился острой пастью в грудь гиганта и прошел насквозь, пробив в туше дыру. Из отверстия водопадом хлынула кровь.

Исполин взвыл всеми семью глотками, забил руками и хвостом, нанося удары хаотично. Из пастей полился жидкий свет. Красный дракон пытался не попадать в этот свет, но исполин начал плевать им, силясь угодить в дракона.

Рывок — красный дракон взрезал крылом глотку одной из голов, вцепился в нее и оторвал с мясом, отбрасывая прочь.

Титан мгновенно вырастил из туши еще восемь рук, пытаясь поймать ими дракона. Но стоило ему схватить скользкую опасную тварь, как прочь полетели пальцы и ладони, а

дракон, хищной стрелой кинувшись вперед, снес исполину еще две головы.

Айра заметил, что рядом с ним стоят на коленях люди из полуразрушенного города, и так же не могут отвести глаз от грандиозной битвы, происходящей в небе. Кто-то молится, кто-то закрывает голову руками, складываясь в священных поклонах. Кому они молятся? Почему они не бегут? У них совсем в головах пусто?

— Кому вы молитесь? — закричал Айра. — Они же убивают вас!

— Кто победит, тот и станет новым Варасшу, — ответил ему разукрашенный хной старик на своем языке. — Священная битва богов наполнит реки золотом, а чрева женщин понесут божьих детей, умеющих повелевать ветрами и грозами. Глаза тех, кто видел битву, смогут заглядывать в будущее. Смотри и впитывай белое золото Варасшу, а лучше становись и почитай его с нами, чужеземец.

Айра оторопел.

Этим людям было все равно. Они восприняли своих умерших... как жертву новому богу.

Айра взглянул на битву: у исполина не было никаких шансов с самого начала — теперь Айра понимал это. Красный дракон разрывал тело гиганта на куски, отгрызая руки и целые ломти костей и мяса, разбрасывая их вокруг и изрыгая их из окровавленной пасти языка пламени, озаряющие темное небо. В конце концов, красный дракон остался возвышаться над горой из разорванной плоти. Его острые, словно лезвия, крылья сверкали в пламени горящих лесов, он тяжело дышал и обзирал все вокруг бесстрастным холодным взглядом нового владыки.

Народ позади Айры запел. Это была странная песня — без слов, но с отчетливым мелодическим рисунком.

Они чувствовали нового бога.

Бога, который, как знал Айра, уйдет отсюда, забрав с собой то, ради чего он все это затеял.

Красный дракон взмыл вверх.

Он закружился в небе, и, словно подброшенная монета, в разошедшихся облаках сверкнула луна. Дракон распростер крылья, издал громогласный клич, заглушивший хор голосов и сердцебиение Айры, а затем рассыпался сияющими бриллиантами звезд, просыпавшись на землю их осколками.

Кто-то продолжал петь, кто-то стал собирать драгоценные "слезы богов" с земли, кто-то наконец начал оплакивать мертвых, другие молились, стоя на коленях и отбивая поклоны.

Айра недвижно смотрел в небо.

Он нервно дернулся, когда кто-то положил ему ладонь на плечо.

Ветивер накинул на лицо капюшон, скрыв под ним ярко-алые волосы и горящие мягким зеленым светом глаза.

— Ну, вот и все, — тихо произнес он. — Пойдем отсюда.

Айра не шелохнулся.

— Пойдем, — сказал Ветивер. — Теперь настало время для ответов.

Айра, пересилив себя, двинулся следом за Ветивером — и полуразрушенный город сразу исчез из виду, а они оказались идущими по темному морскому берегу.

— Ты хорошо смотрел? — спросил Ветивер.

Айра, чувствуя как все еще от напряжения трясутся поджилки, сказал серьезно и яростно:

— Объясни, зачем это. Чтобы все это оправдать... я не уверен... я не уверен, что этому

вообще может быть оправдание. Неужели есть что-то ценней человеческой жизни? Зачем?.. Ты — палач и убийца. Или... Что ты сделал? Кто ты есть? Зачем ты мне все это показал?

Айра понимал, что не смог бы остановить Ветивера, даже если бы захотел.

Ветивер повернулся к нему и раскрыл ладонь: в центре лежала светящаяся пульсирующая ягода красно-золотого цвета размером с горошину.

— Что это такое? — спросил Айра.

— Сердце бога, — ответил Ветивер.

— Такое маленькое? — Айра покачал головой. — Ради него все это было? Зачем оно тебе?

— В нем — тепло тысячи солнц и сила творения.

— Зачем тебе столько? Я чувствую в тебе мощь, подобную этой... зачем же еще? Куда?

Ты же не просто мироходец. Я...

— Раньше ты этого не понимал.

— Да. Теперь я видел твою истинную суть. Ты — дракон?

— Нет.

— Ты — человек? Или бог?

— Ни то, ни другое, ни третье, — ответил Ветивер. — Для меня не существует слов, не пробуй их отыскать.

— Зачем ты показал мне, как убиваешь божество этого мира и достаешь его маленькое всемогущее сердце?

Ветивер скинул капюшон — на берегу они были одни и прятаться было не от кого.

— Я учил тебя своему ремеслу, — ответил он. — Как ты того и хотел.

— Я не...

— Мне не приносит радости убийство невинных людей, но и ценности их жизни для меня не имеют.

— Но как же...

— Хорош ли их бог, что не сумел защитить их?

— Это тебя не оправдывает.

— Хороши ли эти люди, с легкостью меняющие богов?

— Это не оправдывает тебя тоже.

— Съешь это сердце, и ты поймешь меня лучше.

Айра смотрел на протянутую ему ягоду.

— Мне не нужна сила чужих мертвых богов, — ответил он твердо.

— Ладно, — сказал Ветивер. Поднес ладонь ко рту, запрокинул голову.

Айра почувствовал, как незримая, неумолимая волна прокатилась по миру, и центром ее был Ветивер. Но, несмотря на разрушительную силу этой волны, Айра устоял, держась за вонзенный в песок посох.

— Но зачем эта сила тебе? — спросил он. — Я чувствовал в тебе такую же... или похожую. Зачем тебе больше?

— Знаешь... — произнес Ветивер, вытирая тонкие губы, — я ищу, как и ты, место, которого нет, очень давно... и очень давно я решил, что если не смогу найти искомое, то почему бы мне самому не создать его? Точно такое, как то, которое я потерял.

Айра смотрел в глаза существу, для которого не придумали слов.

— И для этого ты собираешь силу других богов?

— Именно.

— И сколько еще миров ты оставишь... вот так?

— Кто знает, — Ветивер улыбнулся. — Да и какая разница? Миров — бессчетное множество, а я у себя — один. Теперь, наверное, ты хочешь остановить меня?

Айра не стал отвечать ему сразу — двинулся вдоль пологого берега, зная, что Ветивер пойдет следом за ним, и молчал долго, обдумывая ответ.

— Я понял, почему люди развязывают войны, — наконец заговорил Айра.

— Надо же, — Ветивер действительно был рядом. — Почему?

— У тебя — своя правда. Если я не могу тебе ничего доказать, не могу достучаться до твоего разума, не могу преломить или изменить твое представление о том, как все должно происходить... Мне не остается ничего, кроме как применить силу, а тебе — защищаться.

— Ты хочешь бороться со мной?

— Я еще слишком глуп и наивен, чтоб даже думать об этом, — произнес Айра искренне. — Не говоря уже о том, насколько я молод и слаб. Я все еще твой ученик, и я не несу ответственности за то, что делает мой учитель. Я лишь следую за тобой. Я сам буду решать, как мне использовать то, чему ты учишь меня, и стоит ли того моя цель.

— Чему же ты научился сегодня?

— Сегодня я увидел, как множество правд схлестываются и сплетаются, порождая замкнутый круг. Идея — это завязь действия, она движет человеком. Смерть человека — смерть идеи, которую он несет. Но смерть идеи — не смерть человека. Стало быть...

— Ты выбираешь путь не силы, но слова? — усмехнулся Ветивер.

— Я еще не подошел к той черте, когда мне нужно будет выбирать, — ответил Айра. — Возможно, что таких, как я, ты много повидал, оттого тебе и смешно. Сколько у тебя было учеников?..

На этот раз Ветивер ничего ему не ответил.

Лодка плыла по спокойной черной воде. Позади совершенно бесшумно поднимались из темных глубин исполинские каменные змеи — с гребнями, покрытыми водорослями, с горящими желтым огнем глазами. Они медленно, едва заметно двигались, словно существовали в каком-то другом времени. В воде отражались звезды и, вдалеке, гора Антарг с ее извечной красной луной в изголовье.

Никс держала пламенный клинок перед собой, собранная и сосредоточенная. Керри правил лодкой при помощи узкого длинного весла с изогнутой красной рукоятью. Борозды неглубоких волн расходились в обе стороны от медленно движущейся сквозь ночь лодки, колебля отражающиеся в подвижной водной глади звезды.

— Я никудышный тактик, — произнесла Никс со злостью. — Даже рассчитывая на помощь коллег-элементалисток, я не могу придумать, как собрать нас всех в один кулак и сделать из нас инструмент. Мне кажется, мы бессильны против грубого нахальства и коварства тех магов, что вздумали нас пленить. Да и зачем это все? Из-за меня? Они не хотят, чтобы я делала то, что делаю? Или причина во всех нас? Эксперименты? Месть? Бред. Эти девочки... Они смотрели на меня так, будто я могу им помочь. А я все еще сама ничегошеньки не понимаю.

— Тебе не хватает знаний, — рассудительно ответил Керри. — Или времени на раздумья.

— Времени, кажется, вдоволь, — она вздохнула. — Будить нас и что-то делать эти люди явно не торопятся. А про знания — да, тут можно и позавидовать твоим "вшитым" данным.

Керри ничего не ответил.

— А может, я как-то неправильно думаю? — продолжила Никс. — Итак, что мы знаем? В капсулах — элементалистки огня. Женщины. Нет, скорее девушки. Все описывают похожие помещения, всех туда привезли насильно. Где находятся эти помещения — неизвестно. Стало быть, встает вопрос: можем ли мы предполагать, что всех нас держат в одном месте?

— И да, и нет, — произнес Керри.

— Точно. Так же мы не можем знать их целей, кроме того, что убивать нас они не намерены.

— Пока.

Никс сжала рукоять огненного клинка, злясь на собственное бессилие и невозможность действовать.

— Все, что мы можем сейчас, это ожидать, пока нас разбудят извне, — сказала она. — При этом нет никаких причин думать, что разбудят сразу всех. Возможно, будить будут по одной. Что же делать? Будили ли кого-то уже? Этого не узнать, пока я не освобожу и не опрошу всех.

— Если освободить всех, вероятность узнать более прежнего повысится, — кивнул Керри. — Может, вы сможете уразуметь, то ли это здание, или другое, где оно... и есть ли лазейки, что помогут вам убежать.

Никс досадливо поморщилась:

— Но ведь это ж девочки. Может начаться паника. Может... да что угодно может

случиться. Вот я и говорю: не упускаю ли я какой-то возможности использовать нас против них наверняка? Вместе и по одной? Что, если проработать два плана — для каждой и для всех вместе?

Керри ответил с сомнением:

— Но послушают ли они тебя? Если в каждой из них хоть часть твоего огня...

— Тоже очень хороший вопрос.

Никс задумалась.

Из глубин темной воды поднялся косяк светящихся бледно-зеленым рыбешек. Они закружились внизу призрачным вихрем и сгинули в ночи так же внезапно, как появились.

— Я не могу сидеть сложа руки, — произнесла Никола. — Меня достало уже это все. Надо... Надо уже что-то решать. Искать эту Вьюгу, или как там ее... Кстати, почему мы должны были идти через то озеро? Как там его?

— Явер, — подсказал Керри.

— Отсюда, изнутри, можно ли туда пробраться?

— Насколько я мог понять, утес Серого Крыла отграничен от многомерного морока истинной пустотой. Я видел его, но попасть туда не смог. Думаю, все это неспроста. Это что-то вроде защитного механизма, загадка, которую с легкостью разгадает знающий, и никогда не осилит случайный встречный.

— То есть, если я проснусь и пройду на утес через озеро Явер, ты останешься здесь и не сможешь пойти со мной?

— А как иначе, огненная дева?

Никс смутилась.

— Да я что-то думала... Привыкла уже к тебе, чудовище. Почему-то решила, что ты на утес и к Вьюге вместе с нами пойдешь.

— Увы, — Керри опустил голову, спрятав взгляд. — Что бы ты ни говорила, я — слуга и пленник морока. Я не могу пройти через вершину Антарг, так как не могу преодолеть Тлеющего моря. Край Света так же отторгает меня, он для меня похож на бесконечный мелкий океан. Та магия, которая меняла нас местами, полагаю, уже исчерпалась, высшим силам того более не нужно. Я сыграл роль в их игре. Я снова должен умерщвлять пришедших во плоти и развоплощать пришедших во сне — так было всегда и так должно быть. Но ты бередишь мне душу, заставляя хотеть большего, того, чего мне не предназначено и не разрешено...

Никс смотрела на него и понимала, что искренне хочет помочь ему. Его ей было почему-то куда жалче самой себя. Да, она сама была в плену, но в глубине души она точно знала, что выберется. Потому что так должно быть. Ей хотелось каким-то образом поделиться с ним этой своей внутренней свободой. Или, хотя бы, надеждой.

— Если мой огненный клинок способен резать ткань морока, — произнесла она, — могу ли я прорубить стену, что отграничивает утес Серого Крыла от всего остального?

— Там не стена — там истинная пустота.

— Какая разница! Что это такое? Вакуум? Там просто ничего нет?

— Истинная пустота — кажется, это то, что разделяет миры. Место, где нет времени и пространства.

— Сжался, Керри. Это, что ли, что-то про физику? Я в ней не сильна.

— Больше мне неизвестно, — он покачал головой.

— А почему ты не можешь пройти через Тлеющее море? — Никс решила зайти с другой

стороны.

— Никто не может пройти через Тлеющее море, не сгорев, — ответил Керри.

— А как Варамира с Ромкой прошли?

— Они были тут недостаточно долго, чтобы перемениться, и я лишь гнал их до границы Тлеющего моря... но были ли они людьми?

— Что-то после твоего вопроса я начинаю сомневаться, — ответила Никс. — Они были... необычными людьми. Судьбоплетом и судьбоедом. Не были, а есть.

— Стало быть, в их силах было пройти.

— То есть исключения существуют!

— Я касался Тлеющего моря, — сказал Керри. — И опалил ладонь.

— Понятно, — Никс подавленно замолчала. — Стоп. Ты... опалил ладонь. То есть... ты тут все-таки во плоти? Ты сам — материален?

— Не пытаешься ли ты разрешить мою беду оттого, что бессильна отыскать свой собственный путь на волю?

— Мы пришли сюда думать, — твердо ответила Никс. — Вот я и думаю, что могу.

Керри снова промолчал.

У Никс перед глазами возникла картина обожженной руки. До мяса. Ее передернуло. Сама она в жизни не обжигалась — так уж заведено у магов огня. Если жар нестерпим и плавит металл, она чувствует его, конечно — до поры до времени. В определенный момент ощущения просто притупляются, и, как бы ни был горяч огонь, уровень жара остается прежним.

— А мы сможем пройти через Тлеющее море? — спросила она задумчиво. — Войти в черный город Сол... подняться на вершину Антарг... в этом нет никакого смысла, пока мы во сне. Если я выйду через Антарг во сне... что со мной случится? Я вернусь в свое тело?

— Кажется, ты станешь бессмертным призраком, — ответил Керри. — Но точно я не знаю.

— Смогу ли я пройти босиком по Тлеющему морю? Без всех этих Фантасубвеструмов и прочего?

— Ты хотела сказать, проплыть?

— Проплыть?

— Море — бесконечная бездна горячей маслянистой жидкости, черной, вязкой. Камень, брошенный туда, сгорает, не успев утонуть наполовину. Глубина его никому не известна.

— А я почему-то представляла его как некие травянистые холмы, по которым полосами идет пожар... — Никс заколебалась.

— Действительно, сверху кажется, что оно похоже на бархатные дюны — из-за пепла. Но на самом деле...

— А пролететь над ним можно?

— Протяженность его велика, а ядовитые испарения...

— Поняла-поняла.

— Можно, конечно, попробовать, но что-то мне подсказывает...

— Ага, там на нас нападут какие-нибудь встречные ветра, мигающие телепорты или еще какая беда. Я поняла. Все сделано так, чтобы предотвратить случайное проникновение в Сол. Все кем-то спланировано... как будто задумано... создано не просто так.

— Я сам давно убедился, что все здесь не просто так, — ответил Керри. — Мы —

умысел Нашедшего Путь и действуем по священной воле его.

Никс отмахнулась:

— Пускай. Я все еще хочу взглянуть на это ваше Глеющее море поближе. Вдруг все не настолько страшно. Но не сейчас. Я обещала Шани и девочкам вернуться за ними, когда что-нибудь придумаю, — она коротко улыбнулась. — И, кажется, у меня появилась идея.

Керри показался заинтригованным. Он склонил голову набок, и колокольчики в его косах звякнули.

— Поведай же мне, что ты задумала, огненная дева.

— Во-первых, мы освобождаем всех, — начала она. — А во-вторых...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда он просыпался в прошлый раз, у его постели был Эль-Марко.

Он говорил достаточно правильные вещи. Поначалу. А потом он принялся довольно специфически шутить — кажется, маскируя тем самым свои действительные чаяния. Найк, поняв правильно первую часть беседы, под конец ласково назвал Эль-Марко "папой" в отместку, намекая, раз уж такое дело, на серьезность своих намерений и все такое прочее. Эль-Марко после таких намеков довольно скоро ретировался и дал поспать.

Неопределенность тяготила, но Найк в самом деле чувствовал себя лучше. На полке возле кровати лежал новенький телефон, и с его помощью, вроде бы, можно было связаться с остальными. Найк какое-то время перебирал в голове все, что успел узнать, вспоминал ближайшие события — внутренняя тревога нарастала. Он осознал, что лежать дальше и бездействовать не может. По крайней мере, он должен хотя бы узнать, как там остальные. Вернулись ли Кей и Рейнхард?

Найк сел на кровати, и только тогда с удивлением обнаружил Рина Даблкнота собственной персоной, расположившегося на стуле в углу. Найк даже сперва глазам своим не поверил, поэтому моргнул на всякий случай и глаза протер. Рин никуда не делся — остался сидеть, где был, живой и невредимый. Роба только осунувшаяся и как всегда бледная, да под глазами фиолетовые круги. Пройденных путей в нем обнаружилось сразу на тысячи три больше — и когда Найк почувствовал это, ему стало почему-то тоскливо.

Чувствуя некоторую неловкость, он произнес:

— Ну здравствуй, что ли.

Голос осип.

— Утречка, — просто ответил Рин, подняв взгляд.

Очков на нем не оказалось, и как всегда бывало в таких случаях, смотрел он немного расфокусированно.

— Надо же, ты живой.

— Кто бы говорил, — Рин поднялся, отложил книгу, которую читал, на подоконник и подошел к кровати. Встал рядом, скрестив руки на груди. — Толкуют, что ты, Бродяжка, себе имя новое выдумал.

— Было дело, — согласился Найк. — Лет десять назад.

— Выходит, в этом мы с тобой похожи, — Рин улыбнулся краем рта.

Найк смотрел на Рейнхарда снизу вверх, припоминая разговор с Эль-Марко о серебристом сиянии и прочих избранных. Как-то реальность оказалась другой. Глядя на залегшие под глазами Рейнхарда круги и лопнувшие сосуды в белках, в сияние верить трудно. Более того, Рин сейчас как никогда напоминает себя прошлого, того, каким они с Ари его встретили. Он тогда прожигал жизнь, как мог, и казался довольным этим занятием,

вот только оно его старило лет на пять и отзывалось по утрам абстинентным синдромом, синяками где не надо и прочим, что приходилось перед концертами замазывать тем, что под руку попадет. Тогда он совсем себя не щадил, хотя делал вид, что потекает себе. В действительности он потакал саморазрушительному желанию опосредованной смерти, но поди ж докажи это начинающему алкоголику и успешному повесе. Благо, врачи смогли.

Найк понадеялся, что сходство это — результат усталости и пережитых волнений.

Поежился: в палате было нежарко.

— Ну, и что... и почему ты пришел сюда ко мне? — спросил он. — Я не понимаю. Разве ты не должен быть... сам больным? Из того, что мне рассказал Эль-Марко, я понял, что вы там во что-то крайне небезопасное вляпались... и вообще... То есть не сами, конечно, а вас... Ну, ты понимаешь.

— Это долго рассказывать, — ответил Рин. — А не слишком помятый я, так как вторую ступень на связку с регенерацией качал.

— Значит, ты там много профильного колдовал?

— Возможно, даже чересчур, — Рин помрачнел.

Найк попробовал пошутить:

— И что, по итогу выходит, что из лап Детей Зимы тебя вытащила девчонка?

Рин ответил тяжелым взглядом и прескверной ухмылкой, так, что Найк сразу же понял: юмор он выбрал немного не тот.

— "Девчонка"... — протянул Рин. — Вот уж ты ей то ли польстил, то ли отругал... из Кей девчонка, как из меня — пивовар. Нормальные женщины так ради карьеры не рискуют. Да и вообще... — он осекся. — Впрочем, ты прав. Без нее все могло пойти иначе. Но и сейчас все... очень сложно.

Найк вскинул брови. Они оба явно были слишком трезвы, чтобы подробно расшифровывать эти два определения: "все сложно" и "девчонка". К тому же, оставались более насущные темы. Вот например...

— Есть какие-то новости про Николу и остальных? — серьезно спросил Найк.

Рин помолчал, потерев куцую штормку. За окном детвора резвилась на самодельном катке. Стеклопакеты не позволяли гомону проникать внутрь палаты, но иногда особо громкие визги просачивались.

— Кое-какие есть, — ответил Рин.

— И?..

— Эль-Марко звонил какой-то парень, представившийся Оливером Вайсом.

Найк оживился:

— Никс рассказывала мне о нем.

— Вот оно как. А нам-то она рассказать забыла. Значит, этот человек действительно видел ее и ему можно верить. Ну или хотя бы он знает ее... и говорит, что видел.

— А поподробнее?

— Бывшая поликлиника элементаристов, сейчас — официальная магическая психбольница под протекторатом жрецов Пламенного Просвещения и чтецов. Расположена в нескольких километрах южнее северной границы. Оливер загремел туда как сноходец. Я так понимаю, он "переменился" — Керри предупредил об этом — и оттого повредился головой. Но, вероятно, недостаточно...

— И мы верим ему? — спросил Найк. И сам же ответил: — Нам больше ничего не остается, так ведь?

Рин сел на противоположный край постели у окна и как-то сжался весь, закрыв лицо ладонями. Найк обернулся. Замер нерешительно. Он не знал, что делать, и не совсем понимал, что вообще происходит. Но чувствовал, что с Рейнхардом что-то не то. Эта его поза — он что?.. Это... слабость? Показанная? Продемонстрированная? Ему?.. Рейнхард, который, как говорят, действительно король Севера, специально демонстрирует свою слабость, грусть? Что это? Отчаяние? Доверие? Он... сломался? Не-ет, быть такого не может. И все же... Раньше Рин ни за что не стал бы вести себя так. В худшие свои дни он до последнего корчил из себя всесильного и негибавшего, никому ничем не обязанного и ничего ни от кого не ждущего.

И уж точно раньше Рин не стал бы так вести себя с ним.

Найк не слишком верил своим глазам и совсем не знал, что думать и что говорить, и надо ли.

— Эй, ну... — поколебавшись, он все-таки положил Рину ладонь на плечо. — Чего это ты?

Рин какое-то время молчал. Найк руку убрал.

— Если есть место, значит, мы ее оттуда вытащим, — уверенно произнес Найк. — Место не в пустыне, значит, дороги там будут, а я уже почти здоров. Ты тоже. С нами настоящий целитель. Закутаем меня в пуховик и пойдем ее вызволять. Тебя же вытащили! А это казалось вовсе безнадежным. Потом будет дело за малым. Это ж не ледяная пустошь и тотальное бездорожье.

— Тиха, я очень легко могу убить их всех, — негромко произнес Рин. — Любого, кто встанет на моем пути.

— Ой, какой ты опасный, — шутливо испугался Найк. — И меня зовут...

— Ты не понимаешь.

— Я-то как раз понимаю, — жестко ответил он. — У меня брат повелевает молниями с моих четырнадцати лет. Тут кота нагладишь — уже больно бьется, а этот... Я всегда знал, что маги — ходячие бомбы, но чем вы хуже мужика с пистолетом? И чем ты сейчас хуже себя несколько дней назад? С чего ты вдруг все это осознал и решил себя испугаться? Ты ведь всегда таким был.

— И точно, — медленно проговорил Рин. — Я всегда таким был.

Помолчали.

— И я не уверен, что вытащить Никс будет легко, — честно признался Найк. — Ты действительно думаешь, что способности кого-то убить достаточно? Они что, дураки и не ждут нас? Не подозревают, что за Никс кто-то придет?

— Я могу сравнить эту больницу с землей.

Найк почувствовал, что он не врет. Но испугаться не сумел. Ему показалось, что или он пугаться совсем разучился, или несущественно то, что говорит Рейнхард относительно уже произошедшего.

— Ты сам понимаешь, что именно это и не поможет, — Найк вздохнул. — Тут тоньше надо думать. Вообще, чего сидим? Почему никуда не идем? Раз нам известно местоположение больницы...

— Камориль ждем, — ответил Рин.

— Вот это поворот. Старый некромант все-таки сумел сюда добраться?

— Еще пока нет. Остальные сейчас пытаются придумать дальнейший план действий. А ему, как ты верно заметил, неплохо бы быть филигранным, так как права рисковать и бить в

лоб мы не имеем — в этом ты совершенно прав. И да, ты бы там, наверное, пригодился.

— Ладно. Сейчас переоденусь... кстати, где тут все? И... — Найк прочистил горло. — Ты не мог бы выйти?

Рин не двинулся с места.

— Давай-давай, вали отсюда.

Рин остался сидеть.

— Ты нарываешься.

— А что ты мне сделаешь?

— О, заотвечал. Ну... хочешь, устроим спарринг? Только без фокусов. Может, это поможет тебе понять, что ты все еще просто живой человек из плоти и крови.

— Только что отреставрированный ты и я, пребывающий не в самой своей лучшей форме. Это будет выглядеть жалко.

— Какая разница, как это будет выглядеть!

Рин хмыкнул, улыбнулся, а затем даже негромко хохотнул, впрочем, не особо весело. Он встал и подошел к выходу из палаты:

— Твоя одежда в камере хранения. Я сейчас принесу.

— Ну... ладно, — удивленно ответил Найк.

Через полчаса он выписался из больницы (оценив выдуманное товарищами подставное имя — те постарались на славу) и, пока они шли на выход, успел заметить, как пялится на Рина персонал. А люди смотрели... как-то по-особенному. Не все, в основном те, у кого из-под медицинских шапочек пробивались светлые прядки.

— На тебя и раньше внимание обращали, а теперь что-то совсем бредовое творится, — заметил Найк. — На меня они вообще не смотрят, с моим-то цветом волос, — непривычно как-то. Почему, реально, за мной ты пришел, а не Кей? Тебя бы под замком теперь хранить... Что они от тебя хотят?

— На тех, в ком есть северная кровь, я, скорее всего, действую, как жареный стейк на любителей мяса — в смысле, они не то чтобы хотят меня сожрать, но я им определенно очень нравлюсь, — объяснил Рин. — Это им не подотчетно. Они, вроде как... ну, из-за того, что моя сила пробудилась, они теперь... готовы служить мне. Так что пускай смотрят.

— Бр-р, аж мурашки по коже. Что, правда что ли?

— Похоже на то, — невесело ответил Рин. — Но не волнуйся об этом, наверное. Мои силы сейчас на пределе. Воспринимай меня как... не знаю. Охранный амулет. Именно поэтому я за тобой и пришел — мне здесь некого бояться.

Найк слегка вздрогнул от этих его слов.

— Ладно-ладно, как скажешь, суперсильный ледяной элементалист.

— Исключительный чародей, — тихо произнес Рин.

— Нет, правда? — Найк остановился. — Вот так вот, да? А разве нет какой-нибудь комиссии, которая бы это определяла? Ты просто взял и назвал себя высшим титулом этих ваших гильдий? Что там с тобой произошло, в этом Лунном?

— Пойдем, расскажу, — ответил Рин спокойно. — Чтобы ты все знал.

Они вышли под обычное пасмурное небо Тасарос-Фесса, рассыпающее щедро сухой мелкий снег.

Пока они двигались пешком вдоль проезжей части, Рин рассказывал Найку о форте Лунном и обо всем, что видел там. Он рассказал о воскрешенных предках, о девочке-старике Люсе Мирсине, о шантаже и обещаниях, о ледяной армии, о призраке войны на границе,

которого отсюда не видно, и о том, как он, Рейнхард Майерс Даблкнот, принял это все в один миг и тут же сумел высвободиться, а потом... А потом, судя по его рассказу, из-за угла вышла Кей, сказала что-то вроде: "Слышь, да хватит уже, пойдем!" — и они достаточно мирно добрались обратно на электродрезине.

— Значит, ты такой весь голый в темном зале висишь, а тут выходит маленькая девочка, — кивнул Найк, выслушав рассказ. — Ага...

— Это все, что тебя заинтересовало?

— Ну ладно, не все. Осознал ты такой свою силу, вышел из капсулы в темную залу, все еще голый, а тут входит такая Кей...

— Тиха!

— Меня зовут Найк. Попробуй запомнить, исключительный дуралей.

— Я не...

— Ладно-ладно. Так а что эти Дети Зимы теперь? Не выскочат ли они так же из-за ближайшего угла, чтоб затащить тебя обратно?

— Если ты про тех, которые в организации — да, скорее всего они знают, где я. Но я им больше не нужен. У них теперь хватает своих проблем. Я так и не разобрался, как там все на самом деле с этой осажденной границей и всем таким — но это не моя забота. Это не моя судьба. Может быть, когда-нибудь потом, через несколько лет, они залижут раны, восстановят базу и попытаются снова. Но тогда уже я намерен избавиться от проклятия Вьюги и всей этой излишней силы. Сейчас она нужна мне. Я сделаю то, что должен. А если Дети Зимы сунутся к нам сейчас — я прикажу им встать на мою сторону. Посмотрим, как их будет трясти. Они-то думали, что Белый Король — это просто сила... Но старуха Вьюга была щедра. Пожалуй, даже чересчур.

Они шли по мосту через замерзшую реку. Слева гудел бесконечный поток машин, перемешивая снег в серо-желтую кашу. Сверху он падал совершенно чистый и белый. Рин кутался в черное пальто и синий шарф и смотрел на Найка, шурясь.

— Ты сможешь мне? — спросил он.

Близорукие щурятся, чтобы лучше видеть.

— Ты мне, главное, потом огонька верни, — улыбнувшись, сказал Найк. Посерьезнел: — И параграф три поменяй на два. Я не хочу ей самого жестокого испытания. Ты не должен так ее мучить.

— Да уж, — хмыкнул Рин. — Ее и так испытывает жизнь, как может.

— И почему я раньше не догадался просто попросить?

Рин ничего не ответил. Дальнейший путь они преодолели молча. Найк думал о том, что они, по сути, делают сейчас одно дело, и внезапно осознал, что то дурацкое ощущение соперничества, которое терзало его раньше, куда-то ушло. Он смотрел на Рина и видел другого человека. И не в титулах и силе дело. Найк понял, что с этим парнем ему теперь нечего делить, нечем мериться и нечего ему доказывать. Это чувство было чем-то похоже на жалость, только тоньше, болезненней, и при этом чище.

Найк остановился, глядя в серое небо и ловя снежинки ртом.

А ведь север действительно показал, кто есть кто.

— А мы с вами в огне не горим, — голос Никс звучал пылко и вдохновенно, она даже сама себе поверила на секунду. Перед ней толпились элементалистки огня, особенно разные

в условиях морака. Сама она стояла на высоком камне, переливающимся розовым и фиолетовым, сжимая солнечный клинок в руках. За ней высилась основа огромной лозы, с которой они все спустились. Девчонки-маги, заполнившие каменистую площадку перед Никс, шептались, согласно кивая. Никс продолжила, не сбавляя напора: — Эти изверги задумали бесчеловечный эксперимент. Иначе никак это не объяснить. Но в наших силах его предотвратить, прервать. Вместе мы — сила. Кем бы ты ни была, каков бы ни был твой дар — проснись и сожги их всех. Пускай разгорится огонь, пускай пожрет их, тех, кто покусился на нашу свободу. Мы выживем, потому что мы в огне не горим, а они — горят. И они запылают, как миленькие. Они сгорят, словно спички. Мне их не жалко, потому что им не жалко было меня и вас. Ну, кто со мной?

Толпа заголосила и заулюлюкала. Девушки вздымали вверх руки и сжатые кулаки, кто-то хлопал. Некоторые элементалистки не разделяли восторгов большинства и смотрели откровенно скептически.

На это Никс и рассчитывала.

Она внимательно всматривалась в лица скептиков. Она старалась запомнить каждую освобожденную девушку. Не показалось ли ей? Вот эта, кажется... а, нет. Эта была. Но как заметить, не делся ли кто куда? Их оказалось сто двенадцать — приличное число. За всеми не уследишь. И это ж каким должно быть здание, чтобы вместить их всех?

Никс ждала и боялась вопроса, который кто-то должен был задать.

Да, они не горят в огне.

Но задохнуться угарными газами — не проблема.

Ну, кто?

Кто-нибудь догадается возразить ей?

Неужели они настолько глупы?

— Пробуйте поджарить их — врачей или тех, в защитных костюмах — неважно, — продолжила Никс. — Если ничего не выйдет, угрожайте поджечь себя. Мы рождены, чтобы жить свободными и свободными умереть, если нас призовут на бой за свою страну. Но никто из наших предков не согласился бы на то, чтобы их дети умирали так! Зачем они собрали нас и поместили в ложную кому? Ничего хорошего я от этих людей не жду. Мы не можем позвать на помощь — мы должны сами себя спасти. Поэтому я заклинаю вас Заповедью Неугомонного Сердца: дадим отпор врагу! Выжжем его изнутри! Маги огня закаляются в пламени, словно мечи!

И она вознесла над головой изогнутое лезвие солнечного клинка.

Элементалистки в этот раз не стали хлопать и кричать: они молча кивали, яростно сжимая кулаки. Кто-то с кем-то шептался, но в основном все взгляды были прикованы к импровизированной трибуне.

— Ну и, на самом деле, я очень рада, что повстречала вас всех, — не выдержав стилистики заготовленной речи, добавила Никс от души. — Я всегда хотела пообщаться с коллегами — огненными элементаристами, узнать, как у кого сложилась судьба, сумели ли вы применить свое проклятье в мирной жизни. Когда все это кончится, нам нужно будет найти друг друга снова, может, мы создадим отдельную ассоциацию? Но пока нам нужно выбраться и выжить. Да, это главное. Так что давайте постараемся и сделаем все возможное...

Последним, что Никс увидела, были растроганные слезы Шани — она искренне ей улыбалась, стоя в первом ряду, и вытирала правый глаз запястьем.

В следующий миг Никс почувствовала, как затхлый воздух врывается ей в легкие, насыщенный запахами медикаментов и плесени, открыла глаза широко до боли и обнаружила вокруг себя людей в защитных костюмах, а себя — затянутой в смирительную рубашу так, что руки ныли в локтях.

Она дернулась. Человек слева отвел от ее лица кислородную маску.

— Суки, — зашипела Никс. — Сволочи! Я вас всех сожгу! Отпустите меня!

Их было человек шесть, и защитились они предусмотрительно, с головы до пят. Никс успела увидеть, что находится в огромной темной палате, в которой рядами лежат увитые проводами и трубками девушки — все неподвижные и бледные. Хором пищат контроллеры, сверху крутятся лопасти вентиляторов, нарезая на ломтики пыльные световые столбы.

Пока ее отвязывали от койки, Никс не дергалась. Призывать магию она тоже не стала, понимая, что в таком положении может поджечь только себя саму. Можно, конечно, попробовать мифическое "прикосновение взглядом"... Но момент показался ей не подходящим.

Двое крепких мужчин взяли ее и потащили куда-то, ногами вперед. Никс начала вырываться — тщетно, поэтому все, что ей оставалось — вдохновенно ругаться на своих пленителей всеми известными ей оскорбительными словами.

Ее несли по узким темным коридорам, подсвеченным зелеными лампами. Вокруг было сыро и промозгло.

Подвалы?

Путь завершился перед железными дверьми с множеством засовов. Трое в защитной одежде завозились с замками, кто-то вводил какие-то коды в электронное устройство справа. Никс занесли в помещение — там было потеплее, посередине стояла койка с перекладинами для фиксации "пациентов". Никс уложили на нее, но привязывать не стали.

Отпустили.

Пятясь, вышли и захлопнули дверь.

Заскрежетали замки.

Дрогнул и погас свет.

Никс наконец позволила себе кривую усмешку.

Все это может значить только одно: среди элементаристок были наблюдающие, присутствующие в морозе по своей воле, способные в нужный момент проснуться. Она ни капли не удивлена тому, что чтецам и пламенному просвещению доступны подобные фокусы.

Ее призывы были смешными, она сама это понимала, как должны были понимать и засланные шпионки. Но кто же знает этих элементаристок огня, обиженных почему зря... Кто поручится, что одна из них не обладает достаточной мощью и сумасбродством, чтобы и правда спалить всю эту дыру дотла?

И вот они вытащили ее, призывавшую к мятежу, и отделили от остальных. А дальше что?

Снова усыпят? Или теперь ей тут куковать в темноте, одной? Может, воспитательная мера?

У нее все внутри дрожало от напряжения, она была готова к прыжку и драке, и даже к смерти, если в бою — вот такое у нее было настроение. Но адреналин спал минут через двадцать, и Никс расслабилась, насколько позволяла тугая смирительная рубаша.

Она смотрела вверх, в пустоту. В голове возник недавний разговор.

"Хорошо ли ты подумала? — спросил тогда Керри. — Ты станешь катализатором... и ты не знаешь, как именно они себя поведут".

"Я думаю, они ищут меня, — ответила она ему. — Среди них. Наверное, они догадываются, кто им нужен, но не знают точно. Что же, я покажу им, кто есть кто".

"А как же... Ты же понимаешь, что подвергаешь себя... возможности скорой смерти?"

"Что важнее — моя жизнь или этих девчонок? Что если, пока я буду спать, эти твари начнут убивать их по одной? Так я хотя бы отведу угрозу от них... тех, кто ничем такую беду не заслужил. А так... захотят убивать — пускай так хоть меня одну".

"Неужели в исходном мире существуют такие коварства? Я думал, раз вы беспечны, значит, исходный мир не так уж жесток..."

"Я вот тоже надеюсь, что эти ребята — не совсем дураки и не настолько злодеи. Только б не ошибаться".

И вот результат. Наверное, все же, перед Керри она бравировала. Ей не слишком хотелось умирать за не особо знакомых, пускай и коллег. Но она не могла ничего не делать. Бездействие угнетало, лишало надежды.

Никс решила, что вот сейчас самое время попробовать "прикосновение взглядом". Оно ей никогда не давалось. Но чем теперь еще заниматься? Не страдать же по собственной не сложившейся судьбе? Хватит, уже настрадалась.

Она сосредоточилась на темноте перед собой. Где-то там был потолок, в нем, в защитных дырчатых панцирях — лампы. Тут особо нечего поджигать, но на пробу сгодится хоть пластик, хоть металл.

Никс попыталась высвободить магию, выбросить ее вперед себя, чтобы коснуться невидимой рукой потолка. Перед глазами мелькнула вспышка, еще несколько устремились вверх... но потухли в десяти сантиметрах над ее лицом.

Бесполезно.

Никс вспомнила шутки про воспламеняющуюся слюну — но пробовать не стала. В действительности, у нее не было цели поджечь потолок или саму тюрьму. Она сказала так лишь для того чтоб испугать возможного наблюдателя.

Ее цель — высвободиться. Ей еще столько надо успеть.

Сейчас бы, действительно, к морю. Чтобы снова костер, песок, мягкие волны. Можно дома, на Змеиной Косе. Там еще на камнях растут мидии — огромные, с палец, с острыми как ножи створками. Никс вспомнила свое любимое место на обрыве, где в камни вцепилась корнями изогнутая толстая сосна. К ее стволу привязана веревка с дощечкой. Можно прыгать и кубарем скатываться в мелкий белый песок. Туда мало кто доходит, и место получается идеальным для уединения и занятий каким-нибудь рукоделием.

Никс подумала, что знает, кого туда надо бы привести. И, возможно... вот чисто теоретически... может, он мог бы... с ним можно было бы... ну... Ведь есть какая-то толика вероятности, что ему можно... доверять? Что, если он отнесется достаточно серьезно?.. Улыбчивый — да, но есть в нем какая-то глубина... безопасная глубина. Ласковое летнее море. Оно поет и шепчет, ему не нужны жертвы.

Никс погрузилась, вспомнив, зачем все это и как она сюда попала. Точно. Вьюга. Обещающая встречу с тем, кого она ищет. А найдет — все это прекратится. Она заставит его снять проклятье. Да он и сам поймет, что оплошал. Никс была уверена, что долго объяснять не придется. Нужно только встретиться.

И тогда... и тогда можно будет вернуться домой.

Осталось выбраться и надавать по щам супостатам, кем бы они ни были.

Через мгновение эхо донесло приближающийся топот. Скрипнул замок, дверь отворилась, и внутрь камеры пробился свет. Темные силуэты людей в защитных костюмах показались знакомыми и привычными. Никс уже не отбивалась и не шурилась.

Ее снова куда-то несли.

— Эй, а поесть мне дадут? — поинтересовалась она с горькой веселостью. — Или кофе хотя бы?

Никто ей не отвечал — безликие маски бликовали в подрагивающем свете зеленых ламп, коридоры сменялись один за другим, пока, наконец, Никс не внесли в еще одну комнату — просторней и светлее прежней, ее даже можно было бы назвать уютной, если бы не металлические стол и стулья с явно заметными сварочными швами.

Сверху свисала на длинном шнуре лампа в коническом непрозрачном абажуре, на противоположной от входа стене располагалось большое темное зеркало.

Никс усадили спиной к входу и лицом к зеркалу.

Они всерьез надеются, что кто-то не подозревает в таких зеркалах односторонние? Там наверняка стоит какая-нибудь компания мерзких злобных старикашек, вздумавших, что они имеют право судить того, на кого смотрят.

Никс зло прищурилась, буравя черное стекло взглядом, выискивая в нем намеки на какое-либо движение.

Движение появилось — в комнату зашел кто-то еще. Обогнув стол, он неспешно, со вздохом, уселся на стул напротив Никс, и она с удивлением, за которое тут же себя отругала, узнала в визитере старого знакомого — чтеца и лектора Абеяра Никитовича, того самого, который был не похож на остальных чтецов.

— Ну здравствуй, Никола Рэбел, — сказал он. — Снова здравствуй.

Найк сидел на табурете и пил бульон из большой темной чашки. Во времянке стало тесновато: на такую толпу она не была рассчитана. Мебель сдвинули к стенам, стол поставили посередине, притащили дополнительно старый торшер и настольную лампу на гнущейся ножке. На кресле у окна полулежа расположился Рейнхард — снова с книжкой, делает вид, что перестал вникать в беседу. Хозяин времянки Виталис — наоборот, внимателен, хоть и молчалив как обычно: этот вступает в беседу только по делу. Основной диалог идет между Кей и Эль-Марко — оба курсируют вокруг карты — но вот прямо сейчас у них временное затишье. На полу, возле дивана, в ногах у Ирвис устроился Алаис, которого уже пытались выгнать, да не смогли: прижился, как приبلудившийся кот. Уговоры на тему "а как же мать?" на этого неблагодарного змееныша не подействовали — и пока что с его присутствием смирились.

Не смотря на то что болезнь отступила, Найк тоже никак не мог придумать ничего сносного. Карту, лежащую на столе, он уже изучил. И он бы, как и Кей, пошел бы туда сам — да кто ж его пустит. Кроме того, он понимал, что просто так соваться в эту психушку не стоит. Он видел своими глазами тех огромных псов, что гнались за минивэном, и помнил толпу людей с пустыми глазами, что встали между ним и Никс возле горячей гостиницы. Там, где сейчас держат Никс, могут быть и те, и эти. Ну и еще просто какие-нибудь специально натренированные охранники с огнестрельным оружием. Всего-то.

— И я еще раз повторяю, — заговорила Кей, опираясь на стол. — Последние распоряжения шефа такие: всем возвращаться домой, дело идет уже на высшем уровне, вам всем обещают защиту.

— Да ладно, — сказал Рейнхард тихо и чуть насмешливо, при этом не отрываясь от книги.

— По сути, что могут поглощающие, чего не можем мы? — спросил Эль-Марко. — Если я правильно понял, Рейнхард сейчас достаточно силен, чтобы взять лечебницу штурмом. Какие другие варианты предлагает твой шеф?

— Никакого штурма, понятное дело, — ответила Кей, — переговоры. Мы найдем рычаги давления.

— Мы можем не успеть, — так же тихо произнес Рейнхард. — То, что они религиозны — как раз минус: они ее не пощадят. Их бог им это простит.

— Он прав, — грустно вздохнул Эль-Марко. — Эти... этих ничто человеческое не остановит.

— У них должна быть веская причина похищать ее и удерживать, — убежденно проговорила Кей. — Они не тупицы. Да, они мыслят иначе — но они не сумасшедшие и не кровожадные в прямом смысле слова.

Кей говорила убежденно. Допив свой суп, Найк встал и подошел к столу с картой. Оперся на столешницу, посмотрел на Кей:

— Я уже вконец запутался, если честно. Поправь меня, если я не прав: поглощающие маги — против несанкционированной магии и запрещенных заклинаний, но при этом они работают над тем, чтобы вызволить Никс, которая, судя по всему, обладает как раз какой-то выдающейся магической силой, применять которую чревато и лучше бы запретить. При этом крайне религиозные чтецы крадут и удерживают Никс в психушке, исполняя, по сути, то, что должны были делать поглощающие, чтобы предотвратить...

— Она еще ничего не нарушила, — ответила Кей. — И то, что она обладает какой-то странной магией — тоже не доказано. Именно поэтому мы будем ее вызволять. Потому что она — жертва других магов, а не те маги — ее жертвы.

— Гкхм, — Рин кашлянул в кулак и удостоился колкого взгляда Кей.

Найк все еще не знал, что именно между ними произошло, но теперь отчетливо видел, что отношения изменились. Они и раньше были странные, а теперь... словно далекая грозная туча все мечется и никак не просыплется над городом долгожданным градом.

— Смотри, передумаю и перепишу отчет, — Кей грозно сдвинула брови. — Чтобы совесть твоя была чиста. Помрешь спокойненько!

— Катерина, я прошу вас пока не писать подробных отчетов, — вежливо попросил Эль-Марко. — Рейнхард в самом деле может помочь. И, насколько я понял, Вьюга обещала ему, что поможет Никс в некоторых ее делах. Если я хоть что-то понимаю в этом всем, раз для решения этой задачи нужны оба — значит, так надо. Я вижу даже какую-то логику: один из сильнейших элементалистов льда и... элементалистка огня, тоже не самая простая. Вдруг для того, чтобы исполнить просьбу Вьюги, действительно нужна сила обоих? Звучит логично.

— Мы с Никс уже решили, что пойдём в морок и встретимся с Вьюгой, — произнес Рейнхард. — Так что я лично не рассматриваю пути отступления. Но как выколупать ее из той лечебницы, притом наверняка живой? Вот в чем вопрос, и я предлагаю всем сосредоточиться именно на нем.

— Вот я и говорю, — повторила Кей, кажется, уже в третий раз. — Силой — не выколупать. Только дипломатией, копая сверху. Мы тут ничего не сделаем. Мы должны возвращаться и...

— ...а меня, значит, выколупали, — фыркнул Рин.

— У тебя не было вообще никаких шансов, даже дипломатических, — Кей криво улыбнулась. — По здравому разумению ты был уже покойник. А поглощающие — это все-таки не Дети Зимы, они куда более... многоуровневые, они — в системе.

— Раз они в системе, — продолжил Рин, — неужели у вас среди чтецов нет никакого засланца вроде тебя?

— Этих не проведешь, — скривилась Кей. — Рано или поздно заденут и почувют, что в тебе не стенка коллективной защиты, а черная дыра, — она вздохнула и продолжила: — Итак, скорее всего, выбраться самостоятельно Никс не сможет. Раз это магическая психушка, логика подсказывает, что там все специализировано для удержания свихнувшихся магов. Попытки силового воздействия могут спровоцировать чтецов неизвестно на что. Поэтому я настойчиво предлагаю принять помощь нашей гильдии.

— От помощи поглощающих мы не отказываемся, — заверил ее Эль-Марко. — Передай начальству, чтобы действовало согласно своим правилам, что там они могут? Переговоры? Пускай. Главное — больше информации. Пока что мы тычемся наобум. Мало ли — вдруг какая-то кроха секретных данных поможет нам сложить головоломку?

Кей сдержанно кивнула.

— Собственно, если твой шеф поможет нам с этим — с информацией — это будет очень хорошо, — продолжил Эль-Марко.

— И сколько нам ждать результатов? — спросил Найк.

Кей пожала плечами.

— Паршиво.

Ему в голову вдруг пришла кое-какая идея.

— От кого можно выйти в сеть? — спросил он, оглядываясь.

— Вот, держи, — Эль-Марко протянул ему практичный новый коммуникатор в титановом корпусе.

— Благодарю.

Найк забрал устройство и вышел из комнаты на мороз, запустив внутрь гостевого дома немного зимы.

Снаружи было уже темно. В звенящем от холода чистом небе мерцали северные звезды. Найк не сразу нашел в сети нужный почтовый адрес — на память он его не знал. Стараясь управиться прежде, чем пальцы вконец замерзнут, Найк принялся набирать сообщение.

— Вот теперь, наверное, пора, — пробормотал он, прислоняясь к холодной стене, замерев, прежде чем нажать кнопку "отправить" — если еще не поздно, конечно.

Письмо полетело к адресату. Найк решил еще немного постоять на ночном морозце, раз никто не гонит, и немного поразмышлять в одиночестве. В отдалении что-то гудело — Найк решил, что это провода.

Итак, ситуация так и этак выходит непростая. Дети Зимы охраняли Рина хорошо, но недооценили свое супероружие. Кей, по сути, попросту повезло. Она воспользовалась тем, что с ней некому было спорить, и сумасбродно сунулась наобум. Наверняка, тем самым она нарушила пачку каких-нибудь своих гильдейских правил. Очевидно, это того стоило, но это ее дело.

Может ли Найк сделать так же? И да, и нет.

С одной стороны, никакие гильдии его не сдерживают. С другой... Ладно, предположим, он проникнет внутрь — пути должны быть. Внутри тем модифицированным псам делать нечего, но двигаться все равно может быть сложно — если здание наполнено людьми, чужие взгляды спугнут его тонкую магию. Если наблюдателей будет больше одного — ему не уйти. Он — не спецназовец, всего-то умеет уклоняться, немного драться, ну и физической силой не обделен. Но этого мало. Если идти вовсе против закона, можно добыть оружие — у той же Кей одолжить. Но что тем чтецам смерть одного из роя? А убивать рой — имен не напасешься... Но это все — если предположить, что чтецы настроены серьезно и не дураки. Но поводов считать их дураками они не давали. Значит, будут защищать свою добычу любой ценой.

Найк со злостью стукнул кулаком по стене: сколько можно медлить? Все эти раздумья бессмысленны и глупы. Надо идти туда, смотреть своими глазами. Надо действовать.

И тут же укорил себя: бездумные рывки наобум сейчас могут привести к полному краху. Никто не знает, зачем им Никс. Для Рина хоть языка взяли, а тут как? Нет, никаких надежд на удачу. Только продуманность. Только точный расчет.

А кроме того, что в больницу надо проникнуть, из нее еще надо как-то удрать. Тут бы пригодилась невидимость, вот только Найк ни разу не слышал, чтобы кто-то из магов такое умел. Может только... Кого не увидят чтецы? Своего. Стать для них своим? Нереально. Переманить на свою сторону одного из них? Почти невозможно.

Разве только есть какая-то лазейка... Кто-нибудь, кто уже там, но не с концами. Кто-то вменяемый, разумный. Чтец, который не похож на остальных. Например — тот, к которому они заезжали ночью, в самом начале. Хотя... судя по всему, он их и сдал — но ведь он не мог иначе, и время им действительно обеспечил.

Эта мысль показалась не такой уж бредовой, как предыдущие, но додумать Найк не успел. Звук оформился и усилился, в миг многократно вырос, окреп и размолотил ночную тишь в труху. Через мгновение из-за темной полоски леса вынырнул мигающий проблесковыми маяками вертолет — жирная черная туша, угрожающе покачивающаяся при маневре, изрыгающая в ночь конус слепящего желтого света.

Найк сунул телефон в карман и инстинктивно пригнулся, впиваясь глазами в вертолет и пытаясь понять, враг это или нет. Он медлил всего секунду. Машина тем временем, задрав нос, плавно опускалась посреди поля, разбрасывая вокруг сухой снег, а потом и вовсе сообразила небольшую снежную бурю.

— Вертолет прибыл с юга, — прокричал Найк, когда из времянки вывалились Кей во всеоружии и Рейнхард, вокруг которого, казалось, морозно потрескивал сам воздух. Найк попятился: Рейнхард шел вперед, и снег перед ним сначала утрамбовывался, словно под прессом, а потом вставал острыми пиками. Откуда там столько снега?

Лопастни вертолета никак не желали останавливаться. Кто копошится в кабине, было не разглядеть.

— Рин, контролируй себя, дубина! — прокричала Кей.

Выбежавший следом Эль-Марко секунду оценивал ситуацию, а потом шлепнул себя по лбу.

— Оставить панику, — рывкнул он, но услышали его только Найк и выбравшиеся следом остальные. — Шоу двух идиотов, — прокомментировал Эль-Марко чуть тише, но достаточно яростно. Кого он имел в виду, Найк не сразу понял, даже когда грузовой отсек вертолета

открылся и внутри показались пассажиры.

К тому моменту Рина окружали уже три снежно-каменных голема устрашающей величины и, ко всему прочему, сам он облачился в ледяной доспех.

Найк присвистнул: хорошо, теперь он Рейнхарду верит.

Снежная пыль улеглась, и из вертолета выбрался темноволосый мужчина, одетый в практичный, военного кроя летный костюм. Найк тут же узнал в нем некроманта Камориль Тар-Йер. За ним обнаружился и его приметный спутник — крупный, простоватый на первый взгляд парень с вьющимися рыжими волосами — Мйар Вирамайна.

— Красавчик! — громко и восторженно комментировал некромант, разглядывая Риновых големов и доспехи. — Вот это мощь! — он протянул Рину руку. — Доброй ночи. Рейнхард, правильно? Мы и не рассчитывали на такой прием! А ты можешь поставить их одного на другого?

Найк многое бы отдал, чтобы взглянуть на лицо Рина в этот момент — неловкая пауза затянулась. Но не успел. Когда они с Кей, Ирвис и Виталисом подошли ближе, Рин и Камориль уже пожали друг другу руки, а големы замерли — наверное, Рейнхард лишил их магической поддержки.

— Всем добрый вечер, — Мйар приветственно поднял руку. — Простите, что напугали. Предупредить не было никакой возможности.

Вблизи Найк заметил, что с прошлой встречи оба как-то пообтрепались. В них все еще слишком много пройденных путей для такого видимого возраста, но это уже не так режет глаза.

— Где вы достали вертолет? — спросил Эль-Марко.

— Старые связи, где-где, — ответил Камориль. — Ну что, где будем вести беседы о спасении мелкой рыжей бестии? Вляпалась-таки!

— Вот он — хозяин дома, Виталис Сонмин, — Кей показала на улыбающегося с хитринкой Виталиса. — А я — Катерина Берса, мы представляем гильдию поглощающих, поэтому все решения по спасению надо согласовать со мной.

— О, у меня тоже был как-то свой наблюдатель, — оживился Камориль. И тут же погрустнел: — Жаль только, умер.

Кей кашлянула.

— Идемте в тепло, — Мйар вышел вперед. — Нечего девушек на морозе держать. Надеюсь, мы влезем в эту х...

— Времянку, — подсказал Найк.

— Времянку.

Вот теперь в комнате со столом и картой стало действительно тесно. Ирвис вызвалась делать новоприбывшим чай (впрочем, чая тут же захотели все остальные), и Найк пошел ей помогать. Когда вода вскипела, сахар растворился и все кружки были розданы, Кей объявила совет снова открытым.

Камориль, стоящий напротив окна, заговорил:

— Кроме вертолета я привез кое-какие вести. Со мной связался некий... "друг". Сообщение было передано через аша сильной помеси с котом...

— Того самого? — переспросил Эль-Марко.

— Не знаю, с ашем говорила Кристина, если можно так выразиться. Он пришел под дом и рассказал следующее: нашу девочку действительно какое-то время держали в магической психбольнице под протекторатом Пламенного Просвещения. Но затем ее перенаправили в

колонию строгого режима для магов, которая располагается на западе, в горах, к другим элементалистам огня. Называется это чудное место "Нок-Лойр". Чтецы вместе со жрецами Потерянного зачем-то собирают молодых огненных волшебниц. Согласно информации от того же "друга", всех девочек поместили в искусственную кому. И это... совсем не весело, учитывая, что мне известно из других источников: там же, на территории колонии, находится тайная лаборатория, принадлежащая, опять же, чтецам и целителям.

— Еще и военная небось, — протянул Мйар.

— То есть все... настолько серьезно? — проговорила Кей, качая головой.

— По-хорошему в эту колонию можно попасть только после суда, — Камориль обвел всех присутствующих взглядом. — Значит ли это, что суд был? Над всеми девочками? Или чтецам настолько важно собрать их там, что они идут против Заповеди? Наличие лаборатории не делает ситуацию более радужной.

— Шеф говорит, что на данный момент глава гильдии чтецов отрицает факт удержания ими каких-либо элементалистов, — сообщила Кей.

— Эти расскажут, конечно, — Эль-Марко потер глаза под очками.

Найк выразил общий настрой коротко и нецензурно.

— Таки что мы имеем, — продолжил Камориль. — Один некромант, один маг ветра, один сильный элементалист льда, один поглощающий, один хороший целитель, двое гражданских.

— Ну, ты меня совсем со счетов не сбрасывай, — укорил его Мйар. — Кое на что я еще гожусь.

— А можно я тоже с вами? — восторженно спросил затаившийся до поры до времени Алаис. — Я тоже немножко снежный элементалист!

— Ты останешься здесь, — сурово сказала Кей.

— И это после всего, что я для вас сделал?

— Да, — хором цыкнули на него Кей вместе с Ирвис.

— Я тоже обладаю кое-какими незадекларированными возможностями, — спокойно проговорил Найк, обращаясь к Камориль. — Могу помочь добраться в пункт назначения быстрее, чем получилось бы без меня. Я вижу пути, которыми когда-то ходили, и могу использовать их, даже если сейчас их не существует. На местности я могу найти дорогу к определенной цели в радиусе примерно пятисот метров, если только это вообще возможно. Так же я могу уйти от нескольких пуль или от ножа — я вижу путь, по которому пуля или нож пройдут.

— Если так, это похоже на ступень мифа, развитую до очень высокого уровня, — ответил Камориль. — Схожие способности давали, кажется, только какие-то древние диады... и то по описанию ни на что не похоже особо. Разве только...

— Мне не очень интересно, откуда это у меня и что это такое, — честно признался Найк. — Я просто хочу, чтобы все знали, кто на что способен, раз мы все тут для одного — решить, как нам вызволить Никс.

— Переговоры... — начала Кей.

Рин поднялся со своего кресла и тоже встал рядом со столом с картой:

— Нам некогда ждать результата переговоров. Я уже вне закона. Мне терять нечего. Если мы сейчас не придумаем хоть что-то, я буду действовать сам.

Найк встал с табуретки и тоже подошел к столу, скрестил руки на груди:

— Если ты будешь наступать снаружи, они или снова увезут ее, или сделают чего

похуже. Откуда нам знать, вдруг они готовы ее убить? Ее и остальных элементаристок? Единственный шанс, который у нас есть — проникнуть внутрь незаметно и так же незаметно вытащить оттуда Никс. Твоя ледяная армия этого не сможет.

— А как ты собрался искать ее на территории той колонии?

— Я обойду там каждое здание и обшарю все подвалы, если это потребуется, — сказал Найк решительно.

— Тебя засекут во втором слева и сразу же примут меры, если они не дураки.

— Так, стоп, хватит, — Ирвис встала и хлопнула ладонями по столу. — Если уж мы пойдем в лоб, то действовать будем сообща. Колонию окружает ледяная армия Рейнхарда, действующая как заградительный отряд, в то время как Найк проводит внутрь остальных, которые, в свою очередь, разделяются и ищут Никс. Кто найдет — тот и... молодец. Как вам такой расклад?

Все устали на нее, ведь до этого Ирвис молчала и вообще особо не отсвечивала.

— То есть мы вступаем в прямую конфронтацию с чтецами, — констатировал Камориль.

— Получается, так, — сказала Ирвис. — Кей?

— Я — наблюдатель Рейнхарда. Устав гласит, что, если мы не можем остановить или убить своего подопечного мага, мы должны по возможности документировать его преступления и после донести вышестоящим. Поэтому вам придется меня связать, наверное. Или типа того.

— Или ты станешь защищать Рейнхарда, пока он будет сосредоточен на контроле ледяных солдат, — сказал Камориль. — А веревку мы тебе вокруг талии обмотаем. Богемный шик.

— Сначала мне все-таки нужно взглянуть на эту вашу колонию, — сказал Найк. — Хотя бы издали.

— Это-то не проблема, — Камориль пожал плечами. — Можем отправляться хоть сейчас, у нас полный бак.

— И еще кое-что, — Найк прочистил горло, — нам нужно кое-куда заглянуть. Мы еще кое-кого забыли.

Вид у Абеяра Никитовича был помятый — то ли тени так легли, то ли он и в самом деле день не спал, ночь не ел и поэтому очень устал.

Он был последним, кого Никс ожидала тут увидеть. И в то же время он внезапно напомнил о доме. Нестерпимо, дико захотелось вернуться.

Никс сомкнула губы в тонкую прямую линию и ничего не ответила на его приветствие.

— Наверное, ты думаешь, что это я виноват в том, что тебя тут держат, — начал чтец. — Понимаю. Можешь не отвечать, даже, наверное, лучше не отвечай — все, что ты можешь сказать, будет записано и изучено, знаешь ли.

Никс нахмурилась еще больше.

— Я говорю с тобой, — продолжил чтец, — потому как мы с тобой знакомы. Это логично и милосердно. За мной специально прислали — чтобы тебе было проще.

— Может, вы мне объясните, что происходит? — не выдержала Никс. — Что я такого сделала?

— Ты пока что ничего не сделала, — сказал чтец. — Но у нас есть все поводы думать,

что сделаешь.

Перед глазами Никс на секунду мелькнула белая вспышка. Она стала моргать — наваждение прошло. Что это? Ее чем-то накачали? Она снова сосредоточила взгляд на Абеляре. Он продолжил:

— Нет смысла скрывать от тебя правду. В самых секретных пророчествах гильдии прорицателей сказано о трех знаменьях, трех признаках грядущего конца.

Никс медленно подняла брови.

— Известно, что первой ласточкой станет пришествие в мир Мертвари. Она явилась тридцать лет назад — предотвратить это не смогли, и хотя Мертварь удалось убить, первый звонок прозвенел. Далее должно было случиться явление огненного цветка — проявление магии, отличной от той, что использует Пламенное Просвещение и простые элементалисты. Нам удалось засечь выброс такой магии — прошлой весной, если ты помнишь, у вас случился некоторый конфликт... до конца не установлено, с кем — остатков тел найти не удалось, но магия там была использована разная и сильная, специалисты считали итоговый фон. О, я вижу расширившиеся зрачки — правда, стало быть? Ты была там и знаешь, что такое этот огненный цветок?

Никс перегнула брови, выражая скепсис.

— Я не понимаю, к чему вы клоните, — сказала она. — Да, была драка. Я там была. Но это частная территория. Хозяева имели все права защищать ее.

— И то верно, — Абеляр Никитович откинулся назад, на спинку стула, — но нас интересует не сам факт защиты или драки. Нас интересует факт явления магии огненного цветка.

— Я ничего не знаю об этом, — упрямо буркнула Никс.

Перед глазами снова посветлело, плюс в ушах зазвенели колокольчики и что-то похожее на отдаленный шепот. Никс встряхнула головой, сосредоточила взгляд на Абеляре. Он не выглядел разочарованным — скорее действительно усталым.

— Третьим знамением должно было стать восстановление зеркала Лок, — продолжил чтец, подавшись вперед и опершись локтями на стол. — Одно дело — заиметь осколок, другое — добиться восстановления артефакта. Мы выяснили, что тот осколок, что каким-то образом заимели вы, был выкраден из старого, очень секретного хранилища. Кем? Тут все достаточно туманно: есть свидетельства о восставших мертвецах, поднятых какой-то странной некромантией, которую не диагностируют обычные датчики, и какой-то из них увел осколок. Позже, проанализировав разнообразные источники и опознав трупы, мы нашли взаимосвязь: все восставшие в тот день так или иначе умерли от обморожения или переохлаждения. Как будто что-то... призвало их.

"Пусти меня", — просочилось в мозг вместе со снова стукнувшей белой пеленой.

Никс еле сумела проморгаться, — щурясь, она уставилась на Абеяра Никитовича, пытаюсь распознать, к чему он клонит. "Пусти меня", — тут же зазвенело снова. Никс встряхнула головой.

— Ладно, и что же теперь, по-вашему, должно случиться? — спросила она, пытаюсь сосредоточиться.

— Следующим, итоговым шагом станет пробуждение Вьюги, — просто сказал чтец. — И его мы должны не допустить. Это наша священная обязанность.

— Вот как.

"Пусти меня", — снова стукнулось в голову, словно тонкий раскаленный штырь. Никс

наконец вспомнила это чувство. Когда впервые чтец считывал ее память — она позволила сделать это. Поэтому больно не было. Но когда в ее мозгу сами собой появились заложенные туда воспоминания... тот резкий щелчок — эхо нынешней скребущей боли. Никс снова уставилась на Абеяра Никитовича: неужели это он пытается проникнуть в ее разум?

Он не касается ее рукой — а мог бы. Но если бы он коснулся — любому стало бы понятно, что он собирается проникнуть ей в мозг. Он же использует тонкие крохи той связи, что была раньше, пытаясь пробиться по пересохшему каналу... Чего он хочет? Залезть ей в мозг и выгрести оттуда доказательства?

— Хорошо, пророчества, знамения, Вьюга, все дела. Я верю, что вы во все это верите, — сказала Никс. — И дальше что? Вы верите, что я могу каким-то образом, через эту самую Вьюгу, уничтожить мир или что? Действительно? Я? Да что во мне такого-то? А не бред ли а?

— Возможно, ты и не хочешь такого итога, — спокойно сказал Абеяр. — Но, согласно пророчеству, именно к этому все и идет. Древние божества искусно заморочили тебе голову и скрыли правду.

— Я... — Никс осеклась. — А, думайте, что хотите. Зачем вы со мной разговариваете вообще?

Абеяр Никитович напрягся. Следующее он сказал ровно, но Никс уловила волнение в его голосе:

— Нам нужно получить твое признание. Тогда мы сможем отпустить всех остальных девушек-элементалисток. Ты предстанешь перед судом и там, клянясь на Заповеди Неугомонного Сердца, ты признаешься в замышляемом преступлении.

Никс даже сказать ничего не смогла. Оправившись от шока, спросила все же:

— То есть все уже решено? Все, что нужно — это чтобы я официально призналась в том, чего не совершала и что совершать, может, не собираюсь? Призналась в намерении уничтожить мир?

— Доказательства говорят не в твою пользу, — сказал Абеяр. — К сожалению, большинство согласно в том, что пророчество — о тебе. Три знака уже были зафиксированы, и ты фигурируешь в двух из них, а в первом — твой отец. Это значит, что ты виновна.

"Пусти меня", — послышалось снова где-то внутри головы. Никс, не выдержав, закрыла глаза: ей не хотелось видеть чтеца. Но если все уже решено... Какая уже разница, действительно? Она ничего не сможет сделать.

"Заходите, располагайтесь", — она расслабилась и открыла границы своего разума. По крайней мере, попыталась так сделать.

— Нам необходимо заполнить перечень документов, — продолжил чтец, — составить отчет. Всем будет лучше, если ты посотрудничаешь с нами и изложишь всю свою историю, начиная с рождения — для хроник гильдии это будет очень полезным вкладом...

Чтец говорил что-то еще, бессмысленное и циничное — до одури. И в это же время в голове Никс зазвучал другой голос: похожий, но, как будто бы... моложе. Да, так мог говорить Абеяр лет тридцать назад: мягче, открытей, без хрипотцы.

"Они засудят тебя и выставят жертвенной овечкой. Поэтому надо бежать, Никола, и я тебе в этом помогу".

Никс распахнула глаза шире.

"Ни в чем не признавайся. Жди. Тяни время. Ты все так же ничего не знаешь. Я сообщил твоим друзьям, где ты. Если они сумеют поднять шум — я смогу помочь тебе сбежать".

Никс молчала и слушала оба голоса: и внутренний, и внешний. Внешний рассказывал о процедуре суда. Внутренний вешал о другом:

"Так я верну долг. Но ты тоже пообещай мне — просто кивни — что не станешь почему зря рушить все то, до чего не добралась война. Этот мир совсем не плох, ты так не считаешь?"

Никс сглотнула. Ей отчего-то впервые стало по-настоящему страшно.

— Я полностью с вами согласна, — проговорила она вслух, стараясь выбирать слова. — Вот только я все же не планировала никуда идти и никакие миры разрушать. С чего вы вообще взяли, что я?.. И откуда такая вера пророчествам? Ведь гильдия пророков распалась. Они что, не могли предсказать крушения собственной гильдии и как-то это предотвратить? Хороши пророки!

Абеляр Никитович сдержанно улыбнулся.

— Ты еще очень молода, тебе многого не понять.

— А то как же, все вы, старики, так говорите, а сами не можете понять нас.

"Опасность, что эти пророчества правдивы, есть. Но я не уверен, что такие вещи можно предотвратить, действуя в лоб: ты верно говоришь, пророки знали о том, что гильдию уничтожат, и ничего не смогли с этим сделать. Так сможем ли мы противопоставить что-то выношенным веками планам древних богов? Если ты не станешь будить Вьюгу, через сотню лет она найдет какой-нибудь еще способ".

— Раньше, — сказала Никс. — Раньше, говорю, лучше было: трава зеленее и меня не держали в смирительной рубахе неизвестно где без кофе и хотя бы завалящей книжки.

— Если ты согласишься сотрудничать с нами, условия поменяются, — ответил чтец.

"Так я и думал: у судьбы множество путей. И если с тобой у Вьюги не получится — она способна начать действовать менее... тонко? Но ты... ты сможешь проконтролировать процесс. Возможно ли, что вместо того чтоб будить ее, ты найдешь способ заставить ее спать вечно? Лучше один шанс из ста, чем никаких. В конце концов, она подпустит тебя к себе близко. Ближе, чем кого бы то ни было еще. И я надеюсь, что ты сумеешь сделать так, чтобы не произошло непоправимого. Я верю в тебя, Никс".

— Я постараюсь, — серьезно ответила Никола обоим голосам. — Я лично, знаете, не особо в курсе, как там оно дальше будет. Я же не пророк. Но я обещаю много думать и... пробовать.

— Вот и славно, — сказал Абеляр Никитович, улыбаясь. — Значит, по рукам.

Мироходцы: падение

В этом городе так жарко и душно, что, кажется, ты плывешь через горячий воздух, а он придавливает тебя к полу. Айра собрал свою мантию, рубашку и свободные шерстяные штаны в тюк, который повесил на посох, а из дырчатого капюшона сообразил себе что-то вроде майки, прикрывающей плечи. На бедра он повязал широкий хлопковый лоскут и подпоясался тонким кожаным ремешком. Все жители этого города одевались примерно так же, только женщины добавляли сверху множество костяных и керамических украшений. Совсем юные девушки ходили обнаженными, позвякивая серебряными колокольчиками на цепочках, обвивших лодыжки и тонкие руки. Нравы тут были легкие — Ветивер что-то

рассказывал о том, зачем это все, и почему престальных бесстыдниц никто не трогает — но Айра не особо слушал, предпочитая смотреть, ведь это не возбранялось. Некоторые девушки, заметив его взгляд, улыбались и начинали кокетливо дразнить в ответ — поворотом плеча, многозначительным жестом, воздушным поцелуем.

Ветивер как раз договорился о чем-то с извозчиком. Айра на мгновение задумался, зачем этому чудовищу о чем-то еще разговаривать с аборигенами, он ведь может... ну да ладно, впрочем, это было давно и в совсем другом месте. Теперь Ветивер звал Айру не медлить и забраться на огромного ездового ящера, а то скотинке нельзя слишком долго лежать пузом на песке — физиология против.

Айра нехотя отвлекся от созерцания девушек, разносящих на головах корзины с хлебом и фруктами, и забрался по веревочной лестнице на горб ярко-зеленой рептилии. Нагретое на солнце тело было таким же горячим, как воздух.

— И не скажешь, что эта штука — холонокровная, — вслух удивился Айра.

Ветивер, одетый во все черно-фиолетовое с бархатными темно-зелеными вкраплениями, повернулся к нему, недоуменно вскинув брови:

— С чего ты взял, что она должна быть холонокровной? Я бывал при разделке одной такой туши — сердце в этом животном горячее, как и его кровь.

— Надо же, — осекся Айра. — Но мне казалось... хм. Не знаю, с чего я это взял. Просто... как будто бы в моем уме такие звери по умолчанию имеют холодную кровь.

Ветивер отвернулся.

— Попробуй запомнить и посмотреть, откуда именно в твоем уме это взялось. Возможно, это — исчезающе-тонкая нить, ведущая обратно. Туда, куда ты хотел вернуться.

— Точно, — подавленно пробормотал Айра.

А он и забыл. Подумать только, этот залив, эти белые домики, эти полуголые девушки с загорелыми плечиками и даже на вид мягкими бедрами и тонкими коленками заморозили, заставили забыть обо всем напрочь.

— Состояние твоего разума не соответствует возрасту твоего тела, — проговорил Ветивер погодя.

Ящер двигался плавно и на удивление юрко для такой громадины. Мимо проплывали ярко-желтые курганы, столпы муравьиных колоний, пальмы с гроздьями фиолетовых соцветий.

— Я думал, что как раз нашел правильное соотношение, — честно ответил Айра.

— Ты сотворил себя согласно здравому разумению, — ответил Ветивер. — Тело себе взял сильное, молодое и здоровое. Ты стал мужчиной — мужчиной быть легче почти всегда, кроме того, ты им был изначально. Тебя стоит похвалить: ты сотворил себя целесообразно, тонко и прочно, не скатываясь в банальную пошлую красоту или ложную суровость.

— Так что же я сделал неправильно?

— Вопрос скорее в том, чего ты не сделал.

Ветивер больше об этом не говорил. Весь путь от побережья до огороженного желтой каменной стеной города, раскинувшегося вокруг пахнущего серой оазиса, Ветивер молчал, смотрел в безоблачное небо, не щурясь на ярком полуденном солнце и не пытаясь как-то спастись от палящей жары.

Они вошли в город через главные ворота, заплатили дань страже, чьи лица прятались за золотыми масками, и вскоре нашли еще одно временное пристанище: узкий и неприметный снаружи, но богатый внутри дом с окнами-сотами, расположенный недалеко от

центрального городского рынка. Тут же, рядом, огороженный лепным парапетом, kloкотал выход кипящего водяного источника.

Айра, сидя на балконе, смотрел вниз, думая о том, зачем так сложилось, что в добавок к безжалостному солнцу недра этой земли выбрасывают вверх кипящую воду, хотя могли бы источать ледяную, например — разве не лучше было бы?

Колокольчики в тонком тюле позвякивали от влажного горячего ветра. Ветивер снова оставил его одного, пообещав вернуться к вечеру. Айра обмахивался бумажным опахалом, рассматривая расстеленную на полу карту из тонкой бежевой кожи. Какое-то время назад он начал составлять ее, отмечая на ней пройденные пути, записывая свои впечатления от увиденного, зарисовывая расположение звезд и запечатывая в пятнышках собственной крови воспоминания о том или ином мире. Стоило пробежаться чувствительными пальцами по шероховатой поверхности — и моменты прожитого вспыхивали перед глазами, как наяву.

Айра вынул из волос заколку, подаренную Ветивером, уколол указательный палец и припечатал ранку к карте на новом месте.

В этот момент двери в просторную залу, прекрасно обозримую с балкона, распахнулись. Зазвучала мягкая музыка: лира и свирель запели, переплетая мотивы. Одна за другой в залу вплыли, змеясь в причудливом танце, окутанные шелками, украшенные сверкающими драгоценностями тонкие гибкие девушки. На лице у каждой была позолоченная маска, скрывающая все, кроме глаз, пальцы танцовщиц тяжелили крупные перстни.

Айра смутился, пряча взгляд: одно дело — когда юницы ходят по берегу, не стесняясь и не желая никого смутить, и совсем другое — когда они танцуют прямо перед тобой, нарочно изгибаясь так, чтобы в вырезах цветастых тканей мелькали упругие обнаженные тела.

Но взгляд сам собой возвращался назад. Танец не был чем-то заранее спланированным. Ясно было, что он сплетается на ходу, словно создается из отдельных элементов, подходящих друг другу, как осколки мозаики. Айра видел только глаза девушек и никак не мог понять, как так они координируют свои движения, не сговариваясь.

У одной из них глаза были полупрозрачного светло-зеленого цвета, и взгляд этот приковывал к себе, словно по волшебству.

Но волшебства не было.

Айра знал, что в нем сейчас говорит лишь человеческая натура.

Кто прислал танцовщиц? Ветивер? Не решил ли он...

Айра сдержанно вдохнул и выдохнул, скрывая досаду и недоумение. Ну конечно. Ветивер прислал их, чтобы...

Айра поднялся:

— Прощу вас, прекрасные девы, остановите свой танец, — сказал он.

Музыка смолка мгновением позже. Завершив движения, девы остались стоять так, как будто бы этот финал — часть спланированного заранее рисунка танца.

— Понравился ли вам наш приветственный танец, господин? — спросила та, со светло-зелеными глазами.

— Ваш танец прекрасен, как песня серебряных дюн, ведь всем известно, что ее сложили сами боги, — Айра слегка склонил голову.

— Тогда, господин, выберите двух из нас, с кем вы разделите вино и хлеб, продолжая священный ритуал, — зеленоглазая тоже поклонилась — чуть глубже и дольше, чем следовало бы, чтобы Айра не успел увидеть ее тело в прорезях костюма снова.

Айра замешкался на секунду. Проведя рукой в воздухе, он вычленил себя из сущего

мира, чтобы иметь время рассудить, что происходит. Священный ритуал? На что Ветивер снова его подписал? Это опять какое-то странное обучение? Что он должен узнать? Что он должен понять? И должен ли? Что будет, если он откажется? Что будет, если он согласится? Не лучше ли ему отказаться?

Но Ветивер никогда не исповедовал излишней сдержанности — наоборот, Айра бы на его месте поменьше сорил фальшивыми деньгами и, конечно, не убивал бы чужих богов.

Ладно, да будет так. Скрыться он успеет всегда. Пусть будут вино и хлеб.

Айра снова повел пальцами в воздухе, вычерчивая формулу безмолвного заклинания и возвращая себя в привычное русло времени.

Зеленоглазая смотрела на него, выжидающе замерев, так что он не сразу понял, что вернулся.

— Пусть останутся здесь те, кому я сам оказался по нраву, — наконец сказал Айра. — Не бойтесь обидеть меня: я предпочту одиночество навязанной компании. Пусть ритуал будет чист.

Девушки переглянулись. Так же безмолвно, как до этого танцевали, трое из них попятились и вышли вон, закрывая за собой расписные двери.

Остались двое: та, что говорила с Айрой и девушка в светло-лиловых одеяниях с глазами золотистыми и печальными.

Айра несколько смутился: дальше-то что? Хлеба с вином в зале не наблюдалось. Тут же в проеме балконной арки плавно, словно большая туча, материализовалась белая летучая многоножка, неся на своей спине закрытый серебряной крышкой поднос.

— Хлеб и вино, я правильно понимаю? — Айра приподнял брови. — Экая расторопность.

Девушка с золотыми глазами приняла поднос, похлопала многоножку по восковому боку и поставила еду на низкий балконный столик.

Айра прошел к столику и завалился на лежащие рядом подушки. Оказалось, что танцовщицы ждали, пока он это сделает и потому стояли. Обе грациозно опустили по обе руки от Айры, пожалуй, гораздо ближе, чем им стоило бы.

Айра приподнял серебряную крышку.

На стеклянных блюдах лежали кое-где еще живые дары моря — местные деликатесы. Лучше б, действительно, это был просто хлеб. Крабы пощелкивали клешнями, трепыхались лепестки глубинного лилея.

Айра поспешил налить себе и танцовщицам вина, решив, что сам только вино и будет. Как же они, кстати, станут есть? Им ведь придется снять эти маски...

— Разделите со мной это вино и хм... пищу, — произнес Айра, поняв, что они снова ждут каких-то его команд. — Будьте моими гостями под моей защитой: откройте лица и ничего не бойтесь.

Щелкнули застежки, и вместе с масками на колени девушкам спали все остальные одежды. Оказалось, что золоченые маски каким-то невероятным образом удерживали вместе все эти вычурно порезанные лоскутки. Вмиг открылись взору Айры прекрасные бледные лица гостей, чистые белые плечи, тяжелые округлые груди с золотыми бляшками в виде цветов, скрывающими соски, тонкие ухоженные руки и волосы, собранные в высокие, но простые прически. У зеленоглазой — рыжие, у золотоглазой — фиолетово-синие, словно рассветное небо.

И пока Айра пребывал в некотором замешательстве, девушки принялись за еду — ловко

и даже деликатно они высасывали мясо из труднодоступных мест быстренько умерщвленной тонкими пальчиками фауны.

Айра залпом осушил бокал вина.

Хорошо. Если Ветивер это ему устроил... Айра тут же вспомнил давешний разговор про несоответствие тела и настоящего возраста. Неужели Ветивер решил... подогнать одно к другому... так?

Айра вознегодовал: зачем подталкивать его к близости с девушками? Зачем заставлять взростеть насильно, пускай и ласково, и не прямо? Он сам будет решать, когда и с кем ему разделять ложе, и разделять ли вовсе — кому он нужен, скиталец по мирам? Кто захочет по собственной воле принять его в самое себя и затем лишиться?

Айра решил, что даже если этот их ритуал предполагает что-то еще — закончится он на "хлебе" и вине.

— Назовите мне ваши имена, прекрасные девы, — произнес Айра. — Чтобы я знал, кого мне вспоминать, когда я буду далеко отсюда.

— Мое имя Рем, — произнесла зеленоглазая, — а ее зовут Мерур.

— Каков следующий этап ритуала, Рем? — спросил Айра.

— Господин во время трапезы выберет ту, что будет завершать ритуал, а после господин станет мужчиной.

— О мои рваные фиолетовые подтяжки, — Айра сбился с местного высокого стиля на какой-то другой язык — так, танцовщицы (или куртизанки?) не поняли, наверное, что именно он сказал. Возможно, они и эмоции точной не разгадали — подумали, что это он так радуется. Айра запоздало заметил, что девушки тоже несколько смущены — но, пожалуй, не тем, чем он.

— Ни одна из нас не по нраву вам, господин? — спросила Рем. — Или вино горчит?

— Вы прекрасны, как рассвет, — попытался успокоить ее Айра. — Обе. Но, пожалуй, я не готов продолжать ритуал. Я не... только не говорите мне, что уже поздно, ваши семьи голодают, на вас взрывающиеся ошейники или что-то в этом роде. Давайте я расколдую вам ошейники. Давайте я дам вам денег. Я помогу вам бежать, если за невыполнение ритуала вам грозит смерть. Я могу стереть память тем, кто посмеет сказать, что это позор. Все, что хотите. Но я не буду...

Рем мягко улыбнулась ему.

— Магистр Ветивер Ирлион Дер-Фаэли Тир-Алькор очень просил верховную жрицу с проведением ритуала, отблагодарил храм богатыми дарами, показал нам молодого господина обнаженным и одетым с помощью своих чар. Многие из послушниц воспылали желанием сделать молодого господина мужчиной. Жрица выбрала пятерых лучших, самых набожных, опытных и чистых, — и вот мы здесь. Взглянув на вас наяву, мы решили, кто подойдет вам лучше прочих, поэтому здесь остались я и моя пленительная радость — прекрасная Мерур.

— Тогда в чем подвох? — искренне спросил Айра. — То есть вы... хотите... меня?

— Нет никакого подвоха, — так же мягко проговорила Рем. — В принятии этого и заключается...

— Там, откуда я родом, все не так, — в сердцах ответил Айра. — Там... там нужно быть очень глупыми или... бесстрашными, чтобы вот так. Человеку, с которым вы... в первый раз вступаете в... вы должны полностью ему доверять, более того... вы должны любить его. Мальчишки, конечно, рады бы были, если бы у нас было так же, как тут... но это показная радость, и страх намного ее сильнее.

— Но мы доверяем вам, — ответила Рем. — И любим вас. Позвольте нам показать, как именно.

Айра аккуратно и ласково отцепил ее руки от своей шеи и отстранился.

— Что вы называете любовью, прекрасные танцовщицы? — спросил он, качая головой. — Ваша любовь легкая и сухая, словно пыльный пустынный цветок...

Он встал и принялся ходить по зале.

Остановился возле балконной арки, глядя на танцовщиц сверху вниз:

— Но обрету ли я хоть однажды большее, будучи тем, кто я есть? — спросил он скорее самого себя.

— Назовите имя, молодой господин, — впервые заговорила Мерур. — Или два имени, если таково будет ваше желание.

Айра взглянул в ее золотистые кошачьи глаза, затем перевел взгляд на Рем.

— Рем, — сказал Айра.

Мерур грациозно встала, взмахом руки накинула одеяние и защелкнула маску. Поклонившись, она тихо ушла.

— Я все же по нраву вам, господин? — Рем позволила себе улыбнуться игриво, оставшись с Айрой наедине.

— Да мне сейчас и деревянный паркет по нраву, — Айра опустился на подушки, вздыхая. — Не подумай, что я тебя с ним сравниваю. Просто... мне сложно принять это как будничную норму жизни. Для меня этот ритуал... это должно было быть что-то особенное.

— Это и будет нечто особенное, — глаза Рем обещали гораздо больше, чем Айра мог себе вообразить.

— Ну да, ну да... Ах, если бы я назвал оба имени, — он усмехнулся.

— За Мерур можно еще послать...

Айра замахал руками:

— Да нет же! Я шучу. О мой бог, — он потер лоб рукой. — Куда я попал?

— Выпейте еще вина, господин, — предложила Рем. — Это поможет вам открыться.

Айра выпил.

— И что, — спросил он, — я вот должен прямо в живую женщину... вот прямо просто так, без каких-либо предварительных полутора лет знакомства?

— Молодой господин, наверное, с севера, хотя не выглядит северянином, — улыбнулась Рем. — Я читала, что у северян отношение к ритуалу такое тонкое, такое... страстное, что они делают это только в темноте, под тремя вышитыми конским волосом покрывалами, пока трое охотников из племени сторожат их шалаш из шкур белого саблезубого енота.

— Саблезубого, — повторил Айра за ней медленно, — енота...

— Именно.

— Я, пожалуй, выпью еще вина, — Айра обнаружил, что бутылка пуста. Зато рядом он углядел ранее не замеченную бутылку поменьше. Жидкость в ней оказалась крепче и слаще раза в три. Айра, опустошив еще полбокала, наконец позволил себе посмотреть на Рем прямо и пройти взглядом от ее рыжей макушки до нежных розовых пяток.

— Меня зовут Айра, — сказал он. — И ты очень, очень красивая. А я очень, очень давно потерялся. И я не уверен, что ритуал — это то, что мне нужно. Поможет ли он мне вернуться домой?

— Нет, не поможет, — ответила Рем, — но зачем плакать о том, кто еще жив? Зачем лишать себя любви сейчас, если завтра, возможно, будет война?

— Я не смогу, — Айра попробовал использовать последний свой аргумент, — я пьян и никогда ничего такого не делал...

— Могущественный маг, подобный юному господину, поворачивает реки вспять и возводит мановением руки прекрасные замки, и он спасует перед женщиной, что предлагает ему испить нектар любви?

— Нектар любви, — Айра откинулся на подушки, глядя в расписной потолок. На потолке внезапно обнаружились крайне скабрёзные картинки. — Саблезубый енот. Расписной потолок. Да ладно, — он наклонил голову к плечу, следя за одной из изображенных поз, — они же себе так спину ломают, оба причём.

— Которые? — Рем улеглась с ним рядом, прижавшись обнаженной грудью к его боку.

— Во-он те, со странными причёсками и залысынами, — Айра показал на стилизованную парочку в сладостной истоме. — О, так это еще и мужчины.

— А вы с магистром Ветивером... м-м... ничего такого не делали? — Рем перетекла из-под его бока куда-то на него, оказавшись сверху.

— Ты, наверное, самая дерзкая жрица из всех, — улыбнулся Айра, чувствуя, как по телу разливается тепло.

— Именно поэтому я говорю, — ответила Рем, — а остальные молчат.

Она принялась слегка покачиваться на нем, и организм не замедлил ответить на это совершенно определенным образом.

Айра приподнялся на локтях, потянулся рукой к ее лицу. Она направила его ладонь к своей груди, а сама наклонилась и поцеловала Айру в губы обжигающе ласково. Сладкий дурман окутал голову. Айра ответил ей с радостью, чувствуя почему-то какую-то невыразимую свободу и торжество.

— А вы боялись, — хохотнула Рем, — ваше тело совершенно.

Она принялась обсыпать его грудь поцелуями, спускаясь все ниже.

— Стой, — Айра приподнял ее голову за подбородок. — Не надо. Если... я не...

Мысли спутались. Ему хотелось ее — да. Он был в этом всем крайне неопытен, хоть и помнил откуда-то смутно, как все должно происходить. И он знал, что не хочет, чтобы первый раз был... таким. Если уж делать... то как следует.

Айра нежно заставил ее лечь на подушки рядом, провел пальцами по мягкой белой шее, приник губами к ее губам, позволяя себе более смелый и напористый поцелуй. Их ноги сплелись. Теперь Айра оказался сверху. Его тень упала на красивое, правильное лицо Рем, она смотрела на него с дерзким вождением. Айра, медленно проведя по ее груди, задел обнаженный сосок, затем спустился к талии, и, помедлив, провел пальцами дальше...

— А это еще что за... — успел пробормотать он, прежде чем оказался придавленным к полу враз потяжелевшим чужим телом.

Светло-рыжие волосы стремительно краснели. Грудь всасывались в тело, плечи расширились, подбородок загрубел и выехал вперед.

— Надо было выбирать Мерур, — сообщил Ветивер, — она была настоящей жрицей. Но ты любишь рыженьких, как я погляжу? Надо ж было так ошибиться.

— Отпусти меня немедленно, — Айра оскалил зубы. — Что это за... за...

— Ну-у?..

— ...непотребство!

Айра пытался вырваться — но оказалось, что презренный богоубийца сильнее.

— Я хотел продержаться до последнего, — Ветивер опустил и жарко задышал в шею

Айре, — и ты бы никогда не догадался... Но кто ж знал, какое начало возобладает... Мне захотелось отведать тебя по-настоящему.

— Слезь с меня, гребаный извращенец, — грозно прорычал Айра. — Иначе я за себя не ручаюсь. Я обращусь в дракона и разорву тебя!

— Да ладно, — Ветивер усмехнулся ему в ухо, заодно облизывая его, — сможешь?

Айра призвал все свои силы. Он почувствовал, как под кожей с дикой болью заходили ходуном кости, пытаясь перестроиться. Обрадовался: получается! А потом выгнулся и закричал.

Ветивер закрыл ему рот ладонью, другой рукой обшаривая его тело. Айра, воспользовавшись моментом, зарядил Ветиверу по лицу. И только потом обнаружил, как тонка рука, которой он ударил. Взглянул вниз, на себя — и обнаружил две небольшие припухлости ниже ключиц. Соски почему-то при этом странно пульсировали, а еще...

— Какого... — Айра услышал мягкий девичий голосок, — что ты со мной сделал?

Ветивер расхохотался. Так, что даже Айру отпустил и остался сидеть на подушках, согнувшись в три погибели и хлопая рукой по полу.

— А так... нормально? — утирая слезу, спросил он.

Вскочивший на ноги Айра тут же рухнул, с непривычки не удержав равновесия.

— Побудешь пока в этом теле, — со злорадной улыбкой сообщил Ветивер. — Как научишься меняться — можешь вернуться в старое. Прошрое свое ты слепил неосознанно. Настала пора научиться превращаться по собственному желанию и тогда, когда надо. Это сэкономит тебе уйму времени. Но совершенства в этом искусстве добиться сложно. Мастер или просто проницательный человек раскусил бы меня гораздо раньше, и ему не пришлось бы для этого трогать мой...

— Гори ты трижды синим пламенем, — злобно выпалил Айра. — Как будто нельзя было...

— У меня есть одно очень плохое свойство, — перестав веселиться, относительно ровно проговорил Ветивер. — Все, что я вижу, я рано или поздно начинаю считать своим. Много было моим до того, как... словом, мы с тобой путешествовали вместе достаточно долго. Так как я не имею определенного пола и определенной формы, я удовлетворял потребности этого тела с мужчинами, когда был Мартой и с женщинами, когда был Ветивером. Сегодня ты познакомился с Рем — она такая же настоящая, как я или Марта, но она слабее нас обоих. Поэтому... поэтому не кривись. Какая разница? Меня ты, например, знаешь дольше полутора лет. Но почему-то с ней ты готов "произвести ритуал", хотя что-то мне подсказывает, что даже с Мартой ты вряд ли стал бы...

Айра сел в углу и закрыл лицо ладонями.

— Не бойся, Айра, — ласково произнес Ветивер. — Когда-нибудь ты пойдешь своей дорогой. Ты можешь уйти сейчас — я тебя не держу. Я понимаю, ты видишь меня чудовищем. Возможно, что так и есть.

— Кто ты такой? — Айра взглянул на Ветивера прямо. — И кого ты делаешь из меня?

— Когда ты найдешь правильные слова для нас обоих... тогда ты получишь ответ.

Ветивер поднялся, подхватывая слетающие с его бедер лепестки тонкой шелковой ткани.

Айра старался не смотреть ему вслед. Не потому, что был зол на дурацкую выходку или испугался такой перемены. Айру до ужаса потрясло другое. Когда он смотрел на Ветивера из этих глаз, из этого тела — все внутри горело огнем, а между ног растекался мед.

"Не может этого быть!"

Найк провел пятерней по мокрым волосам и убрал их с глаз. Это ж надо — только что лило как из ведра, и вдруг завеса поредела.

Он замер, не шевелясь, заставил себя перестать дрожать и задаваться бессмысленными вопросами. Знал, на что шел. И пора двигаться дальше. Нужно спешить. Сейчас... сейчас.

Холодная вода все так же стекала за ворот. Найк промок до нитки, а казалось, что до самых костей.

Замерев на вершине внутренней дозорной башни, он дал себе еще одну минуту на то, чтобы отдышаться, прийти в себя и составить дальнейший план действий, наметить следующую цель и попытаться снова.

А вокруг гремела какофония сюрреалистичной битвы. Происходящее виделось каким-то ненастоящим, вот только... боль в плече намекала, что все взаправду. Внизу в обе стороны пробежали отряды запаянных в черное с золотом солдат — без единого командного возгласа, слышен был только топот ударяющих об асфальт подошв. Метрах в двадцати левее с оглушающим рокотом приземлился промерзший ком земли и камней, взрыв тротуар выемкой дымящегося от холода кратера. Над зданиями, на фоне чернеющих в серой дымке гор, проглядывали медленные движения исполинских големов, собранных из осколков скал, попавшихся случайно деревьев и замерзшей воды, оцетинившейся опасными ледяными лезвиями. Големы наступали, но хозяева колонии не собирались ее сдавать каким-то там магически призванным великанам. И вот они гнали на стены заключенных, лишенных собственной воли, собираясь использовать их как пушечное мясо. Вокруг царил хаос: управляли отрядами тоже люди, пускай и чтецы. И если кого-то из них охватывала паника — отряд рассыпался, бойцы вели себя как умалишенные, а то и начинали нападать на "своих", почуяв вкус свободы.

Все бы ничего. И люди не слишком пьются по сторонам, увлеченные боем и своей собственной судьбой. Но там, внизу, рыщут твари.

Берса напоминала о них, но кто же знал, что эти монстры так хорошо идут по следу.

Найк был один в своем "отряде".

Где-то на другом конце лагеря, наверное, так же, как он, затаились другие. А может и нет. Может, они прорываются с боем.

Дождь, было поредевший, усилился вновь.

Казалось, что копошение людей, холод, взрывы и крики — все это будет длиться бесконечно. Но нет, время бежит, утекает вместе с кровью и грязной водой. Пора... пора двигаться дальше, потому что эта страшная ночь должна рано или поздно кончиться.

С чего же все началось?..

Кажется, можно считать с того момента, когда внезапно открылось следующее: колония строгого режима, в которой где-то спрятана Никс, ни разу не на севере, а значит, снега вокруг почти что нет. Все знали это с самого начала, но почему-то думали, что план все равно сработает. И только добравшись до западных гор, они осознали всю глубину коллективной глупости.

Рейнхард обозрел грядущее поле битвы, где не было никакого снега, и сказал, что, были б тут реки — было бы проще. Его теперешней силе, конечно, подвластна не только вода, но

и камень, и земля, и все что угодно, но если есть вода — ступень мифа позволит ему много больше, чем без нее, и контроль будет точнее.

Но рек поблизости не оказалось, а закатное небо над горной грядой было чистым, словно сверкающий турмалин.

План начал трещать по швам.

Кей сказала тогда с издевкой: "Ну, великие маги, может, кто-нибудь наворожит нам хотя бы тучку?"

"Я читала, что в древности маги ветра могли управлять погодой, — серьезно ответила ей Ирвис. Развела руками: — Но — увы".

Тогда Эль-Марко зачем-то отошел поговорить с Мйаром и Камориль наедине, оставив остальных недоуменно переглядываться. Когда они вернулись, Эль-Марко сказал, что может сделать так, чтобы их магическая сила немного... изменилась. Увеличилась или углубилась — что-то вроде того. Ему нужно было согласие каждого. Найк не стал медлить и подошел к нему первым.

Колдовство целителя было странным. Он приблизился к Найку и протянул к его лицу руку. Найк заставил себя стоять смирно, даже не пошелохнувшись. Он напрягся, ожидая чего угодно.

Эль-Марко стал перебирать все серьги в его левом ухе, затем в правом.

"Итого тринадцать, — сказал он. — Чувствуешь что-нибудь?"

Найк осмотрелся, хмыкнул: "Ну... меня посчитали?"

Эль-Марко расстегнул одну и выбросил куда-то в траву.

"Э-эй!" — возмутился Найк.

"А теперь?" — спросил целитель.

Тогда Найк не заметил никаких изменений. "Может, надо что-нибудь еще?"

"Нет, — ответил Эль-Марко. — Этого достаточно. Если ничего не изменилось сразу, значит, просто нужно подождать".

Ирвис он расчесал пальцами волосы, не спеша, вдумчиво и нежно. Кей наблюдала за всем этим с ярко написанным на лице болезненным интересом.

А Аристарх отказался.

Да, наверное, все началось еще чуточку раньше, когда они сделали крюк на юг и подобрали Ари на пустынной трассе между городами. Ари долго смотрел Найку в глаза с выражением "Я ж тебя братом называл!", но вслух ничего не сказал. Он даже на то письмо, в котором Найк описал ему суть произошедшего, ответил коротким и совершенно нехарактерным для себя "Понял, буду. Вернемся — поговорим". И он никого не перебивал, когда ему, уже в вертолете, рассказывали, что и как. Вообще Ари обычно болтлив не по делу — но тут его будто бы перемкнуло: может, от серьезности грядущего мероприятия, может, по каким-то своим, личным причинам. Спорить с идеей Найка он тоже не стал.

Так, оказавшись достаточно близко к Нок-Лойру, но все еще вне зоны видимости дозорных колонии, они потратили несколько долгих часов на поиски подземных линий электропередач. Добираться до искомого пришлось вручную, воспользовавшись двумя складными лопатами. Ари продрался сквозь обшивку кабеля и, как отчаянный смертник, коснулся оголенных проводов. Волосы его тут же встали дыбом. Он колдовал всего несколько секунд. "Три дополнительных защищенных линии, — сообщил он, — давайте карту. Отрубим все три — они перейдут на генераторы". "Отрубим генераторы — запустится система аварийного выхода из искусственной комы", — сказал Эль-Марко.

Да, Ари отказался от воздействия Эль-Марко. Распространяться, почему и отчего, он не стал, но Найк догадывался, что это, возможно, как-то связано с личными убеждениями Аристарха насчет магии и религии. В душе Ари всегда был набожным, и только об этом он всегда мочал. Что, однако, не мешало ему играть в рок-группе и чтить деньги и деловую хватку превыше прочего.

После Ирвис Эль-Марко занялся Камориль и Мйаром. Внезапная, звонкая пощечина и короткое, но сильное прикосновение к шее некроманта. Поцелуй в лоб и удар под дых рыжего. После пересчета Найковых серег и расчесывания волос Ирвис это показалось чем-то слишком уж жестоким, и Найк тут же простил целителю выкинутую серьгу.

Ирвис, начав дышать часто и тяжело, привалилась к стволу ближайшей сосны и произнесла низким полупшепотом: "Я... чувствую это. Оно подкатывает к горлу. Кажется... Я смогу. Теперь смогу. Но... мне нужно выше. Туда", — она указала вверх, на скальный уступ среди сосен.

Мйар, чьи глаза стали слегка светиться, а черты заострились, подхватил ее, как пушинку, и понес вверх по склону горы.

Через несколько долгих минут поднялся ветер, и над старым карьером начали собираться тучи, заслоняя трепетный свет луны.

"Сработало", — проговорил Эль-Марко.

Найк смотрел вверх, на небо. Ветер трепал ему волосы и ударял по ногам сухой хвоей. Поверить своим глазам было не просто: вот только что бывшее полным звезд иссиня-черное небо затягивает плотным саваном, как будто бы кто-то приволок на запад облачное одеяло, которым постоянно укрыт заснеженный Тасарос-Фесс. А ведь они были там, кажется, еще вчера...

Вдалеке ударила молния, через мгновение в ложбину между горами просочился гром.

"Неужели это она сделала? — пораженно спрашивала Кей, оглядываясь по сторонам. — Неужели она способна на такое? Что это за магия? Нет, не погодная, это ладно. Что вы за маг?" — она обращалась к Эль-Марко. Но тот ничего путного ей не ответил, только улыбнулся.

Вскоре бурлящие небеса разразились холодным дождем.

Эль-Марко даже не предлагал своей помощи Рейнхарду. Тот и не просил.

Каждая капля оседала на нем, кристаллизуясь и превращаясь в элемент ледяного доспека.

"Мы займем свое место на высоте, — сказал он, уже целиком облаченный в сияющую броню. — Первых своих солдат я пошлю в указанные Аристархом точки — они отрубят колонии электричество. Тогда чтецы узнают, что мы рядом. К тому моменту я смогу поднять големов изо льда и камня и пушу их в атаку. Будьте наготове. Когда нам дадут отпор, вы должны пробраться внутрь и приступить к поискам. Кей, пойдём".

Найк не мог поверить, что все. Уже пора.

Рейнхард и Кей скрылись в ночи. Минут через десять из темного сырого леса вернулся Мйар, неся на руках Ирвис. Она была в сознании, но слаба.

"Я держу их в повиновении, — сказала она, глядя в небо широко распахнутыми глазами. Дождь стучал по ее щекам. — Я зову к нам ветра, несущие непогоду".

"Найк, — сказал Камориль, сверкая во тьме своими нечеловеческими глазами, — теперь твоя очередь. Веди".

Найк не почувствовал никаких изменений, когда Эль-Марко коснулся его. Он был

растерян и не знал, сработают ли его способности на такую толпу.

Он обернулся и увидел, что за ним, кроме Ари, Эль-Марко, Камориль и несущего Ирвис Мйара, идут слабо мерцающие под дождем скелеты. Прямо у него на глазах из земли, к которой прикоснулся некромант, вырылся еще один и встал в строй.

Найк перестал оборачиваться.

Он смотрел под ноги, чтобы не поскользнуться на мокрых камнях, и потому, когда за следующим холмом ему открылся вид на спрятавшуюся в горах колонию, приостановился и окинул ее взглядом, слегка оторопев. Вот оно — пристанище переступивших черту. Охраняется, как сокровищница. Выглядит...

Колония Нок-Лойр оказалась большой. Глядя на карту, сложно было представить ее натуральные размеры, размах, с которым работали планировщики и строители, но теперь... В ней чувствовался дух старой школы. Внизу расположилось множество разноуровневых темных зданий, подсвеченных синеватыми огнями. На первый взгляд никакой закономерности в расположении строений не угадывалось. Наклонные пандусы, вышки, трубы, продолговатые складские помещения с покатыми крышами... Улочки и проходы между зданиями были, кажется, пусты. Есть ли кто-то на смотровых вышках — не разглядеть из-за дождя, но странно было бы ожидать, что там никого нет.

А где-то, с другой стороны долины, так же свысока на колонию уже смотрит Рейнхард.

Время тянулось, словно вываренный сироп. Из-за плотности дождевой стены огни колонии казались мутными, свет рассеивался, хотя блики огней на мокрых крышах Найк видел.

А вот заметить, как меняется и крошится мокрая земля, он издали не мог. Услышать тоже — дождь скрадывал звуки.

И только когда свет погас, завращались тревожные красные маяки, а на фоне темного клокочущего неба вздыбились огромные угловатые великаны, Найк понял: все. Приехали. Началось.

От тревоги сводило зубы. Но его страх не имеет никакой ценности. Да, он есть, его не убрать, но сейчас надо обойти этот страх, словно поваленное бурей дерево, и продолжить движение вперед.

"Не сводите с меня глаз, — скомандовал он остальным, проверяющим крепления бронежилетов. — Старайтесь идти по моим следам. И не слишком оглядывайтесь. Может укачать".

Он нащупал путь сразу же. Шаг стал сотней шагов, колония приближалась, будто бы он не шел, а летел к ней. Каменные големы двигались очень медленно, казались застывшими изваяниями, островами в море, плывущими мимо.

Дождь на секунду превратился в застывшие в воздухе серебристые капли. И хлынул снова, когда Найк замедлил шаг и пошел аккуратней, по тонкой, едва заметной тропе, вьющейся между камней. Этим путем ходили те, кто разрабатывал этот карьер первыми. Много веков назад эту тропу проложили и закрепили, вышлифовав ее на ткани мироздания, вколотив в землю прочно, оставив незаживающий шрам.

Трудно было удержаться на ней, не потерять ее. Другие пути накладывались поверху, пытаясь запутать. Но Найк шел по избранной дороге, не сбиваясь, не оборачиваясь, отслеживая извилистый путь взглядом.

Они соскочили с тропы на темном перекрестке между двухэтажными зданиями, где тут же стало тесно: Найку удалось провести внутрь не только друзей, но и большую часть

собранных Камориль скелетов. Ирвис сказала поставить ее на землю — Мйар повиновался. Без лишних разговоров распределили, кто куда идет — и, разделившись, шагнули во тьму.

Ирвис, Эль-Марко и Мйар пошли вместе: Ир разберется с замками и поможет тихо прокрасться, Мйар расправится с неприятелем силой, а Эль-Марко тут же его подлатает, если что, и обеспечит огневую поддержку. Ари пошел с Камориль: пока личный отряд некроманта будет удерживать врага, при такой погоде Ари сможет нанести удар издалека, поразив сразу несколько целей. У него для этого и рогатка имеется, — все продумано. Конечно, никто не стремился вступить в бой, план был другой — двигаться быстро и незаметно, найти и вывести Никс и, по возможности, других элементаристок тоже. Но кто знает, чем все это кончится. Мало ли, вдруг Рейнхардовы гиганты и ледяные солдаты не смогут отвлечь на себя всю охрану колонии. Скорее всего, рано или поздно кому-то придется драться.

Найк пошел один: тогда ему казалось, что так будет проще. Он быстро и незаметно скользил по краешку тени, порою проходя открытые дворы так, что ни одна капля дождя не достигала его.

Он нашел первый генератор по звуку — тот притаился внутри захламленного ангара с большой шестеркой на воротах. Зашел за спину человеку, что его охранял, и без особых угрызений совести огрел того валяющимся рядом тюком. Затем снял с пояса раскладную лопату, ту самую, которой копал землю, разыскивая первый кабель для Ари, и перебил тонкие топливные трубы, заставляя урчащий механизм затихнуть навсегда.

Твари учуяли его где-то на выходе из ангара.

Найк тоже заметил их издалека. Он буквально кожей почувствовал взгляд, неотрывный, обещающий быструю, веселую смерть. Найк бросился прочь, разыскивая тень, угол, удобную тропку — но твари взяли след и увязались за ним. Он двигался на пределе своих сил, но черные монстры-псы бежали быстрее, чем Найкова магия позволяла ему удирать.

Поняв, что от зверей не убежать, Найк решил спрятаться, чтобы перевести дыхание, там, где они не смогут его достать. Пролетев мимо длинной черной стены, он втиснулся в зазор между двумя зданиями и пошел боком.

Сердце стучало где-то в горле, и стук его будто бы отражался от сужающихся стен. Найк обернулся: жирные клыкастые морды тыкались в узкий проход, мешая друг другу. Твари впервые "заговорили": издали рык, отдаленно похожий на песий, но на несколько тонов ниже, будто бы на границе с инфразвуком. От этого рыка все в животе свело, словно судорогой.

Сверху капала вода. Найк глянул вперед: проход сужается еще, но что за ним? Сможет ли он протиснуться? Отсюда три выхода — в пасти к "песикам", вверх или вперед. Вверх он не залезет. Можно, конечно, попробовать...

Так, без паники. Если выдохнуть, можно протиснуться.

И если снять мешающий бронежилет.

Найк завозился, расстегивая крепления, стянул объемную защиту, оставшись в своем любимом тонком сером свитере. Двигаться сразу стало легче, и он пошел боком дальше, аккуратно переступая через гнилые доски и мусор.

Черные уродливые псы стонали ему в след, но ни один из них не умел складываться вдвое. Найк, оглядываясь на зверей, не заметил, как ступил туда, где нет никакой опоры, и разом провалился в какую-то щель. Успев упереться ладонями и локтями в стены, он замедлил падение и глянул вниз.

Подвал?

Осторожно, стараясь не зацепиться боком за острую арматуру, он стал спускаться. Включил фонарик, зажал его в зубах и, повиснув на руках, прыгнул вниз, на старый камень, уложенный концентрическими кругами.

В довольно просторной комнате воняло сыростью и гнилью, тут и там валялся мусор, мокрые доски, на них и под ними стояли кадки с ободранными этикетками. Так же внутри имелась железная дверь, оказавшаяся запертой.

Найк выругался, обвинив себя в скудоумии. Куда теперь отсюда деваться?

Осмотрев помещение, он обнаружил решетку ближе к полу — туда утекала вода, попадающая сверху. Решетка была старой и насквозь проржавевшей.

Найк возился недолго — сил расправиться с препятствием хватило, и складная лопата, которую он, в отличие от бронежилета, не бросил, помогла. Решетка полетела в сторону.

Открывшийся узкий и темный лаз вел неизвестно куда.

Хорошо же этот Эль-Марко изменил его магию. Почему Ирвис смогла вызвать бурю, а он внезапно перестал видеть, куда ведет путь?

Ладно. И не такое бывало. И не такие дыры он проползал на животе. Чем эта лучше?

Найк, мысленно подбадривая себя, пригнулся и решительно пролез вперед, подсвечивая себе фонариком. Вскоре ему пришлось ползти, пробираясь через какие-то гнилые листья и трупы крыс. Он вздрогнул, когда услышал, как сзади что-то заскреблось, зашумело. Эхом к нему прикатился давешний рык, от которого сводит кишки.

Неужто твари нашли способ пробраться за ним?

Найк ускорился. Вот впереди забрезжил приглушенный свет. Последний рывок — и Найк оказался на краю. Вниз и вверх шла круглая полая труба из белых каменных блоков. До дна свет фонарика не доставал. Сверху капал дождь.

Так вот куда стекала вода из той комнаты.

Приказав себе отставить панику, Найк осмотрелся внимательней. В трубу идут стоки не только из той комнаты, где он был. Чуть выше — еще один выход, и не один — через несколько метров есть еще три.

Найк потянулся вверх, раскорячившись и упершись, куда только мог достать: сорваться здесь означает помереть без всяких вариантов. Ухватился за металлический порожек, подтянулся, затащил себя наверх. Снова пополз по узкому желобу между сырых стен.

Вторая ржавая решетка полетела куда-то вниз, Найк выглянул и обнаружил склад — более обжитый, но так же никем не охраняемый. Всех, что ли, на стену погнажи?

В потолке имелся круглый открытый люк.

Благодаря Потерянного, Найк залез по скрипучей стремянке вверх и оказался на нижнем пролете узкой винтовой лестницы.

Это был путь в одну из внутренних сторожевых башен.

Человек с винтовкой не услышал его шагов, приглушенных далекими взрывами и дождем. Разве только запах учуял — потому успел обернуться раньше, чем в голову ему прилетел металлический черенок лопаты.

Найк оттащил тело от края и взглянул через бойницы наружу. С высоты четвертого этажа он смог разглядеть все, что творилось вокруг, пускай дождь и заливал ему глаза, хлюпал под свитером и в ботинках. Никогда еще в реальности он такого не видел. Блуждая по руинам древних городов, он даже не пытался представить то, что их разрушило. Кино не воспринималось как что-то настоящее, казалось, что спецэффекты врут для наглядности и

красоты.

И вот теперь он видел своими глазами, как на горизонте белыми росчерками возникают и пропадают молнии, подсвечивая на секунду исполинские силуэты големов, состоящих уже почти полностью из мутного серого льда.

По периметру колонии шел бой. Отряды — молчаливые, как будто бы нарисованные — настолько синхронны были их движения — маневрировали, кого-то перебрасывали на передовую. К стенам сгоняли бронированные машины.

Итак, если твари снова учуют его, он может и не уйти.

Раз — вся территория полностью погрузилась во тьму.

Кто-то добрался до последнего аварийного генератора!

Ладно, это значит, что элементаристки скоро должны выйти из комы. Может, они сами помогут себе спастись. Или устроят пожар. Да, огня этому хаосу не хватает!

Но, пока темно и даже аварийные маяки замерли, слиться с людьми будет просто — значит, можно идти, не таясь.

Остаются псы.

Найк поднял винтовку, которую выронил дозорный. Он не особо разбирался в оружии и стрелять, по правде говоря, не умел.

Поэтому первая пуля ушла в небо, а отдача чуть не покалечила Найку плечо.

Он двинулся по тонкому металлическому мостику над улицей, спустился с другой стороны, прижимаясь к стене в тени и пропуская мимо себя отряд спешащих на линию осады людей в черной форме.

Итак, если генераторы отключены... пора приводить в действие то, чем он грозил: начать обходить здания одно за другим.

Найк почувал подходящий путь и ступил на него. Тут же он почувствовал, что кто-то увязался за ним. Разворачиваясь, он взял винтовку наизготовку и выстрелил — пуля прошла черной твари голову, но лишь чуть замедлила погоню.

Найк прыгнул в сторону и оказался на очередном перекрестке. Тварь вывалилась следом. Найк, извернувшись, приладил винтовку к плечу и со страху зажал гашетку. Винтовка выдала короткую очередь. Две пули впились твари в уродливую голову, еще три разворотили переднюю ногу. Существо рухнуло на бегу, перекувыркнулось, Найк развернулся и прыгнул в темный коридор, сразу же ступая на подвернувшийся короткий путь.

Адреналин наполнил кровь. Найка трясло, но он, не чувствуя холода и усталости, несся вперед. Этот коридор должен был кончиться и вывести его в то большое черное здание... Действительно, в следующий миг он оказался внутри.

В темном помещении с высоким потолком воняло чем-то отвратным. И почему тут так пусто?

Восстановив дыхание, Найк двинулся вперед, мимо покинутых камер с дверьми нараспашку, маяком в абсолютной тьме. Где заключенные? Неужели всех вывели сражаться с солдатами Рейнхарда? Судя по запаху — тут их держали в жесткой антисанитарии... Разве можно так с людьми?

Найк понимал, что время утекает и нужно действовать быстрее.

Где может быть эта тайная лаборатория? Внизу? Вверху? Как проникнуть вниз?

Из тьмы позади раздался гортанный рык, и Найк не успел выстрелить. Он только смог осознать неотвратимость приближающегося удара. Тварь повалила его на пол, вцепилась

куда-то в плечо, и тело пронзило ошеломляющей болью. Показалось, что псина намеревается оторвать ему руку целиком. Найк зашипел, извернулся, подался вперед и с силой швырнул тварь об стену. Не помня себя от страха и отвращения, он схватил лопату за рукоять и, увидев наконец траекторию движения пса, подставил острие под голое черное брюхо.

Тварь напоролась, заверещала, шлепнулась на пол и начала извиваться, дергая лапами и скуля. Но долго мучиться ей не пришлось.

Найк, придерживая разорванное плечо, привалился к стенке, тяжело дыша.

Хорошо же он справляется. Кровь. Надо остановить кровь. Он стянул мокрый и грязный свитер, затем майку. Майку порвал и затянул узел выше борозд на левой руке. Подобрал лопату, пристегнул к ремню, взял в руки винтовку, включил фонарик и...

В тридцати шагах перед ним копошилось темное море молчаливых черных псов, похожих на жирные блестящие кляксы. Все, что было между песьей ордой и Найком — дырчатая деревянная перегородка на поржавевших петлях.

Найк попятился.

Ладно. Ладно, Рейнхард был прав. Обыскивать здания одно за другим — не самая лучшая идея.

Найк сглотнул. Сделал еще один шаг назад, оценивая количество псов. Двадцать? Тридцать? Если он побежит... Твари непременно сорвутся в погоню и сметут перегородку на раз. Он нервно оглянулся назад, сглатывая подступивший к горлу ком. А потом что есть сил бросился обратно, к развилке, слыша, как зашлись в яростном рыке черные твари, как заскрипели ломающееся под их напором тонкие перекладки. В два прыжка он оказался у двери и успел захлопнуть ее, прежде чем первая волна обезумевших животных ударилась в тонкий металл. Повернув засов, Найк устремился дальше, выискивая короткий путь обратно. Дверь вылетела со скрежетом, множество лап застучало по гнтому железу. Найк бежал так быстро, как только мог из себя выжать. Перекресток! Рывком бросив фонарик далеко вперед, Найк круто свернул влево.

Стая рванула на свет.

Найк припустил вперед, не щадя разорванного плеча и сил.

Те пять секунд, что он бежал в крошечной темноте, показались ему вечностью. Путь. Тонкая полоска сияющего короткого пути — вот что называется поймать удачу за хвост! Найк ступил на старую тропу, проложенную теми, кто был здесь еще до первых рудокопов. Два шага, рывок, последний отчаянный спринт наперегонки с первобытным ужасом и — над головой разверзается грохочущее взрывами и молниями небо, дождь ошпаривает холодом, капли — словно пощечины.

А, нет, это шрапнель от взрыва.

Найк обнаружил себя на стене, почти в самой гуще сражения. Тут же пригнулся, защищая голову, и, оглядевшись, пополз к дозорной башне.

Он мельком увидел ледяных солдат изблизи — ни на что непохожих воинов, сложенных из грязной воды и черных камней, разных, быстрых, смертоносных. Они, казалось, не столько стремятся убить людей в черно-золотой форме, сколько сковать их, лишить возможности действовать.

Ясно. Рейнхард не хочет крови.

Но эти твари кого угодно деморализуют.

В них со стороны обороны колонии летели пули, мелкие снаряды просто застревали в

них, большие расплескивали вокруг острую ледяную шрапнель.

В пятидесяти метрах от Найка со стороны обороняющихся вышли пятеро с огнеметами.

Пламя взрезало ночь.

Плохо дело!

Найк ударился плечом об стену и скорчился от боли.

Да что же такое... почему на Ирвис подействовало почти сразу, а на него — все еще нет? Что он делает не так? Когда уже его магия "изменится"?

Ладно, в том колодце просто не было путей... потом дар работал, как следует. Может, найти целителя?

Найк пошарил по карманам и обнаружил, что рации нет.

Засада.

Доковыляв до башни, он рухнул на пол в темном углу.

Так. Так дело не пойдет. Надо что-то решать. Надо действовать.

Что не так?

Ставим цель: тайная лаборатория.

Видим... ничего не видим. Дождь, кровь, взрывы, здание сотрясается, как будто его знобит.

Может, нет никакой лаборатории?

— Эй, ты, что лежишь? — кричит какой-то мужик с усами, наставляя на Найка оружие и помахивая им. — А ну вставай!

Найк нехотя поднимается.

— Жить будешь, — говорит мужчина, вцепляясь в Найково плечо голой пятерней. Боль пронзает насквозь, так, что подгибаются коленки и хочется сложиться напополам. Кажется, что из плеча наживо выламывают кости. Найк запоздало отдергивает руку, отшатывается.

— А ну пошел на передовую! — мужик чуть ли не пинком выталкивает Найка из башни. — Родина не забудет!

Найк, взглянув на свое плечо, обзаведшееся грубыми шрамами, не успев опомниться, спешно выбрался из башни — от греха подальше. Целитель! Хорошо, что не чтец. Чтец бы мигом распознал врага и... ничем хорошим это бы не кончилось.

Найк шел, стараясь держаться ближе к стенам и пытаясь сосредоточиться на дорогах. Это было не просто. Он смотрел, как слева огнеметчики жгут и плавят ледяных солдат Рейнхарда. В здание слева снова прилетает комок земли и снега. Вот големы, сразу двое, распадаются от попаданий из гранатометов и тут же воссоздаются заново. В каком-то из них торчит вмерзшая в лед оторванная человеческая нога.

Как найти в этом хаосе Никс и самому при этом не помереть?

Найк уже не таился, только огибал развороченные бронемашину и раненых заключенных. Сверху все так же наяривал дождь, не справляясь с огнем, но заставляя волосы липнуть ко лбу и лезть в глаза.

Мимо проносились спешащие на передовую отряды чтецов и конвоируемое ими пушечное мясо.

Где же, где же путь в эту самую лабораторию?

Он должен его найти. Как иначе ему разыскать Никс?

Найк почуял след, обернулся...

Вот — один из путей, ведущих... в центральную дозорную башню. Нет, опять не туда.

— Мне не башня нужна, — пробормотал, давя раздражение и отчаяние подступающей к

горлу горькой злостью, — мне нужна Никс.

Забрать Никс и увезти домой. Да, без нее возвращаться никак нельзя — как же он без нее? Зачем тогда это все?

Да, это — единственный путь обратно.

И в этот миг что-то в голове щелкнуло.

Найк остановился, замер посреди огня и подсвеченного искрами дождя.

Человек — это ведь тоже путь, — понял он. Нет, не столько перемещение в пространстве, сколько...

Найк поднял голову и взгляделся в небо, подставляя лицо холодным каплям.

Он закрыл глаза, когда мир еще был полон тьмы и вспышек. Реальность кувыркнулась вокруг него, словно он — гироскоп на кардановом подвесе. Ночь закружилась, а потом встала враз. Звуки стали глухими, как будто между ним и окружающим миром — толстая каменная стена.

Распахнув веки, Найк сначала даже сощурился — слишком уж ярким оказался мир: он увидел его похожим на мерцающее кружевное плетение, застывшее в тишине. Все вокруг было пронизано ажурной паутиной пульсирующих нитей, источающих мягкий свет. Здания казались сотканными из бледного переливчатого огня. Люди тоже тлели, как разноцветные угольки, и каждый был тем, кто плетет этот дивный живой узор.

Найк решил, что сошел с ума. Или умер. Может, в него прилетел шальной кусок свинца... это было бы очень... жаль.

Но он понял, что жив, когда увидел, что через все опалесцирующее полотно тянется, поблескивая искрами и всполохами, ярко-красная огненная нить — одна на миллион.

Вот он, путь домой. Найк знал теперь наверняка и без каких-либо сомнений: эта дорога ведет к дому. И она же — нить судьбы элементалистки огня Николы Рэбел, потому как что есть судьба, если не пройденный путь?

Спокойствие наполнило его, очистило разум.

Он понял, что теперь его сила действительно изменилась. Из неосознанной и вероломной она вмиг превратилась в точный, подвластный ему инструмент.

И пока в глазах не погас ослепительно-яркий мир, сотканный из человеческих судеб, похожий на цветную спутанную изнанку плохой вышивки, Найк пошел по следу алого огня, не замечая вокруг более ничего и не позволяя никому ступить на свой собственный след.

Никс почувствовала, как снова содрогаются стены.

Сначала она думала, что это землетрясение, но оно все не унималось. Сколько уже трясет? Час, два? Точного времени назвать она бы не смогла.

Криво улыбнувшись, она продолжила практиковаться в прикосновении взглядом. Получалось уже чуть лучше. Конечно, толку от этого — никакого. Стены опять тряхнуло. Да как же в такой обстановке сосредоточишься?..

За маленьким зарешеченным окошком замелькали тени — быстро, много, сопровождаемые топотом и криками.

Никс вся напряглась.

Что там происходит?

Она повела занемевшими плечами. Сжечь уже, что ли, рубашку эту? Вдруг что. Вдруг свободные руки понадобятся?

По правде это была уже четвертая смирительная рубашка — тюремщики стабильно пеленали ее в новую, стоило попробовать освободиться.

Никс каждый раз пробовала вырваться из крепких рук пленителей, сжечь им забрала шлемов или прожечь одежду — но сил не хватало, максимум ей удавалось что-нибудь оплавить или заставить тлеть. Мощи было недостаточно, времени тоже, как и собственных ограниченных девичьих сил. Какой же тогда прок в огненных элементалистах? Какой смысл им быть военнообязанными? Разве только все это из-за того, что она не прошла ритуала и не знает заклинаний? Ведь на ритуале, говорят, учат и кое-чему сверх профессии каким-то особенным образом — подготавливают к тому, чтобы элементалист стал солдатом...

Вообще все это странно. Чтецы боятся, что она разрушит мир, но... Как при этом Никс может быть... такой? Почему же при сложнейшей задаче ее сила так специфична? Почему древние боги, если они так хотели устроить планете тотальную чистку, своих посланников сделали настолько слабыми? Что это за игра такая?

Никс помнила ощущение от "огненного цветка". Она понимала, что без вмешательства Эль-Марко, без "зажатия струны" никакого белого луча из ее груди бы не вырвалось. Все бы так и осталось запакованным внутри нее, как какой-то неприкосновенный запас, будто бы она — сейф, ключ от которого потерян. Сама по себе, без всей этой сверхъестественной чепухи, она — средненький такой маг огня, не слабый, но и, как показывает практика, не представляющий особой угрозы для подготовленных людей. Куда там ей до героев прошлого, использовавших ступень мифа на всю катушку, выплескивающих на поле боя мощь всей своей колдовской души.

Хорошо. Если в реальности "огненный цветок" вырывался при зажатии струны... Если это и есть та сила, что может пробудить Вьюгу... Как же Никс сможет сделать это в мороке? Ее сила приобрела там форму меча. Меч изменялся, рос. Может ли быть так, что этот рост... Что в итоге магия переродится, "расцветет"? Выраженное в словах, это предчувствие казалось странным, такое сложно удержать в голове и не усомниться. Но... Скорее всего, так и есть.

И все же. Им говорили, что элементалисты очень опасны и поэтому должны служить стране. Поэтому магов лечат отдельно, вместо скорой приезжают поглощающие... Ладно, Никс могла согласиться, что для простых людей они действительно опасны, особенно, если потеряют контроль над собой.

Но пребывание здесь и тщетные попытки высвободиться лишили ее всякой веры в свои силы. Ей стало казаться, что она слаба и беспомощна.

А за дверьми все бегали туда-сюда какие-то люди.

Ощущение приближающейся беды нарастало. Неспроста это копошение, и "землетрясение" — неспроста. Никс нервно перебирала пальцами, уже почти решившись испортить очередную смирительную рубашку.

Что-то загородило свет, пробивающийся в маленькое зарешеченное окошко.

Глухие звуки — похоже, стены гасят громкие, четкие приказы. Щелкают затворы — верхний, нижний, средний.

Никс попятилась к стене, не зная, радоваться или пугаться.

Дверь открылась, скрипя, и внутрь камеры проник тревожный желтый свет.

Никс увидела, что в дверном проеме стоит Абеляр Никитович. По двум сторонам от него — люди в защитных костюмах, тех самых, которые Никс едва смогла оплавить.

— Никола Рэбел, — проговорил Абеляр спокойным и властным голосом, в котором

читалась усталость, — пора.

В следующий миг он резко выхватил пистолеты, (словно фокусник — как будто из ниоткуда), развел руки в стороны и выстрелил почти одновременно.

Никс не успела уследить за обеими руками, но ее взгляд задержался на его лице: глаза чтеца смотрели каждый в свою сторону.

Никс отшатнулась, испугавшись этого больше выстрелов и очередного содрогания стен.

— Никс? — чтец спрятал пистолеты, деловито подошел к ней и стал расстегивать ремни. Оба его глаза смотрели теперь вперед, как будто ничего и не было. — Идти сможешь?

— П-пожалуй...

Пока она потирала запястья, чтец затащил мертвых охранников внутрь.

Никс на секунду подумала, что для седого старика он на удивление прыток.

— Поспешим, — скомандовал чтец.

Никс без споров двинулась следом, переступив через недвижные трупы.

Стоило ей перешагнуть порог, как неуместная радость заклокотала внутри, подобная опьянению, быстро подобралась к горлу и превратилась в еле сдерживаемые слезы. Никс сжала кулаки. Неужели они выберутся отсюда? Неужели заточению конец?

Они бежали по каким-то запутанным коридорам, пару раз пережидали в темных углах и бежали снова. Абеляр явно знал, куда ведет ее, и потому вскоре Никс совсем перестала ориентироваться в этом лабиринте.

Преодолев четыре лестничных пролета, ведущих вверх, они оказались в маленькой комнатке с тремя дверями — одна из них была металлическая и конструкцией напоминала створки лифта. Чтец стукнул по кнопке, большие железные ворота разъехались, открывая путь в просторный полутемный зал.

Никс прошла внутрь следом за Абеляром и оказалась в большом складском помещении, озаренном неровным синим светом продолговатых ламп. Зал был уставлен металлическими контейнерами, и знаки на них никак не помогали понять, что внутри.

Они спешно двинулись через склад, желая преодолеть относительно открытое пространство поскорее.

На середине пути к выходу синий тревожный свет мигнул и погас.

Никс услышала вскрик и близкую возню. Не долго думая, она щелкнула пальцами, вызывая пламя:

— Абеляр?!

Магический огонь на ее ладони осветил контейнеры, потолок, пол, устланный щепками, и двух замерших рядом мужчин: Абеляр Никитович приставил пистолет к виску другого человека — высокого, частично седого, покрытого шрамами и совершенно незнакомого. Этот второй держал у горла чтеца тускло поблескивающий нож.

— Дальше она пойдет со мной, — у мужчины был низкий, очень глубокий голос, слишком благородный для такого устрашающего лица.

— Ты думаешь, пуля медленнее ножа? — проговорил чтец.

— Я думаю, что огонь — мой слуга.

Никс не успела понять, что происходит — настолько быстро замелькали руки, закружились в смертельном танце фигуры. Незнакомец увернулся, блокировал и отвел направленный на него второй пистолет. Гроыхнул выстрел, пуля ушла вверх. Никс пригнулась, охнув.

— Прекратите! — закричала она.

В какой-то миг незнакомец схватил один из пистолетов за дуло, и тут же оружие будто лопнуло, барабан разлетелся на три осколка, полоснув чужака по щеке, рукоять выпрыгнула из ладони чтеца.

Незнакомец, воспользовавшись тем, что чтец отвлекся, нанес быстрый и меткий удар, который Абеляр не успел пресечь.

Чтец отшатнулся, держась за горло, споткнулся, а затем упал навзничь.

Никс вскрикнула, бросилась к нему:

— Что вы наделали! А... Абеляр!

Она потянулась к чтецу, чтобы потрясти за плечо и, может, перевернуть...

— Оставь его. Вставай. Пойдем, — произнес мужчина, касаясь ее плеча.

Никс отпрянула, обернувшись.

— Н-но... он же...

Она снова повернулась к Абеляру, не зная, что делать.

У нее тряслись руки и губы. Она видела, как по полу расплывается красное пятно, расходясь от головы лежащего неподвижно чтеца, и, поднеся колдовской огонь ближе, увидела расплосованное горло. Она поняла, что не сможет ничего сделать. Она поняла, что это — смерть. Никс медленно перевела взгляд на человека, покрытого шрамами. Ее страх полностью поглотила отчаянная злость:

— Кто вы такой? — спросила она отдельно и яростно.

— Никс, — он протянул к ней руку, будто надеясь, что она ее примет, — некогда объяснять. Нам нужно бежать отсюда...

— Нет, ты объяснишь мне сейчас и здесь, зачем ты убил его!

— Он предал тебя.

— Он меня спас! Да кто ты такой вообще?

Мужчина улыбнулся — немного горько. В его глазах отражались языки колдовского пламени, которое Никс все еще держала в ладони.

Он простер руку в сторону, провел по ней другой, той, что с кинжалом, и в паре сантиметров над его кожей зародился и засверкал переплетающийся яркими золотистыми змейками волшебный огонь.

— Я твой настоящий наставник. Я научу тебя всему.

Никс поднялась, стряхивая огонь со своей ладони.

— Ты сумасшедший.

— Многие так считают.

— Слышишь, мужик, такой же или нет, но шел бы ты...

— Шел, шел и пришел. Среди других тебя нашел, — нараспев проговорил незнакомец, делая шаг к Никс.

Она попятилась и уперлась в контейнер.

— Огонь меня не возьмет, — предупредила Никс. — А нож я тебе расплавлю, сам должен понимать.

— Действительно. Но я не враг тебе. Я пришел освободить тебя.

— Что-то ты долго шел, — фыркнула Никс. — И зачем-то решил убить моего друга, хотя он ничего тебе не сделал!

Мужчина не отвечал: просто смотрел на нее, не оправдываясь, но и не отрицая.

— Ты тоже элементалист. Ты убил его из-за того, что он чтец? Ты очень гильдейский,

что ли?

— Нет, я уже давно не имею отношения к гильдии.

— Тогда зачем ты пришел за мной? Я тебя не знаю!

— Ну как это не знаешь, — мужчина склонил голову набок и улыбнулся. — Ты знаешь меня. Просто не помнишь. Или не узнаешь... печально, печально. Впрочем... у нас нет времени. Нужно скорее идти.

— Я не сдвинусь с места, — твердо сказала Никс, хватаясь пальцами за край железного контейнера, — пока не получу ответов.

Мужчина поджал губы, затем улыбнулся — зубы ровные, белые. Одет он был в бурого цвета потрепанные штаны с вшитыми защитными пластинами и черную пайту с капюшоном, сверху — летная куртка, на ногах — ботинки на высокой шнуровке. За шрамами и морщинами можно было разглядеть когда-то красивое лицо. Никс не могла вспомнить его. Никак. Она была уверена, что он врет. Огненный элементалист, только что хладнокровно убивший единственного знакомого ей адекватного чтеца, наконец соизволил произнести:

— Я нашел тебя в прошлый раз, когда тебе было пять. Ты должна помнить. Я дал тебе выпить солнечной крови бога.

Никс сглотнула. Едва успокоившееся сердце упало в пятки, руки затряслись, слабея. Она вспомнила. Это были очень смутные воспоминания, похожие на видения. Память о мороке и Керри и то была четче, вещественней. "Солнечной крови..." Она помнила вкус и запах лучше всего остального. Тогда он сказал, что это грушевый сок. Но сок не пах грушей, он был вязкий, словно мед, слегка горчил, и от него во рту стало горячо, как будто она съела что-то пересоленное или переперченное и одновременно слишком сладкое. Пах этот "сок" летом, костром и железом.

Никс не понимала, почему тогда не испугалась незнакомца, не позвала на помощь, не закричала. Хотя... кажется, тогда он выглядел по-другому... точно. Она не испугалась, потому как раньше уже видела его на фотографии. Тогда он еще не поседел, его красивое правильное лицо не было исполосовано шрамами. Никс узнала его и обрадовалась ему. Потому что тогда к ней приходил покойный отец, и на утро она решила, что это был сон — сложились в голове рассказы Камориль о Мертвари, фотографии, глупые детские надежды... Марик тоже решил, что ей приснился сон, и на утро она забыла обо всем этом напрочь.

— Такова была моя плата за жизнь, — продолжил человек, стоящий напротив Никс. — Мне было обещано... многое было обещано. И мне растолковали условия и последствия того, что будет, если я откажусь и если не сделаю того, что должно.

В его лице начали проступать знакомые черты, и от этого становилось жутко. Никс и так было страшно, потому что она понимала, о чем он говорит, даже не зная всех деталей. Она верила ему, чувствуя нутром, что он, к сожалению, сумасшедший — ровно наполовину. Он не врет. Он говорит так же, как Рин — то есть с ним кто-то говорил так же, как с Рином говорила Вьюга. Холодно и взвешенно, или ты исполняешь долг, или тебя забирает смерть. Живое существо выбирает жизнь. Константин Рэбел... Константин Рэбел выбрал служение богу, чья кровь — солнечная. Он отдал божеству свою дочь. Он приносит во славу его смерть. И теперь огонь — его слуга, как он говорит.

— Константин Рэбел, — проговорила Никс, и в голосе ее звенела сталь. — Вы — Константин Рэбел, мой отец.

Вот и встретились. Какая же дурацкая получилась эта встреча!

Никс шла следом за объявившимся ни с того ни с сего отцом и злилась, злилась, злилась. Он убил Абеяра Никитовича. Зачем? Он так ничего и не объяснил.

Абеяра был последним из своего "роя", то есть — это все, навсегда. Да, у старика имелись недостатки, но он был человеком чести. Вот именно — был.

Никс решила, что как только представится возможность, она удерет от этого так называемого "отца" — и ищи-свищи. Отец или нет, какая разница? Да, все эти слюнявые истории про воссоединившиеся семьи явно не про них. У нее есть опекун — Эль-Марко Кападастер, и большего... Если ей и нужно было большее — это время давно прошло. И если папашка и хотел воссоединения семьи, то чесаться надо было раньше, и делать это надо было не так. И уж точно нельзя было начинать с убийства Абеяра Никитовича.

Почему люди порою настолько глупы?.. Ладно, ладно, положим, у Константина просто не было выбора. Но все равно. В ее голове это никак не оправдывало его поступок.

— Там сейчас битва, — произнес Константин, когда они остановились на полутемном лестничном пролете.

Никс слышала гром и выстрелы — она уже поняла, что сверху творится какой-то ужас. Ее это радовало, как отмищенного может радовать чужая беда: она надеялась, что шанс улизнуть от внезапно обнаружившегося родственника представится совсем скоро.

— Не просто битва. Я видел земляных гигантов, против которых у местных припасена тяжелая техника. Чтецы бросают зазомбированных заключенных на стены без всякой жалости.

— Кто бы говорил о жалости!

— В шестом ангаре у северной стены у меня припрятан мотоцикл, — Константин говорил спокойно и никак не реагировал на реплики Никс. — Нам нужно будет пробраться к нему кратчайшим путем, не привлекая внимания. Держись строго за мной, колдуй только в крайнем случае. После следующего пролета будет коридор — самое опасное место. Пройдем его — выйдем в ночь, там уже будет дело техники. Ну, ты со мной?

Никс свела брови, скрестила руки на груди.

— Со мной, — улыбнулся Константин. — Ты хочешь на свободу. Я бы тоже хотел.

Он стал подниматься, оглядываясь, идет ли Никс следом.

— Кстати, — продолжил он, — я тут видел еще девчонок, наших коллег, они как раз просыпались. Думаю, скоро тут станет жарко.

— Я не понимаю, почему меня охраняли всего двое, — впервые поделилась своими мыслями Никс. — Если у меня отдельная камера, и они уверились...

Константин остановился, обернулся и сообщил с ухмылкой:

— О, я думаю, ты уже достаточно взрослая, чтобы знать: я шел по следу этого твоего чтеца, и видел, как он расправился с твоим персональным охранным батальоном.

Никс стиснула зубы и ничего не ответила.

— И, тем не менее, против избранника богов он оказался слаб, — продолжил Константин, возобновив восхождение по лестнице. — Или выдохся по пути. Хотя нет, он был достаточно быстр, еще и это независимое управление обеими руками... Чтецы — серьезные противники, особенно такие опытные. Как будто дерешься не с одним, а сразу с четверым. Но твой папка крут, ты это еще поймешь. Вот, мы почти на месте, сейчас нужно будет пройти этот коридор быстро-быстро.

На этом пролете было уже темно — лампы не горели, пахло сыростью и землей. Через несколько шагов они оказались в еще более темном проходе. Константин, держась правой

стены, выглянул за угол.

— Чисто. Идем.

Никс последовала за ним.

Они шли по коридору, какие еще бывают в школах и больницах: неизвестно, зачем они такие длинные и такие гулкие, и почему нигде нет ни одного окна.

Впереди был свет — мерцающий, неровный. Там, казалось, бушует пламя. В следующий миг Никс увидела силуэт на фоне этого пламени.

Константин выругался.

Человек на светлом фоне сначала замер, а потом уверенно пошел им навстречу.

Никс щелкнула пальцами, вызывая огонь, презрев просьбу отца не колдовать. Пламя в ее ладони осветило лицо приближающегося к ним...

— Найк! — воскликнула Никс и бросилась навстречу.

Но Константин схватил ее за руку, дернул к себе и тут же оттолкнул в сторону. Никс вскрикнула, ударяясь в стену, оборачиваясь и видя, как отец достает револьвер, который забрал у Абеляра, и целится в Найка, который теперь бежит к ним, будто не видит, что в него целятся.

— Да что ты творишь! — Никс вскочила и, прыгнув, повисла на руке у мужчины, — но за миг до этого он выстрелил.

Константин стряхнул ее, как пушинку, и снова отбросил — в этот раз назад, одновременно уклоняясь от уверенного удара складной лопаткой, промелькнувшей в сантиметре над его головой.

Еще удар — и револьвер полетел к стене, выбитый из рук элементариста.

— Хватит! Прекратите! — закричала Никс, с трудом поднимаясь. — Остановитесь!

Двое сцепились врукопашную. Никс уже видела такое. Ничем хорошим это не кончилось. Константин был выше Найка, но тот — моложе и, кажется, физически сильнее. Несколько секунд борьбы — все-таки мастерство сыграло на стороне элементариста, и Найк почти попался в смертельный захват, но в последний момент выкрутился, не выпуская из рук свое нелепое оружие.

— Ты умрешь здесь, — проговорил Константин, пытаясь ухватить Найка за шею, но в итоге вцепившись в плечо. — Потому что огонь — мой слуга.

Кожа загорелась и тут же вспенилась буграми. Найк, каким-то чудом не закричав, воспользовался моментом и приложил Константина в лицо кулаком свободой правой, а потом наподдал коленом в живот. Константин согнулся, отступил назад, но, тут же перегруппировавшись, поймал Найка за руку с лопаткой, занесенную для следующего удара. Дернул вниз, призывая огонь, и одновременно подался вперед, целясь Найку в кадык ребром ладони.

Но тот, не смотря на обожженное плечо и горящее запястье, проворно ушел влево, только для того, чтобы опять оказаться лицом к лицу с элементаристом. Константин попытался с размаху ударить его головой в лицо. Это был быстрый, мощный удар, из-за которого Константин потерял равновесие, подавшись всем телом вперед — Найк снова сумел вывернуться так, будто его никогда и не было на прежнем месте. Прокрутив складную лопатку в руке, он саданул черенком по затылку не успевшему развернуться к нему Константину.

Элементарист рухнул на пол.

— В таких случаях злодеев лучше бы добивать, — произнес Найк, тяжело дыша, — но я

не смогу, — он посмотрел на Никс и улыбнулся, как будто никакой боли не чувствует. — Ты назвала меня настоящим именем. Я... я даже не знаю, что тут сказать.

— Дурак, — Никс подбежала к нему и порывисто обняла. — Тебе же... тебе же больно.

— Сейчас у меня сердце прыгает где-то в другой галактике, так что больно мне будет потом. Я нашел тебя, — он прикоснулся обожженной рукой к ее лицу, с улыбкой заглядывая в глаза. — Ты снова льешь слезы и смеешься.

Никс было внутренне больно за двоих — она ни разу в жизни не обжигалась, но, конечно, ранилась, бывало — и сейчас она будто физически чувствовала то, что должен был ощущать он. Ей хотелось расспросить его обо всем и все ему рассказать. А еще молчать и смотреть в глаза, как в глухих фильмах.

— Я так ужасно рада тебя видеть, — все, что она смогла сказать. — Ты не представляешь.

— Да уж, наверное, представляю, — улыбнулся Найк. — Но слушай, нам пора валить отсюда.

— У этого элементалиста, которого ты вырубил, в шестом, кажется, ангаре спрятан мотоцикл, — быстро затараторила Никс. — Я сейчас поищу ключи!

Она присела рядом с бесчувственным телом и стала шарить по карманам штанов и летной куртки.

— Есть!

— Кто это был вообще?

— Мой отец.

— Вот это поворот, — Найк почесал подбородок. — И мы оставим его здесь?

— Мы оставим его здесь, — твердо сказала Никс. — Тебе очень больно?

Найк сощурился, мотнул головой:

— Терпимо. Пойдем скорее. Шестой ангар. Это там, где стоял первый резервный генератор. Точно. Я видел там цифру шесть. Я знаю, как туда пройти.

— Идем, — с готовностью ответила Никс. — Я за тобой.

Она подобрала с пола револьвер — скорее на память об Абеяре Никитовиче, чем как оружие. Они вышли под дождь, и Никс увидела, как вдалеке медленно движутся огромные угловатые фигуры.

Она решила, что вопросы будет задавать потом. Найк снова шел впереди — сквозь дождь, словно через тонкую серебряную завесу. Он был таким настоящим среди окружающего хаоса и размытой дождем дали. Голая спина — грязная, в ссадинах. Правое плечо обожжено, а по левому тянутся длинные рваные шрамы, на вид весьма свежие.

Кто его так? Неужели он действительно не чувствует боли от ожогов? Константин его не жалел. Как вообще ему удалось справиться с ее отцом? Если Абеяр не смог...

Они вынырнули из ночи рядом с ангарами, и на одном из них действительно была нарисована шестерка. Но Никс смотрела не туда. Пока Найк спешно раскрывал створки двери пошире, Никс смотрела вверх, на огромного голема изо льда, земли и камня — а голем смотрел на нее, возвышаясь над ангарами на добрых два этажа.

Найк нервно хохотнул:

— Не бойся. Это Рейни. То есть это его... питомец. Полагаю, ты можешь помахать ему ручкой — наверное, он увидит тебя.

Никс, неловко улыбнувшись, помахала предположительно глядящему на нее Рейнхарду.

Размер голема на самом деле впечатлял. Но как он проник сюда? Прошел с какой-то

стороны? В его предполагаемом животе была большая дыра, но она ему, видимо, не мешала.

Светало. Битва позади не затихала, и далекие солнечные лучи теперь пронзали ледяные тела гигантов, разбрасывая по сторонам блики.

Никс не стала долго рассматривать голема и зашла в ангар, чтобы не отставать от Найка и снова не потеряться.

— Где же этот его мопед? — Найк оглядывался. — Ага!

Он сдернул брезент со старинного мотоцикла. Агрегату на вид было лет тридцать — точно еще военный образчик.

— Тяжелый, я с таким не управлюсь, — Никс покачала головой.

— Я управлюсь, — ответил Найк. — Давай ключи, садись за мной.

В этот момент из-за ближайшего здания выехала бронированная машина с открытым люком, из которого торчал человек с гранатометом, а за ней выбежали еще какие-то люди в черном с золотом.

— Голем приманил их сюда! — цыкнул Найк, еще не повернув ключа.

— Мы замерли в засаде? — спросила Никс, усевшаяся за ним.

— Погодим секунду...

Росчерк фар ослепил на мгновение. Гранатомет выплюнул залп — удар пришелся голему в правую ногу, и громадина рухнула, частично накрыв собой ангары.

— Сейчас! — Найк выжал газ, мотоцикл взревел и ринулся вперед, как конь — с места в галоп.

Они с ревом выскочили из ангара, мотоцикл заложил дугу, и, под аккомпанемент свистящих мимо пуль, взлетел по туше ледяного голема вверх, на крышу. Никс, зажмурившись, крепко обхватила Найка за пояс, прижавшись щекой к спине. Недолгий миг полета — и жесткое приземление, внезапным холодом обожгло плечи, мотоцикл повело, но Найк выровнял вектор. Никс оглянулась — за ними остался раздробленный лед вперемешку с камнем, — неужели Рейнхард обеспечил им приземление тоже? — и удаляющиеся черные стены колонии.

— Куда мы едем? — перекрикивая ветер, спросила Никс.

— Куда подальше, — Найк все выкручивал газ.

Никс снова оглянулась — черные стены колонии тронули лучи восходящего солнца. Тучи над головой рассасывались нереально быстро. Через мгновение колонию загородил холм, поросший соснами, а в следующий миг она вовсе исчезла из виду.

— За нами вышлют погоню? — перекрикивая ветер, громко спросила Никс.

— Если попробуют, все равно не угонятся.

Напряжение схлынуло, хотя в то, что все позади, совсем не верилось. Никс глянула вперед, Найку через плечо. Пришлось прищуриться: рыжее солнце медленно поднималось над горизонтом, прожигая фиолетовую дымку и раскрашивая небо в лазоревый и золотой.

Дорога вела на восток.

Кей вглядывалась в тревожные сумерки.

Ни одного засланного убийцу она не подпустила к Рейнхарду ближе, чем на сто метров. Ей уже было все равно — чтецы это или их безропотные рабы, присланные на убой.

Рин колдовал, сидя на согнутых коленях, положив ладони на землю. Нелепая поза. И все равно в ней и в этих доспехах из замерзшей воды он почему-то выглядит величественно, как будто бы так и надо.

Когда уже кончится эта длинная ночь?

Стволы ближайших сосен оплавил тонкая полоса света — это из-за холмов позади выползло солнце. Зубчатый шлем блеснул в золотом луче, когда Рейнхард поднялся и повернулся к Кей.

— Теперь мы уходим, — сказал он.

Кей непонимающе уставилась на него, затем взглянула на панораму битвы — големы все еще двигались, человечки все еще бегали, дым все так же устремлялся к небу.

— Что, все? — не веря, переспросила она.

Взгляд Рейнхарда стал отстраненным, невидящим.

— Они поняли, что было нашей целью. Они обходят големов и жгут моих солдат. Остатки отрядов они пошлют нам вдогонку, оставив колонию. Надо срочно убираться отсюда.

— Никс? Они нашли Никс? — обеспокоенно спросила Кей. — Главное мне скажи!

— Нашли, — выдохнул Рин. — Найк улепетывает с ней в охапке на сверхзвуковой. Операция кончена. Беру своих — иду по запланированному маршруту.

— Берешь своих? — переспросила Кей.

— Ага, — просто сказал Рин.

Он опустил на одно колено и снова коснулся земли.

Лес, горы, все вокруг, казалось, вздрогнуло от боли. Снизу потянуло могильным холодом, послышался треск корней и гул камня. Кей удержала равновесие, нервно оглядываясь, но потом все же покачнулась, когда земля начала буквально уходить у нее из-под ног. Рейнхард поднялся и успел подставить плечо, чем Кей инстинктивно воспользовалась.

Зря. В следующий миг земля разверзлась, оцетинилась ледяными колючками, и как-то так оказалось, что Кей цепляется уже за Рейнхардову грудь, за скользкий, колкий ледяной доспех — а это никак не входило в ее планы. Рин, вместо того чтобы прекратить колдовать хрен знает что, притянул Кей к себе, а затем и поднял на руки вместе с винтовкой — без каких-либо видимых усилий.

Кей оторопела настолько, что даже возмущаться не смогла. Ее вообще не часто поднимали. Можно даже сказать, никогда.

За мгновение они оказались в четырех метрах над землей.

Огромная усатая голова повернулась к ним и рыкнула.

— Снежный барс? — изумленно спросила Кей, позабыв даже о неловком положении.

— Давай ты все-таки нормально сядешь, — предложил Рейнхард, спокойный, словно могильная плита. — А барсы... они тут водились когда-то, я применил сцепку с

некромантией — не самое мое сильное место, но, имея ресурсы, можно и не оптимизировать заклинания особо.

Рукотворный зверь мягко переступил с лапы на лапу и пошел вперед.

— Почему я не уточнила на этапе планирования, как именно мы собрались уходить лесом? — Кей опасно глянула вниз, на замелькавшие внизу кусты.

— Держись за меня, — сказал Рин.

Снежный барс изо льда и камня перешел на легкую рысь.

Кей вцепилась в ледяной нагрудник, решив, что о приличиях думать поздно. Под ее пальцами магия стала исчезать, а лед начал таять и, утекая, превращаться в ледяные иголки барсовой "шерсти". Под доспехом обнаружилась форменная рубашка из запасов некроманта — насквозь мокрая и ненормально горячая.

Барс перепрыгнул через широкое каменное ущелье, и Кей еще крепче вцепилась за Рейнхардовы бока.

— Что, — спросил он, улыбаясь, — оцениваешь офицерское тело?

— Ты невозможно мерзкий хренов интриган, — прошипела Кей. — За что мне еще держаться?

— Да ладно, я ж не против.

— Убью.

Барс двигался быстро. Кей могла бы сравнить его скорость со скоростью хорошего автомобиля, вот только шел исполинский голем плавнее, чем смог бы пройти по такой пересеченной местности лучший вездеход.

— За нами погоня, — сообщил Рейнхард. — Они решили все-таки попытаться.

— Где остальные? — спросила Кей.

— Они движутся параллельно нам, вскоре мы будем близко. Но заряд магии, что я напоследок всадил в их големов, уже на пределе. Без зрительного или физического контакта они замедляются. Так что сейчас нам главное найтись, а потом... потом снова действуем по плану.

— Вертолет? — вспомнила Кей.

Глаза Рейнхарда снова стали стеклянными.

— Некромант уже там. Все сделано. Я ускоряю котиков. Осталось немного.

Барс пошел быстрее.

Замелькали деревья, слева прошла причудливо выщербленная скала, похожая на замершую в прыжке рысь. Кей, привыкнув немного к высоте и скорости, оглянулась вокруг.

Когда еще, в самом деле, поскачешь на загривке рукотворного каменно-ледяного барса в компании последнего Белого Короля. Кей усмехнулась про себя досадливо: имей она право радоваться такому — она бы радовалась. И если это то, что может позволить себе один исключительный чародей... кем они были до войны и до Тишины? Как, должно быть, трепетал пред ними народ — трепетал, завидовал и ненавидел.

Мимо проносились овраги и лоцины, полоски выжженного леса и густо заросшие соснами скалистые холмы. Небо расчистилось, солнце оторвалось от линии горизонта и стало медленно карабкаться выше.

Когда Кей совсем освоилась на такой высоте и стала попросту любоваться видом, барс замедлился, а потом и вовсе остановился: они очутились на опушке возле одного из порогов неширокой, но глубокой горной реки, окруженной толстыми вековыми деревьями.

— Приехали, — сообщил Рин. — Будем ждать тут.

Каменный зверь величаво склонился, позволяя пассажирам слезть.

Кей резво соскочила с громадной холки, хотя ноги ее слегка тряслись и не сразу стали повиноваться, как следует. Собрав достоинство по кусочкам, Кей оглянулась вокруг, оценивая густоту окружающего подлеска и стратегические особенности местности. Барс к тому времени уже превратился в груды камней и льда.

— Что ж ты так далеко, река, — посетовал Рин, глядя на удивительно спокойный поток, сухой камыш, полыньи и обглоданные течением камни. Ледяной доспех с него уже тоже полностью испарился.

Кей поежилась.

— Мы оторвались? — спросила она.

— Вроде, — ответил Рин. — Смотри! Туда, — он указал вверх, на запад.

В небе, в промежутках крон, далеко, почти на пределе зрения, завис вертолет. Тот самый, на котором они прилетели. Он начал двигаться, но через какое-то мгновение в его сторону пролетел ярко-желтый росчерк, оставляя за собой дымный след. Беззвучный взрыв, словно оранжевая мушка, крен — и точка с покореженными лопастями падает куда-то вниз, куда — лес не позволяет видеть.

— Вот и все, — произнес Рин. — Будем надеяться, что сработает.

Он посмотрел на Кей:

— Я снова должен благодарить тебя.

— Не должен, — она цыкнула, — и вообще. Ты как-то странно говоришь в последнее время. Кроме того... Что-то подсказывает мне, что с твоей супермагией мое вмешательство было... не очень-то нужным. Разве ты не смог бы проткнуть внезапным ледяным шипом любого, кто к тебе идет?

— Ну, вообще-то, нет. Проблема всех призванных существ в том, что управлять ими нормальный человек может только по очереди, и чтобы обеспечить эффективность, необходима хорошая концентрация. Так что, если б я еще и вокруг своего тела смотрел...

— В любом случае, я теперь видела, на что ты способен. Я теперь буду много и долго думать. Вы просто решили пристроить меня к делу — тактически правильно. Впрочем, это я на нервах. Проехали.

Кей знала, что по плану все еще не кончено.

Рин сел на камень у реки. Ссутулился и затих — и сразу вся величественность будто бы в воду канула.

Кей поняла, что тоже умаялась с этим всем. Другим, конечно, может, и хуже, но все равно. Она подошла чуть ближе к берегу и, оперев винтовку на поваленный ствол, спросила Рина:

— Ты как вообще?

— Устал как собака, — негромко ответил он. — Даже мне... даже теперь такое устроить не просто. Но знаешь... после подобного колдовства мне потом долго не холодно. Это дает ощущение, будто я сделал что-то правильное. Хотя... я думаю, то, что мы учинили в этой колонии...

Он замолчал, стал смотреть на речной поток.

Кей тоже больше ничего не спрашивала. В голове было пусто — хоть хоровод води. Она уселась на ствол поваленного дерева рядом со своей винтовкой и на десять минут выпала из реальности. Очнувшись, когда из-за деревьев послышались голоса. Насторожилась, закинула оружие на плечо и юркнула за ближайшее дерево, попытавшись слиться с местностью.

Из лесу, кое-как ковыляя, вышли свои.

Все — живые. Это не могло не радовать — хотя странно было чувствовать облегчение от того, что опасные, частично даже нелегальные маги живы. Самыми потрепанными оказались Аристарх и Эль-Марко. Ари шел сам, щеголяя кровоподтеком и рукой, болтающейся, словно тряпочка, а целителя Мйар тащил на шее, перекинув через себя. Ирвис отделалась опаленными волосами и парой царапин, а некромант выглядел вполне целым, разве только еще более исхудавшим.

Рин поднялся навстречу товарищам.

— Что с целителем? — прямо спросил он.

— Моя ошибка, — просто ответил Мйар, укладывая Эль-Марко на травянистый холм так, чтобы голова была приподнята. — Я был... недостаточно быстр.

Впрочем, уложенный на землю Эль-Марко, как оказалось, вполне в сознании, только бледный как холст.

— Так что с ним? — настойчиво повторил Рин.

— Нормально все со мной, — подал голос Эль-Марко. — Что вы суеитесь. Легкое сотрясение, жить буду.

— Тебя надо к врачу, — сказал Камориль, хмурясь.

— Обойдусь, — протянул целитель. — Само как-нибудь...

Некромант устало вздохнул, обернулся к остальным:

— Эль-Марко не может так же эффективно, как других, лечить себя. Если он потеряет сознание во время исцеления, собственная магия может убить его. Так что нам нужен врач.

— Тяжело же быть магом, — Кей уже почти прониклась сочувствием к ним, как тут снова вспомнила, почему маги и магия так опасны. — У кого карта?

Ирвис вынула из сумки сверток, развернула.

— Так, то есть Эль-Марко надо бы по-хорошему в больницу, — произнес Камориль. — Вот тут, — он ткнул тонким угловатым пальцем в карту, — ближайший населенный пункт. Уж что-то там быть должно. Вот дорога.

— Я мог бы попытаться принести Эль-Марко в больницу поскорей, — сказал Мйар. — Даже с ним на горбу я доберусь до дороги быстрее, чем если буду идти с вами в компании.

— Погодите, — встряла Кей. — Если у него сотрясение мозга, его нельзя вот так, на плече...

— Да я бы и сам дошел, — тихо, но настойчиво заметил Эль-Марко.

Тут же весь содрогнулся и, резко сев, прикрыл рот рукой.

— Ага, — Камориль покачал головой. — Дошел бы, — обратился к Мйару: — Нам нет резона разделяться. Сколько времени ты выиграешь? Час? Два? Вместе мы сильнее. Кроме того, чтецы скоро прознают, что скелеты в вертолете — совсем не наши, возобновят погоню и организуют поиски.

— Ладно, — Мйар пожал плечами. — Делаем носилки, несем Марика.

— Я б сколдовал нам скелетов в помощь, — Камориль вздохнул, — но сил почти не осталось. Долгая была ночь.

— Я буду вас подменять, — сказал Рин. — Физически я не слишком устал.

— Лучше расскажите, что там с Николой, — попросил Эль-Марко.

— Я пыталась дозвониться Найку — кажется, телефон он посеял, растяпа, — сообщила Ирвис. — Но, раз мы здесь, значит, все разрешилось?

Рин кивнул:

— Я видел глазами голема, как они с Никс уезжают на мотоцикле, думаю, с ними все в порядке. По плану Найк свяжется с нами, как только доберется до условленного места. Мой номер Бродяжка помнит, так что ждем звонка.

— А что, если нам попытаться поймать транспорт вот досюда, — Ирвис показала на городок чуть южнее того, что ранее обозначил некромант, — это туристический центр, там у них находится один из хорошо сохранившихся довоенных замков, местные не станут удивляться нашему странному внешнему виду — мы прекрасно сольемся с толпой приезжих.

— Точно, Половинчатый Замок! — вспомнила Кей. — Он же "Замок-с-Трещиной".

— В моей голове он еще жилой и ни разу не экспонат, — задумчиво признался Камориль. — Я знавал хозяина и его семью. Раньше туристов туда не водили...

— Давайте уже двигаться, что ли, — поморщился Ари, придерживая руку. — Я, в принципе, еще потерплю, но мне бы тоже поскорей в травмпункт. У меня то ли вывих, то ли перелом — в толк не возьму, но болит и тянет знатно. Полчаса, конечно, погоды не сделают, но... Мне этой рукой еще играть, между прочим!

— Иди сюда, продиагностирую, — позвал его Эль-Марко.

Ари покосился на него недоверчиво.

— Так, не хватало еще, чтобы ты снова в обморок хлопнулся, — сказал Камориль. — Глазами его посмотри. Всем остальным предлагаю умыться в реке. Нам еще предстоит ловить попутку.

Путь занял в общем около пяти часов — два шли по лесу, час караулили транспорт, еще два ехали. Мйара с Эль-Марко удалось пристроить в легковушку чуть раньше, остальных увез пузатый междугородний автобус, оказавшийся полупустым. Он зарулил на автостанцию и высадил пассажиров почти у подножия того самого Замка-с-Трещиной — оставалось пройти совсем немного.

Половинчатый Замок представлял собой занятное сооружение: крупный, с покатыми боками, увенчанный расплюснутыми конусами синих крыш, он был словно разделен кривой трещиной на две неравные части. Та, что поменьше, состояла из трех среднего размера башен, тесно прижатых друг к другу, и вся была облеплена строительными лесами, балками и подпорками. Выглядела конструкция несколько неустойчиво, но каким-то образом держалась. Основная часть замка на ее фоне смотрелась еще внушительнее.

Внизу, под Замком-с-Трещиной, располагался туристический центр города — узкие, аккуратные улочки, заполненные кофейнями и лотками со всякой всячиной.

Пока компания осматривалась, восхищаясь нарядностью и уютом центральных улиц, им снова пришли вести от Мйара: он сообщил, что ему удалось заставить Эль-Марко полежать под присмотром врачей хотя бы сутки.

Рин вызвался сопровождать Ари в травмпункт, а Кей, Ирвис и Камориль отправились искать жилье.

Камориль тогда спросил, как это Кей оставит Рейнхарда одного, чем навел ее на мысли о его собственном погибшем наблюдателе. Если тот типчик не давал некроманту и шага ступить... Запутанная вырисовывается ситуация. Поразмыслив, Кей все же растолковала интересующемуся некроманту, что основная ее задача — предупреждать применение запрещенных или слишком мощных заклинаний нестабильными магами, с чем она уже благополучно не справилась, а забота о жизни и здоровье подопечного — это уже личный выбор каждого и дополнительно не оплачивается.

Ирвис в городке определенно нравилось, несмотря на усталость. У нее получилось как-то отвлечься от происходящего и урвать свою долю радости даже в такой ситуации, будто бы в ней второе дыхание открылось. Пока они искали приличный и свободный хостел, Ирвис затащила Кей в несколько магазинчиков — с сувенирами, бижутерией и даже в один с косметикой. Кей, поразмыслив, купила себе расческу взамен потерянной. Камориль, ни разу не возражая насчет изменения маршрута, рассматривал сувениры и разнообразные цепочки-браслетики чуть ли не с большим интересом, чем девушки.

Ни в один из обойденных хостелов нельзя было заселиться всемером — стали подумывать о том, чтобы снять комнаты отдельно или поискать что-то вроде дома или квартиры на сутки. И пока Кей обзванивала объявления из газетки, Камориль предложил заглянуть, собственно, в замок, хотя бы на экскурсию, на полчаса — и, судя по его голосу, он надеялся на что-то еще, кроме экскурсии.

Женщина, продающая билеты на входе в замок, несколько раз протерла очки, увидев некроманта, потом вышла из-за стола и, тараторя что-то вроде "Йерушка, родной!" крепко обняла тощего высокого мага — сама она едва ли доставала Камориль до груди. Это была достаточно энергичная, хозяйственная старушка, одетая просто и со вкусом, но с характерно фиолетовыми крашеными седыми волосами. Кей всегда удивлял этот цвет и нелюбовь пожилых женщин к собственной седине, но на этой конкретной даме фиолетовый цвет смотрелся органично.

Оказалось, что эта давняя знакомая Камориль и есть владелица замка. Почти владелица. После войны их семья обнищала, маги лишились многих своих привилегий, многие не смогли переучиться и достичь прошлых успехов, колдуя без привычных заклятий. Финансовое положение многих семей тоже ухудшилось. Отец Нуры Велоровны, будучи при смерти, отдал фамильный замок государству в счет оплаты долга, с хитрым каким-то условием, что, мол, его семья и потомки имеют первостепенный приоритет, если захотят работать в "Половинчатом", а также могут жить в нем, заботясь о сохранности культурного наследия и все такое прочее.

Вот и стала Нура, "Слышащая Мертвых", работать смотрителем и экскурсоводом.

Кей еще раз подивилась — вот старушка-одуванчик, ладно, фиолетовый одуванчик, фиалка, словом — и слабенький некромант. Что она колдует? Говорит с призраками? Заставляет мертвых мышей выполнять функции пылесоса?

"И платить не надо — мне платят, — говорила Нура, проводя гостей по оформленным для посетителей залам, — и жить можно, где привыкла, и не скучно: рассказываю детишкам о прошлом — будто сама его снова переживаю. Конечно, не все можно рассказывать, как оно на самом деле было — но умные сами догадываются, а глупым знать незачем. Сплошная выгода".

Про "Слышащую Мертвых" Камориль рассказал уже без самой старушки. Кей, чтобы развеять сомнения, спросила у него, почему он сразу не вспомнил про замок, еще в лесу — на что некромант ответил, что не мог надеяться на то, что Нура еще жива, и если бы он тут ее не нашел, очень расстроился бы. Иногда мол, лучше не знать. Больше Кей расспрашивать не стала, так как тело почуяло, что можно больше не выжимать из себя последнее, а растянуться на кровати и блаженно уснуть.

Нура Велоровна гостеприимно позволила друзьям Камориль расположиться в закрытой от экскурсий части замка — той самой, что находится за расколом, обнесенная снаружи строительными лесами, а внутри, как оказалось, вполне пригодная для жилья. Фабричные

современные простыни странно смотрелись на резных кроватях из красного дерева с высокими балдахинами, но все это было уже таким неважным.

Поблагодарив хозяйку замка за кров, гости разбрелись кто куда — благо, места было полно. Кей, упав на постель, закрыла глаза и мгновенно провалилась в сон.

Проснулась она, будто бы проспала всего минуту — а за окнами было уже темно.

На фоне двери показался темный силуэт — это Ирвис зашла в комнату.

— Который час? — сонно спросила Кей.

— Почти девять, — сказала Ир. — Я тебя разбудила? Я только за резинкой, там у камина жарко, волосы мешают.

— Тут есть камин? — Кей села на кровати, стала тереть глаза.

— Ага. Там скамейки деревянные, оленьи рога по стенам, бочки стоят — короче, романтика. Ну, и камин. Нура разрешила. Собственно, она же — спонсор сегодняшних крепких напитков. Бабка совсем не промах. Байки травит — заслушаешься. Я и не думала, что в музеях такое бывает. Может, вставай и спускайся? Из комнаты выйдешь — справа будет лестница вниз, если что.

Кей потянулась, промаргиваясь. Уточнила:

— То есть народ решил э-э... отпраздновать? Нашу э-э... победу?

— Вроде того, — Ир, улыбнувшись, присела на край кровати Кей. — Ну а что. Надо ж и расслабиться уметь. Ари вернулся с гипсом, целитель звонил из больницы — хочет уже утром выписаться. Найк тоже Рейнхарду отзвонился, говорит, они живы-здоровы, ждут нас в назначенном месте. Короче, на данный момент все более-менее.

— О, эти тоже отзвонились... Хорошо, значит, дела налаживаются, — согласилась Кей. — Ладно, сейчас я умоюсь и спущусь.

Ирвис поднялась и, прихватив тонкую черную резинку для волос, ушла, на ходу завязывая небрежный конский хвост на макушке.

Кей, с минуту порассматривав портрет какой-то бледной дамы, висящий на противоположной стене между пианино и шторой, решила, что глянуть на этот их каминный зал можно, а еще, раз уж она проснулась и бежать по зимнему лесу с винтовкой наперевес уже не надо, есть повод заняться более спокойными, но не менее важными делами. Вот только надо добыть что-то, на чем можно писать.

Она поднялась и подошла к трюмо. Трюмо покорно отразило то, что к нему подошло. Кей, поджав губы, похлопала себя по щекам, оттянула прядку челки вниз, потом сдула ее же. Подмигнула сама себе, затем по возможности очаровательно улыбнулась. Получившееся отражение никак ее не порадовало. Она встала прямой и сделала серьезное, даже немного угрюмое лицо, задрала подбородок повыше — вот, так уже лучше. Следы от недосыпа под глазами теперь даже как-то к месту. Но в целом, конечно... М-да. Кей обреченно вздохнула и, прихватив полотенце, отправилась в санузел, который на весь этаж был один.

Проходя мимо окна, смотрящего на замковый двор, она заметила какое-то шевеление внизу и, бросив взгляд наружу, поспешила его отвести. Но любопытство взяло верх. Кей чуть задержалась, наблюдая, как по широкой спине рыжего шарят тощие бледные руки. Они, в общем-то, хорошее место выбрали — из нижних окон, сплошь затянутых плющом, их, наверное, не видно, а сверху... ну, это уже издержки. Особенно рассмотреть ничего не выйдет.

Но занятно конечно, занятно. Вот у них какие отношения, значит. А со стороны и не скажешь.

Кей, ухмыльнувшись, направилась-таки в санузел.

Холодная вода помогла проснуться окончательно. Теплой, впрочем, в кране как таковой вообще не было — ну да ей не привыкать. Кей на секунду впала в ступор, поняв, что вообще не испытывает желания вымыться. Проклятый Рейнхард все-таки был прав. И глупо скидывать вину на профдеформацию. Но факт есть факт: кажется, суматоха последних дней вконец примирила ее с походными условиями жизни.

Кей взяла себя в руки и мысленным пинком загнала в душ, под бодрящую ледяную воду.

Вот теперь можно и вниз.

Кей спустилась по лестнице, как подсказала Ирвис, и в конце недлинного коридора тут же углядела теплые отблески, струящиеся из-за полуприкрытой двери. Оттуда же веяло теплом и доносились приглушенные голоса.

Она решительно шагнула вперед, отворила дверь, у которой, что удивительно, петли оказались смазаны, и прошла внутрь, разом окунувшись в жар и атмосферу беззаботного кутежа.

— Проходи, красавица, — тут же обратилась к ней Нура Велоровна. Кей сдержалась и не сморщилась от обращения. — Садись, винца выпьешь?

— Если чуть-чуть, — откликнулась Кей. — Благодарствую, — ответила она уже Мйару, который с доброжелательной, но немного клыкастой улыбкой пододвинул ей пустую тарелку и налил вина.

Кей отхлебнула красной, слегка сладкой жидкости, думая параллельно, чего это рыжий с его бледным товарищем решили вернуться за стол. Как только Нура удостоверилась, что Кей взяла куриную ножку и бутербродик, то перестала обращать на нее внимание, и все остальные, впрочем, тоже.

Кей жевала и по привычке наблюдала.

Рин и Ари (гипс вышел внушительным, что при его травме закономерно) обсуждали разьезды Аристарха и полученный им опыт. Дошло до неловкого вопроса, куда Рин подевал выигранные "Негорюй" конкурсные деньги — Аристарха не смущало сложное положение друга, он, судя по всему, предпочитал разделять финансовые вопросы, отношения и смертельно опасные передрыги. Рин дотошно перечислял ему, сколько на что потратил — одежда мол, бензин, ночевки в придорожных мотелях, еда, все дела. "Нам нужно было спасти Никс немедленно", — выдал Рейнхард последний аргумент, и это наконец смягчило Ари. Он все ему разом простил и они чокнулись.

Сакральный звук соударяющихся бокалов привлек внимание остальных, и все начали задорно чокаться. Кей поддержала всеобщую инициативу, предпочтя не дотянуться до Рина, благо, сидела она на порядочном расстоянии от него.

Вообще Кей не слишком хорошо умела считывать отношения между людьми (по сравнению со своими коллегами) — ей никак не удавалось овладеть этим искусством в совершенстве. Но то, что она могла "прочесть", порою повергало в шок. Вот и теперь, когда она увидела, что Мйар совершенно однозначно подбивает клинья к Ирвис, она ни разу не поняла, как это так. Ну, то есть поняла — но не приняла. Рыжий, наверное, думал, что он деликатен и неотразим. Ирвис, судя по довольному лицу, тоже все давно просекла, но с радостью подыгрывала, ослепительно улыбаясь направо и налево. Налево — это она зря, потому как нервный некромант, как дурак, ей же ей, барабанил пальцем по тонкому стеклу бокала и вообще вел себя как ревнивая старшеклассница, хоть и делал вид, что непринужденно общается с Нурой Велоровной.

Ирвис в этой игре чувствовала себя, как рыба в воде. Иногда Кей задумывалась, почему Ир все еще не воспользовалась первой же возможностью уехать домой. Ирвис не из робких — она это уже доказала. Но и какой-то причины подвергать себя опасности у нее тоже нет, разве только... разве только у нее слишком большое и доброе сердце. Кей могла поверить в это, вполне.

Она отхлебнула вина, взглянула еще раз на разношерстную компанию и решила, что с нее на сегодня хватит.

— Нура Велоровна, а вы можете мне выдать какой-нибудь писчей бумаги? — попросила Кей. — И ручку.

— Ксерокопии бухгалтерии подойдут? — уточнила пожилая женщина. — Они с одной стороны чистые. У нас пачка как раз сегодня закончилась, уж простите...

— Ничего-ничего, отлично подойдут, — поспешила заверить Кей.

— Тогда вот ключи, сходи в мой кабинет. В шкафу на верхней полке лежат — бери, сколько хочешь! — Нура позвенела связкой ключей. — Но зачем они тебе, кстати?

— Работа, — Кей развела руками.

— А работа не подождет ли? — спросил Камориль.

Кей покачала головой.

Приняв из рук Нуры ключи, Кей проследовала прочь из каминного зала, напоследок мельком глянув в сторону Рина. Тот смотрел на нее прямо, взгляда своего не скрывая и не отводя.

Кей стало слегка зябко. То ли от взгляда, то ли от того, что за пределами зала было куда прохладней. Кабинет Нуры Велоровны она нашла довольно скоро, пройдя всего-то два полутемных коридора. Набрав пачку ксерокопий, Кей прихватила со стола еще и шариковую ручку и, прикрыв за собой дверь кабинета, отправилась наверх. По пути ей казалось, что портреты на стенах следят за ней и тоже не одобряют решения слегка оторваться от коллектива.

Добравшись в их с Ирвис комнату, Кей включила торшер и устроилась возле злополучного трюмо поудобней. Положила на столешницу бумагу и ручку, размяла шею и нерешительно замерла над чистым листом.

С чего же начать?

Как изложить это все? Если для событий в форте Лунном она уже придумала достойную отчета трактовку, то как отразить произошедшее в колонии? Вот это хороший вопрос. Если в Лунном все списать на стихийное бедствие... то после правдивого изложения виденного Кей на подступах к колонии Рейнхарду точно предстоят как минимум длительные разбирательства. Как максимум — много чего нехорошего. С другой стороны, чтецы тоже знатно перегнули палку с этим всем. У них не было никакого права гнать на стены заключенных. Они ж им, наверное, и мозги промыли знатно. Ради чего гильдия станет драться не на жизнь, а на смерть? Ради чего они так рискуют, зная, что их действия могут заново подогреть их давнюю вражду с элементаристами и некромантами? Неужели все так серьезно? Чтецы всегда были себе на уме, всегда относились к человеческой жизни как к несущественной мелочи, и все ради высшей цели, по их мнению — благой. Сколько раз все это оборачивалось бессмысленными жертвами?

Опять же, девочки-элементаристки. Их удерживали незаконно. Они, скорее всего, будут требовать разбирательств. Если доберутся до цивилизации. Должны добраться. Кей слегка смущало то, что они оставили элементаристок в колонии — с другой стороны, у девчонок

есть все шансы позаботиться о себе. Возможно, если дойдет до суда, показания этих элементаристок смогут как-то помочь. Конечно, преступление остается преступлением, пусть даже Рейнхард и компания колдовали во имя благого дела.

И все равно, спустивший с поводка всю свою мощь исключительный чародей — это проблема. При нормальном раскладе маги идут к исключительности долгие годы, за это время они обычно теряют большую часть бесшабашности и взрывоопасности, приобретая взамен мудрость и рассудительность. Так, исключительные, будучи мощными магами, в сущности, машинами для убийств, колдуют мало. А тут Рину свалилась на голову невиданная сила... Кстати, как? Кей он так и не рассказал, как именно он "раскачался". Хотя она спрашивала.

Ладно.

Кей решила, что для начала запишет то, что уже придумала, как преподнести — а там посмотрит.

Первые четыре абзаца легли на бумагу. Кей перечитала их три раза.

— Полный бред, — сказала она, потирая переносицу. — Бред сивой кобылы.

Кей стала перечитывать текст по следующему кругу, как тут в дверь постучали.

Не дождавшись разрешения, в комнату просочился Рин. Лицо — сложное, в руке — бутылка, на "офицерском теле" почему-то незастегнутая фиолетовая рубашка некроманта. Кей сощурилась: что там они успели натворить уже, пока ее не было?

— Чего тебе? — спросила она.

Рин ничего не ответил, прошел внутрь комнаты и уселся на край кровати. Кей обернулась к нему:

— Нет, действительно. Это как бы наша с Ирвис спальня, а если б я тут голая была?

Рин улыбнулся и откупорил бутылку, пригубил и наконец заговорил:

— Будешь?

— Я пытаюсь работать.

— Как хочешь.

— Что-то у тебя настроение какое-то больно хорошее, — Кей повернулась обратно к трюму. — Ну, раз пришел и сидишь, то будешь помогать мне писать отчет.

— Про меня?

— А про кого ж еще.

— Честно сказать, я несколько по другой причине.

Кей напряглась. Перевела взгляд с отчета на, собственно, предмет отчетности:

— Да ну, — она попыталась скрыть тревогу насмешкой. — И что же изволит ваше... леднейшество?

Рейнхард снова просто смотрел на нее и молчал. Что там у него в голове теперь делается? Иногда, конечно, стоит помолчать, чтобы сойти за умного... Но тут? Кей почувствовала себя слегка неуютно под этим прямым, назойливым взглядом. Как будто бы он оценивает ее... не внешне, нет. Как будто что-то глубже выискивает — что именно? Темно-фиолетовая рубашка ему действительно слегка маловата — потому-то и расстегнута. Бутыль поблескивает, блики в глазах ей вторят. Белые волосы, сохраняющие свое великолепие не иначе как по волшебству, распущены и свободно струятся по плечам.

Что он тут забыл?

— Ваше леднейшество пьяно? — издевательски мягко спросила Кей. — Во всем Половинчатом Замке не нашлось хорошего друга, могущего составить леднейшеству

компанию лучшую, чем я?

— Если ты повторишь это слово еще раз два, оно смешнее не станет, — серьезно ответил Рин.

— Вот этот тон уже больше похож на то, что я привыкла слышать, — хмыкнула Кей и отвернулась. Стало слегка спокойней. — Раз не собираешься помогать — не мешай.

Рин, словно приняв такие условия пребывания в комнате, какое-то время и правда сидел молча, иногда отпивая из бутылки. Кей, попытавшись абстрагироваться, перечитала первые два абзаца снова. Потом она прикрыла глаза и спросила себя: "Почему я не встану и не выгоню его?"

Ответ ей совсем не понравился: она хотела, чтобы он остался. Так было почему-то спокойнее. Ответить себе на логичный вопрос, почему именно и зачем он ей тут сейчас нужен, оказалось сложнее. Неужели ей льстит то, что он не внизу, в веселой компании, а здесь? Бред. Рейнхарду что-то нужно. Осталось узнать, что.

— Я хотел спросить, — проговорил Рин, будто мысли ее прочитал. — Если я вернусь... если я вернусь и предстану перед судом, при этом твои отчеты будут соответствовать реальности до самой последней буквы — что мне за это будет? К чему меня приговорят?

Кей выдохнула. Не сразу, но она все же обернулась, чтобы взглянуть ему в глаза. Врать не хотелось, но и правда была тяжелой.

— Ты сам знаешь, что это зависит от многих факторов, — сказала она. — От стратегии твоей защиты. От дополнительных материалов. От того, кто именно будет судить...

— Я ничего не знаю, — Рин покачал головой. — Никогда не интересовался деталями. Я лишь предполагаю, что вся разница в том, какую именно казнь мне придумают.

Кей пожала плечами:

— Почему сразу казнь? Возможно, тебя просто заставят мучиться от боли ближайшие пятьдесят лет, искусственно поддерживая живым и в сознании.

— Ты думаешь, осужденным маньякам-психопатам это помогает раскаться?

— Так их и не исправить хотят, а наказать, что ж тут непонятного. Да и вообще, это же для устрашения других делается, а не из-за свирепой кровавости суда. Их бы казнили милосердно, но тогда чего бояться остальным? И не я это придумала, — Кей снова отвернулась. Помедлив, сказала, глядя на исписанную неровным почерком бумагу: — Но это, понятно, не то, чего кто-либо может хотеть. Для другого — особенно. Поэтому не беспокойся об этом. Наш договор в силе. Я еще думаю о событиях, произошедших в колонии, тут, конечно, сложно, но...

— В Лунном были еще поглощающие, — внезапно сказал Рин. — Другие.

Кей резко развернулась так, что ручка полетела на пол. Пришлось наклоняться и поднимать ее, но на автомате, слишком уж неожиданны были слова Рейнхарда.

— Что ж ты сразу мне не сказал?!

— Я сначала не думал, что это может быть важно, но вот потом, вспоминая произошедшее...

— И что с ними стало?

— Я не мог затормозить их так же, как других людей и магов, — проговорил Рин задумчиво, встряхнул бутылку и стал разглядывать ее на просвет. — Они, сама понимаешь, к полу прилипать отказались. Одному удалось удержать оружие в руках и в самый опасный момент никуда его не прислонить — так что он остался при своем верном огнестрельном друге, — Рейнхард перестал гипнотизировать вино, но пить больше не стал. — Всего их

было четверо — двое на моем уровне и по одному на каждом уровне ниже. Я заблокировал их внизу физически, стеной из камня и льда. Они, я думаю, со временем выкопаются. Если не задохнутся. Скорее всего, не задохнутся — прорехи там оставались...

Кей начала представлять размер вероятной катастрофы.

— Вот это, ты знаешь, в корне меняет дело, — серьезно сказала она. — Что это были за поглощающие?

— С чего же меняет? Думаешь, они в курсе, что все это я натворил?

— Если они выжили, они провели расследование, и тоже будут отчитываться.

— Я подумал о том же. Поэтому и пришел. А кто они... — Рин пожал плечами. — Откуда мне знать. Ну что, вино будешь?

Кей заколебалась — с такими новостями и вусмерть нахлебаться не зазорно. Но тема была слишком серьезной, поэтому она отрицательно покачала головой:

— Нет. Попробуй вспомнить их лица. Ты запомнил форму? Может, видел шевроны?

— В тот момент я "видел" их весьма специфически, — ответил Рин, прикрыв глаза и вытянув свободную руку вперед. — Словно на ощупь. Я скорее чувствовал их, как будто они идут по моей коже. Форт был продолжением меня. И лиц я вспомнить не могу.

— Паршиво, — Кей медленно повернулась к отчету, постучала ручкой по губе. — Это все меняет, определенно меняет... Все и так сложно, а с этим еще сложнее...

— Вот я и подумал, — продолжил Рин, — что... договор договором, и я тебе благодарен, но... Ладно, поставим вопрос иначе. Что будет тебе, если откроется, что твой отчет — ложь?

Кей отложила ручку на стол.

— Я всего лишь твой наблюдатель, — сказала она, глядя на его отражение в трюмо. — Меня, скорее всего, отстранят. Возможен штраф. Возможен запрет на работу в структуре. Возможен и срок. Не думаю, что большой. Года четыре. Жизнь моя вряд ли их заинтересует, — она обернулась и взглянула на Рина прямо. — Другое дело — если обман раскроется, прилетит в основном тебе.

— Занятный расклад.

— А то.

— Говоришь, простой наблюдатель... — повторил Рейнхард, глядя немного рассеянно, склонив голову набок. — Сначала ты нам заявляла, что ты самый активный поклонник нашего творчества, — он стал загибать пальцы. — Потом ты пришла в действительный фанклуб и развалила его изнутри. Затем ты появилась в академии, где я должен был преподавать, и принялась стращать первогодок, заявляя, что ты нулевой элементарист. Потом ты навязалась к нам, будто бы за компанию. Затем вдруг выяснилось, что ты — агент поглощающих, почуявший запах жареного и пустившийся в авантюру по собственной инициативе. И тут оказывается, что ты — мой персональный наблюдатель, который должен убить меня в случае чего.

Его взгляд перестал быть рассеянным. Он посмотрел на Кей прямо и тяжело:

— Ты врешь легко и много. Что, если договор — способ вернуть меня назад без сопротивления?

Кей резко встала.

— Выметайся из моей комнаты.

Рин тоже поднялся.

— Так что?

— Ты мог бы изучить меня лучше за это время, — ответила она, безуспешно сдерживая гнев. — Пора бы уже знать, где мне стоит доверять, а где нет. Разве это так сложно — понять, как я мыслю? Что для меня — святое? И что оно существует? А, кому я доказываю!

Она едва сдерживалась, чтобы не уйти из комнаты сама. Ее останавливало то, что это их с Ирвис комната. Пускай всего лишь на эту ночь. Но... Как он посмел? Как он мог подумать? Она рискует карьерой... ради... ради... да просто так, не ради чего-то конкретного, ради принципов и собственной совести! А этот наглец смеет предполагать, что она на самом деле раскручивает какую-то пошлую многоходовку... Обидно. Вот это обидно было, на самом деле.

— Шел бы ты, — сказала Кей, цедя сквозь зубы, — лесом с такими заявлениями, Рейни.

— Кей, — Рин шагнул к ней. — Я... извини. Я бы... — он на секунду прикрыл глаза, словно решаясь, потом снова на нее посмотрел и сказал тихо: — Я бы хотел тебе доверять.

— И я бы хотела тебе доверять, — зло ответила Кей. — И я сделала первый шаг, и даже второй. Я иду против своей родной гильдии — ради чего? Я знаю, как несправедлив может быть закон. Я... не хочу для тебя такой судьбы. Тут вылезли эти другие поглощающие... это может все усложнить. Все уже усложнила колония и бой в ней. Я пытаюсь что-то придумать, а ты... Если сухими из воды выйти не получится, то, может, мне удастся хотя бы запутать все так, чтоб дело забуксовало. В конце концов, личному наблюдателю веры больше.

— Даже учитывая, что наблюдатель — девушка, — бесстрастно заметил Рин, — а объект...

Кей поняла, что он стоит слишком близко, а она смотрит ему в солнечное сплетение. Взгляд метнулся влево и вверх, наткнулся на серебряную серьгу и шею в испарине.

— О нас поползут слухи, просто потому, что мы разного пола и схожего возраста, — мягко продолжил Рейнхард.

Кей вздернула подбородок.

— Разберемся, — бросила она сквозь зубы. — Не думаю, что кто-то в здравом уме... с чего ты вообще решил, что кому-то в голову может прийти такая идея? Ты же маг. И вообще... — смотреть Рину в глаза стало почему-то неловко. — Придумал тоже.

Чувствовалось неясное напряжение — будто многое еще не сказано, а озвученного не воротишь, и оно уже знатно все перепутало.

Кей разглядывала лакированные доски пола.

Рин молча стоял рядом, на расстоянии вытянутой руки. Потянись — коснешься. Это ясно к чему ведет. Совершенно понятно, почему он тут стоит. Одно вызывает сомнения — как это вообще может быть и как все к этому пришло. Не было же... невозможно ведь... так не бывает.

— Когда мы вернемся, — тихо проговорил Рин, словно кто-то еще может его услышать, — болтать будут много разного. И тебе стоит вести себя холодно и отстраненно. Я пойму. Но пока мы здесь... пока другие пьют у камина... пока никто мне не скажет "Что ты нашел в ней?" и никто не скажет тебе "Да он же пустышка и вовсе тебя не стоит!" я бы хотел...

Вот это было его ошибкой.

Кей усмехнулась. Ей стало любопытно: он нарочно применил этот дурацкий прием или действительно так считает?

— И на скольких девчонках это работало? — Кей подняла глаза, глядя на него со злым задором. — Голос этот бархатный, расстегнутая рубашка, все дела. Ты хоть раз добивался

девушку по-нормальному? — она ткнула его пальцем в грудь. — Цветы, конфеты, пять месяцев держаться за руки, я не знаю...

Рейнхард поймал ее за руку, за запястье — сдавил несильно, скорее нежно.

Его прикосновение было ненормально горячим.

— Я помню, как ты пришла ко мне, и думаю, что в тот раз понял тебя неправильно. Ты предлагала близость. Я заплел тебе косу.

— Ты думаешь, я тогда возжелала тебя, как эти твои фанатки? — Кей презрительно фыркнула и руку свою отняла. — Самовлюбленный болван!

— Ну а сейчас?

Кей смотрела ему в глаза, раздумывая, как половчей осадить. Но он, кажется, просто непробиваемый!

— Эта святая наивность — не твое, Рейни.

Он вздохнул, как будто решил на что-то.

— Я понимаю, что действую не так, как надо бы. Но только представь. Ты ж рассмеешься, если я принесу тебе цветы. Ты мне не веришь и не согласишься. Я не могу пойти прямым путем — мы слишком в другой плоскости, в другой ситуации. Я не знаю, что будет после, и сейчас у меня ничего нет, кроме себя самого.

— У последнего из Белых Королей?

— У меня. Я пока что жив и я в своем уме. Но... я не знаю, надолго ли. Да, это эгоистичное желание, я полностью отдаю себе в этом отчет. Но... Все равно... — он сглотнул. — Я хочу стать ближе к тебе. Да, мы рядом, мы сражаемся плечом к плечу, и в то же время ты невероятно далеко — за всеми этими предрассудками, гильдейскими законами, собственными какими-то идеями о том, какая на самом деле ты и каков я.

Он произнес все это прочувствованно, как будто бы искренне. Показалось, что он открылся. На самом деле. По крайней мере, он верит сам себе, пускай в чем-то он и неправ. Он действительно видит все это так и так считает.

Кей поняла, что, даже если он врет, топтаться по этим чувствам она не станет.

— Может, оно и к лучшему, — тихо ответила Кей. Усмехнулась криво. — Твой монолог должен был меня растрогать, как я понимаю. Но...

И тут-то Рин разозлился.

— Ты действительно думаешь, что я тут только потому, что мне нужно твое тело на один раз?

— Я не... я не думаю, что тебе и тело-то нужно, — честно сказала она. — Я тебе в целом не очень-то нужна. Просто я пока что... такая. Стена. Стена, которую ты не можешь пробить своим лбом, а обойти — не судьба. Досадная погрешность в строю очарованных дев. Мозолю глаза. Что, в целом, очень странно, знаешь ли. С чего вдруг? А как же Ирвис? Или она уже покорена? И все равно — не ты ли говорил, что я пацанка, упрекал в неухоженности, говорил, что на девушку не похожа? С чего же ты вдруг такой весь стоишь, красивый, и ищешь моего расположения?

— Раньше я видел тебя по-другому.

— Да ладно! Неужели отсутствие личной жизни способно настолько сбить приемник?

— Не способно. Но человек... Кей, как ты думаешь, может ли человек измениться?

Она замолчала, не зная, как ответить.

— Люди редко меняются. Вырастают, разве что. Но обычно им тупо времени не хватает, чтобы как-то значительно измениться.

— Верь или не верь, но теперь я вижу тебя по-другому, — произнес Рин. — И кроме храбрости и доброты вижу истинную красоту — она всегда у тебя была, просто я был неспособен ее разглядеть.

Кей сощурилась:

— А как насчет других? Другие тоже красивее стали?

Рин усмехнулся:

— Ну, вообще-то да. Может, это какой-то эффект исключительного чародейства. Теперь я вижу прелесть во многих лицах, которые раньше показались бы мне уродливыми.

Кей подняла брови.

— Господи, Кей, я не это хотел сказать!

Она рассмеялась.

— Знато ты, Рейни, прополоскало. Самому не страшно?

— По правде говоря, мне теперь как-то... лучше и веселей. Легче, что ли. Мир полон красоты. Я... ну, прозрел — вроде того.

Кей стало весело. Она несильно ткнула Рейнхарда кулаком в плечо:

— Да ты прям мудрец теперь. Просветленный. Поздравляю, есть что праздновать. И спасибо за комплимент, ты тоже очень даже ничего. Ну да не мне тебе об этом говорить, — она посерьезнела. — И что же это... Теперь мне стоит ответить тебе, раз внезапно оказалось, что я в твоём вкусе? Стена рухнет, можно будет двигаться дальше. Мы сойдемся в эту ночь, как пересекающиеся прямые, как в море корабли, и дальше пойдём. И место подходящее. И Ирвис не помешает: у неё сегодня, вполне вероятно, тоже намечается ночь любви, причем крайне своеобразная. А тут весь такой ты. И вся такая я. Действительно, что уже терять.

— Издеваешься.

— Отнюдь! Сам знаешь: ты очень хорош. Какая спина. И плечи, — Кей принялась обходить его по кругу. — Красивый, словно искусственный. С таким держи ухо востро. И никогда не доверяй. Смотреть, но не трогать.

— Я, кажется, начинаю понимать, — медленно проговорил Рин каким-то изменившимся, странным голосом. Сначала он стоял неподвижно, потом обернулся к ней. — Ты — мой наблюдатель.

— Да ладно!

Он кивнул:

— И ты наблюдаешь за мной.

— Вот это серьёзная проницательность, — широко оскалилась Кей. — Неужели сам догадался? Как к этому пришел? Эмпирически или теоретически?..

Рин пододвинул к себе стул, сел.

Кей остановилась, скрестила руки на груди и наклонила голову, мол, а дальше что? Что он намерен делать?

— Может, запрешь входную дверь? — попросил Рин.

— Зачем?

— Как хочешь.

Он стянул рубашку и бросил рядом, на кровать.

— Чего это ты удумал? — Кей нахмурилась. — Стриптиз? Какой-то вялый.

— Да нет, уже... не очень.

Зазвенела ременная пряжка, пропела молния.

Кей рефлекторно закрыла глаза, затем уставилась на него, как на диковинную зверушку: — Так, ладно, давай оставим в покое всю дикость ситуации, гребаный ты извращенец, но это что... правда? До... гкхм, аж вот так? — она сощурилась. — Много чего я видела, но... Как это вообще? Как ты с этим живешь?

Рин закатил глаза:

— Нормально живу. Плюс, я же сижу, и согнут. Но я не такой реакции ждал, если честно. Собственно, ты не стесняйся, просто... наблюдай.

— Парень, если тебе негде... себя... э-э... развлекать, зачем ты сюда пришел?

— В отчете эта сцена найдет какое-то отображение?

— Я, право, даже не знаю, — Кей подошла к двери и защелкнула замок. — Это, конечно, дурдом. Ты странный.

Он продолжал свое сомнительное действие. Кей старалась не опускать взгляд, но и без этого было на что посмотреть. Рейнхард увлекся: прикрыл глаза, закусил губу, запрокинул голову. Отбросил волосы за плечо — видно было, что они намокли от выступившего пота.

Кей почувствовала, как организм предательски реагирует на предоставленное зрелище. Но это не значит же, что надо идти и помогать.

— Эх, где же камера, когда она так нужна, — Кей уселась на край кровати, раз стул занят. — Девки с руками оторвали бы.

Рин взглянул на нее из-под полуприкрытых век, расслабленно улыбаясь. Мокрая прядка шла от виска ко рту — он убрал ее пальцами, которые тут же облизал и вернул в дело.

— Ты продолжай, продолжай, — Кей покивала, — недурно у тебя получается. В конце концов, окажешься на мели — долго там не продержишься.

— Ты... извини... что не очень-то... театрально... — Рин на секунду закусил порозовевшую нижнюю губу, — кстати, угадай, кого я представляю. Настоящей... действительно... не хватает.

— Что же поделаешь, — она развела руками, потом подперла голову ладонью. — Как неумолимы порою пути судьбы.

— Помоги мне.

— Я могу только стукнуть тебя, если на то пошло.

— Этого я не против, но ведь нельзя так уж сразу, — он лукаво улыбнулся.

— Может, тебе еще и парадную форму дать поносить?

— Боюсь, в плечах не налезет. А ты смотри-смотри... Тебе же нравится... Неужели... тебе... не хочется...

— Мало ли, что мне хочется, — сурово ответила Кей.

Абстрагируясь от дикости и невероятности происходящего, она признала, что что-то в этом есть. На него и в самом деле было приятно смотреть. Из-за того, что он был достаточно далеко, она чувствовала себя в безопасности, и одновременно воображение вовсю подсовывало ей разнообразные сцены, где он, большой и жаркий, льнет к ней, тяжело придавливая к стене, касается там, куда лезть ему никак не следует, и затем... Борьба с воображением оказалось не просто.

— Ты дышишь чаще, чем тебе хотелось бы, — Рин легкомысленно усмехнулся.

— Ну я ж не каменная, в конце концов.

— Я... уже... скоро...

— Так-так, на этом этапе я лучше выйду, — Кей поднялась.

Замерла, глядя на него сверху вниз. Он был в тот момент предельно уязвим — так

казалось. Вместо того чтобы идти к двери, Кей поддалась секундному порыву и подошла ближе. Протянула руку, коснулась его мокрых спутанных волос. Он потянулся за ее пальцами — так естественно, так плавно. Приоткрытые губы были влажными. Он потерялся щекой об ее ладонь, — кожа горячая, словно нагревшаяся на солнце, ресницы слиплись.

Кей наклонилась и поцеловала его.

Он поднялся со стула, не прерывая поцелуя, уперся в Кей, прижался к ней голым животом, глядя теплыми мягкими пальцами ее скулы, шею и волосы.

Кей чувствовала, что голова кружится от этого поцелуя и она теряет над собой контроль: ноги вдруг ослабели и стали подкашиваться. Рин казался горячим, словно свечной воск. И совершенно запретным. Он пах потом, летом, вином и снегом. Он словно заполнил собой весь видимый и осязаемый мир — остались только эти бездонные объятия. Притяжение будто исчезло тоже, сменившись дурманящим ощущением невесомости. Комната, мир за окном, прошлое и будущее померкли, время замерло. На секунду все, в чем она сомневалась, стало простым и ясным, правильный ответ вырисовался слишком четко. И, более того, откуда-то взялось странное, щемящее чувство: дороги назад не будет, это все — навсегда.

Кей широко распахнула глаза — отчего так? Откуда все это взялось? Что он такое? Как?..

— Ты — мой океан, — прошептал Рин, глядя на нее. — И пламя, что я храню в своем сердце.

От этих слов ей стало страшно. По-настоящему страшно: неясный, холодный ужас пробрал до печенок. Нет, она не испытывала такого, когда прыгала с края магической стены, доверившись зачарованному крылу; не настолько испугали ее жирные черные твари, несущиеся быстрее машины; не так страшили пустые глаза идущих через ночной лес смертников. Слова Рейнхарда — наивная патетика, чистейший пафос, искренняя простота, — но почему от них все внутри сжимается? Откуда лезет эта глубинная, черная жуть?

Наверное, дело в том, что она не может принять ответственность за эти его чувства. Если он говорит правду. И не сможет простить ему, если он лжет. Зачем говорить такое? Зачем все менять?..

— Это... из какой-то песни? — Кей уткнулась ему в ключицы лбом, пытаясь скрыть дрожь.

— Это то, что я чувствую, когда обнимаю тебя.

И ужас почему-то прошел. Будто весь исчерпался, кончился. Словно она достигла какого-то внутреннего равновесия — или просто маятник замер сам по себе. На сердце сначала стало пусто, а потом как-то неуверенно, трепетно затеплилось в глубине черной бездны отражение далекого света — эхо надежды, знамение радости, которую очень легко спугнуть.

Ладно. Пускай. В любом случае — это того стоит.

Попросту не может такого быть, чтобы все это оказалось зря.

Иногда, наверное, нужно позволить себе заглянуть за предел. Кей взглянула и поняла: она никогда не пожалеет о том, что случилось этой ночью.

Она мягко отстранилась.

— Рейни, — Кей посмотрела на него, потянулась и провела пальцами по его щеке. Он поймал ее руку и поцеловал в ладонь. — Ты очень... нежный.

— Славно, что ты заметила.

— Я долго за тобой наблюдала, — она прикрыла глаза, чувствуя, как накрывает горячей волной, когда он целует ее шею. Зарылась пальцами в его волосы. — И все никак не пойму... Ты вообще... настоящий?

— Пока ты смотришь на меня, я существую.

Они встретились взглядами. Кей не позволила себе и тени насмешки. Он верит в то, что говорит. Он вот такой — это его истина, эти вот глупые фразы, это то, как он себя понимает. За колкой стеною льда он, оказывается, наивен. Раним? Нет, хрупок. Видеть и понимать это невообразимо страшно. К тому же, Кей казалась себе настолько неподходящей кандидатурой для подобных признаний, что хотелось сказать ему: "Рин, ты ошибся. Ты перепутал что-то". И в то же время... Хорошо, что он не стал говорить никаких слов о любви. Кей обняла его напоследок крепко и сказала:

— И все же на этом стоит закончить.

— Уверена?

— Да. Я всегда буду помнить о тебе, о том, каким ты можешь быть — об этой твоей грани настоящести. Что бы ни случилось. Но это не отменяет... — она вздохнула. — Слова есть слова, и только. К сожалению. И если в итоге все сложится так, как я думаю — что ж, уже случившегося будет достаточно нам обоим. Если же ты говорил правду... мы можем продолжить, когда вернемся домой.

— Осталось всего ничего — выжить, а? — он невесело усмехнулся.

— Да что там уже осталось, — сказала Кей. — Дойдем до Явера, вы исполните свое божественное предназначение, а там...

В тишине раздался звонок. Кей даже обрадовалась ему — он прервал неловкое молчание. Она подошла к трюмо, взглянула на экран телефона...

— Шеф звонит, — приняла вызов. — На связи.

Рин остался стоять, бестактно развесив уши.

Кей слушала шефа внимательно, и чем дальше, тем больше ей плохело. С другой стороны, все к тому и шло. Надо было быть полным дураком, чтобы не предвидеть такого развития событий.

— Что говорит? — спросил Рин, когда Кей положила трубку.

Она вздохнула:

— Ну, что. Они послали агентов на это наше озеро.

— Ты им сказала?

— Ага, в прошлом отчете. Тогда все еще в пределах нормы было, знаешь ли.

— И что на озере?

— На озере... ну, растяжки, колючая проволока, вертолеты и пара мобильных лагерей угадай кого.

— Кого?

— Чтецы, целители и церковь.

— Да что ты будешь делать...

— Погоди ругаться, — Кей глянула в зеркало, поправила волосы и одежду. — Это еще не все. Шеф говорит, что с озером — с самим озером — тоже какие-то проблемы.

— Какие?

— Он не уточнил. Сказал, что предлагает помощь и информацию. Пойдем, обсудим это с остальными. Если только они еще не нажрались до беспамятства.

— А ночь обещала быть томной, — Рин, затянув ремень и накинув на плечи рубашку, последовал за Кей.

— Кремчик лечит. Но ладонь мужика! — Найк слегка вывернул плечо к себе. — Ладно, следы от зубов мне даже понравились — круто выглядят, наверное, хотя надо в нормальное зеркало посмотреть. Незапланированное такое бесплатное шрамирование. Но ладонь мужика?

Никс не могла отрицать: след от пятерни Константина отпечатался на плече Найка не в пример четко и ровненько. Она закрутила тюбик с мазью от ожогов и сунула его в пакет.

По правую руку шумело море. Чужое, темное — но море. Светлый, почти белый песок, водоросли на границе воды, бетонный парапет. В их родных краях песок почти всегда желтый, словно золоченый. Здесь берег другой.

Путь из поросших соснами предгорий к морю занял около двух часов. Найк почувствовал боль от ожога через полчаса после того, как они вырвались из стен колонии. Очевидно, адреналин схлынул — и боль, как незваная гостья, нагрязнула, не обрадовав. Они не сразу нашли аптеку, только в третьем по счету поселке. Идти в травмпункт Найк отказался, заявив, что, мол, пустяки, слабенько как-то жег его Константин. Никс тоже это было непонятно: выходит, Константин не хотел Найку смерти? Но почему тогда без зазрения совести убил чтеца? Может, он не знал, что Абеляр — последний?

Смерть Абеяра никак не давала Никс покоя. Может, у Абеяра с ее отцом была какая-нибудь давняя вражда? И почему Абеляр не применил на Константине свои способности чтеца? Почему он пытался выиграть одним огнестрельным оружием и скоростью? В скорости он Константину проиграл. Может, действительно, они уже сталкивались, и разум блудного папашки защищен от магии этого конкретного чтеца?

Впрочем, что уже гадать.

Закупив мази от ожогов, они еще немного прокатились на запад, и вот притормозили у берега, рядом с неработающим кафе и одиноко стоящей телефонной будкой. Найк уселся на парапет, и Никс принялась наносить лекарство на его обожженное плечо и запястье.

Это было немного странно: лечить человека от последствий применения магии огня. Чужалось в этом и что-то должное, верное. Никс хотелось коснуться и здорового плеча тоже, волос, шеи — но она сдерживалась. Мало ли, что подумает. Сейчас... не то место и не то время.

— Так намного лучше, — сообщил Найк, повернувшись к ней. — Спасибо. Пойду звонить нашим.

Телефонная будка оказалась такой же нерабочей, как кафе.

Найк, цыкнув, снова уселся за руль, и они двинулись дальше на запад. Море пару раз отступало, но дорога снова и снова выводила их к берегу. Становилось все суше и теплей. На исходе третьего часа езды на горизонте показался город — сравнительно небольшой, прибрежный, чем-то похожий на давно покинутый дом.

"Чаячий Ильмен" — гласила надпись на стеле, возвышающейся на въезде в предместья. Здесь было совсем тепло, почти жарко, люди ходили в легкой цветной одежде. Чувствовалось, что лето решило задержаться тут чуть подольше.

Они закатали мотоцикл на холм и пристроили его в тени дерева, чтобы осмотреться и слегка размяться, а заодно чего-нибудь перекусить. Никс, по правде сказать, в заточении кормили хорошо — да вот кусок особо в горло не лез. Тут же на нее напал просто зверский аппетит. Они быстро разыскали закусочную — непрезентабельную, затрапезную, с самым простецким меню, но сейчас им этого было более чем достаточно. Только наевшись от пуза жареного мяса, Никс вспомнила, что все еще расхаживает в порванной смирительной рубашке с закатанными рукавами.

Ясно теперь, почему хозяйка харчевни так на нее смотрела.

Но ничего не поделаться, не голой же ходить?

Пока Никс расправлялась с пирожком с повидлом, Найк сумел договориться с владелицей забегаловки и позвонить от нее остальным, оставшимся далеко позади.

Вернулся, сел напротив Никс, сложил руки замком перед собой, и принялся невидящим взором смотреть куда-то в деревянную лавку.

— Ну, что говорят? — спросила Никс, не дождавшись рассказа.

Найк очнулся, вздрогнув.

— Что-то я засыпаю совсем, — он протер глаза. — Еще и жарко... разморило, — выдохнул. — А эти... я пообщался с Рином. Говорит, удалось уйти без потерь, почти.

— Почти?

— Он не уточнял, но, говорит, все живы. Они прибыли в Половинчатый Замок и сейчас отдыхают. Как проснутся — выедут к нам.

— Это хорошо, — протянула Никс. — Сколько им добираться?

Найк снова смотрел в пустоту. В этот раз очнулся без оклика.

— Ох. М-м... скорее всего, ехать им дольше, чем нам. Смотря чем, конечно. Но не больше пары суток, я думаю.

— Сильно спать хочешь? — участливо спросила Никс.

Найк выдохнул:

— Терпимо. Пока не время для сна. Пойду сейчас себе кофе возьму. Еще есть дела.

Он поднялся и пошел внутрь забегаловки. Когда вернулся, Никс спросила:

— Насколько мы далеко от... от того места? — она старалась говорить осторожно.

Найк взял салфетку, солонку и перечницу, и расположил их на столе на порядочном расстоянии друг от друга:

— Если это — море, — он указал на салфетку, — то вот тут — континент. Вот — Поющая, — он положил на стол вилку. — Это — откуда мы приехали. А вот здесь у нас Ильмен, где мы сейчас. Думаю, — он стал говорить тише, — найти нас тут быстро ни у кого не выйдет.

— Что ж, это не может не радовать, — Никс отхлебнула сока. — Кстати, как твое плечо?

— Ноет немного, — Найк поежился, — жить буду.

— Что-то с тобой не так, — все же сказала Никс. — Какой-то ты напряженный, а не только сонный. Какие у нас еще остаются дела?

Найк хмыкнул, негромко рассмеялся, потом посерьезнел. Выдохнул.

— Ну, видишь ли...

Никс вся обратилась во внимание.

— Видишь ли, есть небольшая проблема.

— Какая?

— Проблема эта, скажем так, несколько... практического толка.

— Ну, не томи же!

— Хорошо. Дело в том, что... — он наконец решился и выдал: — Денег нет. То есть, есть — но крайне мало.

Никс выдохнула.

— Слушай, человек может продержаться на воде трое суток! Я уже было подумала, что там что-то совсем серьезное.

— Ну, как сказать, — Найк почесал затылок, старательно избегая смотреть ей в глаза. — Я слегка в растерянности. Я много где путешествовал и в разных ситуациях бывал, но, в основном, один. А тут... короче, все мои сбережения остались в машине. Машина — в Тасарос-Фессе. Почему я ни у кого не занял — моя ошибка, забыл. Дурак, согласен, каюсь. А идти сейчас в Тасарос-Фесс — можно пропустить ребят. И я б, если б сам был, поспал бы на улице, но тебя же...

— Слушай, вот касательно "спать на улице" — это не меня греть надо будет, — сказала Никс. Тут же поняла, что именно ляпнула и густо покраснела. — В смысле, сейчас что-нибудь придумаем. В крайнем случае... еще что-нибудь придумаем.

— Возможно, есть смысл попробовать загнать мотоцикл, — задумчиво проговорил Найк. Все же взглянул на Никс. — Как ты считаешь? Хоть бы на металлолом. Документов у нас на него нет, но и так могут взять. В дальнейшем он нам ни к чему — все равно компанией на него не влезем. Денег должно хватить на несколько дней нормальной жизни и даже на пару шмоток тебе и мне. Тут, конечно, все полуголые, но мне несколько неуютно.

— Звучит как план, — хмыкнула Никс.

На том и порешили. До самого вечера они занимались тем, что стучали в разнообразные шиномонтажные и прочие слесарные мастерские, ехали дальше по указке людей, кому левый мотоцикл не нужен, приезжали в очередной ангар, говорили с непременно усатым мужиком, испачканным машинным маслом, и снова оставались с мотоциклом, но без гроша. Ближе к вечеру им повезло. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая затихающий Ильмен в теплые охристые тона. Криминального вида мужчина, неодобрительно поглядывая на зеленые волосы Найка и странную одежду Никс, предложил за мотоцикл смехотворную цену, добавив, что лучшего предложения им не найти. Посоветовавшись, решили брать деньги.

К берегу шли пешком и оказались рядом с городской набережной уже в сумерках. Окруженные алчными старушками, желающими сдать им жилье, выбрали ту, что просила самый минимум, и вскоре оказались в тесной комнатке с холодильником, телевизором, тумбочкой и одной неширокой кроватью. Остальные удобства располагались во дворе, по пути к калитке, ведущей на спуск к морю, как и общая с другими жильцами открытая летняя кухня. Сверху маленький домик и все пристройки были увиты виноградом, заборы топорщились пышными ежевичными зарослями. Во дворе было уютно, но сам дом оказался крайне старым, а внутри komórки к тому же пахло сыростью. Никс не имела никакого желания возмущаться — ей было хорошо и радостно.

— Я буду спать на полу, — сказал Найк, когда старушка отдала им ключи и ушла.

Никс, оценив его решимость на десять из десяти, не стала отговаривать, решив поступить хитрее:

— Ты пока располагайся, — сказала она, — а я схожу на рынок. Видела по пути. Надо же есть чего-то, а в нашем текущем положении по кафешкам ходить не вариант.

— Я с тобой, — Найк, фальшиво бодрясь, поднялся с кровати, на которую успел присесть.

— Нет, ты давай лежи, — Никс была непреклонна.

— Но... Вдруг...

— Я не потеряюсь, — заверила она. — Здесь пять минут идти. Сам сказал — нас не найдут. Никто не знает, где мы, кроме наших, верно? Ну и, в самом деле, не можешь же ты мне постоянно нянькой быть?

Найк ничего ей не ответил, хоть и видно было, что он не согласен. Но усталость брала свое, и он сел, ссутулившись, на край кровати и махнул рукой:

— Ладно, иди. Но потом... я тебя все равно найду, так и знай.

— Я скоро, — Никс, развернувшись, улыбнулась, вышла и прикрыла за собой дверь.

В отличие от него, она была полна сил. Уж что-что, а на сон в колонии у нее было полно времени.

Незнакомый город показался и знакомым одновременно. Словно Змеиная Коса разрослась вширь раз в восемь, а то и девять, особо не поменявшись. Здесь, конечно, всюду слышался иной говор, а названия улиц звучали непривычно, но дух приморского города пронизывал все насквозь, как и влажный, соленый ветер, бессовестно напоминая о доме.

Никс спустилась по крутым улочкам на пару кварталов и действительно застала работающий продуктовый рынок — вокруг ламп сутились мошки, вокруг прилавков — запоздалые покупатели. Она купила хлеба, масла и яиц, немного сыра и кое-каких овощей, и четыре куриных бедрышка. В ларьке рядом с рынком продавали подержанные книги — паршивую фантастическую беллетристику в мягких обложках. Никс взяла себе один томик наугад, по цене шоколадки.

Когда она вернулась, Найк уже спал, улегшись наискосок и заняв большую часть кровати.

Никс вздохнула, включила лампу на тумбочке, устроилась с краю и попыталась читать.

Вышло не очень — интересней было смотреть, как Найк спит. Лица видно не было, но на пояснице вдруг обнаружилась крохотная татуировка — парусник на волне. Что бы это могло значить?

Никс прикрыла томик. Поджала губы.

Это сейчас он спит, она сидит рядом, в окно бьется мошкара, и у них есть еще как минимум сутки. Но это все ненадолго. Приедут другие — приедет Эль-Марко. Она расскажет им, что с ней было. Расскажет про Константина, про других девчонок, про Абеляра. Про то, что рассказал ей чтец — мол... пророки сказали, что, если разбудить Вьюгу — всему конец. Но это слова Абеляра. Мог ли он специально наврать? Нет, тогда бы он сказал что-то такое, чтобы Никс вообще даже не пробовала идти к озеру Явер. Но он оставил ей возможность выбора. Он хотел, чтобы она попыталась сделать все возможное, чтобы... чтоб не случилось непоправимого. Но как? Все такие умные, всем чего-то от нее надо. Вьюга хочет проснуться, чтецы хотят этого не допустить. Кто она такая, эта Вьюга? Как ее будить? Никаких идей об этом у Николы не было. Разве что, они сами все поймут, когда доберутся до темницы Вьюги. Там, конечно, не отправишься в сеть и не поищешь чужого опыта. Может, там будут какие-нибудь древние скрижали по стенам? Или что-то вроде этого?

Информации мало, вопросов — слишком много. Зачем Вьюга хочет, чтобы ее разбудили? Кто заставил ее уснуть? Зачем ее усыпили? И как она может обещать встречу с

тем, кого Никс ищет?

В последнее время Никола мало думала о Ромке Заболотницком, хотя, что касается заточения, тут уж ей не повезло так не повезло. А потом оказалось, что Абеляр на ее стороне. А потом... Неужели ее проклятье перекинулось на него, и... или... вошло в какую-нибудь смертельную фазу? Неужели теперь и правда стоит ждать кирпича с крыши?

Никс приказала себе не паниковать. В конце концов, они выбрались. И это — не везение. Это — слаженная работа всех тех, кому не все равно. Рин со своими големами, Ирвис, как рассказал Найк, вызвала дождь, там же были Камориль, Мйар и даже Ари. Ог Эль-Марко и говорить нечего. И даже наглая Катерина Берса участвовала в ее освобождении, защищая Рина, пока тот колдовал. А значит, неприятностей можно не ждать.

И все же с этим определенно нужно заканчивать. Стоит ли ее спокойная жизнь риска разрушить мир? Кому рассказать, кто не в теме — вот будут смеяться. С чего они вообще взяли, что чтецы не врут? Пожалуй, стоило расспросить внезапно объявившегося отца получше. Но тогда как-то в голову ничего не лезло. Он сказал, что с ним тоже говорило божество... И огонь — его слуга. Скорее всего, с ним говорил Дух Огня тогда, когда Камориль показалось, что он умер. Но Константин не сказал ничего о том, куда Дух Огня его направил и что приказал делать. Предположим, это он приказал ему напоить Никс "солнечной кровью бога".

У Никс появилось ощущение, что она знает теперь, что это за "огненный цветок" такой. Скорее всего, это и есть проявление той силы, которую обрел и успел потерять Камориль. Но если он — некромант, и на него "солнечная кровь" подействовала, вытащив наружу паучью суть, усилив ее во сто крат, то, выходит, у Никс, элементалиста, сила эта преобразовалась в "огненный цветок". То есть Дух Огня опосредованно передал Никс силу, которая... которая может пробудить Вьюгу.

И именно поэтому чтецы не хотят этого допустить — как там Камориль рассказывал? Зорей считал своим долгом защитить родную землю от "порождений внешних миров"...

Дух Огня действовал тонко. Это ведь очень ненадежный способ делать дела. Через поколения... через время... С другой стороны, что для таких существ значит срок человеческой жизни?

Никс решила повременить с волнениями и тревогой. Все равно сейчас она ничего изменить не сможет. И понять что-то свыше того, что ей, человеку, дозволено — тоже. Волноваться она будет завтра или послезавтра — когда приедут остальные, и они все вместе отправятся на это самое озеро. Камориль и Мйар уже были в мороке. Она тоже там была. В мороке — Керри, и он, если что, поможет. Вместе они смогут разобраться, что к чему. Керри, конечно, говорит, что попасть на утес Серого Крыла неспособен, но это они еще посмотрят.

Никс вспомнила, как они все собрались в золоченой ванной комнате в гостинице, еще в Тасарос-Фессе, и как все пообещали пойти в морок вместе с ней и Рином, и как она решила тогда, что станет помогать Рину с его собственным "проклятием", что риск стоит того. Они тогда тоже, смеясь, предполагали — а не решит ли Вьюга, проснувшись, радостно осуществить светопреставление? Тогда, кажется, эта идея показалась всем не слишком жизнеспособной.

Как оказалось, целая гильдия чтецов, а с ними, судя по рассказу Найка, и целителей — все они верят, что пробуждение Вьюги... А кому верить Никс?

Древним богам, даровавшим силу? Чтецам, навязывающим свое агрессивное добро?

Она подумала, что правильной всего будет верить себе. Ну и друзьям можно, наверное. Вместе им удалось вытащить ее из тюрьмы чтецов. И точно так же, вместе, они смогут понять, что делать с этой самой Вьюгой.

Никс, вроде бы, успокоилась, но смутная тревога все равно не давала сосредоточиться на сюжете книги. Что-то она, кажется, упустила в своих размышлениях. Но что? Сощурившись, она смотрела в маленькое окошко за желтой кружевной шторкой и никак не могла понять, что именно не так. Ее опекун, его друзья и ее друзья — все умные и на многое способны, действуя сообща, это точно. Хватит ли этого? Не готовит ли морок сюрпризов? Это вполне может быть. Но пытаться их предугадать на данный момент — пустая трата времени.

Здесь, сейчас, в привычном и твердом, стабильном мире, морок действительно кажется миром снов. Но если войти туда во плоти...

Никс взглянула на спящего Найка. Он размеренно дышал во сне, лежа к ней спиной, так, что она видела его израненное плечо. Без его обычного свитера было заметно, что он загорел неравномерно — на коже остались более светлые следы от майки. Он был очень близко, но она почему-то ощущала себя полностью защищенной. Вообще было сложно думать о нем как о полностью чужом человеке. Хотя, казалось бы, сколько они знают друг друга? Меньше года? Лето не считается — целое лето они не виделись. Что остается? Несколько дней?

Что она знает о нем? Ничего — о семье, ничего — о профессии и увлечениях. Ну, разве только он хорошо умеет водить, отлично готовит на костре и слушает приятную музыку. Он сильный и, благодаря своей магии, быстрый. Но она даже не знает, в каком месяце он родился. На вид ему около двадцати, — но это тоже только догадки. Когда его лицо спокойно, он разом кажется младше года на два. Когда курит — сразу выглядит старше. И тогда, в храме, он сказал, что пришел сюда откуда-то еще.

Никс готова была ему поверить, учитывая бардак, творящийся вокруг нее и ее семьи.

В голове зародилась очень, очень странная, сумасшедшая мысль. Это ничего, что она мало знает о нем. Все равно. Они одни в этом городе. Сегодня. Завтра.

Завтра они пойдут на море, наверное. Или в кино. Не сидеть же дома целый день? Если подумать — она сто лет не была в кино. Что хоть сейчас там крутят? А затем...

Одна мысль об этом заставила пальцы на ногах поджаться. Как-то ей стало слегка душно, сердце заколотилось предательски, так, что показалось, все соседи его услышат.

Ладно, пора попытаться поспать.

Никс, выключив лампочку, свернулась калачиком на свободной части кровати, обняла ногами покрывало и закрыла глаза.

Как же хотелось ей в этот миг, чтобы Найк проснулся и обнял ее. Или чтобы повернулся, протянул руку и, может быть, поцеловал? Тут бы все и решилось. Ей казалось, что тут бы все, в самом деле, стало понятно и ясно: почему они тут, зачем и что делать дальше. Просто... пускай повернется, улыбнется, их лица окажутся близко-близко, и тогда... Но он спал — глубоким, спокойным сном человека, вымотанного до предела.

Для Никс это был первый раз, когда она ночевала в одной постели с парнем — и это показалось ей очень волнующим. Впрочем, она еще много чего собиралась сделать впервые. До того, как она уйдет в Морок, будить эту их Вьюгу.

Утро настало внезапно. Ну как утро — часы показывали полдень, и Никс, встрепенувшись, обнаружила себя в пустой комнате. Найка рядом не оказалось. Когда он

ушел? Оттого, что она спала одетая, было слегка некомфортно.

Никс, поднявшись, нацепила на ноги белые шлепанцы, оставшиеся еще со времени заточения, поправила обрезанные под сарафан остатки смирительной рубахи. Вообще, надо бы с этим разобраться — вчера на рынке бабки смотрели на нее странно, наверное, не могли решить: все-таки она проститутка, наркоманка или просто очень верующая? Но никаких лотков с одеждой там не было. Также надо бы где-то раздобыть зубную щетку, расческу и прочие мелочи. На данный момент собственный внешний вид Николу особо не смущал — как-то ей стало все равно, как именно она выглядит, после всех этих приключений в камере. Но, конечно, по уму с этим стоило бы разобраться поскорей, а то ведь... мало ли.

Никс выдохнула, решительно открыла дверь и вышла во дворик. Найка увидела сразу — он над чем-то колдовал на летней кухне. Проходя мимо, она отметила, что фартук на голую спину ему определенно идет, и задумалась — он сам-то понимает, как это выглядит?..

— О, ты проснулась? — Найк заметил ее.

— Ага, умоюсь пойду, — Никс кивнула в сторону душа и туалета.

В душ вода поступала из бака, покоящегося наверху кабинки. Грелась вода от солнца, и потому была только слегка теплой. Никс вытерла лицо полотенцем, взглянула на себя в зеркало — хмыкнула, отметив действительно почти исчезнувшую припухлость щек и в общем слегка усталый вид. "Может, я еще вырасту?" — безнадежно подумала она.

Вернувшись на летнюю кухню, обнаружила, что все уже готово: Найк разложил яичницу с беконом и помидорами по тарелкам, а чайник как раз вскипел.

— Еда! — обрадовалась Никс.

— Не шик, но сойдет, — Найк, сделав две кружки чаю, уселся на деревянную скамейку, подпер голову рукой и стал недоуменно смотреть, как Никс за обе щеки уплетает еще не остывшую яичницу и пьет сладкий кипяток. Она, поняв, что его смущает, притормозила: точно, ему-то все еще горячо.

— Я от соседей нашим позвонил, — сообщил Найк.

— О! Что говорят?

— Говорят, выехали, — он подул на свой чай. — Будут завтра к полудню примерно.

— Они знают, где нас искать?

— Да, они — знают. Больше никто не в курсе.

— Это хорошо.

Никс, жуя, заметила на столе за Найком открытую пачку соды.

— А зачем тебе сода? — спросила она.

Найк то ли смутился, то ли нахмурился. Почесал нос:

— Ну-у... я встал рано, сходил за недостающими продуктами. Хотел испечь творожных печенек, но... что-то пошло не так.

— Сгорели?

Он понуро развел руками.

— Духовка старая, не рассчитал температуру.

— Ты их выкинул? Может, там все не так ужасно было?

— О нет, поверь, все было очень плохо, — он усмехнулся. — Чистые угли. Что-то последнее время не везет мне с огнем.

Никс деланно улыбнулась, не зная, как интерпретировать эту фразу. Обратила внимание на его шрамированное плечо:

— Болит?

— Еще немного. Но мазь и вправду помогает. Думаю, скоро пройдет.

— Ясненько. Какие у нас дальнейшие планы?

— Купим тебе и мне нормальной одежды, а там посмотрим.

— Точно, это не помешает.

Они еще немного поболтали ни о чем — про погоду и температуру воды, о том, что можно будет искупаться, как зной спадет, или еще раз подняться и осмотреть город с другого холма. Никс вызвалась мыть посуду. Закончив, она прихватила пачку соды с собой.

Нести ее пришлось в руках, и Найк, заметив это, спросил, зачем ей сода. Никс, еще не уверенная насчет своего плана, сказала, что пока что это секрет.

Она не могла не заметить, что Найк все еще какой-то необычно задумчивый. Если вчера это можно было списать на сонливость и усталость, то... очевидно, его задумчивость неспроста.

Когда они спускались по узкой улочке, мощеной большими покатыми булыжниками, вытертыми сотнями ног, Никс спросила:

— Тебе здесь не нравится?

Найк оглянулся:

— Да нет, приятный городок. Вполне уютное место.

— Но что-то не так.

Найк сперва ничего не ответил, но потом сказал:

— Знаешь, это похоже на последний выходной день. Или на лето. Я не люблю лето, потому что за ним идет осень, а потом зима. Но мне нравится сырая, слякотная весна — ведь за ней следует лето.

Никс поняла, о чем он. Он тоже чувствует, что они тут ненадолго, и поэтому, наверное, грустит.

— Ну, в таком случае можно постараться взять от лета все, — сказала она. — Чтобы было, что вспоминать зимой.

— Или зимовать южнее, — Найк хмыкнул. — Но ты права. Надо уметь жить в настоящем. Итак, что именно мы ищем?

Они вышли на небольшую площадь под каменной башней со старинными часами. На площади располагался рынок. Скорее туристический, чем для своих, но тут была и просто одежда — дурацкая, пляжная, дрянного качества. Впрочем, им было не до изысков. Никс присмотрела себе коралловый сарафан до середины бедра и узкие штаны чуть ниже колена, цвета морской волны. Найк приобрел пару светлых хлопковых маек и свободную рубашку с ярким принтом — цветы, попугаи, пальмовые листья. Обувь они нашли в подворотне неподалеку, в темном, пыльном магазинчике, где продавалось все уже ношеное, но еще не убитое, зато по низкой цене. Найк с радостью стянул с себя армейские ботинки, променяв их на фиолетовые шлепки. Никс, долго промучившись между босоножками без каблука и с каблуком, остановилась на танкетке, молясь, чтобы новая обувь натерла хотя бы не в первый же час.

Обзаведясь расческой, зубными щетками, пинцетом и набором пластырей, они зашли еще в магазин с художественными принадлежностями, где Никс купила себе коробку мела.

— И все-таки, зачем тебе сода и мел? — спросил Найк, идущий следом за ней и несущий на плече пакет со своими старыми ботинками.

Никс, от нетерпения обгоняя его, стремилась поскорее вниз, к морю, и потому перескакивала через две ступеньки, но идеи своей раскрывать пока не спешила. Мало ли,

вдруг ничего не получится? Все же она в первый раз будет пробовать делать что-то серьезное.

— Увидишь, — все же сказала она по возможности загадочно.

Густые древесные кроны разошлись как-то сразу и вдруг. Небо над морем ослепило белизной кучевых облаков, поприветствовало криками чаек, планирующих на прибрежном ветру. Белоснежная каменная набережная была полна людей, подступы к морю — галечные, темные — также оказались покрыты густым ковром из подстилок и заставлены шезлонгами. На набережной было слишкомлюдно. Чересчур. То есть, конечно, для такого города это нормально — но Никс поняла, что для осуществления затеи ей нужно найти... какое-то другое место. К тому же, тут одна галька... а это никак не подходит.

Найк поравнялся с ней:

— Почти как дома, — заметил он с некоторой иронией. — Ну, куда пойдём?

— Тут никуда не пойдём, — решительно сказала Никс. — Вон карта. Её глянем.

Они подошли к стенду со схематично изображённым городом и предместьями.

— Вот тут какие-то ещё пляжи? — Никс указала на край карты.

— Похоже на то, — Найк осмотрелся по сторонам, показал направо. — Вон причалы, оттуда могут возить в отдалённые бухты. Наверное, местные тоже не особо любят отдыхать в тесноте.

— Там, похоже, целый паром, — Никс потянула Найку за край рубашки. — Пойдём-пойдём-пойдём! Скорее-скорей!

Паром выдал длинный гудок — скоро отплытие. Поднажав, они пронеслись мимо последних ларьков с сувенирами, преодолели раскалённый на солнце причал и запрыгнули на борт. Купив билеты, сразу перебрались поближе к перилам, чтобы можно было смотреть на удаляющийся город, утопающий в зелени, и белые резные скалы вокруг него. Паром шёл плавно, лишь чуть покачиваясь.

Никс оглянулась по сторонам и, заметив то, что ей нужно, по возможности незаметно шмыгнула к мусорному баку и заглянула внутрь.

— Так, Никс, или ты мне расскажешь, что задумала, или я сам придумаю — и это может быть гораздо хуже того, что ты собралась делать на самом деле, — Найк, по всей видимости, отчаялся гадать. Его можно было понять: видеть, как приличного вида девушка достаёт из мусорного бака чью-то пустую пивную бутылку — это довольно странно.

— Это ещё не все, — серьёзно сказала Никс и вынула оттуда же темно-зелёную тару из-под минеральной воды.

— Мы не настолько бедны, — в голосе Найки послышалась робкая надежда на то, что Никс в своём уме. — Сдавать бутылки это, конечно, выход, но...

Никс посмотрела на него исподлобья, пытаясь взглядом выразить всю гамму чувств, мол, за кого ты меня принимаешь?

Найк, дурашливо улыбнувшись, развел руками.

— У меня родилась кое-какая идея, — Никс, сжавшись, решила немного приоткрыть завесу тайны. — Увидишь. Я просто не уверена, что получится. Бутылки мне нужны для этого.

— Ладно, — Найк облокотился на перила, повернувшись спиной к морю.

За ним проплывала земля — фигурные скалы с полуразрушенными поместьями на вершинах, поросшие соснами холмы, утёсы, иссечённые сверкающими на солнце жилами каких-то более гладких пород. Ветер трепал Найку отросшие зелёные волосы, выбивая из

глаз слезы. В брызгах волн то и дело вспыхивала радуга.

Другие пассажиры галдели, пили что-то, хрустели чипсами, спорили и пялились по сторонам, но на Никс с Найком никто особо не смотрел.

Кто-то из отдыхающих заметил дельфинов вдалеке, и пока на борту царила восторженная суматоха, паром медленно преодолел мыс и завернул в бухту.

Никс, положив голову на сложенные вместе руки, наблюдала, как к ним приближается укромный, защищенный скалами пляж — людей там было всего ничего, и это весьма ее воодушевило.

Спустившись по трапу, они ступили на белый песок.

Песок! Уже хорошо.

— Пойдем вон по тем камням, уйдем еще дальше от людей, — сказала Никс.

— Да я ж не против, но там ведь дно, наверное, не слишком облагорожено — можно будет пораниться... К тому же, раздевалок нет.

— Я пока купаться не буду, — сказала Никс.

Найк хмыкнул:

— А если солнечный удар? — но тут же поправился: — А, точно, я опять забыл.

— Да, я слегка огнеупорная, — подтвердила Никс. — Можно не бояться.

Сняв обувь, которая здесь только мешала, они пробрались по расколотым бурым камням еще дальше, в следующую небольшую бухту. Выбрав пологий булыжник, Никс разложила на нем все, что принесла. Огляделась по сторонам: люди были далеко. Шанс, что кто-то почует неладное — крайне мал. Ей не терпелось начать. В голове не было какого-то стройного плана или конкретной идеи — хотелось делать по наитию и верилось, что получится.

Она, решаясь, зачерпнула горсть песка. И высыпала обратно, засмотревшись, как Найк стягивает майку. Он, обернувшись, поймал ее взгляд, улыбнулся:

— Ну, я пошел.

Никс смущенно улыбнулась в ответ. Где-то в груди ожило и засветилось теплое, тихое торжество, словно предчувствие чего-то необычайного. Никс тряхнула головой, намереваясь сосредоточиться на предстоящем процессе, пошлепала себя по щекам. Не отвлекаться!

Итак, поехали.

Толчем мел. Какая там пропорция? Ладно, попробуем на глаз. Достаточно ли далеко уплыл Найк? Ага, вон, рассекает кролем, намереваясь, наверное, доплыть до высокого камня вдалеке и забраться на него — значит, звука он не услышит. Никс взяла пивную бутылку и решительно разбила ее о другой камень. Собрала осколки в кучку. То же самое сделала и с зеленой бутылкой. Перемешала мел с песком и содой, положила смесь на ладонь, прикрыла другой и... призвала магию.

Действовать надо было быстро. Впрочем, довольно скоро она нашла подходящий для себя ритм, освоилась с материалом. Что есть искусство, если не структурирование реальности? Не потому ли красив наутилус, что похож на горн и розу одновременно? Ритм, равновесие, нюансировка — чередуем все понемногу, приправляем фактурой, добавляем глубинный смысл — пускай это будет не просто абстрактное скопище пятен, а... парусник, летящий над волнами? Корабль, несущий тысячу перламутровых парусов, с веером острых весел, снасти — словно ажурное кружево. Здесь как раз хватит имеющихся цветов. И как последний штрих — вытянуть тонкую нить и согнуть в петельку, чтобы было, на чем носить этот амулет.

Никс отложила на камень первый получившийся "блин". На ее взгляд он вышел совсем

недурно. Сама бы она не стала такое носить, но она вообще почти не носила украшений, не имея даже проколов в ушах. Но кто-нибудь другой вполне мог бы...

Никс, боясь потерять вдохновение и запал, взялась за дело снова. Из ее рук вышло шипастое солнце с человеческим лицом — зеленые глаза, темно-карамельные геометрические узоры. Солнце показалось Никс менее удачным, но она не знала, как его исправить, потому оставила остывать рядом с парусником.

На что там у нас еще может сгодиться зеленый? Точно! Цветы. Мягкий, пастельный оттенок получившегося светлого стекла подошел как нельзя лучше: фигурные каллы изогнулись в миниатюрном водовороте, сплелись в изящный симметричный узор. Никс снова вытянула и закрепила петельку, повертела кулон в руках, представляя, какая женщина могла бы его носить, и положила на камень к первым двум.

Видно было, что последние цветы сделаны много лучше парусника, но он все равно был хорош.

Никс расплавил еще немного осколков коричневого стекла и вылепила из них плоского котика, выгнувшегося дугой — тонкий хвост, колючие лапы, хитрые зеленые глазища. Петелька. Положить остывать. Придумать что-то еще.

На восьмом амулете-кулоне она наконец заметила, что за ней уже давно наблюдают. Найк выбрался из воды, сидел неподалеку и молчал, зачарованно глядя, как она справляется со стеклом. Судя по мурашкам, ему было немного холодно (на камни напозла тень), но он смотрел, не отрываясь.

— Ну как? — спросила Никс. Ей, по правде говоря, стало неловко: он, получается, видел и неудачные две попытки. Какой позор!

— Это... это очень красиво! — живо ответил Найк. Кажется, он говорил искренне. — А стрекозу сделать можешь? Или махаона?

— Попробую, — серьезно ответила Никс. — Может, даже обоих.

Обмозговав, как бы можно было сопоставить этих насекомых, она принялась за работу. Вскоре, выуженные из бесформенной массы плавленого стекла, зеленобрюхая стрекоза с матовыми желтоватыми крыльями и коричневая бабочка с белыми узорами закружились в танце вокруг перламутрового цветка-звездочки.

— Как у тебя выходит так легко вписывать их в узор? — подивился Найк. — Ты уже что-то такое делала?

— Не, — она покачала головой. — Я вообще выжиганием занималась, ну и так, наброски всякие в тетрадках рисую. Со стеклом работаю впервые. А, из бисера еще плела — но кто не плел?

— Я не плел.

— Ну... — Никс смутилась. — Из пластилина-то хотя бы лепил?

Он оживленно закивал.

— Слушай, цветного стекла осталось мало — хватит еще на пару цветочных кулонов, — она оглянулась по сторонам. — Можешь поискать что-то вроде веревки, каната? Может, на берегу где валяется? Я изначально думала делать эти штуки довольно грубыми, с ракушками, чтобы был этакий нарочито-угловатый стиль, но элегантный в то же время. Конечно, кое-что вышло тонковатым, но, думаю, люди перевесят на что-то более подходящее сами, если купят.

— Ах во-от оно что, — уже понимающе улыбнулся Найк. — Один момент — сейчас я что-нибудь найду. Ну ты даешь!

Никс, довольная похвалой, расплылась в счастливой улыбке. Самой ей казалось, что вышло не очень. Ей бы инструментов побольше, кроме собственных пальцев, пинцета и палочек... Но со стороны виднее, решила она, если, конечно, Найк не врет. Впрочем, врать ему, наверное, незачем.

Он вернулся довольно скоро, действительно неся с собой кусок оборванного каната, какие-то еще тесемки и плоскую, обглоданную волнами и солнцем дощечку.

— А покажи, как ты выжигашь, — попросил он, устраиваясь на камне рядом.

Никс, смущаясь пуще прежнего, приняла деревяшку из его рук. Что же изобразить?.. Гарантированно неплохо у нее выходили плоские линейные лица, и она, молясь, чтобы правый глаз получился симметрично левому, принялась "рисовать", легко прикасаясь к дереву и оставляя на сероватой поверхности темные выжженные следы. Волосы решила сделать стилизованными, узорчатыми, и потому заплела их в косы, перевитые лентами, добавила снизу колких роз, а на фон — раковин и звездочек. На шею нарисовавшейся девушке она надела колье-ошейник, к которому присоединила кулон в форме корабля.

Найк смотрел на нее с восхищением. То на нее, то на дощечку.

— Я пойду теперь поплаваю, — сказала Никс, — займешься тесемками?

— Да, конечно... — он осекся. — Эм... Далеко только не заплывай.

Никс направилась к воде. Она было думала плавать прямо в одежде, купальника-то нет. Но неудобно ведь будет... Решалась она с минуту. Затем мельком оглянулась: Найк, похоже, был полностью занят кулонами и по сторонам не смотрел. Никс, плюнув на всяческую осторожность, решительно стянула сарафан, бросила его на ближайший большой камень, сняла обувь и ступила в воду. Немного потоптавшись на мели, привыкла к температуре, а потом, выйдя на достаточную глубину, нырнула вперед, в густую холодную синь, стремительно оттолкнувшись от дна и вытянувшись по струнке.

Чужое море оказалось более соленым, чем свое, родное, и плавать было даже немного легче. Никс плавно скользила по волнам почти у самой поверхности воды. Замерла, позволив морю держать ее, убаюкивая песнями глубины и криками чаек, закрыла глаза. Солнце проникало сквозь веки, и оттого все вокруг казалось красным.

Чудилось, будто откроешь глаза — увидишь привычный берег, желтые иссушенные холмы, город вдалеке, тонкую песчаную косу...

Но это все в какой-то другой жизни.

Никс, сплавив на глубину, неспешно двинулась назад, к берегу. Выбираться стала, спрятавшись за большим камнем, на который бросила сарафан — впрочем, Найк все равно деликатно отвернулся. Одевшись, Никс выбралась на песок, и, выжимая волосы, подошла к камню в тени, на котором лежали кулоны уже с тесемками, которые были аккуратно расправлены.

— Знаешь, у меня такое впечатление, что они не остывают до конца, — сказал Найк. — Такое может быть? Может быть так, что в них сохранилась часть твоей магии?

— Пожалуй, — Никс взяла шипастое солнышко в руки, глянула на свет. — Но если и так, шлейф будет очень слабый. Не думаю, что кто-то с нас за это спросит.

— Да нет же. Это может быть фишкой, — он явно загорелся идеей. — Что-то вроде "привези домой кусочек лета, запаянный в стекло". Вам, магам, вообще можно такое делать?

— Да оно не должно было так получаться, без золатуни-то, — Никс задумчиво склонила голову вбок.

— Но получилось!

— Ну ладно. Значит, надо пробовать продавать их, когда уже стемнеет и станет прохладней.

— Кстати, как именно ты думала их продавать?

— Об этом я еще не думала, — сказала она, тушуясь. — Ну, может, разложу на тряпочке...

— Погонят, — Найк покачал головой.

— Ну тогда, может... хм...

— Попробуем договориться с кем-то из лоточников, за небольшой процент.

— Во! Это идея. И самим не надо будет стоять. Но... ты думаешь... возьмут?

— Я уверен.

Они отправились обратно не на пароме, а поверху. Подъем на горку был сложным, но Никс справилась. Кое-где приходилось забираться по почти вертикальной лесенке, выдолбленной в камне. Зато, когда они оказались наверху, им открылся вид на Чаячий Ильмен со всеми его заливами, парками, причалами и отдаленными предместьями. Ветер трепал волосы, вздувая подол, море тут и там рассекало следы от катеров и моторных лодок, белые скалы казались ослепительными, хоть солнце уже давно пересекло зенит.

Оказалось, что работа над амулетами заняла прилично времени, и, пока они пробирались по горным тропкам, а затем и по трассе обратно в город, настал теплый вечер цвета корицы и меда.

Поблуждав по тенистым аллеям, снова выбрались на набережную и тут же пристали к какому-то парню-лоточнику, одетому максимально неформально. Он согласился поторговать стеклянными амулетами с наценкой ровно в стоимость каждого, и Никс пришлось срочно придумывать, сколько же денег она хочет за один такой взять. Подсмотрев цену того, что уже лежало на витрине, она выдала что-то усредненное, переживая, что продешевила и одновременно заломила слишком много и никого ее поделки не соблазнят.

Лоточнику пришлось верить на слово, но да невелика потеря, если даже он решит оставить амулеты себе. Жалко будет, конечно, но не смертельно.

Договорившись вернуться к продавцу к девяти, они решили, что пора подкрепиться. Идти в снятый домик совсем не хотелось, поэтому было решено ужинать дешевыми, но сытными пирожками, сидя на скамеечке с видом на море.

Никс, жуя пирожок, понимала с ужасом, что время утекает неумолимо, а вечер лишен романтики совершенно. Казалось бы, чего не хватает? И интересно же: и поездка на пароме, и поход по горбу белой скалы, и атмосфера вокруг царит нарядная, почти праздничная: везде мерцают разноцветные фонарики, море шепчет, люди смеются, нет назойливой музыки, на фоне темного парка крутится сверкающее колесо обозрения...

Никс взглянула на колесо повнимательнее, раздумывая, а не прокатиться ли.

Но передумала: нет, настроение не то.

— Многие приморские города похожи, — произнес Найк. Он пил кофе из бумажного стаканчика, глядя на близкие волны, темно-фиолетовые в сумерках.

— Этот напоминает тебе о доме? — спросила Никс.

— Не знаю, — он нахмурился, выдохнул: — Никс... честно сказать, я не хотел напрягать тебя этими разговорами, все же у нас только один день передышки. По крайней мере, у меня такое впечатление. Хотелось, чтобы сегодня мы могли забыть обо всем, что произошло и еще намеревается быть... Но это все не дает мне покоя, я пытаюсь не думать об этом и все равно срываюсь, — он обернулся к ней. Обернулся и замер, замолчав. Никс,

нахмурившись, ждала, решив его не торопить. Найк глубоко вздохнул, мельком глянул в сторону, потом снова на Никс и наконец произнес: — Так вот... я все хотел спросить. Что это за сила — та, которой твой опекун на меня воздействовал? Что это?

— Он... воздействовал на тебя?

— Да. Именно благодаря этому я тебя и нашел — в определенный момент я увидел путь, какого раньше видеть не мог. Что это было?

Никс задумчиво смотрела на проходящих мимо лавочки людей. Никто не будет подслушивать их — можно и рассказать.

— Ну... История скорее запутанная, чем длинная, — начала она. — Если вкратце — судя по всему, это подарок той самой Мертвари. От нее же, как я теперь понимаю, и моя сила — та, за которой охотятся наши приятели-чтецы. Мертварь — это перевертыш Духа Огня. То, что использует Марик, он сам называет "зажатием струны". Сила мага меняется, эволюционирует, что ли. Может быть, это даже приближает нас немного к возможностям, которые были доступны довоенным волшебникам.

— Угу, — кивнул Найк. — То есть Эль-Марко как бы раскрывает тайный потенциал каждого.

— Ну, не каждого. Кому-то и раскрывать нечего. У тебя вот, оказывается, потайное дно было.

— Да уж... потайное дно. Вообще, столько всего случилось, пока тебя не было.

— Но ты мне почему-то особо не рассказываешь ни о чем — все поверху, — Никс печально вздохнула.

— Я не знаю, как обо всем рассказать, — признался Найк. — Пока мы тебя не вытащили, я был как закрученная пружина, все события казались мне не особо значительными в сравнении с тем, что я должен сделать. Но если так посмотреть... Еще этот твой отец... Рейнхардова ледяная армия... Тот "рой", который... Хм, а чего стоит хотя бы допрос, устроенный Кей — страшный она человек. Да и...

— Ты думаешь, что чтецы охотились за мной не зря? — серьезно спросила Никс. — Я — потенциально опасный маг огня. Рин — разрушил форт, покалечил кучу народу, пускай это преступники и чтецы с множеством тел.

— Не мне судить Рейнхарда. И уж, понятное дело, я не думаю, что чтецы имели право держать тебя в плену. Я не о том. Просто тут, в этой атмосфере, напоминающей о доме, я вспоминаю все произошедшее и многого не могу понять. И я не могу... — он осекся. — Я не уверен, действительно ли вам стоит идти дальше.

— Я тоже не уверена, — честно сказала Никс. — Абельяр говорил, что верит в меня и, мол, знает, что я сделаю все, что возможно, чтобы плохого не допустить. Мол, лучше пойти туда и все вручную решить, настроить, исправить, чем ждать, пока эти самые божества сами чего удумают и натворят. Вылечить, вроде, простуду, а не запускать. К тому же — на кону еще и жизнь Рина. Я не смогу простить себя, если не попробую ему помочь. Не потому что он там какой-то особенный или вроде того — просто потому что не смогу.

— Мы обречены, — произнес Найк с улыбкой.

— Ну, вроде того.

Настроение Никс совсем упало. К тому же, она почувствовала себя черствой скотиной: пока Найк не мог переварить пережитые события, она только и думала о том, как бы подстроить все так, чтобы ситуация сложилась, как в лучших образчиках романтического кино. Бесполезно. Наверное, стоит признать, что ситуация — не та. Люди — те, место —

хорошее, но все равно: не срослось. Еще и ноги она все-таки натерла, пора признать.

— Пойдем домой, — сказала Никс понуро. Поднялась с лавки, стряхнула с подола крошки. — Поздно уже.

— Погоди, сначала же надо кулоны проверить...

— Да фиг с ними, пошли.

— Нет, — Найк решительно покачал головой. — Ты не для того работала. К тому же, они и правда вышли красивыми — нельзя дарить такое первому встречному торговцу с набережной!

Он взял ее за руку и потянул за собой.

— Мы уже и так подарили счита-а-а-й!..

— Еще нет.

— Эй, куда мы идем? — возмутилась Никс, когда они свернули с набережной. Найк все еще держал ее за руку — глупый, дурацкий жест, но от него на душе было уже не так темно. — Тот прилавок в другой стороне!

Найк обернулся к ней, улыбаясь:

— А время еще не пришло, у нас еще час. Я видел, ты смотрела на колесо. Так вот. Мы идем на колесо.

— Уже и посмотреть нельзя!

— Да ладно, все любят кататься на колесе. Или ты боишься высоты?

— Не боюсь. Ну как... чуть-чуть боюсь. В пределах нормы.

Почему на колесе страшней, чем лететь в мороке на огромном расстоянии от цветастой лоскутной земли? Непрерывно вращающаяся громадина из толстых стальных труб, слегка проржавевшая тут и там, скрепленная огромными облупленными болтами, подсвеченная разноцветными лампочками, иногда вздрагивала, и Никс, чувствуя себя совершенно вправо пугаться, судорожно цеплялась за колесо посередине кабинки. На предельной высоте страх отступил, проиграв вчистую панораме города, мерцающего миллионом огней. Море было совсем черным, а над далекими, пологими горами все еще тлела узкая розовая полоса. Никс разыскала взглядом улочку, на которой они поселились, а обернувшись в другую сторону, увидела мыс, за которым спрятался тот самый укромный пляж, куда возит паром.

Высота пошла на спад. Никс, опомнившись, обратила внимание на спутника: Найк сидел, подставив ладонь под щеку, и задумчиво смотрел куда-то вбок. На лице его блуждала мечтательная улыбка. О чем он думает?

Кабинка поравнялась с верхушками деревьев, и сразу стало таинственней и темней.

— Ну как? — спросил Найк, судя по всему, вернувшийся в реальность.

— Как всегда сначала кажется, что очень медленно, а кончается слишком быстро, — призналась Никс.

— Может, еще?

— Не, пойдем уже.

Зазвенела цепочка ограждения, они выгрузились и не спеша пошли по затененному парку обратно к набережной. Поездка и недолгое стояние в очереди обошлись им где-то в полчаса, и чем еще себя занять в оставшееся время, кроме гуляния по набережной, Никс не знала. Танцы шли мимо, детские батуты и гонки на машинках тоже, и вообще...

— О! Тир! — Никс, уже было разочаровавшаяся в местных праздных развлечениях, воспарила духом. — Пойдем в тир!

Найк как-то побледнел.

— Я что-то не то сказала? — испугалась Никс.

— Да нет-нет, все в порядке. Я... просто, я уже слегка настролялся. Ты, если хочешь, иди. Я так, сбоку посмотрю.

— М-м, мне одной не хочется, — сказала она. — Ладно, пошли уже к тому ларьку. Вдруг есть какие-то результаты?

По правде сказать, чем ближе они подходили к тому концу набережной, где Никс оставила свои первые попытки стеклянного рукоделия, тем больше она волновалась. Вариантов исхода мероприятия было полно: и что купят все, и что не купят ничего, и промежуточные вроде того, где лоточник попросту собирает и сваливает прежде, чем они добируются проверить, как все прошло.

Но продавец вместе со своими собственными сувенирами оказался на месте. У прилавка стояли девочки школьного возраста и рассматривали побрякушки.

Никс с Найком подошли ближе, поздоровались, и Никс задала животрепещущий вопрос:

— Ну что?

Продавец изобразил восторженное одобрение:

— Могу вас поздравить. Взяли парусник и деревяшку.

Никс шокированно замерла с открытым ртом.

— Д... де... — попыталась выговорить она.

— Угу, женщине так понравился рисунок, сказала — приеду домой, сразу в рамку и на стену. Если сами делаете — вы подумайте, может, вам шкатулки такие собирать. Только я бы узорчиками больше занялся, люди-то они сложнее, да и не везде пойдут. Цветочки там, ракушки, кораблики — вот это все, сюда за ними едут, собственно.

— Ох. С-спасибо, — все же выговорила Никс, получая на руки пару смятых банкнот и завернутые в пакетик оставшиеся кулоны.

— Можете мне и завтра их принести, — продолжил продавец. — Один за вечер — это весьма недурно, для оригинального дизайна и неизвестного автора — так вполне.

Никс деревянно улыбнулась, прижимая пакетик и деньги к груди:

— Спасибо еще раз. Мы подумаем.

— Приходите! — вслед им напутствовал парень.

Найк, улыбаясь, приобнял ее за плечо:

— Ну что? С почином?

— У-уф... — выдохнула Никс, все еще слегка ошарашенная. — Парусник забрали. А я же его самым первым сделала! Как так? Они б еще солнышко купили — оно, по-моему, хуже всего вышло.

— Ну, порою сложно понять, что людям понравится, а что нет. Мне, например, все понравились.

— И что мне теперь с ними делать? — растерянно спросила Никс. — Нет, я, конечно, не думала, что прям все сразу купят, но... дощечку! Кто-то купил тот быстрый портрет девушки! Довольно кривой, кстати сказать.

— Никс, они действительно очень красивые, — Найк приостановился. — Правду тебе говорю. Поклянусь, если хочешь.

— Ты пристрастен, — сказала она, развернулась и пошла вперед, чтобы он не видел, как она совершенно по-дурацки улыбается.

Внутри и правда ощущался небывалый подъем — будто у нее не один талисман купили, а сразу все. Это было очень странное чувство. Никс понимала, что думать так, наверное, не

очень правильно. И все же, она ничего не могла с собой поделаться: ей казалось, что пускай бы Найк был единственным человеком в целом мире, кому вообще нравятся ее работы, одно это уже сделало бы ее счастливой. Да, пожалуй, этого бы было достаточно, чтобы продолжать и никогда в себе не сомневаться.

Никс развернулась к нему лицом и стала идти задом наперед, раздумывая вслух:

— Итак, на что бы мне спустить мои первые заработанные деньги?

— Твои деньги. Тебе решать. Вроде тебе сумки не хватало днем?..

— Не хочу тратить их на что-то полезное. Хочу отпраздновать. О! — она повела носом в сторону палатки со сладостями. — Яблоки в карамели!

В итоге они наелись еще и сладких яблок, обсыпанных шоколадной крошкой, а потом Никс купила два больших стакана пряного медового глинтвейна.

Из-за белых скал выплыла пузатая луна.

Собственно, вот и все. Больше ничего ей особо не нужно было. Они шли, держась за руки, пили сладкое вино из бумажных стаканчиков, хохотали, болтая о каких-то сущих глупостях, рассказывали истории из жизни, а мимо них пролетала ночь, все еще теплая, будто бы летняя, хотя с моря уже тянуло прохладой.

Никс даже забыла о боли в натертых ступнях — так ей было хорошо и весело.

— Может, я кулоны остальным раздам, как приедут, — заявила она, шествуя по парапету. Так она была с Найком одного роста, даже чуть выше. — Вроде в благодарность за спасение. Осталось как раз семь штук. Правда, надо еще подумать, кому какой — Эль-Марко, например, не любит каллы.

— Вариант, — согласился Найк. — Только знаешь... я вот тут подумал... если тебе удалось запечатать в них немного тепла, смогу ли я сделать то же самое?

— В смысле?

— Смогу ли я своей силы туда запихнуть?

— Ну-у... — Никс стала идти медленнее, задумавшись. — У тебя, я так понимаю, чистая ступень мифа работает в основном, хоть и не ясно, какая именно. Можешь ли ты откопать в себе первую ступень? Если никогда ее не ощущал. Я думаю — почему бы и нет? Но, наверное, это надо как-то хитро медитировать, там, или книжек почитать по теме... Проявляющего зелья нам не достать, так что...

— Ты мне дай их на хранение ненадолго, я в свободное время попробую их погипнотизировать, — сказал Найк решительно. — Вдруг получится?

— Туда б золатуни — дело б быстрее пошло.

— Да где ж ее взять.

— Может, у Камориль с собой есть.

Парапет внезапно закончился. Никс не успела запротестовать — Найк приподнял ее за талию и закружил. Ей осталось только хохотать и смотреть на то, как вращается сверху усыпанное звездами небо, пока у обоих не закружилась голова и Найк не опустил ее рядом с собой на покатый камень. Оказалось, что они уже прошли набережную и остановились возле подъема наверх, к аллее, ведущей в съемный домик.

Никс, отдышавшись, взглянула Найку в глаза. Кто-то сейчас должен был сделать то, что следует, иначе миг будет потерян навсегда. И это было страшно так, что колени подгибались, но у нее не было времени на страх. Она, со все еще сбитым дыханием, уткнулась Найку лбом в плечо и, смотря вниз, заговорила быстро-быстро и отчаянно:

— Слышишь, ты мне теперь тоже очень-очень нравишься. Я совсем не умею о таком

разговаривать, думаю, что, наверное, так неправильно, ни к чему сейчас, но я ничего не могу с собой сделать. Я рада, что встретила тебя, и ты — хороший, может, я ошибаюсь, но сейчас я думаю, что...

Он ласково заставил Никс поднять лицо, стер откуда-то взявшуюся на ее щеке слезу и, помедлив лишь мгновение, поцеловал в губы. Никс никогда не думала, что от такого простого прикосновения может пронзить настолько жарким огнем, а яркая ночь, цветущая вокруг — померкнуть.

Целоваться Никс не умела — совсем. Отвечать ему побоялась, поэтому замерла таким покрасневшим до самых пяток бревнышком, понимая, что вот оно, то, чего она так хотела.

А делать-то дальше что?

Паниковать и бегать кругами хочется, но не вариант.

Поэтому, пускай ее сердце прямо выпрыгивало из груди, она сидела, не шевелясь.

Впрочем, Найк, заметив, что она впала в ступор, отстранился и спросил слегка обеспокоенно:

— Что-то не так?..

— Все... все в порядке. Все очень хорошо. Просто я... — она досадливо закусил губу. — Не знаю, как это делается. Я пробовала на помидорах, как советуют. Но оказалось не очень похоже.

Найк засмеялся. Затем тепло улыбнулся:

— Знаешь, это не самая хитрая наука вообще-то. Ты освоишься. Конечно, это все немного меняет, но ничего страшного.

— Что меняет?! — испугалась Никс.

— Ну, я правильно понимаю... если это твой первый поцелуй, то это значит...

Ей показалось, что она краснеет заново — как бы поверху того, что уже было. Можно ли таким образом стать полностью пунцовой?..

— Если я правильно понимаю, о чем ты... то да. И я планировала разрешить этот вопрос... сегодня, — она закрыла глаза, и выпалила, чувствуя, что собственные слова придавливают ее, как гранитная плита: — ...не без твоей помощи.

Он долго ей не отвечал. Никс приоткрыла один глаз, проверить, вообще, не убежал ли он в ужасе? Найк сидел напротив, задумчивый и серьезный.

— М-м... — протянул он. — Не-а.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду — нет. Не сегодня.

— Но почему? — Никс растерянно нахмурилась. — А если я там умру? Там, куда мы идем. Я не хочу умирать, не попробовав всего, что положено девушкам в моем возрасте!

— Ну, прыгнуть с парашютом ты уже не успеешь. И вообще. Какое "умру"? То есть жизнь Рина для тебя важна, а сама ты готова пойти туда и умереть? И переспать с первым попавшимся парнем на всякий случай?

Никс была крайне возмущена использованным им словом. Это показалось ей отчего-то грубым кощунством. Она скрестила руки на груди и нахохлилась:

— Эй, ты меня воспитывать пытаешься, что ли?

— Ну... да, наверное, — Найк был обезоруживающе прям. — Это, наверное, тоже неправильно — но мне не все равно. И я не хочу так. Словно мы все завтра умрем. Словно у нас есть только один день. Даже если это правда. Я хочу быть с тобой долго — не беспокоясь, что все это скоро закончится. И любить тебя — как ты того заслуживаешь, без

страха, без спешки и привкуса отчаяния, без всей этой дурацкой драмы.

Он сказал "любить тебя". Да, он это сказал. Не так она представляла чье-либо признание в любви — но это случилось. Другие слова отошли на задний план. Забылась боль в натертых ступнях. Все, что было до, и все, что будет после, показалось неважным и далеким, бессильным, несущественным. Никс расслабила плечи, выдохнув — и Найк взял ее за руку. Его пальцы были сухими и шершавыми. Никс смотрела на него, ощущая этот миг особенно остро и выпукло: вот блещут в ночи темные, глубокие карие глаза, золотится контражур растрепанных волос; ветер приносит запах соли и жженого сахара; камень с трещиной порос мхом, он все еще хранит дневное тепло; ночной воздух наоборот прохладен и свеж. И кажется отчего-то, будто все это определенно стоит того, что пришлось преодолеть, чтобы оказаться здесь и сейчас. Награда небес за пережитые несчастья крайне сомнительна, если смотреть со стороны, но для нее — неоценимо дорога.

Никс улыбнулась. Приподнялась и сама поцеловала Найка в губы — повторить усвоенное оказалось легко.

— Да что же ты делаешь, — задыхаясь, проговорил он. — Но тебе меня не одолеть. Я держу себя в руках.

— В руках ты держишь меня, и этим стоит воспользоваться.

Он провел ладонью по ее бедру, пальцы нырнули под ткань сарафана и коснулись талии... затем замерли. Через несколько долгих секунд Найк мягко ее от себя отодвинул и поднялся. Никс смотрела на него снизу вверх, немного с досадой, немного с задором, и с некоторым волнением. Что будет дальше?

— Вставай на камень, — сказал Найк. — И залезай. Наверх тебя понесу.

— Да я и сама дойду.

— А разве босоножки тебе не натерли?

— Я потерплю, — Никс ни в какую не хотела сдаваться.

— Да ладно. Может, я люблю катать девушек на себе?

— Ты пони?

Он повернулся спиной:

— Тяжеловоз. Ну же, давай. Оп!

— Как это по-дурацки, — хохотнула Никс, хватаясь ему за шею. — О! Э-э-эй! Куда ты так быстро пошел!

Он двигался на удивление мягко — это ж какая силища? Ну, она, конечно, была достаточно легкой, но все равно, с таким утяжелением — и в горку? Наверное, со стороны они выглядели как какая-нибудь развеселая подвыпившая парочка. А впрочем, почти так оно и было. Никс, освоившись и перестав опасаться, что Найк ее уронит (вместе с собой), успокоилась, расслабилась и стала наслаждаться моментом. Она даже почти простила ему его упрямый и глупый отказ. Можно подумать, часто девушки такое предлагают!

Возле калитки, ведущей во дворик, Найк поставил ее на землю. Сам остановился чуток отдышаться, поэтому Никс занялась борьбой с заедающим замком.

Потом они еще пили чай, сидя на веранде перед домиком. На исходе вечера Найк рассказал ей про то, как он на самом деле расправился с "роем" чтецов, и Никс поняла, что именно это он хотел, но не смог рассказать ей раньше, там, на берегу моря. И она была благодарна ему за то, что он все-таки рассказал. Потом они долго молчали.

К полуночи легли спать — снова одетыми, устроившись на узкой кровати в позе чайных ложечек. Было жарко, но они все равно лежали очень близко друг к другу. Найк обнимал ее,

и какое-то время она чувствовала, что на самом деле он вовсе не против был бы продолжить начатое, ну или, по крайней мере, его тело весьма красноречиво на это намекало, и это успокаивало и помогало верить, что он ничего не предпринимает действительно только лишь из-за идеологических причин.

Повернувшись к нему лицом и подтянув колени к груди, Никс наконец уснула.

Ирвис аккуратно заполнила отведенное под индекс поле. Почтовый служащий выдал ей в обмен на коробку с посылкой номер для отслеживания отправления и квитанцию об оплате. Она на ходу сложила все в черный клатч. Надо было спешить. У нее оставалось десять минут до наступления официального времени встречи и двадцать — до момента, в который она запланировала действительно появиться.

Этот прибрежный город — Чаячий Ильмен — ей нравился. Она даже задумалась, а не переехать ли сюда потом... а может, попросту тут остаться? Работа для швеи здесь найдется, город достаточно крупный, с налаженной инфраструктурой, судя по объявлениям, которых она уйму просмотрела, когда они снова искали хостел — цены на жилье не кусаются, особенно, если выбирать что-то подальше от моря.

Ирвис сверилась с картой города, поглядела по сторонам: ага, вот нужный перекресток... здесь по узкой улочке наверх, и на углу будет вход в заведение с непроизносимым названием, выбранное вторым участником встречи явно для пущей секретности. Ирвис перешла оживленную дорогу и принялась подниматься по нагретым солнцем ступеням, снова поправляя деловой пиджак: она начинала нервничать.

Внешний вид Ирвис сейчас не вызвал бы ни у кого никаких нареканий — все в ее наряде было хорошо, она сама себе нравилась и, что касается этой части предприятия — тут беспокоиться было не о чем. Намедни Камориль Тар-Йер сопровождал ее в походе по магазинам, являясь также добровольным спонсором, и они вместе выбрали ей приличный костюм, призванный создать нужное впечатление у того, с кем ей предстоит беседа. Манерный, молодящийся некромант был крайне мил, ревнуя к ней своего бестолкового простоватого друга, и Ирвис, внутренне потешаясь, вполне оценила то, как любезен был с ней Камориль. Впрочем, оба — и рыжий, и некромант — были прелесть, как хороши, но ей никак не хотелось тогда вовлекаться в их занимательную игру.

Но это пустое, это их дело, как там они строят свои отношения. Купленный некромантом костюм сидит отлично, бежевые туфли визуально удлиняют ноги, клатч органично подходит ко всему остальному. Значит, осталось лишь не ударить в грязь лицом в самой беседе.

Ирвис толкнула от себя большую стеклянную дверь и разом попала из раскаленной жаркой улицы в голубую прохладу просторного ресторанный зала. На секунду ей пришлось прикрыть глаза, прогоняя воспоминание о роковом ужине в Тасарос-Фессе. Тогда она и думать не могла, что от оставшихся после подвала шрамов удастся когда-нибудь избавиться. Целитель, честь ему и хвала, не стал отмахиваться пассажирами про уроки судьбы и помог Ирвис шрамы убрать, так что руки у нее теперь как новые. Но память... память о Тасарос-Фессе осталась.

Ирвис отметила, что хоть заведение выбрано явно недешевое и уровень примерно тот же, здешнее убранство куда более изысканно. Наверное, это лучшее, что смог найти в Чаячем Ильмене тот, кто дожидается ее внутри.

Ирвис, припомнив данное Кей описание, оглянулась по сторонам. В этот момент к ней подошел официант и спросил что-то.

— Эм, что-что? — переспросила она.

— У вас заказан столик? — прилежно повторил официант.

— Эм-м... меня здесь ждут.

— Ирвис Вандерфальк?

Она кивнула.

— Тогда вам по лестнице наверх, — он повел рукой, показывая, куда ей идти.

Ирвис прошла через полупустой зал, сверкающий матовыми стеклянными панелями, и, придерживаясь за перила, ступила на стеклянную же винтовую лестницу. Подъем вывел ее на мансарду с просторными окнами в каждой из четырех покатых стен. Все столики, кроме одного, пустовали. Мужчина в черном деловом костюме поднялся, когда она подошла ближе, широко улыбнулся и протянул руку:

— Ян Фредек, приятно познакомиться, — он несильно сжал ее пальцы и энергично затряс ладонью. — Присаживайтесь, госпожа Вандерфальк, располагайтесь, почувствуйте себя как дома. Полагаю, нам предстоит долгий разговор. Или управимся быстро? В любом случае, мы арендовали верхний зал на весь день, так что спешить некуда. И да, я благодарен вам за пунктуальность.

Ирвис сдержанно улыбнулась, садясь. Сцепила руки перед собой.

— Вы голодны? Хотите что-нибудь заказать? — учтиво поинтересовался Ян.

Ирвис, снова вспомнив Тасарос-Фесс, сдержанно ответила:

— От кофе, пожалуй, не откажусь.

— Официант! — Ян помахал кому-то за ее спиной.

Какое-то время заняла бестолковая возня: подходил официант, Ирвис выбирала стакан побольше и сироп послаще, Ян заказал себе кувшин травяной настойки. За эти несколько минут Ирвис успела порассматривать собеседника краем глаза, попутно пытаясь понять, как именно с ним следует разговаривать. Кей описывала его слегка иначе — очевидно, она знает его по более неформальной обстановке, и это понятно. Итак, у нас мужчина за тридцать. Помятый жизнью, но изначально слепленный на славу, хоть и грубовато. Бледные мелкие шрамы на лице совсем его не портят, как и светлые, пшеничные волосы, зачесанные на косой пробор. Так что ж с ним не так? Точно, все дело в костюме. Черный пиджак сидит хорошо — а это редкость, мало где встретишь точно подогнанный пиджак — но видно, что Ян чувствует себя в такой официальной одежде скованно. Это кажется немного трогательным и смягчает образ. Ну, могло быть и хуже. Ирвис почти уже привыкла к нему, настроилась на нужный лад. А с теми, к кому привыкла, она могла разговаривать хладнокровно.

— Итак, пока нам все несут, разрешите приступить к тому, ради чего мы здесь сегодня собрались, — прочистив горло, начал Ян. — Со своей стороны я, приехав сюда и встречаясь с вами наедине, демонстрирую свою добрую волю и пытаюсь уверить вас в том, что наши намерения не включают в себя какой-либо агрессии по отношению к вам.

Ирв мягко улыбнулась и ничего не сказала.

— Вы, выступая парламентом между нашими, гкхм, сторонами, также демонстрируете вашу готовность идти на диалог.

— Все верно, — кивнула Ир. — Я буду говорить от лица Рейнхарда Майерса и Николы Рэбел.

— Заметьте, я не прошу вас раскрыть нам их местонахождение.

— Я заметила, — она слегка подалась вперед. — Ладно, любезный Ян, давайте без обиняков: какую информацию вы хотели нам сообщить, для чего секретность и те

вооруженные поглощающие на соседних крышах? Впрочем, зачем секретность я понимаю. Кажется, дело приняло крайне серьезный оборот.

Ян улыбнулся:

— Верно. Я удивлен, что вы заметили охрану.

— Я маг, знаете ли.

— Вы — элементалист воздуха, проживающий... проживавший по известному адресу по поддельным документам и незаконно иммигрировавший...

— Какое это имеет отношение к сути нашей встречи?

— Вы правы, никакого. Простите, слегка волнуюсь.

Ирвис хотела было что-то ответить, но не стала, лишь пораженно вскинув брови. Он явно издевается. Что ж, тем интересней, что будет дальше.

— Итак, — продолжил Ян, когда ему принесли настойку, а Ирвис — кофе с корицей и кедровым сиропом, — ситуация следующая. Наблюдатель Рейнхарда Майерса Катерина Берса выполняет свои обязанности и наблюдает объект. Не прошедшая ритуал элементалист огня Никола Рэбел присутствует там же. Кроме этого, вам помогают внегильдейские маги Камориль Тар-Йер и Эль-Марко Кападастер, электрический элементалист Аристарх Одиш и гражданский Тихомир Одиш, его брат, а также наш любимый особый случай — антропоморфная химера Мйар Вирамайна. На данный момент мы можем определить местоположение элементалистов Майерса и Рэбел с целью задержания. Кн.игло.лю.б. нет

— Тут должно быть какое-то "но"? — Ирвис отхлебнула кофе.

— Как сказать. Суть в том, что я, со своей стороны, говорю не только от лица гильдии поглощающих, но и от лица гильдии элементалистов и некромантов.

Ирвис чуть кофе не подавилась.

— Кроме этого, у нас есть поддержка со стороны церкви. Часть жрецов Потерянного считает, что нам необходимо оказать вам всю возможную помощь и поддержку.

Ирвис поставила пузатую чашку с кофе на блюдце, не сразу попав в серединку. Подняла взгляд на Яна:

— А вот отсюда можно поподробнее?

— Собственно, за этим я вас сюда и позвал. Вы верно все рассудили: если бы мы хотели задержать вас, вы бы попросту не вышли на связь в означенное время, и Майерс с Рэбел тут же отбыли бы в неизвестном направлении, оставив с носом и наши гильдии, и противостоящие нам (и вам) гильдии чтецов и целителей.

— Это вам Кей рассказала? — Ирвис фальшиво улыбнулась.

— Нет, это я сам додумался, — так же поддельно ласково ответил Ян.

— Меня будет кому спасать, в случае чего, — убрав улыбку, сказала Ир.

— Этого не понадобится, — "шеф" Кей приподнял рюмку с настойкой. В прозрачной зеленоватой жидкости плавали темные хлопья. Ян осушил ее разом и не поморщился. — Мы на вашей стороне.

— Потрудитесь объяснить, — мягко потребовала Ирвис.

— Я к этому и веду. С чего б начать...

— Начните с начала — выберите классику.

— Хорошо, — он секунду поколебался и, налив себе еще, предложил настойки Ирвис. Та отказалась. — Итак, всем ясно, что вариант с пропажей Майерса и Рэбел был бы относительно выгоден чтецам и целителям. Все же они желают держать марку и радеют за репутацию магов, как таковую. Но проверить все тихо и быстро у них уже не вышло. Некто,

назовем это так, устроил погром в колонии Нок-Лойр. На утро управляющим колонии удалось навести там какое-то подобие порядка — но. Многие заключенные были травмированы, имеются (в количестве) неопознанные трупы не из числа "постояльцев". Прибывшие на место полиция и несколько армейских подразделений вмиг определили, что магией там разит — мама не горюй, и тут уж нас привлекли официально. Расследование все еще длится. В лесах вокруг колонии были найдены огненные элементаристки в количестве пятидесяти человек — разбившись на отряды, они пытались выйти к магистралям и добраться до ближайших городов. Еще сорок восемь девочек-элементаристок нашлись в самой колонии — они прятались на нижних ярусах. Девять элементаристок не вышли из искусственной комы и сейчас их состояние крайне нестабильно. Те, что в сознании и желают говорить, дают показания. Они обвиняют гильдию чтецов, целителей и церковь. Мы совместно с полицией предоставили им убежище. С ними работают врачи и психологи. Официальные представители чтецов и целителей отрицают свою причастность. Официальная церковь Потерянного так же все отрицает.

— Погодите, но вы же говорили, что церковь хочет нам... вам... короче, помочь? — переспросила Ирвис.

Ян кивнул:

— Это крайне опасная и секретная информация. Нет, это мои домыслы. Да, пускай будет так. Словом, произошедшие события могут спровоцировать раскол церкви, так как замес куда более глубокий и крапчатый, чем этот инцидент в Нок-Лойре.

— Я уже слегка запуталась, — призналась Ирвис.

— А представьте, каково мне — собирать все это по крупицам, читать не всегда стилистически красивые отчеты моих веселых подчиненных?..

— Это ваша работа, — Ирвис сдержанно улыбнулась. Глянула на остывающий кофе. Что-то ей сладкого перехотелось. Она подняла глаза на Яна. — Ладно. Итак, поглощающие официально вступили в... это все. Вы, говоря кроме прочего от лица гильдий некромантов и элементаристов, предлагаете нам помощь.

— Так точно. Мы предлагаем вам помощь в достижении вашей конечной цели — озера Явер.

— Вами должно что-то руководить, какие-то соображения. Почему вы — "за" нас? — Ирвис прищурилась. — Поймите меня тоже: я не верю в бессеребрянников, добрую волю и в филантропию людей, обладающих властью, подобной вашей. Должна быть причина.

Ян вдруг лучезарно улыбнулся, поводитил перед своим носом рюмкой с настойкой, и прежде чем выпить слегка игриво спросил:

— А вы почему помогаете этим балбесам, Ирвис? Какова ваша... причина?

Вот это вопрос. Нет, понятно, почему он спрашивает. Но... неужели он знает?..

Ирвис постаралась сделать так, чтобы на ее лице не шевельнулся ни один мускул.

— Вы очень красивая молодая женщина, — продолжил Ян. Поправился: — Девушка. Если бы не все это — никто бы не вспомнил о вашем гражданстве и прочих мелочах, — он улыбался уже неприкрыто хищно. — Да, ваш съемный дом сгорел, вы столкнулись с особым церковным отделом. Но ведь люди вроде вас в таких ситуациях обычно... просто идут дальше.

— Убегают, вы хотите сказать, — Ирвис снова смогла ему улыбнуться. — Все верно. И я убежала — вместе с Рейнхардом, которого знаю уже пять лет, знаю его недостатки и плюсы, знаю, в каких вопросах я могу ему доверять.

— А после, освоившись и оправившись, вы просто стали помогать тем, кто помог вам, — продолжил за нее Ян, понятливо кивая.

— Верно, — покладисто ответила Ирвис. — Так, со мной разобрались. Может, и вы ответите на мой вопрос? Почему поглощающие, элементалисты и некроманты хотят, чтобы Рин с Никс сумели сделать то, что от них ожидает... ну, вы понимаете, кто. Какой вам всем от этого прок?

— Я буду честен, — Ян выпрямился, сложил руки замком. — Мы долго дискутировали об этом с нынешней главой гильдии некромантов, госпожой Мирией Кервентум, и с господином Теодором Мельдо, если вы знаете такого — он был избран главой гильдии элементалистов в начале лета. И все бы закончилось ничем, если бы Теодор не предоставил нам кое-каких документов. Кроме того, Теодор утверждает, что пророчество, на котором основываются домыслы чтецов, было... как бы так выразиться... заказным, и его история значима так же, как его содержание.

Ирвис уже несколько раз пожалела, что вызвалась идти на беседу с этим человеком, но после таких откровений решила, что оно того стоило. Ситуация вырисовывалась все более интересная.

— Заказным? — уточнила она.

— Верно. Теодор рассказал, что, согласно архивным записям, когда стало известно о грядущей гибели гильдии пророков, все остальные лидеры гильдий забеспокоились. Тогдашний глава элементалистов заказал пророчество, описывающее судьбу его коллег. Но что-то пошло не так. Сначала глава еще не распущенной гильдии пророков долго избегал тогдашнего руководителя элементалистов, а когда был приперт к стенке... заявил, что пророчество вышло чуть более серьезным, чем заказывали, и чуть менее... м-м... — Ян запнулся, подбирая слово, — чуть менее классическим в своем исполнении. Обычно-то пророчества короткие — пара слов, трактуй как хочешь. А тут, мол, целая песнь. О чем? Да вроде как о том, что судьба гильдии элементалистов напрямую влияет на все... на все в целом. Хотя, казалось бы, так и должно быть: все мы — часть этого мира, разве нет? Теодор утверждает, что лидер пророков, испугавшись открывшегося им, решил не отдавать готовое заказное пророчество элементалистам — по крайней мере целиком. Элементалистам он открыл только две строки. Остальное зашифровал и спрятал подальше. Я не знаю, почему они просто не уничтожили его, почему они... — Ян вздохнул. — Словом, основное пророчество попало к чтецам, и те интерпретировали его, как сумели. Теодор считает, что интерпретация неверна, потому что у чтецов нет тех строк, что есть у элементалистов. К тому же, Теодор думает, что к делу имеет отношение еще и ритуал, который проходят элементалисты огня и льда, а он секретен. Этот секрет охраняется настолько тщательно, что, как уверен Тео, ни один чтец не может знать, в чем состоит суть. Да, чтецы впаивают элементалистам специальную информацию на случай форс-мажора, согласно Заповеди, но это происходит до ритуала. А потому ни один чтец, будь он хоть семи пядей во лбу и имей он хоть сто базовых личностей в одном рое, не может утверждать, что поход избранных огненного и ледяного магов к озеру Явер и дальше напрямую угрожает мирозданию немедленным крахом.

Ирвис хохотнула в кулак.

— Что такое? — насторожился Ян.

— Да ничего, простите. Я просто... слишком много общалась с людьми, далекими от проклятья. Ну, понимаете, с теми, кто ни в жизнь не произнесет ничего о волшебстве и

пророчествах. Да. Я о тех, кто предпочитает игнорировать нас, будто нас нет. Привыкаешь, знаете ли. Поэтому мне немного странно слушать ваш рассказ. Но я слушаю внимательно, — Ирвис посерьезнела. — Так что за документы показал вам Теодор? Там был полный текст пророчества или тот кусок, что знают элементалисты?

— Полный текст — нет, наши агенты работают над этим, — сообщил Ян. — Свою часть пророчества Теодор озвучивать пока отказывается. Мне даже кажется, будто он им слегка смущен... Что же касается документов... — Ян замолк, затем пристально взглянул на Ирвис: — В документах описывается ритуал элементалистов. Возможно, вы знаете о замене зерна?

— Слышала, — кивнула Ирвис.

— Вам никогда не казалось это... странным? Искусственным, что ли?

Ирвис задумалась. Он был прав — пожалуй. Конечно, многое в жизни кажется порою бессмысленным. Но у замены зерна, вроде бы, была совершенно определенная цель — натуральное зерно, не выдерживая предельной мощи огненной или ледяной магии, крошилось или плавилось, и поэтому его заменяли искусственным, выкованным, закаленным в специальных условиях в Кузнице Сердец. Ритуал проходили только маги огня и льда. Элементалистов всех других направлений это не касалось, хотя натуральное зерно имелось у каждого — мутация, мол, смиритесь и запомните, вы — не совсем люди... Ирвис сумела об этом забыть. Но Ян Фредек напомнил.

— А как же живут дикие племена, дети, у которых проклятье попросту не выявили? — продолжил он.

— Дети — огненные и ледяные?

Ян кивнул.

— Полагаю, рано или поздно их зерно крошится, и они погибают, — проговорила Ирвис задумчиво. — Но знаете... я все же не могу кое-чего понять. Вот мне известно, что и зачем делают на ритуале. Хотя я не огненный элементалист. И не высокопоставленный какой-то деятель. Мне просто Рин по пьяни разболтал. А вы утверждаете, что чтецы не в курсе сути ритуала. Я не понимаю. С их возможностями?.. Они что, не знают о замене зерна? А если б узнали — как это бы повлияло на их чтение того пророчества?

— В этом, собственно, и суть, — довольно кивнул Ян. — Конечно, они знают о замене зерна. Но им наверняка неизвестна истинная цель этого действия, корежащего психику юных элементалистов уже несчетное количество... лет? Веков? Тысячелетие? Неважно.

— К чему вы клоните?

— К тому, что Теодор, имея на руках эти документы, элемент пророчества и кое-какие прочие изыскания гильдии, считает, что, если Никс исполнит предначертанное, производить ритуал более не понадобится. И все. Катастрофы не будет.

— Хм, предположим, — серьезно произнесла Ирвис. — Пускай я не до конца понимаю. То есть таков интерес этого Теодора, и он представляет элементалистов. Странно, меня вот, например, никто не спрашивал... Ну да ладно. А некроманты что?

— Мирия одобряет идею экспедиции в морок во плоти и гарантирует контроль ваших действий. Она предложила собрать коллегию из представителей всех гильдий, плюс жрец Потерянного, и отправить их вместе с Майерсом и Рэбел. Гильдия некромантов поддерживает такого рода изыскания. Они заинтересованы в инновациях и изучении истории магии. Вот такие они... эти наши некроманты.

— Итого, элементалисты и некроманты — за, чтецы и целители — против, церковь разделилась. А вы — что? — напрямик спросила Ирвис. — Вы поддерживаете первых?

Почему?

— Мне сложно ответить на этот вопрос, — произнес Ян, помедлив. — Поверите ли вы мне, если я скажу, что причина есть? Но я бы предпочел ее не озвучивать.

— Вы же понимаете, что я буду говорить с ребятами, и я должна буду им объяснить, почему им стоит принять вашу помощь. Почему нам следует вам доверять? Пока что наиболее достойной доверия мне видится позиция некромантов — я вполне могу их понять и поверить в такое. С элементалистами что-то мутное. С поглощающими — вы вообще не аргументировали свою позицию никак. Разве не должны вы стремиться защищать людей от магических бесчинств? Согласно пророчеству, поход Никс и Рина в морок грозит всему существу стремительным коллапсом — и вы согласны помочь им устроить это путешествие?

Ирвис почувствовала, что уже очень устала от этой беседы. Голова начинала раскалываться.

— Давайте так, — Ян, по всей видимости, тоже уже слегка утомился. — Вот есть мое слово: мы предлагаем помощь. Вот есть обстоятельства: смотрите, это фотографии с места, могу и прямую трансляцию включить, если вы боитесь подделки, — Ян подвинул к Ирвис черную папку.

Ирвис открыла ее и бегло ознакомилась с содержимым.

— Что это? — спросила она, разглядывая фотографии.

— Это озеро Явер. Сейчас оно не особо озеро — сейчас это группа озер. Но в тех краях уже сегодня идут дожди. Через несколько дней мелкие озера соединятся в одно — это и будет "колыбель жизни", в сердце которой вашим друзьям нужно будет попасть. Но уже на этих фото вот тут, тут и на следующих двух вы можете увидеть развернутые мобильные лагеря противника. Если Мирии не удастся договориться с чтецами и целителями о совместном сопровождении Рэбел и Майерса в морок, возможно вооруженное противостояние.

Ирвис хмуро проговорила:

— И тут встанет вопрос: на чьей стороне будет армия?

— Чтецы будут заседать на правительство, требовать боевой поддержки. Но вооруженный конфликт с участием магов, учитывая последнюю последовательную политику умалчивания нашего существования и здравствования, правительству ни к чему. Что бы ни случилось в болотах Явера — они будут молчать, и даже если кому-то помогут, широкая общественность не узнает. Конечно, будет бой — будет встряска. Возможно, информация просочится. А то они уже сами поверили в свою ложь. Эти лицемерные твари не воспринимают нас всерьез, даже опасения чтецов кажутся им пустыми и не стоящими внимания. Они забыли о том, что собой представляют маги, если их много.

Ирвис прищурилась: неужели он... проболтался? Не может такой человек проболтаться случайно. Он слил ей причину, подложил повод поглощающим вмешаться — мол, чтобы люди вспомнили, как маги опасны, пускай ценой бойни... Вроде как поглощающим выгодно вооруженное столкновение, чтобы еще больше прижучить остальных магов? Или напомнить, что чернодыры не зря едят свой хлеб? Хорошо. В это почти можно поверить. Но как-то это слишком просто.

Ирвис все же не стала спрашивать напрямик.

— То есть, судя по фотографиям и вашим словам... — проговорила она, — мы просто-напросто вынуждены принять вашу помощь. Так как самих по себе нас сомнут. Найдут, вычислят и сомнут.

— Да, — просто ответил Ян.

— Даже с ледяной армией Рейнхарда.

— Ну, если только его армия будет раз в пять побольше, чем при Нок-Лойр, — Ян вскинул брови, — и с поддержкой с воздуха.

— Серьезно?

— Вы сами понимаете, что ночная осада колонии и попытки пробраться в сердце Явера, где вас уже ждут — разные вещи, и не всякая магия остановит пулю.

— Я не стратег, — честно призналась Ирвис, — и я не представляю даже, как пулю может остановить не магия, а другая пуля. Мне кажется, не может. Но вы, полагаю, знаете, что говорите, и помощь предлагаете не зря. В целом... пожалуй, я все поняла.

— Отлично, — Ян улыбнулся. — Что ж... вы уже уходите?

— Мой кофе давно остыл, — сказала Ирвис, поднимаясь. — Надеюсь, я могу рассчитывать на отсутствие слежки?

— Конечно, — Ян тоже поднялся. — Никакой слежки. Только охрана. Наши люди проведут вас до того места, где вы встретитесь с Катериной. Дальше уже ее работа.

Ирвис прихватила черную папку с собой:

— Не возражаете?

Ян развел руками.

— Всего хорошего, — Ирвис развернулась и проследовала к стеклянной лестнице.

Ей отчего-то казалось, что прошел не час — а семь часов. Она была выжата до предела.

Выйдя на улицу, она сняла каблуки и пошла по мостовой босиком.

Кей сразу засекла двоих коллег, "ведущих" Ирвис. Кивнула одному, отлипла от стены в теньке и пристроилась сбоку от Ир, идущей в общем людском потоке, приноровилась к ее шагу и спросила:

— Ну, как прошло?

Ирвис не вздрогнула — видимо, ожидала чего-то такого. Она склонила голову вбок и замучено глянула на Кей снизу вверх:

— Ты меня простишь, если я не стану по двадцать раз все пересказывать? Давай дойдем до дома, и я уже один раз всем все расскажу. У меня от этого твоего шефа голова болит.

— Ладно, — быстро согласилась Кей. — Но мне все равно любопытно...

— Давай лучше поговорим о мальчиках, — внезапно сказала Ирвис, когда они завернули за угол и вышли на менее оживленную улицу, затененную, узкую, ведущую вниз, к береговой линии.

Кей немного напряглась: как-то не этого ждешь от товарища, побывавшего на аудиенции с твоим довольно-таки строгим в некоторых вопросах начальником.

— Чего это у тебя брови зашевелились? — Ирвис уставилась на Кей с многозначительным прищуром.

Та аж плечами передернула:

— Да, знаешь ли, что о них говорить-то...

— А меня расслабляет, — Ирвис потянулась, встряхнула головой. — Так этот Ян — он женат?

Кей выдохнула — она-то уже испугалась, что Ирвис спросит про Рейнхарда.

Ей вообще казалось, что все уже в курсе. Может, так оно и было — в отличие от нее, этот бесстыдный нахал, кажется, совсем не думал прятаться, он мог прямо при всех взять ее

за локоть — и поди сделай вид, что это случайно и вообще, спасибо, друг, что помог не поскользнуться на банановой кожуре! Казалось даже, что он это специально. А потом смотри в эти честные-честные глаза, обещающие больше так не делать!

Вспомнив о заданном Ирвис вопросе, Кей поспешно ответила:

— Ян холост. Точнее, разведен. Подробностей я не знаю, но, кажется, с бывшей они расстались друзьями, и та все еще иногда оставляет ему свою собаку, когда уезжает.

— Поня-ятненько, — протянула Ир.

Они стали спускаться по неширокой лестнице с белыми балясинами, ведущей мимо засаженных хризантемами клумб на следующую кривую улочку.

— А Ян тебе что, приглянулся? — уточнила Кей. — По мне так староват.

— А мне всегда нравились мужчины постарше, — ответила Ир, вскинув тонкие брови. — А что? Карьера, внешность, ум — все при нем. Конечно, глянуть бы еще на него в менее официальной обстановке. Ну и если за ним какой грешок есть, кроме того, что он ваш шеф, — ты ж мне расскажешь?

Кей хохотнула, вспомнив любимый Янов свитер с оленями — совершенно сумасшедший, зелено-красный, вызывающий рябь в глазах и ненавидимый всем отделом.

— Что? Уже что-то вспомнила?

— Да так, — она отмахнулась. — Вообще, знаешь... мало кто из магов серьезно станет рассматривать поглощающего как потенциального партнера. Вот я и удивлена слегка, что шеф тебе приглянулся.

— Да не приглянулся, — Ирвис вздохнула, — это я так. Пока что он скучноват, как по мне. Но ведь в жизни всякое бывает. Верно?

И она сверкнула из-за темно-фиолетовой прядки хитрым черным глазом, и тут уже Кей окончательно убедилась, что эта плутовка знает все.

— Если ты захочешь поговорить со мной о чем-то — я всегда к твоим услугам, — многозначительно добавила Ирвис, тем самым окончательно добивая Кей.

Кей попыталась сделать лицо клинического идиота:

— Т-ты э-это о чем?

— Ну... — протянула Ирвис, отрывая листочек с проплывшего мимо кустика. — Сложно не заметить.

Она дыхнула на листок и приклеила его себе на лоб, остановилась, посмотрела на Кей:

— Не нужно иметь третий глаз, чтобы видеть, как между вами проскакивают такие разряды электричества, что впору покупать антистатический спрей.

Листочек отклеился и спланировал на асфальт, подхваченный ветерком. Кей сглотнула, чувствуя, что краснеет — бесповоротно, предательски, самым очевидным и натуральным образом.

— Пойдем-пойдем, — Ирвис потянула ее за край футболки. — О, смотри! Может, по мороженому? Ой, — она прикрыла рот ладонью, стараясь не рассмеяться.

У всех магов кроме официальных гильдейских названий были прозвища, и ледяных иногда называли "мороженками". Ир не могла не знать.

— Ирвис, ты надо мной издеваешься!

— Нет же. Правда. Про мороженое я случайно. Эти рожки — они вкусные, — Ирвис проводила взглядом лоток. — У меня и мысли не было... намекать, я же уже прямо спрашиваю! Не могу, короче, до конца понять характер ваших отношений, — она посерьезнела. — Вижу — но не понимаю. Как это получилось? Ведь ты же знаешь. Рин —

он... ну... он как опасное, дикое животное.

Кей ничего не оставалось, как полностью с ней согласиться:

— Знаю.

— Он беспринципен, вероломен и эгоистичен.

В груди что-то кольнуло — стало обидно. За себя, за то, что Ирвис думает, будто Кей забыла. Не забыла.

— Он...

— ... кроме того, что хороший друг, — добавила Ир.

— Ты во всем права, — произнесла Кей, стараясь на нее не смотреть. За деревьями голубело море — и Кей притворилась, что высматривает вдалеке тяжелые грузовые суда.

— Так что между вами происходит? — прямо спросила Ир.

Кей все же взглянула на нее:

— Мы... ну... как это у людей называется? На первой стадии? Ступени? Базе? Как там это говорят?

— То есть ты все-таки попалась.

— Ир, я... — она вздохнула. — Думаю, мне это ничем особо не грозит. Даже если вдруг что — я справлюсь.

Они какое-то время молча шли по тенистой аллее, и Кей думала о том, не врет ли самой себе.

— Знаешь, я немного удивлена, — призналась Ирвис.

— Мной?

— Нет, ты-то ладно, я тебя понимаю. Я удивлена, что он не идет дальше. То есть вы только целуетесь, и все?

— Вроде того, — ответила Кей, снова чувствуя необъяснимый и липкий стыд.

— Занятно.

— Пожалуй. Но именно поэтому я и... не слишком паникую. Все истории, что я о нем слышала, повествуют о быстром, легком, стремительном разрешении ситуации, мол, ни смысла, ни начала, ни развязки, и да, наивно было бы думать, что со мной-то такого не произойдет, но ведь пока что... пока что не происходит.

— Я понимаю, — серьезно кивнула Ир. — Классика. Читала такой роман в выпускном классе.

Кей воззрилась на нее недоуменно, и Ир поспешила объяснить:

— Приятно мечтать о том, что ты станешь той, кто изменит его. Любовь, все дела. Но ведь ты понимаешь, что это не так. Ты не сможешь его изменить.

— Я знаю, — сказала Кей. На сердце ее стало пусто и холодно, его в мгновение заполнила морозная черная тишина. — У меня уже есть опыт. Я видела что-то подобное и пыталась "менять". Я знаю, что это не работает. Конечно, у дураков вроде меня надежда имеет свойство возрождаться, даже будучи растоптанной в пыль. Дурацкая, неистребимая надежда на... чудо, что ли? Да, я поглощающий, но я — человек. Нам это свойственно, знаешь ли. И вот, наверное, я продолжаю это, потому что надеюсь, что... может быть... Нет, не так. Я надеюсь, что я не ошибаюсь в том, что вижу. А вижу я, что произошедшее повлияло на Рейни. Еще не понимаю, как, но знаю, что он теперь... немного другой. Это какое-то странное внутреннее ощущение, словно я что-то знаю, но забыла. Я не уверена, правильно ли это, но все равно будто бы готова увидеть чудо, если вдруг оно соизволит произойти. И это в моем-то возрасте. Господи, Ир, как ты смогла раскрутить меня на этот дурной разговор?

Она улыбнулась:

— Не благодари. А что насчет "изменился" — пускай это будет правдой.

До домика у самой воды оставалось уже немного. Кей пребывала в раздраенных чувствах — она действительно ощущала благодарность Ирвис и в то же время слегка опасалась. Одно дело — видеть взгляды и догадываться, другое — знать. Кей не понимала, почему именно ей так страшно, почему ей стыдно за этот разговор.

Конечно, лучше бы было молчать, но Ир не из тех, кто станет этой информацией манипулировать.

Что-то тут не так. Что-то она упускает.

И сейчас, когда они придут... Не о том надо думать, не о том!

Но мысли текли в совершенно определенном направлении.

Кей очень хорошо помнила, как началось это сумасшествие. Тогда, в Половинчатом Замке-с-Трещиной, спустившись вниз, они с Рином нашли в каминном зале спящего на лавке Аристарха — и все. Решили не трогать. Предложение шефа могло подождать до утра.

Но ни до утра, ни до возвращения домой не смог и не стал ждать Рейнхард. Он притянул Кей к себе, когда они поднимались вверх, и терзал поцелуями, умелыми, смелыми, горячими, словно не мог никак ими насытиться. Это было восхитительно неправильно. Кей задыхалась от этого жара, зарывалась пальцами в его волосы, когда он целовал ей живот, податливо гнулась в его руках, чувствуя себя легкой, тонкой, и если не счастливой — то будто бы замершей на краю крыши высотного здания, будто бы под нею — бездна, а она смотрит вниз и ничего на свете не боится.

Рин, распаленный, расхристанный, улыбался лукаво, будто специально не касаясь груди и не опускаясь ниже ремня. Он будто проверял, на что способны одни его поцелуи. Кей тогда толкнула его в грудь: хватит. Он сдержанно улыбнулся, вполне удовлетворенный тем, что получил, и не стал мешать ей, когда она, на ходу поправляя футболку, скрылась в своей комнате.

Сползла по двери на пол, закрыв лицо руками. Смотрела в темноту. Качала головой, задавалась вопросами, не имеющими ответов и...

С тех пор он трижды не упускал возможности воспользоваться моментом: по пути в Чаячий Ильмен, когда они остановились в придорожном мотеле, в узком коридоре возле уборной в ресторане, и последний раз — на крыше дома, что они здесь сняли. Кей казалось, что все знают о том, что происходит между ними. Каждый взгляд вызывал подозрение. Рин, не особо скрываясь, часто смотрел на нее при других так, словно готов не то что раздеть, но и сожрать с потрохами. Неудивительно, что Ирвис не выдержала и стала задавать вопросы.

Это сумасшествие пора прекращать. Да, пора. Не думать о том, что надо бы прекращать, а брать и делать. Ни к чему хорошему это не приведет. И понятно, почему не хочется — все-таки, он безумно ловок в своем деле и будто бы для соблазнения создан — но надо.

Когда они с Ирвис прошли в снятый дом и поднялись на второй этаж, в гостиную, там их уже ждали Рин и Эль-Марко.

Остальные разбрелись по дому, довольно обширному, стоит признать. Некромант средств не жалел и, очевидно, предпочитал комфорт. Теперь надо было еще всех собрать.

Рин сидел в кресле, с книгой в руках. Это, судя по всему, стандартное его положение

покоя, уже как-то странно было бы видеть его занятым чем-то другим. Кей, нахмурившись, прошла мимо, на кухню — выпить воды.

Она решила попрощаться с ним сегодня же.

Если получится.

Рассказ Ирвис в голове уместился с трудом.

Если до всего этого Никс лелеяла какие-то надежды на то, что вся эта история — их частное дело, и какие-то хрены с горы влезают в него, потому что... ну вот так получилось, что суть всего этого в том, что она хочет встретиться с Ромкой и вернуть все, как было, а заодно вылечить Рина, то с той информацией, что принесла Ирвис... История с Вьюгой сверкнула новыми гранями, в которых отразилось что-то куда глубже и опасней. Нет, серьезность ситуации Никс осознала еще при встрече с отцом. Но не приняла. Какой-то защитный механизм сработал — сознание вытеснило это все, словно стремясь сгладить углы. И вот теперь...

Ирвис рассказала все, что ей поведал Ян, и показала снимки местности. Найк как раз рассматривал их, пока остальные переваривали услышанное.

Позиция поглощающих была в целом ясна, но что ими движет? В чем суть надежд элементалистов? Зачем им пробужденная Вьюга? Почему они ее не боятся? И что конкретно заставило жрецов Потерянного разделить во мнениях?

Ответов на эти вопросы не было. Никс окинула взглядом собравшуюся в гостиной компанию. Перевела взгляд на Кей, вертящую на пальце прядку волос и смотрящую в пустоту.

— Кей, — произнесла Никс, — значит, так. Передавай шефу мое решение. Я хочу встретиться лично и поговорить с главами гильдий. Он может это устроить? Да, кто я такая, чтобы они со мной встречались... Но, очевидно, они должны будут. Если все это правда. Эль-Марко, я же правильно говорю?

Тот развел руками:

— Учитывая обстоятельства — вполне. В то, что пророчество было заказным, я верю — Мари работает на тех же условиях. Ян, конечно, мог соврать, но какова бы была его выгода в таком случае?

— Я думаю, это именно то, что нам нужно сделать, — произнес Рин, по привычке попробовав поправить отсутствующие очки — но на носу их не нашел и оттого слегка смутился. — Гм. Других вариантов я не вижу. Судя по всему, поглощающие и без всяких отчетов Кей в курсе, как мы взяли колонию. По крайней мере, до тех пор, пока ситуация с Вьюгой как-то не разрешится, они не станут задавать лишних вопросов. Мне это на руку. Если цель оправдывает средства, они могут интерпретировать Устав гибко, вот что я понял. Осталось определить, какова их цель.

— Лично мне импонирует предложение главы некромантов, — заметила Ирвис. — Звучит как что-то адекватное. Если с нами в морок пойдут опытные маги, шансы на благополучное разрешение вопроса увеличатся, мне так кажется.

— Вопрос спорный, — произнес Камориль. — если у Мирии может быть чисто научный интерес, насчет остальных я не уверен. И если они пойдут — значит, будут искать выгоду. Но какую выгоду им может дать спящая ли, пробужденная ли Вьюга? Кстати, кто-нибудь задумывался, кто она такая вообще? Кто-нибудь знает ответ на этот вопрос? Кроме

"алчного божества" и прочей патетики. Что мы собрались будить?

— Я думаю, она как-то связана с Духом Огня, — сказала Никс. — Моя сила, меняющаяся под воздействием "зажатой струны", пришла с кровью Мертвари, и она же — ключ к пробуждению Вьюги. Логика видится мне простой, но...

— ...насколько это все подвержено мифу? — продолжил за нее некромант. — Как сила, данная Мертварью, в действительности морока среагирует с... самой Вьюгой? С ее темницей?

— Возможно, глава элементалистов знает, как, — заметила Ир. — А потому не боится.

— Словом, нам нужно переговорить хотя бы с ним, — подытожила Никс. — А лучше — со всеми. Может быть, даже с чтецами, если те решатся признать свое участие в этом бардаке. В общем, Кей... Так шефу и передай. Пускай устраивает нам встречу на этом их высшем уровне. Делать больше нечего.

Кей кивнула.

— Найк, что скажешь по картам? — спросила Никс.

— Ну... я там не был, снимков до этого не видел, только схемы... Но теперь я могу оценить размер этих болот, которые иногда озеро. И я вам скажу, болота эти... — он развел руки пошире. Потом еще пошире. И еще. — В общем, крайне они обширны. Километров десять, и это в самом узком месте. И, если я все верно понимаю, — Найк продемонстрировал всем один из листков, — вот эти холмы по центру образуют какой-то рисунок. Возможно, он станет виден, когда вода прибудет. Пока что неясно, что бы это могло быть. Но мне кажется, система — рукотворна.

— Это вполне возможно, — заметил Камориль. — Это же глубоко в недрах континента... Может быть, рисунок обозначит точное место, в котором должен быть осуществлен переход?

— Это все хорошо, — слово взял Ари, — но как-то не очень. Вот, будет встреча. Что если то, что они нам скажут... окажется, ну... чересчур? Если вы, Никс, Рейнхард, вдруг захотите повернуть, но из-за других глав гильдий уже не сможете? Все же, Никс, ты как-то живешь с этим твоим проклятьем. И Рейнхарду дарованы, как вы говорите, "пути забытья". Я понимаю, это полумеры и путь наименьшего сопротивления... Но как-то чем дальше — тем оно все серьезней. Одно цепляется за другое. И если даже мне немного не по себе, а я тут с вами всего ничего... Короче, вы уж как-то будьте начеку.

Никс понимала его. Пускай они и не родные братья, это их с Найком роднит: свобода для них — безусловная ценность, прожитая где-то с изнанки. А когда от тебя что-то хочет не только древняя богиня, но еще и как минимум три магические гильдии... Никс сама ощущала себя в западне. И виднеющийся выход ей не особо нравился. Что ж. Судя по всему, стоит сцепить зубы и идти.

Других вариантов нет.

— Если Ян Фредек сможет созвать хотя бы глав некромантов и элементалистов, и еще представителей церкви, — произнесла Никс вслух, — нам будет, о чем разговаривать. Как я и сказала в самом начале: они разъясняют свои мотивы, предоставляют свою информацию. Неплохо бы, чтобы эти чудики в конце концов зачитали нам это свое пророчество. Мы узнаем у них, что им известно о Вьюге и Духе Огня. Они же наверняка что-то знают. Поэтому... поэтому и раскололись. Так вот. И если нам что-то в этом всем не понравится... Мы найдем другой путь в морок, другую дорогу к этой их Вьюге.

— А если нет — сделаем, — отчего-то развеселилась Кей.

— Точно, — кивнула Никс, не без удивления понимая, что быть согласной с Кей ей нравится.

— Ну, в таком случае, пойду звонить, — Кей поднялась с дивана и отправилась на балкон.

Ожидание тянулось мучительно. Никс барабанила пальцами по подлокотнику кресла, поглядывая в сторону Найка и думая, почему он сел так далеко, и почему-то жалея его: вот сдалось же ему пойти за ней, с ее-то проблемами! Гильдии, морок, болота какие-то... Зачем это все ему? И остальным — сдалось оно им?

Кей вернулась через пятнадцать минут, запихивая телефон в карман джинсовых шорт. О чем именно они с шефом беседовали, было не слышно, поэтому все притихли, ожидая чего угодно.

— Ян говорит, что умрет, но сделает, — сказала Кей, и в голосе ее наравне с облегчением сквозила обеспокоенность. — Просит два дня. К этому времени мы должны прибыть в лагерь на болотах. К вечеру наши пришлют бронированный транспорт. Так что... Собираемся, разбираемся, запасаемся подходящей одеждой и резиновыми сапогами — там дождик, змеи и когда мы туда приедем, станет еще лучше!

Все стали подниматься с насиженных мест, отряхиваться, потягиваться, — зашевелились. Никс стояла рядом с компанией Эль-Марко.

— Нам, пожалуй, в лагере тусить не стоит, — сказал товарищам доселе молчавший Мйар. — Кто-то должен быть наготове неподалеку, чтобы, если что... Но при этом вне поля зрения гильдий.

— Тогда я поеду с Никс для контроля и связи, — сказал Эль-Марко.

— Не надо, — Никс энергично замотала головой. Приобняла Эль-Марко за локоть, — я тебя ни разу не прогоняю, но у вас же сложившаяся команда. Вы вместе эффективны. А для связи, если что, у нас есть Ирвис, Ари или вон даже Найк. Как я поняла из рассказа Ир лидеры гильдий ими не слишком интересуются, так что следить будут меньше.

— Ладно, — выдохнул Эль-Марко. — Езжайте, будьте на связи. Мы окопаемся неподалеку.

Никс понимала, что ему, наверное, сложно ее отпускать — но он отпустит. Конечно, поглощающие могут поинтересоваться — где, мол, половина компании? Но им придется с этим смириться. Мйар рассудил совершенно верно: в такой ситуации доверять кому-либо полностью — себе дороже. Уже надоверялись.

Эль-Марко потрепал ее по голове, словно школьницу, и вздохнул. Никс рассказала ему о появившемся из ниоткуда отце еще вчера. Теперь, судя по всему, Марик решил, что Константин совсем слетел с катушек и думает, что Никс по этому поводу страдает.

— Мы вниз, — сказал Мйар. — Марко, как соберешься — спускайся.

Никс, отлипнув от опекуна, направилась в комнату, которую делила с остальными девчонками, и, придя туда, обнаружила, что из пожитков у нее — летняя одежда, расческа, зубная щетка и дурацкая потрепанная книжка. Что уж тут собирать. Никс взглянула на Ирвис, расчесывающую волосы, и нахмурилась. Сама-то она на болотах, конечно, не замерзнет, а вот остальные? Что там Кей говорила про одежду?

Никс разыскала Кей внизу, шнурующую обувь, вместе с Эль-Марко и Мйаром.

— Вы куда? — спросила она.

— В рыбацкий магазин за сапогами, — сказала Кей. — Я про них не шутила.

— Ну и надо купить верхней одежды на всех, кто поедет, — уточнил Эль-Марко. —

Толпой идти незачем, мы решили вот так сходить. Найк говорит, что знает, где тут комиссионные.

Из дверного проема, ведущего в лоджию, вышел Найк, влез в шлепки, осведомился "Ну, все готовы?" и подмигнул Никс. Потом дождался, пока остальные выйдут на улицу, подошел ближе, наклонился и быстро, коротко обнял и поцеловал ее, не говоря ни слова. Никс забыла дышать.

— Мы скоро, — пообещал он. — Так, у тебя же тридцать шестой размер, да?

— Ты запомнил! — умилилась Никс, разулыбавшись.

— Все, ушел.

Никс еще немного посмотрела ему вслед, как он проходит мимо бурно разросшегося на столбах вьюнка и вместе с компанией скрывается за разлапистыми смоковницами, облюбовавшими придомовой участок.

Налетевший порыв ветра сдул челку вбок, напоминая, что уже, в общем-то, и не лето... Никс развернулась и, не зная, чем бы себя занять, решила пройтись вверх, на кухню, может, чаю себе заварить.

На лестнице ей встретился Ари.

— Давно не виделись, огонек, — сказал он, и Никс усмехнулась этой сентиментальной "шутке". — Ты наверх?

— Угу, за чаем. А ты куда?

— Раз мы сегодня уезжаем, я хотел сходить глянуть местную достопримечательность.

— А что тут есть? — спохватилась Никс.

Ари усмехнулся:

— Ну, штука не слишком известная, но мне интересная. Тут у них колокол есть старинный с занятной историей, вот, хочю руками посмотреть.

— А я и не знала...

— Теперь знаешь. Наученный опытом, с собой не зову, а то вдруг ты нас снова в какие-то приключения втянешь.

Никс на секунду замешкалась.

— Уже втянула! — весело сказала она. — Так что пошли. Только скажу кому-нибудь, куда мы, и спущусь.

Она быстро сбегала наверх, нашла Камориль, роющегося в сети, сообщила ему, чтобы их с Ари никто не терял, и так же быстро спустилась вниз.

— Может, тебе лучше было в доме остаться? — спросил Ари, когда они уже забирались вверх по ступенькам на одной из узких улочек. — Ты ж у нас теперь крайне ценный объект.

— Да сколько можно, — насупилась Никс. — Я — живой человек. Меня это все, знаешь ли, достало.

— Могу себе представить.

Никс хотела было пожаловаться на невезение, но запнулась. Вот случай с амулетами, например. Один проданный — это повезло или не повезло? Или это результат ее труда, адекватно оцененный? А Найк? Его тепло и забота, его отказ — это что? Но, если уж так задуматься... в последнее время ей в общем и целом... везет. Везет с друзьями, пожалуй. Никс внутренне похолодела: ох, не аукнулось бы это... Сколько будет длиться эта светлая полоса?

Ари деликатно молчал и не отрывал ее от раздумий. Они забрались еще выше, прошли мимо косога бетонного забора, мимо разваливающейся старой поликлиники, выкрашенной

когда-то в теплый оранжевый цвет, мимо аллеи со статуями улыбчивых девушек-спортсменок. Море все время было по левую руку, то пропадая за деревьями и крышами, то снова появляясь в их обрамлении, словно в ажурной рамке. Совсем скоро они вышли на небольшую, гладко заасфальтированную площадь над обрывом, которую венчала арка: тяжелая кирпичная отделка, мощная железная перекладина, и между двумя фигурными колоннами застыл неподвижный черный колокол, слегка отливающий медью на мощном ржавом боку.

— Конечно, в сердце материка чудеса поинтересней, — произнес Ари задумчиво. — Но в этой тяжелой простоте тоже что-то есть, скажи?

Они подошли ближе. Никс заглянула внутрь колокола — языка не было. Ари прикоснулся пальцами к черному металлу, попытался толкнуть... колокол остался неподвижным.

— Вот же здоровенный!

Никс, обойдя арку слева, взглянула на город внизу.

— Так и какая у него история? — спросила она Аристарха, обернувшись.

Тот все осматривал колокол.

— Насколько я запомнил из статьи, — начал он, — до изобретения радиолокации и ее распространения, этот, тогда уже солидного возраста, экспонат служил звуковым маяком, использовался в туманы и шторм. Тогда он стоял ближе к морю. Сам по себе колокол древний. Возможно, древнее города. В основе своей он бронзовый, а сверху идут уже другие металлы — это обнаружилось при реставрации, случайно. Толкуют, к тому же, что раньше он не только помогал морякам напрямую, но и был чем-то вроде олицетворения голоса самого... Потерянного, да, так и говорят. Словом, эта штука как минимум до середины прошлого века имела ярко-выраженное религиозное значение. Кто знает, чьим языком он считался до того, как Пламенное Просвещение вошло в силу?

— Думаешь, с его помощью звали местных диад?

— Почему нет?

Ари, обошедший колокол со всех сторон, наконец сел на парапет рядом с Никс, опершись спиной о кирпичную колонну, и стал смотреть на море, щелкая костяшками пальцев на левой руке. Эту руку он повредил при осаде колонии, и ее же ему потом окончательно исцелил Эль-Марко. Никс все равно было слегка неловко за произошедшее. Шрамы у Найка, рука Аристарха... смерть Абеяра Никитовича. Она понимала, что прямой ее вины в этом нет, но все же, все же...

Она тоже взглянула на расстилающийся внизу пейзаж. Вода казалась темно-зеленой, а городские парки и аллеи — почти черными. Половину неба заняли пышные желтоватые облака, похожие отчего-то на самодельный хлеб: этакие румяные сдобные булочки, хорошо пропеченные с доньшка. Рыжеватое солнце клонилось в сторону горизонта.

— Я изучал священные тексты, — внезапно сказал Ари.

Никс вздрогнула, взглянула на него. В болотно-зеленых глазах Аристарха отражалось небо, сам он казался предельно сосредоточенным.

— Достаточно долго, — продолжил Ари. — Я пел в хоре при храме и ждал, ждал, когда Потерянный к нам вернется. Как и другие дети.

— Я совершенно не религиозна, — сказала Никс. — Нам, как ты знаешь, нельзя входить в его храмы.

— Об этом я тоже думал, — Ари сорвал травинку, стал вертеть ее в руках. — Но понятн

так и не смог. И еще Пламя Самоубийц это... Когда я вырос, я понял, как много зла есть в наших писаниях и ритуалах. Но и многое — хорошо. Правильно, что ли. Полезно для человека вообще. Некоторым людям ведь просто необходимо иметь в себе понятие греха, иначе ничто не остановит их.

— Ну и как по-твоему, то, что мы собираемся сделать... Что бы сказал об этом Потерянный?

— О, Потерянный бы одобрил. Судя по ранним текстам, еще не слишком сдобренным цензурой, этот малый бедокурил как не в себя, словно пьяный вомбат. И если представить, что, как и пишут, все сущее — творение его, то, стало быть, это он поместил Вьюгу в сон? Он сделал так, чтобы родилась ты, он — опосредованно — дал тебе силу ее разбудить. И если этим самым он хочет проверить мир на прочность, а то и разрушить его — кто мы такие, чтобы мешать его плану?

— То есть ты думаешь...

— Нет, я так не думаю, — Ари покачал головой. — Я предполагаю, что так может думать та часть церкви, которая отделилась и хочет помочь. Я не стал при других об этом говорить — долго, скучно и ни к чему.

— Понимаю. Наверное.

— Я ведь, если подумать, не верю в Потерянного, — Ари выбросил травинку вниз, и она полетела куда-то к морю. — То есть я не думаю, что реально ходит где-то мужик, или женщина, без разницы, который когда-то все это заварил. Но я верю в образ того, кого мы все ждем. Тот человек из хроник, я думаю, давно уже мертв. Но все еще живы отголоски его мыслей и дел, ведь он точно был, точно существовал, и если когда-нибудь ты увидишь что-то на первый взгляд нерукотворное, необъяснимое, прекрасное — знай, это, скорее всего, отзвук великих дум того, кто никогда уже не вернется. Возможно, тебе, огоньку, который любит пугать дурных мужиков возле памятников коням, предстоит стать дланью Потерянного, простертой сквозь века. И свершить историю. Но это может быть совсем не то, чего ожидает церковь.

Ари торжественно замолчал.

— Ты что сказать-то хотел? — переспросила Никс. — Я немного запуталась.

— Сам уже не знаю, — он поднялся, стряхнул с джинсов пыль. — А. То, что думать, будто ты в состоянии с наскока понять, что там задумали высшие силы, — наивно. Вот, допустим, ага... вырвал Потерянный Сердце Мира и отправил его в морок. Из-за того ли, что разозлился на людей? Или ему нужно было что-то, что заслонит черный город Сол от взгляда солнца, что, как говорят, едино во всех существующих ныне мирах?

Никс вспомнила морок, вспомнила солнце морока. Действительно. Ни разу не было онс иным. Луна была красной, похожей на яблоко. Небо сверкало тысячью разноцветных звезд. Но солнце — солнце всегда было таким же, как в "землях исхода", как называет реальность Керри.

Никс показалось, что в этих словах Аристарха есть что-то еще. Она упускает что-то — снова, снова! Не может поймать тонкую ниточку истины... Намек, словно неправильный ключ, не открывает замка — нечего открывать? Замок, словно пазл, не собран?

— Ари, а что еще ты можешь рассказать мне о Потерянном? — спросила Никс.

— Ну, много чего. Легенды, мифы... смешные истории. Ты решила пройти краткий курс теологии? Если я правильно понял, зачем ты спрашиваешь, — нет, ничего о Вьюге там нет. Легенды молчат. Если что-то и было — сделано это было тихо и чтобы никто не знал... или

это порочило светлый образ, и церковь вымарала сей мерзкий пасквиль из своих же скрижалей.

— Ты просто начни, — попросила Никс, — а я буду слушать.

— Ладно, — Ари стукнул костяшкой пальца по боку немого колокола. Металл тихонечко загудел — на самом пределе слуха. — Останови, как надоем. Тысячелетья назад...

Мироходцы: полет

Казалось, эта холодная сухая пустыня не имеет начала и конца. Тут и там из песка выступали голые серые скалы, закрывая горизонт и не позволяя оценить размеры этой ветреной бесконечности. Айре хотелось пить. Ему хотелось лечь навзничь и проспять целую вечность — но он не позволял себе ныть, хотя чувствовал, что скоро сотрет в лоскуты крепкие кожаные сапоги. Ноги-то подлечить не так уж сложно, а вот сапоги... а, все равно придется шпопать на следующей стоянке.

Приближающийся рассвет не радовал. С рассветом эти мертвые земли заполнит беспощадный зной. Шестой день они идут через эту проклятую, забытую людьми и богами пустыню, словно разучились открывать двери и проскальзывать между мирами, легко преодолевать расстояния, недоступные простому человеку, даже если он посвятит этому всю свою жизнь.

Может, Ветивер снова задумал что-то. Может, он снова хочет бросить ребенка в воду, чтобы научить плавать. С него станется.

Тогда, когда Ветивер насильно лишил Айру привычного облика, на восстановление ушло четверо суток. Ушло бы и больше — на второй день Айре понравилась непривычная легкость, понравилась одежда, которую теперь можно было носить, не привлекая лишних взглядов, и если бы на четвертый день не пришлось покинуть жаркую, влажную Тэли с ее легкими нравами и оказаться в совершенно другом месте, где все смотрели на Айру, словно на предмет, он бы так и остался Айрин — так он придумал себя называть. Но тонкая светловолосая девушка с раскосыми карими глазами показалась местным жителям чем-то божественно красивым и оттого непреодолимо желанным. На пятом предложении золота и уединения Айра не выдержал и знатно переполошил округу, согнувшись в три погибели и заскулив от боли, пронзающей все тело до самой кости. Ветивер оттащил его в какую-то подворотню, смеясь и одновременно говоря слова сочувствия, — мол, ну, дозрел наконец? А представь, каково тем, кто, как ты, не может менять облик по собственному желанию?

Айра запомнил урок.

Позже он пытался спорить с Ветивером, доказывая ему, что поступать так — недостойно. Но что мог он доказать богоубийце, не ценящему даже жизнью людских? Ветивер говорил, что Рем и Марта — такие же его части, как и другие, о которых Айра еще не знает. Что Рем и Марта — и он, и не он, но суть целое и неделимое, и не стоит думать, что Айра может как-то "спасти" Рем, вытащить ее из Ветивера, освободить из плена — нет, не получится, Рем не нуждается в этом. И потому Ветивер не видит каких-либо причин Айре возмущаться его поведением, ведь Айра хотел Рем? Хотел. Не душу хотел, но тело. И в этом, мол, нет ничего предосудительного. Так в чем же проблема? Какая разница?

Единственное, что Ветивер признал — вину за сокрытие Рем, но это и все. Переспорить его в остальном не получилось.

И вот теперь они идут по холодному голубоватому песку, и над серыми скалами позади

начинает подниматься солнце. Кажется, оно ненавидит здешние земли, иначе зачем жжет их с такой непримиримой силой?

Айра начал думать уже, что он умрет в этой пустыне. Или, может, перед самой смертью успеет воспользоваться своим ключом и...

— Смотри, мы почти у цели! — воскликнул Ветивер, легко запрыгивая на черный пологий камень, исшитый блестящими лазурными жилами.

Айра забыл уже смотреть по сторонам — так надоела ему эта пустыня, а потому умудрился пропустить момент, когда скалы разошлись и явили...

Озеро. Озеро, покрытое потрескавшейся коркой льда. Льда ли? Посередине озера в небо прорастала гнутая, испещренная непонятными скульптурами скала. И на самом верху ее — сверкающий в солнечных лучах город-храм.

Над острыми вытянутыми крышами носились какие-то белые птицы, реяли тонкие золотые флаги. К одному из воздушных пирсов пришвартовывался дирижабль.

— Это — он? — переспросил Айра. — Храм, который ты искал?

— Да, — Ветивер расстегнул ремни на своем плаще. — Здесь — храм Тысячи Свечей. Я бы назвал его храмом "Неисчислимых Свечей", но так уж сложилось... Кстати, пешком ты туда не пройдешь — наземных путей нет.

Они взял свой посох в зубы.

— Но как же?.. — Айра растерянно оглянулся, понимая, что твердая земля снова уходит из-под ног.

Ветивер распростер руки.

В мгновение ока порвалась тонкая ткань рукавов, расплзлась амарантовая замша. Шипастые позвонки выгнулись, шея удлинилась, кожа Ветивера вздыбилась множеством красных чешуек. С черного камня соскочил уже юркий, хвостатый зверь. Беря разгон, он становился все больше, тяжелее и быстрее. Вот распахнулись острые крылья, ударили воздух, и вот красный дракон взмыл вверх, воздушная волна разметала мелкие камешки и песок, тварь скользнула над озером, забила крыльями и устремила выше, исчезнув на миг за ближайшими скалами.

Айра беспомощно наблюдал за тем, как красная точка удаляется, поднимается до уровня золотого города-храма, делает круг над острыми крышами и затем окончательно теряется между ними.

Айра искренне разозлился.

Сколько времени и дорог этот чокнутый богоборец шутит с ним свои шутки? У любого терпения есть предел.

Айра, почувствовав прилив сил, злой, словно стая голодных собак, забрался на черный камень, тоже взял посох в зубы...

Затем вынул, терпеливо разделся, сложил аккуратно одежду и, заодно успокоившись, привязал пожитки к посоху. Снова взял его в зубы.

Сосредоточившись, Айра воззвал к своей силе, своей сути, к самому себе — к тому горящему сгустку сущего, чем он является. Он ощутил свою середину, свою сердцевину — истинное свое начало, и оно было твердым, непоколебимым, устойчивым. И вокруг этого центра находилась мягкая, эфемерная его оболочка, податливая, словно мокрая глина.

Айра приготовился к боли. Он принял ее заранее, и сквозь нее ступил в пустоту, словно в воду, меняя себя и тут же преображаясь. Превращение ощущалось так, словно ненасытный огонь пытается пожрать его по частям — вздувались вены, наливались тяжестью кости, двигались, скрежеща, позвонки. Айра представил, как будет сиять в солнечном свете его твердая золотая шкура.

Представил, как станут ловить парусами ветер его легкие полупрозрачные крылья.

И когда боль отступила и он ощутил себя несущимся по камням с зажатым в длинной клыкастой пасти посохом, он на секунду возрадовался успеху и... кубарем покатился вниз, затормозив острой мордой о холодную слякотную воду у берега.

Встав на четыре лапы и отряхнувшись, Айра подвигал крыльями, фыркнул. Нежно держа уменьшившийся (по его ощущениям) посох в пасти, стал подниматься вверх, решив, что, похоже, придется искать другое место для старта — что-то повыше, наверное.

У подножия скалы он взглянул на свои когтистые передние лапы. По форме они напоминали человеческие руки, поэтому обращаться с ними было довольно просто. Айра на пробу вонзил когти в камень и тут же принялся карабкаться вверх, так хорошо его новая форма подходила для этого! Он казался себе стремительной ящерицей, убегающей от полевого сокола, только, пожалуй... очень большой ящерицей.

Забравшись наверх, он взмахнул крыльями, разминая их, представляя, как сейчас они понесут его вперед и вверх. Собравшись, он побежал — сначала рысью, путаясь в лапах, потом перешел на галоп и, достигнув края, прыгнул.

Ветер подхватил его, крылья заработали, мощно выталкивая золотую "ящерицу" вверх, к облакам.

Айра поджал передние лапы: чуть-чуть от страха, чуть-чуть — потому что так было проще лететь, и от восторга приоткрыл пасть... пришлось кувыркаться, планировать за выпавшим посохом, потом снова набирать высоту, но за эти мгновения он совсем освоился в новом теле и ликующая радость наполнила его до краев.

Полет!

Почему Ветивер раньше не заставил его попробовать это?

Айра взвился еще выше, еще, к самым низко летящим тучам. Его крыло задело туманную взвесь. Он заложил вираж вокруг сияющего города-храма, пролетел над его высочайшей башней. Вблизи оказалось, что сложены изящные крыши из множества металлических человеческих рук, застывших в немой мольбе. Айра пролетел над и под белым небесным пирсом, перепугал монахов с гладко выбритыми головами, поющих какую-то священную песнь, и, вдоволь нарежившись и слегка устав, приземлился на просторную площадь, украшенную изображением компасных стрелок, выложенным из золотого и белого мрамора.

Айра тяжело дышал, в его огромных мощных легких даже посвистывало слегка. Он выплюнул посох на мрамор, оглядываясь: на почтительном расстоянии от него начали собираться люди. Ярко одетые мужчины и женщины пораженно и замороженно рассматривали его из-за спин монахов, вставших перед ними кольцом и не пускающих их ближе к Айре.

Толпа расступилась, пропуская Ветивера, облаченного в черно-красную струящуюся мантию со стоячим воротником и золотыми магическими символами на поясе и подоле, вспыхивающими в свете восходящего солнца, словно языки пламени. Теперь он выглядел магом — самым настоящим, таким, каким Айра его еще не видел.

— Не подходите ближе, — обратился Ветивер к толпе, — этот звереныш еще сам не знает, как никого не поранить. Но он расстроится, если кто-то из вас попадет ему под крыло.

Айра вздыбился, возмущенный таким описанием, и люди тут же отшатнулись, заохали, но не разбежались. Все же интерес пересилил страх.

— Пойдем, — сказал Ветивер, обращаясь к нему и касаясь рукой его клыкастой морды. — Если не сможешь вернуться сразу — не страшно. В Храме Тысячи Свечей достаточно широкие двери, — Ветивер обернулся к людям: — Расступитесь!

Айра подобрал посох и медленно двинулся следом за Ветивером. Мрамор драть не хотелось, и лапы слегка скользили, а когти постукивали. Айра прижал крылья к себе как можно плотнее, чтобы не задевать величественных белых колонн, выстроившихся в два ряда вокруг аллеи, ведущей куда-то вглубь города-храма.

В определенный момент следующая за ними толпа остановилась — они вышли на широкую светлую площадь. Впереди виднелись высокие золотые ворота со стрельчатым верхом, вмурованные в скалу. Ворота были открыты. В темноте за дверьми трепетал более теплый, красноватый свет.

Айра оглянулся: никто из провожающих их зевак не смел ступить на белый камень площади. Хотелось спросить, почему так, но ведь он снова выронит посох... Айра решил подождать.

Они пересекли площадь и оказались в тени огромных золоченых створок. Айра ожидал увидеть за воротами свечи, как и говорил Ветивер, но увидел лишь отблески огня в сверкающих драгоценными камнями мозаичных стенах.

Он положил посох на пол, снова нашел свое сердце и, приготовившись ощутить расплату за волшебство, вспомнил свое человеческое тело, преобразив физическую мощь и тяжесть дракона в свою собственную магическую силу.

Когда боль превращения отступила, к Айре прикоснулся холодный горный воздух, заставивший все волоски на теле встать дыбом. Айра тут же принялся отвязывать от посоха свою потрепанную одежду, борясь заодно с вмиг задрожавшими пальцами, такими слабыми по сравнению с драконьими.

— Одевайся скорей, — с ухмылкой сказал Ветивер.

— А то что? — Айра поднял и встряхнул помявшуюся и слегка пожеванную накидку.

— Мало ли.

— На самом деле, обратившись, я ждал, что ты все еще будешь в теле дракона, когда я прилечу сюда, — Айра натянул штаны. — Я бы задал тебе трепку за прошлый раз.

— Тебе бы пришлось долголизывать раны. И в следующий раз отращивать чешую.

А ведь точно! Его так прельстила собственная золотая шкура, что о броне он и не подумал... Ему стало стыдно, но он понадеялся, что Ветивер этого не заметил.

Защелкнув крупную бронзовую бляху на ремне, Айра влез в сапоги. Затянул тесемки на рубахе, поправил ворот и, наконец, сказал:

— Хорошо, вот мы и здесь. Теперь ответь: зачем? Сюда непросто добратся...

Ветивер приблизился к нему, поднял и подал наручи.

— Было бы проще, если бы ты догадался превратиться в самом начале пустыни, — проговорил он. Помедлив, принялся помогать Айре затягивать тесемки на обратной стороне левого наруча. — Я рассчитывал, что до тебя дойдет хотя бы на середине. Я не ожидал дракона... пускай бы это был еще какой-нибудь зверь, что быстрее человека. Но ты упрям.

— Я чуть было не помер, пока дошел. Так что показывай уже, что ты там хотел мне

показать, — Айра крепко жжал в руках свой посох.

Ветивер провел по его щеке длинными холодными пальцами, словно оценивая. Айра не отшатнулся: никакого грязного подтекста в этом жесте, кажется, не было.

— Что? Что случилось?

— Время... я ощущаю его стремительное движение... особенно остро сейчас. Всегда непросто понять свои чувства, когда тебя касается что-то, что сильнее тебя, то, что ты не в силах обуздать, победить...

— Ты особенно остро чувствуешь время здесь? Возле храма Тысячи Свечей?

— Да, — Ветивер отнял руку, махнул. — Следуй за мной.

Они прошли под золотой аркой и, преодолев изукрашенный причудливыми мозаиками коридор, ступили на темные плиты, устилавшие пол в широком полутемном зале. Первые свечи начали появляться внизу, на этих самых плитах, на гнутых кованых подставках, на вставленных в стены держателях. Чем дальше они шествовали меж высоких черных колонн, тем больше свечей горело вокруг. Хаотично расставленные поначалу, они начали выстраиваться в змеящиеся ряды с тонкими вьющимися дорожками между ними, образуя уходящую вдаль горящую реку. Мозаичные стены истаяли в черный гладкий камень. Невозможно было различить, где заканчивается эта светящаяся дорога из тонких золотых огоньков. Казалось, она растворяется на пределе зрения, истаявая в мутном от жара сумраке.

— Мы пойдем до конца? — спросил Айра, тщетно вглядываясь в трепещущее пламя.

— Нет, — произнес Ветивер. — Если ты видел начало солнечного пути, ты видел его весь. Здесь нет ничего, кроме этих свечей.

— Зачем же мы сюда пришли?

— Чтобы ты увидел... оценил количество существующих ныне миров.

Айра улыбнулся краешком губ:

— Тогда нам бы лучше пройти этот "солнечный путь". Потому что пока что... пока что мне кажется — мало. Я думал, их много больше. Свечи поддерживаются магией, так?

— Магией извне — нет. Магией самого храма — да. Каждая свеча — это мир, и она может сгореть... а может погаснуть.

— Мы же не можем нечаянно затушить пару миров, дунув на эти свечи?

Ветивер расхохотался.

— Нет, конечно, нет, — отсмеявшись, сказал он. — Свечи — лишь обозначения... книжные корешки. Но мы можем... снова... как и много раз до этого... попытаться найти то, что мы ищем. Как ты там говорил в самом начале? "Помоги мне вернуться туда, куда не существует путей"?

— Кажется, я понимаю... сейчас я должен попробовать найти хотя бы отражение того мира, да?.. потому что, если я буду искать так, как мы ищем уже третий год, кажется, я истрачу на это вечность.

Айра подошел к одной из свечей и взглянул на пламя внимательней. Он увидел, что фитиля нет. Пламя словно висело в воздухе над светлым плавящимся воском.

— Одно дело — путешествовать между мирами, — произнес Ветивер, остановившись рядом. — Другое дело — видеть пути. Я сглупил, когда упустил силу, дающую такую возможность. С другой стороны, я не знал, что это. Я не знал, кто эти существа, что способны меня победить... Я тогда впервые нашел мироходца, подобного мне, и вместе мы смогли обезвредить Гончую — так мы называли то существо — и выудить ее силу, пускай Денеб пришлось пожертвовать собой... Я скормил ту ягоду мальчику, с которым тогда

развлекалась Рем. Оказалось, что я отдал силу, могущую помочь в поиске пути. Мальчика я потерял.

Айра продолжал вглядываться в пламя свечи. Ему даже показалось, что он видит в нем какие-то смутные тени...

— Как странно и жалко выходит, — медленно проговорил он, — такие могущественные маги... умеющие побеждать богов... меняющие облик... идущие сквозь миры... и неспособны найти путь в искомый мир?

— Я обещал тебе помочь в поисках, но не обещал найти.

— И что это была за Гончая? — Айра оторвался от созерцания пламени, поднялся, взглянул на Ветивера.

— Я не знаю.

Ветивер ответил так просто и быстро, что Айра слегка опешил. Редко его спутник казался искренним и еще реже он признавался в том, что чего-то не знает.

— Ты не знаешь, что есть Гончая, — медленно проговорил Айра, — и ты не знаешь, кто ты такой сам? Ты не знаешь, откуда вы, мироходцы, взялись и куда вы идете?

— Ну прямо трагедия всего человеческого рода, а? — Ветивер оскалился насмешливо. — И все-то во мне одном.

— Может быть, ты забыл?

— Как ты?

— Я...

Айра вспомнил, зачем он тут, и что он ищет. Он все еще ощущал, что если увидит — узнает. Да. Этого у него не отнимет ни одна дорога, ни одно обращение.

— Расскажи мне, что ищешь ты, — попросил Айра. — Раз уж мы здесь. Раз уж мы обещали друг другу помощь. Расскажи мне все. Я верю, что мы способны найти дорогу.

— Что ж... — Ветивер вздохнул. — Идем... пойдём по солнечному пути — я расскажу тебе этот заезженный анекдот. Пожалуй, теперь ты действительно готов выслушать все.

И Ветивер начал свой странный рассказ.

Кей поцеловала его в правое веко, затем в левое. Тонкая, сухая, мягкая, горячая кожа. Горячая, словно бок наполненной чаем чашки, или как ухо больного кота. Мягкие волосы, струящиеся между пальцев — это последний раз, когда она касается их. Кей поцеловала его в лоб.

— Эй, так покойников только целуют, — тихо сказал Рин. — Что это ты?

Они снова стояли на крыше снятого Камориль дома. Тут были деревянные широкие поручни, оберегающие от падения, а чтобы спуститься вниз, надо было еще суметь не навернуться с узкой винтовой лестницы. На затихший к вечеру город смотрела круглая серебряная луна, что поднялась над морем и, отразившись в воде, размножилась мириадами маленьких лун в ряби чернильных волн.

— Это называется "нежность", — ответила Кей.

— Иди сюда, — сказал Рин, привлекая ее к себе. Обнял, уткнулся носом в лоб, заставил приподнять голову. — Тогда как насчет нескольких грамм простой человеческой страсти?

— И все-таки ты безнадежен, — хмыкнула Кей. — Что за топорный флирт? Кто так разговаривает с девушками?

— Тот, кого девушка игнорирует целый день, при этом ходит букой, с другими о работе и прочем спасении мира — так это да, а мне достаются какие-то крохи сиятельного внимания...

— А ты скажи мне, прекрасный и ясноглазый, какие такие документы иль соглашения тебе гарантируют девучкино внимание? Ты девучке, собственно, кто?

— Хороший вопрос. Возможно, нам стоит его решить?

Опять он за свое.

— Сдается мне, вопрос решения не имеет, — сказала Кей.

В этот момент ночь разорвал росчерк яркого света, рев моторов и скрежет шин, буксующих на гравийной дороге.

Кей поняла: пора. Это приехали за ними. Вещи собраны. Вот глаза его ледяные полнятся лунным светом — но что тех глаз. Какой в этом всем смысл, если у них нет никакого будущего? Зачем это все продолжать? Уже очень больно. Очень. А что будет дальше?

Зачем прикипать сердцем к нему? Зачем давать надежду и ему, и себе? И ладно, пускай, пусть он ошибся и зачем-то выбрал ее, хотя мог бы выбрать кого-то лучше — ну вот такая блажь, может, ему нормально, может, он что-то себе придумал и рад, пусть. Но ведь ясно же, что продолжения нет, не будет "жили они долго и счастливо".

Шанс есть, конечно — но не слишком ли много "если"? Если он изменится. Если он выживет. Если суд учтет обстоятельства. И это только половина "если". Ведь после останется просто жизнь — ее работа, его концерты, ее бытовая беспомощность, его сумасшедшие дурочки, ее насекомые в голове, его насекомые в голове... Все это хуже дурацких тайн мироздания. Это навевает седую тоску, смертельное, черное отчаяние, прорастает в сердце плесенью тщеты.

В груди вот-вот разверзнется пустота размером с вселенную.

— Сейчас мы спустимся, возьмем вещи, — сказала Кей, следя, чтобы голос был

спокойным и ровным, — и... и все. Обещай мне, что ничем не выдашь... В первую очередь это касается твоей жизни. Ты должен пообещать мне. Не подходи ко мне. Не смотри на меня. Как мы договаривались? Тогда, в замке? Помнишь? — она понимала, что говорит и что эти слова значат на самом деле, смотрела на себя как будто бы со стороны, но все равно делала, что должна была сделать.

— Но... Кей, — Рейнхард выглядел потерянно и уязвимо — бери, обнимай и гладь его по шелковым волосам, да ведь нельзя. — Нам совсем не обязательно прекращать все на самом деле. Мы договаривались, что, когда это все закончится...

— Вот и давай вспомним этот уговор. А до тех пор... не обессудь.

Она, привстав на цыпочки, все-таки поцеловала его напоследок в губы, и, не дожидаясь, пока предательские слезы ее выдадут, развернулась и побежала по ступенькам вниз, не замечая коварства узкой винтовой лестницы.

За эти несколько секунд ей удалось взять себя в руки, вытереть глаза и нос футболкой и предстать перед испуганными магами в приличном виде.

Они все уже какое-то время сидели "на чемоданах".

— Да, это за нами, — подтвердила Кей. — Выдвигаемся.

Никс обнимала опекуна, Ирвис что-то говорила на прощание Мйару и висящему на нем Камориль, братья Одиши шнуровали ботинки. Кей вскинула на плечо свой рюкзак, обернулась мельком — Рейнхард, спустившийся по лестнице, смотрел на нее так тяжело, что внутри все сжалось от холода и тоски. Она прикрыла глаза, завязала волосы в хвост, обулась и вышла в ночь, все еще пахнущую летом.

Коллеги оригинальностью не отличились — прислали черные бронированные вездеходы. Из того, что припарковался ближе всех, выбрался водитель — высокий темноволосый мужчина в заляпавшемся заложенным набок берете, одетый в летнюю полевую форму поглощающих.

Кей встала как вкопанная. Час от часу не легче.

— Привет, Катя, — сказал он. — Давно не виделись.

Затем посерьезнел:

— Докладывайте обстановку, сержант Берса.

Эрно Цват был красивым мужчиной. По-мужски красивым: статный, крупный, при этом ловко управляющийся со всей своей силой. Да, любому было бы очевидно, что под мундиром у него — сплошь стальные мышцы. Черные волосы, опускающиеся до середины шеи плавными волнами, он гладко зачесывал назад. Его искристые синие глаза, казалось, могут принадлежать шестнадцатилетнему — так живо они смотрели. Правильное лицо имело некоторый обманчиво-мягкий абрис, будто бы подтверждающий, что этот человек — добр, и бояться его не стоит. Эрно Цват был хорошим солдатом и наблюдателем.

Не то что Кей.

Но знала она и об еще одной его занятной черте: в отношениях с противоположным полом этот статный, располагающего вида добряк был тираном и скрытым садистом. Он сам осознавал это. Он предупреждал своих пассий об этом. Но кто станет слушать, что там говорит этот прекрасно сложенный, хорошо устроенный, великолепный мужчина? Действительно. Каждого такого ведь можно вылечить любовью.

Кей знала наверняка: нельзя.

И вот он стоит, улыбается, будто бы пошутил остроумно... щедро источает харизму вокруг, словно аромат одеколона.

Ничего она ему, понятное дело, не "доложила". Эрно Цват не имел соответствующего допуска, хоть и был по внутригильдейскому званию выше нее. Сюда его прислали исключительно сопровождать ее и наблюдаемых ею магов, да вести вездеход. Задание вполне почетное, учитывая важность происходящего.

А Кей теперь придется как-то ехать в компании двух мужчин, которых ей лучше бы избегать.

За рулем второй машины обнаружилась Вив, однокурсница Кей, с которой они тоже не виделись много лет.

Третий вездеход был полностью набит вооруженной охраной рангом поменьше.

Кей решила, что бывало и хуже, сердечно поприветствовала Вив и, проследив, чтобы все подопечные маги расселись по первым двум машинам, заняла место, какое осталось — справа от Эрно. Ирвис, хранящая спокойный, уверенный оптимизм, тоже ехала с ними, расположившись на заднем сидении рядом с Рином, и если бы не она, Кей бы пришлось гораздо хуже. Ирвис принялась отвлекать внимание Эрно на себя, причем весьма ловко. Вести и общаться с Ирвис Эрно еще мог, а вот на Кей его внимания уже не хватало, что не могло не радовать и так уже душевно умаявшуюся Кей.

Поерзав, она дождалась, пока машина выйдет на ровную дорогу, и попыталась уснуть, клятвенно обещая себе, что после следующей же остановки перетащит Рейнхарда к Вив.

К вечеру второго дня пути зарядил мелкий дождь. Местность разительно изменилась — стало жарче и влажнее, дорога нырнула в лес, который шел сплошной стеной, не прерываясь, уже третий час кряду. Непривычные, серые стволы величественных эвкалиптов мелькали за окном, сплетаясь в серебристое кружево, из-за чего казалось, будто с лесом что-то не так, словно он какой-то... призрачный.

Редкие поселки, попадающиеся на пути, были полузаброшены. Хорошие, просторные дома стояли без окон, без дверей, через крыши прорастали деревья, вьющиеся лозы оплетали разрушенные стены.

Природа здесь брала свое, побеждала цивилизацию, медленно, но неумолимо поглощая и переваривая созданное человеческими руками.

К ночи дождь усилился.

Отряд остановился на берегу лесной реки, среди камней и щебня, выставив машины по периметру готовящегося лагеря. Поглощающие бегали туда-сюда, мелькая в свете включенных фар. Помощь Кей им особо не требовалась. Ей должны были сообщить, когда пора будет заводить подопечных в подготовленную палатку, поэтому пока что она просто смотрела на то, как коллеги суеются под дождем, то возникая из тьмы, то пропадая в ней.

Перспектива спать в палатке в такую погоду Кей не радовала. При такой влажности от дискомфорта избавиться будет сложно. Даже Никс ее огонь вряд ли поможет.

— Я мог бы сделать купол, — задумчиво проговорил Рейнхард, сидящий сзади. И сам тут же добавил: — Но кто мне позволит.

— Да, ребят лучше не нервировать, — согласился Эрно. — Но это еще ничего. На болотах вода везде, даже снизу, тут хоть уходит в почву. Влажность там почти сто процентов. Так что наслаждайтесь моментом, пока можно.

— А почему мы вообще здесь встали? — спросила Ирвис. — Первую ночь же как-то без лагеря обошлись?

— Начальство разрешило, — Эрно зевнул. — Вас же надо доставить ко времени

встречи. И других тоже. Глава элементалистов едет из столицы, а он известный противник полетов, поэтому... у нас есть время поспать на твердой земле, ну, если это можно так назвать. И вытянуться, — Эрно размял шею.

Кей забарабанила пальцами по внутренней обивке салона.

В машине Вив компания, небось, снова играет в "Обормота".

Днем, когда они останавливались на обед, Вив достала из кармана новенькую колоду и разложила на капоте, и они все вместе опробовали эту редакцию игры. Кей игру знала и любила. Но выиграть ей не удалось ни разу. Когда Никс вышла победителем в третий раз, остальные перестали верить в ее "сейчас-сейчас мне как-нибудь очень не повезет!" и решили, что выигравшим считается преуспевший в игре сразу после Никс, и в последний раунд им оказался Ари. Никс, понятное дело, расстроилась, заявив, что вот и пришло ее наказание за удачливость.

Потом из придорожного супермаркета вернулись Эрно и еще двое других поглощающих с едой, все наскоро подкрепились и возобновили продвижение на юго-запад.

Но это было днем.

Теперь Кей отрешенно наблюдала, как энергичные парни в черном заканчивают ставить палатки, игнорируя дождь и усталость, и рассеянно думала о том, что ждет их завтра.

К завтрашнему вечеру они уже будут на болотах...

Рация ожила, разразившись щелчками, и Кей сообщили, что пора.

Она застегнула дождевик и включила налобный фонарик.

— Берите вещи, — бросила она Рину с Ирвис. Открыла дверь. Сразу стало холодней, сырой воздух повеял прелой листвой и дымом. — Идем.

Они выбрались под дождь и тут же, шлепая по смеси грязи, щебня и воды, побежали к большой черной палатке, на которую фонариком указывал один из поглощающих.

Проследив, что все зашли внутрь, Кей отправилась к вездеходу Вив за остальными.

Найк, Ари и Никс прошлепали по воде следом за Кей, ввалились в палатку, огляделись.

— Вот лампа, — Кей подняла с брезентового дна палатки электрический аккумуляторный светильник и приладила на крючок возле входа, — спальники в углу. Проверьте, всем ли хватает — если что, я еще принесу. Спать будем тут, мои коллеги — в соседней палатке. Кто-то из них будет на стреме всю ночь, так что не пугайтесь. Желательно далеко в лес не уходить. Магию не колдовать. Еда в пакете.

Все принялись разбирать спальники, копошиться. Ари шуршал пакетом, оценивая провиант.

Кей выдохнула, взяла ближайший скатанный в валик спальник, положила в углу и устало на него опустилась. Что-то работа наблюдателя при других наблюдающих резко потяжелела. Но теперь все — по крайней мере в ближайшую ночь нести ответственность больше некуда, то есть можно расслабиться хоть чуть-чуть.

Эрно спит в палатке с другими поглощающими. Все молодые маги в сборе, никто не делает глупостей. Они даже похожи на простых, нормальных людей.

Рин тоже как-то подуспокоился и перестал взглядом дырывать — неужели дошло?

Кей увидела, что к ней подошла Никс.

— Слушай, я правильно поняла — по прибытии в лагерь к нам приставят парочку ваших ребят? — спросила она.

— Ну... — протянула Кей. — Вероятно, да. Типа, для безопасности.

— А как же нам тогда обсуждать наши коварные планы?

Кей задумалась. Действительно. Как же ей обсуждать с наблюдаемыми магами то, как они будут пытаться не попасться на уловки глав гильдий?

— Вот уж не знаю, — Кей почесала затылок. — Но приставят — это как пить дать. С другой стороны, вы все еще ни на что не давали согласия и притом скрывать-то вам, как бы, особо нечего. С третьей... — она бросила взгляд в сторону Найка. — Ну, попросим отойти, если что.

— Мне бы не хотелось, чтобы мы снова оказались в плену, — продолжила Никс.

— Я понимаю, — сказала Кей. — Но видишь, какие тут дела пошли и какие карты на стол ложатся. Единственное, что могу сказать: в случае если придется выбирать из двух зол, Ян взвесит все очень тщательно.

Никс нахмурилась, сказала "Ну ладно" — и отошла смотреть, что там нарыл в пакете Ари.

Кей какое-то время посидела, пялясь в никуда, а потом вздохнула, разложила спальник у стенки и принялась закапываться в него с ушами.

Впрочем, скоро уснуть не удалось. Перед сном компания решила еще раз сыграть пару партий в "Обормота", милостиво одолженного Вив, но вышло как-то без огонька. Все были серьезными, словно играли не в дурацкую карточную игру, призывающую половчее облапошить соседа, а во что-то суровое и беспросветное.

Кей играть с ними не стала — просто лежала с закрытыми глазами, слушая дождь и размеренные комментарии игроков.

Вскоре Рин щелкнул выключателем на светильнике, и палатка погрузилась во тьму. Какое-то время слышалась возня — все заползали в спальники, разбираясь с молниями. Кей подтянула к себе колени, скручиваясь клубком: из-за сырости ей было слегка прохладно, появилось ощущение, что ее морозит.

Некстати вспомнилась обычная температура Риновой кожи — но этот переносной обогреватель находился аж через одну Ирвис от нее, и еще — через огромное, непреодолимое "нельзя", не внешнее, но внутреннее, правильное. Эрно оказался водителем их вездехода, наверное, не случайно. Так надо было. Чтобы она все хорошенько вспомнила и сумела снова возненавидеть его красивое, доброе лицо. Именно поэтому, преодолев первый свой порыв, она не стала просить Эрно и Вив поменяться местами или вроде того.

Так — правильно.

И холод ей нипочем. Чай, на разрушенной магической стене было холодней намного. Это не смертельно. Она заснет, выпится и...

— Ирвис, а ты не хотела бы поменяться? — прозвучал во тьме голос Рейнхарда, лежащего между Ирвис и Ари.

В палатке образовалась тревожная тишина — все насторожились, ожидая ответа Ир.

Кей вытаращила глаза во тьму: он совсем сдурел?..

— Ни за что, — коротко сказала Ир.

— Рейни, я готов! — вместо нее весело заявил Ари, лежащий сразу за Рином. — Давай, перекатывайся, тут тепленько!

Ирвис захихикала.

— Э-эй! — судя по голосу, это с другого конца палатки возмутился Найк. — Во-первых, я не хочу, повернувшись, обнаружить с утра перед собой Ринову физиономию. А во-вторых...

Не дослушав, Рин обиженно уточнил:

— А братову, значит, нормально?

Пока Найк придумывал ответ, откуда-то с той же стороны на всех шикнула Никс:

— Тише вы! Давайте спать, а? Поглощающие сейчас подумают, что у нас тут...

— ...гей-оргия! — уже хохотала Ирвис.

— Э-э не, — протянул Ари. — Это вы уж как-нибудь без меня. Все равно, пока эти два барана решат, кто кого, уже утро настанет, я ж весь попкорн сожру... — он зевнул.

Рин с Найком хором заявили что-то вроде "Аристарх, мать твою!", послышалась какая-то возня, в воздухе что-то электрически щелкнуло, тут же запахло озоном, следом раздался азартный возглас Найка: "Это все, на что ты способен, мелкий паршивец?".

"А-та-та-та-та!" — запричитал Ари.

Кей, разозлившись, резко села, включила налобный фонарик и направила луч прямоком на шутливую ребячью возню:

— А ну все легли ровно! Срочно спать! Я вам обоим напинаю, если не угомонитесь. Ну?!

Те нехотя подчинились.

Выключая фонарик и ложась, Кей успела заметить легкую улыбку на губах Рейнхарда и снова — взгляд, какой-то... пристальный? Теплый? Насмешливый? Что это было за выражение?

Прекрасно. Сердце, куда ты пытаешься убежать? Почему же снова, в который раз, так больно, хотя она пытается сделать все, чтобы этой боли избежать?

Совести у этого гада нет. И не было никогда. И не появится!

Теперь придется думать, засыпая, об этом всем. Снова.

Ну и хрен с ним.

Благо, все хотя бы успокоились наконец.

Кей в итоге казалось, что она так и не смогла уснуть в эту ночь — так, проворочалась в полузабытьи.

К утру дождь не прекратился.

Помятые и озябшие, наскоро перекусили. Парни помогли поглощающим с палатками, потом все загрузились обратно в машины.

Снова начался путь сквозь пелену дождя, хоть как-то смягчающую угрюмое величие непривычно серого леса.

Ехали быстрее, чем вчера, ровно до тех пор, пока асфальтовая дорога не кончилась, завершившись петлей возле въезда в угольную шахту. Дальше начался щебень, очень скоро сменившийся сплошной жидкой грязью с редкими твердыми кочками.

Деревья обнажили черные корни.

Лес поредел, непролазные стены по обеим сторонам дороги ушли, уступив место камышу высотой в человеческий рост.

Под большими колесами вездехода хлюпала и брызгала грязная, взболтанная вода. За весь день солнце не показалось ни разу, прячась за серым пологом бесконечных туч. Когда стало темнеть — медленно, едва заметно — вездеходы выбрались на относительно ровную травянистую местность, и так следовали друг за другом еще около двух часов. Из-за плотной стены дождя трудно было рассмотреть что-то дальше, чем на пять метров — двигались по навигаторам. В сумерках первая машина, ведомая Эрно, резко накренилась вперед, съезжая с земли в темную воду. Брызги полетели во все стороны — началось настоящее болото.

Дождь все так же стучал по стеклам и крыше машины. Казалось уже, что он стучится

прямо в кости черепа.

Через полчаса езды через черную водяную мглу, вдалеке, едва видимые, замерцали огни.

— Подъезжаем! — весело объявил Эрно.

Машина взобралась на невидимый пандус и тут же пошла быстрее и легче, поднимаясь под небольшим углом. Впереди показалась широкая темная стена с фонарями по периметру и кольцами колючей проволоки сверху. Из дождевой завесы выплыли две смотровые вышки, увенчанные маяками мощных прожекторов.

Кей подумала, что Никс эта "лагерная романтика" точно в восторг не приведет, если даже ее саму увиденное заставило вспомнить прошлый дождь и "взятый" ими Нок-Лойр, хоть было там все совсем иначе.

Вездеход, провожаемый светом прожекторов, въехал в распахнутые ворота и остановился посередине свободной площади в центре мобильного лагеря.

Из одной из крупных палаток навстречу выдвинулись несколько человек. Кей разглядела Яна, спешащего к ним, придерживающего капюшон желтого дождевика.

— Прибыли, — она обернулась к Рину и Ирвис. — Сейчас вас будут официально приветствовать.

— Мы их тоже сейчас поприветствуем, — мрачно пообещал Рин.

Кей, выдохнув, открыла дверь и прыгнула на покрытый небольшими лужами брезентовый настил. Дождь тут же застучал по голове и плечам, заставив устало поморщиться.

Маги выбрались следом.

Ян, в сопровождении двух вооруженных парней, уже подошел, оглядел всю компанию и громко провозгласил, соображая какую-никакую торжественность, насколько позволил ему желтый дождевик:

— Добро пожаловать! Мы с вами все заочно знакомы, так что давайте скорее под тент. Устали? — это он спрашивал уже по пути. — Сейчас всех расселим, накормим, кого надо — переоденем. Теодор уже прибыл, ждем только Мирию.

Кей шла позади всех, пропустив вперед даже личную охрану Яна, но говорил он достаточно громко, чтобы она слышала.

Теодор прибыл так быстро? Интересное дело. Значит, ему все это действительно важно...

Не успели они зайти под тент, как небо заклокотало, разверзаясь. Ветер усилился, задрав плащи и бросив в лица холодную воду. Казалось, природа решила, что постоянного ливня ей мало, и надо бы наподдать жару... сообразить торнадо, к примеру.

— Сохраняйте спокойствие! — закричал Ян, пересиливая вой ветра. — Это свои!

На широкую площадь стал опускаться тяжелый, тревожно моргающий габаритными огнями конвертоплан.

Кей поняла: вот и Мирия. Некроманты любят эффектные появления, и нынешняя их глава — не исключение.

Затихли двигатели, из конвертоплана полезли личные телохранители Мирии, разодетые во что-то не слишком практичное, но весьма воинственное, а затем показалась и сама глава гильдии некрмантов. Встряхнув и развернув большой лиловый зонтик, на мокрый, грязный брезент выбралась женщина в фиолетово-зеленом коктейльном платье под черным кожаным плащом, похожим на удлинненный фрак, с блестящими бисерными черепами вместо

эполетов. Каштановые волосы, струящиеся мягкой волной, были перекинuty на левое плечо, на лице ярко-красным выделялись губы, а черные туфли на огромных каблуках и платформе ей, кажется, никак не мешали уверенным шагом рассекать бушующую непогоду: она преодолевала расстояние от конвертоплана до тента словно режущее лед острие раскаленного ножа.

Кей невольно восхитилась этой женщиной, способной выглядеть ошеломительно даже при таких метеорологических условиях.

Мирия приблизилась к тенту, Ян вышел ей навстречу тоже, но она его почти полностью проигнорировала, устремив свой взор на Никс.

— Вот эта девочка? — спросила она, оказавшись под навесом.

Ее охрана осталась мяться под дождем.

"Что-то становится людно", — мимоходом подумала Кей.

— Эта-эта, — серьезно ответила ей Никс. — Никола Рэбел, огненный элементалист.

— Меня зовут Мирия Кервентум, — глава некромантов улыбнулась всем собравшимся, затем уставилась прямо на Яна. — Не медлим ни минуты! Где ваш шатер для собраний?

Ян казался слегка растерянным. Кашлянул в кулак, оглянулся:

— Ну, моя командирская палатка сойдет за шатер?

— Вполне!

— Видишь ли, Теодор уже здесь, но ужинает. К тому же, представитель Хельвина еще в пути.

— Эгир снова отказался использовать видеосвязь? — Мирия рассвирепела.

Ян развел руками.

— А жрецы?

— Жрецы, как и целители, используют видеосвязь, — ответил Ян. — Но ты учитывай, одно то, что Хельвин вообще решил кого-то послать — это огромный шаг вперед и нереальное достижение нашей дипломатии...

— Прекрасно! — Мирия взяла его под ручку. — Тогда мы расквартировываемся. Идем, ты должен мне помочь!

Шеф изобразил руками что-то вроде "Кей, сделай что-нибудь!", но был унесен волной активности Мирии. А вот двое парней с оружием остались — значит, это не его охрана... это теперь их охрана. Никс не ошиблась.

Кей оглядела оставшуюся под навесом компанию: замотанные, уставшие с дороги (сидение сиднем тоже утомляет, как ни странно), ошарашенные видимой бестолковостью тех, кто должен был источать мудрость и величие... Она могла их понять.

Они растерянны, они чувствуют себя уязвимо. Может, не последнюю роль в этом играет количество поглощающих магов вокруг.

А в мобильном лагере люди в черной форме имелись и кроме тех, что были на виду. Судя по количеству палаток, "чернодырых" тут собрано немало.

Кей поняла, что пора шевелиться. Подобралась, ощущая, как ответственность наваливается на нее мертвым грузом — чрезмерная, но что уж тут поделать, — и обратилась к парням с оружием:

— Эй, ребята! Я понимаю, вы здесь не затем, но где бы нам тут поесть и куда Ян намеревался нас поселить, вы не в курсе?

Когда прибыл человек Хельвина Эгира, стало ясно, что за привезенными Кей магами

следят постольку-поскольку. Чего стоят двое поглощающих на пятерых магов против конвоя из шестерых поглощающих на одного чтеца?

Ян отбросил шутки в сторону — посланника Эгира Хельвина держали под прицелом весь его путь от ворот к командирской палатке. И, скорее всего, там с него тоже глаз не сведут. Понятно было, что вряд ли это один из роя Хельвина. Те тела слишком ценны. Скорее всего, это какой-то контрактник из не-магов. Также вполне вероятно, что участь его после того, как он отработает свой долг, будет незавидной.

И им бы проверить его документы — но ситуация не располагает. Ян сказал, что Хельвин не намерен отступаться от своей затеи, "предавать святое", как он говорит, но готов выдать точный текст своей части пророчества в обмен на те куски, что есть у остальных глав гильдий. Выдаст ли? Парадоксальную логику чтецов не просчитать. Трезвым — так точно. Поэтому остается надеяться, что у Яна и остальных получится справиться с этой задачей.

Они все вместе наблюдали, как парламентаря чтецов провожают от ворот к палатке командования. Так уж получилось, что в тот момент компания подчищала оставшееся с ужина на полевой кухне. Там было довольно удобно, горел свет, печка разгоняла сырость, имелись деревянные лавки и широкие столешницы, чреватые занозами, но вполне удобные... даже мошкары особо не летало — дождь уберег.

Рация поскрежетала и разродилась голосом Яна, пробивающимся через помехи.

— Прием, — настороженно ответила Кей.

"Веди наших магов, — скомандовал Ян. — Огненную и ледяного. Остальных не нужно".

— Веду, отбой.

— Пора? — спросила Никс, поднимаясь и отодвигая недопитый чай.

— Пора, — сказала Кей.

Рейнхард поднялся молча.

Найк встал тоже — и тогда Кей покачала головой, мол, нет.

— Зовут только их, — пояснила она.

Но переубедить Найка было, кажется, бесполезно.

— Я прогуляюсь с вами до входа, — упрямо сказал он.

Накинув дождевики, снятые с крючка на опорном столбе, они вышли из-под навеса, окунувшись в пресловутую "почти стопроцентную влажность". Идти к командирской палатке было недалеко.

Там, внутри, магов уже ждали Ян, Мирия, посланец Эгира Хельвина и Теодор Мельдо.

В отличие от Мирии, Теодор по дороге в палатку к ним не подходил. Пожилой мужчина в старомодной красной мантии (хотя где грань между старомодностью и традиционностью?) прошел по площади в центре мобильного лагеря по специально сооруженному для него помосту, охраняемый от дождя широким бархатным балдахинном, который несли двое служащих в красно-золотой форме.

Кей тогда еще не смогла для себя уразуметь, отчего эпатажность Мирии Кервентум, хоть и неуместная в такую погоду, не показалась ей отталкивающей. А эта вот церемониальность как-то покорила. Нет, ну кто ж захочет пачкать и мочить старинную мантию... и ясно, что перед другими главами гильдий Теодору хочется выглядеть соответственно занимаемой должности. Но как-то это... несвоевременно, что ли? Впрочем, все это, наверное, относится к ее большому месту, так что, пожалуй, не стоит об этом думать.

Возле входа в командирскую палатку стоял Эрно. Он был одним из оцепления. Ребятам предстоит торчать на страже все время, что главы соизволят держать совет.

Что же, таков их долг.

Эрно ей было тем более не жалко — этот здоровенный лоб даже простуды не подхватит, как пить дать. Он создан природой именно для такой работы, а то и похлеще.

Кей тоже какое-то время потопталась рядом с входом, наблюдая, как Рин пропускает Никс вперед, а затем, пригнувшись, заходит внутрь сам — и, хвала Потерянному, обходится без всяких многозначительных взглядов. Найк стоял рядом, тоже молча, только он капюшон дождевика накидывать не стал, предпочитая зачем-то мокнуть.

Кей обняла себя за плечи, глядя вперед, словно оцепенев. Дождь стучал по натянутой барабаном материи, выбивал чечетку по брезентовому настилу. Капли умудрялись проникать даже под дождевик. В глубине командирской палатки мерцал приглушенный свет и двигались смутные тени, завораживая, заставляя гадать, что же там сейчас происходит.

Что скажет человек Эгира Хельвина? Что принес чопорный Теодор? Согласятся ли главы гильдий на предложение Кервентум? И что будет, если все пойдет наперекосяк? Если не выйдет... Если эти "сильные мира сего" не найдут общего языка, хуже того — задумают приструнить зарвавшихся элементалистов? Если чтецы признают свое участие в инциденте в Нок-Лойр, то смогут обвинить Рина еще и в использовании запрещенной магии, и тогда дело наверняка пойдет в верховный суд Заповеди, и остальным тоже, скорее всего, достанется, несмотря на смягчающие обстоятельства и спасенных огненных элементалисток. Хотя, разница-то какая. Вероятность того, что Рина оправдают — крайне мала. При любом раскладе. Ему так и так придется куда-то деваться. Но если они пойдут в морок — то он, может быть, хотя бы исцелится... и, если верить чтецам, заодно укокошит мир.

Вот тогда действительно может стать, что...

— Кей, — вдруг позвал ее Эрно, выводя из транса.

Она встрепенулась:

— А?..

— Подумай о себе...

Кей невесело усмехнулась: что тут думать — после всех отчетов полевой работы ей не видать как своих ушей.

— ...не стой под дождем, — добавил Эрно.

Она поняла, что топчется тут, разглядывая пейзаж, уже добрых четыре минуты, позабыв начисто про дискомфорт. Она выдохнула, поджала губы, кивнула Эрно, не чувствуя, впрочем, особой благодарности, развернулась и ушла, по пути толкнув плечом хмурого Найка.

Что ж, все верно. Ее полномочий никак не хватает для того, чтобы уломать Яна позволить ей или кому бы то ни было еще присутствовать на этом их высокоуровневом совете. Найк, Ирвис и Ари там тоже были "не нужны".

Чувствуя, как внутри нарастает тревога, Кей пошлепала по лужам до полевой кухни.

Правду говорят — наибольший страх рождает незнание, неуверенность. Слишком много вопросов. И никакой возможности подслушать, что они там говорят. Надо было договориться с... с Никс, с Рином нельзя, чтобы она хоть сообщения на телефон присылала в качестве эдакого краткого содержания беседы. Если ей, конечно, оставили телефон.

Дожидающиеся их на кухне Ирвис и Ари тоже очевидно нервничали.

Кей все же надеялась, что информация не будет настолько конфиденциальной, что Никс и Рейнхарду запретят ее обсуждать с товарищами. А если запретят... а они могут запретить...

Она со вздохом опустилась на лавку рядом с Ари. Найк уселся напротив Ирвис, скрестил перед собой руки замком, принялся смотреть в сторону командирской палатки — напряженно, обеспокоенно.

Сидели молча минуты три.

— Вы ж "Обормота" Вив так и не отдали? — спросила Кей, обведя взглядом оставшихся. — Кажется, я с ума сойду, если буду ждать результатов вот так.

— Я тоже, — признался Найк.

— А глушить тревогу особо нечем, — печально добавила Ирвис. — Печенье мы съели.

Ари принялся тасовать колоду.

— Этих двоих звать будем? — спросил он, кивнув вбок.

Кей покосилась на охрану, стойко переминающуюся с ноги на ногу возле края навеса.

— А, — она махнула рукой. — Ну их. Раскладывай.

Через час из командирской палатки никто не вышел. Через два — тоже.

К середине третьего часа из нее вынесли тело посланника Эгира Хельвина.

Но это увидела только Кей, укутавшаяся в плед и оставшаяся следить за событиями на полевой кухне, и Найк, стойко мерзнувший без пледа, но тоже оставшийся. Остальные ушли греться в отведенную им палатку, и их можно было понять.

Охрана несколько поколебалась, выбирая между разделившимися подопечными, но в итоге вооруженные поглощающие все же выбрали магов в палатке. Наверное, колебались они все-таки из-за наличия на полевой кухне навеса. Возле палатки им придется мокнуть под дождем точно так же, как Эрно и его товарищам по несчастью. Но элементалисты опаснее своего же в комплекте с "гражданским", и парни выбрали тот кусок долга, что поважней.

Кей проводила взглядом людей в черной форме, уносящих тело в сером в сторону въезда в лагерь. Поежилась. Мертв? Спит? Удалось ли договориться? Найк тоже следил за происходящим, — но сейчас они оба молчали, замерев и насторожившись.

Ожидание результатов оказалось утомительным делом, и вся ситуация отчего-то злила.

Следующие полчаса снова ничего не происходило.

Кей поднялась с насиженного места и сделала себе еще чаю — в пятый раз, кажется.

Сладко-горький напиток был слишком горячим. Но ничего, за ночь остынет...

На середине этой последней, пятой кружки из командирской палатки вышел Рейнхард, а следом за ним показалась Никс.

— Идут! — воскликнул Найк.

Кей обожгла язык, отдернула руку, разливая горячую жидкость по деревянной столешнице.

— Наконец-то! — вытерев руку об штаны, она спешно накинула дождевик и выскочила из-под навеса навстречу долгожданым новостям.

Когда они были уже почти рядом с командирской палаткой, оттуда же вышел Ян.

Казалось, Рин, Никс и Ян ждут, когда Кей и Найк подбегут к ним.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Кей. — Какой результат?

Никс и Рин молчали — они вообще выглядели несколько ошарашенными и слегка удивленными.

Кей перевела взгляд на Яна.

— Эгир согласен идти в морок вместе с остальными лидерами гильдий, — произнес

Ян. — Для этого он вышлет одного человека из своего истинного роя. Ну и глава целителей тоже намеревается нас сопроводить. Поэтому у нас остается кое-какое время на подготовку.

— Так это же хорошо, да? — переспросила Кей.

— Пожалуй, этот исход весьма недурен, — согласился Ян. — Мы взялись гарантировать безопасность этих двоих. Я ждал вас, чтобы сообщить об этом.

— То есть как это? — вперед вышел Найк. — Что это значит?

— Ближайшие сутки ребятам предстоит провести под усиленной охраной. Я понимаю — неудобно, но они и сами согласны: это сейчас необходимо.

— Так куда вы нас отправите? — заговорила Никс впервые после того, как вышла из командирской палатки. — Тут в пределах лагеря есть что-то более укрепленное?

— Я думал выделить вам отдельное место где-нибудь неподалеку, — Ян оглянулся, словно подыскивая подходящий тент, — и окружить его патрулем. Чтобы и вы под охраной, и вашим приятелям не было неуютно. Их-то никто не держит, зачем всех разом мучить?..

— Так значит, мы можем их навещать? — уточнил Найк.

— Да хоть жить к ним перебирайтесь, — Ян потер переносицу. — Главное — не пробуйте улизнуть раньше времени. У нас договоренность. Стрелять не будем, конечно. Ну, разве только по ногам. Шутка, — он с невеселым вздохом поправил капюшон желтого дождевика. — Ну или как... Сами понимаете — все серьезно, и Потерянный знает, чего нам это стоило. Эх, что-то устал я.

Ян повернулся к сторожащим командирскую палатку поглощающим и принялся отдавать приказы.

Кей знала: если ее коллегам придется обеспечивать наличие присутствия подопечных магов, они костями лягут — но сделают, даже если Ян прикажет не стрелять. Что-нибудь придумают, голыми руками скрутят.

— Вы как? — спросил Найк у Рина с Никс.

— Как будто с концерта бардов, — сообщил Рейнхард и кривовато улыбнулся.

— Что? — Кей, опомнившись, нахмурилась, не особо понимая, к чему он клонит.

— Давайте узнаем, куда там нас определяют, возьмем еды, и я все расскажу, — предложила Никс. — Да господи, когда уже этот дождь закончится?

Дождь, судя по всему, такими планами не располагал.

Ну, короче, что я могу сказать, — Никс, сидящая на свернутом в тюк спальнике, задумчиво сдвинула брови, постучала пальцем по носу. — Эти ваши главы... во-первых, они обычные люди на вид, обычные маги — ничего примечательного, как оказалось. А я боялась. Ага. Или это я к Камориль и прочим привыкла — в общем, я ожидала большего. Живой зомби Эгира Хельвина, конечно, впечатлил — но не более того. Пауло Лагос, глава целителей — старик и старик, только, кажется, зануда еще больший, чем наш Теодор. Хотя нет, Теодор скорее какой-то...

— Надутый, — подсказал Рин.

— Исполненный чувством собственной значимости, — поправила его Никс. — Он ощущает, что способен стать тем, кто принесет перемены. Так что он как бы в своем праве.

— Просто он показался тебе импозантным и надежным, возможно, напомнил отца, — предположил Рин. — Тебе же и Абеляр его напоминал?

— Это что еще за сеанс психотерапии? — насупилась Никс. — Никого он мне не напоминал!

— Ее батеньку мы имели честь созерцать в Нок-Лойре, — напомнил Найк. — Подтверждаю: не похож.

— Ладно-ладно, — сдался Рин.

Кей их беседы за жизнь окончательно надоели.

— Давайте ближе к телу, — по возможности ласково попросила она, стараясь не выглядеть при этом, как шипящая гадюка. — Ребята, мы три часа ждали, что вы там набеседуете.

— И хотим услышать все в деталях, — добавила Ирвис, перечеркивая напрочь просьбу Кей о конкретике.

Кей воздела руки к небу в немом отчаянии. Ладно, ладно, понятно. Поторопить рассказчиков не удастся, значит, надо попытаться расслабиться. Расслабиться было непросто — она не могла выкинуть из головы количество охраны, посланной Яном на оцепление палатки, в которой они все собрались. Конечно, поглощающие не толкались вокруг, встав хороводом — но, в принципе... если бы каждый развел руки в стороны... их пальцы могли бы трогательно соприкоснуться. Но руки их, понятное дело, были заняты кое-чем поважнее. Ребята стояли на посту полностью укомплектованные и при оружии. Дождь снаружи хлестал все так же, и Кей злорадно подумала, что хотя бы легкий насморк кому-то из сторожей обеспечен.

Внутри палатки, под самой матерчатой крышей, горел светильник. Все расселись, как кому удобно, на свернутых и разложенных спальниках, внемля Рину и Никс. Было глубоко за полночь, но рассказ до утра ждать не мог. Никто не желал ложиться спать, пока не услышит все.

— В общем, — продолжила Никс, — главы гильдий раскрыли карты. История у них получилась очень и очень странная. Но по порядку. Когда гильдия пророков еще существовала, но их глава уже знал, что гильдии — кранты, тогдашний главный элементалист попросил его посмотреть, что там будет с элементалистами.

— По дружбе ли, или за бутылку вискаря — история умалчивает, — добавил Рин. — Да,

я буду разбавлять наш рассказ шутками-самосмейками.

— Не думаю, что это понадобится, когда мы дойдем до пророчества как такового, — Никс поджала губы. — Итак, глава пророков, весьма талантливый маг, сочинил это самое предсказание и... испугался. Потому что рифмованные пророчества — это вроде как нормально, но это, про элементалистов, оказалось больше похожим на песню — и как будто кто-то надиктовал ее... Кто-то извне. Чтецы не знают, как именно все это было — они судят по оставленным главой пророков комментариям. Там он утверждал, что пророчество это пришло к нему вместе с сиянием чего-то предвечного, в общем, очень все с ним серьезно, несмотря на форму.

— Но мужик не мог поржать и забыть, — продолжил Рин. — Все было сделано по рабочим правилам, медитация, пост, атрибуты, положение свечей какое надо, текст и метод подготовительного заклинания, все выверено — словом, ошибка исключена. Пророк, к тому же, был оскопленным трезвенником — ум в чистоте держал как мог, и раньше с ним такого не случалось. Словом, получил он пророчество в стихах и довольно длинное, и оно его до колки испугало. Заказчику, главе элементалистов, он, поразмыслив, выдал лишь две строки.

— То ли расстраивать не хотел, что ли длины испугался, — хмыкнула Никс. — То ли решил напоследок победокурить...

— Давайте уже пророчество! — взмолилась Кей.

— Никс, запевай, — сказал Рин.

— Почему я? — она снова надулась. — Кто тут у нас звезда?

— Сегодняшнего вечера — ты.

Никс зло прищурилась:

— Я не стану это петь.

— Да ладно, у тебя прекрасно получится, — Рин покивал.

— Я понимаю, это у вас нервное, — медовым голосом проворковала Кей. — Но, может, хватит уже? Что сказал тем элементалистам пророк?

Никс вынула из-за пазухи небольшой исписанный листок, оторвала от него полоску, взяла ее двумя пальцами и показала всем:

— Вот, сами читайте.

Она положила бумажку перед собой, на ткань развернутого спальника.

Надпись, исполненная корявым почерком Никс, гласила:

"Но живо лишь то, что движется сквозь череду смертей,
Меняется, словно свет, пронзивший кристалл".

— И что это значит? — спросил Ари, пытливо перегнув широкие брови.

— Глава элементалистов покумекал и решил, что все в порядке, — сказала Никс. — Его гильдия будет жить, даже если ненадолго распадется или случится еще какая напасть. И передал бумажку следующему главе. Следующий или еще какой истолковал все чуток иначе, подумав, что элементалистам дадено какое-то высшее разрешение на убийство. Тишины тогда еще никто не прочитал, и... словом, ничего хорошего из этого не вышло: мы имеем интеграцию нас в армию, имеем гражданскую войну как одно из опосредованных следствий... В общем, тогда элементалистов ничего не смущало. Кристалл, к тому же, чем не зерно? И сила, прошедшая через зерно, действительно меняется... Ну, в общем, вроде бы забыли. Но этот кусок, отданный элементалистам, был оторван от общего стиха. К чтецам

попало кое-что другое, и вот они-то сразу поняли, что все, ничего хорошего ждать не стоит, наоборот, ужасное надо срочно предотвращать, и кто, ежели не они?

Никс замолчала.

Рин тоже то ли чего-то ждал, то ли раздумывал о том, что им обоим известно, а остальным нет. Кей, уже прождавшая в этот день слишком долго, решила задать наводящий вопрос, но Никс в тот же момент снова заговорила:

— Сейчас я думаю, это правильно, что гильдия пророков исчезла, — она махнула рукой. — А, да что уже! Короче... вот что попало к чтецам. У меня все записано не по порядку, но мы с вами потом составим, как надо.

Она оторвала от бумажки еще кусок и передала Кей, чтобы та, прочитав, передала дальше.

Кей вчиталась в строчки, пытаясь понять, о чем это вообще.

"В ночи упавшей звездой явится черный бог,
Распустятся лепестки огненного цветка.
Собрав по осколкам прошлое, последний хранитель снов
Выплавит солнце из кварцевого песка.
Когда это пламя вспыхнет в души твоей пустоте,
Не станет мира, каким ты его узнал".

Ирвис перегнулась Кей через плечо, тоже вчитываясь в оторванный кусок пророчества.

— И это все? — спросила она. — Это конец или есть что-то еще?

— Мне дайте! — попросил Ари.

Бумажку передали ему, и он углубился в чтение.

Никс кивнула в ответ на вопрос Ирвис:

— Чтецам было нормально, что стих не окончен. Они посчитали, что это все. И что мира не станет. А "каким ты его узнал" — ну подумаешь, для красного словца. Вот у нас перечисление примет, после которых миру придет пушной зверек. Главный пророк не мог ошибаться. Теперь давайте ради этого убивать и жертвовать собой, воровать элементалисток и рвать тельняшки.

— И мнение поменять они не очень могли, — Кей, кажется, начала что-то понимать. — Хельвин же на посту уже лет триста и помирать не намерен, и с поста уходить — тоже.

Рин кивнул:

— Верно. Но даже он не мог знать, что, если добавить кусок элементалистов, про перемены и кристалл, станет понятно: ну исчезнет мир, каким ты его узнал, — но это не конец, это перерождение, часть жизни, луч ведь не умирает, когда преломляется в кристалле... и все такое прочее. И тут, откуда ни возмись, выпрыгивают... кто бы вы думали? — он обвел всех собравшихся пытливym взглядом, мельком скользнув им по Кей.

Но в этот раз в его взгляде не было ничего особенного — он никак не выделил ее среди друзей. И это было... правильно.

Вообще, после той последней выходки в палатке, Рин наконец бросил вести себя как законченный идиот, и напустил на лицо такое убедительное равнодушие, что очень легко верилось: не было ничего, вообще, никогда. Все, что ты помнишь, милая — плод твоего воображения, и это неудивительно: так плотно и долго общаться с Рином Даблкнотом и не возжелать его хотя бы капельку — это нужно изначально не видеть в нем ни ума, ни

красоты, ни глубины. Кей поняла, что все это видела в нем всегда, но отчетливо понимала, что роза эта расцвела не для нее, потому что... вот так. Ну и шипы — куда ж без них.

Но вот теперь все снова выглядит вполне прилично и положенным образом. Одной проблемой меньше. Можно сосредоточиться на делах насущных.

Она выдохнула.

— И тут из-за угла выпрыгивает вездесущая церковь, — Никс тем временем ответила на вопрос Рейнхарда. — У церкви совершенно случайно оказывается еще один оторванный кусок пророчества — первый, собственно, который тоже способен все поменять или хотя бы дополнить. Фиг знает, как он к ним попал. Но попал. Наверное, тот пророк действительно решил напоследок помутить воду.

Никс выложила на спальник третий криво оторванный кусок бумаги.

"Не бойся смотреть вперед, ты верно все рассчитал,

Ты путь выбирал по сердцу и по уму,

И если был далеко тот, кого ты искал,

Ты сможешь об этом сам рассказать ему:"

— Жрецов тоже не смущало двоечье в конце, — продолжила Никс. — Они решили, что это явное знамение того, что Потерянный найдется и они, идущие дорогой к нему, смогут наконец сесть к божеству на коленки и рассказать, какие они были хорошие.

— Ужас-то какой, — Ари даже побледнел. — Они серьезно? Они всерьез верили, что отыщут Потерянного?

— Человек в ноутбуке не выглядел шутником, и Ян сказал, что это — один из представителей церковной верхушки, — заметила Никс слегка извиняющимся тоном. — Когда оказалось, что пророчество имеет продолжение, церковь взбудоражилась. И теперь, все еще веря, что это поможет им отыскать Потерянного, они готовы отправиться в экспедицию.

Слово взял Рин:

— И вот, сегодня, находясь в этом забытом Потерянным месте, после контрольной дозы уговоров, шантажа и уловок, мы вытянули их часть пророчества у жрецов, да сложили все куски воедино. В итоге получилась песня. И кому-нибудь, далекому от колдовства, могло бы быть смешно, но мне — не очень: старинные заклятья, созданные еще до Тишины, ну то есть их вербальную часть, нередко формулировали именно так — проще запоминать, незаметней колдовать, можно посвятить любимой даме балладу, разрывающую пару рабов на квадратики.

— Кусок жрецов Просвещения, если его поставить впереди первых двух, снова все слегка запутывает, — сказала Никс. — Церковь понимает весь стих по-своему, но я не уверена, что они правы. Хотелось бы мне знать истинное значение. Но я не дипломированный толкователь пророчеств.

— Лирический герой сможет рассказать кому-то, кого искал, о том, что произойдут некоторые перемены, но это — не смертельно, — попыталась Ирвис. — Вероятно, далекий кто-то приблизится в результате этих перемен. Или как?

— Ну, если так читать — то вроде никаких противоречий, — сказала Никс. — Вьюга обещала мне встречу с... одним человеком. Но про меня ли это? Или правда про жрецов? В целом... лично у меня ощущение, что кто-то над ними всеми издевается. Шутит, вроде как,

притом отстойно. А чтецы — что чтецы... они все еще воспринимают это со звериной серьезностью, и восстановленный текст пророчества оказался для них весьма убедительным. Именно поэтому они согласны участвовать в затее Мирии Кервентум.

— А целители? — спросила Ирвис.

— А им, судя по всему, стихов не досталось, — Рин небрежно пожал плечами.

Найк, до сих пор молчаливо внимающий, задумчиво проговорил:

— Некоторые вещи, описанные во втором куплете, имели место быть. Да... У чтецов есть причина верить и остальным частям пророчества, если это, конечно, истинные его части, — он посмотрел на Никс, затем окинул взглядом всех остальных: — Видели б вы мое лицо, когда я понял, что Никс сделала стеклянное солнышко... из песка. Тогда, на берегу, в Чаечьем Ильмене. Я тогда вспомнил, как она проговаривала этот второй куплет еще в саду Камориль, перед тем как уснуть. Но ведь мы все о нем забыли, некогда было, незачем... — он снова посмотрел на Никс. — Никто ведь тебе не рассказывал про этот стих. Правда же?

— Не рассказывал, — медленно проговорила Никс. — Я его читала? Вот это новость. Могли бы и... и рассказать.

— Короче, как бы это ни было смешно — это все серьезно, — резюмировал Рин.

Какое-то время они еще поперекидывали куски стиха так и этак, раздумывая, а нет ли еще какой-нибудь комбинации. Но, судя по всему, итоговый вариант был один.

Кей взглянула в проем выхода: там, среди синеватой мглы, прогуливалась, разминая ноги, их неутомимая охрана. Завеса дождя мягко разделяла то пространство и это — дождь и ставший уютным полумрак палатки, нагретой дыханием засевших в ней людей. Пускай палатка была достаточно большой, чтобы стоять в ней не сгибаясь, тьма скрывает дальние ее углы, и свет очертил дрожащий круг, в котором и собралась их разношерстная компания. Поглощающие-стражи не слышат, о чем они говорят. Кей сама выходила под дождь и проверяла, можно ли что-то услышать, еще до того, как они завели беседу. В этом вопросе дождь был на их стороне.

— Так, ладно, — Никс встряхнулась, поморгала и, когда все обратили внимание на нее, продолжила: — Кроме поэтических чтений речь шла кое о чем еще. Зерна. Наши зерна — те же кристаллы. Теодор приводит выкладки современных исследователей, которые сообщают, что искусственные зерна транслируют энергию куда-то вовне. У ледяных. А у огненных они эту энергию извне берут. Не из души — у всех нас отрезан к ней доступ, не из запасов подкожного жира — мы бы не сдюжили быть боевыми магами. Откуда-то еще наша сила берется... и это касается искусственных зерен. Натуральные зерна черпают силу из этого мира, и в этот мир ее возвращают. Поэтому сила элементалистов с натуральными зернами ограничена, поэтому они слабее прошедших испытание и ритуал. И про крошение зерна, как я поняла — враки. Натуральное зерно выдержит ровно столько, сколько дано элементалисту от природы — и остальные элементалисты тому свидетельство.

— Вот и встает вопрос, куда же транслируют силу и откуда ее берут искусственные зерна? — произнес Рин. — Я хотел исследовать это все, и для этого... добыл чье-то натуральное зерно, но все сложилось так, что, похоже, заниматься этим мне больше незачем. Теперь нам известно, что это за резервуар такой, из которого и в который перекачивается наша магия. Собственно, это Тлеющее море. Судя по всему, мы завязаны на него.

— Теодор заявил остальным гильдиям, что желает отправиться в экспедицию с целью узнать, не в морок ли наши зерна переправляют магию, — сказала Никс. — А также, зачем это нужно и как с этим связаны мы, собирающиеся разбудить Вьюгу. Такова его

официальная позиция.

— Но когда посланник Эгира Хельвина отключился, целители со жрецами прервали видеосвязь и в палатке остались только мы, Мирия и Ян, Теодор сказал кое-что еще, — продолжил Рин, когда Никс замолчала. — Оказалось, что, согласно сохранившимся документам, огненным и ледяным элементаристам меняют зерна не столько для того, чтобы мы не умерли от переизбытка собственной силы, сколько для того, чтобы мы поддерживали баланс. Это знание было доступно главам элементаристов давно, и, верные древнему договору, они сохраняли традицию. Впрочем, и традиция не была пустой: взамен мы получаем независимость от души и преимущество в бою — мне лично вполне понятно, зачем элементаристы прошлого могли пойти на это и заключить подобный... договор.

— Я, если честно, была слегка шокирована, — призналась Никс. — И я поняла, что не хочу, чтобы меня так использовали. Пофиг на силу. Мне лично вполне достаточно того, что у меня есть сейчас. И Теодор намерен прекратить это все, ведь он тоже прошел ритуал и помнит, каково это. Суть ритуала от меня все еще скрывают, но, как я поняла, ничего приятного в нем нет. И я думаю, Теодор прав.

— Вот это спорно, — заметил Рин. — Не стоит ли ему опросить всех элементаристов с том, чего хотят они? К тому же, сама его мотивация... хм, что-то мне в ней чудится не то, но сформулировать пока не могу.

— Стойте-стойте, — Ирвис замахала руками. — Я что-то не поняла. То есть... вам вживляют искусственные зерна, чтобы вы были как бы противовесами? Но... как же... а если огненные, например, наколдуют слишком много, а ледяные — слишком мало?

— Вероятно, какой-то дисбаланс система выдержит, — сказал Рин. — И сломается при явном перекосе в одну или другую сторону. Так как статистически огненных и ледяных рождается примерно поровну, система работает. Может быть, конечно, тут я тоже что-то не так понял.

— Мне кажется, что это может быть похоже на систему сообщающихся сосудов, — сказала Никс. — Неважно, сколько кто наколдовал. Важно, достаточно ли "дренажных труб". Я не могу это точно объяснить, просто мне кажется, что это может быть... ну, что-то такое.

— Ладно, а если собрать всех огненных и того... убить? — продолжила Ирвис.

— Система навернется, — ответил Рин. — Собственно, это... я так понимаю, по замыслу Вьюги, я, если не справлюсь с задачей по-хорошему, должен буду сделать именно это. И кто знает, сколько таких, как я, у нее запасено? Последний последним, но знаю я этих божественных сущностей...

Ирвис покачала головой:

— Ох, и кто, а главное, зачем мог все так запутать? Зачем нужна вся эта система, такая хрупкая, такая странная? Я не понимаю.

— Я тоже не понимаю этого, — сказал Рин. — И не понимаю, как Теодор собирается прекратить замену зерен, не трогая сбалансированной системы. Что касается пятой стороны, поглощающих — Ян поддерживает Теодора. Это делает позицию поглощающих понятной. Конечно, для вас, — Рин взглянул на Кей, — заманчив тот вариант развития событий, при котором некоторые элементаристы в перспективе лишатся преимуществ. Это поможет вам поддерживать порядок.

— То есть официально Теодор желает проникнуть в морок и изучить, как именно связано Тлеющее море, сила элементаристов и Вьюга, заточенная в Соле? — переспросил

Найк. — А по факту желает внести в систему изменения? Или я что-то неправильно понял?

— Почти, — сказала Никс. — Я так понимаю, он не против того, чтобы мы разбудили Вьюгу. Пророчество касалось гильдии элементалистов в первую очередь. Получается, он верит, что пробуждение Вьюги гильдию не убьет, но изменит положение вещей.

— То есть ритуал будет не нужен? — переспросила Ирвис. — Магам перестанут менять зерна, и сила их уменьшится, раз более не нужно поддерживать баланс? А как же сила тех, у кого зерно уже заменено? Что станет с ними?

— Вероятно, сила тех, в ком все еще есть искусственное зерно, продолжит балансировать Тлеющее море... — проговорила Никс. — И с таким резервуаром силы они будут действительно выделяться на фоне тех, кто не прошел ритуал. А потом, когда умрет последний и баланс будет некому поддерживать — нечего будет и бояться: Вьюга-то уже давно разбужена... другое дело, зачем кому-то вообще было завязывать все это на магов?

Ни у кого никаких предположений не возникло, а если и возникло — они промолчали.

Кей подумала, что, в принципе, с Теодором все понятно: старик желает быть последним архимагом такого уровня, а после — трава не расти. Ей как-то не верилось в то, что Теодор все это затевает только ради того, чтобы облегчить молодежи жизнь.

Кей высказала свои опасения вслух.

— Действительно, маг его уровня не станет рисковать из-за пустяков, — согласился Рин. — Но так ли это важно для нас? Он согласен сопровождать нас на пути в морок. А что будет там... никому из нас не известно.

Ари прочистил горло и стал резюмировать:

— Ладно, вот, предположим, Теодор хочет туда с нами пойти. Давайте-ка по порядку. Он верит, что пробуждение Вьюги не повлияет на Тлеющее море и обладатели искусственных зерен останутся при своем, а таинственный древний договор можно будет не соблюдать. А что, если пробуждение Вьюги... повлияет? Если Тлеющее море исчезнет, как факт? Если связь искусственных зерен с ним оборвется, когда Вьюгу разбудят? Вдруг сила элементалистов станет меньше? А то и совсем исчезнет у тех, кому уже пересадили зерно? И вместо преимущества перед будущим поколением магов огненные и ледяные этого поколения получают, наоборот, бессилие и ущербность... Неужели он не думал о таком варианте?

— Он верит пророчеству, — сказала Никс, — мол, ничего страшного. Подумаешь, перемены.

Все выглядело относительно ровно и хорошо. И Кей это не нравилось. Информация была похожа на манную кашу — сверху, вроде, все ровно, а что, если копнуть глубже? Ее не покидало ощущение, что в каше этой полно невидимых комков. Вот только вылезать эти сюрпризы начнут тогда, когда поворачивать назад будет уже поздно.

Но Кей также знала о том, что люди, забравшиеся так высоко, как главы гильдий, рискованное мероприятие вроде похода в морок будут планировать крайне педантично.

Она была уверена: у каждого из глав есть план, и, скорее всего, где-нибудь на первой трети своей длины он начинает разительно отличаться от других, и особенно — от плана Рина и Никс.

— Если бы я была на месте этих ваших глав... — сказала Кей, аккуратно подбирая слова, — я бы предпочла действовать наверняка. Вы не можете утверждать, что Теодор и остальные сказали все, что знают.

— Не можем, — согласилась Никс. — Теодор скрывает часть правды от чтецов, так

что...

— Может статься, что целители тоже имеют какой-нибудь пятый кусок стиха, меняющий все подчистую, — тревожно продолжила Кей. — А может, и не имеют. В любом случае, на месте глав я бы пошла в морок, только имея какой-то конкретный план.

— Например? — Рин приподнял брови.

Кей нахмурилась, раздумывая.

— Не подумайте, что я параною... но вот, к примеру: предположим, что на самом деле истинным является только кусок чтецов. Что тогда? Тогда Вьюга действительно опасна. Что надо делать с врагом? С могущественным врагом? Подойти поближе и...

Она не договорила.

— Действительно, — Никс подавленно выдохнула. — С чего это мы им всем прям взяли и поверили?..

— Ну, поверили и ладно, выглядят все эти люди впечатляюще, даже Эгир Хельвин, — Кей отмахнулась. — Вы же, допустим, по их мнению — опасные агенты этой самой Вьюги. А вы ведь они и есть, по сути. И вас нельзя спугнуть, ибо что-то или кто-то весьма могущественный покровительствует вам в вашем стремлении Вьюгу эту разбудить, поэтому вы — идеальные проводники. Ну и чего б не разыграть сценку "добрый и злой полицейский", не заставить девочку-ключ и сопровождающего ее Белого Короля поверить, что всем гильдиям выгодно помогать им? И для достоверности — сомнения, то да се.

— Мы уже пренебрегали опасениями пару раз, — сказал Рин, — думая, что они безосновательны. Так что, может, ты не зря параноишь.

— Если честно, — Кей поняла, что уже разошлась, но остановиться было трудно, — я бы эту "богиню"... Не знаю... я бы попыталась найти способ не разбудить ее, но... Как-то деактивировать.

— Убить? — Ирвис ахнула.

— Не знаю. Заснуть навсегда, без попыток проклюнуться из темницы. Или — чтобы некого было будить. Чтобы никто огоньков не звал. Чтобы никто не сходил с ума и не начинал убивать огоньков или ледяных, пытаясь разрушить равновесие этого Тлеющего моря. Я бы попыталась сделать что-то в этом роде — что-то, что сработает наверняка, что-то, что стабилизирует и навсегда законсервирует систему. И ложь ради спасения меня б не остановила. На месте глав гильдий я бы не стала считаться с личными чаяниями каких-то двух элементалистов и еще кучки их друзей. Они, как бы, ответственны за многих, и, сами понимаете, пожертвовать двоими... троими... пятью...

Кей невесело хмыкнула. Продолжать идею не стала.

— Ты думаешь, Ян их поддерживает? — спросила у нее Никс, хмурясь.

— Я не знаю, кого он поддерживает на самом деле, — честно сказала Кей. — И есть ли в моих бреднях хоть капля истины. Более того, я думаю, мы с вами никогда не узнаем настоящих стремлений каждого из глав. Ну, пока не дойдем до Вьюги.

Все молчали. Шепот неунимающегося дождя словно затопил палатку изнутри.

— Интересно, эти болота уже стали озером?.. — негромко спросила Ирвис, обнимая себя за плечи.

Кей думала о том, не переборщила ли она, стоило ли сеять в сердцах и умах товарищей такие мысли... Сама она знала, что Ян — хороший человек, но понимала также, что в некоторых ситуациях хорошим людям приходится делать плохие вещи.

И ведь все еще никто не знает, стоит ли будить Вьюгу. Замкнутый круг. Нет, спираль —

она закручивается, и каждый следующий миг ситуация становится все более запутанной.

Найк сел ровнее, обвел всех взглядом.

— Ребята, я вот все сомневался, но теперь уже нет, — произнес он. — Я думаю, нам не нужно ждать завтрашнего дня и вести с собой этих чокнутых стариков. Уж пускай меня простят за прямоту. Но я думаю...

— Нам нужно идти прямо сейчас, — закончил за него Рин.

Вот это да. Оба были абсолютно серьезны. Кей взглянула на Никс: та напряглась, но не сказала ничего против.

— Все внимание сосредоточено на нашем лагере, — быстро сориентировалась Кей. — Вполне возможно, что сейчас за самым озером действительно следят меньше. Но полного отсутствия там патрулей не гарантирую.

— Я готов, — сказал Найк.

— Подождите, — встрепелась Никс. — Что, если нас хватятся раньше времени, и мы не успеем? И как мы собираемся миновать этих надсмотрщиков? Там же даже специальные девушки есть, они меня в полной амуниции в уборную провожали! Два раза!

— Стоп, погодите, вы серьезно? — всполошилась Ирвис.

— Я уже ничему не удивляюсь, — сказал Ари. — Они серьезно.

— Значит, нам надо исчезнуть из палатки так, чтобы нас не хватились какое-то время, — сказал Рейнхард.

— И как ты себе это представляешь? — спросила Кей.

— Найк?

— Не, не тот формат помещения. Не сработает.

— Тогда думаем, — Рин оглядел палатку, — все думаем. Нас тут шесть человек магов. Должен быть способ. Кей, — он взглянул на нее пристально, — ты должна знать, как нам обвести твоих коллег вокруг пальца.

— Экий ты шустрый! А вдруг я сейчас пойду и сдам вас Яну?

— Решай окончательно, на чьей ты стороне. Пускай это случится сейчас.

Кей ничего ему не ответила. Сжала кулаки.

И с убийственной ясностью осознала, что она будет делать дальше. Похоже, тут нечего уже решать. Ответ существует — и он, кажется, неверный, но это единственный настоящий ответ, который у нее есть.

И то, что нельзя теперь вспоминать, ни при чем.

Ей, может, даже хотелось бы сбросить ответственность за свое решение на влюбленность — но нет. Стоит признать, что плохой солдат она не потому, что нарушила должностные инструкции единожды, а потому, что готова была их нарушать снова и снова, если бы того затребовало ее внутреннее понимание справедливости.

Наблюдатель должен быть изобретателен и изворотлив — но порою эти качества не помогают в службе, а, наоборот, и самого наблюдателя делают преступником.

И как же она дошла до жизни такой... когда она впервые оступилась и приняла решение, задавшее вектор всему этому?.. В электричке до Тасарос-Фесса? В Лунном? Или еще раньше, когда...

— У меня идея! — воскликнул Найк, просяив. — На чем стоит этот мобильный лагерь?

— На болоте... — отвлекшись от тяжелых мыслей, ответила Кей.

— Нет, — Найк замотал головой. — Ну, на чем он стоит? На чем держится пол? Если вода прибьет...

— На понтонах! — сообразил Ари.

— Вот. Что, если мы пропилим в полу дырку, и пройдем понизу, между ними...

— Там не будет воздушной прослойки, придется плыть, — угрюмо заметил Рин. —

Такое расстояние никто из нас не осилит.

— А если прорезать в понтоне дырку? — Найк попробовал зайти с другой стороны. —

Там же внутри воздух? Они ведь здоровые сами по себе?

— Понтон наполнится водой, — Ари покачал головой. — Идея хорошая, но вряд ли осуществимая.

— А если там все же будет воздух, и понтоны окажутся погружены не до конца? — не унимался Найк.

— А чем мы будем пилить пол? — спросил Ари.

— Магией, — сказал Найк.

— Поглощающие ее почувствуют, — заметила Никс.

Рин снова взглянул на Кей и холодно, по-деловому осведомился:

— Скажи, а на каком расстоянии твои почуют магию?

— Хм... смотря какой силы магия будет...

— И все же.

— Ну-у... на том расстоянии, что они сейчас — почуют. Даже довольно слабую.

— Ладно, тогда не знаю, — сдался Найк. — Давайте думать еще.

В палатке снова воцарилось молчание, заглушенное звуком дождя.

Кей тоже пыталась придумать что-то. Может, спереть глушилку? Но они дорогие и все под расчет... Это точно не пройдет незамеченным. Отвлечь охрану, заставив Ирвис и Ари устроить магическое состязание на пустыре? Можно, но это только насторожит остальных, и охрану Рина и Никс могут усилить, удвоить, утроить.

К сожалению, думать о путях отступления было трудно: все время вперед вылезали мысли о том, что она снова помогает им пойти против всех правил, способствуя этой крайне рискованной затее. Может, стоит наоборот остановить их? Что безопасней? Кого им следует бояться больше — богов или людей?

Кей пыталась отогнать эти мысли, уверяя себя, что если решить нельзя, то, может, стоит предоставить друзьям право самим выбирать свою судьбу? Тем более, они ее вроде как уже выбрали. Но что, если она должна быть той, кто остановит их, не даст шагнуть в бездну?

С другой стороны, прямых приказов лично ей от Яна не поступало. Она все еще наблюдатель Рейнхарда. И все. Ян не мог забыть. Она столько раз попадалась ему на глаза в этом лагере, он должен был... должен был что-то поменять, если бы это было нужно. А какова работа наблюдателя? Верно... но какой смысл Яну вести двойную... тройную игру?

Или это уже чересчур сложная комбинация? Позволить одному поглощающему, втершемуся в доверие, сопровождать компанию магов в любом из вариантов развития событий, даже если те умудрятся выкрутиться, уйти из скользкой петли...

— Есть у меня кое-какая идея, — медленно проговорил Рин, разминая пальцы. — Кажется. Не знаю, выйдет ли... Но, если выйдет, в воду лезть не придется.

Все посмотрели на него.

— Для этого мне нужна бутылка виски или еще какого-то пойла, требующего льда, — продолжил он. — Хотя я, наверное, погорячился.

Рин взглянул на Кей:

— Ты сможешь достать нам водки?

— Водки? — удивилась она. — Зачем тебе водка?

— Мне — незачем. А вот нам всем водка определенно нужна, — он говорил так, будто убеждает всех в чем-то невероятно очевидном, а они — непонятливые дураки. — Потому что мы — молодые, у нас завтра поход в морок, очень важное мероприятие, словом, напоследок мы желаем оттянуться. Пить-то нам никто не запрещал? Именно для этого нам нужна бутылка водки, а то и две. Кей, ты можешь это сообразить?

— Н-ну я могу попробовать, — она почесала затылок, — такой специфический продукт... но что-то подобное вполне может быть, все ж мужиков тут порядком... В крайнем случае спирт развести можно. Но...

— Возьми себе в подмогу Ирвис, — сказал Рин, — и, если найдете, водку несите в руках, пряча кокетливо, но безуспешно.

— Что ты задумал? — серьезно спросила Никс.

— Сейчас расскажу, — пообещал Рин, загадочно ухмыльнувшись.

И рассказал.

Кей план показался еще более сумасбродным, чем предложения Найка и свои собственные бредовые идеи. Но... он действительно мог сработать.

Накинув дождевик, она вышла из палатки, подождала, пока Ирвис тоже оденется и выскользнет следом. Они тут же почувствовали, как серьезно поглощающие относятся к заданию: тут же на них нацелилось три-четыре ствола. Опознав, кто выходит из палатки, охранники поуспокоились и встали вольно.

Кей, улыбнувшись одному из знакомых коллег, взяла Ирвис под локоток и потянула в сторону кухни и расположившихся рядом палаток обслуживающего персонала.

Они переговорили с поваром и тот, вручив им несколько консервов и упаковку пластмассовых бокалов, направил их на склады, общаться с офицером по снабжению. На складах долго объясняться не пришлось — наверное, Рин не зря порекомендовал Кей взять с собой Ирвис. Навыки очаровывания у нее сработали на отлично даже в одежде вида "бесформенный комбинезон". А может, просто человек попался хороший: усатый, но моложавый мужчина, оказавшийся офицером по снабжению, долго пытался вместо водки протолкнуть себя любимого, но потом сжалился и выдал спиртное, даже с бонусом, укомплектовав девушек еще и банкой консервированных огурцов на пару со склянкой вишневой наливки.

Хлюпая по лужам, они потащили добычу в строго охраняемую палатку, где их ждали Никс, Рин и Ари с Найком.

Поглощающие напряглись было, даже попросили девушек задержаться, пока они переговаривают с управлением по рации, но пропустили. Очевидно, Ян дал добро. Кей представила себе его голос: "Только в дрова не напивайтесь, Потерянным молю!".

— Ну вот, принесла, — Кей поставила перед Рином две бутылки водки, флакончик наливки и банку огурцов.

— Бокальчики! — Ирвис раздала всем тару.

— Откупориваем, — скомандовал Рин. — Можете чутка для храбрости употребить. Но немного. Через полчаса приступаем к части "А".

— За успех нашей авантюры, что ли, — произнес Ари, поднимая бокал с вишневой наливкой.

Пластиковые бока стукнулись друг о друга, и каждый из собравшихся оценил непередаваемый привкус соответствующих красителей и ароматизаторов.

Через двадцать минут, строго по часам, Рейнхард взял в руки пластиковую бутылку с водой, открутил крышку, и, не моргнув глазом, заморозил всю жидкость внутри.

Все напряглись, — небольшое количество алкоголя только взбудрило, но не расслабило.

Через несколько секунд в палатку протиснулись трое поглощающих. Двое — с оружием наготове, один дернул Рина за руку, заставляя подняться, а потом выученным, ловким движением руку эту заломил, уткнув элементалиста лицом в спальник.

— Что происходит? — Кей подскочила, возмущенно взирая на коллег.

— Могли бы и пове-ежливей к нам попроситься, — проямлил Рин с уровня пола со слегка заплетающимся языком. — Я понимаю, завидно... А-ай!

— Мы всего лишь хотели сделать льда! — заныла Никс. — Дяденьки-поглощающие отпусти-ите его-о!

— Кстати говор-ря, а как мы теперь лед-то вытащим? — Рин все еще держал в свободной руке бутылку с замерзшей водой. — Он ж теперь... запакованный!

Никс подползла к нему, взяла бутылку и сказала:

— Момент!

— Так, отставить! — один из поглощающих наставил оружие уже на нее.

— А что тако-е? — спросила Никс, хлопая ресницами.

— А к-с-тати говоря, — затрепыхался Рин, — согласно За-аповеди я имею право производить бытовые заклинания до третьей ступени мощностью до десяти эльнов. Ну хватит руки мне ломать, а? Ты, козлина чернодырая! Что я тебе сделал?

Кей подивилась, как правдоподобно у них выходит разыгрывать пьянчуг. Возможно, даже чересчур. Да и запах стоял соответствующий.

На секунду показалось, что сейчас парни заупрямятся, вызовут Яна, и тот решит вырубить магов на всякий пожарный... от греха подальше.

И весь Ринов план пойдет крахом.

Тут полог палатки отодвинулся и в нее быстрым уверенным шагом вошел еще один поглощающий. Это был Эрно, и вид у него был очень, очень рассерженный.

— Вы что творите? — резко осведомился он. — Вам что приказывали? Охранять, не выпускать. Какого хрена вы вступили в контакт с магами? Прямое воздействие — ладно, а сосульку в нос никто не хочет? Да этот белобрысый слил бы тебя, Кас, сразу, если б захотел. Ты же в дождевике!

Названный Касом засомневался — а удерживать ли ему Рина дальше.

— Займите позиции, — рявкнул Эрно. — Это приказ. Ну!

Прямому приказу Эрно бдительные поглощающие не подчиниться не посмели.

Рина отпустили, и он, потирая запястье, косовато сощурился на Эрно:

— Во! Сечет мужик! Давай с нами садись, а?

— Благодарю, я на службе, — хмыкнул Эрно. — Отдыхайте, не буду мешать.

— Спасибо, — сказала Кей, когда он проходил мимо.

— Не за что, — ответил Эрно и вышел из палатки. — Ты уж следи за ними.

— И что за идиотов поставили нас охранять? — спросил Рин уже нормальным голосом, когда Эрно и бдительная охрана покинули палатку.

Кей повела плечом неопределенно:

— Ну, по неосознанной бытовой магии вас же и вяжут, в основном... когда какой-то рейд или типа того. Вот они и среагировали рефлекторно. Плюс, наверное, на высокоуровневых не ходили еще — трагического опыта нет.

— Ладно, — Рин собрался, сел ровнее. — Теперь действуем быстро. Никс, действительно растопи эту воду, разлей по бокалам. Далее... Найк и Никс, капните в воду своей крови.

Видя, что они замешкались, Рин пояснил:

— Так надо. Заклинание древнее, и держаться оно должно хорошо именно на вас, моя кровь вам не подойдет.

— Да я это... что-то не знаю, как именно из себя крови добыть, — смущенно ответила Никс.

— Попробуй этим, — Ари протянул ей снятый с жилетки значок со знаком анархии.

— Антисанитария, — Никс покачала головой. — Можно я его продезинфицирую? Только придется слегка поломать...

Ари махнул рукой. Никс оторвала пластмассовую часть значка и нагрела оставшуюся булавку до красноты.

К счастью, снова в палатку никто не прибежал.

Вскоре перед каждым стоял бокал с водой и кровью.

— Умываемся, — сказал Рин, — волосы тоже намачиваем.

Все послушно исполнили, что он велел, не смея возмущаться.

Рин надел дождевик, не накидывая капюшон, затем, заставив Найка стоять смирно, впился в него глазами, поднял руки к лицу и... его пальцы затрепетали, из-под них, переливаясь перламутром и серебром, заструились мелкие частицы льда. Кей почувствовала мощную, но мягкую силу — такая, возможно, и правда не добьет далеко и воспримется охраной как остаточный фон прошлой бытовой магии — простой и грубой, словно камень.

Будто вылепливая что-то в воздухе, Рин провел руками над своей головой, окруженной трепещущими сияющими частицами, перед лицом, по шее, и завершил действие движением, словно надевает маску, припечатывающим опалесцирующий блестящий слой к его лицу.

Свечение померкло, Рин повернулся лицом ко всем.

— Вот это да, — ахнула Ирвис.

Кей ничего не сказала — только поразилась еще раз возможностям магов.

— Я что... такой? — Найк изумленно смотрел на свою копию, похожую на него как две капли воды, разве что... лицо было бледней раза в три, и смотрел на него Рин свысока и слегка надменно — обычное, словом, его выражение лица сразу выдавало другого человека.

— Будет немного холодно, — иллюзорные губы зашевелились вполне естественно. — Миф мифом, но комфорта не ждите. Ну, кто первый?

Найк вызвался следующим.

— И где ты научился такому фокусу? — спросила Кей, пока Рин разбирался с лицом и волосами Найка. — Раньше ж, вроде, не умел?

— Это наследство от одного моего родственника, — сдержанно ответил Рин, проводя рукой перед Найковым лицом. — Нет, не познакомлю. Он, к сожалению, скоростижно скончался. Так, улыбку убрал! Спокойно стой.

Через несколько мгновений магия кончилась, все струдились поглазеть на результат.

— Вот это жесть вообще! — поразился Ари, разглядывая Найка, выглядящего теперь как он.

— Никс? — Рин повернулся к ней.

— Я готова, — она подошла ближе и приподняла голову.

Снова руки его взметнулись, затрепыхали пальцы, словно крылья мотылька, частицы

льда, похожие на рассыпавшиеся в воздухе блестящие, сложились в узорчатую структуру, стянулись, поматовели. Потемнели и улеглись волнами иллюзорные темные волосы.

Никс стала выглядеть как точная копия Ир.

А Кей осталась такой же, как и была — потому что одного ее прикосновения хватило бы, чтобы тонкое закливание начало медленно, но безудержно разрушаться.

— Погнали, — произнес Рин.

Найк, накинув дождевик, повис на плече Рейнхарда, словно пьяный, и они первыми вышли в ночь.

Кей, надевая капюшон, обернулась к Ирвис и Ари — они укладывались в спальные мешки.

Никс, прихватив бутылку с оставшейся на доньшке водкой, вышла из палатки вместе с Кей, слегка пошатываясь, так что Кей ее тоже как бы поддерживала.

Привалившийся к Рину Найк был выше Ари, но в таком положении мог бы прокосить под невысокого брата. Рин был выше Найка, но рост человека воспринимается-то обычно относительно чего-то... Так все выглядело, как и до "пьянки": один повыше, другой пониже, две девушки с примерно той же разницей в росте, все путем...

— Все нормально, я их уложу, — Кей приветливо улыбнулась провожающим их взглядами коллегам, стараясь не обращать внимания на направленное на них оружие. — Скорейшей вам пересменки!

Пускай улыбка у нее получилась слегка сумасшедшая, поглощающие этого, кажется, не заметили.

— До рассвета всего два часа, — откликнулся тот самый Кас. — Выстоим!

Кей кивнула ему, поддерживая Никс-Ирвис за талию.

Она поняла, что у нее дрожат коленки. С ней такого давно не случалось. Наверное, года три. От волнения она даже слегка позабыла как ходить — приходилось переставлять ноги с усилием и под полным контролем разума.

Страх бывает разным... и этот страх разоблачения — особенно зудящий, злой.

Неужели их пропустили?

Через несколько секунд они завернут за угол и, если там никого не будет...

Кей заставила себя не оборачиваться — это может выглядеть подозрительно. Еще она сдерживала Никс, стремящуюся пойти быстрее — не станут пьяные бегать под дождем, они скорее им насладятся...

— Эй, молодежь, — окликнул их кто-то из поглощающих. У Кей по спине пробежал табун мурашек, и следом за ними вскачь пустилось сердце — так, по крайней мере, ей показалось. — Ваша палатка направо!

Она выдохнула, обернулась, покивала издали, направила в нужную сторону будто бы зазевавшихся Рина и Найка.

Вот, еще два шага, и они скроются с глаз поглощающих.

Еще чуть-чуть...

Палатка проплыла сбоку, скрывая их из поля зрения охранников. И тут же за углом они наткнулись на Эрно, столкнувшись лоб в лоб. Его глаза медленно округлялись.

Ясно, дождь не пощадил иллюзии Рина.

Не было времени ждать, чью сторону примет Эрно теперь, поэтому Кей среагировала молниеносно. Единственное, что в своем весе она могла противопоставить ему — внезапность и запрещенный прием. Но Эрно, оказалось, за эти два года прокачал ловкость,

увернулся и одним мощным ударом опрокинул ее на землю, одновременно выхватывая пистолет. От резкой боли в глазах потемнело. Пока она приходила в себя, Найк и Рин не стояли столбом. Кто-то из них, Кей не могла видеть, кто, выбил оружие из рук поглощающего. Пока Кей поднималась с земли, Рин обхватил Эрно за шею, соображая что-то вроде удушающего захвата, с ошибками, которые в иной ситуации могли бы стоить ему жизни. Поглощающему не хватило буквально пары мгновений, чтобы высвободиться. Он резко нагнулся, стремясь сбросить с себя Рина, но в эту секунду Никс, улучив момент, с размаху разбила бутылку с остатками алкоголя ему об голову.

— Ну упс, — сказала она.

Найк и Рин оттащили Эрно к палатке. Найк, не теряя времени и все еще тяжело дыша, командовал:

— За мной, шаг в шаг!

Кей, держась за ноющую от удара челюсть, толкнула Никс вперед, а сама пошла за ней, все-таки напоследок взглянув назад. Лагерь был обманчиво спокоен: дождь, неторопливо гуляющие по небу лучи прожекторов... Скоро все изменится, когда обнаружат или Эрно, или пропажу.

Вдруг окружающее пространство вытянулось, смазалось, превратившись в блеклую размытую картинку. К горлу подступила тошнота — странная магия Найка всегда так действовала на Кей. Наверное, потому, что это была единственная магия, которая на нее действовала, не запасаясь, не пронизывая насквозь без какого либо толку, а срабатывая так, как надо. Может, это магия высшего порядка, стоящая над разделением гильдий, или... или где-то с краю?

Пройденное сокращенным путем расстояние сорвало с лиц Рейнхардову иллюзию. Кей ощутила, что ноги ее по колено погружаются в воду, следующий шаг был уже по ровному камню, а следующий — по вязкому илу.

Внутри было плохо, холодно, тошно, ее начал бить озноб, но в следующий миг лихорадка кончилась — мир остановился, покачнувшись, и она вынырнула из стремительной круговерти в мокрую душную тьму.

Дождливая ночь кипела вокруг миллиардами пузырьков на бесконечной водной поверхности. Друзья казались просто черными силуэтами на фоне серого сумрака — и все стояли в воде по колено.

— Пришли, — сказал Найк. — Вот вам те руины в центре Явера.

Присмотревшись, Кей увидела впереди торчащие из воды камни.

— Идем туда, — командовал Рин.

Они пошли вперед в полной темноте, с трудом переставляя ноги, утопая в иле и размякшей грязи.

Когда они подошли ближе, стало понятно: камни эти огромны. Еще более черный, чем дождливая ночь, ближайший к ним был высотой, по меньшей мере, в три человеческих роста.

Где-то вдалеке сверкнула молния, и через несколько секунд ей ответил едва слышимый из-за дождя гром.

— Эти камни образуют неправильный гнутый ромб, — сквозь дождь громко проговорил Найк. — Если пойдем от этого... попадем в его центр или рядом.

— Веди, — сказал Рин.

Кей снова пошла последней, часто оглядываясь назад. И в один из таких моментов она с

горечью поняла: нет, не проскользнули. В небе над поднимающейся водой тускло блеснули огни взлетающих вертолетов.

— Скорее! — закричала Кей. — Бегите, времени больше нет!

И началась сумасшедшая гонка по черной воде. Найк подхватил Никс на плечо, Рин спешил следом. Потом он остановился и, приложив ладони к воде, заставил вспенившееся болото застыть длинной белой стрелой, уходящей, кажется, в горизонт. Бежать по вздыбленному льду было все же легче, чем по илу, но Кей понимала: еще чуть-чуть — и все. Вертолеты приближались стремительно.

Да где ж там уже эта середина ромба? Где это сердце Явера?

И вдруг дождь кончился.

Вода успокоилась вмиг, словно кто-то пригладил рукой складки на ткани. Вот, казалось, шаг назад — и стена дождя, в ней мчатся им наперерыв вертолеты... Но некогда было думать, они бежали изо всех сил к сердцу озера Явер.

Тут вместо дождя по поверхности озера заструился белесый туман, такой плотный, что, казалось, он в состоянии схватить беглецов за ноги и съесть. Не останавливаясь ни на миг, Рин, Никс и Найк влетели в его плотные, холодные объятия, на миг потерявшись из виду. Кей, перескочив через какую-то корягу, погрузилась в туман целиком, сперва задохнувшись им, закашлявшись. Она, не сбавляя темпа, бежала и бежала.

Она понимала, что они не могут двигаться быстрее, чем вертолеты. Дар Найка тут не сработает, очевидно, иначе он бы его использовал... наверное, он не знает, куда именно им надо попасть, и потому не колдует своих странных фокусов.

Гром крутящихся лопастей настигал. По Кей скользнул прожекторный луч, в ночной воздух стали вколачиваться слова предупреждения, доносящиеся из мощных динамиков.

Кей поняла вдруг, что не видит, куда бежать, потому как впереди нее — туман и больше ничего. Она не смогла найти взглядом никого из троих магов. Более того, ледяная дорожка сошла на нет, размываемая озерной водой и быстро тающая.

Нехотя сбавляя темп, Кей почти остановилась. Тяжело дыша, она продолжала оглядываться по сторонам...

Озарение прокатилось по телу холодной волной.

Она все поняла.

Главы гильдий были идиотами.

Настоящими идиотами.

Впрочем, она и компания — не лучше.

Но все же глубину глупости возомнивших себя вершителями судеб... ее сложно будет переоценить.

Кей, все еще не восстановив полностью дыхание, усмехнулась.

Затем, уже хохоча, она медленно обернулась, поднимая руки вверх.

В глаза ей ударил свет прожекторов. В воду прыгали снаряженные бойцы, спешащие на перехват.

Она не переставала ухмыляться, когда свои же, сопровождаемые бойцами чтецов и солдатами элементалистов, защелкивали наручники на ее запястьях и что-то там втолковывали про военное преступление и все такое прочее. Она не сопротивлялась.

Какие же они все были дураки.

Озеру Явер плевать на идеи Мирии Кервентум. Ему плевать на намерения Теодора Мельдо и мнение Эгира Хельвина.

Озеро должно было принять и препроводить в морок Николу Рэбел, несущую в себе семя огненного цветка, и Рейнхарда Майерса Даблкнота, последнего из Белых Королей.

Ну и, очевидно, владеющий странной над-магией лже-Одиш тоже как-то проскочил.

Но боже, как могли они думать, что морок примет в себя кого-то еще?..

Кей смотрела вслед ушедшим в Мир Снов во плоти магам, грустно улыбаясь.

— Пускай твоя удача поможет, — пожелала она Николе Рэбел, которой в этом мире уже не было.

А с Рейнхардом она уже попрощалась.

Ветер отогнал туман, словно тот был облаком, ненадолго накрывшим горную вершину.

Никс протестующе засучила ногами, требуя, чтобы Найк ее опустил на землю, а то, разглядывая пейзаж, он как-то об этом позабыл. Никс уже почти привыкла, что ее таскают вот так, в случае чего, и даже понимала целесообразность: сама она легкая, ноги не то чтоб слишком длинные... но от этого больше нравится такое обращение ей не стало.

Оказавшись на земле, она оглянулась вокруг.

Итак, все получилось. Переход сработал, и теперь они находятся на огромной высоте, на пологой каменистой площадке, венчающей утес Серого Крыла. Морок встретил их теплым ветром и привычным Никс сумасшествием: летучие острова, недвижно парящие поодаль, сверкали вросшими в их основания кристаллами и топорщились невообразимыми руинами, небо переливалось светлым перламутром, солнце, слепя, золотило фигурные облака.

А вот Рин и Найк оказались ошеломлены и оглушены всем этим, друг другом, Никс. Ей тоже были весьма любопытны их новые обличья — она была уверена, что что-то они да значат. Так что первые несколько секунд они провели, рассматривая друг друга и пялясь по сторонам.

Найка морок задел не слишком. Разве что серьги в ушах сменились на золотые и волосы стали длинней, ну, и одежда преобразилась так, что он начал отчего-то напоминать то ли принца, то ли моряка, то ли старомодного романтического пирата. На нем теперь была льняного цвета рубашка с широкими рукавами с вырезом на шнуровке, потертые штаны из бордовой замши с завышенной талией и черные сапоги с тяжелыми отворотами, а сверху колоритности прибавляло множество ремней с крупными, блестящими пряжками. Каким-то невероятным образом это все ему вполне подходило, словно он таким был всегда.

А вот Рина узнать было сложнее. В мороке у него отросли взамен его привычной белоснежной шевелюры длинные, прямые, шелковистые черные волосы. Прямо как у Камориль, сразу подумала Никс, если того расчесать. Глаза изменились — белок стал черным, а радужка едва заметно светилась теперь нежно-лазоревым. Кожа, впрочем, была все такой же мертвенно-синеваой, контрастируя с воронными прядями. Морок одел Рина в льдистые голубоватые тона, тоже снабдив множеством поясов, широкими прямыми рукавами и луковичной многослойностью, острого абриса наплечной броней и налокотниками, словно сработанными из переплетенного со светлым металлом льда. Все эти ткани, украшенные морозными узорами, волосы, цепочки и кисточки трепал местный неумолимый ветер.

Никс внезапно поняла, что же это с ним такое. Она вспомнила тот давний разговор, когда было еще не ясно, что он за зверь. Она тогда еще усомнилась в его ориентации — надо же... Теперь все понятно. Он не был влюблен в Камориль. Или как... он не хотел быть с ним, он хотел быть таким, как он. Или... стать им. Может, оттого и петь начал. И, понятное дело, в реальности он был другим, но вот теперь, в мороке, он неосознанно принял желанный облик... ну, почти. Он сам, его суть проявились в его одежде, в его глазах.

Никс тут же задумалась: тогда что значит ее собственный измененный вид? И Найк... Наверное, с ними все не настолько просто и не так очевидно.

— Я так понимаю, Кей не прошла, — проговорил Рин, оглядываясь по сторонам. — Ну,

что я могу сказать... занятное место.

Он был прав: вся площадка хорошо просматривалась, и Кей на ней не наблюдалось. Никс видела, как она бежит за ними, не отставая и не уступая в скорости, но в какой-то момент все заволокло туманом и... и вот они здесь, а Кей нигде нет.

С другой стороны, преследователи тоже остались там — это не могло не радовать.

— Паршиво, — заметил Найк, — придется ей вместе с Ирвис и Аристархом огребать от начальства. Ну, вместе — веселее. Кстати, это только вы несколько изменились внешне или я тоже? Одежку-то я вижу... А на лице у меня татуировок нет?

— У тебя только серьги золотыми стали, — успокоила его Никс, улыбаясь. — Так, ладно, раз уж мы тут, давайте осмотримся. Что там нам нужно? Фантасубвеструм?

— Да, если это — утес Серого Крыла, — ответил Рин.

— Как он выглядит-то хоть? — спросил Найк.

— Это... корабль, — серьезно проговорила Никс. — Золотой такой, огромный корабль. Увидишь — не ошибешься.

Они подошли к краю площадки и осторожно выглянули из-за него, обнаружив с одной из сторон утеса крутой спуск, на который смотреть было еще страшнее, чем просто вниз. Судя по тому, что им удалось разглядеть с этой точки, утес Серого Крыла представлял собой каменный пик, со стороны, наверное, действительно похожий на крыло — но, стоя на его вершине, определить это было невозможно. Его основание окружала непроглядная чернильная тьма, простирающаяся на некоторое расстояние во все стороны от утеса. Затем из тьмы возникала лоскутная земля убийственной, сумасшедшей, избыточно яркой красоты, и над нею же парили летучие острова, не заходя, впрочем, за линию, за которой начиналась чернота.

— Наверное, эту тьму Керри и называл истинной пустотой, — сказала Никс. — Это ее он не способен преодолеть.

— Ладно, теперь мы видели морок, — произнес Рин. — Другой вопрос... где нам на этом утесе искать этот ваш Фантасубвеструм?

Никс, кажется, знала ответ.

— В мороке частенько приходится ждать, — сказала она. — Я видела Фантасубвеструм, плывущий по небу. Возможно... возможно, он — словно паром, идущий по расписанию?

— Этот спуск, судя по всему, ведет просто вниз, и там снова обрыв в пустоту, — заметил Найк. — Так что не думаю, что у нас есть другие какие-то варианты. Если только ты не умеешь этот корабль как-то призывать.

Никс развела руками — черными, с красным рисунком на них.

— Ну, тогда ждем, — постановил Рин.

И все-таки они еще обошли площадку по периметру, на всякий случай, и везде увидели то же самое — окружающую основание утеса чернильную тьму и далекий цветной пейзаж.

Никс хотелось действовать, но, даже будучи в мороке не впервые, она не знала, что именно может сделать, чтобы как-то изменить ситуацию.

Почему-то ей думалось, что они увидят Фантасубвеструм прямо тут, пришвартованным. Но — не свезло. Это было какое-то странное, колючее ощущение, будто она подвела товарищей, хотя ясно было, что ее вины в этом нет. Ну, разве только, проклятие...

Найк рассматривал ее и в какой-то момент, вопреки их обычаю при других ничего такого не делать, протянул руку и коснулся... рыжих ушей на ее макушке.

— Ты что делаешь, — вспыхнула Никс.

— Не мог удержаться, — признался Найк. — Они такие... мягкие. Когда еще может случиться, чтобы...

Самое странное было то, что прикосновение она почувствовала, и от этого ее пробрало до самых пяток. Ух!

— О, а можно я тоже?... — дурашливо спросил Рин.

— Только попробуй, — проговорил Найк так, словно готов Рину что-нибудь отгрызть.

— Так, никто мои уши не трогает, — грозно сказала Никс обоим. — Свои трогайте. И вообще, почему бы вам не попытаться призвать магию? Моя, например, в мороке выглядит вот так.

И она выудила из-за пазухи свой пламенный клинок, который, освободившись, вмиг вырос из кинжала в струящийся, пламенеющий фламберг.

Парни впечатлились и о ее ушах, хвала Потерянному, забыли.

Никс вообще не знала, как себя вести с Найком при других, и оттого, что они почти никак ничего не демонстрировали, ей начинало казаться, что между ними ничего и нет. Поэтому вот в такие моменты, когда он вел себя вот так открыто, ей было и неловко, и радостно одновременно. Конечно, будь у них побольше времени, можно было бы как-то подвести народ к тому, что... Но времени не было, да и... кому оно надо, и вообще. Есть вопросы поважней.

Пока Найк смотрел вдаль, вероятно, пытаясь воззвать к своей странной силе, Рин тоже без дела не сидел. Ощупав ближайший серый валун, он закрыл глаза и положил на камень обе руки. В следующий миг из-под его пальцев полезли ледяные глыбы, заставив Рейнхарда срочно отдернуть руки и едва не споткнуться, пятясь.

— Это что вообще такое? — недоуменно спросил он. — Ну нифига ж себе...

— Что случилось? — спросил Найк, немедленно отвлекшись. — Что-то не так?

— Фундаментально не так, — ответил Рин.

Затем, потеряв руки одна о другую, он снова сосредоточился и провел ладонью перед собой, выписывая сложный многоугольник.

Под его пальцами, прямо в воздухе, будто бы из ничего возникали, стремительно вырастая, полупрозрачные граненые кристаллы, похожие на диковинные стеклянные цветы размером с человеческую голову каждый. От глыб веяло пронзительным холодом, и висели они в пустоте, словно недвижимые шарики с гелием.

— Ну ничего себе, — согласилась Никс.

— Так что не так-то? — все еще не догонял Найк. — То, что они не падают?

— Не падают — полбеды, — сказал Рин, недоуменно скребя затылок. — Я выудил их из воздуха. Из... я не знаю... из ниоткуда. Никакой исключительный чародей в реальности так не может, — серьезно добавил он. — Это невозможно. Нужна вода, любая другая жидкость, какая-то основа — но просто так... похоже, тут совсем другие законы магии и физики. Какой-то... какой-то сплошной миф, высшая степень мифа.

Никс обернулась к Найку:

— А с твоей силой что?

— Ну, что... — он пожал плечами. — Дорога тут одна — идет от того края платформы к вон тому краю. И все. Больше дорог нет. И даже эта... очень тонка. Вроде нечасто ходили, что ли.

— Пойдемте тогда туда, — предложила Никс.

Когда они добрались до края площадки, Никс снова взглянула на пейзаж вокруг и не

увидела ничего нового. Казалось бы, как могут надоесть летающие острова, фигурные горы, золотые облака? И все же ей казалось, что еще немного в мороке — и она вспыхивает к родным бескрайним степям, окружающим Змеиную Косу, любовью еще более искренней, чем раньше.

— Эй, а что это там? — спросил Найк, указывая куда-то вдаль.

Никс не сразу поняла, о чем он. Какое-то время она рыскала взглядом по цветастому пейзажу, пока не увидела, как далеко внизу, за черным обрывом, там, где начиналась лоскутная земля морока, поля начали краснеть. Словно тысячи маков раскрылись вмиг — плавно, волной нахлынул к границе алый цвет, запульсировал, разливаясь в стороны и распространяясь по кругу. Красный принялся нападать на невидимую преграду, растекаться по ней и снова отступать.

Никс поняла, что это, и возликовала:

— Керри! — воскликнула она. — Это Керри! Он нашел нас!

Но тут же все внутри опустилось, хотя сердце все еще ухало где-то под подбородком.

— И он в самом деле не может проникнуть сюда, — заметил Рин.

— Да, — Никс кивнула, — и точно... все-таки он говорил правду, и истинная пустота его не пускает.

— Но что это такое? — спросил Найк. — Вакуум?

— Космический вакуум не пуст, — заметил Рин. — Но даже если представить, что в каком-то месте отсутствуют частицы... Где-то я читывал, что все равно в любой точке вселенной так или иначе имеется то или иное поле. Так что, истинной пустоты не бывает. Но это, понятно, не о мороке. Видимо, тут она есть. Но если мы видим окружающий ландшафт — значит, свет проходит через эту пустоту? Будь она совершенной, разве не была бы она черной? Или это — только название?

Никс смотрела, как алый цвет собирается воедино, материализуя далекую, маленькую фигурку, на таком расстоянии видимую как еле различимый силуэт.

Керри парил над поверхностью одного из летучих островов, примерно на той же высоте, что и вершина утеса Серого Крыла, и махал рукой.

Никс подняла свою руку и тоже ему помахала.

— Знали б вы жестовую азбуку — поговорили бы, — хмыкнул Рин.

Никс вдруг поняла, что Керри не махал, а...

— Он показывает вверх! — смекнула она и тут же перевела взгляд туда, куда настойчиво махал Керри.

Золотистый блеск... белые паруса... промелькнувший за летучими островами силуэт был знакомым до боли.

— Фантасубвеструм, — прошептала Никс.

Из-за парящих в высоте скал медленно, величаво выплыл золотой корабль. Словно бахрома на ветру, плавными волнами перекачивались в небесной пустоте лопасти множества весел, сверкали в яростном солнечном свете гнутые узорчатые бока, золотились спутанные снасти, блестели ослепительным белым сотни треугольных парусов, огромных и маленьких, тут и там. Их оказалось так много, что за ними почти не было видно мачт. У корпуса корабля также имелось несколько уровней, и все они топорщились изящными витыми перилами. Радужными мазками рассыпались по сторонам блики от стекол иллюминаторов, разбросанных по кораблю, словно мелкие драгоценные камни.

Плывущая по небу громада заворожилась, почти раздавила своей величием и

степенной, неторопливой неотвратимостью.

— Так... кажется, эта штука не собирается нас забирать, — тревожно заметил Найк. — Если он не сменит курса, то пройдет мимо.

Следующую секунду все стояли, не двигаясь, осознавая, чем им это грозит и бешено ища выход. Никс бросила взгляд вниз, на Керри, затем на корабль, снова на Керри... ну как же так!

— Не пройдет, — почти зарычал Рин, закатывая рукава. — А теперь руки в ноги и... бегом!

И он одним движением создал устремляющуюся ввысь лестницу из парящих в воздухе ледяных глыб. Она выростала прямо на глазах, расползаясь неровными кристаллами и сверкая на солнце заиндевевшими гранями.

— Ну, что стоите? — он кивнул на лестницу. — Вперед! Пошли!

Никс сообразила, что она делает, уже после того, как обнаружила себя прыгающей с льдины на льдину.

— Жесть какая! — взвизгнула она, запрыгнув на пятую по счету, понимая, что третья, по которой уже прошел Рин, висит над бездной. — Делай их поближе!

— Не отставать! — скомандовал Рин.

Найк, пытающийся идти рядом с Никс, внезапно замахал руками и неуклюже хлопнулся вниз, потянув Никс за собой. Она успела ухватиться за льдину:

— Держись!

— Да что ж ты будешь делать, — Рин вовремя отвлекся от создания лестницы и помог им подняться.

Теперь они все втроем стояли на огромной высоте, и даже не на камне — на зависшей в воздухе лестнице изо льда. Найк пытался отдышаться, а Никс — унять дрожь в руках и ногах.

Слава Потерянному, пронесло.

Рин стал делать льдины поближе, добавляя несколько по бокам, делая что-то вроде перил, проходя по уже созданному льду.

Это помогло.

Они спешили, стараясь не смотреть вниз, и потому смотрели на Фантасубвеструм.

Его огромная резная туша вскоре заполонила все небо, позволяя рассмотреть все свои изгибы, сосчитать паруса и весла... Вот его золотой бок почти на расстоянии вытянутой руки... но нет, просто он настолько огромен, что сложно на глаз измерить расстояние.

Небесный корабль закрыл собой солнце, и сверкающие льдины, создаваемые Рейнхардом, потускнели.

— Поднимаемся, спрыгнем на него сверху! — крикнул Рин. — Я подведу мост как можно ближе! Поторопитесь!

Они припустили вперед, прыгая по ледяным ступеням, уже почти наловчившись не поскользнуться и не обращая внимания на холод. Никс сцепила зубы. Еще чуть-чуть! Виток лестницы вверх, следовать за Рейнхардом, ни шага впустую!

Они оказались выше предпоследнего яруса корабля, когда большая половина судна уже проплыла мимо ледяного "трапа".

— Ну! — поторопил Рин. — Прыгайте следом! Сейчас или никогда!

Он помедлил секунду, чуть отклонился назад, а потом без промедления сиганул вниз, приземлившись с кувырком. Не было времени бояться или раздумывать. Никс выпрыгнула следом, инстинктивно раскинув в воздухе руки. Ее мантия вздулась парусом, слегка

затормозив падение. И все равно она довольно ощутимо хлопнулась на разогретый солнцем корпус небесного корабля, а когда сумела подняться, увидела, что в пятнадцати метрах от нее соскребает себя с поверхности Найк.

— Мы сделали это, — выдохнула Никс, все еще не веря, что получилось.

Справа проплывал оставшийся далеко позади утес Серого Крыла и ледяная лестница, зависшая в пустоте. Над палубой корабля возвышались длинные, тонкие мачты, похожие на выросшие в корпус золотые деревья, вместо листвы несущие на своих ветвях треугольные паруса. Хитросплетение снастей и мачт полностью загораживало обзор, и что там, с той стороны корабля, было не разглядеть. В этот миг Фантасубвеструм показался Никс чем-то вроде того же острова, поросшего лесом.

Поднявшись, она подождала Найка, и вместе они доковыляли до Рейнхарда, уже тоже оправившегося, но почему-то сидящего на корточках и трогаящего золотистую поверхность палубы.

— Вы заметили, что это... этот материал похож на крыло бабочки? — спросил Рин. — Даже чешуйки на руках остаются...

— Ты думаешь, это — огромная бабочка? — изумилась Никс.

Ей было не очень приятно думать, что Фантасубвеструм — живой. Но... учитывая обстоятельства, это вполне могло быть правдой.

— Нет, тут, кажется, думать не слишком выгодно, — ответил Рин, поднимаясь.

— Керри говорил, что Фантасубвеструм — это лабиринт... — проговорила Никс. Вздохнула: — Он снова нам помог. А я ведь обещала ему, что попробую придумать, как ему выбраться оттуда...

— Из морока? — уточнил Найк.

Она кивнула.

Запоздало Никс подумала, что, находясь на утесе, могла бы попробовать разбить истинную пустоту огненным клинком. Вдруг вышло бы?.. Разбить, прорубить... почему она не подумала об этом раньше?.. Теперь-то туда не добраться...

— Не то что бы мне наш красный приятель особенно нравился, — задумчиво произнес Найк. — Но. Этот Фантасубвеструм — он же... он же пролетел над этой вашей абсолютной пустотой. Следовательно... То есть даже не так. Он пролетел рядом с утесом, преодолев пустоту. Но что мешает Керри забраться сюда, на борт?

— Керри говорил, что Фантасубвеструм недостижим, — сказала Никс, припоминая давний разговор. — Но почему?

— Может, он летает слишком высоко? — предположил Рин. — Или сам окружен этой самой пустотой? Или он имел в виду, что нельзя проникнуть именно внутрь?

— Ладно, — Никс махнула рукой. — У нас получилось. Мы пробрались сюда, теперь дело за малым. Что там дальше было?..

— Дальше — Сол, — ответил Рин. — Правда, туда ли сейчас эта штука плывет...

Найк нетерпеливо огляделся:

— Сейчас мы со всем разберемся. Ка... эм, Рин, что конкретно тебе сказала Вьюга? Можешь напомнить?

Тот сделал вид, что не заметил оговорки, и, помедлив, заговорил:

— Через Явер на утес Серого Крыла, оттуда — если повезет, мол, на Фантасубвеструм... Кажется, дословно это звучало так: он один способен доставить вас в Сол, что покоится в тени Сердца Мира.

— Ага! — Найк прищурился. — То есть не доставит, а способен доставить!

Никс хотелось взяться за голову, но она сдержалась. Ей казалось, что раз она была тут уже много раз, то ее опыт должен как-то помочь, но, судя по всему, выходило, что это не так. Впрочем, на что она надеялась? Что путешествие в Сол будет легкой увеселительной прогулкой? Как бы ни так.

— Ну, по-моему, тут вариантов нет, — сказал Найк, криво ухмыльнувшись. — Если способен — значит, надо его заставить.

— Фантасубвеструм? — уточнила Никс.

Вот теперь, по ее мнению, пора было паниковать. Как-то это попахивало святотатством, если честно. Но, наверное, это ее и ограничивало — она помнила, как о небесном корабле отзывался Керри, а вот теперь они стоят на том, что можно назвать палубой этого корабля, и ничего — все живы, хоть и пришлось побегать.

— Неизвестно, сколько и куда он будет плыть, — начал объяснять Найк. Он говорил взволнованно, но убежденно. — Может, он вообще дрейфует? Может, он приплыл на Серое Крыло потому, что там обнаружились мы? Но отвезет ли он нас, куда надо? Мы не можем знать. У нас сейчас только два варианта — ждать или действовать. Я предлагаю действовать.

— Смотри не сломай нам морок, — хмыкнул Рин. — Может, посвятишь в свои грандиозные планы?

Найк предостерегающе поднял руку:

— Дай мне пару секунд... я попытаюсь... кое-что найти.

Ему понадобилось больше двух секунд. Найк смотрел по сторонам минуты четыре. Фантасубвеструм двигался плавно и поворачивал тоже почти незаметно. Его движение не особо чувствовалось, если не смотреть на проплывающие мимо острова.

Никс заметила, что островов все меньше, да и сами они как-то помельчали. Она аккуратно подошла к краю палубы, заглянула вниз, выставив ногу впереди себя на всякий случай...

— Э-эй, народ, — она оглянулась через плечо, — мы поднимаемся!

— А я-то думаю, чего это все спокойно вроде бы, — посетовал Рин. — А у нас, оказывается, новые неприятности!

По лицу Найка прошла тень от мачты, потом его снова осветило солнце. Сощурившись, он махнул рукой:

— Туда. Если успеем... сможем попасть внутрь. Никс?

— Веди! — сказала она.

Сопrotивляясь встречному ветру, они пошли вперед, к носу корабля, лавируя между мачтами-деревьями. Никс сама почувствовала, как становится трудней дышать и леденеет воздух. Она заметила, что Найк уже дрожит и растирает себе плечи, но упрямо идет вперед.

— А что, если мне просто сообразить купол изо льда? — сквозь ветер и звон снастей предложил Рейнхард. — Уж всяко теплее будет, чем тут!

— Еще немного вперед! — Найк быстро оглянулся. Никс заметила, что у него на ресницах застыл иней. — Скоро уже дойдем!

Казалось, корабль бесконечен, палуба тянулась, словно замкнутая односторонняя лента. И вот мачтовый лес расступился, и, окруженные глубокими прорезями в золоченой поверхности корабля, показались... огромные задраенные люки, восемь штук в ряд, каждый — с огромным замком-штурвалом.

— Рин, помоги! — распорядился Найк.

Пока Никс пыталась осознать, что тут делают люки (если Фантасубвеструм — живой, если он — как бабочка, откуда люки? Бабочка-киборг?..), парни, каждый со своей стороны, взялись за работу. Упершись ногами в палубу, они принялись, кряхтя, поворачивать колесо. Первые несколько секунд от их усилий не было никакого проку — штурвал и не думал двигаться с места. Никс, закатав рукава, присоединилась, вложила всю свою физическую силу в упор... и, пускай ее было мало, это помогло, и механизм нехотя поддался. Скрипнула, заскрежетала резьба, крышка принялась медленно приподниматься.

— Быстрее! — командовал Найк. — А то я околею!

Три поворота — и крышка люка была сброшена на палубу. Никс нервно засмеялась:

— Представьте, что было бы, если бы мы крутили не в ту сторону!

— Что ж, значит, нам повезло, — хмыкнул Рин.

Никс заглянула в черное нутро корабля.

Внизу она увидела золоченый пол, гладкий, словно металлический.

Найк спустился первым и помог слезть и ей. Рин спрыгнул следом. Над его головой небо темнело и свистел, казалось, ураганный ветер, к которому они почти привыкли, когда были наверху. Внутри действительно было теплей.

— И что дальше? — спросил Рин.

— Дальше мы найдем у этой бабочки... Что там с кровеносной системой у бабочек? — через плечо осведомился Найк, делая пару шагов в темноту. — Короче, где-то эта штука должна управляться. Если уж она создана руками человеческими. А она создана.

— Ты не забывай, что это морок, — Никс достала пламенный клинок, и в металлической кишке, в которой они находись, стало светлее. — То, что тут есть люки и в стенах болты, это еще ничего не значит.

— Я чувствую, что у этой штуки есть центр, середина, сердце. Какая-то суть, — сказал Найк. — Мы можем это найти.

— Давай попробуем, — кивнула Никс. — Мы же сможем выйти тем же путем, что вошли?

— Пожалуй.

Они двинулись вперед.

Никс подсвечивала всем своим огненным мечом, оглядываясь то и дело, но вскоре она совсем потерялась, забыв напрочь, сколько поворотов, спусков и подъемов они преодолели. И это было немудрено: они постоянно шли по совершенно одинаковой ширины и высоты полой металлической трубе, на вид — золотой. Иногда она пересекалась с другими — они вводили взгляд в темноту или поворачивали, и разглядеть, что там дальше, не было никакой возможности.

Не страдая клаустрофобией, Никс все равно начала нервничать.

— Если эта штука вся состоит из таких переходов, — задумчиво проговорил Рин, макушка которого едва-едва не задевала верх прохода, — то это действительно лабиринт. Тут же можно всю жизнь проблуждать.

— Доверьтесь мне, — сказал Найк. — Это людей я только с зажатой струной найти могу. А место... с местом проще.

Становилось все теплее. Никс подумалось, что это, наверное, хорошо... Что же там внутри у этого корабля? Какой у него "мотор"? Ей представлялись громадные золотые поршни или, может, какие-нибудь чудовищные связки бессмертных механических рабов...

Она не смогла бы сказать точно, сколько они шли. Она не чувствовала усталости и

голода — только медленно накапывающее тепло, от которого, впрочем, ей не было слишком жарко. Похоже, Рину потепление скорее нравилось, а вот Найк начинал страдать. Он уже стянул с себя рубашку, которую выжимать впору было.

Их путешествие по металлическим венам Фантасубвеструма кончилось внезапно. Они вышли сначала в более широкий круговой коридор, стены которого были прошиты золотыми корнями, свисающими тут и там с потолка, словно гигантские щупальца, а затем, через небольшой круглый проход, они проникли в громадную ярко освещенную залу, в центре которой, закрытое гигантскими щитами из черного стекла, парило, сияя, что-то вроде карманного, миниатюрного солнца — сгусток ослепительного огня, режущего взгляд даже сквозь толщ плотных темных экранов. Кубический контейнер поддерживали те же корни, что свисали с потолка в прошлом коридоре, но тут они сходились к нему упорядоченно, похожие на два ловца ветра, что пересекают друг друга крест-накрест.

Всем пришлось прищуриться. Никс заслонила лицо рукой, хотя уж ей-то, скорее всего, бояться было нечего.

— Так, — заявил Найк. — Вот это — сердце корабля. Но это, кажется, слегка не то. Нам нужно что-то другое.

— Капитанский мостик? — предположила Никс.

— Подождите, — Рин отвел руку от глаз, — мне показалось, или этот свет там, внутри... поменял форму? Был шар... теперь это что-то вроде капли.

Никс, преодолевая рефлекс, попыталась подольше посмотреть на свет. И правда: его форма менялась, похожая то на круг, то на вытянутую рыбку, то на фасолину.

— Это... — медленно проговорила она, — кажется, это что-то живое.

— Никс, — предостерегающе начал Найк, но осекся.

Никс обернулась к нему:

— Отойдите с Рином в предыдущий коридор. Ты тут сваришься. А мне — самое место. Я попытаюсь подойти ближе.

— Что ты собралась делать? — все же спросил Найк. В глазах его был страх — не за себя, за нее.

— Я еще не знаю, — честно сказала она. — Я подойду ближе и посмотрю, что это. Что-то мне кажется... в общем, это смогу сделать только я.

— Ничего, сейчас он в обморок хлопнется, и я его утащу, — деловито пообещал Рин.

— Нет уж, я сам, — Найк прикрыл глаза, — я видел, как ты пьешь кипяток. Наверное, это и правда твое испытание.

— Идите, — поторопила Никс. — Рин, сделай ему ледика...

— Сделаю, сделаю, — пообещал тот, приобняв Найка за плечо и насильно выводя из залы.

Никс, удостоверившись, что осталась наедине со светящимся за экранами чем-то, решительно выдохнула. И ступила на тонкий мостик, который заметила еще раньше, тогда, когда Рин сказал, что светящаяся штука двигается.

В непосредственной близости к экранам из темного стекла металлический мостик уже светился красным. Никс запоздало поняла, что ее одежда может сгореть — вот это стыдно-то будет... но она ступила босыми ногами на раскаленный металл и шла по нему, ожидая, когда уже перейдет ту границу, за которой огненные элементалисты перестают чувствовать, будто сгорают заживо. Еще два шага к испепеляющему свету, наперекор своему человеческому существу... Никс крепко сцепила зубы и заставила себя идти вперед. В

следующее мгновение боль ослабла. Ее собственная магия далеко не вся ушла в кинжал, она стала защитой от жара и огня, вступив в полную силу.

Чем ближе Никс подходила к темному стеклу, тем сильнее эта магическая защита проявлялась и тем проще ей было смотреть на меняющийся стусток света. И вот она различила в нем силуэт, не человеческий, но с каждым мгновением все более четкий, детализированный — вот голова с огромными впадинами глаз, вот небольшие ручки, хвост, похожий на русалочий...

— Ты управляешь Фантасубвеструмом? — громко спросила Никс, в глубине души надеясь на ответ, хоть и понимая, что это очень маловероятно.

Светящееся существо какое-то время смотрело на нее, замерев, а затем, воздев руку, огнем на огне начертало какой-то знак и... кивнуло.

Никс почувствовала, что через жар ощущает, как по коже прошел холодок. Оно... это что-то понимает ее и слышит! О нет... неужели это еще один вечный страж морока? И он, так же, как Керри, заперт тут... хуже того — заперт в черном нутре корабля, в каких-то жалких трех кубических метрах!

Никс подумала, что, возможно, освободить всех подряд — не слишком хорошая идея, но что уж тут поделаешь: она органически не переносила несвободы.

— И как тебе? Не надоело? — спросила она у существа.

Силуэт ничего не написал — понурил голову, опустил плечи.

— Ты — Дитя Нашедшего Путь? — продолжила свой допрос Никс.

Светящееся существо энергично закивало.

— Первое?

Ответ отрицательный.

— Второе?

Второе Дитя Нашедшего Путь утвердительно кивнуло.

— Если я пообещаю тебе... — Никс сглотнула, — что попытаюсь найти твоего отца и сделать так, чтобы он тебя отпустил, ты поможешь мне?

Воплощенное солнце смотрело на Никс. Она не позволяла себе отвести глаз. Наверное, одежда на ней уже совсем истлела...

Медленно, словно само еще до конца себе не поверило, существо снова кивнуло.

— Я обязательно разыщу этого Нашедшего Путь, — пообещала Никс серьезно и искренне. — У меня к нему уйма вопросов. А сейчас нужно, чтобы ты... чтобы Фантасубвеструм сошел с маршрута, приземлился в мороке и мы подобрали на борт... твоего кровного брата. А затем отвези нас в Сол.

Существо замешкалось. Никс закусил губу: только б не передумало! Вдруг она просит его о чем-то невозможном? Что, если его долг — в том, чтобы никогда не сходить с маршрута? И если он так же упорен в следовании долгу, как Керри...

Светящийся силуэт поднял руку и снова что-то начертал перед собой, и Никс узнала тот же знак: "Да", — гласил он.

В следующий миг корабль задрезжал, затрясся, застонали сокрытые в его глубинах трубы. Никс ухватилась за перила, чтобы не упасть вниз, к основанию парящего в середине залы куба. Корабль меняет курс!

Она не могла поверить, что у нее действительно получилось. Внутри запела плохо сдерживаемая радость вперемешку с волнением.

— Я вернусь, — сказала она существу, — мне нужно предупредить друзей. Только...

кстати, а нет ли более короткого пути наружу...?

"Да", — написало существо, и в следующий миг под его кубической тюрмой раскрылись створки круглого люка — шириной во всю залу.

Снизу повеяло высотным холодом и свежим воздухом, в прорезях облаков показалась земля... Никс, почувствовав головокружение, крепче ухватилась за раскаленные перила.

— Ага, понятно, понятно, — затараторила она, — наверное, лучше пока прикрыть. Можно наполовину хотя бы?..

Створки стали съезжаться, и Никс, аккуратно ступая по тонкому мостику, сбежала вниз, на опоясывающий залу круговой пандус.

Выдохнула — теперь с облегчением. Только сейчас она сподобилась снова взглянуть на себя, и действительно, от одежды остались лишь опаленные лохмотья. Мда. Наскоро перевязав остатки мантии так, чтобы они хотя бы что-то прикрывали, Никс закрыла грудь одной рукой и, изобразив на лице всю возможную суровость, вышла во внешний коридор.

Рин с Найком еще и уселись достаточно далеко, так, что ей пришлось продефилировать к ним через полкоридора.

— Мне нужна твоя рубашка, — сказала она удивленно приподнявшему брови Найку, замершему с открытым ртом.

Когда она, уже более-менее одетая, привела ребят обратно в круглую залу, земля в проеме люка показалась совсем близко — мелькали какие-то поля, одинокие озералужицы... Корабль потихоньку останавливался, снижаясь.

Никс подумала — что, если Керри слишком далеко? Поймет ли он, что нужно лететь к Фантасубвеструму?

Корабль стал тормозить, и вся его громада протестующе застонала, с трудом сбавляя скорость и кренясь вперед. Никс ухватилась за один из золотых корней, Найк — за перила, Рин каким-то образом сумел перераспределить вес и устоять, разве только руки смешно расставил.

Створки люка разошлись, а корень, за который держалась Никс, внезапно зашевелился. Она едва успела отскочить от него — корень, сплетаясь с другими, устремился в образовавшийся проем, завязываясь в подобие трапа или лестницы, поддерживаемой теми же золотыми корнями, но потоньше. Нижний ее край не доставал до земли, да и, судя по всему, Фантасубвеструм все еще двигался, пускай и медленно. Видимо, полностью погасить скорость было сложно.

Никс ступила на лестницу из корней и, держась за витой поручень, спустилась на десяток ступеней, оказавшись под днищем корабля. Ветер тут же предпринял попытку сорвать с нее Найкову рубаху, а саму ее сдуть с трапа, но ему явно не доставало силы. Никс оглянулась. Слева и справа продолжали взбивать воздух весла — медленнее, под другим углом, но движение их не прерывалось. Сзади и спереди тянулось сплошное золотистое брюхо корабля. По лестнице, следом за Никс, спустились Рин и Найк. Они смотрели по сторонам, пораженные видами морока, еще к нему до конца не привыкшие... Наверное, поэтому Никс первой заметила вдалеке мелкую черную точку, которая все росла, росла, вселяя в душу надежду.

Точка приближалась скачками. В какой-то момент солнце затмил алый цвет — развевающиеся плащом длинные красные волосы Керри. Зависнув на распростертых крыльях черно-золотой мантии, он явился перед Никс во всем величии своего морокового образа: чуть более взрослый на вид, с кроваво-красным мечом в когтистой руке, серьезный, словно

на кону чья-то жизнь. Он опустился на самом дальнем конце ажурной лестницы, так, что Никс теперь смотрела на него сверху вниз. Он поднялся на пару ступеней, глядя на нее как-то... как-то неописуемо жутко, словно в нем борются нестерпимо противоречивые чувства. Никс сразу это увидела, но почему-то решила не верить себе и подумала, что это он просто рад тому, что за ним прилетели, и пытается эту радость не показать.

Но таким — взрослым, в этой форме мантии, с таким мечом — Никс видела Кровавый Рассвет впервые.

— Мы пришли за тобой, — сказала она, — как я и обещала.

Керри поднялся еще на несколько ступеней, оказавшись примерно в трех метрах от Никс. Он сдержанно улыбнулся, склоняя голову. Теперь в его взгляде Никс почудилась... странная горечь.

— Долог был путь твой, и вот снова ты во плоти здесь, на священной земле, — заговорил Керри. — Но печалит меня, что блуждали внутри небесного корабля вы чрезмерно долго. Глубока, словно Тлеющее море, скорбь моя. Вы переме...

— Вот только не надо мне этого, — Никс перебила его, смотря ему в глаза рассерженно и прямо, понимая теперь, что именно она почувствовала в нем. — Ты еще скажи, что собираешься нас убить. Да я ради тебя Фантасубвеструм уговорила!.. Нет, Керри, ты что, серьезно?..

Он смотрел на нее долго. Достаточно долго, чтобы Рин и Найк подошли ближе, встав по обе стороны от Никс.

— Я... не могу... противиться... — сквозь зубы ответил Керри. Дернул головой: — Долг... Я должен...

— О нет, — Никс чуть попятилась, осознавая ужасную правду, но уткнулась в Найково плечо. Снова впилась глазами в Керри: — Сколько мы там блуждали?..

— Трое... трое... — он вдруг согнулся, держась за голову. Потом с силой отшвырнул свой меч в сторону, и тот, стукнувшись о переплетение корней, соскользнул вниз и понесся к земле. — Быстрее! Бы... Сделайте что-нибудь!

Никс увидела, как в его правой руке снова стал формироваться меч — словно из ничего. Красный всполох — лезвие сверкнуло в сантиметре от ее носа, но ее резко дернули назад. Она завалилась на пол, больно ударившись пятой точкой, но головой впечатавшись во что-то мягкое, впоследствии оказавшееся животом Найка. В это время мимо Никс с быстротой и проворством, удивительными для такого большого роста, пронесся Рин. Он взмахнул правой рукой по направлению к Керри, описывая сложную фигуру, одновременно уклоняясь от удара, и в воздухе белыми пионами расцвели ледяные кристаллы. Три тут же раскрошились, пробитые алым лезвием, но остальные заветвились, выстрелив тонкими ледяными шипами. Несколько впились Керри в живот и грудь, пронзив насквозь. Керри зашипел, мигнул, словно попытался исчезнуть на секунду, но снова восстановился на том же месте, свободной рукой пытаясь удержать руку с мечом. Рин создавал все новые кристаллы, которые росли, стремительно обволакивая Кровавый Рассвет, лишая его возможности двигаться, заключая в ледяную клетку и вмораживая в себя. Керри снова дернулся, пытаясь вырваться из ледяного плена, и еще, и еще, его била крупная дрожь, челюсти ходили ходуном. Рин выбросил ладонь вперед, новый морозный цветок раскрылся, словно челюсти неведомого чудовища, и лед окончательно обездвижил Керри, сковал со всех сторон. Капкан захлопнулся. Внутри него, за толстой полупрозрачной стенкой, Керри превратился в густую красную кровь, затем, мигнув, в скользкого багрового червя, а потом, потрепыхавшись, снова в человека,

застывшего в изломанной позе, мерцая, словно поломанный экран — но все было без толку.

Никс обескуражено смотрела на это, отказываясь верить в произошедшее. Все случилось слишком быстро. Как же... что же теперь делать?..

— Бывает, — проговорил Рин обманчиво будничным тоном, выравнивая сбившееся дыхание. — Все целы?

Никс все еще не могла отойти от шока.

— Целы, — ответил за нее Найк. — Отделались легким испугом. Ох, не зря он мне не нравился!

— Что делать-то с ним теперь? — спросил Рин задумчиво.

Никс наконец оправилась. Она мягко высвободилась из рук Найка, взглянув на него немного виновато и в то же время благодарно, встала ровно, поправила рубашку и сказала решительно:

— Мы берем его с собой. Рин, ты сможешь поддерживать этот лед?..

— Да, но...

— Я знаю пару путей наружу. Антарг, например. Теперь, с Фантасубвеструмом, мы сможем переправить его туда.

— Нам придется его катить, — заметил Рин, оглядывая получившуюся конструкцию. — В горку.

— Я помогу его катить, если что, — сказала Никс. Тут же слегка смутилась: — То есть... Если надо, я буду катить его сама.

Найк, нахмурившись, склонил голову набок:

— По-моему, брать его с собой — неоправданный риск. Почему бы не выбросить его прямо тут? Шлепнется, оттаает, соберется обратно.

— Я обещала, — настойчиво повторила Никс. — Он не виноват, что не смог побороть свою природу. Он пытался, ты же видел.

— По сути, он позволил себя "победить", — добавил Рин, потирая подбородок. — Если б не это — фиг бы я его запечатал.

— Я думаю... — осторожно предположила Никс, — если... когда мы вытащим его обратно, он перестанет быть... таким.

— Ладно-ладно, я понял, — Найк примирительно поднял ладони. — Но, надеюсь, все согласны, что заниматься им стоит после того, как мы наконец разберемся с нашей основной задачей?

— Курс на Черный Город, — сказала Никс. — Пойду сообщу Второму Дитя, что... что с обещанным братцем небольшие проблемы.

Тащить замерзшего Керри внутрь корабля было опасно — еще оттаает, просочится, и опять разбирайся с ним... Так и вышло, что весь путь до Тлеющего моря и дальше Никс провела на спущенном из Фантасубвеструма трапе, обдуваемом всеми ветрами, рядом с вмерзшим в лед Кровавым Рассветом.

Судя по его поведению, от льда ему ничего не делалось, но и выбраться он не мог. Смотрел теперь отрешенно вперед, словно слепец, и даже дергаться перестал. Рейнхард запаял его ледяную клетку на славу, но все равно иногда спускался вниз и проверял ее.

Найк тоже часто спускался, но вскоре, замерзая, уходил греться наверх.

Когда Тлеющее море показалось на горизонте, Никс сбегала и позвала вниз обоих. Они все вместе сгрудились у перил, пялясь на распростершийся перед ними пейзаж во все глаза.

Они приближались к берегам Тлеющего моря.

Никс почувствовала, что небесный корабль ускоряется — весла заработали быстрее, ветер ударил сильнее. Наверное, даже ему небезопасно задерживаться над этими просторами слишком долго.

С высоты полета Фантасубвеструма очень хорошо просматривался величественный рельеф неумолимо приближающейся горы Антарг, висящей в воздухе подобно другим летучим островам вокруг нее. Внизу, под горой, лежала темно-серая пустошь, испещренная, словно язвами, яркими очагами тления, черными выжженными пятнами, застланная полупрозрачной взвесью из пепла и дыма. Вот оно какое, это их "море"...

Над пустошью, начинаясь примерно на половине пути от берега, парили острова, увеличиваясь тем заметней, чем ближе они подходили к Антарг. Каждый был так или иначе связан с другим островом тонким дугообразным мостом, и на саму гору тоже вели мосты и мостики от каждого ближайшего острова. Но не было видно никаких мостов, которые вели бы через Тлеющее море на самые первые, крошечные острова, и не было мостов к самому берегу.

Громаду Антарг венчало Игольное Ушко — два утеса, похожие то ли на пару неравных ладоней, то ли на согнутые указательный и большой пальцы руки, пытающиеся поймать вертящееся между ними яблоко красной луны.

Фантасубвеструм скользил над Тлеющим морем, на всех парах несясь к Антарг, ввинчиваясь в горячую, душную мглу. Внизу замелькали огненные пятна, до трапа стали долетать искры и разреженный дым. Запахло гарью, жжеными волосами и, почему-то, болотом.

Но никто не покинул трап. Прикрыв носы чем нашлось, все упорно смотрели на то, как приближается Сердце Мира, по легенде вырванное Потерянным из реальности и перемещенное в морок.

Что ж, выглядело оно... внушающе.

Фантасубвеструм сменил курс, обходя гору справа. Мимо его правого борта пронесся один из островов, блеснувший в пробивающихся сквозь дым солнечных лучах, — он весь казался выплавленным из темно-фиолетового стекла. Мост, ведущий от него к следующему острову, оказался кораллово-красным, и с такого расстояния легко можно было разглядеть резные узоры на его боках.

Острова замелькали один за другим, громада Антарг полностью закрыла солнце. Фантасубвеструм на предельной скорости преодолел Тлеющее море и, слегка замедляясь, вошел в тень Сердца Мира, отчего разом похолодало. На фоне багровеющего неба темная громада Антарг показалась прорезью, одной огромной дверью в другой мир.

Наик обнял Никс за плечи — он, пожалуй, подобрал очень подходящий момент, потому как ей тут же стало спокойней, пускай до этого она и не понимала, насколько напряжена.

Она положила ладонь на его скрещенные руки, прямо напротив своего сердца.

Она чувствовала, насколько важно то, что сейчас происходит, и это осознание наполнило ее торжеством, теплотой и уверенностью.

Они справятся с любой бедой. Поворачивать поздно, да и незачем: скоро все разрешится, и она приложит все усилия, чтобы все разрешилось хорошо.

Корабль начал плавно снижаться.

Внизу, покоясь в сизом пятне тени, виднелось что-то настолько черное, что нельзя было разобрать, что это. Только зная, что их пункт назначения — черный город Сол, Никс

догадалась, что там, внизу — город.

Фантасубвеструм спускался все ниже.

Как-то вдруг оказалось, что трап, на котором все сгрудились, пролетает мимо черных башен, внизу мелькают крыши, не отражающие света, а впереди, выделяясь кляксой на фоне лилового неба, высится гигантская крылатая статуя — судя по силуэту.

Корабль захряхтел снова, с трудом сбрасывая скорость, перламутровые весла, замерев, погребли в другую сторону. В этот раз судно сумело полностью остановиться, пускай и далось ему это с трудом.

Золотой небесный корабль завис на расстоянии двадцати метров над чернильно-черной улицей и окончательно замер.

Никс переглянулась с Найком и Рейнхардом.

— Спускаемся? — спросила она.

Вопрос был риторический, но Рин ответил:

— Секунду, я тут, кажется, придумал кое-что... надо проверить.

Он подошел к покоящемуся на ступеньках Керри, заключенному в кристалл. Обойдя его пару раз, коснулся льда в четырех местах, вытягивая из него угловатые полупрозрачные "ноги". Затем, положив на ледяной гроб обе ладони, на секунду прикрыл глаза... "Ноги" вздрогнули, разогнулись, приподнимая гроб над поверхностью трапа и, неуклюже притопывая, понесли Керри вниз.

— Вперед головой его переверни, — тихо посоветовал Найк.

— Да какая разница, — отмахнулся Рин.

Никс подумала, что с этими двоими любой серьезности дело способно превратиться в балаган. Она достала из-за пазухи огненный клинок, тут же удлинившийся, и тот попытался осветить дорогу... но не смог. Его пламени словно не в чем было отражаться. Он лишь выделил силуэт ледяной темницы Керри, которая, кстати, уже спрыгнула на поверхность Сола.

— Вроде со льдом все в порядке, — проговорил Рин, — значит, и нам, по идее, не должно ничего сделаться. Можно спускаться.

Никс запоздало поняла, что Рин убил двух зайцев разом — сообразил более комфортную транспортировку Керри и заодно базово проверил, что у здешней местности за свойства. Корить его за такое использование Керри было бессмысленно — она сама чуть радостно не спрыгнула на черную землю...

— Я так понимаю, нам туда, — Никс, справившись с собой, указала на силуэт крылатой статуи.

— Ну что, почувствуем себя святотатцами? — с улыбкой проговорил Найк, следом за ледяным саркофагом Керри ступая в темноту.

У Никс на секунду обмерло сердце.

Но ничего не случилось. Найк сделал шаг, второй, обернулся...

— Словно шершавый... асфальт? Или боковая поверхность спичечного коробка... сцепление, словом, что надо.

Рин спустился следом за ним.

Оба обернулись к медлившей Никс.

Она подняла глаза с поверхности Сола на них, затем оглядела окружающую их черноту, абрисы высоких, угольно-черных башен, силуэт вдалеке...

Ей все еще сложно было поверить в происходящее. Неужели, действительно?..

Да, это правда. Они, преодолев Тлеющее море, пришли в черный город Сол, принесли сюда Кровавый Рассвет, которому тут не место, заручились поддержкой Второго Дитя Нашедшего Путь, пообещав ему найти его отца, и вот теперь они собираются...

Теперь дело за малым.

Осталось найти и разбудить Вьюгу.

Путь через черный город был таким же смазанным, как и путешествие по золотым кишкам Фантасубвеструма: Никс не смогла бы точно сказать, долго ли они шли, прошел ли день или несколько. Она понимала, что это странно, что ей, например, не хочется есть, а она ведь тут во плоти... Она вспоминала, как Оливер Вайс с радостью пил здешний эль — но он-то был тут во сне.

Керри, наверное, смог бы сказать, сколько длился их путь. Но он ехал в своем ледяном коробе, и лицо его не выражало ничего. Можно было бы измерить время длиной и смыслом бесед — да вот беда, черный город Сол не располагал к беседам. Никс слышала лишь шорох одежд, стук шагов, собственное дыхание — но никакого эха, словно звук поглощался черным городом так же, как свет.

Каким чудом им удавалось не налетать ни на какие препятствия? Возможно, это потому, что они шли по главному проспекту?.. Никс иногда оглядывалась назад и видела застывший в темноте золотой Фантасубвеструм, в котором отражалось невидимое отсюда солнце морока.

Рин не выдержал первым и затянул что-то ей неизвестное, но известное Найку, который присоединился к Рину через пару минут солирования. Может, это что-то из репертуара группы?.. Никс мелодии не знала.

Отчего-то мелодия, выводимая их голосами, привнесла в шествие что-то еще, пробирающее до костей. Они прошли под черной аркой, и снова звук не отразился, не вернулся...

Песня без слов резко оборвалась.

Никс посмотрела вперед.

Крылатая статуя оказалась вдруг ближе, чем она ожидала, нависнув сверху исполинской тенью.

У ее основания на черную землю был нанесен странный геометрический рисунок — тонкие, светящиеся слабым серебром линии, круги, треугольники, ромбы... Присмотревшись, Никс заметила, что над этими фигурами парят в воздухе черные сферы количеством шесть штук, заметные потому, что... Она подошла ближе к тем, что были ниже остальных, держа перед собой огненный меч, чтобы проверить наверняка. Фигуры отражали свет! Гладкие, непрозрачно-черные, они отличались от абсолютной черноты остального города.

На полу под сферами имелись еще и некие странные росчерки, серебрящиеся, как рассыпанные блестки, на первый взгляд похожие на следы птичьих лап.

На том, что было, возможно, подолом статуи, тоже имелись тускло сияющие знаки.

Несколько секунд они смотрели на все это и каждый молчал.

Никаких ворот нигде не было. Ничего, похожего на вход. Никс задрала голову и посмотрела на статую.

Лестниц, кажется, не было тоже.

И как это понимать?

В тишине опасно и резко прозвучал сухой смех Рейнхарда. Никс обернулась к нему:

— Что?.. Что смешного?

— Рейни спятил, — "догадался" Найк.

— Нет, я... я в порядке, — ответил Рин, хищно улыбаясь. — Просто я уже думал, что зря... а тут оказывается, нет.

— Что? Что зря? — продолжала допытываться Никс, которую такие недомолвки всегда нервировали.

— Что зря я терзал тот дневник... — Рин говорил медленно, в его голосе слышалось болезненное осознание, — зря впитал память оживших Белых Королей, оставив из вороха воспоминаний только слова... но лакуны заполнены. Да... теперь я могу читать это.

— Поведай же нам, что тут написано, — предложил Найк. — Неужели кто-то все-таки оставил краткое руководство приключенца на случай форс-мажора?..

— Нет, — Рин убрал с лица даже намек на улыбку. — Не дождетесь. Так, думаю, тут вполне можно осмотреться... Главное шаров этих попытайтесь не касаться, думаю, это может быть... чревато. А мне нужно подойти поближе к надписи на самой статуе — будете смеяться, но в мороке я все еще близорук.

Никс не слишком хотелось осматриваться. Похоже, Найку тоже. В итоге они вместе с Рином подошли ближе к стене, и стали смотреть то на стену, то на Рина, ожидая от него объяснений.

— Ну? — не выдержала Никс.

Рин долго молчал. Никс была почти уверена, что это он не специально, просто слова подбирает, но ничего не могла с собой поделаться и злилась.

— Тут написано... — наконец заговорил Рин, — одно слово. Самый ближайший аналог... что-то вроде "назови себя". "Представься", вроде. В общем... если я правильно понимаю, теперь этот город требует от нас пароль.

— А те знаки? — Никс обернулась и указала на фигуры на полу.

— А это — мини-игра, — с дурацкой улыбкой сказал Рин. — Или, если быть точным, устройство ввода.

— И... как это понимать?

— Надеюсь, я не наврал. Наверное, я не должен был высказывать сразу интерпретацию...

— Переведи все дословно, — потребовала Никс.

— Ох, как же мне надоели эти лингвистические мозголомства, — вздохнул Рин. — Поймал бы я этих любителей кроссвордов, поймал бы и...

— Рин!

— ...то пророчества они в стихи запихивают, то вот это. Значит... сначала небольшой ликбез по устройству языка. Форма слов у нас не меняется, но меняется значение фразы в зависимости от того, как слова расположены относительно друг друга.

Он подошел к одному из шаров, под которым на черной земле светился смутным серебром росчерк линий.

— Человек с огнем внутри, — сказал Рин. — Под этим шаром написано примерно это. Под тем, что справа — "человек с ледяным нутром". В принципе, то же самое. Кажется, тут гадать нечего, так?

— Предположим, — неуверенно проговорила Никс. — Дальше?

— Под вон той сферой, которая пожирнее, над квадратом, написано "открыть путь, если имеется цена"... Ворота, двери... Или "открыть путь, если есть достоинство". Или "если плата достаточна"... Под ней же обозначение мира, сущего, настоящего... Бытия, короче. Уже чуть менее понятно. Дальше... Следующие две сферы, слева направо: "смерть" и "любовь". И пока вы недоумеваете, сразу же последняя сфера, над, собственно, треугольником — под ней стоит слово "большой". Великий, огромный, больший, более...

Никс нахмурилась, почесала затылок — не помогло.

— Ты говоришь, значение фразы зависит от порядка слов, — Найк обратился к Рину. — И какие тут есть варианты прочтения?..

— Хм, ну давай посмотрим. Первые сферы обособлены, но от них идут линии к той, что про открытие пути и цену. От нее линии идут к двум следующим и обе они соединяются с последней. Доктор, я вижу в этой картинке рыбку, а вы?..

Черный город, казалось, замер, прислушиваясь к тому, что творится у подножия статуи.

Невдалеке ледяной гроб Керри переминался на ножках.

— Рейнхард, сейчас мы избавим тебя от проклятия, а потом я тебя сама придушу, — пообещала Никс, справедливо полагающая, что время для шуток кончилось. — Несильно, но чтоб запомнил.

— Короче, — тот снова посерьезнел. Вряд ли испугался, просто отбросил шутливый тон, наверное. — Меня тянет провести прямую линию через эти сферы, завернуть ее и... Словом, если соединить левую начальную, среднюю, вторую левую и последнюю, выйдет "Тот, в чьем сердце огонь, да откроет врата, если достоин мир смерти великой".

— О мой бог, — прошептала Никс.

— Погоди пугаться. Если соединить правые сферы и последнюю, будет "Лед хранящий в себе да откроет врата, если мир большой достоин любви".

— Два варианта? — спросила Никс. — А если... если от правой сферы, через серединную, потом на вторую правую, потом на последнюю, а потом на вторую левую?

— Хм, — Рин призадумался. — Вроде, выкинуть левую и замкнуть потом кольцо? Можно и так. "Лед хранящий в себе да откроет врата, если более смерти мир достоин любви". И, наоборот, от второй левой через последнюю ко второй правой: "Лед хранящий в себе да откроет врата, если пуще любви мир достоин смерти". Теперь-то вы понимаете, почему я был так обрадован этим всем.

— Да уж, — согласилась Никс. — Теперь я понимаю.

Она была крайне озадачена. Да, это действительно напоминало какой-то пароль. Парящие сферы — ключи? Клавиши? Возможно, хранящий огонь должен прикоснуться к той, что на уровне роста человека, послать в нее импульс огня... Понятно было, что пробовать лишний раз не стоит, пока они не решат эту... загадку.

— Соответственно, если поменять лед на огонь, вот это кольцо остается все таким же неопределенным, — продолжила Никс думать вслух.

— Вроде того, — согласился Рин.

— Неужели... — Никс прикрыла рот рукой.

Ей на секунду подумалось, что неправильный ввод пароля... Но нет, не может быть такого, чтобы вот это... чтобы вот это и решало все. Как тут не ошибиться?.. Нужно знать? Но... зачем тогда они здесь? Зря, что ли? Почему Вьюга не сказала пароль? Или сказала? Или она не могла его знать?

А если верны первые Риновы прочтения? "Лед хранящий в себе да откроет врата, если мир большой достоин любви". Но точно ли лед соответствует достоинству любви? Может, хранящий не лед, но огонь откроет врата, если мир достоин любви?

В том, что мир достоин любви, она не сомневалась ни секунды.

— Ребята, — Найк смотрел то на Рина, то на Никс, — я все понимаю... но... вы же осознаете, что это — не Вьюга? Это — дверь. Замок, если хотите. Кодовый. Я не думаю, что само открытие замка... может спровоцировать что-то страшное.

— Откуда ты знаешь? — Никс покачала головой. — Что-то мне как-то... как-то это все... подло.

— Ну почему же, — хмыкнул Рин. — Кто-то решил защитить свою собственность. Не такой уж плохой способ.

— Мы столько преодолели, чтобы прийти сюда. И теперь... — Никс поджала губы. — Так, я сейчас слегка поубиваюсь, а потом подумаю. Просто... просто... ну как так?..

— Мы можем, конечно, попробовать что-то одно... — медленно начал Рин.

— Нет, не думаю, что мы имеем право пробовать, — отрезала Никс. — А если оно настроено на самоуничтожение в случае неверного ввода? Что тогда? Посмотри на это все внимательно, может, ты что-то упустил? Какое-то еще прочтение? А если начать с конца?

— "Большой любви цена — открытие мировых дверей несущим в сердце лед", — вздохнув, начал перечислять Рин. — "Цена великой смерти — открытие мировых дверей огонь в себе хранящим". "Откроет двери в мир тот, кто любит большую смерть, заплатив огнем внутри себя". "Откроет двери тот, кто... смертит?.. а, убьет большую любовь, заплатив холодом своего нутра". Уф. Я даже не знаю, как еще это можно читать.

— Опять же, варианты — это прекрасно, — сказал Найк. — Но. Вообще. Если рассудить. О том ли мы думаем? Не стоит ли теперь все эти варианты проанализировать? Чего, по-вашему, в самом деле достоин мир?

— Ну, понятное дело, мир достоин любви, — сказала Никс.

— А вдруг там у них извращенная логика и смерть есть лучшее любви проявление? — парировал Найк. — Вроде избавить кого-то от тягот смертной жизни... мало ли.

— Это у тебя логика извращенная, — мягко улыбнулся Рин. — Это совсем поехавшим психопатом надо быть, чтобы так это воспринимать.

Услышав это, Никс обернулась на ледяную тюрьму Керри. Может, он бы смог им что-то подсказать... но как его спросить? Вряд ли в таком состоянии он будет им помогать.

— Не то чтобы я так считал, но ведь в мире действительно много всего нездорового, — заговорил Рин. — Войны, болезни, шлепанцы Кей — ну, вы понимаете. Может, будь я слегка эксцентричней, я б посчитал... что смерть — то, чего мир не стоит, но почти что заслуживает.

— Погоди-ка, "стоит"? — переспросила Никс. — Мир стоит смерти? Не достоин, а стоит? Типа за него можно и умереть?

Никс показалось, что она нащупала.

— А любви, значит, не стоит, — скептически заметил Найк. — Или стоит? Кто готов пожертвовать любовью ради мира?

— Ну, звучит драматично, — пожал плечами Рин. — Но да, это слово можно читать и как "достоин", и как "стоит". Но... хм, не сказал бы, что это сильно облегчает задачу.

Никс принялась усиленно думать. Она заметила, что Найк отошел чуть в сторону, ближе к статуе и стал рассматривать надписи на ней.

Если бы какой-нибудь хрен с горы сейчас пришел к ней и сказал: значит так, этот парень исчезает навсегда, зато с твоими близкими все в порядке, либо — парень в порядке, а близких больше нет, да и вообще кругом взрывы и ураганы, конец не так уж далек. Что ты выбираешь? Никс передернуло от одной этой гипотетической формулировки. Конечно, Эль-Марко часто говорил, мол, "любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда"... Но Никс никогда не хотелось принимать это на веру, особенно — сейчас. Ей хотелось верить в лучшее.

Если бы ее заставили выбирать — она бы... наверное, она бы сказала, что своими жизнями должны распоряжаться хозяева этих жизней, а никак не она. И себя бы ради мира она смогла... смогла бы с этим разобраться, а другого... отдать за мир жизнь другого было бы высшим наказанием для нее.

Но она понимала также, что люди разные, и что другой вполне мог бы пожертвовать любовью. Кто-то, поставь его перед выбором, даже бровью не поведет и сделает все так, как надо. И это будет, в общем-то, горький, но... понятный, можно даже сказать хороший поступок, проявление баланса общечеловеческого альтруизма и врожденного эгоизма...

В этот момент она вспомнила о том, что говорил на последней лекции Абельяр Никитович. "Вы — не люди, когда-нибудь вы это поймете". Жаль, что он этого так никогда и не дожидается.

Но кто они, если не люди? Не их ли отношение к смерти, любви и миру определяет их человечность? Не поэтому ли знаки на статуе требуют: "Назовись!".

И кем должен быть тот, кто придет сюда, будучи в своем праве? Кого ждет это место? Кто на самом деле должен был освободить Вьюгу? Не тот ли, кто ее здесь заточил?

Кто это был? Нашедший Путь? Где он? Кто он?

Узнать это сейчас, кажется, невозможно.

Никс затаила дыхание.

Да, она не знает, кто он.

Но! Она определенно может сказать, какой он. Каким он должен быть.

— Ты что-то надумала? — вопрос Рина прервал ее размышления, но она уже знала, куда копать.

— Я еще точно не уверена, — проговорила Никс, — но... кажется...

Найк, услышав ее голос, вернулся от стены.

Теперь на Никс выжидающе смотрели оба, и она слегка ступевалась. Но, взяв себя в руки, заговорила:

— Смотрите, мы не знаем, кого ожидает этот замок. А это замок, да. И к нему должен быть ключ. Но мы знаем, каков он. Тот, кого этот замок ждет. Итак... помните самое начало? Фантасубвеструм, не пожелавший менять курса? Нам показалось что это — косяк, но что, если нет? Вдруг тот, кто на самом деле должен был пройти этим путем, вызвал бы Второе Дитя на расстоянии, заставив его подвести корабль ближе? Или — заранее знал бы о маршруте Фантасубвеструма и создал бы те же самые ледяные ступени, но сразу, и спокойно бы в нужный момент взошел на борт?

— Если первый вариант, то ему бы это было ни к чему, — сказал Рин. — Он бы подозвал Фантасубвеструм, и тот просто опустил бы ему трап.

— Далее, — Никс лихорадочно подбирала слова, боясь потерять нить. — Если Фантасубвеструм повиновался ему, то повиновалось и Второе Дитя. Даже если их связывает телепатия, как у чтецов, то как-то возникнуть она должна была? Значит, этот... этот кто-то

касаясь Второго Дитя. А это означает владение магией огня, причем... это проклятие большой силы. Я бы не смогла коснуться этой штуки. Я была на пределе.

— А как маг огня ты сильна, стоит признать, — подтвердил Рин. — Потенциально.

Никс решила не обращать внимания на его комментарий, хоть и была не согласна с такой оценкой. Продолжила свою мысль:

— Далее. Хотя нет, похоже, это все. Этот кто-то, под кого настроен замок, должен управлять огнем и должен иметь талант чтеца. Кроме того — но это уже мое предположение, оно вполне может быть ошибочным — я думаю, что где два проклятья, там и третье. Почему бы этому существу не владеть магией льда? Если он все это заварил и заставил уснуть Вьюгу. И вот представьте... что он пришел сюда, этот... исключительный чародей, способный одной рукой создавать пламя, а другой — лед. Сможет ли так Теодор, признанный архимагом? Сможешь ли так ты, Рейнхард, даже если ты теперь тоже исключительный чародей?

— Не смогу, — Рин покачал головой. — Я ограничен льдом. Измельчали исключительные нынче...

— Вот! А тот, кто все это устроил — думаю, он мог! И под себя все настроил!

— Стихии служат ему... — пробормотал Найк, — смерть у ног его, жизнь смотрит его глазами, ведает он будущее и прошлое, он многолик и един...

Никс и Рин тут же уставились на него.

— Чего? — Найк перегнул брови. — В храме давно были?

— Ни разу не посещал ни одного, — признался Рин. — Нам запрещено, знаешь ли.

Никс нервно рассмеялась:

— То есть мы предполагаем, что идем по следу божества. Тогда все логично. Если верить легенде о Сердце Мира, Потерянный совмещал в себе все то, что могут проклятые по отдельности, — она посерьезнела. — Так, не думаете ли вы...

Рин с Найком не стали озвучивать, что они думают — оба смотрели на нее с разной степенью озадаченности, но без недоверия. Кажется, они думали именно то, чего она боялась.

— Ладно, — Никс поежилась. — Хорошо. Мы идем по следу Потерянного, предположим, и ворота сможет открыть и тот, в чьем сердце огонь, и тот, кто повелевает льдом. Вопрос. Зачем было настраивать ворота так, чтобы в них могли зайти элементалисты?

— Не смогли бы, — напомнил Найк. — Ну, скорее всего. Кей не пустило. Я думаю, меня бы тоже не пустило и просто элементалиста не пустило бы, я тут только из-за того, что владею некоторой нестандартной магией... У тебя, Рин, сила тоже из ряда вон, и у тебя, Никс. Мы уже немного ломаем местную систему. Так что... может... стоит и доломать.

— Ну что? — спросил Рин. — "Тот, в чьем сердце огонь, тот, кто холод хранит, да откроют врата, если стоит любви и смерти огромный мир"?

Повисла абсолютная тишина.

В своем понимании, чего мир стоит и чего достоин, Никс была уверена. Но она ведь — не божество... совсем нет. Но как им узнать, что должно думать по этому поводу божество?

— Рин, — сказала она. — Что ты думаешь насчет смерти?

Найк должен понять, почему она спрашивает об этом не его. И он, кажется, понял.

— Я проделал весь этот путь, надеясь ее избежать, — проговорил Рейнхард, и слова его были искренни и тяжелы. — И если ты спрашиваешь меня, готов ли я умереть, если это

спасет тех, кто останется жить? Тех, кого я люблю? — он опустил глаза. — Да, пожалуй. Пожалуй, я смог бы.

— Но ты же нико... — Никс закрыла рот на полуслове, принимая его ответ.

— ...А если вы спросите меня о любви — то мир ее, безусловно, достоин, но, конечно, не стоит. Но у нас лишь один шар на эти два прочтения. Может ли тот, кого этот замок ждет, думать, что мир достоин любви и смерти? Может ли он думать, что мир стоит смерти и любви? — Рин криво улыбнулся. — Я не знаю.

— Я тоже, — нахмурилась Никс.

— Если только этот кто-то не умирал за этот мир, не отдавал за него все, и из-за этого не возненавидел то, что любит, вплоть до того, чтобы желать ему смерти, — хмыкнул Найк. — Воистину огромный простор для прочтений. И вот вам еще вариант: что, если тут требуется не соответствие заготовленной фразе, а что-то вроде ответа на старый вопрос? Что, если ответ — переменная?

— Пожалуй, нам остается только проверить, насколько мы дураки, — сказал Рин.

Никс устало улыбнулась:

— Ты предлагаешь положиться на мою удачу?

— Нет, я предлагаю делать то, что должно, и будь, что будет.

Никс подошла к той сфере, под которой было написано про хранящего в сердце огонь. Приблизила руку к гладкой поверхности, ощущая, как от непрозрачной черноты тянет холодом.

Рин стоял возле второй сферы и смотрел на Никс.

— На счет три, — сказала она. — Раз, два...

Мироходцы: откровение

Они шли мимо горящих свечей, мимо стен, испещренных золотистой мозаикой, и горячий воздух, поднимающийся вверх, искажал рисунки на стенах так, будто бы еще чуть-чуть — и они оживут, задвигаются. Мозаика будто бы вторила словам Ветивера, словно все это было о нем. Сам он был бледен. Айра иногда смотрел на него, пытаясь уловить хотя бы смутный отголосок возможной лжи, но лицо Ветивера было спокойным, бесстрастным, одни лишь глаза светились печалью, в них, прячась за отблесками огня, мелькали тени воспоминаний...

Айра с трудом мог поверить в историю, которую рассказывал Ветивер. Но после всего того, что он видел... не верить было бы глупо. И он отбросил сомнения и попытался слушать сердцем, чтобы понять учителя.

Тысячелетия назад Ветивер, когда он был еще молод (а он когда-то был молод и был глуп) стал мироходцем. Как и почему — совершенно другая история, знать которую Айре незачем. Имея силу и желание творить, Ветивер... создавал миры. Планетарного типа, в основном, на разном отдалении друг от друга. Чаще в параллельностях, изредка — в одной реальности, но в разных галактиках. Годы тренировок, изучения уже существующих систем, проб и ошибок, безжизненных глыб, истлевших, выжженных могил размером с луну — и вот, когда он подошел к созданию со всей своей любовью и терпением, когда он отдал почти всего себя, ему удался шедевр: мир-жемчужина, прекрасный, непротиворечивый, живой.

Айра не мог понять, как может это существо... своим вот этим порою нелогичным, парадоксальным разумом осилить такую задачу... Как мог он создать... мир? Планету? Все на ней? Болезни тоже? Уникальные рельефы скал, очертания континентов... разве это возможно? Разве может разум одного человекоподобного существа придать форму и цвет каждому камню, каждой мелкой твари? Разве может он быть создателем всех тех дивных существ, которых можно назвать живыми? Разве не должен быть способный на все это разум абсолютным, идеальным? Ветивер, видя его смятение, объяснил, что "создание" — слегка высокопарное определение. Скорее, миры он составлял. Словно пазл, как детский конструктор. Из того, что подглядел где-то, из того, что приснилось, что взял с собой, припрятав в широком рукаве, из того, о чем мечтал, строил он свой совершенный мир. И, создавая его, населяя его, пробуя получившееся на зуб, он дивился тому, что мир начал... жить. Жить и крепнуть. Развиваться, усложняться, словно прорасти огромным дубом из желудя, что раньше помещался в детской ладошке. В этом ожившем мире стали зарождаться некие сущности, чья потенциальная сила была намного больше той, что Ветивер вложил в них. И возрадовался он проросшим семенам, и жил на своей земле как смертный, наслаждаясь созданным, поддерживая порядок там, где требовалось его участие, хоть и был к тому моменту почти бессилён.

"Ну конечно, — подумал Айра. — Может ли не быть богом богоборец?.." Человек — а именно в человеческом облике был Ветивер, — шествовал рядом с ним, продолжая свой рассказ, в который все сложнее было поверить. Трещали свечи, скользил меж них узорчатый шлейф парадной мантии Ветивера, лоб мага то и дело пересекали тени от колонн.

Он живописал годы благополучия. Он не скрывал, что в системе были изъяны, и, вероятно, не все он мог исправить своими силами — что-то уже слишком разрослось, что-то было потеряно, каких-то мелких вещей он просто не замечал. Он признавал свое несовершенство. Он никогда не был идеальным. Но он старался сделать все, что мог...

И вот однажды в лелеемую им жемчужину пришли двое из внешних миров. Им понравился созданный Ветивером мир, и они решили не только остаться в нем, но и присвоить его, забрать этот мир себе. Словно дети в песочнице, жестокие, с неутолимой жадностью обладания, принялись они выживать творца из созданной им земли. "Голодные боги в изгнании" — так назвал их Ветивер. Осознав свою беспечность, он решил убить разом двух зайцев, и потому возвел вокруг своего любимого детища что-то вроде стены. Это было пространство, защищающее созданный им мир от попаданий извне. Пространство это было многослойным и питалось энергией людских душ, что путешествуют туда во сне.

Но оказалось, что возведение этой границы выело куда больше сил, чем он предполагал, оставив его самого почти беззащитным и крайне беспомощным... И долгое время он пробыл внутри своего мира, как в западне, неспособный противостоять пришедшим извне, замурованный вместе с ними, словно в темнице. Но выход из ситуации он нашел.

— Какой? — спросил Айра у остановившегося Ветивера.

— Это было моей ошибкой, — сказал он, взглянув на Айру, — Еще одной... страшной ошибкой.

По его лицу скользнула тень. Зеленые глаза словно померкли на секунду.

Он надолго замолчал. Тогда Айра спросил:

— Кем были те двое, что пришли из внешних миров? Как именно они собирались присвоить себе созданный тобою мир?

Ветивер прошел чуть вперед, обернулся к Айре, раскидывая по плечам темно-красные

КОСЫ:

— Они говорили, что я — талантливый мастер, но я для созданного мною мира мертв. Я, мол, не в состоянии с ним управиться. Мир не принадлежит мне боле, говорили они. Творение превзошло творца. Теперь, мол, лишь им под силу исправить все, что я сделал не так. Они знают лучше, — он тяжело вздохнул. — Но я-то видел, что между собой у них мира нет. Я видел, что, оставшись одни, они или разорвут мое детище на куски, или изуродуют так, что... какая-то из этих свечей навсегда погаснет.

— Знаешь, я, кажется, начал понимать, отчего твой характер скверен, — мягко сказал Айра, позволив себе тень улыбки, — и почему ты начинаешь считать людей и предметы своими. Ты многое потерял и многим привык обладать. Ты долго был тем, кто действительно суть — хозяин всего.

— Пожалуй, ты прав.

— Если все это так... — продолжил Айра, обводя свечи рукой, — и ты теперь здесь... вдалеке от того, тобой созданного мира... Что случилось с ним дальше?

— Пойдем, — Ветивер отвернулся, подождал, пока Айра снова окажется с ним рядом, и продолжил, иногда медля, словно не мог подобрать нужных слов. — Борьба с пришедшими извне длилась века. С переменным успехом. Иногда мне казалось, что я близок к цели. Иногда им почти удавалось уничтожить меня. И я понял, что такой как есть я их не одолею. И не одолею, если буду бороться с ними лоб в лоб. Я должен был быть хитрее. Я сказал своим лучшим и самым достойным ученикам, что отправлюсь во внешние миры, искать мудрости и силы, чтобы исправить несовершенства мира, чтобы он засиял. Ученики передали это людям, и те зачем-то решили, что я ищу им место для жизни после смерти. Но я лишь бежал от тех пришлых врагов. Нигде не было мне покоя, не было отдохновения. Не прельщала меня чужая власть и любовь, не манили тайны, не трогали злые интриги. Я хотел себе свой мир. Свой. Обратное. И я вернулся другим. Я был сильнее. К той силе, ради обретения которой я создал в собственном мире что-то вроде устройства самоуничтожения, ведущего обратный отсчет, — мол, если не мой, то ничей — я прибавил съеденные сердца чужих богов. Словом, я вернулся и со всей яростью и злостью обрушился на тех двоих... Но так же силен был ответ их, и не спасла меня новая злая сила. На долгие годы я впал в забытие, словно умер. Но — не совсем. Однажды я был возрожден. И я словно ополоумел, я так хотел... Снова случился бой. И во второй раз один из пришлых духов одолел и прогнал меня, мол, иди и найди Сияющий Мир, который в прошлый раз не отыскал. А что мне его искать? Я давно уже все нашел. Но мне пришлось уйти. И вот мы с тобой повстречались на одном из ветреных перекрестков. Если раньше я еще лелеял надежду вернуться и все исправить... теперь я все чаще думаю: а не стоит ли мне просто попробовать снова? Тот мир все равно погибнет — если я не вернусь. Накопить силы, найти хорошее место, и, зная теперь и умея, заранее воздвигнув защитную стену...

— ...и оставить тот мир-жемчужину во власти пришлых хозяев?.. — ужаснулся Айра, замедля шаг и почти останавливаясь. — На верную смерть оставить?..

— Посмотри на эти неисчислимы свечи, — Ветивер обернулся к нему. — Так ли ужасно, что одна из них вскоре погаснет?

Его волосы светились по контуру золотом, бледное лицо все еще было бесстрастным, но в словах его звучало отчаяние и разочарование. Но была там и надежда — слабая, почти незаметная, последняя надежда отчаявшегося.

— Я уже отдал за эту жемчужину жизнь, и я все еще помню и люблю то, что создал, —

проговорил Ветивер. — Пускай этого недостаточно. Но... я попробую снова. Да. Это будет последний раз.

— Я не понимаю, — сказал Айра. — Ты рассказал мне все... зачем? Или... постой. Ты знаешь дорогу назад, в тот мир, из которого изгнан. Но ты ищешь не просто путь. Ты ищешь... союзника? Чтобы не быть одному против тех двоих? Это и есть твой путь — найти того, кто встанет в твоей борьбе рядом с тобой, и тогда ты сможешь вернуться...

— Айра, ты очень талантлив, — голос Ветивера звучал глухо и низко, — ты умен, хоть я и ругал тебя почем зря. Ты нежен, решителен, смел, у тебя большое сердце, и Рем передает тебе добрые знаки. Но при всем при этом — прости, но нет, ты мне не союзник и даже не ровня.

— Но почему ты помогаешь мне? — обескуражено пробормотал Айра.

— Потому что при всем при этом ты... ты больше, чем маг и больше, чем мироходец. Когда — если — мы найдем дорогу назад, я надеюсь, ты сможешь исполнить свою часть уговора и, в свою очередь, поможешь мне.

— Мы? Дорогу... назад? Неужели мы... тот мир, который я забыл... город... неужели мы с самого начала ищем одно и то же?

Айра был оглушен, дезориентирован, потерял еще больше, чем когда-либо.

— Ты канул в бездну миров, — сказал Ветивер, подходя ближе, нависая над Айрой черным силуэтом с горящими зелеными глазами. — Ты использовал ключ, забыв о том, как он опасен. Я уловил рябь на поверхности... Я поспешил к тебе так быстро, как только мог — и сам сбился с пути.

— Но... это я шел за тобой! Я преследовал тебя!

— Верно, ты должен был думать так. Иначе стал бы ты терпеть меня? Стал бы ты учиться у меня? Стал бы ты дорожить мной, если бы думал, что это я нуждаюсь в тебе, а не ты во мне?

Айра стоял недвижно, пытаясь осознать то, что сейчас узнал. В нем нуждается божество? Что... что это все значит? Он сходит с ума? Или это Ветивер своими чарами и зельями пытается смутить его разум?

Ветивер мелькнул, его образ вздрогнул, погнулся, как пламя, которое тщетно пытаются погасить, и обратился Рем. Она шагнула к Айре, придерживая начавшие спадать просторные одежды, прильнула к его груди и сказала своим нежным девичьим голосом:

— В этот раз у нас все получится.

Когда Никс прикоснулась к парящей сфере, оказалось, что это — жидкость. Поверхность ее пошла волнами, а потом воспламенилась, став трепещущим черным факелом в глухой ночи. Шар, к которому прикоснулся Рейнхард, мгновенно замерз. От горящего и заледеневшего шаров вверх хлестнули два щупальца, огненное и ледяное. Пламя и лед одновременно обволокли следующее звено цепочки, тут же от него в обе стороны прянули белый и золотой лучи, пронзили шары "любовь" и "смерть" и встретились в последнем. Затем каждый луч удвоился — там, где был только огонь, теперь был и лед, и все пути замкнулись. Теперь над полом парили горящие глыбы из черного льда, соединенные мерцающими мостиками из огненной и ледяной магии.

Никс попятилась, отходя поближе к Найку, Рин тоже держался неподалеку.

Все ждали, чем же это закончится. Угадали ли они? Сумели ли дать верный ответ?

В следующий момент откуда-то сверху посыпался черный снег. Тут же раздался звук, похожий на близкий гром. Никс задрала голову. Огромная крылатая статуя словно раскололась надвое — но это лишь пошли трещины по слою черноты, обнажая темный, холодный металл.

В следующий миг Никс показалось, что статуя падает. Она хотела было бежать, но вовремя заметила, что...

— Стойте! — воскликнула Никс. — Она наклоняется!

Действительно — статуя, держа сомкнутые ладони перед собой, склонялась, или, скорее, присаживалась, одновременно расставляя ладони так, будто хочет зачерпнуть воды. Все это сопровождал ураганный вой сгибаемого вольфрама. Заржавел он, что ли?..

Вот уже смутно мерцающие в свете горящего льда пальцы коснулись черной поверхности пола, и статуя замерла, нависая над компанией недвижным слепым исполином.

Никс переглянулась с друзьями.

— Кажется, это и есть... дверь, — сказала она.

Понять предложение как-то иначе было довольно сложно.

Они прошли вперед, с опаской глядя на крылатую вольфрамовую деву, совершенно неподвижную, будто бы последних мгновений не было и она никогда не меняла своего положения.

Ее гигантские крылья упирались в черные дома за спиной. На каждой из ладоней уместился бы легковой автомобиль, что уж говорить о троих людях и одной ледяной карете на ножках.

Никс, забираясь "на ручки" к вольфрамовой деве, нервничала. Что будет дальше? Она полетит? Или встанет и понесет их куда-то?

Статуя начала подниматься, ладони вздрогнули и оторвались от земли. Вольфрамовая дева медленно подносила их к своему лицу. Когда Никс и компания оказались перед слепыми глазами статуи, та открыла бездонный рот и, распахивая его все шире и шире, начала подносить ладони к нему.

Никс охватила паника.

— Она собирается нас сожрать! — закричала она, нелогично цепляясь за большой палец статуи.

— Не дрейфь, я вижу тут путь! — Найк умудрялся удерживать равновесие на наклоняющейся поверхности. — Это такой эскалатор. Очень дурацкий!

Сквозь шум металла послышался голос Рейнхарда:

— Руки дизайнеру поотрывать!

Статуя вдруг замерла, поднеся ладони вплотную к лицу с распахнутым ртом. Никс, насторожившись, замерла тоже: что дальше-то? Во рту вольфрамовой девы темно, как в гробу, впрочем, не темнее, чем в Соле. Человеческая челюсть так не отгибается — но статуе это не мешает. Не могут же они попасть ей в желудок? Может, лучше попробовать отсюда спрыгнуть? Куда? Раньше думать надо было! Но ведь Никс никак не могла знать, что статуя захочет их съесть!

— И?.. — озвучил Найк общий вопрос.

В следующий миг статуя вновь ожила, опрокидывая содержимое ладоней в себя.

Поскользнувшись на гладком металле и случайно ослабив хватку, Никс полетела вперед и тут же впечаталась в каменную стену. Опомившись, она взглянула по сторонам и поняла, что они не в голове статуи и не в ее желудке. Как она могла забыть! Это же морок. Переход был мгновенным, они всего лишь прошли в "двери", а значит, никуда статуя не пойдет и не поедет. Они уже в каком-то другом месте, где-то еще.

За ними, там, откуда они выпали, зияла черная пустота, от вида которой почему-то передергивало, и Никс, развернувшись, взглянула вперед, на неширокий тоннель, словно выдолбленный в камне, с металлическим настилом на полу и россыпью точечных ламп тут и там, из которых сочился мертвенный зеленоватый свет, нагнетающий тревогу.

— Вы как? — Никс глянула на все еще несколько ошарашенных спутников. Найк пожал плечами — нормально, мол. Рин осматривал передвижной короб с Керри — с тем тоже, вроде бы, все было в порядке, пускай в ширину тоннеля он вписывался постольку-поскольку.

— Кажется, пройдет, — сказал Рин, хлопая ледяную карету по боку.

Ножки-кристаллы, стуча по металлу, подняли короб, он слегка покачнулся, стесал об стенку бок, но пошел. Компания двинулась впереди него, вниз по коридору, не медля, но и не спеша, прислушиваясь к тишине и бдительно глядя по сторонам. Довольно скоро они вышли в туннель пошире, перпендикулярный первому, облицованный желтоватым камнем, подсвеченный разноцветными витражными светильниками с замысловатым абстрактным узором. В двух концах тоннеля имелись арки, ведущие в темноту, а вдоль одной из стен тянулись узкие рельсы, потемневшие от времени.

— Так, — Никс уперла руки в боки. — Неужели снова ждать? Трамвая? Поезда метро?

— Не, — Найк показал на стену, — тут, кажется, имеется банальная и совершенно не загадочная кнопка вызова.

— Ну, жми, — сказал Рин. По тону его было ясно, что он готов ко всему.

Вскоре справа послышался шум, а потом из левого туннеля, подсвеченный витражными лампами, выплыл мини-поезд, состоящий из трех небольших вагонов без локомотива. Поезд выглядел старым, вычурным: сплошь фигурно гнутая бронза, малахитовые мозаики, красное дерево — но определить принадлежность состава к той или иной культуре, к тому или иному отрезку времени было невозможно. Когда он остановился, двери вагонов разошлись в стороны, открывая вид на внутреннюю отделку: сидения были обиты красным бархатом, поручни отлиты из бронзы, а настенные панели сработаны из янтаря. В окнах округлого силуэта светились нарисованные серебрянкой созвездия.

— Кто-то любил шикануть, — заметил Найк. — А бара нет?

Никс закатила глаза.

— Зачем тебе бар, мы и так словно в горячечном бреде, — ухмыльнулся Рин. Задумчиво покосился на ледяной гроб Керри: — А вот в вагон он так просто не влезет.

Лицо Кровавого Рассвета было все таким же каменным, каким сохранялось на протяжении пути. Никс снова задумалась, каково ему. Но делать нечего. Раз она взялась, надо довести дело до конца.

— Оставлять его здесь нельзя, — сказала Никс. — Так что, Рин, аккуратно убирай ножки, отрезай лишнее, втащим внутрь. Как-нибудь.

— Хм, тут небольшая проблема, — Рин развел руками. — Судя по всему, убирать лед обратно я не могу.

— Ладно, — Никс обнажила огненный клинок, — тогда я попробую.

Светящееся лезвие с легкостью откромсало ненужные куски льда и лишило гроб довольно объемных кристаллических ног. Никс старалась действовать аккуратно. Вроде бы, удалось. Рин следил за процессом, готовый, чуть что, снова запаять Керри в лед.

Через пару минут всеобщего участия и пыхания знатно похудевший ледяной короб удалось впихнуть внутрь вагона. В итоге он занял большую часть свободного пространства, так как везти его стоймя не решились — а вдруг навернется? Сами кое-как втиснулись рядом, расположившись на мягких лавочках.

Вторая совершенно не таинственная кнопка в выемке вагонной стены заставила двери закрыться, а поезд — тронуться. Никс подумалось, что такая простота обусловлена тем, что поезд тут всего один, а значит, нет смысла как-то согласовывать движение составов, и потому им можно управлять изнутри.

Быстро набрав скорость, поезд нырнул в черный зев тоннеля и пошел прямо, почти бесшумно скользя по рельсам. Из-за кромешной темноты вокруг и нарисованных на стеклах звезд казалось, что никакого движения и вовсе нет. О нем напоминал лишь едва слышимый стук колес и мерное раскачивание вагонов. Довольно долго путь был прямым, и пройденное расстояние не поддавалось вычислению. Свет в вагоне изредка затухал, но затем загорался снова.

Наконец скорость хода ощутимо изменилась. Всех наклонило вбок, и поезд, плавно завернув, пошел под уклон. Потом он снова завернул и снова направился вниз, повторив такой маневр еще несколько раз, словно тоннель, по которому он следует, ввинчивается в землю.

Спустя еще два поворота поезд выровнялся, замедлил ход, и тут в иллюминаторах стали мелькать голубоватые отсветы, сменившиеся довольно протяженными отрезками-окнами, и в них можно было разглядеть что-то... что-то непонятное.

Наклонные линии, перемежающиеся прямыми плоскостями, белый и голубой цвета, и все это как-то размыто, словно за запотевшим стеклом... нет, определить, что это они проезжают, было решительно невозможно, и Рин даже переспросил, видят ли остальные все так же смутно, как он. Никс, у которой никогда проблем со зрением не было, вглядывалась в нечеткие силуэты и тоже ничего понять не могла.

— Мне кажется, или в этих иллюминаторах... части тела? — спросил Найк. — Звучит как бред, но... Мы едем вдоль гигантской... ноги?

— Если так, то... ох и здоровенная она! — заметила Никс.

Впрочем, сама она никакой ноги не видела.

— Да она же размером с пару кварталов, — Найк смотрел в окно вагона, шурясь. — Вот

это... размах. Понятно теперь, почему для нее требовался целый город.

— Да где ты там что-то рассмотрел? — спросил Рин. — Я ничего не вижу.

— Ну вот же, — Найк показал на смазанную белеющую плоскость. — Если линии соединить... Ой, кажется, это уже бедро.

Дыры в тоннеле резко кончились. Какое-то время поезд снова ехал в абсолютной темноте, оставив пассажиров с воспоминаниями об увиденном и попытками это осознать. Через несколько долгих минут внутреннее освещение вагона учащенно замигало, дробя реальность морока на фрагменты. Табло над дверьми засветилось голубым, послышался мелодичный тоновой сигнал, и мини-поезд мягко затормозил, оглашая свое прибытие гудком. Створки дверей, помедлив, распахнулись снова.

— Приехали, — сказала Никс.

Уже единожды протолкнутый внутрь вагона короб с Керри удалось вытолкнуть наружу проще, хоть и не без труда. Рин снова отрастил ему ножки, пока другие оглядывались по сторонам.

Станция прибытия отличалась от начальной холодной лаконичностью: алебастровый, иссиня-черный, серый металл, прямые линии, трапеции скрытых в стенах ламп, источающих ровный белый свет. Сплошные железные ворота, утыкающиеся прямо в высокий потолок, разъехались в стороны, когда компания поднялась по невысокой лестнице и подошла вплотную.

Впереди, за круглой площадкой без ограждений, были видны бесчисленные белые колонны, уходящие вверх, теряющиеся в темноте. Казалось, колонны эти толщиной с дом.

Никс решительно пересекла круглую площадку и приблизилась к ее краю. Ожидая увидеть что угодно, заглянула вниз.

Оттуда сначала пахнуло холодом, таким, что Никс закрыла лицо рукой, а потом она увидела ее.

Да, это точно была она.

Вьюга.

Они и правда ехали мимо ее тела.

Внизу, впаянная в полупрозрачный лед, лежала женщина — обнаженная, бледная, недвижимая, и такая огромная, что статуя, поразившая Никс чуть раньше, показалась бы ребенком в сравнении с размерами этой пленницы морока.

У нее были на удивление нежные черты лица. Само оно светилось спокойствием и странным умиротворением. Кожа оттенком напоминала кремовые розы и будто бы мягко мерцала, словно матовый перламутр. В неровно стриженных коротких волосах Вьюги переплетались пряди цвета слоновой кости и серебра.

Она лежала в огромной стеклянной емкости с краями, охваченными металлическими пластинами, запрокинув голову на один из бортиков. Она словно заснула, принимая ванну.

Вот только тянущиеся к ней трубы и трубки, сплетающиеся в поблескивающие неряшливые клубки, говорили о неестественной, будто бы медикаментозной причине сна. Трубки оканчивались иглами, тут и там впившимися в тело.

И все же она была настолько настоящей и живой, что не оставалось никаких сомнений: вот ей-то вдруг начать двигаться куда естественней, чем той статуе, но она, в отличие от первой, совершенно неподвижна, и оттого смотреть на нее, одновременно живую и мертвую, жутко. Не от размеров ее титанических жутко, а оттого, что не дышит, что полностью неподвижна, словно восковая статуя. Слово человек, умерший во сне: идеально цельное

тело, поцелованное смертью.

— Надеюсь, никто не будет шутить по поводу размеров чего-либо, — мрачно сказал Рин, встав за левым плечом Никс

Ему никто не ответил.

— И как... как эту... это... как ее будить? — спросила Никс, с трудом подбирая слова. — Она кажется мертвой. Вон... не дышит же?..

— А мне интересно, как ее сюда поместили и куда она денется, если проснется, — произнес Найк, подошедший к краю площадки и остановившийся справа от Никс. Потирая озябшие плечи, взглянул вверх. — Может, оттуда спустили? Вроде бы путь какой-то есть... а вроде бы и нет.

— Это морок, ее могли пронести в виде горошины в кармане и тут уже развернуть, — сказала Никс. — Я ничему не удивлюсь. Но... ладно. Вот мы и здесь. Дальше... дальше что?

— Все просто, — произнес Рин, и что-то в его голосе заставило Никс повернуться к нему и взглянуть внимательней. Черные волосы медленно, но неотвратно выцветали обратно в белый, заодно незримо удлиняясь, завиваясь волнами. Лазорево-фиолетовое одеяние светлело, и когда Рин посмотрел на Никс, его глаза были абсолютно черными. Никс мгновенно поняла, что случилось. Рефлекторно отходя на пару шагов назад, она уткнулась спиной в Найка. Остановилась, сглотнула.

Вьюга говорит с ними через Рейнхарда.

Вьюге не нужно было никакого прикосновения.

Рин уже ее, он всегда ей принадлежал, и вот теперь исполняет свое предназначение.

Ему просто нужно было прийти сюда — и он пришел.

— Следуй за мною вниз, — сказал Рин, и с каждым следующим словом голос его становился все более потусторонним. — Ожидание подходит к концу. В сердце моем нет более ненависти, но и радости нет. Я не могу ликовать, я принимаю грядущее со спокойной обреченностью и светлой надеждой.

Словно отражаясь от стен и древних колонн, голос Рина дробился и звучал теперь будто бы отовсюду, пробирая до самых глубин, ввинчиваясь в сознание, как сверло. Это было то, что Никс чувствовала в нем уже давно — нечто, заполняющее пустоту, нечто, подавляющее и чарующее одновременно. Только раньше это была лишь бледная тень его, а теперь этот зов звучал, словно рокот близкой грозы, как напев бушующего моря: от него уже невозможно было абстрагироваться, невозможно его не заметить. Вьюга говорила через Рейнхарда, и плескалась в ее голосе такая ледяная жуть и такая милосердная благодать, что это спутало мысли и почти полностью подавило волю.

Никс была очарована этим голосом. От понимания, что все вокруг пронизано им, волоски на ее затылке встали дыбом. Сила Вьюги велика, и все, что колдовал Рейнхард до этого момента — лишь отражение ее, и его голос, тот, что пленял и сковывал, тот, что вскрывал сердца, заставляя испытывать сладкую боль и пьянящую радость — бледное эхо голоса Вьюги.

Рин пошел вперед. Стоило ему приблизиться к краю, под ногами его стали возникать ровные, гладкие ледяные ступени — не чета тем прерывистым и кривым кристаллам, что недавно создавал он сам.

Никс поняла, что должна идти следом, и без раздумий отправилась за ним.

Найк остановил ее, взяв за локоть мягко, но настойчиво.

— Эй... Ты уже все решила? — спросил он. — Это... кажется, это последний рубеж.

Никс обернулась к нему, смаргивая оцепенение.

Очарование словно отступило, замерло, колдовство Вьюги отпустило Никс на короткий миг.

— Ты уверена? — продолжил Найк.

Она пыталась найти ответ, но в голове было пусто. Никс видела в его теплых карих глазах тревогу, смятение и что-то еще — искреннее чувство, живой, даже какой-то животный страх, надежду, переплетенную с отчаянием.

Рин обернулся к ним. Он стоял ниже, на одной из белых ледяных ступеней, повисших в воздухе. За ним стелился шлейф светлых одежд, лицо его было бесстрастным, непроницаемым.

— Не стоит бояться, — сказал он уверенно и спокойно. — Вы сделали выбор давно, и он оказался верен. По крайней мере, насколько могу я видеть чаяния ваших сердец.

— Мы сделали выбор? — переспросила Никс, оборачиваясь к нему.

— Верно, — Рин кивнул. Сверкая черными глазами, продолжил, и каждое слово его было тяжелым, как камень: — Если оставить все как есть, я восстану и, не имея ни капли солнечной крови, обезумев, оголодав, буду искать того, кто мне предназначен, и пройду неумолимой холодной волной с севера на юг, и ежели не найду в этом мире, отправлюсь искать в другой. Но коль прорастет в груди моей семя огненного цветка, я почую искомого через века и пространства, я призову его или отправлюсь за ним, зная, где он, наверняка. И вот вы здесь, и я знаю, что вы приготовили дар для меня. Значит, не будет смертей и страха. Значит, вы сделали выбор.

Никс слушала, что говорит через Рейнхарда Вьюга, с разумом чистым и кристально ясным: она, кажется, смогла привыкнуть к ледящему очарованию измененного голоса и взять под контроль свои чувства.

Сказанное Вьюгой делало весь пройденный ими путь оправданным. Да, пожалуй, так оно и есть. Кажется, все встало на свои места — и как Никс раньше не могла понять этого? Как не могли знать об этом седые старики — нынешние и прошлые главы гильдий? Как могли понять так превратно пророчество? И сложно уразуметь, почему Вьюга избрала настолько долгий и сложный путь к освобождению — но что ей, предвечной, какие-то жалкие годы короткой жизни людской?

Никс обернулась к Найку, желая поделиться своим осознанием, но в этот миг Рин заговорил снова, быстрее и четче, словно древняя сущность, живущая в нем, вопреки сути своей способна еще испытывать нетерпение:

— Когда я проснусь, первый миг я буду яриться, я буду опасна. Берегитесь, держитесь колонн и стен, не смотрите в мои глаза, пускай я буду смотреть на вас. Пленителен и опасен для человека взгляд мой, способен любого сделать моим добровольным слугой до конца жизни его. Но после, когда я стану собой, когда разум возобладает, ступайте следом. И да случится встреча, которая нам уготована.

Никс улыбнулась Найку — мол, все будет хорошо, и сжала крепко его ладонь. Секунду они смотрели в глаза друг другу.

— Наверное, это стоит того, — сказал Найк.

И отпустил ее руку.

Никс, понимая, что дольше тянуть не стоит, выдохнула, решительно развернулась и поспешила вниз по ступеням, догоняя Рина, спускающегося уверенно и степенно и уже достигшего головы огромного тела, уснувшего во льдах.

Они проходили мимо лица замерзшей недвижимой фигуры — длинные густые ресницы ее были серебристыми, как и волосы, и похожими от этого на веер из гнутых тонких шпаг. Она не воспринималась голой — скорее, обнаженной, казалось даже, что тонкий лед облек ее в какое-то подобие платья; иней выступил на бархатной коже, словно изысканный, сложный кружевной узор.

Двадцать шагов по льду — и они оказались прямо над ее сердцем.

Тонкая корка замерзшей воды отделяла их от застывшего под ней тела.

Никс посмотрела на Рина, в его бледное бесстрастное лицо, в непроницаемые черные глаза.

— Здесь, — сказал он. — Возьми же огненный клинок и пронзи мою холодную плоть.

— Но зачем? — спросила Никс, растерявшись вдруг. Как всегда, в самый неподходящий момент, в голову полезли опасения и сомнения: — Мы же можем повредить ее... твою... ваше сердце. И легкие. Не лучше ли... вену... если это — лекарство?..

— Людскою меркой меня не меряй, — чудовищный голос на этот раз прозвучал мягко и даже как будто тепло. — Да, есть у меня сердце, но иное оно. И если хочу я увидеть еще один сон, этот должен закончиться.

Никс, послушавшись, обнажила сияющий огненный клинок. Отсветы упали на мертвенно-бледное лицо Рейнхарда, на покрытое изморозью тело Вьюги...

— Прямо здесь? — переспросила Никс.

Ее руки тряслись, на лбу выступил пот.

— Здесь, — Рейнхард прикрыл глаза.

Никс посмотрела на свои руки — черные пальцы сжимали сияющую пламенную рукоять. Оглянулась вокруг — темень, колонны, огромное застывшее лицо Вьюги... Рин стоит ровно, прикрыв глаза, он неподвижен, в нем — терпеливое божество, ждать которому осталось всего ничего.

Все замерло в тишине.

В голове Никс с быстротой молнии мелькали мысли. Что, если сейчас не грудь Вьюги пронзить, но сосуд ее? Не станет Рейнхарда. Что будет с Никс и Найком? Узилище Керри растает, и они не смогут уйти от него. Поможет ли это миру, о котором так много было бесед? Кажется, вот, все карты открыты — и все же... Никс мало что могло испугать. Страх ее редко был страхом сиюминутным, неконтролируемым, таким, что идет изнутри, таким, что нельзя обуздать. Обычно ее страшили только последствия тех или иных дел. Так и теперь: неверный шаг, неправильный выбор могли разрушить все, и сейчас она осознавала это особенно остро.

Именно этого она боялась. Именно это заставляло ее руки дрожать.

Понятно, самоубиться тоже не выход. И Рейнхарда пытаться порешить — тем более. Вариантов, в общем-то, нет. Вьюга была права: выбор сделан.

Остался последний шаг и последний страх.

Ни закрыть глаза, ни уйти, ни убежать.

И потом она вспомнила, зачем именно сюда пришла. Подняла взгляд на лицо Рейнхарда и обратилась к Вьюге:

— Если мы тебя разбудим... ты его вылечишь?

Черные глаза открылись. Божество молчало, словно вопрос был слишком глуп.

— Ладно, я не слишком надеюсь на встречу, которая вроде бы как обещана. Главное — мы же не зря все это делаем, да? — Никс осознавала неуместность своих вопросов и в то же

время не могла перестать их задавать.

Ответа не было. Никс уже пожалела обо всем, о чем только можно.

Но, помедлив, Вьюга все же ответила ей:

— Я могу подождать.

Точно. Она может подождать и проснуться... другим способом. Они ничего не решают, кроме того, как Вьюга проснется.

И вроде бы все уже ясно, открыты все карты, бери и делай... Никс колебалась, чувствуя, что не может верить до конца никому. Не пора ли в таком случае поверить себе?

"Правильно ли я делаю?" — спросила она саму себя.

И пришла к неутешительному выводу: а кто его знает.

Очевидно, есть в мире вещи, исход которых не предопределить. Вещи, которые ты должен сделать, понимая, что не знаешь, к чему это приведет. И в то же время действовать в такой ситуации можно, лишь признав, что каким бы ни был твой выбор и его результат, ты готов взять ответственность на себя. Никс понимала, что то, что она сделает сейчас, станет для нее вечной таблеткой от перфекционизма. Наверное. Но никакого страха перед чистым листом точно больше уже не будет. Они сделали, что смогли, и пора пожинать плоды. И если все пойдет прахом — она приложит все усилия, чтобы это исправить. Если будет жива. Ну а пока...

В глубине души Никс знала, что последний шаг преодолит с легким сердцем.

Она встала на колени, затем села на пятки. Подняла огненный клинок над головой, развернув острием к сердцу Вьюги.

И с отрешенностью, с которой ступают в бездну, с той пустотой внутри, с которой совершают самые страшные и самые необходимые вещи, она размахнулась и всадила огненный клинок в плоть спящего божества, легко, по самую рукоять, чувствуя, как исчезает, вытекает из нее самой что-то, что было с ней слишком долго, но никогда ей не принадлежало.

Огненный клинок растворился в теле Вьюги, истаял, словно след от свечи, отпечатавшийся на сетчатке глаза.

Сердце Никс отсчитало удар, второй, третий — ничего не произошло. Тишина была абсолютной, ни один мускул на лице спящей Вьюги не дрогнул. Рин стоял, опустив руки и прикрыв глаза.

В следующий миг он покачнулся, накренился вперед и, завалившись немного вбок, осел безвольным кулем. Никс вскочила, чтобы не дать ему упасть...

В это мгновение серебристые ресницы пошевелились.

Под веками Вьюги задергались, вращаясь, глазные яблоки.

Она распахнула глаза.

Никс, замерев, замороженно смотрела в них, не в силах отвернуться.

Это были не просто глаза — две сияющие ледяные пропасти, исполненные света, настолько живые, насколько это вообще возможно. Они горели синим огнем звездных скоплений, в них словно отражалось небо, таким, каким было бесчисленные миллионы лет назад.

Никс не могла отвести от них взгляда, напрочь забыв завет Вьюги.

В этот момент кто-то толкнул ее в сторону, и она, будучи слишком легкой, чтобы сопротивляться, полетела вниз, стукнулась о лед, а опомнившись, тут же была придавлена свалившимся на нее телом. Выпутываться из заполонивших все многослойных одежд

пришлось уже под треск и скрежет ломающегося льда, за которым потерялось ее шипение от полученных ушибов.

— Скорее! — закричал Рин, подхватывая Никс под локоть, поднимая на ноги и утягивая за собой в сторону колонн.

Никс, не успев опомниться и понять, что происходит, заставила себя бежать так быстро, как только может, с трудом поспевая за Рейнхардом. Добравшись до края стеклянного бассейна, в котором лежала Вьюга, они не нашли ничего лучше, чем прыгнуть вниз. Рин успел создать ледяную платформу на половине пути, и они, шлепнувшись на нее, покатались к краю и снова полетели куда-то во тьму. Вторая платформа вышла куда более устойчивой, впившись в одну из колонн, и на ней падение наконец остановилось.

Никс, пытаясь отдышаться, смотрела на то, как за толстым стеклом бассейна крошится и ломается лед, как огромное бледное тело дергается, пытаясь выломаться из прозрачных, холодных оков, как рвутся трубки и провода, изрыгая мутную жижу, тут же застывающую и бьющуюся на мелкие куски. Вьюга вырывалась из своей холодной тюрьмы, и лед проигрывал этот неравный бой, треща и лопаясь. Разрываемый белесой плотью, он шумел, словно камнепад. В какой-то миг Вьюга вдруг замерла, наполовину выбравшись из осколков, затем моргнула и на мгновение исчезла. В следующую секунду она появилась там же, но уже меньше, измененной, не похожей ни на что, виденное Никс ранее. Правильное, пускай и бледное человеческое тело сменилось чем-то жутким, не имеющим четких контуров, кроме тех, что очерчивали заостренные когти, голубоватые клыки и серые искривленные рога, чем-то напоминающие зубцы короны. Сотканный из темного тумана силуэт то и дело сменялся мокро поблескивающим чудищем из грязного льда, словно его подняли из глубины болот. Он начал поворачиваться... на мгновение Никс заметила за стеклом два светящихся светло-голубым глаза. Она поняла, что пропадает. Снова оторвать взгляд от них было выше ее сил... Рин потянул ее к себе, заставляя отвернуться от того, во что превратилась Вьюга, прижал к груди и не давал вырваться, как бы Никс не пыталась.

Треск ломающегося льда, басовитый набат корежащегося металла и тоскливый, нечеловеческий стон чудовища, которым стала Вьюга, сливались в ужасающую какофонию.

Никс не могла бы сказать, сколько это продлилось. Наверное, долго. Она даже перестала вздрагивать от слишком громких звуковых ударов. В ее голове успели пронестись самые ужасающие варианты развития событий, мысли о том, что все они ошиблись, и вот сейчас... сейчас... сейчас ее жизнь оборвется, и ладно уж, пускай не такой смерти она ждала, но эта, пожалуй, не будет так уж плоха — в конце концов, Рин теперь казался ей не настолько пропащим, как раньше. Он искренне хотел защитить ее от нее самой, ведь почему-то оторваться от взора Вьюги она не могла.

И вдруг все кончилось.

Тишина, накрывшая огромный зал, не была абсолютной, но ее хватило, чтобы Никс смогла услышать свое собственное дыхание.

Рин отпустил ее. Никс, развернувшись, увидела, что стенки бассейна, в котором лежала Вьюга, упали, сложились, как карточный домик, громогласно хлопнув напоследок.

Над грудями льда и битого стекла теперь парила, источая мягкий голубоватый свет, дева в одеждах цвета холодного зимнего неба, с серебристыми длинными волосами, струящимися на несуществующем ветру, со спокойным и чистым лицом, с чертами правильными и острыми, а еще... еще дева была почти что нормального человеческого роста — может быть, чуть выше и крупнее обычной женщины, но это был уже далеко не тот гигант, что заполнил

собой огромную залу.

Дева оставалась недвижимой лишь несколько секунд. Медленно повернувшись, она полетела к противоположной стене. Она парила в нескольких сантиметрах над раскрошившимся льдом, перемешанным с битым стеклом, и полы ее одежд едва касались смеси из острых осколков.

Когда она подлетела совсем близко к колоннам, то повелительным движением протянула руку вперед. Повинуясь ей, сломанный лед вздрогнул, сложился в шипастую змею и ввинтился в стену, ломая ближайшие колонны и тут же прорастая в них колкой кристаллической лозой, не давая камню обрушиться. Змея закрутилась, образуя круглый ледяной портал, в центре которого проявилось, выцвело темное окно, ведущее в ночь.

Вьюга, не замедляя движения, плавно и величаво влетела в этот портал.

— Нам, полагаю, за ней, — сказал Рин.

Никс опомнилась. Оглянулась по сторонам. Оказалось, что им до пола, покрытого ледяной крошкой, еще метра три, но с этим они быстро справились при помощи Риновой магии.

Никс почему-то казалось, что вот теперь им стоит поспешить. Она не знала, как долго развернутый Вьюгой портал будет открыт.

Но тут нарисовалась еще одна проблема. Лестница, по которой они спускались к Вьюге, была разрушена, а Найк остался наверху, вместе с Керри.

Никс с Рином принялись думать, как это разрешить.

Пока они думали, Никс заметила, что портал... Портал, оставленный Вьюгой, сужался. Надо было спешить.

— Рин, — сказал Никс серьезно, глядя ему в глаза. — Нет времени объяснять. Строй им ледяную горку.

— Вот она — вершина моей карьеры, — Рин хмыкнул и криво улыбнулся.

Да, следующее его волшебство было одним из самых впечатляющих и в то же время самым нелепым из всех. Не мудрствуя с лестницами, он, сосредоточившись, заставил льдины, оставленные Вьюгой, сложиться в длинный пологий спуск, достаточно широкий, чтобы на нем уместился саркофаг с Керри.

Дальнейшее произошло очень быстро — Никс даже не успела как следует испугаться за жизнь и здоровье обоих спускающихся сверху.

Из-за края площадки показался передний бок ледяной кареты.

Прозрачный короб перевалил за край и устремился вниз, подпрыгивая на неровностях. Докатившись до основания спуска, с брызгами врылся в месиво из стекла и льда, замедлился, повалился набок. Лед, из которого он был сделан, такого надругательства не выдержал и дал трещину. Рин тут же подбежал ближе, положил на него руки и принялся колдовать ледяные "заплатки". Никс, опомнившись, бросилась к Найку, который проехался на "гробике" с ветерком и успел соскочить чуть ли не в последний момент.

— Я уже думал по путям вниз идти, — сказал он, глядя на свои дрожащие пальцы.

Никс протянула ему руку, помогая подняться.

— Поспешим, — сказала она. — Вьюга говорила, чтобы мы шли за ней.

— Ну что ж, — произнес Рин, отворачиваясь от починенного ледяного короба, — полдела сделано. Все живы. Мир, кажется, не собирается коллапсировать, по крайней мере Мир Снов. Давайте глянем, что там еще у них припасено на наш счет.

Они двинулись к порталу.

Никс первой забралась по ледяным глыбам, напоминающим неровные ступени, ожидая увидеть в черноте за дверью что угодно. Впрочем, проход все еще был достаточно широким, чтобы они смогли войти туда втроем. Никс подождала друзей.

Они вместе ступили за грань, в душную звездную тьму, вынырнув из холодной и теперь уже пустой залы, чтобы тут же очутиться в...

Никогда еще Никс не видела, чтобы морок так разительно менялся прямо под взглядом наблюдателя.

Она видела светлый силуэт вдалеке — Вьюга все так же парила невысоко над землей, но за ней простирался шлейф, расширяющийся, растекающийся кругами, словно пролитая в воду краска. Черный город Сол излечивался от своей черноты, белели стены, красные, фиолетовые, желтые крыши поблескивали в первых рассветных лучах, словно мозаика из стекла.

Никс с остальными оказалась стоящей на высоком холме, на вершине широкой, длинной лестницы.

Сол, застывшая над ним Антарг со стаей летающих островов, красное яблоко луны на вершине Сердца Мира — все лежало пред ними, как на ладони.

— Куда она идет? — спросил Рин, очевидно имея в виду Вьюгу. — Она уходит из города?

— Н-не знаю, — растерянно проговорила Никс. — Может быть...

Вьюга плавно летела над улицами, окрашивающимися в белый, пока не остановилась там, где на город не падала тень Антарг.

— Погодите... вы тоже это видите? — спросил Найк. — Как это?.. Солнце — вон, только выбирается из-за горизонта, откуда же...

Никс тоже плохо понимала, как может возникнуть такой эффект, тем более что свет, в котором замерла Вьюга, не был похож на красные отблески круглой луны над Сердцем Мира. Словно солнце, что встает над горизонтом — ложное, а настоящее — спрятано, и вот теперь, когда черный город Сол становится белым, расположение этого скрытого солнца можно определить, хотя на небе его нет.

А потом Вьюга, посмотрев по сторонам, вниз и вверх, развернулась к этому солнцу и... Морок пронзил такой силы и чистоты звук, что то, что спящие называли Зовом, меркло в сравнении с ним, будучи похожим скорее на мягкую поступь крадущейся в темноте кошки.

Никс заткнула уши, но это не помогло.

Морок загудел, словно разбуженный колокол, завибрировал, заскрежетал, как стекло под ногтем, и, содрогнувшись до основания, снова затих.

В обрушившейся абсолютной тишине Вьюга замерла, словно ожидая чего-то.

Или — кого-то.

Мироходцы: имя

Рем, шатаясь, отошла от Айры. Он не сразу понял, что с ней происходит — мгновенное изменение было незаметным, внутренним, слишком тонким. Как не могут близкие порою увидеть и опознать смертельную болезнь у усталого старика, так Айра не увидел, что поведение Ветивера и всех его сущностей предвещает большие, возможно, страшные перемены.

Рем обратилась Мартой. Женщине явно было плохо, лоб ее блестел испариной, она, отходя на два шага назад и упираясь спиной в колонну, держалась за сердце, тяжело дыша.

— Из меня... Из меня вырывают... — закашлялась она.

Айра наконец очнулся и подбежал к ней. В этот момент она сменилась Ветивером, потом снова Рем, затем множество сущностей стало мелькать, как карты в руках профессиональной гадалки. Лица сменяли друг друга почти мгновенно, то или иное могло задержаться на секунду, не больше, и пускай длилось это не долго, Айра успел поразиться, скольких личин Ветивера он никогда не видел. Он даже не подозревал о них. Неужели их... столько?

Ветивер, все еще мельтеша, согнулся, сполз к основанию колонны.

— Что с тобой... с вами? — тревожно спросил Айра, опускаясь рядом.

Ветивер схватил Айру за локоть:

— Открывай врата. Я вижу путь. Меня тянет туда, и если мы не пойдём... Он вырвется.

— Кто — он?..

— Открывай врата!

— Прямо здесь?!

Они все еще были внутри храма Тысячи Свечей, и Айра не мог представить себе, как тут можно открыть врата, откуда взять их?

— Айра... Ты должен... Создать новый прокол... Ты как-то раз смог. Если ты этого не сделаешь...

Айра выловил в глубине себя грустный, циничный смешок: если он не сделает — то что? Что станет с Ветивером? Не убьет же его какое-то вырванное... Что там? Сердце?

Другая часть его сострадала Ветиверу. Айра знал, что меняться — больно. И сумасшедшая смена обличий наверняка причиняет Ветиверу страдание. Да и умирать ему будет больно, наверное. Но разве не припасено у него тузов в рукаве и на этот раз? Разве может быть эта смерть окончательной?

Ветивер схватил Айру за ворот, притянул к себе и яростно зашипел на ухо сменяющимися голосами:

— Если оно вырвется, то будет необузданным, будет злым, и пожрет этот город, разгораясь, и те земли, что попадутся ему на пути к цели. Ни один чужой бог не остановит его. Я убивал разумных, чтобы вызвать их богов и забрать их силу, зная, что земли родят еще. Оно будет выжигать саму плоть миров. Выбери из двух зол меня, Айра. Я не могу сейчас... Не могу лукавить.

Айра в смятении слушал его, чувствуя, что верит ему.

— Что нужно делать? — спросил он.

Ветивер выкашлял на подбородок и мантию черно-золотую кровь. Уставился куда-то в невидимую даль глазами пустыми и дикими:

— Я слышу зов... Я не удержу его долго. Ты должен открыть путь. Скорее.

Глаза Ветивера вдруг смягчились, он поднял трясущуюся ладонь, стер со своего лица кровь и ею вывел на лбу и щеках Айры что-то... Какие-то знаки? От этого кожа Айры запылала огнем, словно кровь прожгла ее, впившись тысячью тонких игл, отпечатавшись на костях черепа.

— Давай, — сказал Ветивер. — Пора начертать собственную дорогу.

Айра поднялся, сжал в руке свой посох и, провертев его мельницей над головой, ударил им об каменный пол.

Сила, направленная и умноженная посохом, вырвалась наружу. Айре не нужно было уже разумом просчитывать все мелочи — он знал, что и как должен делать, и теперь ему оставалось лишь направить верным путем мощь, переплетенную с его собственными чаяниями, страхами и верой. Его посох загорелся белым, засиял и прожег в ткани реальности отверстие с оплавленными раскаленными краями. Айра поддел его нижней оконечностью посоха и, через рычаг, словно разрезая тугую материю ножом, с силой воздел посох вверх, рассекая полутьму светящейся золотой чертой. Еще взмах, второй, третий — в воздухе загорелся объемный рисунок — знак врат.

Айра нагнулся, перекинул руку Ветивера себе через плечо и поднял его на ноги. Теперь они оба стояли перед готовыми распахнуться воротами.

— Открывай, — на выдохе прошептал Ветивер.

Айра вытянул вперед руку с посохом, расположенным параллельно полу, и пошел вперед. Посох на мгновение вспыхнул тем же золотом, что и знак врат, изогнулся, перестроился, образуя многомерный сложный ключ.

Ключ вошел в разрезы-пазы. Айра повернул руку, поворачивая с нею и ключ, и светящийся рисунок врат, закручивая тем самым в спираль реальность, делающуюся для них с Ветивером все более призрачной.

Капли звезд хлынули ему в лицо, холод абсолютной пустоты попробовал заморозить его сердце и выесть глаза.

Но мироходец оказался сильнее. Тепла его души было достаточно, чтобы насытить межмировые ветра и оставить его самого в живых. Силы его хватило, чтобы идти, и даже чтобы двигаться вперед со скоростью, превышающей скорость мысли. Ветивер указывал путь, а Айра помогал ему не сбиться с этого пути и не стинуть в бездне.

И чем дальше вела их дорога по темным тропам чужих миров, чем ближе они были к цели, тем четче и ярче Айра ощущал, как просыпается внутри что-то, наполняющее его душу радостью и светом. Чем больше оставляли они позади, тем легче было ему идти. Он ощущал себя все более цельным, его сила росла, он чувствовал, что вскоре движение сквозь абсолютную пустоту не будет стоить ему ничего.

И в миг, когда перед ними возникла стена, непреодолимая для него вчерашнего, невообразимая для него прошлого, невозможная для того, кто не является мироходцем, он с легкостью рассек ее быстрым движением посоха, отравившего острые лезвия по краям. Айра шагнул вперед, прочь из пустоты, вытягивая за собой слабеющего Ветивера. Они вышли из черноты междумирья, как из холодной воды, и оказались на сером берегу некоего моря, по поверхности которого гуляли языки огня. Переливчатое небо застилало тучи, вереницы молний вспыхивали тут и там, возвещая этой реальности о том, что в нее прибыли гости — особенные, редкие гости, из тех, кого приветствует само мироздание.

По правую руку поднималось над горизонтом розоватое солнце. По левую руку можно было увидеть шпили сияющего белого города, раскинувшегося на фоне громадной летучей горы, и над городом этим парило существо, больше всего похожее на одного из тех богов, которых убивал Ветивер в иных мирах.

Айре показалось, что он видел это место раньше. Смутное осознание затеплилось в глубине рассудка, еще слишком слабое, чтобы быть отловленным и опознанным, но достаточно ясное для того, чтобы заставить Айру забеспокоиться, насторожиться и, почему-то, слегка растеряться.

— Что теперь? — спросил он у Ветивера.

Тот тяжело дышал, опираясь на плечо Айры. Ветивера была крупная дрожь.

— Отпусти меня, — сказал он. — Сейчас... сейчас все и случится.

Айра, послушавшись, позволил Ветиверу стоять самому — он покачивался, но не падал.

То, что Айра принял за божество, поворачивалось к ним — это было видно издалека. В силуэте виделась ему белая дева, но Айра не поклялся бы в своей правоте.

В следующий миг Ветивер упал на четвереньки. Он быстро и неправильно обращался в свою драконью форму, его корежило и гнуло, как раненую змею. Не закончив превращения, он словно вывернулся наизнанку. Айра отшатнулся, прикрывая лицо от слишком яркого света, пронзившего все вокруг.

То, что видел он после, не встречалось ему ни в одном из пройденных миров. Сгусток жгущего огня, вырвавшийся из Ветивера, рос, обретая плоть и форму, и, оставляя за собой выжженный след, мчался вперед, к светлому девичьему силуэту вдалеке, зависшему на фоне белого города.

Айра не знал, что будет дальше. Столкнутся ли они в битве? Или этот свет — верный пес, почуявший хозяина? Или они — любовники, разлученные расстоянием и чужой корыстной волей?

Он смотрел вслед стремительно удаляющемуся огню, замерев, очарованный тем, как этот огонь меняется, разрастаясь, устремляясь головою вверх, превращаясь в невообразимое существо с волосами цвета бронзы и золота, лавы, красных закатных туч; как смуглое тело окутывают яркие праздничные одежды — безо всякой скромности и чувства меры яркие, карнавальные, вызывающе-разноцветные, но почему-то подходящие этому существу как нельзя лучше.

Испепеляя землю мира, в который прибыл, как Ветивер о том и предупреждал, этот воплощенный огонь стремился навстречу белой деве.

Ничто не смогло бы остановить их. И Айра на секунду испугался того, что будет, пусть все еще не знал, чего ему ждать.

Его сердце замерло.

В этот миг двое встретились.

Не было битвы. Не было объятий. Был долгий взгляд и две протянутые руки.

И когда их пальцы соприкоснулись, реальность схлопнулась, белый луч пронзил небо и землю.

В лицо Айре ударил ветер, поднявший пыль, а следующий порыв, показавшийся ураганным, принес нестерпимый жар и заставил его упасть наземь, а затем прокатиться пару метров, едва не выронив из рук посох. Словно океаническая волна в отлив, ветер не давал Айре подняться, прижимал к земле. Айра, пытаясь превозмочь стихию, чувствовал, что ветер этот продувает его насквозь, пронзает сердце, забираясь теплыми, мягкими пальцами в самое нутро. Жар, принесенный вдруг поднявшимся ураганом, был мягок и в то же время нестерпим, он, кажется, выжигал в душе Айры любые остатки зла, обиды и отчаяния. А когда, пересилив ветер, Айра смог подняться, то увидел сидящего на коленях Ветивера, смотрящего вдаль перед собой с лицом грустным и светлым. Ветивер не прикрывал глаз от ветра, проносящего мимо него песок и пепел. Он был очарован тем, что видит.

Айра взглянул туда, куда сморит учитель.

На месте девы с серебристыми волосами и воплощенного огня появилось нечто новое.

И оно приближалось к ним. Или росло?

Казалось, это новое существо займет все небо, заменит собой этот мир.

Айра видел многие красоты и чудеса, мало что могло удивить его. И все же, он не мог не почувствовать, как затрепетало его сердце, словно он, вопреки своему характеру, натуре и разумению, влюблен с первого взгляда. Вот искрятся в свете встающего солнца золотистые волосы, вьющиеся крутыми волнами; вот трепещут на ветру одежды цвета летнего моря, дневного неба, зрелых маков, с широким поясом, будто расшитым звездами; дева разводит в стороны шесть тонких ладоней, белых, словно фарфор, будто хочет объять необъятное; ее мягкое круглое личико с алыми губами и закрытыми глазами светится спокойствием и теплотой. Айра не разумом, но сердцем понимал, что деве этой открывать глаза не стоит без особых на то причин — выжжет мир, не заметив, но потом будет долго его оплакивать, это точно. Ее саму словно обволакивало сияние — мягкое, нежное, едва заметное, но Айра знал, что это — видение спокойного утреннего моря, это — штиль, и в нем — обещание возможной бури, отголосок шторма, который не стоит звать, если тебе дорога жизнь.

— Роза Ветров, — прошептал Ветивер, но Айра услышал его. — Роза Ветров... Первое Дитя мое, что же я с тобой сделал...

Айра знал, что это и есть — истинное имя золотой девы.

Она застыла над Ветивером и Айрой. Склонившись, накрыла Ветивера ладонями, а затем подняла его к своему лицу.

— Я прощаю тебя, — сказала она, и в голосе ее звенел воплощенный свет. — Я теперь знаю умысел твой. Позволь мне беречь это место так, как хотел ты сам. Я вновь стану стражем Мира Снов, но теперь по воле своей.

— Да будет так, — сказал Ветивер, протягивая дрожащие руки и касаясь ее лица.

В жесте этом увидел Айра любовь и раскаяние.

Дева опустила Ветивера наземь, бережно, медленно, словно понимая, каким хрупким может быть смертное тело в сравнении с нею. А потом в мгновение ока она выцвела из реальности. Появившись где-то далеко на горизонте, обернулась, будто бы напоследок. Айра знал, что не выйдет, но все же он постарался запомнить этот образ — сверкающий, яркий, теплый, образ звездной девы-лета, тающей в рассветной дымке.

А после ее не стало и там.

Айра стоял, колеблясь, держась за посох, пытаюсь понять, что же он увидел и услышал.

И вдруг вместо озарения он почувствовал смутную тревогу. Словно в тот миг, когда Роза Ветров растаяла в рассветных лучах, внутри него пробудилось нечто... нечто чужое и темное. Айра, не зная, что это, одновременно попытался обуздать его. Нет, не плач, не радость и не смех это были. Что-то рвалось наружу, пытаюсь просочиться множеством путей, но Айра, чувствуя в нем злость и ярость, не давал ему воли, противясь изо всех сил.

— Что... что-то теперь рвется и из меня, — сказал он, держась за грудь. — Но я ведь... ничего такого не...

И в следующий миг память нахлынула на него. Он вспомнил свое имя. Истинное имя. Он вспомнил, кем был рожден. Он вспомнил свою первую встречу с Ветивером... Нет, не так его звали, другую личину явил ему тогда этот... этот... А вот слова для него Айра подобрать не смог даже теперь.

Айра вспомнил того, кто живет в нем, вспомнил имя сущности, что рвется наружу.

В памяти его за одно мгновение промелькнула вся долгая история противостояния этих двоих, что уж говорить о его собственной короткой жизни, проведенной в землях исхода...

И он знал теперь, что Ветивер лгал ему, или, по крайней мере, Ветивер сам себе верил, но заблуждался. Не создавал Ветивер этого мира. По крайней мере, в одиночку. Возможно

даже, он сам был точно таким же пришлым, как и те, против кого он боролся.

И один из них жил в Айре, готовый проснуться и завладеть его телом, чтобы снова схлестнуться в битве с Ветивером — обессиленным, выжатым, покинутым величайшей своей силой.

Забывший свое истинное имя предок, пришедший из мира, который он тоже забыл, попытался подавить сознание Айры, вытеснить его, загнать в темный угол, обезоружить и обездвижить. Айра ужаснулся: неужели он сам мог бы стать таким же? Прийти туда, где его не ждут, на земли, что ему не принадлежат, и попытаться присвоить их потому, что хорошо сделаны и радуют взор и душу? Если подумать, Ветивер предлагал то же самое... Все они — одного поля ягоды.

Предок-судьбоплет упорно, молча, безжалостно пытался завладеть телом Айры. Из-за этого оно менялось, в зависимости от того, кто был сильнее в отдельно взятый момент, и Айра посочувствовал Ветиверу, которого, кажется, лишь несколько секунд назад трясло точно так же.

Но Айра уже не был мальчишкой четырнадцати лет. Неважно, сколько лет прошло здесь — он путешествовал по иным мирам не день и не два, не год и не пять лет. Его путь был длинным, гораздо длинней, чем кажется и чем он сам может вспомнить, и путь этот сотворил из него другого человека, увиденное и пережитое закалили его, перековали волю, обострили разум, и Айра сказал своему предку, тому, кто пришел в этот мир издалека, тому, кто живет в потомках, тому, кто хочет снова убить Ветивера, пока тот жалок и слаб:

— Нет.

Чуждая сила внутри билась, ярилась, вспенивалась волнами ярости и злости.

— Нет, — повторил Айра. — Теперь тебе придется считаться со мной. Так и рождаются мироходцы. А если хочешь продолжать войну... Найди другого своей крови. Я теперь не твой.

Волевым усилием Айра запечатал чужому разуму путь, словно голыми руками сжал горло бессмертному змею, понимая, что на удержание предка в узде, по крайней мере, все время, что он останется здесь, будет уходить часть его сил и способностей. Что ж, это еще не самая большая плата.

Отдышавшись, Айра оглянулся по сторонам и увидел, что Ветивер все еще недвижим и смотрит в пустоту. Айра почувствовал, как предательски быстро забилось сердце. Он, еще не зная, что увидит, ощущал, что случилось что-то плохое. Неспроста Ветивер неподвижен. Его лицо лишено эмоций и бледно... неспроста!

В спешке подойдя ближе, Айра в нерешительности застыл в паре шагов от него.

Айре показалось, что Ветивер словно... истончается. Или тает. Будто бы перед ним теперь — бледная тень учителя, отражение в мутной воде, пустая оболочка богоборца. Не таким помнил его Айра. И от этого изменения, вопреки всему, у Айры защемило сердце — пуце прежнего.

Он, поколебавшись еще секунду, сел напротив Ветивера, положив посох на колени. Глянул, щурясь, вправо, влево, увидев по сторонам лишь серую пустошь. Затем заглянул в отрешенное лицо учителя. Нахмурился, пытаясь понять, что же теперь делать. Для этого надо знать, чего он хочет и что произошло. Задача не из простых.

Айра задумался: неужели не хватило Ветиверу отобранных у чужих богов сил? Или забрал и их вместе с собою тот воплощенный огонь? Этого Айра не знал. Но Ветивер все бледнел, хоть и оставался жив. Неужели он вскоре истаёт вовсе? Айра понял, что каким бы

злом Ветивер не был, смерть его не станет благом ни для Айры, ни для мира, за обладание которым борется с Ветивером предок Айры, ибо есть еще третья сторона, с которой Судьбоплету в одиночку не справиться. Сам Айра понимал также, что обучение еще не закончено, чего бы там Ветивер ему не говорил. Он сам решит, когда будет пора. И пока что — рано. Да, слишком рано...

Айра заглянул внутрь себя и понял, что знает, как он может помочь Ветиверу. Очень тонким и пугливым оказалось это знание, легко было отместить его как бред, как блажь, если только ты не веришь в себя достаточно. Айра знал, что может попытаться. Это его знание, или, скорее, надежда, было сродни подспудной уверенности в том, что завтра наступит: ты не можешь этого гарантировать, ты просто знаешь, что так должно быть.

Айра протянул руку и приподнял лицо учителя за подбородок, заставив посмотреть себе в глаза. Ему встретился померкший, матовый взгляд. Это была не зелень виноградника под солнцем летнего полдня, когда блики света играют в прорезях листьев и в самоцветах гроздьев, но унылая серость выцветшей, истлевшей ткани, тоскливый сумрак хмурого предгрозового моря.

— Слушай меня, — сказал Айра, глядя в эти потускневшие глаза и стремясь найти в них искру жизни, зная, что она должна там быть. — Если не лгал ты мне, если хоть сотая доля слов твоих — правда, если и в самом деле ты создавал миры, пусть не этот, но другие, те, о которых ты мог забыть, ты — рука... нет, длань самого мироздания. Ты — высшая воля всего сущего, что-то вроде голоса бога. Не мелкого божества, а той силы, что пронизывает все вокруг. Я не думаю теперь, что ты уникален. Ты — что-то вроде частицы хаоса, имеющей... имевшей силу творения. Я думаю, вас таких много. Вы не идеальны, не совершенны, потому, что сами — живы, и, пока вы живы, вы создаете жизнь и сеете смерть, осознавая себя выше своих творений. И в этом ваша ошибка и ваша слабость. И истинного слова для тебя не найти, потому что его нет. Но тебя можно назвать — и на какой-то миг, возможно, равный жизни назвавшего тебя, ты станешь тем, кем тебя назовут. И я нарекаю тебя, возможно, ненавистным тебе именем, но, даже если я совершаю ошибку, это мой выбор, — Айра вдохнул поглубже и говорил дальше, не колеблясь. — Явись же, Мартин Майн, великий исключительный чародей прошлого, следующий сквозь миры.

Ветивер улыбнулся. Расплелись тугие алые косы, лепестками цветущей вишни истлела вычурная одежда, сменившись простой светлой рубахой с широкими рукавами, зеленым жилетом и темно-лиловыми замшевыми штанами.

К нему стали возвращаться краски. Айра смотрел на него и думал, что совершил самую жуткую в своей жизни ошибку, назвав его этим именем.

Но — сказанного не вернуть.

— Это то, что я должен был сделать? — спросил Айра. — За этим был я нужен тебе?

Мартин Майн улыбнулся, оставляя вопрос без ответа. Поднявшись и отряхнув одежду, он сказал лишь:

— Это еще не конец.

Когда по Миру Снов прошла ветреная волна, лед, из которого был сделан гроб Керри, не выдержал жара. Горячий ветер не задел живых, но волшебный лед скомкал, не щадя. Кристаллы прыснули во все стороны, а затем, вскипев, испарились, и Керри, расплескавшийся кровавыми сгустками по земле, мощенке и ближайшим белым стенам, собрался воедино не так уж быстро.

Во всяком случае, когда он обрел свой нормальный вид, остальная компания уже пришла в себя, и Рейнхард Майерс Даблкнот, загородив собой Николу и Найка, был готов заново сразиться с Керри.

Но этого не потребовалось.

Керри знал, что Мир Снов переменялся. Да, переменялся сам. Мир Снов, а не те, кто попал в него. Ветер, разбивший лед его оков, излечил тех, кого настигла порча, пока они были в том, прошлом Мире Снов.

Керри знал, что теперь все иначе. Он ощущал целостность, спокойствие и странную воодушевленность. Знал он также, что его отец близко, и это знание вызывало в нем чувства не столь однозначные.

Но такое случается раз в жизни, понимал Керри, даже пускай твоя жизнь длится века. И пока отец снова не делся куда-нибудь, Керри решил найти его. Тем более что сейчас, как никогда, он ощущал в себе силу и смелость заговорить с ним. Заговорить и попросить того, чего на самом деле желает.

— Ступайте за мной, — сказал Керри все еще перепуганным гостям из Земель Исхода. — Не бойтесь. Нет смысла бояться. Я отведу вас к... Нашедшему Пути.

Никс увидела вдалеке силуэт — один человек стоял, опираясь на посох, другой расслабленно сидел прямо на земле. Судя по всему, они ждали их.

Где-то на расстоянии в двадцать метров от этих двоих Никс замедлила шаг, с удивлением вглядываясь в того, что стоит. Неужели? Или показалось? Не может такого быть!

Керри, идущий впереди, шага не замедлил. Подойдя вплотную к тем, кто ожидал их на пригорке посреди серой пустоши, Керри упал на одно колено и склонился перед сидящим.

Тот, в свою очередь, поднялся, вздохнул, затем протянул руку и... погладил Керри по голове, шевеля тому волосы, затем взял Кровавый Рассвет за плечи и заставил подняться.

А Никс все смотрела потерянно на молодого человека, стоящего рядом с ними и держащегося за посох.

И все же... неужели? Обещанная встреча... неужели это она? Но... почему он... такой?! И он ли это?

Загорелая, дубленая ветрами кожа, выбритые виски, светлые волосы собраны на затылке эмалевой заколкой, раскосые карие глаза с хищной и ласковой хитрецой смотрят поверх темно-зеленого ворота. На юноше была потрепанная мешковатая одежда непривычного, вычурного кроя, на ногах — кожаные сапоги. Это был не костюм, а именно одежда: где-то грязная, где-то штопаная, видно было, что ее владелец прошел в ней множество дорог, столько, сколько за год не одолеешь.

Фенечки на руках, браслеты, грязные пальцы, пара мимических морщин — как это бывает у тех, кто часто смеется. Сколько ему лет? Двадцать? Тридцать? Почему-то было страшно смотреть на него. Он не был стар, но на его лице оставило след время, в обыденной жизни никем не видимое и не осязаемое.

— Неужели это ты? — спросила Никс.

На фоне Кровавый Рассвет о чем-то говорил с красноволосым мужчиной, и это, наверное, было тоже важно, но на мгновение весь остальной мир будто бы исчез.

— Я, — юноша развел руками.

— Р...

— Тшш, — он поднес палец к губам. — Имена — страшная сила. Просто помни его, на случай, если когда-нибудь я сам его позабуду.

— Но... как же так... я была в Башне Тайны, и там мне сказали... что тебя нет... такого человека не существует!

— Возможно, тогда меня правда не было, — сказал он. — Ни в одном из миров. Может, мы шли между ними как раз в этот момент? Или... или в тот миг я позабыл себя. Или, может быть, прятался в шкуре зверя.

Никс впервые ощутила, какая между ними пропасть. Это было... нет, не больно. И не удивительно. В конце концов, так все и должно было быть. Роман Заболотницкий... нет, не так. Как-то по-другому он теперь называется, скорее всего. Когда он пропал — это уже был конец. Он пропал навсегда. Для нее. Странно было не понимать этого. Теперь ей казалось, что она знала об этом всегда.

— Как мне теперь тебя звать? — спросила она упавшим голосом. Никс не хотела показывать эмоций, но не получилось.

— Айра, — сказал он.

— Хорошо. Айра, — Никс взглянула на него прямо. — Я долго искала тебя. Ты помнишь, как проклял меня тогда, на площади?

— Помню, — сказал он. — Тогда я не понимал, что делаю.

— Ага. Так, может быть... стоит это как-то исправить?

— Ты точно этого хочешь?

— А какие тут могут быть сомнения?

Айра улыбнулся одними губами, слегка склонив голову набок. Никс поняла, что теперь все собравшиеся смотрят на них, отвлекшись от своих разговоров.

— Хорошо, я расскажу тебе, в чем суть твоего "проклятия", чтобы ты смогла решить, правда ли ты хочешь избавиться от него, — сказал Айра. — Насколько я вижу... вязь грубая, но действенная. Тот, кто это колдовал... то есть я, когда создавал это "проклятие", сделал так, что, в случае смертельной опасности, твое сознание перескакивает в мир, где ты выжила, подменяя смертельный вариант развития событий на самый худший. Или — самый лучший. По сути, ветка, где ты умерла, отсекается. То есть никакой пропавшей монетки или ребра. Никогда.

У Никс сказанное им с трудом укладывалось в голове.

— Э-э... что? — спросила она.

Айра вздохнул:

— Я не знаю, как еще это объяснить. Да, к тому же, взамен смертельного варианта, заклятие забирает и все промежуточные между "черным и белым", устраняя градацию, сужая выбор. А если я уберу этот узел, то ты станешь такой же, как все. Я могу его не убирать и

твое "проклятие" сойдет на нет само по себе, примерно к твоим восьмидесяти годам. Самый пик его действия уже прошел, границы уже расширились. Ты разве не ощутила?

Никс не могла бы сказать, что он не прав. В самом деле, последнее время она все реже замечала действие проклятия.

А тут такое... значит, смертельного варианта не существует... вот это да. Кто в здравом уме откажется от такого? И плата за это чудо кажется смехотворной.

И все же, это проклятие — это... связь между ними. Последняя ниточка. Почему-то Никс была уверена, что после сегодняшней встречи он, Айра, уйдет навсегда.

В разговор совершенно обыденным тоном вмешался Найк:

— А знаете, звучит неплохо. Как насчет того, чтобы всем нам организовать подобное? — он приподнял брови, попеременно глядя на Айру и Никс. — Ладно, понял, кажется, я не вовремя. Наверное, просто так таким не разбрасываются.

— Верно, — сказал Айра. Перевел взгляд на Никс: — Ну, каков твой ответ?

Никс нахмурилась. В ней стала закипать злость, и чтобы обрубить ее на корню, она решила... наверное, это было самым глупым ее решением, и совершенно неподходящим для подобной ситуации, но, поняв, что больше не знает как поступить, она заявила Айре:

— Дай мне пять минуточек на подумать. Я должна посоветоваться с друзьями.

— Вот как, — хмыкнул Айра.

Никс подхватила Найка и Рина под локти и потащила на пару шагов от пригорка, где замерли Керри, Айра и третий красноволосый тип, об имени которого Никс, конечно же, уже догадалась. Но сейчас он был ей не особо интересен.

Собрав "своих" в кружок, Никс выдохнула и сказала:

— Значит так. Если честно, я в затруднении. Так долго ждала этой встречи — и вот нате. Я не знаю, что делать. Готова выслушать ваши предложения.

— Они нас слышат, — тихо сказал Рин. — Такие... слышат.

— Не нравится мне этот тип, — нараспев сообщил Найк. — В таком случае.

— А поконструктивнее можно как-то? — взмолилась Никс.

— Ну смотри, — произнес Рин. — Он снимает с тебя проклятие, и через пару лет на тебя падает с неба кирпич. Он не снимает проклятие, и вместо кирпича ты ломаешь ногу или выигрываешь миллион. Неплохо, вроде бы.

— Но подстрекает ходить в заведомо богатых кирпичами районах, — заметил Найк. — Расслабляет, что ли. К тому же, не нра... — он осекся. — А, ладно. В итоге вроде бы ничего плохого, сплошные плюсы. И, наверное, без этого "проклятия" ты бы сюда-то не добралась. И мы бы сюда не добрались.

— Про исчезновение средних вариантов забыл? — напомнил Рин.

— Ну, тогда даже не знаю, — Найк пожал плечами.

Никс напряженно думала. Кажется, вариант, который ей не нравился, и был на самом деле правильным. Она спросила себя: почему ей так не хочется иметь с этим человеком связи? А это было истинно так: теперь не суть проклятия, но его наличие тяготили ее. Ну, не увидятся они больше никогда с этим Айрой, который не Айра вовсе, а выросший и изменившийся Ромка Заболотницкий, но... что такого-то? Почему же так паршиво-то?

И тут она поняла, что все это время питала и таила в себе глубокую и черную обиду на этого человека. На то, что он ушел, бросил ее, оставил саму по себе, наградив на прощание "подарочком"... Не заметно, чтобы он как-то особо переживал по этому поводу. Ему все равно.

Да она к собственному отцу такого не испытывала! Или — перенесла обиду с одного на другого...

И, тем не менее, именно безразличный тон Айры убивал в ней последние теплые чувства. И принять, оставить его "подарок" ей было невыносимо. Хотелось отказаться от него, словно этот дар — эрзац тех отношений, которые могли бы быть между ними, и не о любви речь, просто о дружбе, и все же. Этот "дар" — словно откуп.

Но казалось бы — какая ей разница? Ведь все "свои" — рядом. Он теперь — чужой.

Но он же — ее прошлое, неисправимая, неизбежная его часть. Тот, каким он был раньше. Ничего особенного. Смешливый не по годам мальчишка. Им было весело вместе — и всего-то, не было никаких планов, у дружбы той не было срока годности, но она была чистой, искренней, и тогда казалось, что ради друга ты буквально пойдешь на все.

И вот, чтобы сохранить это, стоит оставить все как есть. Может быть, это самообман. Пускай.

— Я все решила, — сказала Никс. — Спасибо. Вы мне на самом деле помогли, — обратилась она к Рину и Найку, проходя между ними и делая пару шагов в сторону Айры.

Тот молча ждал ее ответа.

— Пусть все останется как есть, — твердо сказала Никс. — Теперь, когда мне понятна его суть, меня устраивает твой "дар" и, более того — я ценю его.

— Да будет так, — Айра коротко склонил голову в знак согласия.

Никс горько улыбнулась, понимая особенно ясно, что все же перед ней стоит совсем другой человек, и Ромки... его действительно больше нет.

Она повернулась к глядящему на нее красноволосому мужчине в зеленом жилете:

— Вы, я так понимаю, Нашедший Путь? — спросила она. — Вы уже все решили с Керри?

Мартин Майн поднялся, оказавшись выше Айры и примерно одного роста с Рином, отряхнул руки от пыли:

— Керри свободен идти, куда хочет, — сказал он. — Создание стража было, признаюсь, экстренной мерой. Видишь ли... видите ли, — он уже обращался и ко всем остальным, собравшимся вокруг, — когда я разделил Розу Ветров надвое, Мир Снов стал пагубно влиять на души и тела людей, попавших сюда. Розу Ветров собирать обратно я тогда не планировал, и создал его — чтобы, так сказать, устранял последствия.

— Теперь этого не требуется, — произнес Керри. Голос его был ровным, но Никс заметила в нем тщательно скрываемые нетерпение и радость.

— В таком случае, — сказала Никс, — вам бы еще неплохо разобраться со Вторым Дитя — тем существом, что живет внутри Фантасубвеструма.

— Ох, — протянул Мартин Майн. — Она все еще там?

— А как бы она, по-вашему, выбралась? — возмутилась Никс.

Айра повернулся к Мартину:

— Вот и первое дело на повестке дня, — сказал он. — Да, это я к чему. Я останусь твоим учеником. Или, если угодно, партнером. Тут... в этом мире и том, что он оберегает, для тебя есть множество дел, множество применений. Целая бездна того, что ты можешь сделать, что ты можешь исправить. Как знать, не поможет ли это в твоей войне?

— Как знать, — согласился Мартин.

— Так вы освободите Второе Дитя? — переспросила Никс.

— Мы попробуем, — пообещал Айра.

Мартин Майн обратил свой взор к Найку.

— А ты, мальчик? Ты ничего не хочешь мне сказать? Ничего не хочешь у меня попросить?

Никс тоже посмотрела на него.

Найк хмыкнул, провел пятерней по волосам и ответил, улыбаясь:

— Спасибо, меня все устраивает.

— А как же... дом? — продолжил допытываться Мартин. — Родители?

— Когда-нибудь я, возможно, пожалею об этом, но пока что я чувствую себя на своем месте, — сказал Найк. — Вам надо было найтись раньше. Ваше предложение могло бы заинтересовать меня до одной памятной ночи, но, к сожалению, того меня уже нет. Соответственно, возвращаться некому.

Его улыбка поблекла. Мартин нахмурился:

— Да, над чужой смертью я не властен. Что ж, в любом случае, я вижу, что привитая сила прижилась в тебе и ты умело пользуешься ею. Будь осторожен и не заходи слишком далеко.

— Я чувствую, наш друг уже возжелал эту силу обратно себе, — сказал Айра, смущенно улыбаясь. — Поэтому, чтобы не провоцировать, мы, пожалуй, вынуждены будем откланяться.

Он приобнял Мартина за плечо, намереваясь увести.

— Стойте, — спохватилась Никс. — Как нам выбраться из морока? Если мы пройдем через Антарг...

— Точно, — откликнулся Мартин Майн. Обернулся к ним, глянул с прищуром. — Через Антарг вам никак нельзя. Потеряете все, что осталось. Через Антарг можно и нужно только ему, — он указал на Керри. — Послушай моего совета и не иди с ними. Иди через Антарг, пройди Игольное Ушко. Окажешься в Мире Исхода — найдешь их в Крае Ветров. А там и себя найдешь. Окончательно.

— Что будет с гильдией элементалистов? — задал внезапный, но логичный вопрос Рин.

И верно, все уже успели позабыть о них.

Прощание затянулось.

— Разберутся, — ответил Мартин, махнув рукой. — Айра, давай-ка, как я учил!

Айра закурил над головой посох. Тот засветился топленным золотом, Айра воткнул острие в землю и, приложив силу к навершию посоха, словно надавив на рычаг, разорвал реальность морока, будто тонкую ткань. Несколько пламенных росчерков — и двери были открыты.

На этот раз Никс ступила в распахнувшуюся за воротами звездную бездну без страха, даже не вздрогнув, не зная вовсе, куда попадет в итоге. Она переступила порог последней, специально чуть замедлив шаг, и потому успела, оглянувшись, увидеть, как Мартин с Айрой направляются в сторону белого города Сола и застывшего над ним Фантасубвеструма, а Керри стоит, словно на распутье, тоже глядя им вслед.

А потом была тьма, похожая на сладкий утренний сон.

Ведь чтобы увидеть следующий, надо, чтобы кончился этот.

ЭПИЛОГ

В каждом приморском городе есть своя мелкая, неказистая река. Ну, по крайней мере, в тех, что мне известны, она имеется во всяком, и всюду такой реке дают какое-нибудь нелicenseприятное прозвище, начисто забыв ее настоящее имя.

В этом городе тоже такая имеется. К началу второго месяца осени зарядили дожди, как им и положено, и люди, что не успели искупаться во все еще теплом море напоследок, уже не успеют. Эти дожди напитали нашу местную реку, и она, вздыбившись, вычистила из себя весь мусор, облизала тротуары и бордюры, добравшись до самых железных перил, позволила ивам коснуться своей гладкой стеклянной спины, запела на мелких порогах ворохом голосов. Обнаружила, словом, крутой и веселый нрав, будто вспомнив о том, что в истоке ее — сотни мелких, но стремительных горных рек.

Но вскоре дожди закончатся, и снова она обратится мелкой, спокойной рекой, настоящего имени которой никто не помнит.

Кажется, это — вполне неплохая аллегория моей жизни.

Поднявшись от реки, я иду по центральной части города, сложив за ненадобностью зонт. На меня мало кто смотрит — Найкова шапочка работает отлично. Интересно, как у них с Николой дела?

После судебного процесса я ничего о них не слышал. Пропали... Уверен, опекун огонька сказал бы мне, где их искать, если бы я спросил. Но я не спрашивал.

Что касается самого суда — это был... как бы так выразиться... цирк с конями. Да, примерно он. Я смутно помню сам процесс. В голове все, как в тумане... я тогда чувствовал себя не лучшим образом.

Мы вернулись домой — вот это я помню хорошо, помню собственную радость. Мы, словно дети, принялись обниматься. Потом было немного стыдно, но самую чуть. Путешествие в морок сплотило нас.

Было невероятно радостно видеть привычные пустые поля, плоские горы, море обыкновенного цвета и небо — оно, конечно, на закате, да и днем, порою, умеет быть красивым, но эта красота не избыточна и всегда гармонична, в отличие от ярких красок морока.

Мы очутились возле восточного маяка, где без проблем сели на автобус и добрались домой. Я долго объяснял хозяйевам дома, почему не поливал цветы, откуда в моей комнате кавардак и почему ничего ценного не украдено, а также, откуда я взялся такой помятый и странно одетый. Я был готов к немедленному выселению, но, к моему счастью, они вошли в мое положение, и недавно мы даже продлили контракт по съему.

Найку с Никс, очевидно, не терпелось поскорее убежать. Нет, это не был последний раз, когда я видел их. Потом был еще суд. В тот первый день они дозвонились Эль-Марко, и, кажется, укатили на Змеиную Косу, где у Никс, как я все еще помню, под половицей припрятан ключ от дома.

В общем, я, расслабившись, принялся ждать своей судьбы. Я не собирался бежать из города. Я твердо решил, что честно пройду все тернии, чтобы... Я был готов принять все, что

будет. Все. Без преувеличения.

Я знал, что выживу.

Безумие и постоянный холод больше не висели надо мной остро отточенным клинком. Я не сразу понял это. Мне потребовалось какое-то время, чтобы осознать это и принять.

Но в том была истинная правда: посетившая мое тело Вьюга забрала с собой и свой дар — проклятие, а с ним — и мой извечный озноб.

И кое-что еще.

Об этом говорить тяжелее, но и это я, в конце концов, принял.

Конечно, другим магам было хуже. После пробуждения Вьюги баланс все-таки пошатнулся. Оказалось, что все, прошедшие ритуал, более неспособны использовать магию.

Ян Фредек, наверное, радостно потирал руки, в то время как заносчивый Теодор Мельдорвал волосы на своей и так не богатой растительностью голове.

Но агония длилась недолго. Не знаю, как именно, но вскоре элементалисты нашли способ вернуть свои способности. Оказалось, что, если удалить искусственное зерно и поместить в нужное место что-то вроде миниатюрной крупы кристалла определенного сорта — натуральное зерно снова начнет расти, будто бы у младенца. И когда этот "предохранитель" достигал минимально подходящего размера, маг получал назад часть своих способностей. Почему было не пересадить обратно уже изъятые натуральные зерна? Кто знает. Я так и не постиг всех деталей. Хотя догадывался, что, возможно, продажа натуральных зерен теперь — часть программы по теневому финансированию гильдии. Ну, почему бы и нет.

Мне тоже предлагали провести операцию, причем бесплатно. Но я, признаться, не уверен... нужно ли оно мне? Я, в принципе, почти уже привык.

Посмотрим. Время еще есть.

К сожалению, кое-чего операция мне не вернет. Пожалуй, я почти жалею об этой грани проклятия Вьюги.

Что-то во мне изменилось, исчезло. Талант — понятие спорное, и я не могу назвать это "талантом". Я все еще знаю технологию звукоизвлечения, мой голос не слишком-то отличается от того, каким был, он все так же подвижен, и новые записи ни в чем не уступают старым. Но вот так же, как тогда на набережной, я теперь толпы не соберу. Будто бы у меня осталась лишь техника. Я не люблю, когда так говорят, но не могу сказать иначе — кажется, куда-то испарилась "душа".

Я остался тогда один на один с толпой — на самом деле. И я не был этой толпе уже так интересен, как раньше.

Сам по себе.

Нет, это не сломило меня. Лишенный магии и дара, я оставался в согласии с самим собой.

Я ждал.

И наступил он — цирк с конями. Ну, то есть суд, конечно.

Вернувшийся из болот Камориль подсобил мне с адвокатом. Хорошенькая Лана Тэн знала свое дело и выступала, право слово, достойно.

Освобожденные из казематов Нок-Лойра элементалистки, за исключением троих нелояльных и двух, так и не вернувшихся из комы, также свидетельствовали в мою пользу. Дети Зимы никаких обвинений не выдвинули и к себе меня не затребовали.

Основные претензии ко мне имели поглощающие и, внезапно, элементалисты.

Поглощающие — из-за применения заклинаний, превышающих норму по силе в невоенное время, а элементалисты свалили на меня всю эту историю с зернами, Тлеющим морем, мороком и прочим.

Чтецы не выставили никаких обвинений. Церковь тоже воздержалась.

Если честно, мне было все равно.

Мог бы и соглашаться со всем, но Лана Тэн хорошо инструктировала меня, и я в основном молчал.

Я помню печальные глаза Кей, когда ее вызвали как свидетеля и наблюдателя. Она не отступилась от своего обещания, и говорила так, как и намеревалась. Словом, о форте Лунном правды никто так и не узнал, а о Нок-Лойре... о Нок-Лойре суд узнал все.

Заседания по поводу истории с мороком и истории с колонией были разделены. По настоянию Теодора Мельдо сначала решено было рассматривать самое сложное — наши приключения в мороке. И вот тогда-то...

Один наш друг, судя по всему, любит эффектно появляться. Дверь в зал суда открыли не то чтобы с ноги, но около того. Сопровождаемый кем-то вроде личного секретаря, одетый в строгий деловой костюм, незванным гостем на мой праздник жизни явился уже было позабытый мною Мартин Майн.

Вот тут-то и пошла неразбериха. Мартин попытался взять вину на себя, а когда его спросили, кто он, — представился Потерянным. Ему, понятно, никто не поверил, но благодаря какой-то лазейке в Заповеди старинный манускрипт, предоставленный Мартином, приняли, как документ, удостоверяющий его личность, и позволили присутствовать на суде. Но Мартин так просто сдаваться не стал. Мановением руки он вписал в Заповедь Неугомонного Сердца пару лишних строк. Это произвело эффект. Для пущей вящести он пару раз телепортировался из зала суда и обратно, принеся с собой несколько коробок пиццы — и это несмотря на сильнейшую магическую защиту.

Прямо скажем, это произвело фурор.

Насколько я понял, этот парень решил попасть в телевизор. Не знаю, зачем именно это ему нужно. И не уверен, что хочу знать.

Так, практически Мартиновым произволом с меня были сняты обвинения в предательстве и умышленном вреде гильдии, а также, заочно, с Никс и Найка тоже. А, да. К тому времени эти двое уже смылись.

Я не виню их. Их показания никак не повлияли бы на мое пожизненное. Наверное.

Да и... в отличие от меня, они никаких обещаний никому не давали.

Оставалось второе заседание, и вот его-то я помню хуже всего. Кажется, к тому моменту мои нервы окончательно отказались как-то это все амортизировать, и я "выключился".

Помню, Кей уложила волосы в такой аккуратный узел... и надела деловой костюм — серая юбка, серый пиджак, туфли-лодочки. Я не мог понять — то ли в ее взгляде сталь, то ли растерянность? Может, и то и другое?

Бла-бла-бла, обвиняемый Рейнхард Майерс Даблкнот...

Работница тюрьмы отказалась меня стричь даже под угрозой увольнения. Я долго смеялся. Надеюсь, ее все же не уволили, и дело обошлось выговором или штрафом — не хотелось бы быть причиной дополнительных неприятностей...

Я уже думал, самому, что ли, стричься? — но тут оказалось, что начальник тюрьмы внезапно вызывает меня к себе. Я ничему уже не удивлялся.

Выяснилось, что под стенами тюрьмы бурлит пикет девочек-элементалисток. Мне

примерешилось, или Никс тоже там была? Они требовали пересмотра моего дела и угрожали кострами. Да, это были еще не прошедшие ритуал молодые маги. И они могли. Потом к девочкам подтянулись мальчики, а потом и ледяные элементалисты обоих полов, а потом внезапно набежала толпа еще гуще с плакатами и прочей атрибутикой "Негорюй".

В общем, в тот же день меня перевели под домашний арест. Он длился неделю-полторы, а затем мне вдруг сообщили, что я оправдан. Я до сих пор не знаю, как так и что это было.

Мне это кажется несправедливым.

Кто-то кого-то подкупил? Мартин решил, что маловато вмешался? Снова происки Сесиль? Фанаты и элементалистки такого точно бы не смогли.

Наверное, истины мне не узнать никогда.

И вот, все еще не веря в то, что все закончилось, я иду по старому городу, более не чувствуя с ним родства.

Я попытался было влиться в прошлую свою жизнь. Но, обзрев ее, будто бы со стороны, понял, что очень многое нужно менять.

Так, если я хочу, чтобы "Негорюй" продолжила существование, чтобы мы стали знамениты и успешны, даже пускай божественная искра покинула меня — я должен работать, работать и работать. И чтобы моя жизнь не скатилась на самое дно, я должен делать то же самое. Да, заработать и разбогатеть — разные вещи, но с чего-то мне непременно нужно начать. И да, я помню, кем я был когда-то — кажется, с тех времен целая вечность прошла. Меня называли... Королем севера, что ли? Этот титул так же смешон мне теперь, как и тогда, когда я услышал его впервые. Потом я принял этот титул и принял себя, и все еще принимая себя таким как есть, здесь и сейчас, я иду своим собственным путем.

Собственно, конкретно сейчас я иду с собеседования. Это — всего лишь третья, подумаешь.

Я взглянул на город с высоты холма, на котором расположен мой дом.

Небо заполонили облака, безуспешно пытающиеся сложиться обратно в тучу. Скоро их унесет ветром. Листва зелена, мокрые от недавнего дождя парки темны...

Я повернул ключ в замке, открыл калитку, вошел, закрыл ее за собой, поднялся по лесенке к дверям, по пути стряхивая капли с ореховых листьев.

Хозяева дома чаевничали на кухне.

— К тебе подруга пришла, — сказала Светлана Юрьевна. — Наверху сидит.

"Ладно", — подумал я и кивнул домовладелице, ставя зонт в положенное место. Разулся, стянул с шеи шарф и пошел по коридору, непроизвольно ускоряя шаг.

Я не мог надеяться... нет, не мог.

Она не придет. Она не знает, где я живу. Конечно, она может узнать. Она наверняка узнала, все эти дела, заседания, все это... Но, зная, она бы все равно не пришла. Не стоит себя накручивать. Это невозможно.

Я взбежал по винтовой лестнице, топая, как слон. Распахнул дверь в свою комнату...

Среди разбросанного тут и там хлама, прямо на моем кожаном кресле победно восседала Ирвис.

— Приветтики, — мягко улыбнулась она. — Давно не виделись.

И правда.

Я успокоил дыхание, прикрыл дверь, расчистил себе место на еще одном стуле и, тяжело на него опустившись, сказал:

— Ну здравствуй, здравствуй.

— Что, не меня ожидал увидеть?

В ее глазах сияло лукавство, доброе, озорное. Я совершенно искренне улыбнулся ей:

— Я весьма тебе рад. Я бы даже сказал — очень.

— Славно, — произнесла Ирвис, поднимаясь. — Я пришла за своими вещами, к слову сказать.

— Какими вещами? — не понял я.

— Во время нашего путешествия я делала кое-какие покупки и отсылала их по почте на твой адрес, — Ирвис пригладила платье. — И вот пришла забрать их.

— Покупки? — переспросил я.

— Покупки, — ответила Ирвис.

— И как же ты отсылала их по почте?

— Через друзей, — улыбка.

Нет, ее было не подловить.

Насколько я знаю, тогда, на озере Явер, ничего особо страшного не случилось. Ну подумаешь, полезли из озера мертвяки... Ари рассказывал, что Ян Фредек долго и бессмысленно ругался с подошедшим к стенам лагеря Камориль, который требовал немедленной выдачи оставшейся в лагере части компании. Мертвяки никого не трогали — просто стояли и мозолили глаза поглощающим. При этом Камориль особо сильной магии не использовал — само место помогало ему, и с некроманта были взятки гладки. В итоге ему выдали Аристарха, а девушек Ян оставил при себе. Потом, впрочем, к суду же и привез.

Собственно, я не видел Ирвис именно с тех пор.

— Так, ну, собственно, я все собрала вот в рюкзак, — Ирвис похлопала черную холщовую сумку с лямками по боку, — и готова отчаливать.

— Куда пойдешь? — не слишком задумываясь над тем, что говорю, спросил я. — Домой?

— М-м, нет, — она покачала головой. В такую влажность ее волосы вились особенно заметно, и теперь прядки смешно подскакивали. — Во-первых, мы пойдем вместе. Во-вторых, мы пойдем в "Чашку Тлена".

Я поскреб подбородок:

— Что-то не хочется мне пироженок...

— Пойдем на нижний уровень, в "Блюдце Тоски".

— А-а... — я опомнился. — То есть как это? Что мы там забыли?..

— Действительно, зачем собираться с друзьями накануне их отъезда, — Ирвис приподняла брови. — Ну же, давай. Все лучшее сразу надел, шапку снял, пошли-пошли.

— Кто?.. Что?.. Куда?..

— Вот эту кофту надевай, — Ирвис швырнула в меня синевато-серым свертком.

Впрочем, она была права — не в рубашке с пиджаком же в "Блюдце Тоски" идти.

Наскоро переодевшись, я обреченно поплелся за Ирвис. В голове метались мысли — зачем я это делаю? Сегодня вечером еще столько работы...

— Стой, а кто уезжает-то? — спросил я, уже обуваясь.

— Я, — просто сказала Ирвис. — Перебираюсь в Чаячий Ильмен.

— Вот как. Тебе там настолько понравилось?

— Я в последнее время мониторил вакансии, и вот повезло — предложили хорошую работу. Предлагают помочь с переездом, выглядит все заманчиво. Не то чтоб мне тут было как-то плохо — но надо же двигаться дальше, правда?

— Наверное, — ответил я.

Мы вышли на улицу и поспешили вниз по стеклянной мозаичной мостовой. Я взялся помогать Ирвис нести на самом-то деле внушительного веса рюкзак.

— Чего там тебе понаслали? — спросил удивленно.

— Всякого, — кокетливо ответила Ирвис.

— Так ты, получается, протавляешься?

— Ну, хоть я, раз ты решил такой возможностью пренебречь.

Я смутился.

— Знаешь, я как-то не воспринял свое освобождение как праздник. Странно все это как-то.

— И не говори, — Ир вздохнула. — Но, хорошо то, что хорошо кончается, верно? Теперь-то все от тебя отстали.

— Да уж.

Мне хотелось спросить ее, знает ли она что-нибудь о том, где сейчас Кей, но я сдержался.

Вместо этого я расспросил ее подробнее про работу. Оказалось, что ее позвали быть художником по костюмам и вроде бы совмещать это с работой костюмера. Ирвис знала, что ей предстоит работать в поте лица, но это ее, похоже, не смущало. Или помощником художника ее позвали? Я так до конца и не понял.

Мы сравнительно быстро добрались до "Чашки" — у заведений был общий вход, но располагались они на разных уровнях.

Если в "Чашке", несмотря на название, всегда было светло и уютно, то в "Блюдце" обычно царил полумрак. Дубовые столы и массивные медные люстры добавляли в интерьер основательности и безысходности, как и унылые странные чучела, развешанные по стенам. Сами стены в "Блюдце" были выкрашены в черный цвет, официантам запрещалось улыбаться, а в меню присутствовали вещи вроде "плачущего кровью" стейка или коктейля "апатия патологоанатома".

А я уже и забыл, как любил это место когда-то!

Когда мы прошли общий холл и стали спускаться в "Блюдце", за окошком под самым потолком гроыхнуло — начался дождь. Выходит, мы вовремя. Спускаясь вниз по вытертым деревянным ступеням, я ожидал увидеть в "Блюдце" как минимум Ари, как максимум — нашего барабанщика и басиста. Но я никак не думал, что увижу...

Оно было таким тоненьким и миловидным, что легко бы сошло за девочку. Но размер рук и выступающий кадык выдавали в нем представителя мужского пола, ну и, кроме прочего, я знал его. Конечно, я его знал. Ничто не может изменить это существо достаточно.

Ари взвился из-за стола, приглашая Ирвис сесть и одновременно приветствуя меня рукопожатием. Ир затолкала сумку подальше в угол и протиснулась к стенке. Я сел рядом с Ари, шлепнул ладонью по щеке, поставил локоть на стол и так и замер, разглядывая, во что превратился наш Кровавый Рассвет.

— Приветствую, — пролопотал Керри. — Я вот... дошел.

— До жизни такой? — спросил я. — И... как?

Керри был одет в черную футболку, что там снизу — я не разглядел. Красные волосы его были как-то странно обкромсаны, словно парикмахер взбесился или, наоборот, решил отхватить приз на очередном креативном конкурсе. Кроме прочего, под глазом Кровавого Рассвета виднелся побледневший уже след от хорошего такого фингала, несколько царапин

на морде лица были заклеены лейкопластырем, в то время как другие, помельче, явственно атели, ничем не сокрытые.

— Его выкинуло в Змеиной Косе, — сказала Ирвис, — он пешком сюда пришел и нас нашел. За это время кое-что особенное обнаружил, собственно, это и помогло.

— Рассказывайте, — попросил я. — Нет, сначала дайте-ка выпить что-нибудь для разгону, а потом — рассказывайте!

К нам как раз подошла официантка, и я решил начать с глинтвейна.

В общем, как я понял из того, что мне наперебой рассказали Ирвис с Керри (причем Ирвис говорила больше), Керри успел познакомиться с "крашеными". Вот уж не повезло бедняге... Нарваться на "крашенных" в Змеиной Косе! Отдыхали они там, что ли? Керри приняли за впечатляющий внешний вид и странную одежду, ну и... "повоспитывали", как они это умеют. Прическа и фингал — дело рук борцов с магами. Эх, почему ж они встретились бедняге Керри, только выбравшемуся из морока и, судя по всему, все еще лишенному сил? Осмелели, сволочи. Наверняка прознали о беде элементалистов...

Подумали, что он — огненный? Вполне могли. Но Керри, даже не будучи лишенным магии огненным элементом, все равно ничего не смог противопоставить хулиганам. Наверное, это его и спасло. Субтильный, тощий, длинноволосый, он был слишком легкой добычей, и его скорее не били — так, потешались. Терпеть боль он не привык, потому прилежно ныл и вскрикивал, чем веселил своих истязателей, а в некоторых даже вызывал что-то вроде жалости. К тому же, его зубы уже не были черными, как и язык, с тела ушли рисунки... даже глаза перестали быть ярко-красными, потемнев до цвета переспелой вишни. В общем, на ночь его оставили в покое, успев слегка подравнять прическу.

Ночью же Керри обнаружил, что понимает, о чем — примерно! — перелаиваются собаки в близлежащих дворах. Каким-то чудом ему удалось склонить на свою сторону пробежавшего по своим делам котика, и тот помог Керри выбраться из сарая, в котором "крашенные" его заперли. Может, это был и ащ, но Керри утверждает, что именно котик. А может, совпало.

Словом, той же ночью, под растущей луной перемахнув через деревянный забор, Керри сбежал из сарая, босой и голышом.

История становилась все занимательней, и я даже позабыл о своих невзгодах. В конце концов, они ни в какое сравнение не идут с приключениями Керри!

— А одежду-то где добыл? — уточнил я.

Керри опустил глаза долу, прямо на бокал с каким-то лонгом.

— Ясно все, своровал, — понял я.

— Есть такое дело, — кивнула Ирвис. — До города его все-таки подвезли, хоть он и пугался людей порядком. На улице его заметили поглощающие, туда-сюда, нашли меня, мне позвонил сам Ян Фредек, говорит, не знаем, куда девать, ваш? Я ему: а на опыты оставить не хотите ли? А он мне: вас оставишь на опыты — потом снова экскаваторами последствия разгребать... ну, так вот мы и нашлись. Проверили способности на лошадках. И правда! Оказалось, что он в самом деле их понимает.

— И говорит по-лошадиному? — удивился я, по-новому глядя на Керри.

— Нет, я прикосновением, — объяснил он.

— А-а, понятно, — кивнул я слегка разочарованно.

— Ирвис рассказала об этом мне, — вмешался в повествование Ари, — и я вспомнил, что у некроманта там были какие-то проблемы с его домашним питомцем, ну, той огромной

человекоподобной разумной молью... страдает она у него.

— Точно, — я тоже вспомнил. — Никс что-то такое рассказывала.

— Мы и пошли с Керри к некроманту, глянуть, что и как, — продолжила Ир.

— И как? — спросил я.

— Оказалось, что ей не хватало шуб, — сказал Керри спокойно. Я тоже попробовал не рассмеяться. Героически. — Конечно, догадаться об этом было непросто, если не знать. Лунь страдала оттого, что не знает, где добыть нужное количество шуб, чтобы, когда она приведет в гнездо самца, тот не решил, что она — моль из бедной семьи.

Я взялся руками за голову, чуть не плача:

— Правда что ли?

— Ну вот так она мне сказала, — Керри развел руками. — Она — приличная моль, и не приучена убивать животных, чтобы как следует запастись их шкурами. К тому же, она боялась отлетать далеко от дома, пока хозяина нет. Оттого и страдала.

— И как, они как-то решили это вопрос? — спросил я, вытирая слезящийся глаз.

— Да, некромант обеспечил животное шубами, и оно улетело искать самца самостоятельно, — ответила Ирвис. — На животное прилепили маячок, так что не потеряется. Все, затаив дыхание, ждем.

— Надеюсь, она его найдет, — сказал Ари. — Все же, я так понял, эти Луни — штука редкая.

— И как тебе в землях исхода? — посерьезнев, спросил я у Керри.

Он сдержанно улыбнулся:

— Я еще не решил.

— Назад не тянет?

Его взгляд ожесточился:

— Нет.

— Кстати, — Ирвис порылась в рюкзаке, — Рейни. Тут тебе письмо.

Я был, мягко сказать, удивлен:

— Письмо?

— Вот, держи, — она протянула мне запечатанный коричневатый конверт.

Я прочел надпись на титульной стороне: "Рейнхарду от друзей".

— Эм, а как оно по такому интересному адресу дошло?

— Оно было вложено в письмо для меня, — сказал Ари. — Пришедшее, правильно, на мой адрес.

— А-а, — протянул я, все еще ничего не понимая.

— Разворачивай, — поторопила Ир.

Я, отхлебнув еще глнтвейна для храбрости, послушно распечатал конверт и извлек из него сложенную вчетверо бумажку. Развернул.

Вот уж чей-чей, а почерк Никс я узнал тут же. Ничего более корявого я в жизни своей не видел. Если так подумать, это ее второе письмо мне. Хотя нет. Это, кажется, коллективное...

Прикрыв рот ладонью, я вчитывался в скачущие строчки. Никс писала о том, что они с Найком поехали южнее, что до отъезда она постаралась сделать все, что смогла для того, чтобы меня не сгноили в тюрьме. Мол, не для того спасали.

Сказать как я ей благодарен, я бы не смог. Мне бы не хватило слов.

Она писала о том, как сложно ей найти сейчас наставника, но кандидатуру отца она не рассматривает по понятным причинам. Поэтому, мол, она решила учиться сама или, по

возможности, попасть к некоему кочевому народу, издревле славящемуся искусством обращения с огнем и работой со стеклом. Правда, пока что сам народ у них с Найком не очень получается найти. Зато они сумели разыскать Оливера Вайса и славно посидели с ним и его синеволосой барышней в любимом кафе Никс в Тасарос-Фессе, том, что недалеко от порта. Оливера выписали, но сноходцем быть он не перестал, тем более что теперь такой досуг не представляет былой опасности для психики и здоровья.

Никс интересовалась, как у меня дела, как там Ирвис, Ари, Кей и остальные.

Я читал и не знал, зачем в моей голове крутятся мысли вроде "Неужели было так сложно позвонить, балда?". Но я понимал, что письмо — это правильно. Мы бы смущались, шутили глупые шутки. Вряд ли бы мы смогли с ней вот так поговорить голосом. Письма для того и нужны — чтобы тебя не перебивали, чтобы ты сам себя не останавливал на полуслове, чтобы можно было сказать все.

Часть письма Никс заканчивалась предположением о том, что мы встретимся скорее, чем можно подумать.

Пусть будет так.

Почерк Найка тоже был не слишком ровным, но скорее тяготел к печатным формам. От него было всего несколько строк. Найк писал, что какой-то его эксперимент завершился удачно, и рабочий итог оного он прилагает к письму. Что я, верно, дурак, и это понятно любому, кто меня знает, и что дураком можно быть, даже выглядя интеллигентно и высокопарно изъясняясь. Ничего нового, словом. Конечно, я не особо понял, к чему бы он снова решил обзывать, но вот никакого приложения к письму я не обнаружил. Проверил конверт изнутри — ничего. Рассмотрел исписанный листок с обеих сторон и даже на свет глянул — ничего.

— Ари, а там, в твоём письме, ничего лишнего не лежало? — спросил я.

— Да нет, вроде, — тот пожал плечами. — А что ищем?

— Найк пишет, что прислал мне какой-то итог эксперимента. Что бы это могло быть?

— Хм, — глубокомысленно ответил Ари, явно удерживаясь от каких-то более скабрёзных предположений ради приличия.

Я еще раз заглянул в конверт. Пусто.

И вдруг прямо у меня перед глазами оказалось что-то похожее на кулон на тонкой серебряной цепочке и закачалось маятником.

— Держи, — Найк отпустил цепочку, и кулон упал мне в подставленную ладонь. — Ну-ка подвинься, — он уселся рядом с Керри, слегка прижимая того к стенке, и, пока я смотрел на это все, решая, мог ли я успеть так напиться с одного бокала глинтвейна или нет, рядом с Найком образовалась Никс.

— Я забыла вложить амулет, — сказала она, корча смущенное личико. — Прости.

— Ребята, хрен с ним, с амулетом, — я недоверчиво всех осмотрел, даже не стараясь скрыть своего изумления, — как так получилось, что вы все здесь? Откуда? К... как?

— Совершенно случайно, ага, — хохотнула Никс. — На самом деле, мы стоворились.

— Осталось, чтобы оказалось внезапно, что у меня сегодня день рождения, но он зимой, — я, кажется, улыбался от уха до уха.

— Да уж, это было бы чересчур, — кивнула Ирвис.

— Так как вы тут очутились? — снова спросил я у Никс и Найка.

— Я действительно забыла вложить в письмо амулет, — серьезно сказала Никс. — Мы бы послали еще одно, и Ари отдал бы его тебе, но зачем, если мы тут как раз проездом?

— Кстати, вы так и не рассказали, по какому поводу, — заметил Ари. — Или секрет?

— Уже не секрет, — сказала Никс. — Мы разыскали и выкопали из довоенного бункера последнее тело Абеляра Никитовича. Найк нашел его благодаря умению, открывающемуся у него при зажатой струне. Тело, конечно, в не очень хорошем состоянии, но он жив. Абеляра ждет долгое восстановление. Я не знаю, почему он говорил, что он последний. Может, он имел в виду, что он последний на поверхности, последний из тех, кто не запасной? Или хотел сохранить это запасное тело в тайне? Я не знаю. Но мы надеемся, что он полностью восстановится.

— Это хорошие новости, — сказал я. — Сплошные хорошие новости. Прямо даже как-то дышать легче стало.

— Ага, ты там у себя в камерке совсем страх потерял, — протянула Ирвис. — То есть наоборот. От рук отбился.

Похоже, третий шот начал мешать ей составлять фразы правильно.

— И вы надолго сюда? — я продолжил допрос.

— Точно не знаю, — сказала Никс. — Но мы точно еще вернемся, если Лунь решит принести приплод. Я хочу себе маленькую большую моль — однозначно.

— И я! — ахнула Ирвис.

— Вы делите приплод еще не нагулявшейся человекоподобной моли, — заметил Найк. — Да и где ее держать?..

Никс повернулась к Керри:

— А правда, что ты умеешь теперь разговаривать с животными? Как ты вообще? Как ты сумел найтись?

Тот начал что-то отвечать, рассказывая свою историю по второму кругу, но я его уже не слушал. Я наслаждался вечером, вторым стаканом глинтвейна и живой, текучей беседой. Я понимал, что кое-кого в компании не хватает. Но старался не думать об этом.

Только несколько минут спустя я обнаружил, что все еще сжимаю в руке амулет, так и не рассмотрев его. Я медленно раскрыл ладонь.

Стеклянные бабочка и стрекоза сплелись в танце вокруг белого цветка. Поразительно тонкая работа, легкие линии, чистое стекло... Неужели Никс сделала это? Я бы, конечно, не стал такое носить — амулет слишком массивный и причудливый, но сам по себе... И еще в нем чувствовалась золатунь. Присмотревшись, я обнаружил ее мелкие вкрапления на крыльях стрекозы, в глазах бабочки, на тычинках и лепестках цветка.

Стало быть, волшебный амулет, а?

Я поднял взгляд на Бродяжку.

Конечно, сейчас его с трудом можно так назвать — как-то он откормился за последний месяц, за волосами ухаживать начал, что ли? И давно не красил их, как я погляжу.

— Ты знаешь, что делать, — сказал он, и я услышал его сквозь гомон спорящих о наряде Керри девушек.

— Нет, не знаю, — сказал я.

Найк цыкнул:

— Ну говорю же — дурак.

И он объяснил мне, как пользоваться амулетом. Я и хотел бы, да не мог не верить ему. Найк был совершенно серьезен. Он знал, что амулет сработает.

Мы сидели там до полуночи, пока нас не погнали хозяева заведения, аргументируя тем, что им пора закрываться. Зачем открывать бары, работающие лишь до полуночи? А, точно,

это же "Блюдце Тоски". Концепция обязывает.

Я помню, как что-то пел. О боже, да, пел пьяным. Под каким-то особенно ярким фонарем от нас отделились Ирвис с Керри. Как я понял, Керри временно живет у нее. Куда ж он денется, когда она уедет? Поедет с ней? А что у него с документами? Но этих вопросов я им так и не задал.

На мосту через разлившуюся реку нас покинули Никс с Найком. Найк почему-то отказался обниматься на прощание. Никс не отказалась, но это объятие, как мне запомнилось, было слишком коротким — можно было бы и подольше, тем более что я, пожалуй, по ней скучал. Я наконец поблагодарил ее за все, за то, что не отступилась и прошла со мной до конца. Да, я был пьян, но не потому, что мне было холодно... да и, если честно, не таким уж я был и пьяным. Тот вечер я помню хорошо. Даже нет — особенно хорошо. Особенно четко и выпукло. Влажная, блестящая в свете фонарей мощенка, бурная река, теряющаяся во тьме, последние трамваи с сияющими медовым светом окнами. Окна домов — как прямоугольные звезды, и да, я почему-то вижу сами звезды в ночном небе не размазанными пятнами, а мелкими светящимися точками, как раньше.

А, точно. Мне же теперь не нужны очки. Кажется, благодарить за это надо Вьюгу — уж вылечила, так вылечила, щедро, от всего и сразу.

Ари проводил меня домой. Тоже навеселе, он все же был трезвее. Разве что, он никак не мог определиться, то ли шикать на меня, то ли подпевать, и в итоге делал и то, и другое попеременно.

— Дальше я сам, — сообщил я ему, встряхиваясь и вставляя ключ в замок калитки.

— Ну смотри давай, — сказал Ари.

Он все-таки проследил за тем, как я дохожу до дома, и только когда я помахал ему, открыв дверь, Ари помахал мне в ответ и, сунув руки в карманы, отправился прочь, негромко насвистывая ту же мелодию, что мы пели до этого.

Я добрался до своей комнаты и, упав на нерасстеленную кровать, уснул.

Утром я проснулся с премерзким ощущением. Внезапно накотившая пустота показалась мне особенно невыносимой.

Я снова в той же точке, откуда меня вытянула Ирвис. Я вернулся туда же.

Стоп. Или нет?

Пошарив в кармане, я достал амулет.

Долгие два часа я смотрел на него, думая о многих непростых вещах.

Да.

Я наконец-то смог. Я почувствовал, что имею достаточно силы, чтобы думать об этом. Я готов был провалиться в бездну самоуничтожения, если до этого дойдет. Я позволил себе думать о Кей.

Где она? Куда она делась?

Понятно, что у меня нет никакого права упрекать ее в том, что ее не было на нашей трогательной вечеринке воссоединения. Но если бы могла — пришла бы она?

Мне было очень совестно от того, сколько всего я сделал неправильно. Каким я был... Слов не хватает. Даже увидев наконец ее настоящую красоту, я что-то плел про достоинство и недостоинство. Я пытался быть искренним, но я был жестоким и грубым.

И я не слышал ее, когда она говорила "нет". Я вспоминаю эти моменты и, к стыду своему, не жалею о них.

Бывает ли хороший конец у таких историй? А у других, по-другому начавшихся историй

как? Все ли хорошо у Николы и Найка? И если да — то почему?

Я не знаю.

Но все, что мне дано — пробовать, искать, пытаться.

И я буду.

Единственный вопрос... вопрос времени. Когда? Достоин ли я сделать это сейчас? Или мне подождать, пока я буду представлять из себя что-то?.. Но что, если я не успею? Стоит ли ждать в таком случае?

Никто не сможет ответить на эти вопросы, кроме меня самого.

И самый главный ответ — я должен перестать мерить все вот этим "достоин — не достоин". Любовь нельзя заслужить.

Да, это очень просто — и очень сложно одновременно. Это как выйти за предел доступных тебе измерений. Человечки, нарисованные на листе бумаги, не представляют, что есть что-то помимо листа. Мы, простые люди и простые маги, не мироходцы, не представляем себе, как вырваться за пределы наших трех координат. Четырех, точнее — есть же еще время...

Так и я не понимаю, как так любовь нельзя заслужить, если я должен быть достоин ее любви, а таким, как был раньше — недостоин. Как измерить качественное изменение личности, как определить, когда ты уже перешел на следующий уровень?

Иногда мне кажется, что, если бы я думал поменьше, мне было бы проще жить.

И, не понимая, как все это устроено, я попробую. Может, кого-то этому учат с детства. Я буду набивать шишки сам. Что ж. Я готов.

А что касается времени... Я потрачу его с умом.

Решив твердо, что я намерен делать, я умылся, почистил зубы, расчесал волосы. Взглянул на себя в зеркало: нормально. Да. Я очень близок к понятию нормы. Потому-то я и кажусь красивым. Какая жестокая ирония.

Наскоро собравшись, я вышел на улицу. Начинало темнеть. Добравшись до центра, я свернул с дороги, ведущей к цветочному рынку, и направился к магазинчику, который как-то заприметил. Профессиональный флорист уж точно справится лучше меня, верно?

Я чувствовал себя невероятно глупо, следуя через замедляющийся, зажигающий вечерние фонари город, неся в руках пышный букет цветов. Их название тут же вылетело у меня из головы, но это были не розы. Алые, как закат, они пахли почти что приторно. Флорист сказал, что, судя по моим глазам, они должны быть именно алыми. Надеюсь, не обманул.

В винном магазине я долго колебался между вином и конфетами, а так же между наборами того и этого. Но в итоге решил, что конфеты — это уже чересчур. Все-таки барышня у меня суровая. Конфеты не так поймет. Или поймет, но не так.

Ближе к девяти я хлопнул дверью такси, оказавшись один в чистом поле.

Таксист какое-то время подождал, вдруг сумасшедший клиент передумает и попросит вернуться? Но я не собирался останавливаться.

На мне было пальто, в кармане лежали документы, телефон, деньги, спички и нож. Я оставил плату за этот месяц на тумбочке, с запиской. Я полил цветы. Я разослал извинения фирмам, куда не смогу прийти на собеседования.

Я все подготовил.

Передо мной расстилалось темное море травы.

Сунув букет подмышку, взяв бутылку в ту же руку, свободной рукой я достал из кармана

амулет.

Вот будет смешно, если Найк мне наврал. Конечно, шутка будет не в его стиле. И не смешная. И не догонишь же, чтоб надавать по шапке... кстати о шапках. Я стянул с головы свою "маскировку", и даже волосы распустил. Надо как-то... что ли... повыгоднее предстать. Для эффекта.

И, не убоившись боли, я сжал амулет в руке. Так крепко, что стекло треснуло, вонзилось мне в кожу, пропиталось кровью.

Колдовская золатунь жадно впитала магию, сдерживающую действие заклятия, и я...

Я увидел путь: ясный, четкий.

Я ступил на него, и море травы подалось мне навстречу, сменяясь мгновенно глухим лесом. Еще шаг — я преодолел извилистую реку, еще — оказался на вершине холма, освещенного встающим из-за водной глади солнцем. Путь, сверкая, вел меня через земли и города. Становилось холодней.

Боги... неужели я снова возвращаюсь на Север?

Вот уже вокруг меня стелилась поземка, деревья сбросили листву, небо выцвело в серую мглу. Еще один шаг — и я утонул в снегу по колена.

Путь исчез. Я больше не видел его.

Даже приглядевшись, я не смог разглядеть ничего вообще — такой плотной стеной шел снег.

Белая пустота, холодная тишина. Где я?

Через пару мгновений я осознал, как неумолимо ко мне подкрадывается холод.

Цветы тут же покрылись инеем.

Но Бродяжка не мог привести меня к смерти. Нет. Не так. Не мог.

Я пошел вперед, переступая через сугробы, радуясь тому, что вообще надел пальто, и думая, что в крайнем случае, замерзая насмерть, отведаю дорогого сладкого вина и, может, пойму наконец, чем оно лучше портвейна, кроме бутылки.

Вокруг бушевала зима.

Ботинки промокли вмиг.

Стуча зубами, я шел через снег, беспомощно утопая в нем, но упорно пытаюсь никуда не сворачивать с того пути, которого больше не видел.

Вскоре я различил вдали какие-то силуэты. Что-то вроде приземистых темных зданий... Они выглядели заброшенными, вокруг не было ничего — сплошной белый снег. И все равно вид этих строений вселил надежду.

Я поспешил вперед.

Из пурги внезапно вынырнул еще один силуэт. Кто-то, закутанный в меха с ног до головы, преградил мне путь.

Я понял, что я на прицеле — левой задубевшей пяткой почувствовал.

— Стой, кто идет! — донесся сбитый ветром голос.

Я поднял руки вверх, прямо с цветами и бутылкой.

Оружие медленно опускалось.

Я стоял на месте.

Человек двинулся сквозь пургу ко мне, и в том, какими яростными были движения, я увидел все, что мне нужно было увидеть.

— Ты какого хрена здесь делаешь? — выпучив глаза, закричала на меня Кей, румяная от мороза и очень смешная в этой своей пушистой шапке с ушами. Впрочем, из-за висящего на

плече оружия Кей выглядела еще и крайне внушительно. — Ты что, совсем спятил? Как ты сюда попал? Рин! Ты с ума сошел?

Мне хотелось смеяться. А еще — обнять ее, что я и сделал.

Кей отбивалась невнятно, будто бы для проформы, и потом, когда закончился первый поцелуй, порывисто обняла меня в ответ, заехав по носу прикладом, но это ничего. Я гладил ее по волосам, дрожа от холода, слушал сдавленные ругательства и что-то там такое понимал обо всем этом, вроде того, о чем все те песни, которые я раньше пел, на самом деле, и зачем люди друг другу вообще.

Осколок льда в моей груди окончательно обратился в воду из глаз, благо, было ее немного и Кей, наверное, не заметила.

Я знаю, что нас ждет впереди многое. Будут печали и горести, будет сложно, почти невозможно. Многое предстоит сказать и сделать.

И на этом пути я буду беречь ее.

Цветы упали на снег, и вьюга замела их, присвоив.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net